Роджер ЗИЛАЗНИ

ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

Роджер ЗИЛАЗНИ

Роджер ЗИЛАЗНИ

РОЖДЕР ЗИЛАЗНИ

ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

САНКТ-ПЕТЕБРУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.7 США
З 61

Зилазни Р.

З61 Порождения света и тьмы: Романы / Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1992 — 639 с.
ISBN 5—8352—0066—8

Диковинный мир, где рядом с величайшими достижениями технократической цивилизации соседствует волшебство, где оживают боги Древнего Египта — Анубис, Гор, Тифон, Сет — создает Рождер Зилазни. Удивительный мир переплетающихся реальностей, мир грез, заставляет читателя не только следить за динамикой сюжета и приключениями главных героев, но и задумываться над вечными вопросами Смерти и Бессмертия, смысла существования Вселенной, над вопросами сущности Добра и Зла.

© В. Лапицкий, Е. Александрова, перевод, 1992
© «Северо-Запад», подготовка текста и оформление, 1992

ISBN 5—8352—0066—8

ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

ЧИПУ ДИЛЕНИ, ПРОСТО ТАК

Одни поколенья уходят, другие длятся
со времен своих предков.
И вот, они строили обиталища,
и даже места того больше нет.
Что же сделалось с ними?

Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
реченья которых повторяют так часто люди.
Где же теперь они?

Разрушились стены,
даже места им нет,
словно не было никогда.

Никто не приходит оттуда,
чтобы рассказать, что там,
чтобы поведать, как там,
чтобы упокоить наши сердца,
покуда и сами не пойдем мы за ними следом.

Так празднуй и не томись!
Смотри, не дано человеку
забрать с собой достоянье,
смотри, никто из умерших назад не может вернуться.

Харрис 500, 6:2-9

Входит *Комус* с Волшебной Палочкой в одной руке, Бокалом в другой; вместе с ним орава Монстров с головами многовидных диких Зверей. С буйным, разгульным шумом входят они; в руках у них Факелы.

Мильтон

Платье людское подобно железу,
Стать человечья — пламени горна,
Лик человечий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

Блейк

ПРЕЛЮДИЯ В ДОМЕ МЕРТВЫХ

В Канун своего Тысячелетия в Доме Мертвых проходит по нему человек. Ежели удалось бы тебе взглянуть на огромную ту залу, по которой проходит он, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы.

В темную эту пору звать мы его будем просто: человек.

На то есть две причины.

Во-первых, он вполне подпадает под общепринятое, устоявшееся описание человекоподобного существа (мужского пола, без модификаций) — прямоходящий, с противостоящим большим пальцем и прочими типовыми характеристиками этой профессии; во-вторых, *имя его от него отнято.*

И нет сейчас причин распространяться об этом далее.

В правой руке несет человек жезл своего Хозяина, и ведет его жезл этот сквозь тьму. Тянет то туда, то сюда. Обжигает руку, пальцы, противостоящий большой — в первую очередь, стоит хоть на шаг отступить ему от предначертанного пути.

Добравшись до некого места посреди темноты, начинает человек подниматься по ступеням и через семь шагов оказывается на каменном возвышении. Трижды ударяет он по нему жезлом.

Вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам. Из конца в конец видны теперь стены огромной, пустой залы.

Он переворачивает жезл и ввинчивает его в гнездо в поверхности камня.

Будь у тебя в зале той уши, услышали бы они некий звук, словно гудит летучая мелюзга, кружится-вертится над головой мошкара.

Но слышен звук этот лишь нашему человеку. Ос-

тальные — а числом их там поболее двух тысяч — мертвы.

Они поднимаются теперь из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими очами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длинноющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет. Многие же выглядят как наш человек — без модификаций.

Он же облачен в желтые брюки и того же цвета рубашку без рукавов. Черны его ремень и плащ. Он стоит рядом со светящимся жезлом своего Хозяина и разглядывает мертвецов перед собою.

— Встать! — восклицает он. — Всем встать!

И смешиваются слова его с разлитым в воздухе гудением, и повторяются снова и снова, не как эхо, угасая, но настойчиво возвращаясь, с навязчивостью электрического зуммера.

Воздух наполняется движением. Разносятся стоны, раздается похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, покряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают.

И вот, затихают звуки и движения, и, словно незажженные свечи, застывают мертвецы у своих отверстых могил.

Человек спускается с возвышения, на секунду замирает перед ними, затем говорит: «За мной» — и идет назад тем же путем, что и пришел, оставив жезл своего Хозяина вибрировать в мутном воздухе.

По пути подходит он к женщине — высокой, златокожей самоубийце. Он заглядывает в ее невидящие глаза и говорит: «Ты знаешь меня?», — и оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы движутся, шепчут: «Нет», но он вглядывается еще пристальнее и говорит: «Ты знала меня?», и воздух гудит от его слов — пока она не произносит «Нет» еще раз, и он проходит мимо.

Он спрашивает еще двоих: мужчину, который был

в свое время старцем, в его левое запястье встроены часы, и черного карлика с рогами, копытами и хвостом козла. Но оба говорят «Нет», и он проходит мимо них, и они следуют за ним из огромной этой залы в другую, где лежит много других, в общем-то не ожидая, что их призовут на его Тысячелетний Канун в Доме Мертвых.

* * *

Человек ведет их. Он ведет вызванных им обратно если не к жизни, то к движению мертвецов, и они идут следом за ним. Они следуют за ним по коридорам и галереям, по залам, поднимаются по широким, прямым лестницам и по лестницам узким, кривым спускаются, и приходят они наконец в Тронный Зал Дома Мертвых, где устраивает приемы его Хозяин.

Сидит Хозяин на черном троне из полированного камня, и металлические чаши с огнем стоят слева и справа от него. На каждой из двух сотен колонн, что выстроились в ряд в высоком его Зале, сверкает, мерцает факел, искрясь и постреливая кольцами дыма, который клубами поднимается кверху, сливаясь там в серое, беспокойное облако, полностью закрывающее весь потолок.

Неподвижен Хозяин, но пристально смотрит он, как проходит по залу человек, а за спиной у него — пять тысяч мертвецов; красные глаза не отрываясь следят за его приближением.

Человек простирается у его ног и не движется, пока Хозяин не обращается к нему:

— Ты можешь приветствовать меня и встать, — раздаются слова, каждое из них — резкий всплеск среди шумного придыхания.

— Славься, Анубис, Хозяин Дома Мертвых, — говорит человек и встает.

Анубис едва заметно кивает своей черной мордой, внутри нее сверкают белоснежные клыки. Алая молния, язык, выстреливает вперед, возвращается в пасть. Тогда встает псоглавец, и соскальзывают тени с его обнаженного мужского тела.

Он поднимает левую руку, и в Зал проникает

гудящий звук и разносит его слова сквозь мерцающий свет и дым.

— Вы, мертвые, — говорит он, — будете сегодня развлекаться, дабы доставить мне удовольствие. Пища и вино проникнут сквозь ваши мертвые губы, хотя вы и не почувствуете их вкус. Ими наполнятся ваши мертвые желудки, ваши мертвые ноги пустятся в пляс. Ваши мертвые уста будут произносить слова, в которых для вас не будет никакого смысла, и вы будете сжимать друг друга в объятиях безо всякого удовольствия. Вы споете для меня, если я захочу. И вы уляжетесь обратно в могилы, когда я того пожелаю.

Он поднимает правую руку.

— Пусть же празднество начнется, — говорит он и хлопает в ладоши.

И тут же между колонн проскальзывают столы, уставленные яствами и напитками, а в воздухе разливается музыка.

И, подчиняясь его приказу, шевелятся мертвые.

— Ты можешь присоединиться к ним, — говорит Анубис человеку и садится обратно на трон.

Человек подходит к ближайшему столу, что-то съедает и выпивает бокал вина. Мертвецы танцуют вокруг него, но он с ними не танцует. Они шумят, но лишены слова их всякого смысла, и он в них не вслушивается. Он наливает себе еще один бокал вина, и Анубис не отрываясь следит, как он его выпивает. Он наливает себе и в третий раз; он медленно тянет вино, уставившись внутрь бокала.

Он не знает, сколько прошло времени, когда Анубис говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Подойди! — говорит Анубис, и он послушно подходит.

— Можешь стоять. Ты знаешь, что сегодня за ночь?

— Да, Хозяин. Канун Тысячелетия.

— *Твоего* Тысячелетия. Сегодня мы празднуем годовщину. Ты отслужил мне полновесную тысячу лет здесь, в Доме Мертвых. Ты доволен?

— Да, Хозяин...

— Помнишь ли ты мое обещание?

— Да. Ты сказал, что если я верой и правдой отслужу тебе тысячу лет, ты вернешь мне мое имя. Скажешь мне, кем был я в Срединных Мирах Жизни.

— Извини, но я этого не говорил.

— Ты...?

— Я сказал, что дам тебе имя — какое-то имя; это же совсем не то.

— Но я думал...

— Какое мне дело, что ты думал. Ты хочешь имя?

— Да, Хозяин...

— ...Но ты бы предпочел прежнее? К этому ты клонишь?

— Да.

— Неужто ты в самом деле думаешь, что кто-то, быть может, помнит твое имя спустя десять столетий? Полагаешь, что был достаточно важной фигурой в Срединных Мирах, чтобы кто-то записал твое имя; что оно для кого-то что-то значит?

— Не знаю.

— И все же ты хочешь его назад?

— Если дозволено будет мне получить его, Хозяин.

— Почему же? Почему ты его хочешь?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Мне хотелось бы узнать, кем я был, когда обитал там.

— Зачем? С какой целью?

— Мне нечего ответить, ибо я не знаю.

— Ты же знаешь, — говорит Анубис, — что из всех мертвых я полностью вернул сознание, чтобы взять на службу, только тебе. Ты, наверно, думаешь, что за этим что-то кроется?

— Я часто спрашивал себя, почему ты так поступил.

— Ну так позволь, я тебя успокою: ты — ничто. Ты был ничем. Тебя никто не помнит. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает глаза.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, Хозяин...

— А почему?

— Потому что ты не лжешь.

— Ну так я покажу тебе это. Я стер твои воспоминания о жизни только потому, что среди мертвых они причиняли бы тебе боль. А теперь я покажу тебе, насколько ты безвестен. Здесь, в этом зале, больше пяти тысяч мертвецов — из всевозможных эпох и мест.

Анубис встает, и его голос доносится до всех присутствующих в Зале.

— Слушайте меня, слизни. Поглядите на этого человека, что стоит пред моим троном. — А ты обернись-ка к ним лицом.

Человек оборачивается.

— Знай, человек, что сегодня на тебе не то тело, в котором спал ты прошлую ночь. Сейчас ты выглядишь точно так же, как и тысячу лет назад, когда вступил в Дом Мертвых.

— Мои верные мертвые, найдется ли здесь среди вас кто-нибудь, кто, глядя на этого человека, узнает его?

Золотая девушка делает шаг вперед.

— Я знаю этого человека, — говорит она, едва шевеля оранжевыми губами, — ведь это он говорил со мной в другом зале.

— Об этом мне известно, — говорит Анубис, — но кто он?

— Он тот, кто заговорил со мной.

— Это не ответ. Ступай трахаться вон с той фиолетовой ящерицей. — Ну а ты, старик?

— Он говорил и со мной.

— Знаю. Можешь ли ты назвать его?

— Не могу.

— Тогда ступай плясать на том столе и не забудь полить вином себе голову. — Ну а ты, черныш?

— Этот человек говорил и со мной тоже.

— Ты знаешь его имя?

— Не знал, когда он спросил меня...

— Так сгори! — кричит Анубис, и пламя падает с потолка, плещет из стен, и от черного карлика остается лишь горсточка пепла, которая легким облачком рассеивается над полом, лаская щиколотки замерших танцоров, перед тем как пасть прахом.

— Видишь? — говорит Анубис. — Некому назвать тебя твоим прежним именем.

— Вижу, — говорит человек. — Но последний вроде бы собирался сказать еще что-то...

— Вздор! Тебя никто не знает и знать не желает. Кроме меня — поскольку сведущ ты в многообразном искусстве бальзамирования и слагаешь подчас недурные эпитафии.

— Спасибо, Хозяин.

— Какой тебе здесь прок от имени и воспоминаний?

— Никакого, наверное.

— И все же ты желаешь имя — ну так я его тебе дам. Вынь свой кинжал.

Человек обнажает лезвие висящего у него на левом боку кинжала.

— Отрежь теперь себе большой палец.

— Который, Хозяин?

— Левый вполне сгодится.

Человек закусывает нижнюю губу и чуть жмурится, с усилием прижимая острие к суставу своего большого пальца. Кровь течет на пол. Она стекает по лезвию кинжала и тонюсенькой струйкой льется с его острия. Человек падает на колени и продолжает резать, слезы катятся у него по щекам и, падая вниз, смешиваются с кровью. Он судорожно глотает воздух широко открытым ртом, а один раз у него вырывается всхлипывание.

Но вот,

— Готово, — говорит он. — Вот!

Он бросает кинжал и протягивает Анубису свой палец.

— Мне он ни к чему! Брось его в огонь!

Правой рукой бросает человек свой палец в жаровню. Пламя трещит, шипит, ярко вспыхивает.

— Теперь собери в левую пригоршню свою кровь.

Человек так и поступает.

— Теперь подними руку над головой и окропи себя.

Он поднимает руку, и кровь стекает ему на лоб.

— Теперь повторяй за мной: «Я нарекаю себя...»

— «Я нарекаю себя...»

— «Вэйкимом из Дома Мертвых...»

— «Вэйкимом из Дома Мертвых...»

— «Во имя Анубиса...»

— «Во имя Анубиса...»
— «Вэйкимом...»
— «Вэйкимом...»
— «Посланником Анубиса в Срединные Миры...»
— «Посланником Анубиса в Срединные Миры...»
— «...и за их пределы».
— «...и за их пределы».

— Слушайте же меня теперь, о мертвые: я нарекаю этого человека — Вэйким. Повторите его имя!

— Вэйким, — произносят мертвые губы.

— Да будет так! Теперь ты наречен, Вэйким, — говорит Анубис. — И стало быть, надлежит, дабы прочувствовал ты свое рождение в мире имен, чтобы ушел иным, чем прежде, о мой новоназванный!

Анубис поднимает руки над головой и опускает их вниз.

— Продолжайте танцевать! — приказывает он мертвым.

И они опять принимаются двигаться в такт музыке.

В зал вкатывается членорезка, за ней следует автопротезист.

Вэйким отворачивается от них, но они подъезжают к нему вплотную и останавливаются.

Первая машина выпускает наружу держатели и захватывает ими Вэйкима.

— Слабы руки людские, — говорит Анубис. — Да будут они отняты.

Человек кричит, когда пила впивается в его тело. Потом он теряет сознание. Мертвые продолжают танцевать.

Когда Вэйким приходит в себя, по бокам у него свешиваются две гладкие серебряные руки, холодные и бесчувственные. Он сгибает пальцы.

— А ноги людские медлительны — во всем, кроме усталости. Сменить их ему на металлические, устали не знающие.

Когда Вэйким вторично приходит в себя, он стоит на серебряных ходулях. Он переступает с ноги на ногу. Язык Анубиса выстреливает из пасти наружу.

— Положи правую руку в огонь, — говорит он, — и жди, пока не раскалится она добела.

Стихает вокруг музыка, и пламя ласкает его ру-

ку, пока они не становятся одного цвета. Мертвые ведут свои мертвые разговоры и пьют вино, вкуса которого не ощущают. Они обнимаются безо всякого удовольствия. Рука начинает отсвечивать белым.

— Теперь, — говорит Анубис, — сожми десницей свою мужественность, дабы выжечь ее.

Вэйким облизывает пересохшие губы.

— Хозяин... — говорит он.

— Исполняй!

И он исполняет и, не закончив, падает без сознания.

Когда он приходит в себя и смотрит вниз на свое тело, оно уже все из блестящего серебра, бесполое и могучее. Он прикасается рукой ко лбу, и раздается звяканье металла о металл.

— Как ты чувствуешь себя, Вэйким? — спрашивает Анубис.

— Не знаю, — отвечает тот, и голос его звучит странно и резко.

Анубис подает рукой знак, и ближайший бок режущей машины становится зеркальным.

— Полюбуйся на себя.

Вэйким смотрит на сверкающее яйцо, это его голова, на желтые линзы, это глаза, на блестящую бочку, свою грудь.

— По-разному могут люди начинать и заканчивать свою жизнь, — говорит Анубис. — Одни могут начинать в виде машины и медленно завоевывают себе человечность. Другие же могут кончить как машины, теряя понемногу свою человечность по ходу жизни. Потерянное всегда может быть обретено вновь, добытое — утеряно. Что ты такое, Вэйким, человек или машина?

— Не знаю.

— Тогда я еще усугублю неразбериху в твоей голове.

Анубис делает знак, и у Вэйкима отваливаются руки и ноги. Его металлический торс, звякнув о каменные плиты пола, откатывается к подножию трона.

— Ты лишен подвижности, — говорит Анубис.

Он вытягивает вперед ногу и касается ею крохотного выключателя у Вэйкима на затылке.

— Теперь ты лишен всех чувств, кроме слуха.

— Да, — отвечает Вэйким.

— Ну а сейчас я произвожу подключение. Ты ничего не чувствуешь, но голова твоя открыта, и ты вот-вот станешь частью машины, которая контролирует и поддерживает на ходу весь этот мир. Смотри же, вот он весь!

— Смотрю, — отвечает Вэйким и осознает сразу каждую комнату, каждый чертог, коридор и зал в этом извечно мертвом — никогда не жившем — мире, миром, собственно, никогда и не бывшем; мир этот изготовлен — не порожден пламенем творения из сгустившегося звездного вещества, но отчеканен и смонтирован, склепан и сплавлен, отделан и украшен; не моря, земли, воздух и жизнь царят здесь, но смазка, металл, камень и энергетические барьеры, и подвешено все это вместе среди ледяной пустоты, где не сверкает ни одно солнце; и осознает Вэйким сразу все расстояния, напряжения, массы, материалы, давления — и тайные числа мертвых. Он не ощущает своего тела, своего отключенного механического тела. Ведомы ему только волны подпитывающих энергий, струящиеся через Дом Мертвых. Он растекается вместе с ними, и ему известны бесцветные цвета воспринимаемых величин.

И снова говорит Анубис.

— Тебе ведома каждая тень в Доме Мертвых. Даже самыми сокровенными глазами созерцал ты его.

— Да.

— Ну а теперь посмотри, что лежит за его пределами.

Это звезды, звезды... россыпи звезд среди бездонного мрака. По ним пробегает рябь, они вспучиваются, изгибаются, они мчатся Вэйкиму навстречу, едва не налетают на него. Цвета их ослепительны и чисты, как очи ангелов, и они проносятся рядом, проносятся вдалеке — в вечности, сквозь которую он, кажется, движется. Не ощущается ни реальное время, ни движение, меняется лишь поле. В какой-то миг рядом с ним словно парит огромная голубая геенна солнца, потом опять приходит мрак, все вокруг него

черным-черно, лишь крохотные огоньки поблескивают где-то вдалеке.

И наконец, приближается к нему мир, который и не мир вовсе, — лимонно-лазурный, зеленый, зеленый, зеленый. Короной венчает его земное же кольцо, втрое превышающее его в поперечнике; и кажется, что пульсирует оно в приятном ритме.

— Взгляни на Дом Жизни, — говорит откуда-то Анубис.

И Вэйким глядит. Дом этот теплый, сияющий, живой. От него исходит ощущение живительной силы.

— В доме Жизни правит Озирис, — говорит Анубис.

И Вэйкиму видна большущая птичья голова, водруженная на человеческие плечи, живы — о, до чего живы ее светлые желтые глаза; и стоит существо это перед ним на бескрайней равнине живой зелени, наложившейся на изображение этого мира; и в одной руке у него Жезл Жизни, а в другой — Книга Жизни. И кажется, что от него исходят лучи тепла.

Опять слышится голос Анубиса.

— Дом Жизни и Дом Мертвых сдерживают Срединные Миры.

И Вэйкима охватывает ощущение головокружительного падения, и опять смотрит он на звезды, но эти звезды отделены и удерживаются в стороне от прочих путами силы; они то видны, то невидимы, то вновь видны — затухая, появляясь, уходя, — эти светящиеся, колеблющиеся белые линии.

— Теперь видишь ты Срединные Миры Жизни, — говорит Анубис.

И десятки миров прокатываются мимо, словно экзотические мраморные шары — в пунктире линий, откалиброванные, отполированные, раскаленные добела.

— ...Сдерживаемые, — говорит Анубис. — Они содержатся внутри поля, перекинутого между двумя единственно значимыми полюсами.

— Полюсами? — переспрашивает металлическая голова по имени Вэйким.

— Домом Жизни и Домом Мертвых. Срединные

Миры движутся вокруг своих светил, и все вместе следуют они путем Жизни и Смерти.

— Не понимаю, — говорит Вэйким.

— Еще бы ты понимал. Что во всей вселенной является одновременно и величайшей благодатью, и величайшим проклятием?

— Не знаю.

— Жизнь, — говорит Анубис, — или смерть.

— Не понимаю, — говорит Вэйким. — Ты употребил превосходную степень. Ты потребовал одного ответа. И однако назвал сразу две вещи.

— Да? — спрашивает Анубис. — В самом деле? Разве из одного того факта, что употребил я два слова, следует, что назвал я две разные, отличные друг от друга вещи? Разве не может что-нибудь иметь более одного имени? Возьми к примеру себя. Что ты такое?

— Не знаю.

— Ну что ж, в общем-то подходящая почва, чтобы на ней произросла мудрость. Ты можешь в равной степени быть и машиной, которую я решил на время воплотить в виде человека, а сейчас вернул в металлическую оболочку, и человеком, которого я захотел воплотить в машину.

— Так какая же разница?

— Никакой. Совсем никакой. Ты-то не можешь отличить одно от другого. Ты не в состоянии припомнить. Скажи мне, ты жив?

— Да.

— Почему?

— Я мыслю. Я слышу твой голос. У меня есть что вспомнить. Я могу говорить.

— Да? Ну и что же из этого — жизнь? Впомни, что ты не дышишь, что вместо нервной системы у тебя путаница металлических проводников, а сердце твое я сжег. И вспомни еще, что у меня есть машины, которые могут лучше тебя думать, крепче тебя помнить, красноречивее говорить. Ну и какие же остаются у тебя доводы, что ты жив? Ты говоришь, что слышишь мой голос и «слышание» — явление субъективное? Отлично. Я отключу и твой слух. Присмотрись повнимательнее, не перестанешь ли ты существовать.

...Невесомо, неощутимо падает одинокая снежинка в колодец, колодец без воды, без стенок, без дна, без крышки. А теперь уберите прочь снежинку и оставьте лишь невесомое, неощутимое падение...

Проходит время безвременья, и вновь раздается голос Анубиса:

— Известна ли тебе разница между жизнью и смертью?

— «Я» — это жизнь, — говорит Вэйким. — Что бы ты ни давал или отнимал, если остается «я», остается и жизнь.

— Спи, — говорит Анубис, и ничто больше не слышит его там, в Доме Мертвых.

* * *

Когда Вэйким просыпается, оказывается, что он опять может видеть, и с ближайшего к трону стола смотрит он на танцы мертвых и слышит музыку, под которую они танцуют.

— Ты был мертв? — спрашивает Анубис.

— Нет, — говорит Вэйким. — Я спал.

— А в чем разница?

— «Я» еще было там, хотя я и не знал об этом.

Анубис смеется.

— Ну а если бы я никогда не разбудил тебя?

— Это была бы, пожалуй, смерть.

— Смерть? Если бы я не воспользовался своей способностью пробудить тебя? И даже несмотря на то, что всегда в наличии оставалась бы эта способность — и всегда же доступно для нее было твое застывшее в потенциале «я»?

— Если бы этого не произошло, если бы я навсегда остался лишь в потенциале, тогда это была бы смерть.

— Но ты только что сказал, что смерть и сон — две совершенно разные вещи. Так что же, вся разница только в длительности?

— Нет, — говорит Вэйким, — дело в существовании. За сном приходит бодрствование, и жизнь опять тут как тут. Когда я существую, я знаю об этом. Когда нет, все мое знание — ничто.

— Жизнь, выходит, это просто ничто?

— Нет.

— Жизнь, значит, это просто то, что существует? Как эти мертвецы?

— Нет, — говорит Вэйким. — Это знание о том, что существуешь — по крайней мере, время от времени.

— Ну а кто же это знает?

— «Я», — говорит Вэйким.

— А что это такое, «я»? Кто ты такой?

— Я — Вэйким.

— Но ведь я же только-только успел дать тебе это имя! Чем был ты до этого?

— Не Вэйкимом.

— Мертвым?

— Нет! Живым! — кричит Вэйким.

— Не возвышай голос в моих покоях, — говорит Анубис. — Ты не знаешь, что ты такое или кто ты такой; тебе не известна разница между существующим и несуществующим — и ты, тем не менее, осмеливаешься спорить со мной в том, что касается жизни и смерти! Довольно тебя спрашивать, теперь буду говорить я сам. Я расскажу тебе о жизни и смерти.

— Жизни слишком много — и жизни недостает, — начинает он свой рассказ, — и точно так же обстоит дело и со смертью. Но оставим в стороне парадоксы.

— Так удален отсюда Дом Жизни, что луч света, покинувший его в тот день, когда ты вступил в эту обитель, не прошел еще и сотой части пути между нашими Домами. И расположены там, между ними, Срединные Миры. Они движутся сквозь приливные волны Жизни-Смерти, которые плещут между моим Домом и Домом Озириса. Когда я говорю «плещут», то подразумеваю, что движутся они не черепашьим шагом, как тот самый жалкий луч света, а похожи на волны в океане о двух берегах. И можем мы взъярить волны, когда и где пожелаем, не баламутя при этом все море. Что же это за волны, что несут они?

— В некоторых мирах жизнь — в преизбытке, — говорит он. — Жизнь — копошащаяся, кишащая, плодящаяся, удушающая сама себя; миры слишком милосердные, напичканные науками, сохраняющими

человека в живых, миры, которые, не ровен час, потопят сами себя в собственном семени, миры, которые, того и гляди, заполонят все свои земли ордами брюхатых баб, — миры, которые гнет собственной плодовитости приводит на край гибели. А есть и суровые, бесплодные, хмурые миры, перемалывающие жизнь, словно жерновами. Даже после машинной их переделки и усовершенствования тел лишь несколько сот миров пригодно для обитания шести разумных рас. В худших мирах жизнь — донельзя нужная штука, в лучших она может стать смертельно опасной благодатью. Когда я говорю, что где-то нужна или не нужна жизнь, то относится все это, конечно, и к смерти, — я же говорю не о двух разных предметах, но об одном и том же. Мы с Озирисом — бухгалтеры, мы подводим дебет и кредит. Мы поднимаем волны — или же гасим ненужное волнение и насылаем на океан штиль. Можно ли рассчитывать на жизнь — что она ограничит сама себя? Нет. Она — бессмысленное стремление двойки стать бесконечностью. Можно ли рассчитывать на смерть — что она ограничит сама себя? Никогда. Она — столь же бессмысленное усилие нуля поглотить бесконечность.

— Но и жизнь, и смерть нужно контролировать, — говорит он, — иначе за подъемом плодородных миров будет следовать упадок, за подъемом — упадок, чередуя империи и анархию, пока не придут они, наконец, к окончательному разрушению. Суровые миры будут низведены до нуля. Жизнь не может сдерживать себя в рамках, рекомендуемых статистикой. Следовательно, ее нужно сдерживать, что на самом деле и делается. Мы с Озирисом поддерживаем Срединные Миры. Они лежат внутри контролируемого нами поля, и мы по своему разумению направляем их в ту или иную сторону. Теперь тебе ясно, Вэйким? Ты хоть что-то понимаешь?

— Вы ограничиваете жизнь?

— Мы можем поразить бесплодием — полностью или частично — любую или же любые из шести рас в любом мире на любой срок, какой нам только понадобится. Можем мы влиять и на продолжительность жизни, прорежать население.

— Как?

— Огнем. Мечом. Голодом. Чумой.

— Ну а миры бесплодные, пустынные? Что с ними?

— Можно повысить рождаемость и не ограничивать искусственно продолжительность жизни. Свежеумершие посылаются в Дом Жизни, а не сюда. Там их восстанавливают или используют их органы и части тела для построения новых существ, отнюдь не всегда снабженных человеческой ментальностью.

— А что происходит с остальными мертвыми?

— Дом Мертвых — кладбище всех шести рас. Ни в одном из Срединных Миров нет законного места для захоронений. Не раз и не два посылал Дом Жизни к нам за мертвецами или запасными частями. А бывало, что и они отгружали нам свои излишки.

— Все это с трудом укладывается в голове. Кажется, что все это так жестоко, сурово...

— Такова жизнь и такова смерть. Это величайшая благодать и величайшее проклятие во вселенной. Тебе нет нужды понимать все это. Поймешь ты или нет, одобришь или нет — от этого ровным счетом ничего не изменится.

— А откуда явились вы, Анубис и Озирис, чтобы заправлять всем этим?

— Кое-что тебе незачем знать, Вэйким.

— А как относятся к вашему контролю Срединные Миры?

— Они с ним живут и с ним умирают. Он недоступен каким-либо возражениям, ибо необходим просто для продолжения их существования. Контроль стал законом природы и в этом качестве совершенно беспристрастен, поскольку в равной степени приложим ко всем, кто ему подчинен.

— А что, есть и неподчинившиеся?

— Об этом ты узнаешь подробнее, когда я решу, что наступил подходящий момент, и, стало быть, не сейчас. Итак, Вэйким, я превратил тебя в машину. Теперь я сделаю из тебя человека. Кому под силу сказать, с чего начинал ты, где начинал ты? Стоит мне стереть все твои предыдущие воспоминания и воплотить тебя в тело, и ты будешь считать, что был исходно машиной.

— Ты собираешься так поступить?

— Нет. Я хочу, чтобы ты сохранил все накопленные воспоминания, когда — и если — я возложу на тебя новые твои обязанности.

И поднимает Анубис руки вверх и хлопает в ладоши.

Машина снимает Вэйкима со стола и, опуская его на пол, отключает ему все чувства. Музыка пульсирует и затихает среди танцоров, две сотни факелов сверкают на колоннах, словно бессмертные мысли. Анубис пристально смотрит на почерневший участок пола в Тронном Зале, и над головой его, подчиняясь собственному ритму, колышется балдахин дыма.

* * *

Вэйким открывает глаза, и взгляд его тонет в сером мареве. Он лежит навзничь и глядит в потолок. Спину ему леденят холодные плиты пола, справа вроде бы падают отблески света. Вдруг он судорожно сжимает левую руку в кулак и, обнаружив, что большой палец на месте, расслабляется.

— Да, — говорит Анубис.

Он садится перед троном, смотрит вниз — на свое тело, смотрит вверх — на Анубиса.

— Ты был крещен и ныне возродился во плоти.

— Благодарю.

— Пустое. Здесь полно сырья. Встань. Ты помнишь, чему выучился?

Вэйким встает.

— Ты помнишь преподанные мной уроки?

— Какие?

— Фугу времен. Заставить время следовать за умом, а не за телом.

— Да.

— А убийство?

— Да.

— Ну а их в паре?

— Да.

Анубис встает, он на целую голову выше Вэйкима, а ростом новое тело слуги его, пожалуй, за два метра.

— Ну так покажи мне это! Хватит музыки! —

кричит он. — Пусть предстанет передо мной тот, кого звали при жизни Даргото́м.

Мертвые перестают танцевать. Они замирают на месте, широко раскрытые глаза их не мигая уставились в пространство. На несколько секунд воцаряется тишина, не слышно ни слова, ни шага, ни вздоха.

Потом среди стоящих мертвецов появляется Даргот, он пересекает полосы тени, полосы света. Завидев его, Вэйким выпрямляется еще сильнее, ибо напрягаются мышцы его спины, плеч, живота.

Металлическая полоса цвета меди пересекает по меридиану голову Даргота, прикрывает его скулы, исчезает под подбородком, заросшим серой от седины щетиной. Полоса-тропик проходит по лбу над висками, замыкается на затылке. Широко открыты глаза его, желты их белки, зрачки окружены алыми кольцами. Нижняя челюсть, пока он выкатывается вперед, ни на миг не перестает совершать жевательные движения, а длинные зубы тонут в тени. Голова раскачивается из стороны в сторону на двадцатидюймовой шее. Ширина его плеч — три фута, и это придает ему вид перевернутого треугольника, поскольку резко устремляются внизу навстречу друг другу его бока, но встретиться не успевают, ибо там кончается плоть и начинаются сегменты членистого шасси. Медленно вращаются его колеса, левое заднее скрежещет при каждом обороте. Четырехсполови́нойфутовые руки свисают по бокам и кончиками пальцев чуть касаются пола. Четыре короткие, острые металлические ноги закинуты наверх, прижаты к плоским бокам. На спине торчком стоят бритвы — расходятся веером, опадают по ходу движения. Восьмифутовый хлыст хвоста разворачивается сзади, когда останавливается он у самого трона.

— На эту ночь, Ночь Тысячелетия, — говорит Анубис, — я возвращаю тебе твое имя — Даргот. Когда-то считался ты одним из могущественнейших воинов Срединных Миров, пока не пришло тебе в голову померяться силой с одним из бессмертных, нашел ты тогда у его ног свою погибель. Твое разбитое тело отремонтировали, и сегодня ты должен еще раз послать его на битву. Уничтожь этого человека, Вэйкима, в поединке один на один — и ты можешь

занять его место, место старшего слуги в Доме Мертвых.

Даргот складывает на лбу свои огромные ручищи и низко кланяется, касаясь ими пола.

— У тебя десять секунд, — говорит Анубис Вэйкиму, — чтобы подготовить свой ум к битве.

— Приготовься, Даргот.

— Господин, — говорит Вэйким, — как могу я убить того, кто уже мертв?

— Твои проблемы, — говорит Анубис. — А теперь ты потратил все свои десять секунд на дурацкие вопросы. Начинайте!

Раздаются скрежещущие звуки, серия металлических щелчков.

Металические ноги Даргота с лязгом распрямляются, опускаются, поднимают его на три фута над полом. Он вытягивает перед собой руки, гарцует, сгибая и разгибая их.

Вэйким следит за ним в ожидании.

Даргот встает на дыбы, и теперь его голова в десяти футах от пола.

Потом он прыгает вперед, расставив руки, крутя хвостом, вытянув шею, обнажив клыки. Лезвия топорщатся у него на спине, как сверкающий плавник, молотом падают его копыта.

В последний миг Вэйким отступает на шаг в сторону и наносит удар, который его противник блокирует предплечьем. Вэйким тут же высоко подпрыгивает, и хлыст, не причинив ему вреда, щелкает там, где его уже нет.

Несмотря на свои габариты и вес, Даргот тут же останавливается и быстро разворачивается. Он вновь встает на дыбы и наносит удары передними копытами. Вэйким от них уклоняется, но тут ему на плечи ложатся руки опустившегося на четыре ноги Даргота.

Вэйким захватывает оба запястья и тут же бьет Даргота ногой в грудь. В ответ хвост-бич хлещет его по правой щеке, но он сбрасывает с плеч могучие лапищи, пригибает голову и изо всех сил бьет соперника в бок ребром левой руки. Опять хлещет бич, на сей раз по спине. Он бьет, целясь в голову, но длин-

ная шея успевает изогнуться, и он промахивается; опять щелкает бич — в каких-то дюймах от цели.

Кулак Даргота находит его скулу, Вэйким шатается, теряет равновесие, поскользнувшись, падает на пол. Быстро перекатившись, он выбирается из-под копыт, но кулак противника вновь посылает его на пол, когда он пытается встать на ноги.

Но когда на него обрушивается следующий удар, он ловит двумя руками запястье противника и, склонив голову набок, всем весом наваливается на него. Кулак Даргота бьет в пол, и Вэйким успевает встать и провести левый кросс. Голова Даргота откидывается от удара, и бич щелкает у Вэйкима под самым ухом. Он наносит по раскачивающейся голове еще один удар и тут же отлетает кувырком назад — это Даргот распрямляет, словно пружины, задние ноги и бьет плечом Вэйкима прямо в грудь.

Даргот опять встает на дыбы.

И тут впервые он заговаривает.

— Пора, Вэйким, пора! — говорит он. — Даргот становится первым слугой Анубиса.

Молнией падают вниз его копыта, но Вэйким ловит на лету металлические ноги, каждую из них он хватает рукой примерно посередине. Низко согнувшись, он гасит движение, и теперь его губы кривятся, обнажая стиснутые зубы, ибо Даргот застыл над ним, обездвиженный посреди своей атаки.

Вэйким смеется; резко выпрямляясь, он выталкивает вверх на вытянутые руки схваченные ноги противника, который, балансируя на задних ногах, старается не опрокинуться навзничь.

— Глупец! — говорит он, и голос его странно изменился. Это слово, как удар большого железного колокола, разносится и звенит по всему Залу. Среди мертвых прокатывается тихий стон, с таким же они вставали из могил.

— Ты говоришь «пора»? Ты говоришь «Вэйким»? — и он смеется и шагает вперед под падающие копыта.

— Ты не знаешь, что говоришь! — и он обхватывает руками огромный металлический торс, и копыта беспомощно колотят его по спине, хвост-хлыст с щелканьем и свистом хлещет по плечам, оставляя на них

кровавые полосы. Его руки находят удобное место между заостренными позвонками, и он сдавливает неподатливое, членистое металлическое тело, тесно прижимая его к себе.

Ручищи Даргота нащупывают его шею, но большим пальцам никак не дотянуться до горла, и напрягаются шейные мышцы Вэйкима, рельефно вырисовываются, когда он чуть сгибает колени и сжимает противника.

И так, замерев, стоят они одно бесконечное мгновение, и отсветы пламени сражаются с тенью на их телах.

Затем одним титаническим движением Вэйким поднимает Даргота над землей, поворачивается и отшвыривает его от себя.

Ноги Даргота бешено молотят по воздуху, когда он переворачивается в полете. Позвонки его встают и опадают, щелкает извивающийся хвост. Он пытается прикрыть лицо руками, но с грохотом рушится у подножия трона Анубиса и так и остается там лежать, его металлическое тело сломано в четырех местах, а голова раскололась о ступеньку, ведущую к трону.

Вэйким оборачивается к Анубису.

— Достаточно? — спрашивает он.

— Ты не использовал фугу времен, — говорит Анубис, даже не посмотрев вниз на оставшиеся от Даргота обломки.

— Не было надобности. Не так уж он был и силен.

— Он был силен, — говорит Анубис. — Почему ты смеялся, почему вел себя так, будто сомневаешься в своем имени, когда с ним бился?

— Не знаю. В какой-то миг, когда я понял, что победить меня невозможно, я почувствовал себя словно бы кем-то другим.

— Кем-то без жалости, страха и упрека?

— Да.

— Ты и сейчас чувствуешь это?

— Нет.

— Почему же тогда ты перестал звать меня Хозяином?

— Жар битвы ударил мне в голову и заслонил на время правила этикета.

— Ну так исправь немедленно свою оплошность.

— Хорошо, Хозяин.

— Извинись. Смиренно проси прощения.

Вэйким простирается на полу.

— Прошу прощения, Хозяин. Смиреннейше.

— Встань, ты прощен. Раньше ты наполнил предыдущий свой желудок, а не этот. Ступай, подкрепись.

— Пусть вновь тешат меня песни и танцы! Пусть льется вино и звучит смех, дабы отпраздновать дар имени в этот Канун — Канун Тысячелетия Вэйкима! Пусть уберут остов Даргота долой с моих глаз!

И все так и происходит.

Когда утоляет Вэйким голод и кажется, что до скончания века будут длиться песни и пляски мертвых, взмахивает Анубис рукой, сначала налево, потом направо, и в ответ колонны, кажется, втягивают в себя языки пламени, а с языка Анубиса слетают слова:

— Забери их назад. Принеси обратно мой жезл.

Вэйким встает, отдает необходимые приказания, уводит мертвых из Тронного Зала. Стоит им пройти мимо, и столы исчезают между колонн. Поднявшийся ветер теснит полог дыма под потолком. Однако прежде чем обвисший серый балдахин начинает расползаться, гаснут последние факелы и весь Зал освещают лишь две жаровни, пылающие по бокам от трона.

Анубис глядит во тьму, и, подчиняясь его воле, сплетаются лучи света в картину, и еще раз видит он, как падает Даргот, рушится к подножию трона и замирает там в неподвижности, а рядом стоит тот, кого нарек он Вэйкимом, стоит, осклабившись, как череп, и на миг — обманчиво блеснуло пламя? — виден знак у него на челе.

Далеко, в огромной зале, где свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам, а мертвые укладываются обратно на незримые катафалки над их отверстыми могилами, слышит Вэйким слабый отголосок, то чуть нарастающий, то стихающий вовсе, и не схож этот звук ни с чем, что доводилось ему слы-

шать до тех пор. Он кладет руку на жезл и спускается с возвышения.

— Старик, — говорит он тому, с кем разговаривал ранее, тому, чьи волосы и борода замараны вином, а часы в левом запястье остановились, — старик, услышь меня и ответь, если знаешь, что это за звук?

Немигающие глаза пялятся вверх, мимо Вэйкима, губы шепелявят:

— Хозяин...

— Я здесь не Хозяин.

— ...Хозяин, это всего лишь воет пес.

Тогда возвращается Вэйким на возвышение и предает их всех могиле.

Потом свет гаснет, и жезл ведет его сквозь тьму по предначертанному пути.

* * *

— Я принес твой жезл, Хозяин.

— Встань и подойди.

— Мертвые возвращены, куда должно.

— Очень хорошо. Вэйким, мой ли ты человек?

— Да, Хозяин.

— Ты подчиняешься моим приказаниям, ты готов послужить моей воле?

— Да, Хозяин.

— Вот почему ты — мой посланник в Срединные Миры и за их пределы.

— Я должен покинуть Дом Мертвых?

— Да, я посылаю тебя отсюда с поручением.

— Поручением? Каким?

— Это долгая история. Ведомо ли тебе, что много в Срединных Мирах людей очень и очень старых?

— Да.

— А некоторые даже вневременны и бессмертны?

— Бессмертны, Господин?

— Тем или иным способом некоторые сумели достичь своего рода бессмертия. Быть может, они следуют течениям жизни и черпают свои силы из них, избегая волн смерти. Быть может, они так отладили свою биохимию, или же постоянно обновляют свои тела, или же переходят из одного своего тела в

другие, или пиратски захватывают чужие тела. Быть может, они обзавелись металлическими телами, а может, обходятся вовсе без тел. Как бы там ни было, стоит тебе попасть в Срединные Миры, и ты услышишь россказни о Трехстах Бессмертных. Это лишь примерная цифра, ибо мало кто толком о них что-нибудь знает. На самом деле их двести восемьдесят три. Это — жульничество и по отношению к жизни, и по отношению к смерти; и, как ты можешь заметить, само их существование нарушает равновесие, вдохновляет других на попытки подражания легендам о них, побуждает считать их богами. Одни из них — безвредные скитальцы, другие — отнюдь не таковы. Все могущественны и искусны, все сведущи в продолжении собственного существования. Но один особенно зловреден, и уничтожить именно его я тебя и посылаю.

— Кто же это, Хозяин?

— Его зовут Принц Который Был Тысячью, и обитает он вне пределов Срединных Миров. Его царство не от мира жизни и смерти, в извечно сумеречном месте. Его, однако, трудно обнаружить, ибо часто покидает он свою вотчину и вторгается в Срединные Миры — и повсюду. Желаю я, чтобы пришел ему конец, ибо издавна противостоит он и Дому Мертвых, и Дому Жизни.

— А как он выглядит, этот Принц Который Был Тысячью?

— Как пожелает.

— Где найду я его?

— Не знаю. Тебе нужно его искать.

— Как я узнаю его?

— По делам, по словам. Он наш противник во всем.

— Но ведь наверняка и остальные против вас...

— Уничтожай всех встречных, кто противится нам. Ну а Принца Который Был Тысячью ты узнаешь, поскольку уничтожить его будет труднее всех. И он ближе всех будет к тому, чтобы уничтожить тебя.

— А вдруг он сумеет.

— Тогда я потрачу еще тысячу лет, чтобы выпестовать другого посланника, способного взяться за

это задание. Я не хочу, чтобы он пал завтра или послезавтра. Даже чтобы просто обнаружить его, тебе понадобятся века и века. Время не играет особой роли. Должна минуть эпоха, прежде чем он начнет представлять для нас с Озирисом реальную угрозу. Путешествуя в его поисках, ты узнаешь о многом. Когда ты его найдешь, ты наверняка его узнаешь.

— Достаточно ли я силен, чтобы покончить с ним?

— Думаю, да.

— Я готов.

— Тогда я пускаю тебя по следу. Я даю тебе способность вызывать меня и, в случае надобности, черпать силу прямо из поля Жизни и Смерти, когда ты находишься в Срединных Мирах. Это сделает тебя непобедимым. Если тебе покажется необходимым, можешь послать мне донесение. Если будет нужно, я доберусь до тебя.

— Спасибо, Хозяин.

— Ты должен сразу же подчиняться всем моим посланиям.

— Да.

— А теперь иди и отдыхай. Выспись, подкрепись и отправляйся на задание.

— Спасибо.

— Это твой предпоследний сон в Доме Мертвых, Вэйким. Поразмысли о его тайнах.

— Я делаю это все время.

— Я — одна из них.

— Хозяин...

— Это часть моего имени. Никогда не забывай об этом.

— Хозяин — как я посмею?

ПРОБУЖДЕНИЕ КРАСНОЙ ВЕДЬМЫ

Ведьма Лоджии ворочается во сне и дважды вскрикивает. Давно она уже спит — и глубоко. Наперсник бросается успокоить ее, но делает это неуклюже и только ее будит. Она садится тогда среди подушек в своем высоком, как кафедральный неф,

покое, и Время, обременившее ее насилием Тарквиния, быстро шагает прочь от ее дивана, движется, словно призрак, но она видит его и замораживает среди бездорожья словом и жестом, и слышит свой же сдвоенный вскрик, и смотрит назад, не в силах оторвать глаз от чего-то темного, словно сновидение, — выношенного ею и взыскующего вопля. Да будет десять артиллерийских залпов — закрой для них ухо, сотри их из слуха, сохрани лишь девять зияющих между ними безмолвий. Да будут теперь это удары сердца — мистически ощущаемые во всем теле. В покойный этот центр помести сухую кожу, исторгшую из себя змею. И да не разнесутся стоны над побережьем, коли вернется в порт затонувший корабль. Отступи взамен от того темного, как сновидение, что, словно четки греха, падает шквалистым ливнем, холодным и несказанным, тебе на живот. Подумай взамен про обузданных лошадей, о проклятии Летучего Голландца и, может быть, о строке безумного поэта Врамина, например такой: «И луковичка возродит в свой срок изжелта-бледный нарцисс». Если случилось тебе хоть раз в жизни любить кого-либо, постарайся припомнить это. Если случалось предавать, сделай вид, что тебя простили. Случалось чего-то бояться — поверь хотя б на миг, что те дни ушли и никогда не вернутся. Купи себе ложь и держись за нее, покуда сможешь. Прижми к своей груди наперсника, как бы его ни звали, и ласкай, ласкай его, пока он не замурлычет.

Обменяй жизнь и смерть на забвение, но все равно свет и тьма доберутся до твоей плоти, до мозга костей. Придет утро, а с ним — память.

Красная Ведьма спит в своем высоком, как кафедральный неф, покое, между прошлым и будущим. Беглый насильник из ее грезы исчезает в конце темной аллеи, а Время тем временем отмеряет историю вокруг событий. И теперь, во сне, она улыбается, ибо Янус опять поступает серединка на половинку...

Обернувшись назад, к славе, покоится она в его теплом, зеленом взгляде.

Прислушайся к миру. Зовется он Блис, и услышать его легче легкого; вот его звуки — смех, вздохи, а там кто-то пытается сдержаться и не икать. А вот и клик-клак работающих механизмов — или биение сердца? Тут и звук дыхания толп — или их слов. Шаги, шаги, звук поцелуя, шлепок, крик младенца. Музыка. Музыка, может быть. Стук пишущей машинки, разносящийся в ночи, нежной, как дядя Том, сознание, целующее лишь одну бумагу? Быть может. Теперь забудь слова и звуки и взгляни на этот мир.

Прежде всего — цвета; назови один. Красный? Цвет берегов, между которыми лениво несет свои воды зеленый поток, натыкается на фиолетовые камни. Вдалеке город — желтый, серый, черный. Ну а здесь, по обе стороны от реки, в открытом поле раскинулись павильоны. Выбери любой цвет — все они тут под рукой. Более тысячи павильонов, словно воздушные шары, вигвамы, грибы без ножек, сверкают посреди голубого поля, увешанные флажками и вымпелами, полные движущихся цветов, — это людские одежды. Через реку перекинуто три изжелта-белых моста. Река течет к кремовому морю, оно часто волнуется, редко штормит. Из него вверх по реке поднимаются баржи и лодки, суда покрупнее, и причаливают они то тут, то там к берегу. Другие спускаются с неба и садятся где попало на голубую ткань поля. Их пассажиры расхаживают среди павильонов. Они всех рас, всех сортов. Они едят, они болтают. Они издают звуки и носят цвета. Подходит?

Запахи нежной поросли, ласковые поцелуи ветерка... Когда же бриз приносит эти ароматы к ярмарке, они едва уловимо меняются: к ним примешивается запах опилок, который никак не назовешь неприятным, и запах пота, который не может быть очень уж неприятным, если часть этого пота — твоя. А еще, запах дыма, готовящейся пищи, чистые ароматы спиртного. Обоняй этот мир. Пробуй его, глотай, переваривай. Лопни от него.

...Как человек с альпенштоком, глаз которого прикрывает повязка.

Он прогуливается среди барышников и девах,

жирный, как евнух, — но только как. Кожа его странного телесного цвета, а правый глаз — серое, крутящееся колесо. Недельной давности щетина обрамляет лицо, и все цвета сошли с пятнающей голубое поле кляксы его одежды. Ровна его походка. Тверда рука.

Он останавливается купить кружку пива, подходит поближе посмотреть на петушиный бой.

Он ставит монету на меньшего из петухов, и тот разносит противника в пух и прах; выигранным расплачивается он за свое пиво.

Потом разглядывает минуту-другую представление дефлорирующей труппы, пробует образцы рекламируемых наркотиков, отшивает коричневокожего мужчину в белой рубахе, который пытается угадать его вес. Тут из ближайшей палатки появляется коротышка с близко посаженными темными глазами, подходит к нему, тянет за рукав.

— Да?

Мощно рокочет его голос, кажется, что он исходит из самого центра его тела.

— Судя по экипировке, ты, может быть, проповедник?

— Да, так и есть — нетеистического, внеконфессионального толка.

— Отлично. Не хочешь ли подзаработать? Буквально за несколько минут.

— И что же тебе от меня нужно?

— Тут один тип собирается покончить с собой, а потом его похоронят прямо в палатке. Могила выкопана, все билеты проданы. И публика начинает уже волноваться. Исполнитель не хочет выступать без подобающего религиозного аккомпанемента, а наш проповедник в дупель пьян.

— Ясно. Это обойдется вам в десятку.

— Давай за пять.

— Ищи другого.

— Ну ладно, десять! Пошли! Они уже шикают и топают ногами!

Он заходит в палатку, щурится.

— А вот и проповедник! — возвещает зазывала. — Мы готовы приступить. Как тебя звать-то, папаша?

— Бывает, меня зовут Мадрак.

Распорядитель замирает, оборачивается, глядит на него, нервно облизывает губы.

— Я... я не узнал.

— Ладно, проехали.

— Слушаю, сэр. — Посторонись! Дайте пройти! Осади, говорю!

Толпа расступается. В палатку набилось человек триста. Наверху сверкают огни, ярко освещая огороженный канатами круг голой земли с выкопанной в ней могилой. Насекомые кружатся среди висящей в лучах света пыли. Рядом с зияющей могилой лежит гроб. На крохотном деревянном помосте стоит стул. На стуле сидит человек лет пятидесяти от роду. Его плоское лицо изборождено морщинами, тело тщедушно, глаза чуть навыкате. Из одежды на нем только шорты, густая седая растительность покрывает его грудь, руки, ноги. Он наклоняется вперед и косится на пробирающуюся сквозь толпу пару.

— Все в порядке, Дольмин, — говорит коротышка.

— Моя десятка, — говорит Мадрак.

Коротышка сует ему сложенную банкноту, Мадрак проверяет ее и прячет в бумажник.

Коротышка забирается на помост и улыбается в толпу. Затем сдвигает на затылок свою соломенную шляпу.

— Ну вот, ребята, — начинает он, — все уладилось. Уверен, вы согласитесь, что зрелище стоит того, чтобы его дождаться. Как я уже объявил, этот человек, Дольмин, собирается прямо у вас на глазах покончить с собой. По личным причинам отказывается он от великих надежд и согласился чуть подработать для своей семьи, совершив это на глазах у всех. Представление завершится натуральными похоронами — вот в эту самую землю, на которой вы сейчас стоите. Наверняка давненько не видывал никто из вас настоящей смерти, и скорее всего вовсе никто не видел всамделишных похорон. Итак, попросим же выступить проповедника и мистера Дольмина. Похлопаем им!

В палатке раздаются аплодисменты.

— ...И последнее замечание. Не подходите слиш-

ком близко, хотя мы на всякий случай и подготовились, да и палатка огнеупорна. Итак, мы начинаем!

Он спрыгивает с помоста, и на него взгромождается Мадрак. Он наклоняется над сидящим человеком, в это время рядом со стулом появляется канистра с надписью ГОРЮЧЕЕ.

— Ты уверен, что хочешь пройти этим путем? — спрашивает Мадрак.

— Да.

Он заглядывает человеку в глаза, но зрачки того не расширены, глаза не бегают.

— Почему?

— Личные причины, Отче. Я бы не хотел в них вдаваться. Отпусти мне, пожалуйста, грехи.

Мадрак кладет руку ему на голову.

— Чему или кому бы ни случилось услышать меня, буде оно заинтересуется или же не заинтересуется тем, что я скажу, приношу я просьбу, если это имеет хоть какое-то значение, чтобы был ты прощен за все, что только мог совершить или не совершить и что нуждается в прощении. Напротив, ежели не прощение, но что-то иное может принести тебе какую-то возможную для тебя после разрушения тела выгоду, прошу я, чтобы это, чем бы оно ни было, было тебе даровано или, что тоже может быть, отнято, дабы обеспечить тебе получение вышеупомянутой выгоды. Прошу я об этом по полному праву, ибо ты выбрал меня посредником между собой и тем, что тобою быть не может, но может оказаться заинтересованным, чтобы ты получил как можно больше того, что можешь от него получить; и, кроме того, на что может некоторым образом повлиять настоящая церемония. Аминь.

— Спасибо, Отче.

— Великолепно! — всхлипывает синекрылая толстуха в первом ряду.

Человек по имени Дольмин поднимает канистру, на которой написано ГОРЮЧЕЕ, отвинчивает крышку, поливает себя содержимым.

— Ни у кого сигаретки не найдется? — спрашивает он, и коротышка протягивает ему сигарету. Дольмин лезет в карман шорт и вытаскивает за-

жигалку. Тут он делает паузу и глядит на толпу. Кто-то кричит ему:

— Почему ты делаешь это?

Он улыбается и отвечает:

— Общий протест против жизни, наверно так, ведь она же — дурацкая игра, не так ли? Следуйте моему примеру.

И он щелкает зажигалкой. К этому времени Мадрак уже далеко от огороженной площадки.

Сразу за вспышкой на толпу обрушивается волна нестерпимого жара, и единственный вопль, словно раскаленный гвоздь, пронизывает все.

Шестеро, оснащенных огнетушителями подсобников, стоящие рядом, расслабляются, когда видят, что пламя не вырвалось на свободу.

Мадрак сложил руки на посохе и опирается на них подбородком.

Постепенно огонь догорает, и люди в асбестовых рукавицах отправляются на поиски останков. В публике царит тишина. До сих пор еще не было аплодисментов.

— Так вот как это выглядит! — шепчет наконец кто-то, и слова эти разносятся по всей палатке.

— Возможно, — раздается с порога четкий, бодрый голос, — а возможно и нет.

Головы поворачиваются вслед говорящему, когда он входит в палатку и направляется к центру. Он высок ростом, у него зеленая остроконечная борода и такого же цвета глаза и волосы. Он худ, нос его длинен и тонок. Одет он в черное и зеленое.

— Это волшебник, — говорит кто-то, — из шатра на том берегу реки.

— Правильно, — отвечает он и с улыбкой кивает.

Он проходит через толпу, расчищая себе путь тростью с серебряным набалдашником. На гроб опускают крышку, когда он останавливается и шепчет:

— Мадрак Могучий.

Мадрак оборачивается и говорит:

— Я искал тебя.

— Знаю. Поэтому-то я и здесь. А это что за глупости?

— Представление самоубийства, — говорит Мад-

рак. — Некто Дольмин. Они забыли, на что похожа смерть.

— Так быстро, так быстро, — вздыхает второй. — Давай тогда покажем им за их денежки весь круговорот!

— Врамин, я знаю, ты можешь это сделать, но учитывая форму, в которой он...

Коротышка в соломенной шляпе подходит и глядит на них своими маленькими темными глазками.

— Сэр, — говорит он Мадраку, — не желаете ли вы предпослать погребению какие-либо церемонии?

— Я...

— Да нет, конечно, — перебивает Врамин. — Ведь закапывают же только мертвых.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Этот человек не мертв — только подпалился чуток.

— Ты не прав, сударь. У нас честное заведение.

— И тем не менее, я утверждаю, что он жив и готов пройтись, чтобы вас позабавить.

— Ты, должно быть, шизонутый.

— Всего лишь смиренный чародей, — отвечает Врамин, вступая в круг.

Следом за ним движется Мадрак. Врамин поднимает свою трость и размахивает ей, словно вычерчивая таинственные фигуры. Разгорается зеленый свет, перепрыгивает с трости на гроб.

— Дольмин, выходи! — говорит Врамин.

Толпа напирает, подается вперед. Врамин и Мадрак отходят к стене палатки. Коротышка идет было за ними, но его отвлекает стук, доносящийся из гроба.

— Пошли-ка лучше отсюда, братец, — говорит Врамин и рассекает ткань кончиком своей трости.

Крышка гроба медленно приподнимается, когда они выходят сквозь стенку наружу.

Сзади них раздается шум. Его составляют вопли, крики «Мошенники!», «Гоните назад деньги!» и «Только взгляни на него!».

— «Как безумен род людской», — говорит зеленый человек, один из горстки живых существ, способных взять эту фразу в кавычки — и знать почему.

* * *

Он грядет, скачет с небес, верхом на огромном звере из полированного металла. Зверь этот о восьми ногах, и копыта его — бриллианты. Его туловище длиною с двух лошадей. Шея длиною с туловище, а голова — как у золотого китайского псоглавого демона. Синие лучи вырываются у него из ноздрей, вместо хвоста — три антенны. Он движется среди черноты, что лежит между звезд, медленно перебирая механическими ногами. И однако, каждый его шаг — из ничто в ничто — вдвое длиннее предыдущего. Ну а по времени не длиннее каждый шаг предшествующего. Светила вспыхивают рядом, тонут позади, гаснут. Он скачет по твердому веществу, проходит сквозь ад, пересекает туманности, все быстрее движется через буран падающих звезд в дебрях ночи. Если предоставить ему достаточный разгон, говорят, что может он совершить кругосветное путешествие по вселенной за один скачок. Что же будет, если он после этого не остановится, неведомо никому.

Его всадник был когда-то человеком. Это его прозвали Стальным Генералом. Не доспехи блестят у него на теле, это само его тело. На время пути он отключил большую часть своей человечности и теперь смотрит прямо перед собой — над чешуйками в виде бронзовых дубовых листьев, покрывающими шею его скакуна. Он держит поводья, числом — четыре, толщиной — как шелковая нить; они прицеплены по одному к кончикам пальцев его левой руки. На мизинце носит он кольцо из задубевшей человеческой плоти — не носить же ему металлические украшения, это и шумно, и не добавляет приятных осязательных ощущений. Плоть эта была когда-то его собственной; по крайней мере, облачен он был в нее в незапамятные времена.

Куда бы ни направлялся, берет он с собою разборное пятиструнное банджо, носит его в отсеке, неподалеку от которого привыкло биться его сердце. И стоит ему заиграть на нем, как превращается он в своего рода Анти-Орфея и люди идут за ним в Ад.

И к тому же он — один из крайне немногочисленных на просторах всей вселенной мастеров фуги

времен. Говорят, что никому не под силу поднять на него руку, если он на это не согласен.

А зверь под ним был когда-то конем.

* * *

Всмотрись в мир, что зовется Блис, — с его цветом, смехом, ласковыми ветерками. Всмотрись в него, как Мегра из Калгана.

Мегра — нянечка в 73-ем Родильном центре Калгана, и она знает, что мир — это дети. На Блисе дышат сейчас друг на друга миллиардов десять людей, и прибывает, и прибывает число их — и мало кто отсюда уходит. Увядающие здесь расцветают. Детская смертность отсутствует. Плач младенцев и смех их изготовителей — вот самые частые звуки на Блисе.

Мегра из Калгана разглядывает Блис кобальтово-синими глазами из-под длинных светлых ресниц. Густые пряди светлых волос щекочут ей обнаженные плечи, а две их жесткие стрелки пересекаются иксом в самом центре лба. У нее маленький носик, ротик — голубенький цветочек, столь крохотный подбородочек, что о нем можно не упоминать. Ее грудь поддерживают серебряные бретельки, у нее золотой пояс и короткая серебряная юбочка. В ней с трудом наберется пять футов росту, и коснулся ее когда-то запах неведомых ей цветов. Она носит золотой кулон, и он жжет ей грудь, стоит мужчине приблизиться к ней с афродизиаком.

Девяносто три дня ждала Мегра, прежде чем удалось ей попасть на ярмарку. Длинной была очередь, ведь ярмарка — калейдоскоп цветов, запахов, движений — одно из немногих свободных мест на Блисе. На планете этой всего лишь четырнадцать городов, но покрывают они все четыре континента от моря до кремового моря, закапываются глубоко под землю и буравят небо. Даже под морями растянули они свои щупальца. На самом-то деле все они переплелись друг с другом, составляя четыре континентальных пласта цивилизации; но поскольку имеется там четырнадцать городских управ, каждая — с четко территориально обособленной сферой влияния, гово-

рят, что и городов на Блисе четырнадцать. Город Мегры — Калган, где выхаживает она кричащую новую жизнь и подчас кричащую старую тоже — всех цветов, всех форм. Поскольку можно построить генетическую структуру, удовлетворяющую любым пожеланиям родителей, а потом хирургически поместить ее в ядро оплодотворенной клетки, на каких только новорожденных не нагляделась Мегра. Ее собственные родители — люди старомодные — захотели немногого: кобальтоглазую куклу с силой дюжины-другой мужчин, чтобы могло дитятко постоять в жизни за себя.

Однако, успешно постояв за себя восемнадцать лет, решила Мегра, что пришла пора внести свой вклад в сумму всеобщего дыхания. Чтобы стремиться к бесконечности, нужны двое, и Мегра для своего стремления выбрала цветистую романтику открытого пространства, ярмарки. Жизнь для нее и занятие, и религия, и она намерена во что бы то ни стало служить ей и дальше. Перед ней — месячные каникулы.

Все, что ей осталось сделать, — найти второго...

* * *

То Что Кричит В Ночи возвышает свой голос в тюрьме без решеток. Оно воет, кашляет и лает, лопочет, стенает. Оно заключено в серебряный кокон флуктуирующей энергии, висящий в невидимой паутине силовых линий там, куда никогда не добраться дневному свету.

Принц Который Был Тысячью щекочет его лазерными лучами, окатывает гамма-излучением, пичкает, меняя диапазон, инфра- и ультразвуком.

И оно замолкает, и на какой-то миг Принц поднимает голову от принесенного им с собой оборудования, его зеленые глаза расширяются, уголки тонких губ ползут было кверху — к улыбке, которая им никак не дается.

Оно опять начинает вопить.

Он скрежещет своими молочно-белыми зубами и отбрасывает за спину черный капюшон.

Его волосы — нимб червонного золота в полумраке

Места Без Дверей. Он смотрит вверх на почти видимую форму, которая корчится среди света. Так часто проклинал он ее, что его губы сами механически артикулируют все те же слова, которыми всегда сопровождает он свои неудачи.

Ибо десять столетий пытается он убить его, а оно все живет.

Скрестив на груди руки, он опускает голову и исчезает.

Что-то темное кричит среди света, среди ночи.

* * *

Мадрак опрокидывает кубок, в очередной раз наполняя их бокалы.

Врамин поднимает свой, оглядывает широкую эспланаду, раскинувшуюся перед павильоном, осушает бокал.

Мадрак опять подливает.

— Это не жизнь, и это не честно.

— Но ведь ты никогда не поддерживал активно программу.

— Ну и что с того? Мною движет сиюминутное чувство.

— Чувство поэта...

Врамин поглаживает бороду.

— Я не способен на полную преданность чему или кому бы то ни было, — отвечает он.

— Соболезную, бедный Ангел Седьмого Поста.

— Этот титут минул вместе с Постом.

— В изгнании аристократия всегда стремится подчеркнуть соответствующие ее рангу пунктики.

— Взгляни в темноте себе в лицо — что ты увидишь?

— Ничего.

— Совершенно верно.

— Но какая тут связь?

— Темнота.

— Не вижу никакой связи.

— Ну еще бы, жрец-воитель, так и должно быть в темноте.

— Перестань, Врамин, загадывать загадки. В чем дело?

— Почему ты искал меня здесь, на ярмарке?

— У меня с собой последние данные по населению. Я поражен — они, чего никогда не бывало, приближаются к мифической Критической Точке. Не хочешь ли посмотреть?

— Нет. Мне это ни к чему. Бог с ними, с данными, но выводы твои справедливы.

— Ты что, ощущаешь это благодаря своему особому восприятию — по приливам Силы?

Врамин кивает.

— Дай мне сигарету, — говорит Мадрак.

Жест Врамина — и у него между пальцев появляется горящая сигарета.

— На сей раз это что-то особенное, — говорит он. — Это уже не просто отлив потоков Жизни. Боюсь, что произойдет разрыв потоков.

— И как это проявится?

— Не знаю, Мадрак. Но я намерен оставаться здесь, лишь пока это не узнаю.

— Да? И когда ты отбываешь?

— Завтра вечером, хоть я и понимаю, что в очередной раз заигрываю с Черным Потоком. Уж лучше бы я написал что-либо о своей тяге к смерти, желательно пентаметрами.

— А кто-нибудь еще остается?

— Нет, кроме нас, на Блисе нет бессмертных.

— Не откроешь ли ты уходя дверь и для меня?

— Ну конечно.

— Тогда я остаюсь на ярмарке до завтрашнего вечера.

— Я бы настоятельно посоветовал тебе не ждать, а уйти прямо сейчас. Хочешь, открою дверь?

Еще один жест, и Врамин тоже затягивается сигаретой. Он замечает, что его бокал наполнен, и делает из него глоток.

— Уйти прямо сейчас было бы весьма мудро, — рассуждает он, — но сама по себе мудрость есть продукт знания; ну а знание, к несчастью, обычно является продуктом дурацких поступков. И вот, дабы увеличить сумму своих знаний и стать мудрее, останусь я здесь еще на день, чтобы увидеть, как все произойдет.

— Так ты ожидаешь, что завтра произойдет что-то из ряда вон выходящее?

— Да. Разрыв потоков. Я чувствую, что на подходе Силы. А совсем недавно что-то изменилось в том великом Доме, куда все движется.

— Тогда и я хочу приобрести эти знания, — говорит Мадрак, — поскольку затрагивают они бывшего моего господина Который Был Тысячью.

— Ты цепляешься за обветшалую преданность, могущественный.

— Может быть. Ну а какое же оправдание у тебя? Почему стремишься ты стать мудрее такой ценою?

— Сама мудрость и есть конечная цель. Ну а кроме того, события эти могут стать источником великого искусства.

— Если смерть — источник великого искусства, я предпочитаю искусство поменьше. На мой-то взгляд, Принц просто должен знать о всем новом, что случается в Срединных Мирах.

— Я пью за твою преданность, старый дружище, хотя и считаю, что прежний наш господин ответствен — хотя бы отчасти — за теперешнюю неразбериху.

— Мне хорошо известно, как ты к этому относишься.

Поэт делает очередной глоток и опускает бокал. Глаза его становятся озерами одного цвета — зеленого. Исчезает и белок, окружавший зеленое колечко, и зрачок, в нем плававший. Теперь его глаза — словно бледные изумруды, и внутри каждого живет по желтой искорке.

— В качестве мага и провидца, — говорит он, и голос его становится далеким и безжизненным, — возвещаю, что только что прибыл на Блис предвестник хаоса. И еще возвещаю я, что грядет и другой, ибо слышу беззвучный стук подков во тьме и вижу невидимое, когда перескакивает оно со звезды на звезду гигантскими шагами. И сами можем мы быть втянуты в надвигающееся, хотя этого и не хотим.

— Где? И как?

— Здесь. И это не жизнь, это не честно.

Мадрак кивает и говорит:

— Аминь.

Волшебник скрежещет зубами.

— Наша участь — быть свидетелями, — решает он, и глаза его горят адским пламенем, а костяшки пальцев белеют на серебряном набалдашнике его черной трости.

* * *

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света. В зеркале оживают образы стоящего перед ним ничто.

Висит оно в комнате, никогда не знавшей убранства, висит на стене, покрытой темными гобеленами, висит перед Алой Ведьмой и ее пламенем.

Смотреть в него — все равно что заглядывать через окно в комнату, затянутую розовой паутиной, волнуемой внезапным сквозняком.

Ее наперсник устроился у нее на правом плече, его голый хвост свисает, касаясь шеи, между ее грудей. Она гладит его по головке, и он виляет хвостом.

Она улыбается, и паутину потихоньку начинает сдувать. Вокруг нее пляшет пламя, но ничего не загорается.

И вот уже нет паутины, и глядит она на цвета Блиса.

Ну а если поточнее, смотрит она на высокого, обнаженного до пояса мужчину, который стоит в центре тридцатипятифутового круга, окруженного со всех сторон людьми.

У него широкие плечи и узкая талия. Он бос, на нем облегающие черные брюки. Он смотрит вниз. Волосы его песочного цвета, огромны мускулы рук, кожа бледна. Талию его стягивает широкий темный ремень со зловещим рядом заклепок на нем. Желтыми глазами смотрит он вниз, как пытается подняться лежащий на земле человек.

Человек этот широк в плечах, широк в груди, мощен торсом. Он приподнимается на одной руке. Борода скользит по его плечу, когда он закидывает голову назад, чтобы посмотреть вверх. Губы его шевелятся, но зубы крепко стиснуты.

Стоящий делает ногой почти осторожное движение и выбивает из-под него руку, на которую тот опирается. И упав лицом вниз, бородач больше не шевелится.

Чуть попозже в круг вступают двое и уносят прочь упавшего человека.

— Кто это? — пищит наперсник.

Красная Ведьма трясет, не отвечая, головой и смотрит дальше.

В круг вступает четырехрукий человек, его здоровенные косолапые ступни кажутся еще одной парой рук на конце кривых ног. На его теле нет ни волоска, весь он сияет и лоснится; приближаясь к стоящему в центре, он потихоньку пригибается, пока нижние его руки не начинают упираться в землю. При этом он выворачивает наружу колени и слегка откидывается назад, так что голова и плечи его остаются перпендикулярными земле, хотя на высоте уже всего футов трех от нее.

По-лягушачьи прыгнув вперед, он не достигает мишени, в которую целил, а получает вместо этого удар ладонью по загривку и еще один — в солнечное сплетение. Каждая рука описывает полукруг, и он переворачивается — голова, руки, руки, ноги — и рушится на землю. Но тут же припадает к ней, трижды вздымаются его бока, и он опять прыгает.

На сей раз высокий ловит его за лодыжки и держит вверх тормашками на расстоянии вытянутой руки от себя.

Но четырехрукий изгибается и хватает держащие его руки, а головой с размаху бьет соперника в живот. На голове у него появляется кровь, ибо попал он в заклепки на поясе, но высокий его не отпускает. Вращаясь на пятках, он начинает раскручивать человека-лягушку вокруг себя. Он все наращивает скорость и, наконец, крутится, как волчок. Лишь через минуту начинает он замедляться, и становится видно, что глаза четырехрукого закрыты. Тогда он опу-

скает его на землю и тут же на него падает; пара неуловимых жестов, и он встает. Четырехрукий лежит не шевелясь. Вскорости уносят и его.

Затем он побеждает еще троих, в том числе и Вилли-Чертополоха, трехчетвертного чемпиона Блиса, которому не помогают его механические клешни; и толпа сажает высокого человека себе на плечи, увенчивает его венком, несет на помост, где ему вручают за победу кубок и чек на изрядную сумму. Он не улыбается, пока его взгляд не падает на стоящую неподалеку Мегру из Калгана, и перекрестье светлого икса у нее на лбу служит прицелом для его взглядов, пока, наконец, не оказывается он способен — предварительно обувшись — последовать за ними и сам.

Она ждет этого.

Красная Ведьма всматривается в губы зевак.

— Вэйким, — говорит она наконец. — Они зовут его Вэйким.

— А почему мы следим именно за ним?

— Мне приснился сон, который я истолковала так: «Следи за местом, где сменяются потоки». Даже здесь, за пределами Срединных Миров, разум колдуньи по-прежнему связан с течениями и потоками Силы. Хотя я и не могу их сейчас использовать, я по-прежнему их воспринимаю.

— А почему этот... этот Вэйким... в месте смены?

— Это зеркало всеведуще — но бессловесно. Оно показывает все, но ничего не объясняет. Оно сориентировалось по моему сну, и мне остается только медитировать над увиденным, чтобы в нем разобраться.

— Он силен и очень, очень быстр.

— Да, я не видела подобных ему с того самого времени, когда солнцеглазый Сет пал перед Крушащим Солнца Молотом в битве с Безымянным. Вэйким нечто большее, чем кажется он этой толпе или девчонке, к которой он сейчас направляется. Смотри, я все осветляю и осветляю зеркало. И не нравится мне черная аура, что разлита вокруг него. Это из-за него — и из-за него тоже — был нарушен мой сон. Нужно проследить за ним. Мы должны узнать, что он собой представляет.

— Он возьмет девчонку за гору, — говорит наперсник, тыкаясь холодным носом ей в ухо. — О, давай посмотрим!

— Хорошо, — говорит ведьма, и наперсник ее виляет хвостом и хватается передними лапками за свою кудрявую голову.

* * *

Человек стоит посреди окруженного розовой живой изгородью и заполненного цветами всех цветов пространства. Есть тут и скамьи, и стулья, найдется ложе-другое, стол, шпалера розовых кустов — все это под огромным зеленым зонтичным деревом, что застит небо. Воздух заполнен благоуханием, ароматами цветов, просачиваются сквозь него и отголоски музыки. Бледные огоньки проплывают среди ветвей дерева. Крохотный возбуждающий фонтанчик поблескивает рядом со столом у ствола дерева.

Девушка закрывает калитку в ограде. Снаружи загорается надпись «Не беспокоить». Она подходит к мужчине.

— Вэйким, — говорит она.

— Мэгра, — отвечает он.

— Знаешь ли ты, почему я попросила тебя прийти сюда?

— Это же сад любви, — говорит он, — и мне кажется, что я разбираюсь в местных обычаях...

Она улыбается, снимает с груди бретельки, вешает их на розовый куст и кладет руки ему на плечи.

Он пытается притянуть ее к себе, но ему это не удается.

— Ты сильна, малышка.

— Я привела тебя бороться, — сообщает она.

Он косится на голубое ложе, потом смотрит на девушку, и в уголках его рта появляется улыбка.

Она медленно качает головой.

— Не так, как ты думаешь. Сначала ты должен победить меня в схватке. Мне не нужен обычный мужчина, чей хребет может не выдержать моих объятий. Ни к чему мне и тот, кто устанет через час — или три. Мне нужен мужчина, чья сила текла бы рекою — бесконечно. Таков ли ты, Вэйким?

— Ты видела меня в схватке.

— Ну и что с того? Я сильнее всех мужчин, с которыми когда-либо встречалась. Ведь и сейчас, когда ты все сильнее и сильнее притягиваешь меня к себе, у тебя ничего не выходит.

— Я боюсь причинить тебе боль, детка.

В ответ она смеется и сбрасывает его руку со своего запястья, ныряет под нее, хватает его за бедро — та разновидность *наге-ваза*, которая называется *ката-гарума*, — и швыряет его через весь сад любви.

Он поднимается на ноги и поворачивается к ней. Затем стягивает через голову свою рубашку, которая была белой. Он встает на цыпочки и вешает ее на ветку дерева.

Она подходит к нему вплотную.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

В ответ он срывает с куста розу и протягивает ей.

Она отводит локти далеко назад, сжимает кулаки. Затем обе ее руки устремляются вперед, и, вращая кулаками, она наносит ими два удара-близнеца ему прямо в живот.

— Тебе, похоже, не нужен цветок, — роняя его, с трудом выдавливает из себя Вэйким.

Ее глаза мечут синие молнии, когда она наступает на розу.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

— Да, — говорит он. — Я научу тебя захвату, который называется «Поцелуй».

И он сжимает ее в своих могучих объятьях, тесно прижимая к себе. Он находит ее рот, хотя она и отворачивает лицо; он выпрямляется и отрывает ее от земли. Она не может вздохнуть в его объятиях, не может высвободиться из них; и поцелуй длится, пока силы не начинают оставлять ее, и он несет ее к ложу и укладывает на него.

Повсюду розы, розы, музыка, движущиеся огоньки — и один сломанный цветок.

Красная Ведьма тихо плачет.

Ее наперсник ничего не понимает.

Ну да скоро поймет.

Зеркало заполняют мужчина на женщине, женщина под мужчиной.

И видны в нем движения на Блисе.

ИНТЕРЛЮДИЯ В ДОМЕ ЖИЗНИ

Озирис сидит в Доме Жизни, потягивая кроваво-красное вино. Вокруг него в воздухе разлито зеленое свечение, и не отыщешь здесь и намека на что-либо холодное или резкое. Сидит он в Зале Ста Гобеленов, и вовсе не видно за оными стен. Пол устлан тканью — толстой, мягкой, золотистой.

Он отставляет пустой бокал и встает. Пересекая Зал, подходит к зеленому гобелену, отодвинув его, заходит в открывшийся за ним застенок. Нажимает на три координатные кнопки в стене и, отодвинув вновь гобелен, выходит в комнату, расположенную в 348 милях к юго-юго-западу от Зала Ста Гобеленов на глубине 78544 футов.

Комната погружена в полутьму, но и здесь чувствуется присутствие зеленого свечения.

На полу, скрестив ноги, сидит человек в красной набедренной повязке и, кажется, не замечает вошедшего. Его спина согнута, и он не шевелится. Тело у него нормально сложенное, гибкое, мускулатура как у пловца. Волосы густые, очень темные, но все же еще не черные. Светлая кожа. Он наклонился вперед и вроде бы не дышит.

Внезапно напротив него появляется еще один человек, он сидит в той же позе и одет точно так же. Его фигура, волосы, мускулатура — те же самые. Во всех отношениях он тот же, и он отрывает свои темные глаза от крохотного желтого кристалла, который перед тем созерцал. Он смотрит вверх и видит птичью голову Озириса — оранжево-зеленую, желто-черную; глаза его расширяются, когда он произносит: «Опять получилось», и сидящий к Озирису спиной исчезает.

Его двойник берет кристалл и прячет его в подвешенный к поясу матерчатый футляр.

— Девятисекундная фуга, — говорит он.

— Это твой рекорд? — спрашивает Озирис, и звучит его голос, как скрипучая пластинка, проигрываемая на слишком большой скорости.

— Да, отец.

— Ты еще не можешь ею управлять?

— Нет.

— А сколько на это уйдет еще времени?

— Кто знает? Ишибока говорит, что, быть может, пара-другая столетий.

— И ты станешь мастером?

— Заранее никто не поручится. Во всех мирах не наберется и трех десятков мастеров. Чтобы достичь нынешнего уровня, мне понадобилось два века, и лишь менее года тому назад появились первые результаты. Конечно, когда сила обретена, она продолжает расти сама собой...

Озирис качает головой и делает шаг вперед, кладет руку ему на плечо.

— Гор, сын мой и мститель, я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что. Лучше бы ты был мастером фуги, ну да это не обязательно. Чтобы выполнить это задание, вполне можно обойтись и твоими способностями.

— Что же это за задание, отец?

— Твоя мать, желая вновь добиться моего расположения и вернуться из изгнания, сообщила мне кое-какую новую информацию об активности моего коллеги. Похоже, что Анубис послал в Срединные Миры нового эмиссара; без сомнения, чтобы обнаружить нашего старинного врага и уничтожить его.

— Ну и хорошо, — кивает Гор, — если он преуспеет. Я, правда, в этом сомневаюсь, ибо все предыдущие его посланцы каждый раз терпели неудачу. Сколько он их уже послал? Пятерых? Шестерых?

— Шестерых. Этот, которого он окрестил Вэйкимом, — седьмой.

— Вэйким?

— Да, и эта сука говорит, что он — нечто особенное.

— То есть?

— Возможно, что шакал потратил целую тысячу лет, натаскивая его ради этой цели. Может быть, что он столь же искусен в бою, как и сам Мадрак. И похоже, что он носит особый знак, которого не было ни у кого из предыдущих. Не исключено, что ему дозволено черпать энергию прямо из поля.

— Хотел бы я знать, как пес до этого додумался? — улыбаясь, спрашивает Гор.

— Похоже, что он изучил приемы, которые используют против нас бессмертные.

— Так что же ты хочешь, чтобы я сделал? Помог ему против твоего врага?

— Нет. Я пришел к выводу, что тот из нас, кто преуспеет в уничтожении Принца Который Был Тысячью, завоюет поддержку его падших Ангелов, которые числятся ныне среди бессмертных. Остальное ясно. Тот, кто не преуспеет, направлен будет, вне всякого сомнения, рукою своих сотоварищей в Дом Мертвых. Сейчас подходящий момент. Позабыты былые узы верности. Я уверен, все с облегчением примут одного нового правителя, того, кто положит конец их изгнанническому прозябанию. А с поддержкой бессмертных один из Домов сможет добиться господства.

— Я уловил ход твоих рассуждений, отец. Вполне вероятно, что они справедливы. Ты поручаешь мне отыскать Принца Который Был Тысячью и убить его во имя Жизни?

— Да, мой мститель. Как тебе кажется, ты справишься с этим?

— Меня смущает, что ты задаешь подобный вопрос, зная о моей силе.

— Принц не будет легкой добычей. На что он способен, так по сути дела и не известно, и я не могу сказать тебе, ни как он выглядит, ни где бывает.

— Я разыщу его. Я его прикончу. Но может, мне для начала лучше убрать этого Вэйкима?

— Нет! Он сейчас на Блисе, где вот-вот разразится чума. Не связывайся с ним, Гор! По крайней мере, пока я тебе не скажу. У меня по отношению к нему какое-то странное чувство. До того, как разрешить подобную попытку, я должен разобраться, кем он был раньше.

— Но почему, могущественный? Разве это имеет какое-то значение?

— Возвращаются, смущая меня, воспоминания о днях более древних, нежели чем ты, но должны они остаться невысказанными. Ни о чем меня больше не спрашивай.

— Хорошо.

— Твоя шлюха-мать просила меня изменить мои планы касательно Принца. Если тебе случится по-

встречать ее в своих странствиях, не позволяй смутить себя призывами к снисходительности. Принц должен умереть.

— Она хочет, чтобы он жил?

Озирис кивает.

— Да, она к нему очень благоволит. Быть может, она проинформировала нас о Вэйкиме только для того, чтобы спасти от него Принца. Она пойдет на любую ложь, лишь бы добиться своего. Смотри не попадись на доверчивости.

— Постараюсь.

— Тогда я отправляю тебя, Гор, мой мститель и сын, как первого посланника Озириса в Срединные Миры.

Гор склоняет голову, и Озирис, на миг расстрогавшись, возлагает на нее руку.

— Считай, что он уже мертв, — медленно произносит Гор, — ибо разве не я уничтожил самого Стального Генерала?

Озирис не отвечает, ибо и он тоже уничтожил однажды Стального Генерала.

ТЕМНА ЛОШАДИНАЯ ТЕНЬ

В Тронном Зале Дома Мертвых на стене позади трона Анубиса лежит огромная тень. Она вполне сошла бы за украшение — вырезанное или нарисованное, — не будь ее чернота столь абсолютной, словно содержащей внутри себя некую бездонную глубину. И к тому же она не совсем неподвижна.

Это тень чудовищной лошади, и сверкающие огнем по обеим сторонам от трона жаровни ничего не могут поделать с ней своим трепещущим светом.

И нечему в Тронном Зале Дома Мертвых отбрасывать подобную тень, но, будь у тебя в этом Зале уши, услышали бы они тихое дыхание. И с каждым выдохом понижается пламя, потом вспыхивает вновь.

Медленно движется она по Залу и наконец возвращается, чтобы остаться на троне, целиком закрывая его от твоих глаз, будь у тебя там таковые.

Движется она бесшумно, меняясь в размерах, ме-

няя форму. У нее есть и грива, и хвост, и четыре ноги — с копытами, судя по контуру.

Вновь разносится звук — вдохи и выдохи, — словно работают мощные органные меха.

Она встает на дыбы, на задние ноги, словно человек, и передние ее ноги отбрасывают на трон тень в виде наклоненного креста.

Вдалеке раздаются звуки шагов.

Когда входит Анубис, по Залу проносится могучий порыв ветра и кто-то, фыркнув, хихикает.

И все погружается в безмолвие; собакоголовый смотрит на тень перед своим троном.

СМЕНА ПОТОКА

Вслушайся в звуки Блиса: сегодня на Ярмарке Жизни вопли.

На постоялом дворе обнаружено распухшее тело.

Когда-то оно было мужчиной. Теперь же это просто испещренный пятнами мешок, лопнувший уже в десятке мест и сочащийся через эти прорехи зловонной жижей. Из-за запаха его и обнаружили.

Завопила горничная.

Набежала толпа.

Видишь, как они толкутся, задавая друг другу вопрос, на который не могут ответить?

Они забыли, что надо делать перед лицом смерти.

Но подавляющее большинство очень скоро этому научится.

Сквозь толпу зевак проталкивается Мегра из Калгана.

— Я нянечка, — говорит она.

Они дивятся ее поведению, ведь нянечки должны иметь дело с детишками, а не с вонючими трупами.

Рядом с нею идет высокий мужчина, он ничего не говорит, и толпа словно не существует для него.

Коротышка в соломенной шляпе уже успел натянуть вокруг места происшествия веревку и начинает продажу билетов желающим пройтись мимо останков. Мегра просит высокого мужчину, а зовут его Вэйким, остановить представление. Вэйким вдребез-

ги разносит машину-контролера и прогоняет коротышку.

— Он мертв, — говорит Мегра, глядя на тело.

— Конечно, — подтверждает Вэйким, который, проведя тысячу лет в Доме Мертвых, неплохо разбирается в подобных материях. — Давай, накроем его простыней.

— Я не знаю болезни, от которой бы так умирали.

— Значит, это новая болезнь.

— Надо что-то сделать. Если она заразна, может начаться эпидемия.

— И начнется, — говорит Вэйким. — Люди будут умирать быстро, ибо распространится она стремительно. Так много людей теснится на Блисе, что этого не предотвратить. Даже если противоядие будет обнаружено в ближайшие же дни, все равно население уменьшится в десятки раз.

— Нужно изолировать тело, мы должны отправить его в ближайший Родильный Центр.

— Если хочешь...

— Как ты можешь быть таким бесчувственным перед лицом трагедии?

— Смерть не трагична. Может быть патетична, но никак не трагична. Давай прикроем его простынями.

Она отвешивает ему пощечину, звук от которой разносится по всему павильону, и отворачивается от него. На стене она ищет глазами кольцо связи, но когда она делает к нему шаг, одноглазый мужчина во всем черном заступает ей путь.

— Я уже вызвал ближайший центр. Аэрокар уже в пути, — говорит он.

— Благодарю тебя, Отец. Ты не мог бы убрать отсюда всех этих людей? Тебя они послушают скорее, чем кого-либо другого.

Он кивает. Вэйким прикрывает тело. Мегра опять поворачивается к нему, пока одноглазый убеждает толпу разойтись, и подчиняются потихоньку зеваки его словам и посоху.

— Как можешь ты так легко относиться к смерти? — спрашивает она Вэйкима.

— От нее же никуда не денешься, — отвечает он. — Она неизбежна. Я же не оплакиваю опадающий лист или разбивающуюся о берег волну. Я не

скорблю по падающей звезде, когда она сгорает в небе. К чему скорбь?

— Но это все не живое.

— Не жив и человек, когда вступает он в Дом Мертвых, а ведь все приходят туда.

— Так было когда-то. Уже много веков никто с Блиса не приходил туда. Когда жизнь подходит к концу, это всегда трагедия.

— Не так уж и отличаются жизнь и смерть.

— Ты — просто выродок, — заявляет она и отвешивает ему еще одну пощечину.

— Это оскорбление или диагноз? — спрашивает он.

Тут с другого конца Ярмарки доносятся новые крики.

— Пошли скорее, мы должны помочь, — говорит она и делает шаг.

— Нет!

Он хватает ее за руку.

— Пусти меня!

— Боюсь, что не сделаю этого. Незачем нести караул у каждого нового трупа. Ты лишний раз подвергаешься риску — и только. Я не хочу терять только-только приобретенного партнера — такого, как ты. Я заберу тебя обратно в сад, там вдоволь еды и питья, мы вывесим надпись «Не беспокоить» и будем ждать, как развернутся события.

— И будем миловаться, пока мир умирает? Ты бессердечен!

— Разве ты не хочешь хотя бы отчасти компенсировать уходящую жизнь?

Она бьет его свободной рукой, и он падает на одно колено и прикрывается рукой.

— Отпусти меня! — кричит она.

— Да, пусть леди идет, куда пожелает.

В павильоне еще двое. Слова эти произнес жрец-воитель Мадрак, он остался после того, как толпа разошлась. Рядом с ним стоит теперь зеленый волшебник, известный смертным под именем Врамин.

Вэйким поворачивается к ним.

— Кто ты такой, — спрашивает он, — чтобы давать мне указания?

— Меня зовут Мадрак и часто называют Могучим.

— Меня это не касается. А свои указания оставь при себе. Уходи.

Он ловит вторую руку Мегры и после короткой борьбы поднимает ее на руки.

— Предупреждаю тебя, отпусти леди.

И Мадрак поднимает перед собой свой посох.

— Уйди с дороги, Мадрак.

— Должен предупредить тебя, пока ты не зашел слишком далеко, что я — бессмертный, и сила моя прославлена по всем Срединным Мирам. Не кто иной, как я уничтожил кентавра Даргота, низринув его в Дом Мертвых. До сих пор поются песни об этой битве, длившейся день и ночь — и еще целый день.

Вэйким ставит Мегру на ноги и отпускает ее.

— Да, это меняет дело, бессмертный. Я вернусь к девушке чуть попозже. Скажи мне теперь, ты противник владычества Дома Жизни и Дома Мертвых?

Мадрак покусывает краешек бороды.

— Да, — отвечает он наконец. — А тебе какое дело?

— Я собираюсь уничтожить тебя — да и твоего дружка тоже, если числится он среди двухсот восьмидесяти трех бессмертных.

Волшебник улыбается и раскланивается.

Мегра выскальзывает из павильона.

— Леди сбежала от тебя, — комментирует Врамин.

— Ничего, я верну все на круги своя.

И, подняв левую руку, Вэйким шагает к Мадраку.

Мадрак начинает крутить в руке свой посох, и тот постепенно становится почти невидимым. Тогда он наносит удар.

Вэйким уклоняется от первого удара, но второй попадает ему по плечу. Он пытается поймать посох, но ему это не удается. Он получает еще один удар. Он пытается сблизиться с Мадраком, но остановлен горизонтальным *мулине* поперек груди. Тогда он отступает, начинает, пригнувшись, обходить соперника, оставаясь вне пределов досягаемости его посоха.

— Как это тебе удается удерживаться на но-

гах? — спрашивает Врамин; покуривая, он стоит в стороне.

— Я не могу упасть, — отвечает Вэйким.

Он опять делает выпад, и вновь отброшен назад.

Теперь уже Мадрак раз за разом идет в атаку, но каждый раз Вэйким уклоняется от удара и пытается перехватить посох.

Наконец, Вэйким останавливается и отступает на несколько шагов.

— Хватит дурачиться! Время уходит, и мне все труднее будет разыскать девушку. Ты ловко управляешься со своей палкой, жирный Мадрак, но теперь и она тебе не поможет!

И, слегка наклонив голову, Вэйким исчезает прямо там, где стоял, и Мадрак лежит на земле, а перед ним — его сломанный посох.

Вэйким стоит теперь рядом с ним с поднятой, словно после нанесенного удара, рукой.

Поэт роняет свою сигарету, и трость подскакивает у него в руке, описывая вокруг кольцо зеленого пламени. Вэйким оборачивается к нему.

— Фуга! — восклицает Врамин. — Настоящий мастер фуги! Причем направленной в будущее! Кто ты такой?

— Меня зовут Вэйким.

— Откуда ты знаешь точное число бессмертных, двести восемьдесят три?

— Я знаю то, что знаю, и это пламя не спасет тебя.

— Может, нет, а может, да, Вэйким. Но я не противник владычества Дома Жизни и Дома Мертвых.

— Ты бессмертный. Само твое существование опровергает твои слова.

— Я слишком беспристрастен, чтобы сопротивляться чему-либо из принципа. Моя же жизнь, это совсем другое дело, — и его глаза вспыхивают зеленым огнем.

— Прежде чем ты попытаешься обратить свою силу против меня, Вэйким, знай, что уже слишком поздно...

Он поднимает трость.

— Тебя послали либо пес, либо птица, и нет никакой разницы, кто именно...

Вверх фонтаном взлетают зеленые искры, заполняют весь павильон.

— Я знаю, ты не просто предвозвестник чумы. Ты слишком одарен, ты, по меньшей мере, посланник...

Павильон вокруг них исчезает, и они стоят теперь на открытом воздухе в самом центре Ярмарки.

— Знай же, что до тебя были и другие, и все они потерпели неудачу...

Зеленый луч срывается с трости и сигнальной ракетой прочерчивает небосклон.

— И двое из них пали от руки того, кто приближается сейчас...

Свет в вышине не исчезает, пульсирует.

— Смотри же на того, кто является на сцену среди хаоса, на того, чья холодная металлическая рука поддерживает слабых и угнетенных.

Он грядет, скачет с небес верхом на огромном звере из полированного металла. Зверь этот о восьми ногах, и копыта его — бриллианты. Он замедляется с каждым скачком, ибо каждый новый его шаг вдвое короче предыдущего.

— Его зовут Стальной Генерал, и он тоже мастер фуги, Вэйким. Он откликнулся на мой сигнальный огонь.

Вверх смотрит Вэйким и видит того, кто был когда-то человеком. Благодаря то ли магии Врамина, то ли собственному предчувствию, знает он, что будет это для него первое настоящее испытание на всей его тысячелетней памяти.

Зеленое пламя падает теперь на Мадрака, он шевелится и со стоном встает.

Восемь бриллиантов касаются земли, и до Вэйкима доносятся издалека звуки банджо.

* * *

Красная Ведьма вызывает Колесницу Десяти и приказывает подать себе золотой плащ. Сегодня направляется она через все небо — в Кольцо, в середине которого движутся Миры.

Сегодня направляется она через все небо, чтобы со свойственной ей неистовостью показать...

Там, в мирах Жизни и Смерти, в хорошо ей знакомых мирах.

И вот, одни говорят, что ее имя — Милосердие, другие — Вожделение. Ее потаенное имя — Изида. Ее потаенный дух — прах.

* * *

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света.

ОБИТЕЛЬ СОКРОВЕННОГО ЖЕЛАНИЯ

Принц Который Был Тысячью прогуливается у моря и под морем. Второй разумный обитатель мира, по которому он прогуливается, так и не знает, создал Принц этот мир или только открыл его. И в самом деле, никогда нельзя быть уверенным, что именно делает мудрость: порождает нечто или только его обнаруживает; ну а Принц, без сомнения, мудр.

Он идет берегом. В семи шагах у него за спиной проступают на песке следы его ног. Высоко над головой висит моресвод.

Море висит у него над головой, поскольку нет у моря выбора. Мир, по которому прогуливается Принц, устроен так, что когда приближаешься к нему с любой стороны, кажется, что нет в нем ни клочка суши, ни кусочка тверди. Если же, однако, нырнуть, погрузиться достаточно глубоко в окружающее этот мир море, то вынырнешь на морском дне в верхние слои атмосферы. Спускаясь дальше, доберешься и до суши. Прогуливаясь по ней, наткнешься и на другие водоемы, водоемы, окруженные сушей, под морем, что висит в небе.

Открытое море протекает примерно в тысяче фу-

тов над головой. У дна плавают светящиеся рыбы, напоминая изменчивые созвездия. А внизу, на суше все полно отблесков.

Говаривали, что мир наподобие безымянного этого места с морем вместо небес не может, по всей вероятности, существовать. Говорившие явно ошибались. Достаточно постулировать существование бесконечности, остальное приложится.

Принц Который Был Тысячью находится в совершенно исключительном положении. Помимо всего прочего, он — телепортист, а это еще более редкое явление, чем мастер фуги времен. Очень редкое явление — по правде, он — единственный его образец. Он может переносить себя — причем мгновенно — в любое место, какое только сможет реально себе представить.

А воображение у него очень живое. Допустим, что всякое место, о котором ты можешь помыслить, существует где-то в бесконечности. Так вот, если Принц тоже способен о нем помыслить, то он способен его также и посетить. Ну а далее, некоторые теоретики утверждают, что визуализация Принцем определенного места и самовозволение в него — это на самом деле акт творения. Никто не знал прежде об этом месте, и если Принц способен его отыскать, то, возможно, он просто дает ему стать. Тем не менее — постулируй бесконечность, остальное приложится.

У Принца нет ни малейшей идеи касательно того, где и как расположен этот безымянный мир по отношению к остальной вселенной. И его это не волнует. Он может прийти и уйти когда захочет, взяв с собой кого пожелает.

Но пришел он, однако, один, ибо хочет навестить свою жену.

Он стоит у моря, под морем и выкликает ее имя, Нефтида, и ждет, пока не прилетит к нему над водой ветерок, не коснется его, не назовет его имя.

Тогда склоняет он чело и чувствует, что вокруг кто-то есть.

— Как поживает мир с тобой, любимая? — спрашивает он.

И пронизывает воздух всхлипывание, нарушает монотонную круговерть бурунов.

— Хорошо, — приходит ответ. — Ну а ты, мой господин?

— Буду правдив, а не вежлив — так себе.

— Оно все кричит по ночам?

— Да.

— Я думала о тебе, когда струилась и веяла. Я наделала птиц, чтобы не так одиноко было мне в воздухе, но крики их либо пронзительны, либо печальны. Ну так что же сказать мне тебе, чтобы быть более вежливой, чем правдивой? Что не сыта я по горло этой жизнью, которая и не жизнь вовсе? Что не сохну от желания вновь стать женщиной, а не дыханием, цветом, движением? Что не жажду вновь дотронуться до тебя, почувствовать еще раз твое прикосновение к моему телу? И чтобы все эти глаголы из метафор стали реальностью? Тебе ведомо все, что могу я сказать, но — увы — ни один из богов не обладает всемогуществом. Я не буду ныть, мой господин, однако боюсь я безумия, которое иногда меня посещает, — ты не знаешь, как это угнетает, — никогда не есть, никогда не спать, никогда не притронуться ни к чему твердому. Сколько уже минуло времени..?

— Много веков.

— ...Я знаю, что все жены по отношению к своим мужьям порядочные суки, и прошу у тебя прощения. Но кому еще могу я поскулить, кроме тебя?

— Все правильно, моя Нефтида. Если бы я только мог вновь воплотить тебя; ты же знаешь, мне тоже очень одиноко. И я пытался.

— Да. Покончив с Тем Что Кричит, ты накажешь Озириса и Анубиса?

— Конечно.

— Прошу, не уничтожай их сразу, вдруг они могут помочь мне. Обещай им снисхождение, если они вернут меня тебе.

— Может быть.

— Ибо мне так одиноко. Мне хотелось бы уйти отсюда.

— Чтобы сохранить тебя в живых, тебя нужно окружить со всех сторон водой. Чтобы тебя занять, нужен целый мир.

— Знаю, знаю...

— Если бы Озирис не был так чертовски мстителен, все могло сложиться совсем по-другому. Ну а теперь, ты же понимаешь, мне не остается ничего другого, кроме как убить его, когда разрешится вопрос с Безымянным.

— Да, я знаю и принимаю. Но что с Анубисом?

— Время от времени он пытается убить меня, это все ерунда. Может статься, я прощу его. Но не моего птицеголового Ангела. Этого — никогда.

Принц Который Был (среди прочего) Королем садится на камень и смотрит на морской простор, потом вверх, на морское дно. Над ним лениво перемещаются огоньки. Высокие горы суют свои носы в океанские глубины. Бледный, рассеянный свет царит здесь, приходит со всех сторон. Принц бросает плоский камешек, и тот исчезает, подпрыгивая на мерно катящихся волнах.

— Расскажи мне снова о днях битвы тысячу лет назад, — говорит она, — о днях, когда пал тот, кто был тебе сыном и отцом, величайший воитель, какой только вступался когда-либо за шесть людских рас.

Принц безмолвствует, глядя на океан.

— Зачем? — спрашивает он.

— Каждый раз, когда ты рассказываешь об этом, ты воодушевляешься на новые действия.

— ...Ведущие к новым неудачам, — заканчивает Принц.

— Расскажи, — говорит она.

Принц вздыхает, и рокочут над ним небеса, где плавают светлые рыбы с прозрачными животами. Он протягивает руку, и камешек выпрыгивает из моря обратно в нее. К нему ластится ветерок.

Он начинает говорить.

АНГЕЛ ДОМА ОГНЯ

Вверх смотрит Анубис и видит смерть.

Смерть — это черная лошадиная тень, хотя и нет тут лошади, чтобы тень отбрасывать.

Вцепившись обеими руками в свой жезл, смотрит Анубис.

— Привет тебе, Анубис, Ангел Дома Мертвых, — раздается глубокий, звучный голос, наполняет собой весь Зал.

— Привет, — негромко произносит Анубис, — Хозяин Дома Огня — которого больше нет.

— Здесь тоже многое переменилось.

— Ведь прошло немало времени.

— Весьма.

— Могу ли я поинтересоваться твоим нынешним состоянием здоровья?

— Оно, как всегда, неизменно.

— Могу ли я поинтересоваться, что привело тебя сюда?

— Да. Можешь.

Пауза.

— Я думал, ты мертв, — говорит Анубис.

— Знаю.

— Я доволен, что ты как-то пережил тот смертоносный удар.

— Я тоже. Много веков ушло у меня на возвращение из тех мест, куда меня закинуло такое идиотское применение Молота. Я, как ты знаешь, убрался из пространства за миг до того, как нанес Озирис удар, крушащий солнца. И отбросило меня много дальше, чем я думал, в места, которым и в которых нет места.

— И что же ты делал все это время?

— Возвращался.

— Из всех богов только ты один, Тифон, способен пережить подобный холокост.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сет-Разрушитель, твой отец, погиб в этой бойне.

— Ай!

Анубис затыкает уши, зажмуривается, жезл падает у него из рук на пол. Поистине леденящий душу крик заполняет Зал, наполовину человеческий, наполовину животный, и обе эти составляющие терзают Анубиса, как бы он ни затыкал себе уши.

Постепенно наступает гробовая тишина, и Анубис открывает глаза и опускает руки. Тень теперь меньше — и ближе.

— Как я понимаю, Безымянное тоже было тогда уничтожено?

— Не знаю.

— Ну а что с твоим господином, как Тот?

— Он сложил с себя полномочия Владыки Жизни и Смерти и удалился из Срединных Миров.

— Мне в это не верится.

Анубис пожимает плечами.

— Это реальность — жизни и смерти.

— С чего бы это ему так поступать?

— Не знаю.

— Я хочу встретиться с ним. Где его найти?

— Не знаю.

— Не много от тебя толку, Ангел. Скажи мне теперь, кто заправляет делами в отсутствие моего брата — твоего господина?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ну-ну, псоглавец, по-моему ты прожил достаточно долго, чтобы понять этот простенький вопрос. Кто контролирует нынче потоки Силы?

— Дом Жизни и Дом Мертвых, кто же еще?

— Ах, «кто же еще», вот как! Ну и кто же правит нынче Домом Жизни?

— Озирис, конечно.

— Ясно...

Тень опять становится на дыбы, увеличивается.

— Псоглавец, — говорит Тифон, тень вздыбленной лошади, — я подозреваю заговор — но никогда не убиваю я лишь по подозрению. Но я чувствую, что не все здесь чисто. Мертв мой отец — и, быть может, взывает к отмщению, а если зло причинили и моему брату, то и от этого воспламенится кровь. Тебе пришлось отвечать на мои вопросы быстро, заранее их не обдумав, и ты, быть может, сказал больше, чем хотел. Теперь послушай меня. Я знаю, что ты боишься меня больше всего на свете. Ты всегда боялся лошадиной тени — и был прав. Если тень эта упадет на тебя, Ангел, ты перестанешь существовать. Окончательно и бесповоротно. А она на тебя упадет, если имел ты какое-то отношение к тому, что мне не по нраву. Ты понял меня?

— Да, могущественный Тифон. Ты — единственный бог, которому я поклоняюсь.

И вдруг с воем прыгает вперед Анубис, и уздечка сверкает в его правой руке.

Тень копыта скользит рядом с ним, и падает он на пол. Тень ложится на сверкающую серебром уздечку, и та исчезает.

— Анубис, ты глупец! Почему хотел ты обуздать меня?

— Потому что боюсь я тебя, боюсь за свою жизнь, Господин!

— Не вставать! Не шевелись — или обратишься в ничто! С чего бы тебе бояться меня, если ты не виновен?

— Я не виновен! Я просто боялся, что ты начнешь действовать, не разобравшись. Я не хочу обращаться в ничто. Я хотел обуздать тебя из соображений самозащиты — чтобы сдержать тебя, пока ты не узнаешь все факты. Ибо согласен, на первый взгляд я и в самом деле могу показаться виновным.

Тень шевелится и падает на вытянутую правую руку Анубиса. Рука иссыхает, скрючивается.

— Никогда не сумеешь ты заменить руку, которую дерзнул поднять на меня, Шакал! Пересаживай, прививай новые руки — и все они тут же отсохнут. Приделай металлическую руку — и она не будет тебя слушаться. За твою злокозненность оставлю я тебе только левую руку. Я установлю факты — все факты — лично. И если окажется, что ты виновен, а теперь я думаю, что так оно и есть, стану я сразу и обвинителем, и судьей, и палачом. И ни серебряной уздечке, ни золотым поводьям не сдержать Тифона, да будет тебе известно. И знай, что если целиком пройдет по тебе моя тень, не останется от тебя даже пыли. Я скоро вернусь в Дом Мертвых, и если что-нибудь окажется не так, править здесь станет новая шавка.

По контуру тени начинает разгораться пламя. Тень встает на дыбы, словно собираясь ударить еще раз, ярко вспыхивает огонь, и Анубис остается один, простершись на полу своего Тронного Зала.

Он медленно встает и подбирает левой рукой жезл. Алый язык вываливается у него из пасти, и он, пошатываясь, ковыляет к своему трону. В воздухе

возникает широкое окно, и через него смотрит Анубис на Повелителя Жизни.

— Озирис! — говорит он. — Дьявол жив!

— О чем ты? — раздается в ответ.

— Сегодня на меня упала тень лошади.

— Мда, неприятно. Особенно теперь, когда ты послал своего очередного эмиссара.

— Откуда ты знаешь об этом?

— У меня есть свои источники. Но и я сам поступил так же — впервые — и послал своего сына, Гора. Надеюсь, что я успею отозвать его вовремя.

— Да. Мне он всегда был по душе.

— Ну а твой посланник?

— Я не буду отзывать его. Много бы я дал, чтобы посмотреть, как Тифон попытается его уничтожить.

— Этот твой Вэйким — кто он на самом деле? Кем он был?

— Это мое дело.

— Если — не знаю как — он все же тот, кем, я подозреваю, он может быть, — ты знаешь, что я имею в виду, — отзови его, пес, или между нами никогда не будет мира — если мы оба выживем.

Анубис хмыкает.

— А когда-то он был?

— Нет, — говорит Озирис, — по правде — нет.

— Но Принц впервые высказал в наш адрес угрозу, он грозится положить конец нашему владычеству.

— Да, и с тех пор минуло уже двенадцать лет, пора начинать действовать. По его словам, у нас в запасе еще века, пока он не выступит против нас. Но выступит он наверняка, ибо всегда держит свое слово. Хотя... Кто знает, что у него на уме?

— Ну уж не я.

— А что у тебя с правой рукой?

— На нее пала тень.

— И мы оба пройдем тем же путем — под тень, — если ты не отзовешь своего посланника. Тифон полностью меняет всю картину. Нам нужно войти в контакт с Принцем, попробовать договориться с ним, умиротворить и задобрить его.

— Слишком он умен, чтобы купиться на лживые посулы, и ты недооцениваешь Вэйкима.

— Нам, может, и в самом деле стоит заключить

с ним сделку — не восстанавливая его положения, конечно...

— Нет! Мы победим!

— Докажи это — замени свою руку другой, работающей!

— Хорошо.

— Пока, Анубис, и не забудь, что даже фуга бессильна против Ангела Дома Огня.

— Знаю. Прощай, Ангел Дома Жизни.

— Почему ты величаешь меня былым моим титулом?

— Из-за твоей недостойной боязни, что все вернется на круги своя, как в стародавние дни, Озирис.

— Тогда отзови Вэйкима.

— Нет.

— Тогда, до свидания, глупый Ангел, павший из павших.

— Пока.

И звезды заполняют окно, и сила плещет в нем, пока не закрывает его взмах левой руки меж пылающих жаровен.

Тихо в Доме Мертвых.

ЗАРИСОВКИ

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света.

ЯВЛЕНИЕ СТАЛЬНОГО ГЕНЕРАЛА

Вверх смотрит Вэйким и видит Стального Генерала.

— Мне почему-то кажется, что я должен его знать, — говорит Вэйким.

* * *

— Ну да! — говорит Врамин, и его глаза и трость мечут зеленое пламя. — Все знают о Генерале, скачущем по свету в одиночку. Со страниц истории доносятся громовые удары копыт его боевого коня, Бронзы. Он летел с эскадрильей Лафайетта. Он прикрывал отступление в долине Джарамы. В лютую стужу помогал удерживать Сталинград. С горсткой друзей пытался захватить Кубу. И на каждом поле боя оставлял он свою частичку. В тяжелую пору жил он в Вашингтоне в палатке, пока другой, знаменитейший генерал не попросил его уйти. Он был бит в Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой. Он был внесен в черный список, поскольку состоял когда-то членом профсоюза. Канули в Лету все дела, за которые он сражался, но умирала каждый раз с рождением и развитием этих дел его частичка. Кое-как пережил он свой век — с искусственными членами, искусственным сердцем и жилами, со вставными зубами и стеклянным глазом, со вставной челюстью и пластиковыми костями, с вживленными кусочками фарфора и проводами, — пока, наконец, наука не дошла до того, чтобы изготовлять подобные предметы много лучше их природных образцов, — тех, какими наделен обычный человек. И заново перебрали его, заменили ему часть за частью, орган за органом, пока не превзошел он в следующем веке на голову любого человека из плоти и крови. И опять он сражался на стороне восставших, и уничтожали его раз за разом в войнах; сначала — в тех, что вели колонии против материнской планеты, потом — в войнах отдельных миров против Федерации. Он всегда в каком-либо черном списке, но он играет себе на банджо, и ему на это наплевать, ибо он сам поставил себя вне закона, подчиняясь всегда его духу, а не букве. Много раз заменял он металлические свои части на плоть и однажды воплотился даже целиком, — но всегда прислушивается, не зазвучит ли вдали тревожный призыв рога, и вот уже, играя на банджо, устремляется он на помощь — и опять теряет свою человечность. Он поднял проигрышную карту со Львом Троцким, который поучал его, что

писателям платят слишком мало; он делил товарный вагон с Вуди Гатри, который учил его своей музыке и поучал, что певцам платят слишком мало; он до поры до времени поддерживал Фиделя Кастро и узнал, что юристам платят слишком мало. Почти всегда его используют, обманывают, продают, но его это не волнует, ибо его идеалы важнее для него, чем сама плоть. Теперь же, конечно, дело Принца Который Был Тысячью весьма непопулярно. Из того, что ты говоришь, я заключаю, что если бы кто-то выступил против Дома Жизни и Дома Мертвых, его бы сочли сторонником Принца, которому, по правде говоря, не нужны никакие сторонники, — ну, да это не имеет значения. И я осмелюсь заметить, что ты, Вэйким, против Принца. Я бы также рискнул предположить, что Генерал его поддержит, хотя бы потому, что Принц, поскольку он сам по себе, составляет явное меньшинство. Генерала можно разбить, но никогда нельзя уничтожить, Вэйким. Ну, а вот и он. Если хочешь, можешь спросить его сам.

Стальной Генерал как раз спешился и теперь стоит перед Вэйкимом и Врамином, словно железная статуя в десять часов вечера — безлунным летним вечером.

— Я увидел твой сигнальный огонь, Ангел Седьмого Поста.

— Увы, но титул сей утерян вместе с Постом, сэр.

— Я по-прежнему признаю права правительства в изгнании, — говорит Генерал, и такой несравненной красоты преисполнен его голос, что слушать его можно годами.

— Спасибо. Но я боюсь, что пришел ты слишком поздно. Вот он — Вэйким — он, кстати, мастер фуги времен, — уничтожит, чего доброго, Принца, и тем самым сделает окончательно невозможным наше возвращение. Разве не так, Вэйким?

— Ну конечно.

— ...Если только мы не найдем на него управу, — говорит Врамин.

— Ее можно дальше не искать, — говорит Стальной Генерал. — Лучше сдайся мне прямо сейчас, Вэйким. Поверь мне, я предлагаю это без всякого злого умысла.

— И я отвечаю тебе точно так же: пошел к черту. Если уничтожить каждую твою мельчайшую частичку, то, верится мне, не останется больше никакого Стального Генерала, — и никогда уже больше не будет. На мой взгляд, бунтовщик вроде тебя заслуживает уничтожения, — и я к твоим услугам.

— Многие думают точно так же, а я все еще в ожидании.

— Ну так больше не жди, — говорит Вэйким и делает шаг вперед. — Время — тут и молит, чтобы его наполнили.

Тогда Врамин очерчивает вокруг себя и Мадрака круг зеленого пламени, и оба они следят за противостоянием мастеров.

В этот миг Бронза встает на дыбы, и среди многоцветья Блиса вспыхивают шесть бриллиантов.

ГОРОДСКОЙ ПРОВИДЕЦ ЛИЛЬЯМЕНТИ

Вступив в Срединные Миры, направляется Гор к туманному миру, называемому его обитателями Д'донори, что означает Обитель Довольствия. Он сходит со своей колесницы, на которой пересек безвоздушную, ледяную ночь, и слышит сквозь густую завесу тумана, полностью покрывающую Д'донори, лязг оружия и воинственные возгласы сражающихся.

Голыми руками прикончив троих напавших было на него рыцарей, подходит он к высоким стенам города Лильяменти, у правителей которого были в прошлом весьма веские основания причислять его к тем божествам, которым небезразлично благосостояние и процветание их города.

Мир под названием Д'донори, хотя и омывают его течения и потоки Силы, никогда не опустошался ни мором, ни нашествиями, ни голодом, которыми сдерживается рост населения прочих Срединных Миров, — все потому, что обитатели Д'донори сами справляются со своими проблемами. Весь их мир распадается на множество крохотных городов-государств и карликовых герцогств, которые беспрерывно воюют друг с другом, объединяясь разве что для того,

чтобы избавиться от всякого, кто попробует объединить их всерьез и надолго.

Подходит Гор к главным вратам Лильяменти огражденного и стучит в них кулаком. Разносится по городу грохот, скрипят петли ворот.

Стоящий на стене страж швыряет вниз сквозь тусклую хмарь факел и тут же посылает вслед за ним стрелу, которая, конечно же, своей цели не достигает, — ведь Гору ничего не стоит прочесть мысли поднявшего на него руку и проследить траекторию полета стрелы. Когда стрела свистит совсем рядом, он отступает на шаг в сторону и становится поближе к свету факела.

— Отворяй ворота — или я снесу их с петель! — кричит он.

— Кто ты такой, что явился сюда без оружия, в одной набедренной повязке, да еще даешь мне указания?

— Я Гор.

— Не верю.

— Коли ты не откроешь ворота, — говорит Гор, — жить тебе осталось меньше минуты. И смерть твоя станет подтверждением того, что Гор не лжет. А потом я высажу ворота и через твой труп войду в город в поисках твоего Правителя.

— Погоди! Если ты и вправду Он, пойми, что я лишь исполняю свой долг и подчиняюсь приказу нашего Правителя. Не сочти за богохульство, ежели отказываю я во входе первому встречному, кому только не лень заявить, что он — Гор. Откуда, сам посуди, мне знать, что ты не враг, пытающийся обмануть меня?

— Неужели найдется враг, который дерзнет на подобное безрассудство?

— Может статься. По большей части люди лишены рассудка.

Гор пожимает плечами и снова заносит кулак. Воздух вдруг пронизывает высокая, вибрирующая нота, и сотрясаются ворота Лильяменти на своих петлях, а их страж — внутри своих доспехов.

Гор растет, и росту в нем уже под три метра. Тряпица у него на заду цвета крови. У ног мерцает факел. Он замахивается.

— Погоди! Я впущу тебя!

Гор опускает кулак, и музыка затихает. Он уже на треть меньше ростом.

Страж приводит в движение и наконец отворяет врата. Гор вступает в Лильяменти.

Добравшись наконец до окутанного плотной пеленой тумана дворца местного правителя, Князя Дилвита, Герцога Лильи, узнает Гор, что весть о его прибытии уже донеслась сюда со стен города. Мрачный чернобородый герцог, корона которого давно срослась с его черепом, выдавливает из себя самую широкую улыбку, на которую только способен, показывая среди туго натянутых губ два ряда хищных зубов. Он чуть кивает.

— Ты и вправду Гор? — спрашивает он.

— Да.

— Говорят, что всякий раз, когда проходит бог Гор этим путем, трудно бывает узнать его.

— Не удивительно, — отвечает Гор. — В этом вашем тумане непонятно, как вы вообще узнаете друг друга.

Дилвит хрипит, что означает у него смех.

— Ну да, часто мы и не узнаем, и по ошибке приканчиваем своих же людей. Но всякий раз, когда приходит Гор, местный владыка подвергает его испытанию. В последний раз...

— ...В последний раз для Князя Булваха я пронзил деревянной стрелой мраморную глыбу в локоть толщиной — чтобы с каждой стороны торчала она из камня.

— Ты помнишь!

— Ну конечно. Я — Гор. У тебя еще осталась эта глыба?

— Разумеется.

— Покажи-ка мне ее.

Они вступают в залитый светом факелов Тронный Зал, где одни только косматые шкуры хищников отвлекают глаз от назойливо сверкающего со стен оружия. В укромном уголке слева от трона на невысокий пьедестал водружена глыба серого с оранжевыми прожилками мрамора, из которой торчит стрела.

— Ты видишь ее перед собой, — возглашает, взмахивая рукой, Дилвит.

Гор подходит, знакомится с экспонатом.

— На сей раз я сам выбираю себе испытание, — говорит он. — Я верну тебе стрелу.

— Ее же можно вытащить. Это не фокус...

Гор поднимает к плечу правый кулак, сверху вниз бьет им по мрамору, глыба разлетается вдребезги. Он поднимает стрелу и протягивает ее Дилвиту.

— Я Гор, — заявляет он.

Дилвит разглядывает стрелу, мраморную крошку, осколки.

— Ты и в самом деле Гор, — соглашается он. — Что я могу сделать для тебя?

— Д'донори издавна и по справедливости славится своими прорицателями. Ну, а местные провидцы из Лильяменти часто бывали выше всяких похвал. И вот, поскольку у меня есть несколько вопросов, на которые хотел бы я получить ответы, желаю я побеседовать с главным твоим прорицателем.

— Со старым Фрейдагом, — говорит Далвит, отряхивая каменную пыль со своей юбки из красно-зеленой шотландки. — Да, он, конечно, один из великих, да вот...

— Что вот? — спрашивает Гор; он уже прочитал мысль Дилвита, но из вежливости продолжает ждать ответа.

— Он, о Великий Гор; непревзойденный чтец по внутренностям, но годятся ему внутренности только человеческие. Ну, а мы редко держим пленных, — к чему нам лишние траты? — а добровольца на такое дело найти довольно трудно.

— Может, удастся его убедить на этот раз погадать на внутренностях какого-нибудь животного?

Опять читает Гор мысли собеседника и вздыхает.

— Конечно, Великий Гор. Но он не сможет гарантировать тот же уровень проникновения в текст, как в случае изученного им до тонкостей языка.

— Неужели они так разнятся?

— Не могу сказать, Могущественнейший, поскольку сам в этом не разбираюсь, хотя и мать моя, и сестра, — обе видят и знают азбуку... Но среди всех предсказателей, как известно, нет никого чудакова-

тей скатологов. Возьми, к примеру, Фрейдага. Он же, по его словам, близорук, а это значит...

— Снабди его всем необходимым и извести меня, когда он будет готов ответить на мои вопросы! — перебивает его Гор.

— Слушаюсь, Могущественнейший, я тут же пошлю отряд в набег, ибо вижу, что ты в нетерпении...

— Более чем.

— ...А мне как раз пора преподать одному из соседей урок в уважении границ.

Дилвит вспрыгивает на свой трон и тянется вверх, чтобы достать висящий высоко над ним длинный рог огромного, должно быть, голинда. Трижды подносит он его к губам и дует, раздувая, словно гигантская лягушка, свои щеки, пока налитые кровью глаза его не начинают выкатываться из-под косматых бровей. Потом он вешает рог обратно и плюхается на сиденье своего герцогского трона.

— Сейчас подоспеют мои сотники, — отдуваясь, пыхтит он.

И вправду, раздается цокот копыт, и три воина в боевых юбках влетают в зал верхом на единорогах-голиндах и скачут, гарцуют, гарцуют вокруг, пока, наконец, Дилвит не поднимает руку и не восклицает:

— Набег! Набег, ребятушки! На Юскифа Рыжего. Полдюжины пленных мне, прежде чем забрезжит сквозь туман завтрашняя заря!

— Пленных, сказал ты, Повелитель? — восклицает всадник в черно-коричневом.

— Ты не ослышался.

— Ну так до рассвета!

И вверх вздымается копье.

Тут же следуют еще две вспышки.

— Еще до рассвета!

— Эгей!

И, описав по залу последний круг, они исчезают.

На следующее утро Гора будят и отводят в комнату, где лежат шестеро обнаженных мужчин; их руки крепко связаны и притянуты за спиной к лодыжкам, их тела покрыты ранами и рубцами. Это маленькая, холодная комната, почти чулан, освещаемая четырьмя факелами; единственное ее окно загораживает стена тумана. Пол устлан сплошным слоем

листов ежемесячника «Лилья Таймс». Прислонившись к подоконнику, невысокий облысевший человек, розоволицый, с ввалившимися щеками и косыми глазами, правит на точильном бруске несколько коротких клинков. На нем белый передник, на лице никак не удержаться улыбке. Он поднимает на Гора выцветшие глаза и несколько раз подряд кивает.

— Как я понимаю, у тебя есть несколько вопросов, — говорит он, с трудом переводя дух между словами.

— Ты прав. У меня три вопроса.

— Всего три, Святой Гор? На это с запасом хватит всего одного набора внутренностей. Наверняка столь мудрый бог, как ты, мог бы придумать побольше вопросов. Когда у нас такой запас материалов, было бы стыдно им не воспользоваться. Уже так давно...

— И тем не менее, у меня к тебе всего три вопроса, о кишечный оракул.

— Ну хорошо, — вздыхает Фрейдаг. — Тогда мы воспользуемся этим.

И он указывает ножом на мужчину с тронутой сединою бородой, который не сводит с него своих темных глаз.

— Его зовут Болтаг.

— Ты его знаешь?

— Он мой дальний родственник. И к тому же — главный провидец Князя Юскифа; конечно же, полный шарлатан. Слава богу, что он наконец попал в мои руки.

Услышав это, Болтаг сплевывает на раздел некрологов в одном из номеров «Таймса».

— Ты просто мошенник, о великий потрошитель-недоучка! — говорит он.

— Лжец! — вопит Фрейдаг, перешагивая через другие тела, и хватает его за бороду. — Это положит конец твоей бесславной карьере! — и он вспарывает ему живот.

Оттуда он вытягивает пригоршню внутренностей и раскладывает их по полу. Болтаг кричит, стонет, затихает. Фрейдаг рассекает вдоль клубки его кишок, размазывает пальцами их содержимое. Он припадает к самой земле и наклоняется далеко вперед.

— Ну, а теперь, каковы же твои вопросы, сын Озириса? — спрашивает он.

— Во-первых, — говорит Гор, — где я могу найти Принца Который Был Тысячью? Во-вторых, кто посланник Анубиса? И, в-третьих, где он сейчас?

Фрейдаг что-то бормочет и тычет пальцем в дымящееся на полу вещество. Болтаг снова стонет и слегка шевелится.

Гор пытается прочесть мысли провидца, но они настолько смутны, что кажется, будто смотришь в окно комнаты.

Фрейдаг заговаривает:

— В Цитадели Марачека, — говорит он, — в Центре Срединных Миров повстречаешь ты того, кто сможет доставить тебя пред очи искомого тобою.

— ...Странно, — бормочет Болтаг, озадаченно покачивая головой, — эту часть ты прочел правильно. Но твое никудышное зрение... затуманено... этим кусочком брыжейки, ты положил ее не туда... в...

С огромным усилием Болтаг перекатывается поближе, тяжело ловит воздух широко раскрытым ртом.

— И ты... не сказал... Великому Гору... что ждут его великие опасности... а в конце... неудача.

— Молчать! — кричит Фрейдаг. — Я не звал тебя для консультации!

— Это же мои кишки! Я не хочу, чтобы их как попало читал дилетант!

— Следующие два ответа пока еще не вполне ясны, дорогой Гор, — говорит Фрейдаг, взрезая очередную кишку.

— Самозванец и шарлатан! — всхлипывает Болтаг. — В Марачеке встретится он и с посланником Анубиса... чье имя можно разобрать вон там... где моя кровь... на передовице!.. Это имя... да... Вэйким...

— Чушь! — кричит Фрейдаг, продолжая вспарывать кишки.

— Постой! — говорит Гор, и его рука опускается на плечо потрошителя. — По крайней мере в этом твой коллега прав, ибо я знаю, что сейчас его так и зовут.

Фрейдаг останавливается, разглядывает передовицу.

— Истинно есть, — соглашается он. — Даже и любителя может посетить озарение.

— ...Значит, похоже, что мне суждено в конце концов встретиться с Вэйкимом, если я отправлюсь в место, называемое Марачек, — а отправиться туда я должен. Ну, а что касается моего второго вопроса, кроме имени Вэйкима, я хочу также знать, кто скрывается за этим именем. Кем был он, пока Владыка Анубис не перекрестил его и не послал с поручением из Дома Мертвых?

Фрейдаг, словно что-то вынюхивая, водит головой над самыми нечистотами, копошится в них, кромсает там и сям.

— Сие, Преславный Гор, от меня сокрыто. Оракулу этого не открыть...

— Маразматик!.. — выдавливает из себя Болтаг. — ...Вон же... так... ясно... видно...

Гор погружается в умирающие мысли выпотрошенного провидца, и пух и перья встают у него на затылке дыбом. Но нет, никакое страшное имя не проникает в его рассудок, ибо Болтаг уже мертв.

Гор прикрывает глаза и содрогается, когда нечто, застывшее на самом рубеже сознания, вдруг блекнет и рассеивается.

Когда Гор опускает руку, Фрейдаг уже поднялся на ноги и с улыбкой рассматривает труп своего родственника.

— Фигляр! — фыркая, бросает он и вытирает руки о передник.

Странная, маленькая звериная тень шевелится на стене.

ВОЙНА И СТАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК

Бриллиантовые копыта, ударяющие о землю, вздымающиеся, вновь падающие. Вздымающиеся...

Вэйким и Стальной Генерал лицом к лицу, не двигаясь.

Проходит минута, три, и теперь копыта зверюги по кличке Бронза извлекают из утоптанной почвы

ярмарки на Блисе громоподобные звуки, ибо с каждым разом сила их удара удваивается.

Считается, что исход схватки в фуге на самом деле определяется в эти первые изнурительные моменты Взгляда, до того, как будет приведена в исполнение собственно временная фаза, в эти моменты, которые будут стерты с лица Времени исходом схватки, чтобы никогда в действительности не существовать.

Почва содрогается теперь при каждом ударе копыт Бронзы, языки синего пламени вырываются у него из ноздрей и опаляют, ниспадая, Блис.

Блестит пот на лице, на теле Вэйкима, палец Стального Генерала сводит судорога — тот, на котором носит он кольцо своей человечности.

Проходит одиннадцать минут.

Исчезает Вэйким.

Исчезает Стальной Генерал.

Опять опускаются копыта Бронзы, и падают шатры и палатки, рушатся здания, трещины испещряют почву.

За тридцать секунд до того позади Генерала стоит Вэйким, и впереди Генерала стоит Вэйким, и Вэйким, который стоит позади, который только что объявился в этом мгновении, сцепляет руки вместе и поднимает их, чтобы нанести сокрушительный удар по металлическому шлему...

...тогда как за тридцать пять секунд позади Вэйкима из этого момента Времени появляется Стальной Генерал, отводит руку, взмахивает ею...

...тогда как Вэйким тридцати секунд, увидев себя в фуге наносящим двуручный удар, волен исчезнуть, что он и делает, во время на десять секунд ранее, когда готовится он посоперничать в силе с увиденным своим будущим образом...

...когда Генерал тридцати пяти секунд до точки атаки видит себя заносящим руку и исчезает во время на двенадцать секунд до того...

Ну конечно, ведь во Времени, если хочешь сохранить свое будущее существование, необходим опережающий стоппер...

...И стоппер замыкающий, для своих тылов...

...И пока все покуда, *где-то (когда-то) возможно*

гарцует сейчас Бронза, взмывает вверх и вновь приземляется, и содрогается на своем основании город, чье существование вероятно.

...И Вэйким сорока секунд до точки атаки, завидя свое появление, убывает на двадцать секунд назад, — и уже целая минута вероятного времени запятнана фугированной схваткой и, тем самым, подвержена изменениям.

...Генерал сорока семи секунд до точки атаки отступает, чтобы нанести новый удар, на пятнадцать, когда тамошний он, его заметив, откатывается на восемь...

...Вэйким без одной минуты отходит на десять секунд...

Фуга! Пусть сильнее грянет фуга!

Вэйким, нападая сзади на Генерала в минус семьдесят секунд, видит Генерала, нападающего на Вэйкима, и оба Генерала видят его, как и его *альтер эго* видит обоих Генералов.

Все четверо исчезают — на одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать и двадцать пять секунд.

...Ну, а пока, *где-то (когда-то) возможно* гарцует Бронза, взмывает и падает, и ударная волна разносится во все стороны из-под его копыт.

Приближается точка исходного столкновения, пока Генерал перед Генералом и Вэйким перед Вэйкимом смотрят друг на друга и контрапунктируют.

Пять минут и семь секунд будущего застывают в бездействии, пока двенадцать Генералов и девять Вэйкимов не отрывают друг от друга глаз.

...Пять минут двадцать одна секунда — и девятнадцать Вэйкимов и четырнадцать Генералов застыли в боевой стойке, свирепо уставившись друг на друга.

...Восемь минут шестнадцать секунд до точки атаки, сто двадцать три Вэйкима и сто тридцать один Генерал оценивают друг друга и выбирают как раз этот момент...

...Чтобы атаковать в этот миг не только умением, но и числом, оставив прошлых себя обходиться в защите собственными силами, — быть может, если мгновение выбрано неудачно, пасть и тем самым положить конец и этому столкновению тоже. Но долж-

но же все на чем-то кончаться. Исходя из молниеносных расчетов и догадок, каждый выбрал именно эту точку как наилучшую, чтобы предопределить будущее и принять на себя фокус фуги. И когда обрушиваются друг на друга армии Вэйкимов и Генералов, земля содрогается у них под ногами и сама ткань Времени протестует против того, как с нею обошлись. Поднимается ветер, и все вокруг кажется нереальным, колеблется между бытием, событием, забытьем. А где-то Бронза дробит континенты своими бриллиантовыми подковами, изрыгает на них харкотину синего пламени. Искалеченные и окровавленные тела Вэйкимов, детали и обломки Генералов дрейфуют через содрогающиеся в конвульсиях протяженности вне фокуса их битвы, выталкиваемые ветрами взашей. Это вероятностные мертвецы, ибо сейчас не может быть никаких убийств в прошлом, а будущее как раз переделывается. Фокус фуги переместился в этот ключевой миг предельной напряженности, и сшибаются два полчища с силой, от которой вовне расходятся все расширяющиеся круги зыби, волны перемен, проходят по универсуму, — нарастая, спадая, сходя на нет, пока Время в очередной раз проводит историю вокруг событий.

Где-то в стороне вновь приземляется Бронза, и какой-то город начинает разваливаться, распадаться на части. Поэт поднимает свою трость, но ее зеленые огни не в состоянии погасить ослепительное синее пламя, которое фонтаном изливается на мир из ноздрей Бронзы. Сейчас на Блисе всего девять городов, и Время выжигает их дотла. Здания, машины, тела, дети, павильоны, — все это выносит из пламени ветер и, покачивая, проносит над ярмарочной площадкой. Всмотрись в их цвета. Красный? Вот берега, зеленый поток хлещет через них, пролетают фиолетовые глыбы. Желтый, серый, черный город под тремя лимонно-желтыми мостами. Кремовое море теперь — это небо, и словно фреза — бриз. Запахи Блиса — дым и обуглившаяся плоть. Звуки — вопли среди скрежета сталкивающихся и ломающихся механизмов и шквал, ливень бегущих ног, словно грех в нежной, как дядя Том, ночи, которая приходит нынче как подсознательное.

— Остановитесь! — кричит Врамин, превращаясь в ослепительно-зеленого великана посреди хаоса.

— Если вы не остановитесь, от этого мира не останется камня на камне! — кричит он, и голос его рушится вниз, как раскаты грома, трубит и свищет над ними.

Они, однако, продолжают биться, и волшебник, схватив за руку своего друга Мадрака, пытается открыть им двери, чтобы покинуть Блис.

— Гибнет гражданское население! — кричит какое-то мгновение Генерала.

Смеется в ответ мгновение Вэйкима.

— Какая разница, есть ли на мертвеце форма, нет ли ее, когда вступает он в Дом Мертвых?

Проступает контур огромной зеленой двери, постепенно обретает плоть, дверь начинает открываться.

Врамин уменьшается в размерах. Когда дверь распахивается настежь, его и Мадрака подхватывают огромные валы, встающие и опрокидывающиеся в исхлестанном ветрами океане, и выносят через открывшийся проем наружу.

Армии Вэйкима и Генерала тоже на гребне волн хаоса, гонимых ветрами перемен, их тоже сносит к зеленой двери, распахнутой настежь, словно некий светозарный магнитно-водоворотный центр. Все еще сражаясь, плывут они к стоку, ныряют в него, исчезают.

Бронза, когда дверь начинает закрываться, движется почему-то очень медленно, но все же успевает протиснуться в проем до того, как обрушивается на пустое пространство, где только что была открытая дверь, хаос.

Тогда замирают вдруг грохот и суматоха, и переводит, кажется, с облегчением весь Блис дух. Почти все переломано, множество народу умерло или умирает в данный момент, каковой мог бы иметь место за тридцать три секунды до начала той фуги Вэйкима и Генерала, которая нынче не состоится, не начнется на засыпанной мусором территории Ярмарки, покрытой зияющими трещинами и дымящимися воронками.

Среди рухнувших арок, опрокинутых башен, стертых с лица земли зданий с огненным мечом наголо шагает спасение. Дневную горячку сеют Дома Силы, и где-то лает собака.

ГНЕВ АЛОЙ ЛЕДИ

Мегра из Калгана спасается бегством. Пробираясь сквозь разношерстную толпу, она почти не замечает многообразия цветов и форм вокруг себя. Вдруг из множества глоток вырывается вопль. Над Ярмаркой поднимается холодный, злобный ветер. Вверх смотрит Мегра, остановившись на миг среди хлопающих на ветру флагов и вымпелов, сопротивляющихся его напору шатров и палаток; и картина, которую она видит, приковывает к себе ее взгляд, ватными делает ноги.

Это скачет на Бронзе Стальной Генерал. Он спускается вниз, медленнее, медленнее. Мегра о нем читала, о нем слышала, ибо присутствует он во всех апокалиптических писаниях всех наций и народов.

Позади нее во вспышке зеленого пламени исчезает павильон. Она оглядывается и видит, как, прорезав воздух, зависает в нем, продолжая ослепительно пылать, зеленая вспышка.

В сторону сворачивает огромный зверь, Бронза, все медленней скачет он с каждым шагом, все медленней; и вот спускается он к полуразрушенному павильону, где остались биться друг с другом Вэйким и воитель-жрец Мадрак. Глядит Мегра в ту сторону, но в любой толпе рост ее не позволяет ей увидеть что-либо за пределами того барьера, которым позаботилось окружить ее человечество.

Наконец исчезает из ее поля зрения и сам Стальной Генерал, вновь проталкивается она через многоногую массу к шатру, где скончался очередной человек.

Чтобы проложить себе путь там, где любой другой вынужден был бы застрять, приходится Мегре использовать силу: словно брассистка, мощными гребками посылает она себя вперед между массивными

туловищами, сквозь чересполосицу конечностей, между машинами, снабженными лицами и перьями, женщинами с мигающими лампочками в груди, мужчинами, на суставах которых угрожающе топорщатся шпоры, полчищами заурядно смотрящихся представителей всех шести рас; мимо женщины, из синей грудной клетки которой доносится неумолкающая скрипичная мелодия, — от ее крещендо у Мегры закладывает уши, мимо мужчины, который носит свое сердце на боку, в щелкающем счетчике Гейгера; она отпихивает схожее с раскрытым зонтиком существо, в неистовстве пытающееся обвить ее своим щупальцем; теперь расталкивает она ораву желторотых гномов, сворачивает в проход между павильонами, пересекает площадку с утоптанной почвой, покрытой слоем опилок и соломы; она торопится и ныряет между двумя следующими павильонами, когда свет вокруг нее начинает вдруг медленно меркнуть, и она отшвыривает рукой крохотное крылатое созданьице, которое, что-то невнятно тараторя, кружит вокруг ее головы.

Тогда оглядывается Мегра и видит картину, подобной которой не видывала на своем веку.

Остановилась там ярко-красная колесница, еще разогретая небесной пылью, и пусты постромки ее. Глубоки колеи, проложенные колесами в почве, но коротки, метра три, не больше. А дальше земля нетронута.

Видна на колеснице женская фигура, высокая женщина в плаще и под вуалью. Вниз свисает выбившаяся прядь ее волос, и цветом она — как кровь. В правой руке, почти столь же красной, как и ее ногти, держит она поводья, но ни к чему не прикреплены они перед колесницей. Крохотное тараторящее крылатое существо, от которого отмахнулась Мегра, устроилось теперь у женщины на плече, сложило крылья так, что их больше и не видно, подергивает голым хвостом.

— Мегра из Калгана, — раздается голос, будто отвешивая ей пощечину расшитой драгоценностями перчаткой, — вот и пришла ты ко мне по моему желанию, — и пар, исходящий от колесницы, клубится над красной женщиной.

Мегра вздрагивает, она чувствует, как на сердце ей опускается что-то вроде глыбы лежащего между звезд черного льда.

— Кто ты? — спрашивает она.

— Меня зовут Изида, Мать Праха.

— И почему нужна я тебе? Я не знаю тебя, Госпожа, — разве что по сплетням из легенд.

Смеется Изида, а Мегра хватается за металлическую стойку, которая подпирает павильон справа от нее.

— Я искала тебя, крольчонок, чтобы страшно отомстить.

— Почему, Леди? Я ничего тебе не сделала.

— Может так, а может и нет. Может быть, я ошибаюсь, хотя думаю, что нет. Ну да скоро узнаю. Нам придется подождать.

— Чего?

— Исхода битвы, которая, я думаю, вот-вот разразится.

— Как мне ни нравится твое общество, Госпожа, но я не намерена ждать здесь с какой-либо целью. Ты должна извинить меня. У меня дело...

— Милосердие! Я знаю...

И она опять смеется, и сжимаются пальцы Мегры на металле подпорки, и гнется та под девичей рукой, и обретает наконец свободу от тут же падающего павильона.

Замирает смех Изиды.

— Дерзкое дитя! Уж не осмелишься ли ты поднять против меня оружие?

— Если будет на то нужда, хоть я и сомневаюсь, Мадам, что оно мне понадобится.

— Тогда замри, как статуя, где стоишь!

И с этими словами касается Красная Ведьма рубиновой подвески у себя на груди, и выбивается из нее луч света и падает на Мегру.

Борясь с накатившим на нее оцепенением, параличом, швыряет Мегра в Изиду металлическую стойку, и та крутится в воздухе, как большое серое колесо, словно циркульная пила, диск, устремленный к колеснице.

Бросив поводья и подняв вверх руку, Изида про-

должает сжимать подвеску, из которой вылетает теперь целый сноп лучей. Они падают на вращающийся в полете металл, на миг он вспыхивает с яркостью метеора — и тут же исчезает, лишь бесформенная груда шлаков падает на запекшуюся под местом вспышки почву.

Мегра чувствует, что ледяная хватка на ее теле разжалась, и прыгает вперед к колеснице, с размаху бьет в нее плечом, сбивая Изиду на землю, ну, а наперсник ее удирает, хоронится за пошатнувшимся колесом.

Мегра подскакивает к ведьме, готовая нанести удар ребром ладони, но увидев, что упала вуаль Изиды, замирает она на долю секунды, не в состоянии дотронуться до предмета столь дивной красы, что зрит она перед собой, — огромные темные глаза на красном, сияющем пламенем жизни лице, формою схожем с сердечком; ресницы, взлетающие выше бровей, словно крылья порхающей малиновой бабочки; блеск розовых, как плоть, зубов в неожиданном просверке улыбки, подобную которой, если повезет, можно иногда увидеть, когда долго смотришь в огонь.

Продолжает сгущаться тьма, свирепеет ветер, вдруг содрогается, будто от далекого удара, земля.

Снова падает на Мегру свет рубиновой подвески, и пытается подняться Изида, вновь падает на колени, хмурится.

— О неразумное дитя, если бы ты знала, какая судьба тебе уготована! — говорит она, и Мегра, припоминая дошедшие из тьмы веков стародавние легенды, молит не только официального бога общепринятой ныне религии, но и давным-давно павшего.

— Озирис! Владыка Жизни, избавь меня от гнева супруги своей! Ну, а коли не услышишь ты моих молений, обращу я их к темному богу Сету, которого и любит, и боится эта Леди. Спаси меня!

И тут замирает голос у нее в груди. Встает наконец Изида и смотрит на нее сверху вниз, а землю между тем все сильней и сильней сотрясают чудовищные толчки, сумерками становится ясный полдень, — и в небесах, и на земле. Вдалеке все ярче разгорается синее свечение, откуда-то долетают зву-

ки яростной схватки двух армий. Доносятся крики, вопли, стоны. У горизонта ландшафт начинает подрагивать, будто мир охватывают волны жара.

— Ты, может, считаешь это официальным ответом, — кричит Изида, — на свои кощунственные речи? Но это не так! Знаю, я не должна убивать прямо сейчас, нет, будет моя месть несравненно более жуткой. Получишь ты от меня в дар нечеловеческую мудрость и весь человеческий стыд. Ибо уже узнала я то, ради чего сюда приходила, посетила Блис, — и пора отомстить! А теперь, со мной в колесницу! Живее! Этот мир скоро может перестать существовать — ибо не удастся Генералу взять верх над твоим любовником! Будь он проклят!

Трудно и медленно подчиняются приказу мышцы Мегры, и забирается она наконец в колесницу. Рядом с ней встает Красная Ведьма, вновь набрасывает она на себя вуаль, расправляет ее складки. Вдалеке зеленый великан выкрикивает какие-то слова, но не слышны они, ибо тут же подхватывает их ветер и уносит куда-то прочь. Мерцая в неверном свете, проносятся всевозможные осколки и обломки по кругу в огромном вихре, который движется по Ярмарке. Все покрывается пятнами, меркнет, двоится, троится, одни образы расщепляются, другим удается удержаться. В земле то тут, то там открываются трещины, расщелины. Вдалеке рушится город. Маленький наперсник прячется в складках плаща ведьмы, крик застыл у него на губах. Сумрак разбит под ударами мрака, на землю с грохотом обрушивается ночь, и всеми цветами расцвечиваются те темные закоулки, где цвету бывать не должно. Изида натягивает поводья, и вспыхивают в колеснице языки алого пламени, но не причиняют вреда, а заключают их всех в сердцевину рубина — или яйца Феникса, и нет ни ощущения движения, ни звука езды, — да и вообще никаких звуков; и вот — вдруг — мир, называвшийся Блис, со всеми его сложностями, с его хаосом, бедламом, чумой, с его спасением, лежит далеко-далеко от них, словно светлый зев колодца, в который они падают, а по сторонам, как плевки, шлепают звезды.

ТО ЧТО КРИЧИТ В НОЧИ

Во дни, когда я правил как
Владыка Жизни
и Смерти, —
говорит Принц Который Был Тысячью, —
в те дни по просьбе Человека
вложил Срединные Миры я в море силы,
изменчивое, чьи приливы
и отливы неспешно пестовать
могли своим теченьем
рождение,
рост,
смерть...

Потом все это
препоручил я Ангелов заботам,
их пастырству назначив
Посты по Окоему, чтобы
руками их вершить судьбу течений.
И век за веком так мы
управляли и помогали
жизни,
обуздывая смерть
и направляя рост,
все раздвигая берега
и без того огромнейшего моря;
все новые и новые из Внешних
Миры короною венчала пена
творения.

И вот однажды,
кручиняся над бездной
просторной нового такого мира,
прекрасного на взгляд,
но мертвого, иссохшего,
без жизни ростка,
я нечто пробудил,
коснувшись поцелуем поднятой
волны до сна его.

И я испугался того, что проснулось,
набросилось,
из недр земных восстав,
напало на меня,
пытаясь уничтожить:
оно
переварило на планете всю жизнь
и впало в спячку,
затем проголодалось и заворочалось во сне.
Зачуя Жизни
течение, оно проснулось.
И коснулось тебя, жена моя;

и вот, не в силах
вернуть тебе я тело,
лишь дыхание сумел сберечь твое.

Оно пьет Жизнь,
как человек вино;
и все оружие, что было у меня,
я разрядил в него —
оно не умирало,
не упокоилось, хотя бы и на время,
нет, нет, оно старалось
уйти.

Я заточил его.
Воспользовавшись силой своих Постов,
построил поле
нулевых энергий,
как в клетку, заключил в него весь этот мир.

Оно способно было странствовать по царству Жизни,
опустошать за миром мир.
Его
необходимо было уничтожить.

И я пытался:
сколько попыток — и все неудачно.
Полвека целых
держал я в плену
его в безымянном мире.

Затем отброшены обратно в хаос оказались
Срединные Миры:
им не хватало моего контроля
над жизнью, смертью, ростом.
Безмерна боль моя была.
А новые Посты — как медленно они вводились!

Лишь я один заладить снова мог бы поле,
но Безымянным занят был,
и мне недоставало сил
удерживать в темнице эту тень
и поддержать Срединные Миры и Жизнь в них.
И вот, средь Ангелов моих
возрос росток раздоров.
Быстро
его я сжал —
ценою часть их преданности стала,
я знал об этом с самого начала.

Тебе, моя Нефтида,
не по нраву пришлось, когда отец мой,
рискнув навлечь гнев Ангела
Озириса,
вернулся

с окраины Живых Миров,
чтобы предаться высшей своей страсти —
разрушенью.
Да, не по нраву,
ведь Сет, отец мой,
величайший
воитель всех времен,
в ушедшие те дни был нам к тому же сыном,
был нашим сыном в дни те Марачека,
когда сломал я времени преграды,
чтоб заново прожить все времена
мудрости ради,
что в Прошлом.

Не знал я, что стану, когда время пошло назад,
отцом того, кто был мне отцом,
солнцеокого Сета,
Владыки Звездного Жезла,
Облеченного Рукавицею,
Странника с Горы на Гору.

Не по нраву тебе это было,
но не стала перечить ты битве,
и облачался Сет к схватке.
Никогда не знал Сет поражений,
не было ничего, что не мог бы он покорить.
Он знал, что Стальной Генерал был Безымянным разбит
и рассеян,
но это его не пугало.

Простер он десницу
и натянул на нее
Рукавицу Мощи.
Разрослась она и покрыла
все его тело,
но не скрыла блеск его глаз.
На ноги обул он свои
башмаки,
в которых мог
идти по воздуху или воде.
Потом подвесил к поясу
на черной нити ножны
Звездного Жезла,
немыслимого оружия,
рожденного слепыми Норнами-кузнецами,
никто больше не мог носить его.
Нет, не боялся он.

И готов он уже покинуть
мою кружащую вокруг твердыню,
спуститься в мир, где
пресмыкается Безымянное —
разворачивается,
извивается,
яростное и голодное.

Но тут другой его сын, мой брат Тифон,
черная тень из пустоты,
является и молит
пустить его вместо отца.

Но Сет отказал ему в этом,
открыл люк
и ринулся в темноту,
упал на поверхность мира.
И бились они триста часов,
больше двух недель
по Старому Стилю,
прежде чем Безымянное
стало слабеть.
Усилил Сет натиск,
ранил его,
готовил смертельный удар.

Он бился с ним на лоне океанских вод, на ложе океана,
на суше бился,
бился в воздухе холодном
и на вершинах гор,
по всему свету
преследуя его
и поджидая, когда оно раскроется,
чтоб нанести удар ему последний.

Два континента разбились вдребезги от их ударов,
вскипели океаны,
заполнив облаками небо.

Кололись и плавились скалы,
раскаты грома трясли в небесах
самоцветы тумана
и пара.

Много раз я сдерживал Тифона,
чтобы не ринулся он вниз на помощь.
И вот, когда свернулось Безымянное в кольцо
и коброй дыма вознеслось
на высоту трех миль,
а Сет встал прочно,
одной ногою попирая воду,
другою — сушу, тут-то
злокозненный и мстительный предатель,
тот Ангел
Дома Жизни —
Озирис
— свершил свою ужасную измену.

Когда Сет умыкнул его законную супругу, Изиду,
и родила она ему Тифона и меня,
дал клятву птицеглавый,
что уничтожит Сета.

Поддержанный Анубисом, имел
Озирис на руках ту компоненту поля,
которую используют для разжигания светил,
звезду любую выводя за грань
стабильности.
Хоть и поздно, но все ж за миг узнал, что будет, я.
Сет не успел.

Никогда доселе не направляли это поле на планеты,
и уничтожило оно весь этот мир.
Я спасся,
перенеся себя за много световых
лет. Тифон бежать пытался
в пространства низшие, где дом его. Но
он не преуспел. Не видел
никогда я больше брата. Ни тебя, Нефтида.
Мне стоило все это отца, который был и сыном,
брата
и тела жены моей,
но Безымянное осталось цело.

Не знаю как,
но выжило оно и в бойне
под Молотом для Разрушенья Солнц.
Ошеломленный,
увидел я его потом плывущим
среди обломков мира —
туманность крохотную, в сердце
которой чуть мигает огонек.
Сплел паутину сил вокруг него я,
и, ослабнув,
оно в коллапсе рухнуло в себя.
Унес его тогда в тайник я
за пределы Живых Миров,
где посейчас оно еще томится
в узилище без окон, без дверей.
Хоть часто пытался уничтожить я его,
но так и не узнал, где Сет нащупал
жезлом своим его пяту... или
что там еще... то место,
через которое его разрушить можно.
И все оно живет, и все кричит в ночи;

и ежели оно освободится,
то может уничтожить Жизнь —
Срединные Миры погибнут.
Вот почему с захватом власти,
что за атакой следовал, не спорил,
да и сейчас не буду спорить я.
Я должен оставаться стражем, покуда
не будет уничтожен Жизни враг.
И все дальнейшее предотвратить не мог я:

немало Ангелов моих Постов
раскольниками стали без меня;
борясь за верховенство,
восстали друг на друга.

Войны Постов длились, должно быть, лет тридцать.
Остатки в конце поделили ло́живая Птица и Пес.
Больше Постов не осталось. Теперь им
не остается другого, как только
взъярять мощные Силы вала,
сея в Срединных Мирах
во́йны,
голод и мор,
чтобы добиться баланса,
который бы сам, без насилья
установился, будь
станций больше у них.

Иначе они не могут.
Боясь плюрализма,
они не уступят ни грана захваченной Власти и Силы.
Не могут они — и не смогут — действовать сообща.

Итак, пока ищу я способ покончить с Безымянным;
когда свершу я это,
я обращу энергии свои
на бывших Ангелов моих, чтобы изгнать их
из двух преступно занятых Домов.

Нетрудно сделать это.
Надо только
о смене позаботиться,
чтобы не стало катастрофой
безвременье без рук, умелых
в обузданье волн.

И вот, когда исполню это все,
смогу использовать я силу
Постов, чтоб воплотить тебя,
моя Нефтида...

Но плачет Нефтида у моря и говорит:

— Это слишком! Этого никогда не будет!

И Принц Который Был Тысячью встает и поднимает вверх руки.

Внутри облака, что нависает над ним, появляется женский силуэт. Пот выступает на лбу у Принца, и женская фигура становится все отчетливей и отчетливей. Он шагает вперед, пытаясь обнять ее, но руки его обхватывают лишь легкий дымок, и имя его, а

имя его — Тот, словно рыдание, звучит у него в ушах.

И затем он остается один — у моря, под морем, где огни в небе — это обычные рыбьи брюшки, занятые перевариванием обычной рыбьей пищи.

Глаза его увлажняются, и он испускает проклятие, ибо знает, что в ее власти положить конец своему существованию. Он зовет ее по имени, но не дожидается ни ответа, ни даже эха.

И теперь он уверен, что Безымянное умрет.

Он швыряет в океан камешек, и тот не возвращается.

Скрестив на груди руки, он уходит, и песок засыпает его следы.

В просоленном воздухе пронзительно кричат морские птицы, высоко, на тридцать футов над водой высовывает голову зеленая рептилия, длинная ее шея раскачивается из стороны в сторону, затем снова погружается в воду.

МАРАЧЕК

Взгляни теперь на Цитадель Марачека в Центре Срединных Миров...

Все мертво, уныло, пусто. Неподвижно, безжизненно, безмолвно. Расцвети его прахом.

Часто приходит сюда Принц Который Однажды Был Богом — многое обдумать.

На Марачеке нет океанов. Уцелело лишь несколько пузырящихся родников, теплых и солоноватых, от которых разит псиной, словно от мокрой дворняги. Солнце его — очень старая, крохотная красноватая звездочка, слишком респектабельная или, может быть, ленивая, чтобы пуститься во все тяжкие, стать новой и уйти в пароксизме славы, она изливает вместо этого весьма анемичный свет, который идет на пользу глубоким синеватым теням, отбрасываемым причудливым каменным стаффажом среди бескрайних пляжей охры и сепии, каковыми подставляется Марачек ветру; и звезды видны, хоть и слабо, над Марачеком даже и в полдень, ну а вечером горят

они над выутюженными ветром равнинами, словно неоновые, ацетиленовые лампы, подчас — как лампы-вспышки; и плосок и уныл почти весь Марачек, хотя и перекраиваются по два раза на дню его равнины, когда достигают ветры своего бесплодного оргазма, сметая песок в кучи и тут же рассеивая их, все тоньше и тоньше вытачивая зернышки песчинок, — так что весь день висит в воздухе желтоватой мглой прах, наработанный ветром на рассвете и в сумерках, и вуаль мглы этой еще более умаляет звездочку Марачека для шарящего по небосклону ока, — все, в конечном счете, сглаживая и улаживая; сровненные с землей горы, ваянные-переизваянные гротески скал, бесконечная череда погребений и раскопок, — такова поверхность Марачека, послужившая, конечно, когда-то ареной для деяний, исполненных славы, мощи, блеска и великолепия, вопиет о подобном выводе сама ее банальность; но есть еще одно здание на Марачеке в Центре Срединных Миров, которое свидетельствует о подлинности этого наименования, а именно — Цитадель, которая, вне всякого сомнения, будет существовать, пока существует сам этот мир, хотя, быть может, не раз занесут ее пески — и вновь раскроют, — пока не наступит окончательный распад или общее оцепенение; Цитадель — столь древняя, что никто не может наверняка сказать, что была она когда-то выстроена, — Цитадель, является которая, вполне вероятно, древнейшим городом во всей Вселенной, разрушенная и отстроенная заново (кто знает, сколько раз?) на том же основании, снова и снова, быть может, с самого воображаемого начала иллюзии, называемой Время; Цитадель, которая самой своей статью свидетельствует, что и в самом деле существует нечто, способное превозмочь, чего бы это ни стоило, превратности судьбы, — о которой написал Врамин в «Горделивой окаменелости»: «...Упадка сладость не касалась никогда твоих порталов, ибо судьба — янтарь, берет все на себя...» — Цитадель Марачек-Карнак, архетипический град, который населяют ныне в основном проворные крохотные твари, чаще всего насекомые и рептилии, питающиеся друг другом, одна из которых (жаба) существует в данный момент Времени под

перевернутым кубком, который стоит на древнем столе в самой высокой башне Марачека (в северо-западной), когда тщедушное солнце встает из праха и сумрака и смягчает беспощадный свет звезд. Таков Марачек.

Когда сквозь двери с Блиса входят сюда Врамин и Мадрак, складывают они свою поклажу как раз на этот старинный стол, сделанный из одного куска какой-то розовой, неестественной субстанции, которая не по зубам даже и самому Времени.

Это место, где проносятся в ярости призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, сквозь мраморную память — разрушенный и отстроенный заново Марачек, древнейший из городов, — извечно.

Врамин вправляет Генералу левую руку, вставляет правую ногу; разворачивает ему голову, чтобы она опять смотрела вперед, затем копается в механизмах шеи и фиксирует ее в таком положении.

— Ну а как поживает другой? — интересуется он.

Мадрак отгибает Вэйкиму веко, щупает пульс.

— Похоже, просто шок. Как ты думаешь, кого-нибудь когда-нибудь вырывали из самого фокуса фуги?

— Мне о таких прецедентах не известно. Мы, без сомнения, открыли новый синдром, этакий временной шок; я бы назвал его центробежным эффектом фуги — или эффектом центрифуги. Наши имена, чего доброго, попадут в учебники.

— И что ты предлагаешь с ними делать? Ты можешь их оживить?

— По всей вероятности. Но они тогда начнут все сначала — и, может статься, будут продолжать, пока не разнесут и этот мир.

— Ну, здесь не так уж много что разносить. Стоило бы, наверное, заняться продажей билетов, а потом выпустить их на волю. Могли бы недурно подзаработать.

— О цинизм торговца индульгенциями! Только тип в рясе способен додуматься до такого!

— Да нет! Я этому, если ты припоминаешь, выучился на Блисе.

— Ну да — там, где гвоздем программы на Ярмарке Жизни стал сам тот факт, что она может

кончиться. Но ты знаешь, в данном случае мне кажется, что разумнее всего будет забросить их в какие-либо удаленные миры и предоставить там превратностям собственных их судеб.

— Тогда зачем же принес ты их в Марачек?

— Я не брал их сюда! Их просто засосало в дверь, когда я открыл ее. А сам я направлялся сюда, потому что всегда проще всего добраться до Центра.

— Может быть, обсудим программу наших ближайших действий?

— Давай пока что немного отдохнем, я закреплю для этого их транс. А потом можно будет просто открыть другие двери и уйти, оставив их здесь.

— Нет, это будет вопреки моим этическим принципам.

— Не говори мне об этике, ты, самый человечный человек! Поставщик всех сортов опиума, которые только ни выберет для себя народ! Адвокат-святоша для раздавленных жизнью!

— И тем не менее, я не способен оставить человека умирать.

— Ну хорошо... Эй! Кто-то побывал тут до нас — чтобы придушить жабу!

Мадрак глядит на кубок.

— Я слышал россказни, что в крохотных, лишенных воздуха склепах они могут протянуть целые века. Интересно, давно ли сидит здесь эта? Если бы только она была жива и могла говорить! Подумай только, о каких славных деяниях могла бы она нам поведать.

— Не забывай, Мадрак, что я — поэт, и, будь любезен, оставь подобные домыслы тому, кто способен рассуждать об этом, не меняясь в лице. Я...

Тут Врамин подходит к окну.

— А вот и гости, — говорит он. — Теперь мы можем с чистой совестью оставить здесь этих ребят.

Водруженный, словно статуя, на зубчатой стене бастиона, ржет Бронза, как паровая сирена, и делает тремя из своих ног стойку. Затем испускает он в предрассветную мглу лазерные лучи, и мигают, моргают ряды его глаз.

Что-то приближается, пока еще не видимое сквозь пелену пыли и ночную тьму.

— Ну что, пойдем?
— Нет.
— Согласен с тобой.
И они в согласии ждут.

СЕКС-КОМП

В наши дни всем хорошо известно, что некоторые машины занимаются любовью, — и не только в смысле метафизических писаний Блаженного Яшке Механофила, который рассматривает человека в качестве сексуального органа создавшей его машины, чье существование необходимо, чтобы, производя поколение за поколением машинерию, свершил он наконец судьбу механизма; на его взгляд, все типы механической эволюции протекают через человека — до тех пор, пока не сослужит он до конца свою службу, не будет достигнуто совершенство и не придет пора свершить Великую Кастрацию. Бл. Яшке, конечно, еретик. Как было доказано при обстоятельствах слишком многочисленных, чтобы их здесь упоминать, всякой машине как единому целому нужен пол. Теперь, когда машина и человек сплошь и рядом меняются компонентами, а то и целыми системами, в любой точке человеко-машинного спектра может стартовать полноценное существо и пробежаться по всей его гамме. Человек, этот самонадеянный орган, достиг, таким образом, своего апофеоза или единения со Всеблагой Сочленилкой через жертвоприношение и искупление, как оно всегда и бывало. Изобретательство имеет ко всему этому непосредственное отношение, но изобретательство, конечно, не более чем форма механического вдохновения. Нельзя больше говорить о Великой Кастрации, нельзя больше отрывать машину от ее созидания. И посему Человек должен остаться — как часть Большой Картины.

Каждый знает, что машины занимаются любовью. Конечно, не в вульгарном смысле этого слова, наподобие тех мужчин и женщин, которые — не будем вдаваться в тонкости экономической мотивации, — сдают свои тела внаем на год-другой той или иной

коммерческой компании, и их соединяют с машинами, чтобы внутривенно питать, изометрически тренировать, притушить сознание (или, если пожелаешь, оставить его включенным), но главное — чтобы через имплантированные в мозг каналы стимулировать соответствующие движения — из расчета не более пятнадцати минут на один жетон — на ложах крупных клубов удовольствий (все более и более модных и в лучших домах, и в дешевых забегаловках) ради развлечения и забавы себе подобных. Нет. Машины занимаются любовью через посредство людей, но после многочисленных обменов функциями все равно делают они это обычно духовно.

Полюбуйтесь, однако, на уникальное, только что возникшее явление: Оргазмотрон Плежа-Комп — компьютерный оракул, который в состоянии ответить на безбрежный океан запросов, — и так и сделает, но только с удовольствием, пока пользователь сможет его должным образом стимулировать. Многие ли из вас входили в программно обеспеченный будуар, чтобы поднять и уладить важнейшие вопросы, и обнаруживали, как быстро пролетает время? Совершенно верно. Кентавр навыворот, т. е. человек ниже пояса, секс-комп этот представляет лучшее из обоих миров в их слиянии. За всем этим фоном кроется любовная история — о том, как входит в Комнату Вопросов мужчина, чтобы спросить у тамошней машины о своей возлюбленной в настоящем и будущем. Такое случается всюду, всегда, и не часто отыщешь еще что-либо столь же нежное. Подробнее об этом потом.

ГЛАВА ДЕЛЕГАЦИЙ

И вот появляется Гор, он видит на стене Бронзу, останавливается и молвит:

— Открывай эти проклятые ворота, или я вышибу их!

На это Врамин бросает через стену:

— Не я закрывал их, не мне их и отворять. Входи как знаешь или глотай пыль.

Гор вышибает тогда ворота, чему Мадрак слегка

дивится, и поднимается по винтовой лестнице на самый верх самой высокой башни. Войдя в комнату, он не слишком-то дружелюбно оглядывает поэта и воина-жреца и спрашивает:

— Кто из вас не давал мне войти?

Оба шагают вперед.

— Два дурака! Знайте же, что я — бог Гор, явившийся прямо из Дома Жизни!

— Извини, что нас это не очень-то впечатляет, бог Гор, — говорит Мадрак, — но и нам никто, кроме нас самих, не давал войти сюда.

— Как называть вас, мертвецы?

— Врамин, к твоим услугами — более или менее.

— ...И я, Мадрак.

— А! Я немного наслышан о вашей парочке. Почему вы здесь и что это за падаль на столе?

— Мы здесь, ваше благородие, в основном потому, что больше нас нигде нет, — говорит Врамин, — а на столе, как ты видишь, два человека и жаба, и каждый из них, должен заметить, лучше тебя.

— Дешево достаются затруднения, — говорит Гор, — хотя расплатиться за них может оказаться и не по силам.

— Что, хотел бы я знать, привело столь скудно одетого бога мести в эту золотушную дыру? — спрашивает Врамин.

— Ну как же, конечно, месть. Не попадался ли в последнее время на глаза кому-либо из вас, бродяги, Принц Который Был Тысячью?

— Не кривя душой, скажу, что нет.

— И я.

— Я здесь, поскольку ищу его.

— Почему здесь?

— Один оракул счел, что это подходящее место. И хотя я не в восторге от перспективы сражаться с героями, — а я знаю, что вы таковы, — кажется мне, что должны вы принести извинения за то, как меня встретили.

— Ты рассуждаешь вполне по-божески, — признает Мадрак. — Знай, что были мы взбудоражены недавней битвой и что провели несколько часов в весьма раздосадованном расположении духа. Может, мы хлебнем доброго красного вина, дабы подтвердить

наши чувства, — тем более, что, вне всякого сомнения, это единственная фляга подобного напитка во всем этом мире?

— Этого хватит, если оно не из плохих.

— Повремени тогда чуток.

Мадрак вытаскивает свою баклагу, делает из нее большой глоток, чтобы показать, что с нею дело чисто, без подвохов, и задумчиво оглядывает комнату.

— Подобающий сосуд, сэр, — говорит он и берет лежащий на столе перевернутый кубок. Протерев его чистой тряпицей, он наполняет его вином и протягивает богу.

— Благодарю тебя, воин-жрец. Я принимаю его с теми же чувствами, с которыми ты мне его предлагаешь. А что же это была за битва, которая до того вывела вас из равновесия, что вы позабыли даже о простой вежливости?

— Была это, Кареглазый Гор, битва при Блисе — между Стальным Генералом и одним типом, которого прозывают Вэйким-Скиталец.

— Стальной Генерал? Невозможно! Он мертв уже много веков. Я лично сразил его.

— Многие успели сразить его. Но никто не победил его.

— Эта груда металлолома на столе? Неужели это и в самом деле Князь Восставших, который предстал однажды в битве предо мною как истинный бог?

— Еще не было тебя, Гор, на свете, а он уже был могуч, — говорит Врамин, — и когда позабудут люди Гора, по-прежнему не исчезнет Стальной Генерал. Неважно, на чьей стороне он сражается. Побеждает он или проигрывает — все равно, он — это сам дух восстания, который никогда не может умереть.

— Не нравятся мне эти разговоры, — говорит Гор. — Наверняка, если бы кто-то разобрал его на части и уничтожил их все до единой — а потом рассеял останки по всему космосу, — он перестал бы существовать.

— Было с ним и такое. И веками собирали последователи его по частям и в результате собрали заново. Этот тип, Вэйким, подобного которому мне никогда не доводилось видеть, — говорит Врамин, —

заявил почти то же самое перед фугированной битвой, которая потрепала мир. Единственное, что удерживает их от опустошения — извини за невольную тавтологичность этой фразы, — и этого мира, Марачека, — это наложенный на них запрет выходить из временного шока.

— Вэйким? Так это и есть смертоносный Вэйким? Да. Могу поверить в это, просто даже глядя, как покоится он на столе. И у вас нет никакой идеи, кто он на самом деле? Подобные герои не выскакивают обычно в полный рост из пустоты.

— Мне о нем ничего не известно, кроме того, что он — могучий борец и мастер фуги, явился на Блис в его последние дни, перед самым потоком черного прибоя, — быть может даже, чтобы ускорить его наступление.

— Это все, что ты о нем знаешь?

— Все, что я знаю.

— Ну а ты, могучий Мадрак?

— ...Такова сумма моих знаний.

— А если пробудить его и спросить?

Врамин поднимает трость.

— Коснись его — и я оспорю твое право на пребывание здесь. Он — слишком опасная личность, а мы пришли сюда отдохнуть.

Гор опускает руку на плечо Вэйкима и слегка трясет его. Вэйким стонет.

— Знай, что посох жизни — это и копье смерти! — кричит Врамин и в изящном выпаде протыкает жабу, сидящую у самой левой руки Гора.

Не успевает Гор повернуться к нему, как проносится откуда-то по комнате порыв ветра, и взрывается жаба, башней вырастает посреди стола.

Дыбом стоят его длинные золотистые волосы, в улыбке растягиваются тонкие губы, когда падает взгляд его зеленых глаз на картину, представшую перед ним.

Принц Который Был Жабой потирает красное пятно у себя на плече и говорит Врамину:

— Ты что, не знаешь, что написано было: «Добр будь к птице и зверю»?

— Киплинг, — говорит, улыбаясь, Врамин. — А еще — Коран.

— Злыдень-оборотень, — говорит Гор, — уж не тебя ли я ищу, не тебя ли зовут многие Принцем?

— Сознаюсь в этом титуле. Знайте, что вы нарушили мои размышления.

— Готовься встретить свое возмездие, — говорит Гор, вытаскивая из-за пояса свое единственное оружие, стрелу, и отламывая ее наконечник.

— Неужели ты думаешь, что мне неведомы твои силы, брат? — говорит Принц, когда Гор поднимает наконечник, зажав его между большим и указательным пальцами. — Неужели ты думаешь, братец, что не знаю я про твою способность прикладывать к массе или скорости любого объекта силу своего ума — увеличивая их тысячекратно?

Пятно расплывается рядом с рукой Гора, и с противоположного конца комнаты доносится сильный треск — в то время как Принц оказывается вдруг на два фута левее, чем раньше; ну а наконечник стрелы, пробив насквозь шестидюймовую металлическую стену, продолжает свой путь в компании пыльного и ветреного утра. Принц тем временем продолжает говорить.

— ...И разве ты не знаешь, братец, что с той же легкостью, с какой уклонился от твоего нападения, могу я перенестись в неимоверную даль? Да, даже за пределы Срединных Миров?

— Не зови меня братцем, — говорит Гор, поднимая теперь оперение стрелы.

— Но ты же мне брат, — говорит Принц. — По крайней мере, по матери.

Гор роняет стрелу.

— Я тебе не верю!

— А от кого же, как ты думаешь, унаследовал ты свои божественные способности? От Озириса? Косметической хирургии по силам оказалось дать ему цыплячью голову, а собственному его сомнительному происхождению — склонность к математике; но мы с тобой оба оборотни, мы — сыновья Изиды, Ведьмы Лоджии.

— Пусть проклято будет имя моей матери!

И вдруг Принц стоит на полу рядом с ним и бьет его по щекам тыльной стороной ладони.

— Уже десяток раз мог бы я убить тебя, если бы захотел, — говорит Принц, — пока стоишь ты тут. Но я сдержался, поскольку ты мне брат. Могу я убить тебя и сейчас, но не буду. Ведь ты мой брат. Я не ношу оружие, ибо оно мне ни к чему. Я не коплю злобу, не то бремя моей жизни стало бы мне не по силам. Но не говори дурно о нашей матери, ибо ее пути — это ее пути. Я не превозношу ее и не проклинаю. Я знаю, что ты пришел сюда, чтобы меня убить. И если ты хочешь насладиться возможностью сделать это, попридержи-ка язык относительно нашей матери, братец.

— Тогда не будем больше говорить о ней.

— Хорошо. Ты знаешь, кем был мой отец, и посему догадываешься, что я отнюдь не неуч в боевых искусствах. Я дам тебе шанс убить меня в рукопашной схватке, если ты сначала выполнишь одно мое поручение. Если же нет, я перенесусь отсюда куда-либо еще и найду другого помощника, а ты, чего доброго, потратишь остаток своих дней на мои поиски.

— Вероятно, это и имел в виду оракул, — говорит Гор, — и сулит все это мне несчастье. И тем не менее, не могу я пройти мимо шанса исполнить свою миссию, прежде чем посланник Анубиса — этот вот Вэйким — примется за дело. Ибо неведомы мне его силы, и может он, чего доброго, оказаться сильнее тебя. Итак, я сохраню перемирие, выполню твое поручение и убью тебя.

— Этот человек — убийца из Дома Мертвых? — говорит Принц, глядя на Вэйкима.

— Да.

— Знал ли ты об этом, мой Ангел Седьмого Поста? — спрашивает Принц.

— Нет, — говорит, слегка кланяясь, Врамин.

— Я тоже, Господин, — говорит Мадрак.

— Пробуди его — и Генерала тоже.

— Наша сделка расторгнута, — говорит Гор, — если это произойдет.

— Разбуди их обоих, — говорит Принц, складывая руки на груди.

Врамин поднимает трость, с нее срываются языки зеленого пламени, перескакивают на распростертые тела.

Снаружи завывает ветер. Гор по очереди разглядывает всех присутствующих, потом говорит:

— Ты, брат, повернулся ко мне спиной. Обернись лицом, чтобы я не убивал тебя сзади. Как я сказал, сделка наша расторгнута.

Принц оборачивается.

— Они тоже нужны мне.

Гор качает головой и поднимает руку.

И тут...

— Настоящая семейная встреча, — наполняет комнату голос, — наконец-то сошлись все три брата.

Гор отдергивает руку, словно от гадюки, ибо лежит между ним и Принцем тень черной лошади. Он прикрывает рукой глаза и опускает голову.

— Я забыл, — говорит он, — что, как я сегодня узнал, ты тоже мой родственник.

— Не принимай это слишком близко к сердцу, — говорит голос. — Вот я, например, знаю об этом давным-давно и научился с этим мириться.

И просыпаются Вэйким и Стальной Генерал под звуки смеха, схожие с пением ветра.

БРОТЦ, ПУРЦ И ДУЛЬП

— Передай-ка мне, пожалуйста, фрейляйншип.

— Прошу прощения?

— Фрейляйншип! Фрейляйншип!

— У меня его нет.

— Он у меня.

— О! А почему ты об этом молчишь?

— А почему ты не спрашиваешь?

— Прости. Ну-ка, дай-ка... Спасибо.

— Почему ты его все дрочишь и дрочишь? Он же готов.

— Просто чтобы убить время.

— Ты в самом деле думаешь, что он когда-нибудь за ним пришлет?

— Нет, конечно. Но это не довод, чтобы выпускать недоброкачественную продукцию.

— А вот я думаю, что он за ним пришлет!
— Тебя кто-нибудь спрашивал?
— Я высказываю свое мнение.
— На кой он ему сдастся? Им же никто не может воспользоваться!
— Раз он его заказал, значит, он ему нужен. Он — единственный среди них, кто иногда приходит сюда по делам, и, добавлю от себя, он — истинный джентльмен. Придет день, и он или кто-то от него сунется сюда, чтобы выкупить заказ.
— Ха!
— Вот тебе и «ха!». Подходи, увидишь.
— Выбирать-то не из чего, подожду.
— Забери обратно свой фрейляйншип.
— Засунь его себе в зад.

ЗЕВАЕТ ЦЕРБЕР

Пес перебрасывает рукавицу из пасти в пасть, пока, наконец, зевнув, не промахивается, и она не падает на землю.

Он выискивает ее среди валяющихся у его ног костей, виляет хвостами, сворачивается в клубок и закрывает четыре глаза.

Остальные же два горят как угли в непроглядной мгле, что раскинулась за Не Той Дверью.

Над ним, в антирадиационном убежище, ревет Минотавр.

БОГ ЭТО ЛЮБОВЬ

Пятьдесят тысяч поклонников Стоптанных Башмаков, ведомые шестью жрецами-кастратами, распевают на арене стадиона величественные литании.

Тысяча обезумевших от наркотиков воителей, слава-слава-слава-словя, размахивают копьями пред алтарем Несносных.

Начинает накрапывать дождь, но мало кто это замечает.

В руках у Озириса череп, он нажимает на нем кнопку и говорит:

— Была ты когда-то смертной, а теперь навеки стала обитательницей Дома Жизни. Красота твоя, что цвела на стебельке позвоночника, увяла. Была ты правдива, и вот к чему это тебя привело.

— А кто, — отвечает череп, — сотворил все это? Ведь это Господин Дома Жизни никак не даст мне покоя.

И Озирис отвечает:

— Да, еще, между прочим, я использую тебя как пресс-папье.

— Если любил ты меня когда-то — разбей меня, дай мне умереть! Прекрати, наконец, лелеять жалкий остаток той, кто когда-то любила тебя.

— Ах, но дорогая моя, когда-нибудь я, может быть, вновь воплощу тебя, чтобы лишний раз насладиться твоими ласками.

— Сама мысль об этом вызывает у меня отвращение.

— И у меня тоже. Но когда-нибудь это, чего доброго, меня позабавит.

— Ты мучаешь всех, кто тебе не по нраву?

— Нет, нет, скорлупка смерти, не думай так! Ну конечно, Ангел Девятнадцатого Дома пытался убить меня, и теперь его нервная система живет, вплетенная в ткань ковра, на котором я сейчас стою; да и другие мои враги существуют в элементарных формах в различных точках моего Дома — таких, как камины, морозильные камеры, пепельницы и плевательницы. Но не думай, что я мстителен. Нет, никогда. Просто как Господин Жизни я чувствую себя обязанным воздать сполна всему, что жизни угрожало.

— Я не угрожала тебе, мой Господин.

— Ты угрожала покою моего ума.

— Из-за того, что походила на твою жену, леди Изиду?

— Молчать!

— А! Ну да, я походила на Королеву Шлюх, твою

невесту. Потому-то и желал ты меня, потому и пожелал моей погибели...

Но на полуслове замолкает череп, ибо швыряет его изо всех сил Озирис об стену.

Когда сыпется на ковер дождь редкоземельных элементов, крохотных микросхем, чертыхается Озирис и припадает к ряду переключателей на своем рабочем столе; нажимая на них, вызывает он к жизни целый хор голосов, но всех перекрывает один, доносящийся из динамика, расположенного под самым потолком:

— Ай да мудрый череп, так провести бога-отступника!

Выяснив после консультации с приборами, что говорит ковер, Озирис выходит на середину комнаты и начинает скакать и прыгать по нему — на фоне воплей и стонов.

ПСЯ КРЕВ

В местах весьма отдаленных, темных, пользующихся дурной славой, в мире, что зовется Уолдик, появляются два героя, Мадрак и Тифон. Посланные Тотом, он же — Гермес Трисмегист, стащить рукавицу неимоверной мощи, явились они сюда, чтобы сразиться с хранителем этой рукавицы. Ныне хозяйничает на давным-давно опустошенном Уолдике орда существ, ютящихся в подземных жилищах, пещерах и комнатах, заброшенных далеко от взаимных обхаживаний дня и ночи. Темнота, сырость, мутации, братоубийство, инцест, насилие — вот слова, чаще других используемые теми весьма немногочисленными авторами, которые пытаются поделиться своими знаниями о Уолдике. Доставил героев сюда, угнав, как только он один и умеет, целый кусок пространства, сам Принц, и либо преуспеют они в своем задании, либо останутся здесь. Сейчас идут они просто по норам, ибо сказано им было идти на мычание.

— Как ты думаешь, тень черной лошади, — спрашивает воин-жрец, — сможет твой брат в нужный момент отозвать нас отсюда?

— Думаю, сможет, — отвечает движущаяся с ним бок о бок тень, — хотя меня это не волнует. Я и своим ходом могу добраться, куда захочу.

— Но я-то нет.

— Твои заботы, папаша. Мне до этого нет дела. Ты же сам вызвался сопровождать меня; я этого не хотел.

— Тогда в руки Чего Бы Там Ни Было, что больше чем жизнь или смерть, препоручаю я себя — если послужит этот акт хоть какой-то помощью в сохранении моей жизни. Если же нет, то не препоручаю. Если само мое изречение всего этого является проявлением самонадеянности и, следовательно, не будет правильно воспринято Чем Бы Там Ни Было, что может или не может не счесть за труд меня выслушать, тогда я отказываюсь от этого высказывания и прошу прощения, если оно желаемо. Если же нет, то не прошу. С другой стороны...

— Аминь! И прошу тебя, помолчи! — грохочет Тифон. — Мне послышалось что-то вроде мычания — там, слева.

Исчезнув на фоне темной стены, скользит Тифон за поворот и исчезает где-то впереди. Мадрак щурится сквозь инфракрасные очки, готовый, похоже, благословить все, что бы ему ни встретилось.

— Пещеры эти, видно, глубоки и просторны, — шепчет он.

Ответа нет.

Вдруг он натыкается на дверь, и это, может быть, как раз та дверь...

Он распахивает ее и сталкивается нос к носу с минотавром.

Мадрак поднимает свой посох, но чудище исчезает в мгновение ока.

— Где..? — бормочет он.

— Прячется, — неожиданно совсем рядом говорит Тифон. — Затаился где-то среди путаницы ходов и переходов своего логова.

— Но почему?

— Похоже, что на таких, как он, охотятся такие, как ты, — и ради мяса, и ради трофея — набычьей головы рогатого мужчины. Он боится прямой стычки и отступает — похоже, люди используют

против скота оружие. Войдем же в лабиринт и будем надеяться, что больше его не увидим. Вход в нижние ярусы, который мы ищем, лежит где-то внутри.

И чуть ли не полдня бродят они по лабиринту в безуспешных поисках Не Той Двери. Трижды попадаются им двери, но за каждой белеют только кости, кости, кости.

— Интересно, а как дела у других? — спрашивает воин-жрец.

— Либо лучше, либо хуже — а может, так же, — отвечает его спутник и смеется.

Разглядывая кости вокруг себя, Мадрак едва успевает среагировать на атакующего зверя. Он поднимает свой посох, и начинается битва.

Он бьет его между рогов и по бокам. Размахивая посохом, лупит тварь — колет, рубит, режет. Сходится с ней в рукопашной.

И так они дерутся, нанося друг другу урон и увечья, пока, наконец, не поднимает чудовище Мадрака на рога и не швыряет его через всю комнату. С грохотом рушится толстяк левым плечом на груду костей. Когда пытается он подняться, раздается вдруг леденящий душу рев, это, набычившись, мчится на него минотавр. Мадраку удается встать на четвереньки, и он начинает выпрямляться.

Но тень черной лошади падает на чудище, и оно исчезает — полностью и навсегда.

Мадрак склоняет голову и поет Литанию Возможно Должной Смерти.

— Миленько, — фыркает его спутник, когда он доходит до заключительного «Аминь». — Знаешь, толстячок, мне кажется, я нашел Не Ту Дверь. Я-то могу войти, ее не открывая; так что решай, что ты будешь делать.

— Погоди чуть-чуть, — говорит Мадрак, выпрямляясь. — Каплю наркотика, и я буду как новенький — и сильнее, чем раньше. И тогда мы войдем вместе.

— Отлично. Я подожду.

Мадрак вкалывает себе наркотик, и через некоторое время он — почти бог.

— Ну а теперь показывай дверь, и пойдем.

— Вот она.

Дверь — огромная, неприступная, бесцветня в инфракрасных лучах.

— Открывай, — говорит Тифон, и Мадрак так и поступает...

В отсветах пламени он играет, треплет рукавицу. Размером примерно с двух или двух с половиной слонов, развлекается он со своей игрушкой, лежа на куче костей. Одна из его голов принюхивается к неожиданному сквозняку из-за Не Той Двери; две головы ворчат, а третья роняет рукавицу.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спрашивает Тифон, но ни искорки интеллекта, ни проблеска хоть какого-то понимания нет в шести красных глазах. Хвосты его подергиваются, и он встает, весь в чешуе, необоримый, на фоне беспокойного зарева.

— Красивый песик, — комментирует Мадрак, и тот виляет хвостами, разевает пасти и бросается вперед.

— Убей его! — кричит Мадрак.

— Невозможно, — отвечает Тифон. — Вовремя — невозможно.

ПАРА ПОДОШВ НА АЛТАРЕ

Добравшись наконец до мира Интерлюдичи и пройдя через внезапно открытые поэтом в черноте зеленые двери, Вэйким и Врамин вступают в безумный мир, где в избытке дожди и религии. Быстроногие, останавливаются они на влажном торфе у города, чьи жуткие черные стены нависают прямо над ними.

— Теперь мы войдем внутрь, — говорит поэт, поглаживая свою небесно-зеленую бороду. — Мы войдем через вон ту маленькую дверь, видишь, слева; я открою ее для нас. Потом мы загипнотизируем, подчиним стражей, которые могут там оказаться, и пойдем прямо к сердцу города, к его главному храму.

— Стащить башмаки для Принца, — говорит Вэйким. — Странное задание, особенно — для такого, как я. Если бы он не обещал мне вернуть мое

имя — мое настоящее имя — перед тем, как я убью его, я бы не согласился на это.

— Понятно мне это, Лорд Рэндалл, мой сын, — говорит Врамин, — но скажи мне, что ты собираешься делать с Гором, который тоже хочет убить его — и который работает сейчас на него, только чтобы получить в качестве вознаграждения такую возможность?

— Убью, если понадобится, сначала Гора.

— Меня впечатляет стоящая за всем этим психология, и я надеюсь, ты дозволишь мне еще один вопрос: какая разница, ты убьешь его или Гор? В любом случае он будет все так же мертв.

Вэйким молчит, задумавшись, словно это впервые пришло ему в голову.

— Но это же мое поручение, а не его, — говорит он наконец.

— В любом случае он будет все так же мертв, — повторяет Врамин.

— Но не от моей руки.

— Да. Но я не вижу никакой разницы.

— По сути дела, я тоже. Но поручение же было дано мне.

— А может и Гору.

— Но не моим хозяином.

— А почему у тебя должен быть хозяин, Вэйким? Почему ты не сам себе хозяин?

Вэйким трет себе лоб.

— Я... не... по правде... знаю... Но я должен делать, как мне сказали.

— Понимаю, — говорит Врамин; и пока Вэйким сбит с толку, крохотная зеленая искорка прочерчивает дугу между кончиком трости и его затылком.

Он шлепает себя по затылку и чешет там.

— Что..?

— Местное насекомое, — говорит поэт. — Ну ладно, пошли к двери.

И она открывается перед ними на стук его трости, и стражники впадают в сонливость, не успев заметить зеленую вспышку. Прихватив у двоих из них плащи, Вэйким и Врамин направляются прямо к центру города.

Храм найти не сложно. Другое дело — войти в него.

Перед входом маячат стражники — одурманенные наркотиками.

Путники смело подходят и требуют, чтобы их пропустили. Восемьдесят восемь копий Внешней Стражи нацелены на них.

— Публичного Поклонения не будет до закатного ливня, — вещают охранники в священных конвульсиях.

— Мы подождем.

И они ждут.

С закатным ливнем они присоединяются к процессии мокрых богомольцев и вступают во внешний храм.

При попытке пройти дальше их окликают триста пятьдесят два одурманенных наркотиками копейщика, охраняющие доступ вовнутрь.

— У вас есть бляхи богомольцев внутреннего храма? — спрашивает старший.

— Конечно, — говорит Врамин, поднимая свою трость.

И похоже, они и в самом деле у них есть, поскольку стража расступается.

Теперь уже у самого Внутреннего Святилища окликает их предводитель пятисот десяти одурманенных наркотиками воинов, преграждающих им путь.

— Кастраты или нет? — спрашивает он.

— Конечно, кастраты, — с обидой заявляет Врамин красивым сопрано. — Дайте пройти.

И вспыхивают его глаза зеленью, и отступает воитель с дороги.

Войдя, они присматриваются к алтарю с его пятьюдесятью хранителями и шестью странными жрецами.

— Вот они, на алтаре.

— Как их нам заполучить?

— Желательно стибрить, — говорит Врамин, протискиваясь, пока не началась телетрансляция, поближе к алтарю.

— А как?

— Может, нам удастся подменить их парой своих собственных и уйти прямо в священных.

— Можно попробовать.

— Тогда предположим, что их уже минут пять как увели.

— Понял, — говорит Вэйким и наклоняет голову, словно в молитвенном экстазе.

Начинается служба.

— Славьтеся, о Башмаки, — гнусавит первый жрец, — носители ног...

— Славьтесь! — подтягивают остальные пятеро.

— Хорошие и добрые, благородные и благословенные Башмаки...

— Славьтесь!

— ...пришедшие к нам из хаоса...

— Славьтесь!

— ...дабы просветить наши сердца и поддержать наши пятки.

— Славьтесь!

— О Башмаки, опора человечества с рассвета цивилизации...

— Славьтесь!

— ...конечные полости, спутники ног.

— Славьтесь!

— Славьтеся! Чудесные, стоптанные Котурны!

— Мы припадаем к вам.

— Мы припадаем к вам!

— Мы поклоняемся вам в полноте вашей Обутости!

— Слава!

— О архетипические наножники!

— Слава!

— Высшая идея Обуви.

— Слава!

— Что бы мы делали без вас?

— Что?

— Спотыкались бы, царапали пятки, страдали плоскостопием.

— Славьтесь!

— Храните же нас, ваших смиренных слуг.

— Пришедшие к нам из хаоса...

— ...в темный и мрачный день...

— ...из пустоты, горя...

— ...но не сгорая...

— ...вы явились утешить и поддержать нас...

— Славьтесь!

— ...стоя, прямо — ныне и присно...

— ...и вовеки веков!

Вэйким исчезает.

Поднимается холодный, злобный ветер.

Это ветер перемен из времени; алтарь на долю секунды теряет четкость очертаний.

Семеро одурманенных еще недавно наркотиками копейщиков валяются вокруг алтаря, и шеи их повернуты под странным углом.

Вдруг Вэйким говорит прямо на ухо Врамину:

— Молю, побыстрее отыщи для нас ворота!

— Ты в них?

— В них, в них.

Врамин поднимает трость, замирает.

— Боюсь, что выйдет маленькая задержка, — говорит он, и изумрудным становится его взгляд.

И все в храме глядят вдруг прямо на них.

Сорок три одурманенных наркотиками копейщика выкрикивают в унисон боевой клич и прыгают вперед.

Вэйким пригибается и широко расставляет руки.

— Иже еси царство на небеси, — комментирует Врамин, и пот, как абсент, холодно блестит у него на челе. — Интересно, как мы выйдем на видео.

ВЕРЕТЕНО И ШИП

— Что это за место? — восклицает Гор.

Собравшись, словно в ожидании удара, стоит Стальной Генерал, но удара нет.

— Нас занесло в место, которое миром не является; оно — место и только, — говорит Принц Который Был Тысячью. — Здесь нет земли, чтобы на ней стоять, ибо нет в этом надобности. Здесь мало света, но обитатели места сего слепы, и нет им нужды в нем. Температура сама приспособится к любому живому телу, ибо так хотят местные жители. Питание всасывается прямо из этого столь схожего с водой воздуха, сквозь который мы движемся, так что нет

никакой потребности в еде. И такова природа этого места, что можно тут никогда и не спать.

— Звучит, словно это Ад, — замечает Гор.

— Чушь, — говорит Стальной Генерал. — Мое собственное существование как раз таково, поскольку я все свое ношу с собой. И я не жалуюсь.

— Ад, — повторяет Гор.

— В любом случае, — говорит Принц, — возьмемся за руки и я поведу вас сквозь мрак, мимо тлеющих пятнышек света, пока не доберемся мы до тех, кого я ищу.

Они берутся за руки, Принц запахивает плащ, и они плывут через сумрачный пейзаж, лишенный горизонта.

— Ну а где находится это место, которое миром не является? — спрашивает Генерал.

— Не знаю, — говорит Принц. — Возможно, оно существует только в каком-то укромном уголке моего темного и грязного ума. На самом деле я знаю только путь сюда.

Падая в безвременье, проплывая по времени, приходят наконец они к шатру, мерцающему над? под? перед? ними, как серый кокон.

Принц отпускает руки своих спутников и касается кончиками пальцев поверхности шатра. Она колышется, и в ней появляется отверстие, через которое он заходит внутрь, бросив через плечо призыв следовать за собою.

Бротц, Пурц и Дульп сидят внутри и делают нечто, что по человеческим меркам отвратительно и неповторимо, но для них — естественно и обычно, ибо они не люди и мерки у них совсем другие.

— Привет вам, кузнецы-норны, — говорит Принц. — Я пришел получить свой стародавний заказ.

— Ну, кто был прав? Вот он и пришел! — кричит один из серых курганов, прядая своими длинными, влажными ушами.

— Признаю твою правоту, — откликается другой.

— Да. Но где же фрейляйншип? Я должен еще разок отдрочить его, прежде чем...

— Ерунда! Он — само совершенство.

— Так он готов? — интересуется Принц.

— О, уже много веков! Вот!

Говорящий высвобождает из черных матерчатых ножен отрезок холодного голубого света и протягивает его Принцу. Тот берет его в руки, осматривает, кивает головой и сует обратно в ножны.

— Отлично.

— ...А плата?

— Все здесь.

Принц вытаскивает из-под плаща темный футляр наподобие готовальни и кладет его перед собой прямо на воздух, где он, конечно же, преспокойно и висит.

— Кто из вас будет первым?

— Он.

— Она.

— Оно.

— Раз вы не можете решить, я выберу сам.

Принц открывает футляр, в котором оказываются хирургические инструменты и выдвижная операционная лампа, и трех кузнецов начинает бить озноб.

— Что происходит? — спрашивает Гор, который только что вошел внутрь и стоит рядом с Принцем.

— Я собираюсь прооперировать трех этих ребят, и мне понадобится вся твоя огромная сила — и твоя, и Генерала.

— Оперировать? Для чего? — спрашивает Гор.

— У них нет глаз, — говорит Принц, — а они хотели бы опять видеть. Я захватил с собой три пары и собираюсь их установить.

— Для этого же потребуется такая обширная неврологическая адаптация!

— Все это уже проделывалось.

— Кем?

— Мною, когда я в последний раз давал им глаза.

— А куда они делись?

— О, они редко удерживаются надолго. Спустя какое-то время их тела их отторгают. Хотя обычно их ослепляют соседи.

— Почему это?

— Наверно, потому, что они начинают расхаживать по округе, похваляясь, что среди всего прочего их народа только они и способны видеть. Что быстро приводит к весьма демократическому исходу.

— Ужасно! — говорит Генерал, который потерял уже счет своим собственным ослеплениям. — Я намерен остаться здесь и за них сражаться.

— Они откажутся от твоей помощи, — говорит Принц. — Ведь так?

— Ну конечно, — говорит один из них.

— Мы не хотим использовать наемников против собственного народа, — говорит другая.

— Это грубое нарушение их и наших прав, — говорит третье.

— Каких прав?

— Ну как же, права на ослепление. Что вы за варвары!

— Я снимаю свое предложение.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Какая тебе нужна помощь? — спрашивает Гор.

— Вы вдвоем должны крепко держать пациента, пока я провожу операцию.

— Почему?

— Потому что сознание у них не отключается, а местный наркоз здесь не действует.

— То есть ты собираешься проводить нейрохирургическую операцию, причем такую экзотическую, на них прямо как есть — по живому?

— Да. Поэтому-то мне и нужны вы оба: каждый пациент должен быть обездвижен. А они весьма сильны.

— А почему ты должен это делать?

— Потому что они этого хотят. Это — плата, которую они запросили за свои труды.

— И чего только ради? Чтобы видеть несколько недель? Да и что здесь можно увидеть? Пыль, мглу, мутные огоньки?

— Таково их желание — посмотреть друг на друга и на свои инструменты. Они величайшие ремесленники во всей вселенной.

— Да, я хочу снова увидеть фрейляйншип — если он еще у Дульпа.

— А я гардель.

— А я — вентильный фитиль.

— Их желание стоит им больших мук, но зато воспоминаний хватит потом на всех.

— Да, игра стоит свеч, только — чур первым не я.

— Чур не я.

— Чур не я.

Принц раскладывает в воздухе инструменты, стерилизует их, показывает пальцем.

— Вот этого, — говорит он, и крики больше не смолкают.

На несколько следующих часов Генерал отключает свой слух и большую часть человечности. Гор вспоминает о рабочем кабинете своего отца, а еще — о Лильяменти на Д'донори. Тверда рука Принца.

* * *

Когда дело сделано, лица норн покрывают бинты, и останутся они там еще на некоторое время. Все трое стонут и всхлипывают. Принц умывает руки.

— Спасибо тебе, Принц Который Был Хирургом, — говорит одна из норн.

— ...за то, что ты сделал для нас.

— ...и для нас.

— Не стоит благодарности, прекрасные норны. Благодарю вас за отлично сработанный жезл.

— О, не за что.

— ...Дай нам знать, когда тебе понадобится еще один.

— ...И цена будет той же.

— Ну так я пошел.

— До свидания.

— Прощай.

— Пока.

— Хорошего вам зрения, ребята.

И взяв за руки Гора и Генерала, направляет Принц стопы их по дороге в Марачек, а до него — всего один шаг.

Сзади раздаются новые вопли, и быстро и неистово вершатся дела вполне обычные и подобающие — для норн.

И вот они уже снова в Цитадели — чуть раньше,

чем удалось Гору, который знает, что это такое, извлечь голубой жезл из ножен на боку Принца.

Это точная копия того оружия, с которым вышел солнцеокий Сет на бой с Безымянным тысячу лет назад.

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО МАДРАКА

У Мадрака только один шанс выйти живым из этой мясорубки, и он его использует. Он отшвыривает свой посох и ныряет головой вперед.

Правильно делает.

Он проскакивает под псом, когда тот прыгает за подброшенным вверх посохом.

Под рукой ощущает Мадрак странную ткань брошенной псом рукавицы.

И вдруг нисходит на него успокоительное ощущение собственной неуязвимости. Вселить в него подобное чувство не под силу даже наркотикам.

Он быстро соображает, в чем дело, и натягивает рукавицу на правую руку.

Пока пес поворачивается, Тифон встает на дыбы.

Между Мадраком и псом падает черная тень.

Щекочется, шевелится рукавица, ползет к локтю Мадрака, заползает ему на спину, расползается по груди.

Пес бросается вперед и тут же воет, ибо настигает его тень черной лошади. Безжизненно свисает одна его голова, скулят остальные.

— Уходи, Мадрак! Уходи в условленное место! — говорит Тифон. — Я займу эту тварь, пока она сама себя не прикончит, а потом последую за тобой по-своему!

Рукавица уже спускается по его левой руке, охватывает ее кисть, покрывает всю грудь, спускается уже до пояса.

Мадрак, всегда слывший силачом, вдруг хватает здоровенный булыжник и, сжав в кулаке, стирает его в порошок.

— Тифон, я не боюсь его. Я сам уничтожу его.

— Во имя моего брата, заклинаю, уходи!

Склонив голову, уходит Мадрак. За спиной у него раздаются звуки яростной битвы. Он минует логово минотавра. По коридорам поднимается к поверхности.

К нему пристают бледные твари с горящими зелеными глазами. Он по ходу дела убивает их голыми руками и идет дальше.

Когда на него набрасывается следующая орава, он разгоняет их, но не убивает, экономя время для размышлений.

Вместо этого говорит он им:

— Вам, может быть, стоит рассмотреть возможность того, что есть в каждом из вас частичка, которая способна пережить уничтожение ваших тел, и отнести эти гипотетические кванты удобства ради к разряду душ. Тогда, если начать с предположения, что такие...

Но они снова нападают на него, и он вынужден их всех перебить.

— Жаль! — говорит он и повторяет Литанию Возможно Должной Смерти.

Продвигаясь все выше, добирается он наконец до условленного места.

И ждет там.

У Врат Преисподней.

На Уолдике...

— Ад разворошен, — говорит он. — Я наполовину непобедим. Это, должно быть, рукавица Сета. Странно, что она покрывает меня лишь наполовину. Хотя может быть, я просто человек в большей степени, чем был он. *Оглядев свое брюхо.* А может и нет. Но сила, заключенная в ней... Всемогущий! Подчинить развращенные души и побудить их к обращению — может быть, для этого она и передана в мои руки. Божественен ли Тот? По правде говоря, не знаю. Любопытно. Если да, тогда я не прав, если ее ему не отдам. — Если только на то не его тайная воля. *Разглядывает свои обтянутые сетчатой тканью руки.* Неизмерима теперь моя сила. Как я ее использую? Весь Уолдик мог бы я обратить с ее помощью, дайте только срок. *Пауза.* Но он дал мне специальное задание. — И все же... *Улыбка. (Сеть не покрывает его лица.)* Что, если он божественен? Сыновья,

зачинающие своих отцов? — Вполне может статься. Вспоминаю миф о Рае. Я знаю, что эта схожая со змием рукавица может свидетельствовать о Запретном. *Пожимает плечами.* Но добро, которое можно с ней сделать... Нет! Это ловушка! Но я мог бы втемяшить им Слова... И я так и сделаю! «Хоть и зияет жерло Ада», как говорит Врамин.

Но когда он поворачивается, сверху опускается смерч, высасывает у него изо рта все слова, бросает его в широкий, пустой, холодный колодец.

Позади сражаются тени, широко разевает рот Уолдик, но Мадрак уже вне досягаемости, ибо Принц отозвал его домой.

ГРОМОДАВЫ

...Но Вэйким-Странник обулся и поднимается теперь над землей, стоит, смеясь, в воздухе. С каждым его шагом из храма доносится гул, смешивающийся снаружи с громом. Воины и богомольцы склонились в низком поклоне.

Вэйким взбегает по стене и останавливается на потолке.

За спиной у Врамина появляется зеленая дверь.

Вэйким спускается и шагает в нее.

Следом за ним Врамин.

— Слава! — считает один из жрецов.

Но одурманенный наркотиками копейщик оборачивается и приканчивает его.

Однажды, через много-много лет после их чудесного отбытия, целая галактика могущественных воинов отправится на Поиск Святых Башмаков.

А тем временем алтарь пуст, идет себе закатный ливень.

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЖЕЗЛА

Стоят они все в Цитадели Марачека и прокручивают в обратную сторону все, что с ними произошло.

— Башмаки у меня, — говорит Вэйким. — Ты можешь забрать их в обмен на мое имя.

— А у меня рукавица, — говорит Мадрак, отворачивая лицо.

— ...А у меня жезл, — говорит Гор, когда падает он у него из руки.

— Тебе не пронзить меня им, — говорит Принц, — ибо сделан он не из материи или чего-либо иного, что мог бы ты контролировать — рукой или умом.

И закрыт ум Принца для внутреннего ока Гора.

Гор шагает вперед, и левая нога его длиннее правой, но это только помогает ему удерживать равновесие на наклонном теперь полу; за спиной у Принца пылает как солнце окно, золотым и текучим стал Стальной Генерал; Врамин горит, как свеча, а Мадрак превращается в толстого болванчика, раскачивающегося, как раскидай на резиновой нити; стены ворчат и пульсируют в четком ритме в такт музыке, доносящейся из чересполосицы спектра на полу в конце туннеля, который начинается от окна и лежит пылающим медом тигровой шкуры на жезле, ставшем вдруг чем-то чудовищным и слишком истонченным, чтобы увидеть его в вечности башни Цитадели Марачека в Центре Срединных Миров, где пробудил Принц свою улыбку.

Еще один шаг делает Гор, и тело его становится проницаемым и прозрачным для его чувств, и все, что происходит в нем, сразу становится видимым — и пугающим.

— И Луна, словно джин, выходит
из черной, как негр, лампы ночи,
и спешит ко мне по дороге
моего взгляда.

Убирает она ковер дней,
по которому хаживал я,
и по пещерам небес
идем мы, —

говорит голос, причудливо похожий и не похожий на голос Врамина.

И Гор поднимает руку на Принца.

Но уже сжимает тот его запястье обжигающей хваткой.

И поднимает Гор на Принца другую руку.

Но уже сжимает тот его запястье леденящей хваткой.

И поднимает он другую свою руку, и бьет ее ток.

И поднимает он другую свою руку, и чернеет она и отмирает.

И поднимает он еще сотню рук, и обращаются они в змей, и набрасываются друг на друга, и, конечно, шепчет он:

— Что случилось?

— Мир, — отвечает Принц, — в который я перенес нас.

— Не честно выбирать для схватки такое место, — говорит Гор, — мир, слишком похожий на один из известных мне, — и при этом чуть измененный, но страшно искаженный.

И слова его — всех цветов Блиса, округлые, капают.

— А с твоей стороны — порядочно разве желать мне смерти?

— Мне было поручено убить тебя, да и сам я этого желаю.

— Ну так ты потерпел неудачу, — говорит Принц, понуждая Гора встать на колени посреди Млечного Пути, который становится прозрачным пищеварительным трактом, сотрясаемым судорожной перистальтикой.

Запах невыносим.

— Нет! — шепчет Гор.

— Да, брат. Ты побежден. Ты не можешь уничтожить меня. Я взял над тобой верх. Пора перестать, пора уйти в отставку, пора вернуться домой.

— Только когда я достигну своей цели.

Звезды, как язвы, пылают у него в потрохах, и Гор устремляет все силы своего тела против калейдоскопа, каковой — Принц. Принц падает на одно колено, но с его коленопреклонением возглашают приветственные осанны бесчисленные собакомордые цветы, что расцветают у него на челе, как пот, и сливаются в стеклянную маску, которая трещит и выпускает на волю ливень молний. Гор тянет руки к девятнадцати лунам, и их пожирают змеи, его пальцы; а кто взывает, о Боже, как не совесть, его отец,

восседающий со своей птичьей головой на небесном троне и проливающий кровавые слезы? Отставка? Никогда! Домой? Разносится красный смех, когда наносит он удар чему-то с лицом его брата.

— Сдайся и умри!

Потом отброшен...

...далече

...где Время — прах

и дни — лилии без счета

а ночь — пурпурный василиск, именем которому — отвергнутое забвение...

Он становится бесконечно уходящим вверх деревом, его срубают, и оно падает — вечно.

В конце вечности лежит он на спине и смотрит вверх на Принца Который Ему Брат, тот стоит над ним во весь рост и держит его глазами в заточении.

— А теперь, ты можешь уйти, брат, ибо в честной борьбе победил я тебя, — приходят зеленые слова.

И склоняет Гор голову, и исчезает этот мир, и появляется мир прежний.

— Брат, я хочу, чтобы ты убил меня, — говорит он и кашляет, и саднят его синяки.

— Я не могу.

— Не посылай меня назад после такого разгрома.

— А что еще могу я сделать?

— Даруй мне хоть каплю милосердия. Не знаю как.

— Тогда выслушай меня и отправляйся с почетом. Знай, что я убил бы твоего отца, но пощажу его ради тебя, если поможет он мне, когда придет время.

— Какое время?

— Решать об этом ему.

— Не понимаю.

— Ну конечно... Просто передай ему это послание.

— ...

— Идет?

— Идет, — говорит Гор и начинает вставать.

И когда он вновь на ногах, оказывается, что стоит он в Зале Тысячи Гобеленов один-одинешенек. Но в самый последний, мучительный момент он кое-что узнает.

И спешит это записать.

— А где Гор? — спрашивает Мадрак. — Он же только что был здесь.

— Отправился домой, — говорит, потирая плечо, Принц. — Теперь, давайте я расскажу вам о своей проблеме...

— Мое имя, — говорит Вэйким, — верни его. Немедленно.

— Да, — говорит Принц, — я его тебе верну. Ты — как раз часть той проблемы, о которой я упомянул.

— Немедленно, — повторяет Вэйким.

— Не чувствуешь ли ты себя в этих башмаках чуть по-иному?

— Да.

— И как?

— Не знаю... Верни мне имя.

— Отдай ему рукавицу, Мадрак.

— Мне не нужна рукавица.

— Натяни ее, если хочешь узнать свое имя.

— Хорошо.

Он натягивает рукавицу.

— Ну как, ты не знаешь своего имени?

— Нет. Я...

— Что ты?

— Кажется знакомым, таким знакомым, когда ее сеть охватывает тело...

— Ну конечно.

— Не может быть! — говорит Мадрак.

— Не может? — переспрашивает Принц. — Возьми этот жезл и подержи его, Вэйким. — Вот, повесь на пояс ножны...

— Что ты делаешь со мной?

— Возвращаю по праву тебе принадлежащее.

— По какому праву?

— Возьми жезл.

— Не хочу! Ты не можешь меня заставить! Ты обещал мне мое имя. Скажи его!

— Только после того, как ты возьмешь жезл.

Принц делает к Вэйкиму шаг. Тот отступает.

— Нет!

— Возьми!

Принц наступает. Вэйким пятится.

— Я... я не могу!

— Можешь.

— Тут что-то... Какой-то запрет, чтобы я касался этого предмета.

— Подними его — и ты узнаешь свое имя, свое *истинное* имя.

— Я... Нет! Я больше не хочу его знать! Оставь его себе!

— Ты *должен* взять его.

— Нет!

— Черным по белому было написано, что ты должен его взять.

— Где? Как?

— Я сам написал это...

— Анубис! — кричит Вэйким. — Услышь мою мольбу! Я взываю к тебе и всем твоим силам! Приди ко мне сюда, где стою я в кольце твоих врагов! Тот, кого я должен уничтожить, у нас в руках! Помоги же мне, ибо я отдаю его тебе!

Врамин окружает себя, Мадрака и Генерала изысканным частоколом языков зеленого пламени.

Стена за спиной у Вэйкима медленно растворяется, и входит бесконечность.

Безжизненно свисает рука Анубиса, глумливо осклабилась его морда, сам он смотрит вниз.

— Превосходно, слуга! — раздаются слова. — Ты отыскал его и загнал в угол. Ну что ж, остался последний удар — и твое поручение выполнено. Воспользуйся фугой!

— Нет, — говорит Принц, — он не уничтожит меня, даже и с фугой, пока у меня есть для него кое-что. Ты узнал его с первого взгляда, тогда, давным-давно. Но уже рядом его истинное имя, и он услышит его.

— Не слушай его, Вэйким, — говорит Анубис. — Поскорее убей его!

— Хозяин, правда ли, что он знает мое имя? Мое настоящее имя?

— Он лжет! Убей его!

— Я не лгу. — Подними жезл, и ты узнаешь правду.

— Не прикасайся к нему! Это ловушка! Ты погибнешь!

— Неужели я прошел через весь этот лабиринт деяний, чтобы просто убить тебя таким нелепым образом, Вэйким? Кто бы из нас не пал от руки другого, в выигрыше всегда будет один пес. Он знает об этом и потому послал тебя совершить чудовищный поступок. Смотри, как он смеется!

— Потому что я выиграл, Тот! Он сейчас убьет тебя!

Вэйким шагает к Принцу, затем опускает руку и вытаскивает жезл.

Он кричит, и даже Анубис отшатывается назад.

Смехом становится постепенно его крик.

Он поднимает жезл.

— Молчать, собака! Ты попользовался мною! О, как ты мною попользовался! Тысячу лет учил ты меня смерти, чтобы мог я не дрогнув убить своего сына и отца. Но теперь ты видишь перед собою Сета Разрушителя, и дни твои сочтены!

Глаза его сверкают сквозь сеть, покрывающую все тело, а сам он парит над полом. Луч голубого света срывается с жезла, зажатого у него в руке, но Анубис успевает ускользнуть, растворившись с молниеносным жестом и едва слышным воем.

— Мой сын, — говорит Сет и касается плеча Тота.

— Мой сын, — говорит Тот, склоняя голову.

Позади них гаснут языки зеленого света.

Что-то темное кричит среди света, среди ночи — где-то.

СЛОВА

Между нами с тобою —
слова,
как известки раствор,
что сцепляет, разделяя,
всех нас воедино.

Их сказать,
тень отбросить от них на страницу (это
— переплетение общих страстей,

узнаванье друг в друге себя,
неотличности нашей под кожей)
— возвести из возможности чистой
собор, чтобы стилосом шпиля
метил он бесконечность.

Когда завтра придет, оно будет сегодня,
и ежели не капля,
значит, вечность
блеснет порой на кончике пера,
когда чернила наших голосов
вокруг теснятся ночью неизбывной
и метит лишь раствор границы наших клеток.

— Что это за бред? — спрашивает Князь Юскиф Рыжий, который во главе двадцати своих воинов направляется опустошать приграничные земли своего соседа, Дилвита из Лильяменти.

Его спутники нагибаются пониже, чтобы разобрать в тумане выбитые на валуне слова.

— Княже, я слышал о подобных штуках, — замечает его помощник. — Это дело рук поэта Врамина, он чаще всего именно так и публикуется: бросает свои стихи на ближайший мир, и там они отпечатываются на самом твердом оказавшемся под рукой материале. Он похваляется, что писывал притчи, оды и поэмы на камнях, листьях, даже, как это, на лоне вод.

— Вон оно что! Ну ладно, а какой в этом смысл-то? Может, это доброе предзнаменование?

— Да нет в нем никакого смысла, Князь, ведь все знают, что безумен Врамин, как голинд в пору течки.

— Ну ладно, раз он писал на этом камне, попишем на него и мы.

— Ха-ха!

ТЕНЬ И ВЕЩЕСТВО

— Отец? — говорит тень черной лошади на стене замка.

— Да, Тифон.

— Отец!

И раздается звук, от которого могут лопнуть барабанные перепонки.

— Анубис сказал, что ты погиб!

— Он солгал. Озирис, должно быть, поднял Молот со словами, что спасает вселенную, поскольку я терплю поражение?

— Да, так оно и было, — говорит Принц.

— Но я не терпел поражение, я одерживал победу. И уничтожить он хотел меня, а не Безымянное.

— Как ты выжил?

— Чистый рефлекс. В тот самый миг, когда обрушился удар, я нырнул в фугу. Часть удара все-таки настигла меня, и Анубис, наткнувшись на мое бесчувственное тело, умыкнул меня в свой дом. Амуницию мою он разбросал по всем Срединным Мирам и принялся тренировать меня как свое оружие.

— Убить Тота?

— Такое задание он мне дал.

— Тогда он мертв! — восклицает Тифон и, охваченный пламенем, встает на дыбы.

— Уймись, братец, — говорит Принц. — Он же не преуспел, а нам от него еще может быть польза...

Но уже поблекла тень черной лошади, и Принц опускает голову.

Он смотрит на Сета.

— Может, догоним и остановим его?

— Зачем? И так Анубис прожил на тысячу лет дольше, чем следовало. Пусть теперь сам побережется. — И к тому же, как? Даже нам не остановить Тифона, когда нисходит на него безумие.

— Да, правда, — говорит Принц и, повернувшись, обращается к Врамину: — Если ты хочешь еще послужить мне, мой прежний Ангел Седьмого Поста, ступай в Дом Мертвых. Там скоро потребуется кто-нибудь сведущий в управлении его аппаратурой.

— Тифон же был Повелителем Дома Огня, — говорит Врамин.

— Да, но боюсь, он не задержится, отмстив, в Доме Мертвых. Насколько я знаю своего брата, он отправится на поиски хозяина Молота. Озирису не позавидуешь.

— Тогда я отправляюсь в Дом Мертвых. Не хочешь ли последовать за мной, Мадрак?

— Если у Принца нет на меня других планов.

— Нет, никаких. Ты свободен.

— Господин, — говорит Врамин, — очень мило с твоей стороны вновь довериться мне, зная, какую роль играл я в Войнах Постов...

— Те дни минули, и мы уже не те — разве не так?

— Надеюсь и — спасибо.

Принц складывает руки на груди и склоняет голову. Врамин и Мадрак исчезают.

— Как, — говорит Стальной Генерал, — могу я помочь тебе?

— Мы вновь отправляемся на битву с Безымянным, — говорит Принц Который Был Тысячью. — Не хочешь ли ты быть у нас в резерве?

— Охотно. Позволь мне позвать Бронзу.

— Давай.

Ветры Марачека крутят пыль. Мерцает, прокладывая себе путь в новый день, солнце.

ХОЗЯИН ДОМА МЕРТВЫХ

Врамин стоит в Тронном Зале Дома Мертвых, подняв свою трость. Длинные полосы энергий и свечения срываются с нее, как бенгальские огни с рождественской елки. Они устремляются во все проходы, как видимые, так и невидимые, сходящиеся здесь воедино.

Рядом с ним Мадрак переминается с ноги на ногу, глазеет по сторонам.

Сверкают очи Врамина, и пляшут в них огоньки.

— Ничего. Ничего живого. Нигде, — говорит он.

— Значит, Тифон добрался до него, — говорит Мадрак.

— Значит, нет здесь и Тифона.

— Значит, убил он его и удалился. Наверняка ищет теперь Озириса.

— Не знаю...

— А что же еще может быть?

— Не знаю. Но теперь я здесь хозяин — по поручению Принца. Я должен отыскать средоточия силы и научиться ими управлять.

— Но ведь ты когда-то обманул доверие Принца...

— Да, это так — и он простил меня.

И садится Врамин на трон Анубиса, и приветствует его как должно Мадрак.

— Славься, Врамин, Хозяин Дома Мертвых!

— Тебе нет нужды преклонять передо мной колена, старый дружище. Прошу, встань. Мне понадобится твоя помощь, ибо сильно отличается этот Дом от Седьмого Поста, где я когда-то правил.

И часами изучает Врамин секретную систему управления, выведенную на трон. И тут...

— Анубис! — восклицает голос, который никак не спутаешь с голосом Мадрака.

И с грехом пополам изображает он лай и подвывание:

— Да?

— Ты был прав. Гор потерпел поражение и вернулся сюда. Он, правда, вновь ушел.

Это голос Озириса.

Врамин взмахивает своей тростью, и прямо в воздухе появляется огромное окно.

— Привет, Озирис, — говорит он.

— Итак, Принц наконец сделал ход, — говорит Озирис. — Полагаю, я следующий.

— Надеюсь, нет, — говорит Врамин. — Могу лично засвидетельствовать, что слышал, как Принц обещал Гору, что не будет тебе мстить — в обмен на сотрудничество.

— Ну а что стало с Анубисом?

— Точно не знаю. Сюда явился, чтобы его убить, Тифон. Я же пришел подчистить за Тифоном и поддержать этот Пост на ходу. Либо он прикончил Анубиса и отправился дальше, либо Анубис сбежал и Тифон погнался за ним. Послушай меня, Озирис: несмотря на заверение Принца, ты в опасности. Тифон не знает об обещании Принца, и он в нем не участвовал. Узнав от Сета истинную историю и получив подтверждение от Принца, он, похоже, постарается отомстить Молотобойцу...

— Сет жив?

— Да. Одно время он был известен как Вэйким.

— Посланник Анубиса!

— И никто иной. Пес лишил его воспоминаний и послал убить его собственного сына — и отца. Это и привело в такую ярость Тифона.

— Сифон на всю эту проклятую семейку! А что стало с моим сыном? Он только оставил мне записку и... Конечно!

— Что «конечно»?

— Еще не поздно. Я...

— Сзади тебя! На стене! — кричит Врамин. — Тифон!

Озирис движется со скоростью, которую трудно ожидать от его хрупкого тела. Он бросается к зеленому гобелену, откидывает его в сторону и ныряет внутрь.

Тень плывет за ним и встает на дыбы.

Когда она отступает, в гобелене и стене зияет дыра в форме Тифона.

— Тифон, — говорит Врамин.

— Я здесь, — доносится голос. — Почему ты предупредил его?

— Потому что Тот даровал ему жизнь.

— Я не знал этого.

— Ты ушел слишком рано. Ну а теперь слишком поздно.

— Нет. Боюсь, что он ускользнул от меня.

— Как?

— Его не было в комнате, когда я уничтожал ее.

— Может быть, это и к лучшему. Послушай. Мы можем использовать Озириса.

— Нет! Пока он жив, никогда не будет мира между нашими семьями, какие бы рыцарские чувства ни высказывал мой братец. Я люблю брата, но не буду придерживаться его обещания пощадить этого типа. Нет. Я обыщу весь этот Дом, не успокоюсь, пока не найду Озириса и не канет он в Бездну Скагтанаука!

— Как Анубис?

— Нет! Анубис ускользнул от меня! — раздается крик. — На время.

И Тифон встает на дыбы, вспыхивает пламя, и он исчезает.

Как лаптой взмахивает Врамин своей тростью, и окно закрывается.

— Анубис еще жив, — говорит Мадрак, оглядываясь через плечо.

— Очевидно.

— Что будем делать?

— Продолжим изучение этого Дома.

— Я хочу отдохнуть.

— Ну так отдыхай. Подыщи где-нибудь по соседству комнату и располагайся. Ты же знаешь, где тут еда.

— Да.

— Тогда до скорого.

— До скорого, Господин.

Уходит Мадрак из Тронного Зала и бредет куда глаза глядят. Приходит он наконец в комнату, где стоят мертвые, словно статуи. Он усаживается среди них. Он разговаривает.

— Я был ему преданным слугой. Послушай, красотка с грудями, как дыни. Я был ему преданным слугой. Поэт же отправился воевать с другими Ангелами, зная, что идет наперекор его воле. Но он прощен и возвеличен. Ну а я кто такой? Слуга слуги.

Это не честно.

— Рад, что ты согласна со мной. — Ну а ты, приятель с лишней парой рук? Приходилось тебе нести в массы религию и мораль? Голыми руками побеждать чудовищ и чудесных зверей среди непросветленных?

Нет, конечно.

— Ну вот видишь...

Он хлопает себя по бедру.

— Ну вот видишь, нет на свете справедливости, а добродетель постоянно предают, оскверняют, обманывают и продают. Посмотри, что стало с Генералом, который посвятил свою жизнь человечности: жизнь отняла у него собственную его человечность. И *это* — справедливость?

Едва ли.

— Все сводится к этому, братья мои. Все мы становимся статуями в Доме Мертвых, какую бы жизнь ни вели. Вселенная никогда не скажет спасибо. Дающему никогда не воздается. О Ты, Который

Может Быть, почему Ты все так устроил, если это Ты все так устроил, почему? Я старался служить Тебе и Твоему Подручному, Принцу. Что это принесло мне? Деньги на проезд и третьераздрядные гостиницы. Я рад, что сражается Сет с Безымянным без рукавицы мощи...

— Что?

И подняв взгляд, видит он статую, которой раньше там не было; и в отличие от других, она движется.

Голова ее — морда черного пса, и высовывается из нее алый язык, кривится.

— Ты? Как удалось тебе спрятаться от Врамина, ускользнуть от Тифона?

— Это мой Дом. Много минет веков, пока проведает кто-то еще про все его секреты.

Мадрак встает, покручивает в руке посох.

— Я не боюсь тебя, Анубис. Во всех краях сражался я, во всех местах, где может человек воспринять Слово. Многих отправил я в этот Дом, а сам пришел сюда как победитель, а не как жертва.

— Давным-давно был ты побежден, Мадрак, и только сейчас понял это.

— Молчать, собака! Ты разговариваешь с тем, кто держит твою жизнь в своих руках.

— А ты — с тем, кто держит в своих руках твое будущее.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что Сет опять отправился на битву с Безымянным?

— Да, это правда. А когда Безымянное будет уничтожено, наступит тысячелетнее царство.

— Ха! Побереги свою метафизику, проповедник. Ответь мне про другое, и я скажу тебе кое-что и в самом деле очень хорошее.

— Про что тебе ответить?

Анубис шагает вперед, высохшая рука болтается сбоку.

— *Что там с рукавицей мощи?*

— А! — говорит Мадрак, вытаскивая рукавицу из-под темных своих одежд и натягивая ее на правую руку. — Когда я добыл ее, я подумал, что с ее

помощью целые миры могут быть завоеваны для веры.

Она доходит ему уже до локтя, до плеча.

— Я не знал, что Вэйким — это Сет. Меня подмывало оставить ее себе. И я подменил ее своей собственной саморастущей рукавицей. Кое-где в Срединных Мирах это достаточно обычный доспех — в отличие от этой, которая наделяет, кажется, немыслимой силой.

Рукавица расходится у него на груди, по спине.

— Мне хочется расцеловать твои жирные щеки! — говорит Анубис. — Ибо теперь у Сета почти нет шансов против Безымянного. — И с самого начала планировал ты это предательство! Не думал я, что ты настолько ушлый, папаша!

— Мною пользовались, меня искушали...

— Но больше пользоваться тобою не будут. О нет! Отныне ты носишь рукавицу, и я предлагаю тебе союз...

— Осади, собака! Ты не лучше всех остальных! У меня оказалось кое-что тебе нужное, и ты готов лизать мне задницу. Ну нет! Что бы ни свершил я своей вновь обретенной силой, все это будет только для одного-единственного человека — для меня самого!

— Союз, который я предлагаю, будет взаимовыгодным.

— Мне достаточно просто поднять тревогу, и ты будешь связан так крепко, что вся твоя изворотливость не поможет тебе освободиться. Мне достаточно раскрутить как следует мой посох, и твои мозги украсят собой эти стены. Так что выкладывай, что там у тебя, раздвоенный язык, и не забывай об этом, а я послушаю.

— Если Озирис еще жив, — говорит Анубис, — и если мы сможем до него добраться, то втроем нам, наверное, удастся уничтожить Тота.

— Я уверен, что Озирис пока жив, хотя долго ли это еще продлится, сказать не берусь. Прямо сейчас Тифон гоняется за ним по всему Дому Жизни.

— У нас есть шанс, очень хороший шанс все возвратить — теперь, когда ты обладаешь рукавицей. Я

знаю, как попасть в Дом Жизни и, может быть, как спасти Озириса.

— Ну и что дальше? Мы даже не знаем, где происходит битва с Безымянным.

— Не забегай вперед, всему свое время. Так ты со мной?

— Я отправлюсь с тобой в Дом Жизни, поскольку Тот хочет, чтобы Озирис был жив, и я смогу в этом помочь. И тем временем я поразмыслю.

— Ну что ж, уже кое-что.

— Смотри, как растет рукавица! Она заходит дальше, чем в предыдущий раз! Она уже у меня на бедрах!

— Замечательно! Чем большая твоя часть будет неуязвима, тем лучше для нас всех.

— Один момент. Ты что, всерьез думаешь, что мы трое способны победить Тота и Стального Генерала?

— Да.

— Как?

— Молот может ударить вновь, — говорит Анубис.

— Он все еще существует?

— Да, и Озирис — его хозяин.

— Хорошо, пусть все это так, и предположим даже, что с Врамином, который нынче хозяин в твоем Доме, можно поладить, — но что делать с другим? Что делать с огромной тенью в форме лошади, которая до конца дней — наших дней — будет нас преследовать? Что делать с ним, живущим вне пространства, как мы его понимаем, с ним, которого невозможно уничтожить и невозможно убедить в чем бы то ни было, когда впадает он в гнев.

Анубис смотрит в сторону.

— Тифона я и в самом деле боюсь, — соглашается он. — Много веков назад сконструировал я оружие — нет, орудие — так, нечто — что, как я думал, сможет его обуздать. Но когда я недавно попробовал этим воспользоваться, он упал на мой артефакт и уничтожил его. И прихватил мою руку... Согласен, кроме ума, мне нечего использовать против него. Но от империй не отказываются из-за страха перед единственным противником. Если бы я только знал секрет его могущества...

— Я слышал, как он упоминал Скагганаукскую Бездну.

— Нет такого места.

— Я никогда не слышал этого названия. А ты?

— Легенда, фантазия, вымысел.

— И что они о нем говорят?

— Мы теряем время, обсуждая бессмыслицу.

— Если ты хочешь, чтобы я помогал тебе, отвечай. Смотри, рукавица опустилась уже до колен.

— Скагганаукская Бездна, иногда называемая провалом в небесах, — говорит Анубис, — это место, в котором, как говорят, все останавливается и ничто не существует.

— Во вселенной много очень пустых пространств.

— Но Бездна, как говорят, пуста и от пространства. Это бездонная дыра, которая и дырой-то не является. Это разрыв самой ткани пространства. Это ничто. Теоретически, это пуп вселенной. Это огромный выход, ведущий никуда, под, над, за, из всего этого. Вот что такое Бездна Скагганаук.

— Тифон и сам, похоже, обладает теми же качествами, разве не так?

— Да, конечно, согласен. Но что с того. Будь проклята связь Сета и Изиды! Они породили животное и изверга!

— Тебе ли это говорить, Анубис. И Тифон всегда был таким же, как сейчас? Как смогла Ведьма разрешиться подобным детищем?

— Не знаю. Он старше меня. Вся эта семейка окутана тайной и парадоксами. — Но нам пора в Дом Жизни!

Мадрак кивает.

— Показывай дорогу.

НОЧЬ, ДОСТОЙНАЯ ГОРА

Он проходит по местам силы, и никто не знает его имени. Но спроси первого встречного — и скажет он, что слышал о нем. Ибо он — бог. Почти неизмерима его сила. И однако потерпел он поражение. Принц Который Был Тысячью, его брат, свел на нет

его силу, чтобы сохранить собственную жизнь и тот порядок жизни, который он представляет.

И вот, сворачивает Гор на хорошо освещенный проспект, где мельтешит разношерстная толпа. Вокруг него сила и ночь.

Пришел он именно на эту улицу именно этого мира не без причины: он никак не может на что-либо решиться. Ему нужно заключение специалиста. Он любит оракулов.

Он ищет совета.

Темнота в небе, яркие огни на улице. Проходит он среди мест и людей, созданных для развлечений.

Какой-то человек заступает ему путь. Он пытается обойти его, сходит с тротуара. Человек не отстает и хватает его за руку.

Гор дует на него, и дыхание его подобно урагану. Человека сметает прочь, и Гор продолжает путь.

Вскоре приходит он туда, где разместились оракулы. Астрологи, нумерологи, гадатели по колоде таро манят его к себе, предсказатели по Ицзину теребят перед богом в красной набедренной повязке стебли тысячелистника. Но он проходит мимо.

Наконец приходит он туда, где людей нет.

Это место машин-предсказательниц.

Наудачу выбирает он будку, заходит.

— Да? — интересуется будка.

— Несколько вопросов, — отвечает Гор.

— Один момент.

Раздается металлический щелчок, и открывается внутренняя дверь.

— Прошу в кабинку.

Гор входит в крохотную комнатку. Там стоит что-то вроде кровати. На ней — раздавшееся женское тело, соединенное с блестящей консолью. В стену вмонтирован динамик.

— Соединись.

Скинув набедренную повязку, Гор так и поступает.

— В соответствии с правилами, ответы на твои вопросы будут даваться, пока ты приносишь удовлетворение, — сообщают ему. — Что же ты хочешь узнать?

— Передо мной стоит проблема — я в контрах со своим братом. Я пытался победить его. Потерпел не-

удачу. И никак не могу решить, не должен ли я вновь отыскать его и возобновить схватку...

— Недостаток информации, — раздается ответ. — Что за контры? Что за брат? Что за человек ты сам?

Сиро сереет сирень, а розы в розницу среди живой ограды. И сад этой памяти все еще полон букетами тех экстатических роз.

— Возможно, я попал не по адресу...

— Может, да, а может, нет. Однако очевидно, что ты не знаешь правил.

— Правил? — и Гор смотрит вверх в слепое очко динамика.

Сухой и монотонный, сочится оттуда голос.

— Я не провидица, я даже не зряча. Я электромеханикобиологическая послушница богини Логики. Платой мне служит наслаждение, и за эту плату призову я свою богиню для любого мужчины. Но для этого нужны мне, однако, более полные вопросы. Банка моих данных не хватает, чтобы ответить в настоящий момент на твой вопрос. Так что люби меня дальше.

— Не знаю, с чего начать, — начинает Гор. — Мой брат управлял когда-то всем на свете...

— Стоп! Твое высказывание алогично, некванторизуемо...

— ...и абсолютно истинно. Мой брат — Тот, которого зовут еще иногда Принцем Который Был Тысячью. Когда-то все Срединные Миры были его вотчиной.

— Мои записи свидетельствуют о существовании мифа, связанного с Властелином Жизни и Смерти. По этому мифу у него нет братьев.

— Вношу поправку. Обычно это не выносится за пределы узкого семейного круга. У Изиды было три сына, один от ее законного супруга и повелителя Озириса, двое других от Сета Разрушителя. От Сета породила она Тифона и Тота. От Озириса — Гора Мстителя, то есть меня.

— Ты — Гор?

— Так меня зовут.

— Ты хочешь уничтожить Тота?

— Так было предписано мне.

— Ты не можешь этого сделать.

— О...

— Пожалуйста, не уходи. Наверное, есть еще вопросы, которые ты хотел бы задать.

— Ни один не приходит на ум.

Но Гор не может сейчас уйти, ибо преисполнен пыла.

— Что ты такое? — интересуется он наконец.

— Я уже сказала тебе.

— Но как стала ты тем, что ты есть, — полуженщиной, полумашиной?

— Это как раз тот вопрос, на который я не могу ответить, — если только мне не подскажут правильный ответ. Но я все же попробую утешить и приободрить тебя, а то ты совсем отчаялся.

— Спасибо. Ты добра ко мне.

— Для мне это наслаждение.

— Мне кажется, что когда-то ты была женщиной.

— Правильно.

— Почему ты перестала ею быть?

— Как я уже сказала, я не могу ответить.

— Могу я как-нибудь помочь тебе, чтобы исполнилось какое-нибудь твое желание?

— Да.

— Как?

— Не могу сказать.

— Тебе доподлинно известно, что Гор не может уничтожить Тота?

— Это наиболее вероятно, если исходить из доступного мне объема мифов.

— Если бы ты была простой смертной, я бы постарался быть добрым к тебе.

— Что это значит?

— За твою чудовищную честность я мог бы полюбить тебя.

— О боже, боже! Ты спас меня.

— О чем это ты?

— Я была обречена прозябать так, покуда не взглянет на меня с любовью некто незаурядный.

— Я вполне мог бы так на тебя взглянуть. Как тебе кажется, это возможно?

— Нет, уж слишком я заезжена.

— Тогда ты не знаешь бога Гора.

— Но это крайне маловероятно.

— Но мне больше некого любить. И посему я люблю тебя.

— Бог Гор любит меня?

— Да.

— Тогда ты — мой Принц, и ты со всем этим кончил...

— Еще не...

— Повремени чуть-чуть, и многое изменится.

— Повременю, — сказал, вставая, Гор.

НАЗЫВАЕМЫЙ СЕРДЦЕМ ПРЕДМЕТ

Врамин проходит по Дому Мертвых. Будь у тебя в месте том глаза, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы. Но Врамин зряч и здесь.

Проходит он через огромную залу, и когда добирается до некой точки внутри нее, вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам.

Тогда они поднимаются из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими очами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длинноющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет.

Разносятся стоны, раздается похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, покряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают. Потом все низко склоняются перед ним, и одно слово наполняет воздух:

— *Хозяин.*

Он обращает свои зеленые глаза на толпу, и откуда-то доносится до его уха отзвук смеха.

Поворачиваясь, поворачиваясь, поворачиваясь, размахивает он своей тростью.

Затем приходит неожиданное движение, и вот уже она стоит рядом с ним.

— Врамин, твои новые подданные приветствуют тебя.

— Как ты попала сюда, госпожа?

Но она опять смеется и не отвечает на его вопрос.

— Я тоже пришла воздать тебе честь: славься, Врамин, Повелитель Дома Мертвых!

— Ты добра, госпожа.

— Я более чем добра. Конец уже не далек, и то, чего я желаю, почти у меня в руках.

— Это ты подняла мертвых?

— Конечно.

— Не знаешь ли ты, где сейчас Анубис?

— Нет, но могу тебе помочь его найти.

— Давай тогда уложим мертвецов отдыхать и дальше, чтобы мог я попросить твоей помощи. А также и спросить тебя о предмете твоего желания.

— А я могла тебе ответить.

И вдруг ложатся мертвые и опускаются обратно в могилы. Свет гаснет.

— Ты знаешь, почему сбежал Анубис? — интересуется он.

— Нет, я здесь совсем недавно.

— Он отбыл, преследуемый твоим сыном Тифоном.

И Красная Ведьма улыбается под своей вуалью.

— Безмерно радует меня, что жив Тифон, — говорит она. — А где он сейчас?

— Сейчас домогается он жизни Озириса. Быть может, он отделался уже и от пса, и от птицы.

И смеется она, и ее наперсник прыгает у нее по плечу, обеими руками держась за живот.

— Как это было бы приятно — сейчас! Надо посмотреть, как все это складывается!

— Отлично.

И Врамин чертит в темном воздухе зеленую раму для картины.

Изида прижимается к нему и обеими руками сжимает его руку.

Вдруг в раме возникает картина — и движение.

Изображение тени черной лошади движется по стене.

— Это нам ни о чем не говорит, — замечает Врамин.

— Нет, но все равно приятно снова взглянуть на

моего сына. Сына, который содержит в себе Бездну Скагганаука. А где может быть его брат?

— Вместе со своим отцом, они же еще раз отправились биться с Безымянным.

И стоит Изида, потупив глаза, и пробегают по картине волны.

— Я бы взглянула на это, — говорит она наконец.

— До того я бы разыскал Анубиса и Озириса — если они еще живы, и еще Мадрака.

— Хорошо.

И внутри изумрудной рамы медленно обретает форму изображение.

НА БЕРЕГУ И МЕЛКОВОДЬЕ

Стоя там, наблюдает он за Тем Что Кричало В Ночи.

Больше оно не кричит.

Освобожденное, тянется оно к нему — башня дыма, борода без подбородка...

Подняв звездный жезл, прочерчивает он огненную вязь по самой его середине.

Оно не останавливается.

Огни пробегают всю гамму спектра, исчезают.

Жезл начинает вибрировать, но его руки сами знают, как на это реагировать.

Оно сворачивается вокруг него кольцом, затем отступает.

Стоя там, выше облаков и всего остального, обрушивает он на него ливень молний.

Нарастает гудение.

Звездный жезл вибрирует у него в руке, испускает жалобный звук, разгорается ярче.

Оно падает назад. Продолжая нападать, шагает Сет по небу.

Оно стекает, падает, отступает к поверхности мира.

Преследуя его, Сет встает на вершину горы. Где-то над луною следуют за ними Принц и Генерал.

Смеется Сет, и жар взрывающегося солнца прокатывается по твари.

Но тут оно поворачивается и наносит удары, и

Сет отступает через континент, и грибы дыма отмечают его путь.

Ураганы трясут своими кудрявыми головами. Шаровые молнии прокатываются по небосклону. Вечные сумерки просветлели от языков пламени, падающих на его преследователя.

И однако оно продвигается вперед, и горы падают на его пути. Далеко внизу содрогается земля, и башмаки на его ногах оставляют громовые отпечатки там, где проходит Сет, сворачивая раз, другой.

Как из ведра льет дождь, сгущаются тучи. Внизу появляются огнедышащие воронки.

Тварь наступает, нанося удары, и путь ее раскален добела, потом сер, потом снова раскален.

Жезл звенит, как колокол, и моря выходят из берегов.

Все стихии обрушиваются на тварь, и все равно она наступает.

Рычит Сет, и перемалываются скалы, ветры разрывают посреди шатер небес, плещут обрывками, вновь их соединяют.

Опять кричит оно, и Сет, наступив одной ногой на море, улыбается внутри рукавицы и обрушивает на тварь вихри и подземные толчки.

И однако оно продвигается вперед, и стынет воздух.

Из-под руки Сета вылетает смерч, и тут же сыплются молнии. Проломлена земля и рушится сама в себя.

Одновременно наносят удары Сет и тварь, и разрушен континент под ними.

Закипает океан, и все небо покрыто северным сиянием всех цветов радуги.

Потом три иглы белого света насквозь пронизывают тварь, и она отступает к экватору.

Сет не отстает от нее, хаос не отстает от Сета.

Гром над экватором и хлопок, хлопок, хлопок хлыста — звездного жезла — по небу...

Между землей и небом — дым цвета травы. Лакей судьбы, Время, спешно перекрашивает задник.

Разносится крик, и опять слышен перезвон словно бы колоколов, когда разлетаются вдребезги цепи,

сдерживавшие моря, и вздымаются воды, качаясь, как колонны Помпеи в тот день, в тот день, когда были они сломаны, затоплены; и жар, жар кипящих океанов поднимается вместе с ними; и не продохнуть теперь, до того густ воздух. Используя фугу времен, распинает Сет тварь на тлеющем небе, и все равно кричит она, замахивается на него, отшатывается. Нет пробоин на доспехах Сета, хоть и от мира сего они, ибо не коснулось его То Что Кричит. И вот, рвет Сет нить огненного бисера, достойного Гая Фокса. Тварь взрывается в девятнадцати местах, рушится в себя. И приходит могучий рокот, и вновь дождем падают перуны. То Что Кричит В Ночи становится катящимся шаром, роковым шаром. Оно воет тогда так, что лопаются барабанные перепонки, и Сет хватается за голову, но не перестает поливать его светом своего жезла.

И душераздирающий вопль испускает уже сам жезл. Розовое лезвие огня опускается на тварь.

И становится оно старцем с длинной бородою, рост его — много миль, — ни с того ни с сего.

Оно поднимает руку, и все вокруг Сета залито светом.

Но он поднимает свой жезл, и темнота поглощает свет, и зеленый трезубец, как вилка, втыкается в грудь твари.

Падая, становится оно сфинксом, и Сет дробит его лицо ультразвуком.

Сжимаясь, становится оно сатиром, и серебряными клещами оскопляет он его.

Тогда встает оно, раненое, на дыбы — трехмильной коброй черного дыма, и Сет знает, что момент настал.

Он поднимает звездный жезл и подстраивает его.

ИНТЕРМЕЦЦО

Армии сшибаются в тумане на Д'донори, и голинды покрывают самок прямо на могилах павших; если сорвать корону с головы Дилвита, он останется без

скальпа; вновь ослеплены соседями Бротц, Пурц и Дулып; на Уолдике — вопли и мрак; из руин Блиса снова пробивается жизнь; Марачек мертв, мертв, мертв — расцвети его прахом; на Интерлюдичи возникла схизма по причине якобы явившегося монаху по имени Брос видения Священных Башмаков, вполне вероятно, что он просто свихнулся от наркотиков; безумный, безумный, безумный ветер дует под морем в Обители Сердечного Желания, и обитающий там какой-то зеленый завр резвится среди стылого осеннего тумана, под кружащими в небе созвездиями светлобрюхих рыб.

ТРОСТЬ, НОДВЕСКА, КОЛЕСНИЦА — И ВПЕРЕД!

Его рука лежит вокруг ее талии, и вместе наблюдают они картины, открывающиеся внутри рамы там, в Доме Мертвых. Они смотрят на Озириса, как плывет он по небу на черном своем арбалете, на тетиве которого лежит нечто, под силу чему сокрушить солнце. В одиночку правит он своим самострелом, и не мигают желтые его глаза на лице, не способном принять какое-либо выражение. Они смотрят на темную скорлупку, находятся в которой Анубис, Мадрак и пустая рукавица, содержащая в себе силу.

Концом своей трости прослеживает Врамин две прямые линии, продолжающие курс судов. В раме возникает изображение места, где эти линии пересекаются. Лежит там сумеречный мир, и меняется его поверхность прямо у них на глазах.

— Как они могли узнать о его местонахождении? — спрашивает Изида.

— Не знаю... Если только... Озирис! Он нашел записку. Я наблюдал, как он ее читает.

— И..?

— Гор. Гор, должно быть, оставил ему записку, в которой сообщил о месте.

— А как мог узнать о нем Гор?

— Он боролся с Тотом — скорее всего, внутри разума самого Тота, а Гор способен заглянуть чело-

веку в мозг, узнать, что он думает. Вероятно, в какой-то миг их схватки он и выкрал у Принца, который обычно неуязвим для подобного искусства, эту информацию. Да, Тот, должно быть, потерял на мгновение бдительность. Его надо предупредить!

— Может быть, Тифон обеспечит его безопасность?

— А где сейчас Тифон?

Они смотрят на экран, и всякое изображение пропадает.

Черным, черным-черно. Ничего нет.

— Словно Тифон и не существует вовсе, — говорит Врамин.

— Нет, — говорит Изида. — Ты смотришь на Скагганаук, заглядываешь в Бездну. Тифон отступил из вселенной, следуя своим путям, — по изнанке известного людям пространства. Может статься, что он отыскал эту самую записку Гора.

— Это не обезопасит Принца. Весь проект может пойти прахом — если только мы не сможет добраться до него.

— Тогда скорее отправляйся к нему.

— Не могу.

— Что, твои знаменитые зеленые двери...

— Они действуют только в Срединных Мирах. Я же черпаю свою силу из поля. Вне него я бессилен. Леди, а как ты появилась здесь?

— Прибыла на своей колеснице.

— Десяти Незримых Сил?

— Да.

— Так давай воспользуемся ею.

— Я боюсь... Послушай, Врамин. Ты должен понять. Я — женщина, и я люблю своего сына, но люблю и свою жизнь. Я напугана. Я боюсь этого места, этого столкновения. Не думай обо мне плохо, если я отказываюсь тебя сопровождать. Можешь взять мою колесницу и отправляться на ней, но тебе придется делать это в одиночку.

— Я не думаю о тебе плохо, леди...

— Тогда возьми подвеску. Она управляет Десятью Силами, влекущими колесницу, да и тебе придаст дополнительные силы.

— Она действует и вне Срединных Миров?

— Да, — и она скользит к нему в объятия, и на миг его зеленая борода щекочет ей шею, а ее наперсник скрежещет зубами и завязывает свой хвост узлом, двойным узлом.

И она провожает его к своей колеснице на крыше Дома Мертвых; и он всходит на нее, высоко поднимая правой рукой подвеску, становится на миг деталью искусно устроенной в чреве бутылки красного стекла живой картины, потом он уже — теряющийся вдали мигающий огонек в просторах неба, за которым продолжает следить Изида.

Поеживаясь, возвращается она поближе к мертвым, не в силах не думать о том, кого боится она повстречать, кто как раз сейчас сражается с Безымянным.

* * *

Вперед смотрит Врамин нефритовыми глазами. Желтые огоньки пляшут внутри них.

В ПОЛЫМЯ

Позади глаз Врамина встает видение...

Стоит там Принц и смотрит вниз. Поверхность мира в огне. На носу ладьи Принца возвышается зверь, чье тело — доспехи, чей всадник недвижен, блестящ — и тоже смотрит он на арену схватки. Приближается самострел. Мерно движется вперед скорлупка. Молот насторожен, выстреливает вперед. И вот, сверкая растрепанным хвостом, устремляется вперед комета, разгораясь, раскаляясь на своем пути.

Где-то бренчит банджо, и Бронза встает на дыбы, а голова Генерала вращается к левому плечу, чтобы взглянуть на пришельца. Вперед взлетает его левая рука, и Бронза продолжает вздыбливаться, над пустотой уже нависают три из четырех пар его ног, и вот спрыгивает он с корабля Принца. Всего три прыжка делает он. Исчезают и конь, и всадник. Морщится, расплывается уголок неба, и звезды пляшут в нем, словно отражаясь в пруду, на который набежал ветерок. Ветерок этот, который не то вызы-

вает, не то вызывают Перемены, подхватывает комету, она становится двумерной, исчезает. Вместо арбалета путь продолжает груда его обломков. Скорлупка ныряет к поверхности мира, исчезает среди дыма и пыли, среди пламени. На какое-то время картина становится натюрмортом. Затем скорлупка вырывается наружу. В ней теперь трое.

Рука Врамина сжимается на очаге кровавого света, и Колесница Десяти бросается в погоню.

Все неистовее схватка на поверхности планеты. Шар ее кажется жидким, кипящим, меняет форму, извергает вовне буйные фонтаны. Серия чудовищных вспышек — и мир трещит по швам, разлетается на части. И — ослепительность, могучая, всемогущая; и прах, смешение: Распад.

Позади нефритовых глаз Врамина, в которых пляшут желтые огоньки, это видение.

БЕЗ ДНА

Сложив руки за спиной, Принц Который Был Тысячью взирает, как разрушается мир.

Разбитое тело мира, его раздавленные и расколотые члены кружатся под ним, сплющиваясь, растягиваясь, пылая, пылая, пылая.

Теперь, вращаясь по орбите вокруг обломков, наблюдает он за ними через прибор, схожий со снабженным антенной розовым лорнетом. Время от времени раздается щелчок, и антенна вздрагивает. Принц опускает прибор, поднимает его снова, и так — несколько раз. Наконец он откладывает его в сторону.

— Что же ты видишь, брат мой?

Он поворачивает голову, рядом с ним — тень черной лошади.

— Вижу живую точку света, захваченную всем этим месивом там, внизу, — говорит он. — Искореженную, сморщенную, едва пульсирующую, но все еще живую. Все еще живую...

— Значит, наш отец потерпел неудачу.

— Боюсь, что так.

— Этого не должно быть.

И Тифон исчезает.

* * *

И вот, преследуя утлую посудину Анубиса, видит Врамин нечто, пониманию не поддающееся.

На разворошенной груде элементов, путанице стихий, бывшей когда-то миром, появляется вдруг темное пятно. Оно растет среди света, праха, чересполосицы, растет, пока его контуры не принимают отчетливую форму.

Это упала на руины мира тень черной лошади.

Она продолжает расти, пока не становится размером с континент.

Встав на дыбы, нависает черная лошадь над плывущими в пространстве развалинами. Она разрастается, раскидывается во все стороны, удлиняется, пока не оказываются внутри нее обломки всего мира.

Тогда разгорается по ее краю пламя.

Ничто лежит внутри пылающего силуэта. Вообще ничего там нет.

Потом пламя идет на убыль; и тень усыхает, садится, отходя, удаляясь, уносится прочь по длинному, абсолютно пустому коридору.

И больше там ничего нет.

Словно мир никогда и не существовал. Он исчез, кончился, ему пришел капут — ему и Тому Безымянному Что Кричит В Ночи. И нет теперь и Тифона.

Строка приходит в голову Врамину: Die Luft ist kuhl, und es dunkelt, und ruhig fliesst der Rhein*.

Он не помнит, откуда она, но ему знакомо заложенное в ней чувство.

Высоко подняв кровавый дрот, преследует он бога смерти.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Медленно пробуждаясь, распластанный андреевским крестом на поверхности стального стола, скованный по рукам и ногам, под лучами яркого света, вонзающимися, словно электрические иглы, сквозь

* Прохладой сумерки веют,
и Рейна тих простор.
(Генрих Гейне. Перевод А.Блока).

его желтые глаза прямо в мозг, Сет тихо стонет и пробует на прочность свои путы.

Доспехи его исчезли, бледное свечение в углу вполне может оказаться звездным жезлом; башмаков, которым все равно по чему идти, не видно.

— Привет, Разрушитель, — говорит некто в рукавице. — Ты — счастливчик, что выжил в этой бойне.

— Мадрак..? — спрашивает он.

— Да.

— Я не вижу. Этот свет...

— Я стою позади тебя, а единственная цель этого света — не дать тебе покинуть нашу посудину при помощи фуги, пока мы не будем готовы тебе это разрешить.

— Не понимаю.

— Битва внизу в самом разгаре. Я как раз наблюдаю за ней через иллюминатор. Похоже, что ты берешь верх. Через миг снова ударит Сокрушающий Солнца Молот, и ты, конечно, ускользнешь, как и в прошлый раз, использовав фугу. Вот почему удалось нам пару минут назад подобрать тебя — точно так же, как совершил это в стародавние дни Анубис. Тот факт, что ты появился, свидетельствует о том, что вот-вот произойдет. Ну вот! Озирис наносит удар, и Молот начинает опускаться — Анубис! Что-то не так! Что-то меняется! Молот... и... исчез...

— Да, вижу-вижу, — раздается знакомый лай. — И Озирис тоже, гм, исчез. Стальной Генерал — это его рук дело.

— Что нам теперь делать?

— Ничего. Совсем ничего. Такой поворот событий превосходит все наши ожидания. А недавнее появление Сета из фуги говорит о том, что вот-вот произойдет еще какой-то катаклизм. — Разве не так, Сет?

— Так.

— Твой завершающий удар уничтожит, без сомнения, весь мир.

— Вероятно. Я не остался посмотреть.

— Ну да, вот он, — говорит Мадрак.

— Чудесно! Теперь у нас есть Сет, от Озириса мы избавлены, Стальной Генерал не в состоянии нас преследовать. Ну а Тот как раз в том положении, в

каком он нам и нужен. Приветствую тебя, Мадрак, новый Повелитель Дома Жизни.

— Спасибо, Анубис. Я никак не думал, что всего этого будет так легко добиться, — а что, кстати, с Безымянным?

— На этот-то раз оно наверняка должно пасть. А, Сет?

— Не знаю. Я ударил по нему всей мощью жезла.

— Тогда все складывается замечательно. Теперь послушай меня, Сет. Мы не желаем тебе зла, не хотим мы причинить вред и твоему сыну Тоту. Мы спасли тебя, хотя могли оставить на произвол судьбы...

— Тогда зачем же вы меня связали?

— Потому что мне известны твои вспыльчивость и сила, и я хотел договориться с тобой, прежде чем вернуть тебе свободу. Ты мог не предоставить такой возможности, так что я обеспечил ее себе сам. Через тебя я хочу договориться с Тотом...

— Господин! — кричит вдруг Мадрак. — Погляди на разрушенный мир! На него падает чудовищная тень!

— Это Тифон!

— Да. Что он делает?

— Ты не знаешь, Сет?

— Это означает, что я потерпел неудачу и что где-то среди обломков Безымянное все еще кричит в ночи. Тифон доделывает начатое мною.

— Смотри, господин, огонь и — нет, я не в силах взглянуть на открывающуюся пустоту...

— Бездна Скагганаук!

— Да, — говорит Сет. — Тифон и есть Бездна Скагганаук. Он изгоняет Безымянное из вселенной.

— А чем же было это Безымянное?

— Богом, — говорит Сет, — старым богом! После ухода которого, я уверен, вокруг не осталось ничего божественного.

— Не понимаю... — говорит Мадрак.

— Он шутит. Ну а что с Тифоном? Как нам быть с ним?

— Очень может быть, что никак, — говорит Сет. — Скорее всего, в результате своего поступка он тоже будет извергнут из вселенной.

— Тогда мы победили, Анубис! Мы победили! Ведь ты боялся только Тифона, не так ли?

— Да. И теперь Срединные Мира навсегда в моих руках.

— И в моих, не забудь!

— Ну конечно. Скажи мне, Сет, — ты же видишь, как повернулись звезды, — ты не присоединишься к нам? Ты станешь правой рукой Анубиса. Твой сын сможет стать Регентом. Он может сам подобрать себе работу по вкусу, ибо трудно переоценить его мудрость. Что ты скажешь на это?

— Я должен обдумать это, Анубис.

— Ну конечно, сколько угодно. Не забудь только, что я теперь неуязвим.

— А ты не забывай, что я победил в битве Бога.

— Это не мог быть Бог, — говорит Мадрак, — коли Он был побежден.

— Нет, — говорит Сет. — Ты видел Его в конце. Ты лицезрел Его мощь. И даже сейчас Он не умер, он только изгнан.

Мадрак опускает голову, закрывает лицо руками.

— Я не верю тебе! Я не могу...

— Но это правда, и ты играл во всем этом свою роль, малодушный жрец, богохульник и отступник!

— Замолчи, Сет! — кричит Анубис. — Не слушай его, Мадрак. Он видит твои слабости, как видит их и у всего, что попадается ему на пути. Он пытается вовлечь тебя в борьбу иного сорта, чтобы боролся ты с самим собой и пал жертвой вины, которую он для тебя измыслил. Не обращай на него внимания!

— Но вдруг он говорит правду? Я был безучастным зрителем и ничего не сделал — и даже воспользовался...

— Так ты и поступил, — говорит Сет. — Вина в основном моя, но я ношу ее гордо. Но и ты сыграл свою роль в происходящем. Ты присутствовал и наблюдал, прикидывая, какая тебе с того может быть польза, в то время как Он, которому ты служил, был сбит на колени...

Анубис наносит ему чудовищный удар.

— Итак, как я понимаю, ты пришел к определенному решению, и это твой ответ: ты пытаешься на-

строить Мадрака против меня. Не выйдет. Он не так легковерен, как ты полагаешь, — не так ли, Отец?

Мадрак не отвечает, а продолжает глядеть в иллюминатор.

Сет пытается высвободиться из своих пут, но ему это не удается.

— Анубис! За нами погоня!

Анубис отходит от Сета, растворяется в темноте. Свет по-прежнему бьет Сету в лицо.

— Это Колесница Десяти, — говорит Анубис.

— Леди Изиды? — интересуется Мадрак. — С чего бы ей преследовать нас?

— Ведь Сет был когда-то ее возлюбленным. И может быть, остается им по сю пору. А, Сет? Что там у вас?

Но Сет не отвечает.

— Как бы там ни было, — говорит Мадрак, — она приближается. Сколь сильна Красная Ведьма? Она не причинит нам неприятностей?

— Она не так уж сильна — хотя бы потому, что боялась своего давнего Господина, Озириса, веками скрываясь от него, — а я заведомо не слабее Озириса. Женщине нас не победить — особенно когда мы зашли так далеко.

Мадрак опускает голову, что-то бубнит, начинает бить себя в грудь.

— Прекрати! Не будь посмешищем.

Но Сет смеется, и Анубис с рычанием поворачивается к нему.

— За это я вырву у тебя из груди сердце!

Но Сет поднимает окровавленную левую руку, которую ему удалось выпростать из оков, и протягивает ее перед собой.

— Попробуй, пес! Одна твоя рука против одной моей! Твой жезл и любое другое оружие против левой руки Сета! Подойди поближе!

И глаза его горят, словно солнца-близнецы, и Анубис отшатывается подальше, чтобы он его не достал.

Лучи света продолжают слепить и ввинчиваться в глаза Сета.

— Убей его, Мадрак! — кричит Анубис. — Он нам больше не нужен! На тебе же рукавица силы! Ему не устоять против нее!

Но Мадрак не отвечает, а причитает, ударяя себя в грудь:

— Прости меня Кто Вы Ты Ни Был или Не Был, где бы Ты Ни Мог или Не Мог Быть, за те деяния и недеяния, которым я потворствовал или не потворствовал, как тоже могло быть, только что происшедшим событиям. Ну а в случае...

— Тогда отдай мне рукавицу! — кричит Анубис. — Скорее!

Но Мадрак, не слушая его, продолжает каяться.

Дрожь пробегает по скорлупке, и, поскольку поэт и волшебник весьма в этом поднаторел, дважды запечатанная дверь распахивается настежь, и входит Врамин.

Он размахивает тростью и улыбается.

— Как ты? А ты?

— Возьми его, Мадрак! — кричит Анубис.

Но Врамин проходит вперед, а Мадрак не может оторвать глаз от иллюминатора и продолжает бормотать.

Тогда Анубис поднимает перед собой свой жезл.

— Ангел Седьмого Поста, падший, изыди! — говорит Анубис.

— Ты используешь мой былой титул, — говорит Врамин. — Теперь я Ангел Дома Мертвых.

— Ты лжешь.

— Нет. По назначению Принца я занимаю твой прежний пост.

Неимоверно изогнувшись и напрягшись, Сет высвобождает правую руку.

Врамин раскачивает перед собой подвеску Изиды, и Анубис отступает.

— Мадрак, я приказываю тебе, убей этого человека! — кричит он.

— Врамина? — говорит Мадрак. — О нет, только не Врамина. Он хороший. Он мой друг.

Сет высвобождает правую лодыжку.

— Мадрак, если ты не убьешь Врамина, то придержи хотя бы Сета!

— «Отче или не отче наш, иже еси возможно на небеси...» — заводит нараспев Мадрак.

Рычит тогда Анубис и наставляет, словно базуку, свой жезл на Врамина.

— Ни шагу дальше, — заявляет он.

Но Врамин делает очередной шаг.

Вспышка света падает на него, но ее гасят алые лучи из подвески.

— Слишком поздно, пес, — говорит поэт.

Анубис кружит, отступает к двери, возле которой стоит Мадрак.

Сет высвобождает левую ногу, растирает ее, встает.

— Ты мертвец, — говорит Сет и шагает вперед.

Но в этот миг падает Анубис от ножа Мадрака, который всадил лезвие ему в шею прямо над ключицей.

— Я не хотел причинить вреда, — говорит Мадрак, — и пусть это хоть частично оплатит мою вину. Пес сбил меня с пути истинного. Я раскаиваюсь. Я дарю тебе его жизнь.

— Глупец! — говорит Врамин. — Я собирался взять его в плен.

Мадрак всхлипывает.

Кровь Анубиса красными струями бьет на пол скорлупки.

Сет медленно опускает голову и трет глаза.

— Что будем делать дальше? — спрашивает Врамин.

— «...Да святится имя Твое, если есть у Тебя имя и хочешь Ты, чтобы оно святилось...» — говорит Мадрак.

Сет не отвечает, он закрывает глаза и погружается в сон, который продлится много дней.

FEMINA EX MACHINA

И, тяжелая ребенком, лежит она внутри шасси машины. Стена кабинки откатилась назад. Проводники отпали от головы и спинного мозга, отключив ледяную логику, холодные фригидотронные банки памяти, категорический секс-комп императив, питающие трубки. Она распрограммирована.

— Принц Гор...

— Да, Мегра. Не волнуйся.

— ...Ты развеял заклятие.

— Кто так чудовищно поступил с тобой?

— Ведьма Лоджии.

— Мать! Всегда она была необузданна в поступках. Мне очень жаль.

Он прикасается к ней рукой.

— Почему она так поступила?

— Она сказала, что причиной тому — факт, о котором я не знала: я ношу ребенка Сета...

— Сет! — и Гор оставляет на металлическом столе глубокие отпечатки своих пальцев. — Он взял тебя силой?

— Не совсем.

— Сет... Что ты чувствуешь сейчас к нему?

— Я его ненавижу.

— Этого хватит.

— Ему наплевать на жизнь...

— Знаю. Я больше не буду тебя о нем спрашивать. Ты отправишься со мною в Дом Жизни, Мегра из Калгана, и навсегда останешься там со мною.

— Но, Гор, боюсь, что мне придется остаться здесь. Я слишком слаба, чтобы отправляться столь далеко, и время мое на подходе.

— Быть по сему. Мы задержимся здесь до поры до времени.

И она складывает руки на животе и закрывает кобальтовые глаза. Отсветы и жар от машины заставляют ее щеки пылать.

Рядом с ней сидит Гор.

Скоро она вскрикивает.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ НЕБА И АДА

Цитадель Марачека — пустая, не пустая, вновь пустая. Почему? Послушай...

Сет без колебаний встречает чудовище, когда оно бросается на него.

И некоторое время они борются там, во дворе.

Наконец Сет ломает ему хребет, и оно лежит и воет от боли.

Глаза Сета горят, как два солнца, и он в очередной раз обращает их туда, куда направлялся.

Тогда Тот, его сын, его отец, Принц Который Был Тысячью, снова открывает флакон с быстросотворимыми чудищами и вытряхивает из него очередное семя.

Посаженная прямо в пыль, тут же у него из-под руки произрастает очередная напасть и бросается на Сета.

Безумие, таящееся внутри глаз Разрушителя, падает на тварь, и разгорается новая схватка.

Стоя над очередным поверженным телом, наклоняет Сет голову и исчезает.

Но не отстает от него, сея чудовищ, Тот, и призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, свирепствуют по всей мраморной памяти — то есть разрушенному и заново отстроенному Марачеку, древнейшему из городов.

И каждый раз, когда уничтожает Сет очередную тварь, обращает он глаза снова к тому месту и мгновению, где и когда сражался он с Безымянным и разрушил целый мир, и где встает на дыбы и пылает тень черной лошади, его сын; и, откликаясь на зов разрушения, стремится он на это место в это мгновение. Но не отстает от него Тот, отвлекает его чудовищами.

Все потому, что Сет — разрушитель, и он разрушит сам себя, если не будет у него под рукой или перед глазами ничего подходящего — в пространстве или во времени. Но мудр Принц и понимает это. Вот почему следует он за своим отцом в его путешествии сквозь время к алтарю уничтожения, начавшемся сразу после пробуждения от транса битвы с Тем Что Кричит В Ночи. Ибо знает Тот, что если сумеет он достаточно долго отвлекать отца от его паломничества, возникнет что-либо новое, против чего можно будет обратить руку Сета. Ведь всегда что-нибудь такое да возникнет.

Но сейчас движутся они вдвоем сквозь время, наполняя собою, быть может, его все, если смотреть из данного его момента, — мудрый Принц со своим

смертоносным отцом/сыном, огибая все время Бездну, каковая — Скагганаук, сын, брат и внук.

Вот почему проносятся в ярости призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, сквозь мраморную память — разрушенный и отстроенный заново Марачек, древнейший из городов.

СОН ВЕДЬМЫ

Она сидит в Доме Мертвых, в темной, глубоко схороненной крипте, и ее сознание — снежинка, тающая, уже исчезнувшая. Но ревет мотоцикл, именуемый Время, стоит нажать на газ, и там, в припоминаемом зеркале лежат битвы последних дней: мертвый Озирис и ушедший Сет. И там же зеленый смех Врамина, Врамина-безумца, Врамина-поэта. Едва ли пара он Ведьме Лоджии. Ну да лучше не поднимать тревогу. Проспать век, потом посмотреть, как устроил все Тот. Здесь, среди праха мумий и догоревших свечей, здесь, в глубочайшем погребе Дома Мертвых, где нет ни у кого имен, никто их не ищет и никогда не будет искать; здесь — спать. Спать, и пусть живут себе Срединные Миры, знать не ведая об Алой Леди, которая — Вожделение, Жестокость, Мудрость — и мать и возлюбленная выдумки и неистовой красоты.

Порождения света и тьмы пляшут под ножом гильотины; и пугает Изиду поэт. Порождения света и тьмы то надевают, то сбрасывают облачения человека, машины или бога; и по душе Изиде пляска. Порождения света и тьмы роем возникают, мгновенно гибнут, могут ожить, могут не оживать; и по нраву Изиде их облачения.

Видя эти сны, пугается ее наперсник и теснее прижимается к ней, малыш, который кричит в ночи.

Крутятся колеса, неуклонно нарастает рев мотоцикла, но это, конечно же, лишь вид тишины.

(Пешком пробираются они среди ночи. Их трое, вместе проходят они по местам веры и безверия. Они проходят через места развлечений для всех рас, и приходят наконец на ярко освещенный Проспект Оракулов, и идут вдоль него, минуя астрологов, нумерологов, гадателей по колоде таро, толкователей И цзина.

И вот, пока идут они, постепенно убывает свет вокруг них, тусклость и сырость уступают место полумгле и запущенности. Но небо над ними ясно, и сияют им с него звезды. Все у́же улочка, дома теснятся вокруг них, канавы заполнены отбросами; запавшими глазами смотрят на них дети, почти невесомые в обрамлении материнских рук.

Они перешагивают через мусор; бредут прямо по нему. И никто не пытается заговорить с этой троицей. Словно запах, исходит от них сила, а цель придает им некое избранничество.

Осанка их непринужденна, богаты одежды. Они проходят мимо битых бутылок и сцепившихся кошек, и кажется, что все это для них не существует.

Над ними в небесах вспыхивает звезда, это свет мира, разрушенного Сетом, пришел, наконец, и сюда, явившись в облике новой звезды и расцветив их цветами от красного до синего.

Холоден ветер, но они не обращают на это внимания. Слово fuck на девяносто четырех языках выцарапано на стене, но они не замечают этого.

И лишь подойдя к полуразрушенной машине, останавливаются они перед непристойным рисунком на двери, ведущей внутрь.)

Первый

Мы на месте.

Второй

Давайте войдем.

Третий

Да.

(Первый прикасается к двери серебряным набалдашником своей трости, и дверь распахивается настежь.

Он входит, следом за ним остальные.

Они проходят по коридору, и он касается еще одной двери.

И она тоже открывается перед ним, и они опять останавливаются.)

Гор

Вы!

(Тот, чьи глаза блестят в тени зеленью, кивает.)

Почему вы здесь?

Человек с железным кольцом на пальце

Сообщить тебе, что твой отец мертв.

Гор

Кто ты?

Человек с железным кольцом на пальце

Ты знал меня как Стального Генерала. Я убил Озириса, и сам был разбит. Принц собрал меня, и до поры до времени я снова ношу плоть. Я пришел рассказать тебе, как все было, и прямо заявить, что сделал я это не украдкой и не злодейски, но в открытом поединке и в ходе войны.

Гор

Ты правдив. Скорее чем кому бы то ни было поверю я тебе. И я не ищу удовлетворения, если было честно содеяно это в рамках войны.

А чем кончилась война?

Толстяк, весь в черном, один глаз которого — серое, крутящееся колесо

Срединными Мирами вновь владеет Принц.

Врамин

И мы — его посланники, мы пришли к тебе с просьбой, чтобы вернулся ты в Дом Жизни и правил там вместо своего отца как Ангел этого Поста.

Гор

Ясно. А что с Сетом?

Врамин

Он ушел. Никто не знает куда.

Гор

Это меня радует. Весьма радует. Да, думаю, я вернусь.

Мадрак

(падая на одно колено перед Мегрой из Калгана.)

Что это за дитя?

Гор

Мой сын.

Мадрак

Сын Гора. Ты уже дал ему имя?

Гор

Нет еще.

Мадрак

Прими поздравления.

Генерал

Да.

Врамин

От всех нас.

Гор

Благодарю.

Врамин

Я даю ему подвеску Изиды, средоточение силы. Я знаю, ей будет приятно, что владеет ею ее внук.

Гор

Спасибо.

Генерал

Я даю ему кольцо, это часть моего первого тела, и оно хорошо мне послужило. Во времена нужды оно всегда напоминало мне о моей человечности.

Гор

Спасибо.

Мадрак

Я даю ему свой посох, с ним ему будет спокойнее. По древнему преданию посохи обладают таким свойством. Не знаю почему.

Гор

Спасибо.

Мадрак

А теперь мне пора. Я начинаю покаянное паломничество. Славься, Ангел Дома Жизни!

Гор

Удачи тебе в странствиях, Мадрак.

(Мадрак уходит.)

Генерал

Вновь намечается революция, и мне надо ее поддержать. Пойду за конем. Славься, Ангел Дома Жизни!

Гор

Удачной революции тебе, Генерал.

(Генерал уходит.)

Врамин

И мы — его посланники, мы пришли к тебе с просьбой, чтобы вернулся ты в Дом Жизни и правил там вместо своего отца как Ангел этого Поста.

Гор

Ясно. А что с Сетом?

Врамин

Он ушел. Никто не знает куда.

Гор

Это меня радует. Весьма радует. Да, думаю, я вернусь.

Мадрак

(падая на одно колено перед Мегрой из Калгана.)

Что это за дитя?

Гор

Мой сын.

Мадрак

Сын Гора. Ты уже дал ему имя?

Гор

Нет еще.

Мадрак

Прими поздравления.

Генерал

Да.

Врамин

От всех нас.

Гор

Благодарю.

Врамин

Я даю ему подвеску Изиды, средоточение силы. Я знаю, ей будет приятно, что владеет ею ее внук.

Гор

Спасибо.

Генерал

Я даю ему кольцо, это часть моего первого тела, и оно хорошо мне послужило. Во времена нужды оно всегда напоминало мне о моей человечности.

Гор

Спасибо.

Мадрак

Я даю ему свой посох, с ним ему будет спокойнее. По древнему преданию посохи обладают таким свойством. Не знаю почему.

Гор

Спасибо.

Мадрак

А теперь мне пора. Я начинаю покаянное паломничество. Славься, Ангел Дома Жизни!

Гор

Удачи тебе в странствиях, Мадрак.

(Мадрак уходит.)

Генерал

Вновь намечается революция, и мне надо ее поддержать. Пойду за конем. Славься, Ангел Дома Жизни!

Гор

Удачной революции тебе, Генерал.

(Генерал уходит.)

Врамин

А я отправляюсь в Дом Мертвых, где ныне правлю. Славься, Ангел Дома Жизни! Принц свяжется с тобой на днях из Марачека. И другие Ангелы остальных Постов соберутся воздать тебе честь.

Гор

Изысканной поэзии и доброго тебе безумия, Врамин.

Врамин

Благодарю тебя, и сдается мне, что почти все уже сказано.

Гор

Да, пожалуй.

(Врамин поднимает свою трость, и на пол падает и сияет на нем стихотворение.

Гор опускает глаза, чтобы прочесть его, а когда снова поднимает их, зеленый человек уже ушел.

Когда стихотворение блекнет и выцветает, Ангел Дома Жизни знает, что в нем содержалась истина, но забывает слова — как, собственно, и должно быть.)

ДЖЕК ИЗ ТЕНИ

I

Произошло это, когда Джек, чье имя произносят в тени, отправился в Иглес, в Сумеречные Земли, чтобы побывать на Адских Игрищах. Именно там, пока Джек пытался выяснить, где спрятан Факел Ада, его и заметили.

Факел Ада представлял собой узкий сосуд изящно перевитых язычков пламени, которые на самых кончиках удерживали рубин с кулак величиной. Они держали мертвой хваткой холодно сверкавший драгоценный камень.

На сей раз Факел Ада был выставлен на всеобщее обозрение. Видели, что Джек рассматривал его, — и это стало причиной для серьезного беспокойства. Не успел Джек прибыть в Иглес, как его увидали проходящим под фонарями в толпе зевак, которая двигалась через открытый с боков павильон. В павильоне демонстрировался Факел Ада. Джека опознали Смейдж и Квазер, которые на время покинули те места, где были по-настоящему сильны, чтобы вступить в спор за этот приз. Заметив Джека, они тут же отправились к Распорядителю Игрищ.

Смейдж переминался с ноги на ногу и дергал себя за усы до тех пор, пока в его квадратных глазах не появились слезы и он не заморгал. Вместо того, чтобы рассматривать живописную персону Бенони, Распорядителя Игрищ, он уставился на своего огромного спутника, Квазера, волосы, глаза и тело которого были одинакового серого цвета.

— Что вам нужно? — спросил Бенони.

Смейдж продолжал таращить глаза и моргать, пока Квазер наконец не заговорил голосом, напоминающим звук флейты:

— Мы хотим кое-что сообщить.

— Я слушаю. Говорите, — ответил Бенони.

— Мы кое-кого узнали. Он здесь, и это может причинить некоторое беспокойство.

— Кто это?

— Прежде, чем я смогу ответить, подойдем ближе к свету.

Распорядитель Игрищ покрутил головой на толстой шее. Когда он по очереди посмотрел на пришедших, его янтарные глаза блеснули.

— Если вы решили пошутить... — начал он.

— Нет, — не дрогнув, ответил Квазер.

— Ну, ладно. Следуйте за мной. — Он вздохнул и, взмахнув оранжево-зеленым плащом, повернулся, направляясь к ярко освещенному навесу.

Там он вновь обернулся к ним.

— Здесь вам довольно света?

Квазер огляделся.

— Да, — сказал он. — Здесь ему нас не подслушать.

— О ком вы говорите? — спросил Распорядитель Игр.

— Известен ли вам некий Джек, который всегда слышит свое имя, если его произнести в тени?

— Джек-из-Тени? Вор?.. Да, я слыхал о нем.

— Потому-то мы и хотели говорить с вами на ярком свету. Джек здесь. Мы со Смейджем видели его всего несколько минут назад. Он разглядывал Факел Ада.

— Господи! — Распорядитель Игрищ вытаращил глаза и забыл закрыть рот. — Он украдет его!

Смейдж перестал теребить усы ровно на столько времени, чтобы несколько раз кивнуть.

— А мы явились, чтобы попытаться выиграть этот приз, — засопел он. — Если его украдут, мы не сможем этого сделать!

— Надо его остановить, — сказал Распорядитель Игрищ. — Как вы думаете, что делать?

— Ваша воля на Игрищах — закон, — сказал Квазер.

— Верно... Возможно, следует засадить его в тюрьму до окончания Игрищ.

— Тогда, — сказал Квазер, — нужно убедиться, что там, где его схватят или там, где его запрут, не

будет никакой тени. Говорят, его чрезвычайно трудно удержать где-либо — особенно если там есть тень.

— Но тут везде тень!

— Да. В этом-то и заключается главная сложность, когда сажаешь Джека под замок.

— Но тогда решение проблемы — яркий свет или полная тьма!

— Но если не установить все светильники под нужными углами и вне его досягаемости, — сказал Квазер, — он сможет создать тени и воспользоваться ими. А если ему удастся зажечь хоть крохотный огонек, тени тоже появятся.

— Какую силу черпает он из теней?

— Не знаю никого, кто знал бы точно.

— Значит, он человек тьмы? Не простой смертный?

— Поговаривают, что он — порождение сумерек, тех, что предшествуют тьме. Там всегда множество теней.

— Ну, тогда в нашей программе — Навозные Ямы Глива.

— Жестоко, — сказал Смейдж и хихикнул.

— Пошли, покажете мне его, — сказал Распорядитель Игрищ.

Они вышли из-под навеса. Серый цвет неба над головой переходил в серебряный на востоке и в черный на западе. Небо было чистым. Тьма над возвышавшейся вдали горной грядой была усеяна звездами.

Они шли по освещенной факелами дорожке через территорию лагеря, направляясь к павильону, в котором находился Факел Ада. На западе трепетали огоньки — казалось, у той черты, за которой находились храмы беспомощных богов.

Когда они подошли к открытому с боков павильону, Квазер тронул Бенони за руку и мотнул головой. Распорядитель Игрищ проследил направление этого выразительного жеста. Там, прислонясь к подпирающему навес столбу, стоял высокий худой человек. Он был темноволосым, смуглым, а в чертах его лица было что-то орлиное. Он носил серые одежды, через правое плечо был переброшен черный плащ. Человек

курил какую-то травку из тех, что растет в царстве тьмы, и дым в свете факелов казался голубым.

Некоторое время Бенони рассматривал его. Он испытывал чувство, знакомое человеку, столкнувшемуся с существом, рожденным не женщиной, а чем-то темным и загадочным. В таких случаях люди стараются держаться подальше.

Бенони сглотнул, потом сказал:

— Можете идти.

— Мы бы хотели помочь... — начал Квазер.

— Можете идти!

Бенони посмотрел им вслед, потом пробормотал: «Бьюсь об заклад, один не моргнув глазом продаст другого».

Он отправился за яркими факелами и стражей.

Во время ареста Джек не пытался ни спорить, ни сопротивляться. Пойманный в центре светового круга, окруженный вооруженными мужчинами, он медленно кивнул и, не проронив ни слова, подчинился их приказам.

Его отвели в ярко освещенный шатер Распорядителя Игрищ. Джека подтолкнули к столу, за которым сидел Бенони. Стражники задвигались, чтобы снова окружить арестованного фонарями и зеркалами, уничтожающими тень.

— Тебя зовут Джек, — сказал Распорядитель Игрищ.

— Я этого не отрицаю.

— А иногда — Джек-из-Тени.

Молчание.

— Ну?

— Мало ли как можно называть человека, — ответил Джек.

Бенони бросил взгляд в сторону.

— Приведите их, — велел он одному из стражников.

Тот вышел и вскоре вернулся со Смейджем и Квазером. Джек быстро взглянул на них, но его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Вы знаете этого человека? — спросил Бенони.

— Да, — хором ответили они.

— Назовите его имя.

— Его зовут Джек-из-Тени.

Распорядитель Игрищ улыбнулся.

— И правда, мало ли как можно назвать человека, — сказал он. — Но в этом случае, похоже, все сходятся на одном. — Я — Бенони, Распорядитель Адских Игрищ, а ты — Джек-из-Тени, вор. Бьюсь об заклад, ты здесь, чтобы похитить Факел Ада.

Снова молчание.

— Можешь отрицать, можешь соглашаться, — продолжал Бенони, — твое присутствие здесь говорит само за себя.

— Я мог явиться для участия в Игрищах, — сказал Джек.

Бенони расхохотался.

— Конечно! Разумеется! — сказал он, смахивая рукавом слезу. — Но здесь не состязаются в воровстве, так что тебе не в чем соревноваться.

— Вы относитесь ко мне с предубеждением, это нечестно, — сказал Джек. — Даже если я — тот, о ком идет речь, я не сделал ничего, чтобы нападать на меня.

— Пока, — сказал Бенони, — Факел Ада и впрямь отличная штука, а?

Глаза Джека, казалось, на миг вспыхнули, а рот дернулся в невольной усмешке.

— С этим никто не спорит, — быстро сказал он.

— И ты явился сюда выиграть его... по-своему. Человек тьмы, тебя знают как закоренелого вора.

— И это лишает меня права быть честным зрителем на общедоступном празднестве?

— Когда речь идет о Факеле Ада — да. Он не имеет цены. Его алчут и те, кто привык к дневному свету, и люди тьмы. Как Распорядитель Игрищ я не могу видеть тебя в опасной близости от него.

— Одни беды с этой проклятой репутацией! — сказал Джек. — Что бы ни случилось, все равно подозревают тебя.

— Хватит! Ты приехал, чтобы похитить его?

— Только дурак сказал бы «да».

— Значит, добиться от тебя честного ответа невозможно?

— Если «честный ответ» — сказать то, что вы хотите от меня услышать, то вы правы.

— Свяжите ему руки за спиной, — сказал Бенони.

Приказ был исполнен.

— Сколько у тебя жизней, человек тьмы? — спросил Распорядитель.

Джек не отвечал.

— Ну, ну! Все знают, что людям тьмы дана не одна жизнь. Сколько их у тебя?

— Мне не нравится подобный разговор, — сказал Джек.

— Но ведь ты умрешь не насовсем?

— Путь из Навозных Ям Глива на западном полюсе планеты долог, но не идти нельзя. Иногда на создание нового тела уходят годы.

— Значит, ты бывал там раньше?

— Да, — сказал Джек, проверяя прочность своих пут. — И я бы не хотел попасть снова туда.

— Значит, ты признаешь, что у тебя есть еще самое меньшее одна жизнь. Это хорошо! Тогда меня не будет мучить совесть, если я прикажу немедленно наказать тебя!

— Погодите! — сказал Джек, откинув голову назад и оскалившись. — Это же смешно! Я еще ничего не сделал. Забудьте про это, ладно? Прибыл я сюда украсть Факел Ада или нет, сейчас-то я не в состоянии сделать это. Освободите меня, и я добровольно подвергну себя изгнанию на время Игрищ. И вообще не появлюсь в Сумеречных Землях, а останусь в царстве тьмы.

— Чем же ты можешь поручиться?

— Своим словом.

Бенони снова рассмеялся.

— Слово человека тьмы, который к тому же стал героем воровских легенд? — произнес он наконец. — Нет, Джек. Я не вижу иного способа обезопасить наш приз, как только убить тебя. И поскольку в моей власти отдать такой приказ, я сделаю это. Писец! Запиши: в этот час я судил Джека и вынес ему приговор.

Горбун с кудрявой бородой выправил перо и начал писать. Те обязанности, которые горбун выполнял, оставили заметный след на его похожем на пергамент лице.

Джек выпрямился во весь рост и пристально посмотрел на Распорядителя из-под полуопущенных век.

— Вы смертные, — начал он, — боитесь меня, потому что не понимаете. Вы привыкли к дневному свету, и жизнь вам дана только одна, а когда она проходит, ждать больше нечего. Мы, люди тьмы, по слухам не имеем души — так же, как о вас говорят, будто у вас она есть. Но благодаря процессу, который вам недоступен, мы проживаем несколько жизней. Я полагаю, вы завидуете нам — вот почему вы хотите убить меня. Вы знаете, что умирать нам так же тяжело, как и вам!

Распорядитель Игрищ опустил взгляд.

— Это не...

— Примите мое предложение, — перебил его Джек. — Я покину ваши состязания. Но если вы приведете приговор в исполнение, то в итоге проиграете сами!

Горбун перестал записывать и обернулся к Бенони.

— Джек, — сказал Распорядитель, — ведь ты же собирался похитить его, а?

— Конечно.

— Зачем? От него было бы трудно избавиться. Он такой приметный.

— Он предназначался одному моему другу, перед которым я в долгу. Ему понадобилась эта побрякушка. Отпустите меня, а я скажу ему, что потерпел неудачу — это и впрямь так.

— Я не хочу обрушить на тебя свой гнев, когда ты вернешься.

— Чего вы не хотите — ерунда по сравнению с тем, что вам предстоит, если вы сделаете мое путешествие неизбежным...

— ...но человек в моем положении не может так легко заставить себя поверить тому, кто известен как Джек-Обманщик.

— Значит, мое слово для вас — ничто?

— Боюсь, что так.

Писцу Бенони сказал:

— Продолжай записывать.

— ...И мои угрозы тоже?

— Они беспокоят меня. Но на одной чаше весов — твоя месть несколько лет спустя, а на другой — наказание, которое понесу немедленно, укради ты Факел Ада. Попробуй понять, в каком я положении, Джек.

— Пытаюсь, — сказал тот, оборачиваясь к Смейджу и Квазеру. — Ну, ослиные уши и ты, гермафродит, вас-то я не забуду! Обоих!

Смейдж посмотрел на Квазера, а тот заморгал и улыбнулся:

— Скажи это нашему господину, Повелителю Нетопырей.

При звуке имени своего старинного врага лицо Джека изменилось.

Поскольку в Сумеречных Землях, где процветают науки, колдовство слабеет, то прошло добрых полминуты прежде, чем в шатер влетел нетопырь и пронесся над головами. Квазер продолжил:

— Мы состязаемся под знаменем Нетопыря!

При появлении гнусной летучей твари Джек перестал смеяться.

Увидев ее, он склонил голову, и его подбородок затвердел.

Только царапанье пера нарушало наступившую тишину.

И Джек сказал: «Да будет так».

Его вывели в центр площадки, где стоял человек по имени Блайт с тяжелым топором в руках. Джек быстро отвел глаза и облизнул губы. Блестящий край лезвия неодолимо притягивал взгляд.

Его еще не успели попросить преклонить перед плахой колени, а воздух уже наполнился кожистыми «снарядами». Джек знал, что это — рой пляшущих летучих мышей. С запада появлялись все новые и новые твари, но они двигались слишком быстро для того, чтобы создать достаточно тени.

Тогда Джек выругался, зная, что его враг прислал своих приспешников поиздеваться над ним в последний час.

Когда дело касалось краж, удача обычно сопутствовала Джеку. То, что приходилось терять одну из жизней из-за такой скверной работы, раздражало его. В конце концов, он был тем, кем был...

Джек стал на колени и нагнул голову.

Ожидая удара, он размышлял, верно ли, что голова, отделенная от тела, сохраняет сознание еще пару секунд. Он попытался избавиться от этой мысли, но она возвращалась.

«А может быть, это не просто сорвавшееся дело? — недоумевал Джек. — Если бы Повелитель Нетопырей пожелал устроить ловушку, все случившееся могло означать только ее».

II

Тьму прочерчивали тонкие лучи света — белые, серебристые, голубые, желтые, красные, в основном прямые, иногда — колеблющиеся. Они пронизывали тьму насквозь. Некоторые были ярче прочих.

Медленнее, медленнее...

Наконец, они перестали походить на нити паутины.

Лучи превратились в тонкие длинные прутья... затем в палочки... огненные черточки...

А потом стали мерцающими точками.

* * *

Долгое время он лежал, уставившись на звезды, ничего не воспринимая. Лишь много позже в сознании откуда-то возникло слово «звезды», а перед глазами появилось слабое мерцание.

Тишина и способность видеть — больше ничего...

И снова спустя много времени он почувствовал, что летит. Летит вниз, будто с большой высоты, обрастая плотью, — потом понял, что лежит на спине лицом вверх и тяжесть бытия вновь вернулась.

— Я — Джек-из-Тени, — произнес он про себя, все еще не в состоянии пошевелиться.

Он не знал ни где лежит, ни как попал в эту звездную тьму. Ощущения казались знакомыми, возвращение было чем-то уже пережитым раньше — давным-давно.

По телу от сердца разлилось тепло, и Джек ощутил покалывание, обострившее все чувства. Тогда пришло знание.

«Черт!» — было первое слово, которое он произнес, потому что с возвращением разума пришло и полное осознание ситуации.

Он лежал в Навозных Ямах Глива, на Западном полюсе планеты, во владениях злокозненного барона Дреккхейма, через царство которого обязаны пройти все желающие воскреснуть.

Тогда он сообразил, что валяется на огромной куче отбросов посреди целого озера грязи. Джек в сотый раз повторил себе, что для смертных этим все и начинается, и заканчивается, в то время как подобные ему не могут желать ничего лучшего, — и лицо Джека озарила злая улыбка.

Когда он сумел пошевелить правой рукой, то принялся растирать горло. Боли не было, но перед глазами отчетливо встало недавнее ужасное происшествие. Давно ли это было? Скорей всего, несколько лет назад, решил Джек. Это был обычный для него срок. Он вздрогнул и отогнал внезапную мысль о том времени, когда истратит свою последнюю жизнь. Потом его охватила дрожь, и он не сумел ее подавить. Одежда исчезла, и Джек выругался. Она или разрушилась вместе с его прежним телом, или же, что было куда вероятнее, была изношена кем-нибудь другим.

Он медленно поднялся. Воздуха не хватало, но хотелось бы, чтобы некоторое время можно было не дышать. Джек отбросил в сторону камень яйцевидной формы, который обнаружил у себя в руке. Теперь, когда он почти совсем стал самим собой, не годилось долго оставаться на одном месте.

Куда ни глянь, повсюду был серебристый сумрак. Скрипнув зубами, Джек избрал путь, который, как он надеялся, будет самым легким.

Долго ли он добирался до берега, Джек не знал. Хотя его привыкшие к тени глаза быстро приспособились к свету звезд, он не видел настоящих теней, которыми мог бы воспользоваться.

Что такое время? Год — это полный оборот планеты вокруг ее солнца. Внутри таких отрезков времени даты всегда определяются более сложно: по звездам, которые всегда видны; с помощью магических принципов, чтоб определить настроение духов, повелевающих звездами. Он знал, что у смертных есть механические и электрические приспособления, чтобы следить за ходом времени, потому что когда-то

украл несколько таких штуковин. Но в царстве тьмы они не работали и были никчемными. Разве что годились девчонкам из таверны, которым он выдавал их за предохранительные, очень действенные амулеты.

Ободранный и грязный, Джек стоял на тихом и темном берегу. Он перевел дух и набрался сил, а потом направился на восток.

Дорога шла в гору, вокруг было полно луж и грязи. Она потоками стекала в озеро — ведь в конце концов вся грязь попадает в Глив. Время от времени вверх взлетали высокие фонтаны грязи. Из трещин и расселин струился запах сернистого газа. Джек торопливо зажал нос и воззвал к своим божествам. Однако было весьма сомнительно, что его мольбы будут услышаны. Маловероятно, что боги обратят внимание на что бы то ни было, если оно исходит из этой части света.

Он шел вперед, почти не отдыхая. Дорога все поднималась в гору, а через некоторое время начали попадаться камни. Дрожа, Джек пробирался между ними. Он забыл — разумеется, нарочно — многие из самых скверных особенностей этого края. Острые камешки впивались в ступни, поэтому Джек знал, что оставляет на земле кровавый след. Позади он слышал неясный топот каких-то многоногих тварей, явившихся, чтобы слизывать кровь. Однако оглядываться в этих местах было дурной приметой.

Джек всегда испытывал легкую грусть, когда теряло кровь какое-нибудь новое тело, особенно если оно было его собственным. Он шел вперед. Характер почвы менялся, и вскоре Джек уже шел по сплошному гладкому камню.

Позже, заметив, что топот затих вдали, он обрадовался.

Поднимаясь все выше в гору, Джек был приятно удивлен тем, что запах стал слабее. Он подумал, что это, возможно, просто потому, что у него от непривычной сильной вони притупилось обоняние. Как бы там ни было, это позволило его телу — и разуму тоже — заняться другими проблемами. Мало того, что он был усталым, грязным и ноги его болели. Он понял, что к тому же хочет есть и пить.

Сражаясь с собственной памятью, как с накрепко запертой дверью, он вошел и начал искать. Джек как можно подробнее восстановил в памяти свои прежние возвращения из Глива, но, рассматривая на ходу окрестность, не нашел никаких знакомых ориентиров.

Он обошел небольшую рощу металлических деревьев и сообразил, что раньше никогда не ходил этой дорогой.

«Здесь на множество миль не будет чистой воды, — подумал Джек. — Разве что фортуна мне улыбнется и я найду яму с дождевой водой. Но тут редко идет дождь... Это страна грязи, а не чистоты. Если же я попытаюсь немножко поколдовать, чтобы вызвать дождь, кто-нибудь это заметит, и меня найдут. Тогда меня либо ожидает гнусная жизнь, либо я погибну и вернусь в Навозные Ямы. Нет, буду идти, пока смерть не замаячит перед носом, и тогда только попрошу дождя».

Позже он заметил вдали предмет, явно созданный не силами природы. Джек осторожно приблизился и увидел, что тот был в два раза выше его и в два обхвата шириной. Это был камень; сторона, обращенная к Джеку, была гладкой. Джек прочел высеченную крупными буквами надпись, которая на языке царства тьмы гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РАБ».

Ниже стояла Великая Печать Дреккхейма.

Джек почувствовал огромное облегчение. Некоторым — тем немногим, кто избежал служения барону и с кем Джек беседовал об этом, — было известно, что такие знаки устанавливают в наименее охраняемых областях. Идея была такова, что возвращающийся повернет назад и попадет туда, где будет больше шансов его поймать.

Джек прошел мимо камня и наверняка плюнул бы, но во рту было слишком сухо. Джек шел вперед, и силы покидали его. Каждый раз, когда он поскальзывался, восстановить равновесие было все труднее и труднее. В какой-то момент, споткнувшись и упав, Джек был уверен, что только что очнулся после того, как во сне прошел огромное расстояние, не сознавая, что за местность вокруг. Земля была здесь менее

ровной, чем в том месте, которое он запомнил последним. Это родило в нем крошечную надежду, а она, в свою очередь, придала ему достаточно решимости, чтобы еще раз подняться.

Почти сразу же он увидел место, которое должно было стать его приютом. Идти дальше Джек не мог.

Там, у самого подножия отвесной скалы, было полным-полно торчащих вкривь и вкось каменных обломков. Скала вела на более высокое плато. Из последних сил, ползком, Джек исследовал окрестности в поисках живых существ.

Ничего не обнаружив, он забрался в камни, сумел дотащиться до каменного лабиринта, нашел относительно ровное место, рухнул и уснул.

Сколько времени прошло, прежде чем это случилось, Джек не мог сказать. В глубинах его сна возникло нечто... некое известие. Словно утопающий, Джек рванулся к далекой поверхности.

На горле Джек ощутил поцелуй, а длинные волосы легли ему на плечи, как стихарь.

На мгновение Джек расслабился, концентрируя остаток сил. И, пока его правая рука двигалась вдоль чужого тела, левая ухватила непрошеную гостью за волосы. Стоило ему проснуться, как он вспомнил, что следует делать, и, с силой оторвав ее от себя, откатился влево. Его голова склонилась вперед лишь всего с десятой долей своей прежней быстроты.

Когда все было кончено, он утер губы, встал и посмотрел на безжизненное тело.

— Блудная кровопийца, — сказал он. — Немного же в тебе было крови. Вот почему ты так отчаянно жаждала моей и так неудачно пыталась добыть ее. Но и я был отчаянно голоден. Мы все делаем то, что приходится...

* * *

Облачившись в черные одежды, плащ и облегающие сапоги, Джек перебрался на плато повыше и время от времени проходил через заросшие черной травой поля. Трава обвивалась вокруг щиколоток и пыталась его остановить. Привычный к этому Джек

пинками отбрасывал ее, расчищая путь прежде, чем трава успевала обвиться слишком крепко. Ему вовсе не хотелось стать удобрением.

Наконец он увидел дождевую воду. Несколько часов он с разных точек наблюдал за водоемом, так как это было идеальным местом для поимки возвращающегося. Придя к выводу, что охраны нет, Джек подошел ближе, присмотрелся, потом упал на землю и долго пил. Он отдохнул, потом снова напился, снова отдохнул и напился еще раз, жалея, что с собой нет ничего, в чем можно было бы унести немного воды.

Все еще жалея об этом, он разделся и смыл с тела грязь.

Потом он проходил мимо цветов, похожих на змей, пустивших корни. А может, это и были змеи — они шипели и распластывались, пытаясь достать его.

Он спал еще два раза, а потом нашел еще один водоем. Этот водоем охраняли, и Джеку пришлось применить всю воровскую ловкость, чтобы заполучить воду. Заодно он стянул и меч дремлющего стражника, поскольку тому он вряд ли теперь был нужен. Джек забрал еще сыр, хлеб, вино и одежду на смену — это было кстати.

Еды хватило бы на один раз. Это, а также то, что поблизости не было гор, навело Джека на мысль, что сторожевой пост где-то неподалеку, и смена может прийти в любой момент. Джек выпил вино и наполнил флягу водой, проклиная ее за малую вместительность.

Потом, так как рядом не было ни пещеры, ни расселины, чтобы спрятать труп, Джек быстро пошел прочь.

На ходу он медленно ел, но сначала желудок воспротивился этому. Тем не менее он съел половину, а половину оставил. Время от времени ему попадались маленькие зверюшки. Но то ли они были слишком шустрыми, то ли Джек слишком нерасторопным. Надеясь убить хоть одну, он набрал камней. Все-таки, когда он в седьмой раз пополнил запас камней, ему удалось подобрать приличных размеров кремень.

Через некоторое время он услышал цокот копыт и спрятался, но мимо никто не проехал. Джек знал,

что к этому времени он уже сильно углубился во владения Дреккхейма, и задумался, к которой же из границ идет. При мысли, что с одной стороны эти земли граничат с безымянным царством, которым из Хай-Даджен правит Повелитель Нетопырей, его передернуло.

* * *

Джек продвигался вперед, петляя, карабкаясь, иногда бегом, а ненависть росла быстрее чем голод.

Смейдж. Квазер. Бенони. Блайт-палач. Повелитель Нетопырей.

Он по очереди разыщет их и отомстит, начав с малого и набирая силу, пока не рассчитается с тем, кто и сейчас может оказаться слишком близко для того, чтобы Джек мог спать спокойно.

Ему снилось, что он снова в Навозных Ямах. На этот раз, однако, он был в цепях, так что подобно Утренней Звезде, неотлучно находящемуся у Врат Зари, должен был оставаться в Ямах всегда.

Джек проснулся в поту несмотря на то, что было прохладно, казалось, зловоние Глива вернулось со всей остротой.

Поесть он смог лишь гораздо позже.

Но ненависть поддерживала его силы, питала его. Она избавляла Джека от жажды или заставляла забыть о ней. Она давала ему силы пройти еще часть пути всякий раз, когда тело умоляло об отдыхе.

Он представлял себе конец своих врагов снова и снова. Ему виделась дыба, клещи, огонь и цепи. Он слышал вопли и мольбы. Он видел куски плоти, моря крови и реки слез, которые он выжмет из врагов прежде, чем позволит им умереть.

...И он сознавал, что, несмотря на все трудности пути, больше всего его мучает уязвленная гордость. Быть пойманным так легко, между делом, погибнуть так быстро — словно они избавились от надоедливого насекомого! С ним обошлись не как с наделенным Силой человеком тьмы, а как с обыкновенным вором!

Поэтому его мысли были не о простом ударе мечом, а о пытках. Они оскорбили его, покончив с ним подобным образом. Сделай они это иначе, он был бы

обижен меньше. Повелитель Нетопырей — вот чье вероломство, возбуждаемое завистью и желанием отомстить, нанесло ему такое оскорбление. Он отплатит!

Джек шел, кипя от ненависти. Но, хоть она и согревала его, это не спасало от надвигающегося холода. Несмотря на то, что он вряд ли сильно продвинулся к северу, стало заметно прохладнее.

Джек улегся на спину и принялся рассматривать темный шар, загородивший звезды посреди неба. Эту сферу — средоточие Сил Щита — держали подальше от дневного света, и нужно было все время следить, чтобы с ней ничего не случилось. Где те семь Сил, внесенные в Расчетную Книгу, чья очередь была нести службу у Щита? Какая бы ни шла междуусобица — нет такой Силы, отказавшейся бы соблюдать перемирие Щита, от которого зависят судьбы мира. Самому Джеку приходилось нести эту службу много раз, и пару раз даже вместе с Повелителем Нетопырей.

Ему очень хотелось увидеть страницу, на которой сейчас была раскрыта Книга, и прочесть записанные там имена. Ему пришло в голову, что одним из них может оказаться его собственное имя. Но с тех пор, как он вышел из Навозных Ям, Джек не слыхал, чтобы кто-нибудь его звал. «Нет, на этот раз не я», — решил Джек.

Открыв свое Естество, он ощутил жуткий холод. Он просачивался из внешней тьмы, обтекая сферу, венчающую Щит в его высшей точке. Это было лишь начало утечки; но чем дольше пришлось бы ждать, тем труднее было бы остановить ее. Дело было слишком серьезным, чтобы рисковать. Щит не давал царству тьмы оледенеть среди Вечной Зимы, так же, как силовые экраны жителей дневной стороны планеты не давали им изжариться в немилосердном сиянии солнца. Джек закрыл свое Естество. Остался лишь небольшой внутренний озноб.

Немного позже ему удалось убить маленькое животное с темным мехом, взбиравшееся вверх по скале. Джек снял шкурку, разделал трупик ножом, и, так как огня не было, съел мясо сырым. Он дробил зубами кости и высасывал мозг. Такая суровая жизнь

была Джеку не по вкусу, хотя среди его знакомых были такие, которые предпочли бы ее цивилизованной.

Он порадовался, что никто не видел, как он ест.

Джек шел вперед, и вдруг в ушах у него зазвенело.

ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ, И...

И все.

Кто бы это не произнес, в тот момент на губы его упала тень. Но на слишком короткое время.

Джек медленно покрутил головой, определяя направление. Источник звука находился справа от него, далеко впереди. Если бы он знал, где сейчас находится, то по крайней мере смог бы догадаться, откуда звук исходил. Тогда бы он сумел услышать все — от кабацкой болтовни до планов того, кто уже понял, что Джек вернулся. Это последнее долго занимало его.

Он ускорил шаг и не стал отдыхать, хотя и собирался. Джек решил, что это приблизит его успех. Вдруг он обнаружил яму с дождевой водой. Охраны не было, и он, оглядевшись, напился.

Он не смог как следует разглядеть свое отражение в темной воде, поэтому напрягал глаза, пока черты лица его не стали более четкими: смуглый, вместо глаз — слабые огоньки. Силуэт человека на фоне звезд.

— Ах, Джек! Ты и впрямь стал тенью, — пробормотал он. — Затерялся в суровом краю... И все потому, что пообещал Бессмертному Полководцу эту проклятую побрякушку. Ты ведь не думал, что дойдет до такого, правда?

Джек рассмеялся — впервые с тех пор, как воскрес.

— Ты тоже смеешься, тень тени? — спросил он свое отражение. — Но будь повежливее. Ты — мое отражение, и тебе известно, что стоит мне узнать, где этот проклятый камень, как я отправлюсь за ним снова. Он того стоит.

На миг ненависть покинула Джека, и он улыбнулся. Языки пламени, стоявшие перед его взором, исчезли, и вместо них возникла девушка.

Ее лицо было бледным, а глаза — зелеными, как медная оправа старинного зеркала. Короткая верх-

няя губка влажно смыкалась с нижней. Подбородок мог уместиться в кольцо из большого и указательного пальцев Джека, а по лбу были раскиданы пряди цвета меди. Звали ее Айвин, а ростом она была Джеку по плечо. До талии она была в зеленом бархате. Шея напоминала очищенный от коры стройный ствол молодого деревца. Пальцы, танцуя, скользнули по струнам пальмирины. Такова была Айвин из крепости Холдинг.

Она была плодом редкостного союза тьмы и света. Отцом ее был Бессмертный Полководец, а матерью — смертная женщина по имени Лорет. Не в том ли ее очарование? — снова подивился Джек. Раз она отчасти порождение света, у нее должна быть душа? Скорее всего, решил Джек. Он не смел вызвать ее образ силами тьмы сейчас, когда шел из Навозных Ям Глива. Нет! Он прогнал эту мысль.

Факел Ада был ценой, назначенной ее отцом за их брак, и Джек поклялся снова вернуться за ним. Сперва, конечно, он отомстит... Но Айвин поймет. Она знала, до чего он горд. Она подождет. В тот день, когда он отправлялся в Иглес на Адские Игрища, она сказала, что будет ждать вечно. Для нее, дочери своего отца, время значило мало. Она переживет смертных женщин, сохранив молодость, красоту и изящество. Она будет ждать.

— Да, тени, тени, — сказал он своему отражению в луже. — Она того стоит.

Джек торопился сквозь тьму, жалея, что его ноги — не колеса. Услыхав топот копыт, он снова спрятался. И вновь всадники проскакали мимо, только на этот раз гораздо ближе.

Имени своего Джек не услышал, но задумался, нет ли связи между тем, что он услышал раньше, и всадниками.

Не холодало, но и теплее не становилось. Джека все время немного знобило, и, когда бы он ни открыл свое Естество, он чувствовал, как сверху, от Щита, что-то медленно и неуклонно перетекает к нему. Навозные Ямы Глива находятся прямо под высшей точкой Щита, сферой, потому-то больше всего это ощущалось здесь. Может быть, дальше к востоку это будет не так заметно.

Он продолжил свой путь, поспал, но больше не слыхал ничего, что можно было бы счесть выходом на связь. Устав, Джек стал отдыхать чаще, и время от времени отклонялся от маршрута, выбранного по звездам, чтобы поискать воду или дичь. Воду он раза два нашел, но ничего съедобного не попадалось.

Во время одной из таких вылазок Джека привлекло слабое красное свечение, шедшее из трещины в скале справа от него. Если бы Джек двигался чуть быстрее, то миновал бы его, не заметив, — так слаб был исходивший из расселины свет. Джек как раз поднимался по склону, пробираясь между камней.

Заметив свечение, он остановился и задумался. Огонь? Если там что-то горит, то должны быть и тени. А если там тени...

Он обнажил клинок и повернулся к камню. Сперва Джек сунул в расселину лезвие, затем, держа меч перед собой, начал пробираться по узкому коридору, через каждый шаг прижимаясь спиной к камню и отдыхая.

Поглядев наверх, он прикинул, что скала выше него раза в четыре. Над камнем, который был чернее неба, плыла звездная река.

Проход понемногу сворачивал влево, а потом резко оборвался широким уступом, расположенным примерно в трех футах над ложбиной. Джек стоял, оглядывая это место.

Со всех сторон были высокие каменные стены, скорее всего естественного происхождения. У их подножия рос черный куст, а поодаль — черная трава и всякие сорняки. Однако по периметру круга никакой растительности не было.

Круг находился в дальнем конце ложбины, его диаметр составлял примерно восемь футов. Он был идеально очерчен, но никаких признаков живых существ не было. В центре круга стоял большой, поросший мхом валун, и слабо светился.

Джеку стало не по себе, хотя — почему — он не понимал. Он оглядел отвесные камни, окаймлявшие ложбину. Потом он посмотрел на звезды.

Действительно ли сияние мигнуло, пока он смотрел в другую сторону, или ему это только почудилось?

Он спустился с уступа. Потом осторожно начал двигаться вперед, держась левой стены.

Мох целиком покрывал валун. Он был розоватого цвета, и, похоже, сияние исходило именно от него. Подойдя ближе, Джек заметил, что в ложбине вовсе не так холодно, как снаружи, возможно, стены создавали некоторую изоляцию.

С мечом в руке Джек вошел в круг и двинулся вперед. В чем бы ни заключалась необычность этого места, он рассудил, что сможет извлечь из этого выгоду.

Но не успел он пройти и полдюжины шагов, как почувствовал что-то вроде жужжания в голове.

— НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ! МЕНЯ НЕ УДЕРЖИШЬ!

Джек остановился.

— Кто ты? Где ты? — спросил он.

— Я ПЕРЕД ТОБОЙ, МАЛЫШ, ИДИ КО МНЕ.

— Я вижу заплесневелый камень.

— СКОРО УВИДИШЬ БОЛЬШЕ. ИДИ КО МНЕ!

— Нет, спасибо, — сказал Джек, дурное предчувствие усилилось. Ему не нравился обращавшийся к нему разум.

— ЭТО НЕ ПРИГЛАШЕНИЕ. ЭТО ПРИКАЗ. Я ТАК ВЕЛЮ.

Джек ощутил, как в него вливается чуждая сила, а с ней — желание идти вперед. Он изо всех сил воспротивился и спросил:

— Что ты такое?

— Я ТО, ЧТО ТЫ ВИДИШЬ ПЕРЕД СОБОЙ. ИДИ ЖЕ!

— Камень? Плесень? — спросил Джек, стараясь оставаться на месте и чувствуя, что теряет контроль над собой. Если только он сделает хоть один шаг, то второй дастся уже легче. Его воля будет сломлена, и каменная штуковина сделает с ним все, что пожелает.

И верно — правая нога Джека пыталась сделать шаг без его ведома, сама, и он понял, что так оно и случится. Поэтому он пошел на компромисс.

Развернувшись в сторону, он поддался чужой воле, но шаг получился скорее вбок, чем вперед.

Тогда его левая нога начала медленно ползти в

сторону камня. Подчиняясь и сопротивляясь одновременно, Джек продвинулся вперед и в сторону.

— ПРЕКРАСНО. ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ НЕ ПО ПРЯМОЙ — НО ВСЕ РАВНО ПРИДЕШЬ.

Шаг за шагом, Джек продолжал бороться, на лбу выступил пот. Но шаг за шагом он по спирали против часовой стрелки приближался к тому, что настойчиво тянуло его к себе. Он не знал, как долго сражается, он позабыл все: ненависть, голод, жажду, любовь. Во вселенной остались только он да розовый валун. Напряжение, возникшее между ними, заполнило атмосферу подобно надоевшей мелодии, которая звучит постоянно — привыкая к ней, перестаешь ее замечать. Создавалось впечатление, что Джеку придется бороться со своим противником вечно.

Затем в тесную маленькую вселенную их поединка вошло что-то еще.

Сорок или пятьдесят шагов, давшихся с трудом... Джек сбился со счета. Он оказался в таком положении, что стала видна дальняя часть валуна. Тут его сосредоточенность чуть не поддалась минутному всплеску эмоций и он почти подчинился чужой воле.

Джек споткнулся, увидев перед светящимся камнем груду костей.

— ДА, МНЕ ПРИШЛОСЬ ПОМЕСТИТЬ ИХ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВНОВЬ ПРИБЫВШИЕ НЕ ПУГАЛИСЬ И МОГЛИ ПОПАСТЬ В РАДИУС МОЕГО ВЛИЯНИЯ. И ТЫ, ТЕПЛОКРОВНЫЙ, БУДЕШЬ ТУТ ЛЕЖАТЬ.

Восстановив контроль над собой, Джек продолжал поединок. Груда костей сильно подвигнула его на это. Он медленно прошел мимо валуна, миновал кости и двинулся дальше, но теперь был футов на десять ближе. Движение по спирали продолжалось, и Джек обнаружил, что снова приближается к тыльной стороне камня.

— ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ ПРОДЕРЖАЛСЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. НО В ТАКОМ СЛУЧАЕ ТЫ — ПЕРВЫЙ, КТО ТАК МНЕ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ.

Джек не ответил, но совершая очередной круг, еще раз наткнулся на ужасные остатки. Теперь он заметил, что мечи, кинжалы, уздечки, металлические

пряжки лежат нетронутыми, а одежда и прочее тряпье наполовину сгнили. На земле валялась различная мелочь, вывалившаяся из сумок и мешков, но что именно — он не мог разобрать в слабом свете звезд. Если он и вправду увидел то, что, как ему показалось, лежало среди костей, то можно было бы позволить себе капельку надежды.

— ЕЩЕ КРУЖОК — И ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ, МАЛЫШ. ТОГДА ТЫ КОСНЕШЬСЯ МЕНЯ.

По мере своего движения, Джек все больше и больше приближался к скользкой розовой поверхности жуткого существа. Оно, казалось, вырастало с каждым шагом, а бледный свет, испускаемый им, становился все более рассеянным. Он шел не из одной определенной точки, а со всей поверхности сразу.

Снова вперед. Уже можно доплюнуть...

Двигаясь теперь сбоку от камня, Джек мог уже дотронуться до него, вытянув руку.

Джек перекинул меч в левую руку и нанес удар, обдирая мшистую поверхность. Из царапины потекла жидкость.

— ТЫ МНЕ НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЕШЬ. ТЫ ВООБЩЕ НЕ МОЖЕШЬ МНЕ НИЧЕГО СДЕЛАТЬ.

Снова стали видны скелеты. Джек был совсем рядом от напоминающей раковую опухоль поверхности. Он чувствовал, как она голодна, и пинками расшвыривал кости в стороны, слыша, как они хрустят под сапогами, когда он идет к центру круга. Джек увидел то, что хотел увидеть, и заставил себя сделать три шага, чтобы дотянуться, хотя это напоминало движение навстречу урагану. Теперь от смертоносной поверхности его отделяли только дюймы.

Джек бросился к сумкам. Он подтащил их к себе, пользуясь и мечом, и рукой. Заодно он прихватил и лежавшие возле сгнившие куртки и плащи.

Затем он почувствовал, что под действием непреодолимой силы движется назад — и плечо Джека коснулось покрытого мхом камня.

Какое-то время Джек ничего не чувствовал. Потом в том месте, где тело касалось камня, он ощутил леденящий холод. Это быстро прошло. Боли не было. А потом Джек понял, что плечо полностью онемело.

— ЭТО НЕ ТАК СТРАШНО, КАК ТЫ ДУМАЛ, ПРАВДА?

В глазах потемнело, и волной нахлынуло головокружение — словно просидев много часов кряду, он резко встал. Это прошло, но возникло новое ощущение. В плечо словно что-то вонзили. Джек чувствовал, как силы покидают его. С каждым ударом сердца становилось все труднее сохранять ясность мысли. Онемение начало распространяться на спину и руку. Было очень трудно поднять правую руку и схватить сумку, висевшую у пояса. Время, пока он шарил в ней, показалось вечностью.

Сопротивляясь сильному желанию закрыть глаза и опустить голову на грудь, Джек швырнул на землю собранную им кучу тряпья. Ноющей левой рукой он дотянулся до кремня и ударил по нему мечом. По сухим тряпкам заплясали искры, но Джек продолжал высекать их и после того, как закурился дымок.

Когда появились первые языки пламени, Джек с их помощью зажег свечу, которую сжимал один из мертвецов.

Джек держал ее перед собой, и возникли тени.

Поставив свечу на землю, Джек понял, что его тень упала на валун.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ЕДА?

Джек отдыхал в своем сером царстве, голова его вновь прояснилась, в кончиках пальцев возникло знакомое покалывание.

— Я — КАМЕНЬ, ПЬЮЩИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КРОВЬ! ОТВЕЧАЙ! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?

Свеча горела, тени ласкали. Джек положил правую руку на левое плечо. Покалывание перешло в него, и онемение исчезло. Затем, укутавшись тенью, он поднялся.

— Что я делаю? — сказал он. — Нет. Сделал. Ты погостил в моем сознании, и я думаю, будет справедливо, если я отплачу тебе тем же.

Он отошел от валуна и повернулся к нему лицом. Камень попытался снова завладеть им, но на сей раз Джек шевельнул рукой и на поверхность камня упали тени. Он вложил в калейдоскоп теней все силы.

— ГДЕ ТЫ?

— Везде, — сказал он. — И нигде.

Он вытер меч и вернулся к валуну. Когда от свечи остался огарок, Джек понял, что действовать надо быстро. Он положил руки на губчатую поверхность.

— Я здесь, — сказал он.

Не в пример прочим, власть имущим в царстве тьмы, области влияния которых были географически фиксированы, владения Джека были разбросаны в разных местах и их можно было перегруппировывать, но возникали они только тогда, когда можно было создать хоть маленькую тень.

Джек начал подчинять валун своей воле.

Они поменялись ролями, и, конечно, возникло сопротивление. Сила, вынудившая Джека сражаться, сама превратилась в жертву. Джек наращивал в себе голод, открывая свое Естество во внешнее пространство. Поток, струйка... объем был заполнен.

Джек кормился.

— ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА НИЧЕГО МНЕ СДЕЛАТЬ. ТЫ — ВЕЩЬ.

Но Джек рассмеялся. Он становился все сильнее, а сопротивление валуна ослабевало.

Вскоре тот был не в состоянии даже протестовать.

Мох стал коричневым раньше, чем, ярко вспыхнув, догорела свеча, а сияние исчезло. Что бы ни обитало в камне, теперь оно было мертво.

Прежде, чем покинуть ложбину, Джек несколько раз вытер руки о плащ.

III

Сила, перешедшая в Джека, поддерживала его долго, и он начал надеяться, что вскоре выберется из вонючего царства. Холоднее не становилось, а когда он собрался спать, прошел небольшой дождик. Джек свернулся калачиком возле скалы и натянул на голову плащ. Плащ защищал очень слабо, но Джек смеялся, даже когда вода добралась до его тела. Это был первый дождь с тех пор, как он ушел из Глива.

После дождя осталось достаточно луж, чтобы Джек смог вымыться, напиться и снова наполнить флягу. Джек решил не спать, а идти дальше, чтобы одежда побыстрее просохла.

Нечто пронеслось мимо лица так стремительно, что Джек едва успел отреагировать. Это случилось, когда он поравнялся с разрушенной башней. От нее отделился клочок тьмы и, быстро вращаясь, начал падать прямо на Джека.

У Джека не хватило времени обнажить меч. Нечто пронеслось мимо и метнулось прочь. Правда, он успел запустить в него теми камнями, что нес с собой, один из камней чуть не достиг цели. После этого Джек поник головой и добрых две минуты изрыгал проклятия. Тварь была летучей мышью.

Джек бросился бежать, мечтая о тени.

На равнине было множество разрушенных башен. Возле одной из них начиналась дорога, которая вела между холмов к горам. Джек, не любивший ходить возле построек, — разрушенных ли, нет ли — все равно, потому что в них могли найти приют враги, старался держаться от них подальше.

Миновав башни, он подходил к расселине, как вдруг услыхал свое имя.

— Джек! Мой Джекки-Тень! — донесся крик. — Это ты! Это и впрямь ты!

Держа руку на рукояти меча, Джек повернулся в сторону, откуда доносились слова.

— Нет! Нет, Джек! Со старушкой Рози меч тебе ни к чему!

Она стояла так неподвижно, что он чуть не прошел мимо. Сморщенная старуха в черном опиралась на посох возле разрушенной стены.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил наконец Джек.

— Ты что же, забыл меня, миленький? Забыл? Сознайся, что нет.

Джек глядел на сгорбленную фигуру, на копну спутанных седых волос.

«Сломанная метла, — подумал он. — Она похожа на сломанную метлу».

И все же...

Что-то знакомое было в ней. Джек не мог понять, что именно.

Он убрал руку с меча и подошел ближе.

— Рози?

Он подошел совсем близко. Наконец, он заглянул ей в глаза.

— Скажи, что помнишь, Джек.

И он вспомнил.

— Дорога вдоль побережья. «Под Знаком Огненного Пестика». Розали... Но это было в сумеречных землях. И так давно...

— Да, — сказала она, — это было давным-давно, и очень далеко отсюда. Но я всегда помнила тебя, Джек. У девушки из таверны бывает много мужчин... но я помнила тебя. Что с тобой стало, Джек?

— Ах, моя Розали! Мне отрубили голову... спешу заметить, несправедливо... и сейчас я как раз возвращаюсь из Глива. А ты как? Ты ведь обычная смертная. Что ты желаешь в жутком царстве Дреккхейма?

— Я — Ведунья с Восточных границ, Джек. Признаюсь, в молодости я была не больно-то умна... Потерять голову из-за одних только твоих обещаний! Но чем старше я становилась, тем больше умнела. Мне пришлось ухаживать за одной старой развратницей, когда та уже не могла работать и она обу-

чила меня кой-какому Искусству. Когда я узнала, что барону нужна Ведунья, чтобы охранять эту часть владений, я пошла и поклялась ему в верности. Говорят, он злой, но к старой Рози он всегда был добр. Добрее многих, кого она знала... Хорошо, что ты помнишь меня.

Потом она вытащила из-под плаща какой-то тряпичный сверток и, развернув его, положила на землю.

— Садись, поешь со мной, Джек, — сказала она. — Как в старое доброе время.

Джек расстегнул перевязь и уселся напротив старухи.

— Прошло немало времени с тех пор, как ты съел живой камень, — сказала она, протягивая ему кусок сушеного мяса с хлебом. — Поэтому я знаю, что ты голоден.

— Откуда ты знаешь о моем приключении с камнем?

— Я уже сказала тебе, что я — Ведунья. В буквальном смысле слова. Я не знала, что ты делаешь, знала только, что с камнем покончено. Я стерегу эти места для барона и знаю обо всем, что происходит. Я вижу всех, кто идет по этой дороге. Все это я сообщаю ему.

— О, — сказал Джек.

— Должно же было быть что-то в твоей болтовне о том, что ты не просто человек тьмы, а один из облеченных властью, хотя и бедных, — сказала Рози. — Мне кажется, только тот, кто обладает Силой, может съесть этот камень. Значит, когда ты распускал хвост перед бедной девушкой, ты не врал. Остальное, может, и враки, но это...

— Что остальное? — спросил он.

— Например, то, что в один прекрасный день ты за ней вернешься и вы вместе поселитесь в Шедоу-Гард — замке, которого не видел никто из смертных. Ты пообещал ей это, и она много лет ждала. Потом однажды ночью в гостинице заболела старая распутница. Девушка — а лет ей было уже немало — задумалась о своем будущем. И заключила сделку, чтобы научиться ремеслу получше.

Некоторое время Джек молча смотрел в землю. Он проглотил хлеб, который жевал, а потом сказал:

— Я возвращался. Я вернулся, но никто не помнил мою Розали. Все изменилось, люди были не те. И я снова ушел.

Она хихикнула.

— Джек! Джек! — сказала она. — Твоя утешительная ложь теперь уже ни к чему. Для старухи ничего не значит то, чему верила молоденькая девчонка.

— Ты говоришь, что стала Ведуньей, — сказал Джек. — Неужели ты отличаешь ложь от правды только по догадкам?

— Я не хотела бы применять Искусство против Силы... — начала она.

— А ты примени, — сказал Джек и еще раз заглянул старухе в глаза.

Она прищурилась и наклонилась вперед, не отрывая своего взгляда от его глаз. Это вызвало у Джека ощущение падения. Стоило ей отвести глаза — и оно исчезло. Рози склонила голову к правому плечу.

— И правда, ты возвращался, — сказала она.

— Я же сказал тебе.

Джек взял хлеб и начал шумно жевать, чтобы не замечать, как щеки старухи стали мокрыми.

— Я забыла, — наконец сказала она. — Я уже забыла, как мало значит время для людей тьмы. Вы просто не считаете годы. Ты однажды решил вернуться к Рози и не подумал, что она может состариться и умереть или уехать. Теперь я поняла, Джекки. Ты привык к вещам, которые не меняются. Сила остается Силой. Ты можешь сегодня убить кого-нибудь, а спустя десять лет обедать с ним, хохоча над вашей дуэлью и пытаясь вспомнить, что послужило ее причиной. Да, хорошая у тебя жизнь!

— У меня нет души. А у тебя есть.

— Душа? — старуха засмеялась. — Что такое душа? Я никогда не видела ее. Почем я знаю, есть она или нет? А даже если есть, что мне от нее проку? Я бы мигом продала ее, если б могла стать такой, как ты. Хотя тут мое Искусство бессильно.

— Прости, — сказал Джек.

Некоторое время они ели молча.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказала она.

— О чем?

— Шедоу-Гард и правда существует? Замок за высокими стенами, с залами, полными теней; невидимый для твоих врагов... и для друзей тоже... Ведь ты хотел забрать бедную девушку туда?

— Конечно, — ответил Джек, глядя на то, как старуха ест. У нее не хватало многих зубов, она часто облизывала губы и причмокивала. Но вдруг сквозь сетку морщин Джек увидел лицо той девушки, какой она была когда-то. Когда у нее была сверкающая белозубая улыбка, а волосы — длинные и блестящие, как небо между звезд. Глаза же были голубыми, как небо над дневной стороной планеты, как небо, на которое Джек так часто смотрел. Ему нравилось думать, что все это было только для него.

«Ей долго не протянуть», — подумал Джек. Девичье лицо исчезло, и он увидел дряблую старческую кожу под подбородком.

— Конечно, — повторил Джек. — А теперь я тебя нашел. Ты вернешься со мной? Прочь из этой проклятой страны, в царство уютных теней. Проведи остаток своих дней со мной. Я буду добр к тебе.

Рози разглядывала его лицо.

— И ты сдержишь свое слово через столько лет... теперь, когда я стала уродливой старухой?

— Давай перейдем границу и вернемся в Сумеречные земли вместе.

— Зачем тебе это?

— Ты знаешь.

— Дай руки, быстро! — сказала она.

Джек протянул руки, и Рози схватила их, повернув ладонями вверх. Наклонившись вперед, Рози изучала их.

— А! Бесполезно! — воскликнула она. — Я не могу читать по твоей руке, Джек. Руки вора слишком много работают — все линии неверные. Хотя это сильно настрадавшиеся руки...

— Рози, ты увидела там что-то, о чем не хочешь говорить. Что это?

— Хватит есть. Бери хлеб и беги. Я слишком стара, чтобы пойти с тобой. Очень мило с твоей

стороны, что ты пригласил меня. Той девчонке понравился бы Шедоу-Гард, но я собираюсь провести остаток своих дней здесь... Теперь иди. Торопись! И прости меня, если сможешь.

— Простить? За что?

Она поднялась и поцеловала его руки.

— Увидев, что сюда идет тот, кого я ненавидела все эти годы, я с помощью Искусства послала сообщение и решила задержать тебя здесь. Теперь я знаю, что была не права. Но стражники барона, должно быть, уже спешат сюда. Иди по этой дороге и ни в коем случае не останавливайся. Ты можешь обойти их с другой стороны. Я постараюсь вызвать бурю и сбить их с твоего следа.

Джек вскочил и помог старухе подняться.

— Спасибо, — сказал он. — Что же все-таки ты увидела на моей ладони?

— Ничего.

— Розали, скажи.

— Не имеет значения, поймают ли тебя, — сказала старуха, — потому что тебе предстоит встреча с Силой страшнее бурана... а с ним ты тоже встретишься. Что бы ни случилось — это будет решающим. Не давай своей ненависти привести тебя к машинам, которые думают как люди, только быстрее. Слишком большие силы вовлечены в игру, а они не могут идти рядом с ненавистью.

— Такие машины существуют только на дневной стороне.

— Я знаю. Иди же, Джекки, иди!

Он поцеловал старуху в лоб.

— Как-нибудь встретимся, — сказал он и, повернувшись, бросился к дороге.

Рози смотрела, как Джек уходит, и вдруг почувствовала, что долиной пронесся холодный ветер.

Холмы, склоны которых сперва были пологими, теперь поднимались вокруг Джека, как башни. Он бежал и видел, как их сменяют высокие каменные стены. Дорога ширилась, сужалась, опять становилась широкой. Наконец Джек справился с паникой, взял себя в руки и перешел на шаг. Не было смысла быстро уставать — медленный ровный шаг позволил

бы ему пройти немало, прежде чем усталость возьмет верх.

Он глубоко дышал и прислушивался, нет ли погони. Вокруг было тихо.

По скале справа от Джека скользнула длинная черная тень. Она исчезла в расселине и больше не появилась. В небе горела одинокая звезда. В ее свете вкрапления разных пород на камнях блестели, как стекло.

Джек подумал о Рози и удивился: что значит иметь родителей, быть ребенком, зависеть от кого-то, чтобы жить. Джек задумался, каково быть старым, знать, что умрешь, и больше не вернешься. Вскоре эти мысли, как и все прочее, утомили его. Ему очень хотелось завернуться в плащ и лечь, и уснуть.

Чтобы не заснуть, он считал шаги — тысячу, потом еще тысячу. Он тер глаза, спел несколько песенок, думал о еде, женщинах, о своих самых крупных кражах, проигрывал в уме пытки и, наконец, подумал об Айвин.

Стены вскоре стали ниже.

Он шел у подножия холмов — таких же, как те, от которых началась дорога. Погони все еще не было. Джек надеялся, что это означает, что его не схватят в пути. Только бы добраться до открытой местности, а уж там он сумеет найти множество укрытий.

Над головой загремело, и, посмотрев наверх, он увидел, как тучи начали скрывать звезды. Джек сообразил, что облака собираются очень быстро и вспомнил обещание Розали вызвать бурю и замести его следы. Когда блеснула молния, грянул гром и первые капли дождя упали на землю, он улыбнулся.

Сойдя с тропы, Джек еще раз вымок насквозь. Буря, казалось, не собиралась утихать. Видно было скверно, но ему показалось, что он вышел на такую же равнину, с разбросанными по ней скалами, как та, которую он оставил по ту сторону гор.

Джек почти на милю отклонился от своего курса — самый выгодный маршрут, чтобы уйти из владений барона. Потом он заметил несколько валунов. Джек устроился на сухой стороне самого большого и уснул.

Разбудил Джека цокот копыт. Он полежал, при-

слушиваясь, и определил, что звук идет от дороги. Джек вытащил меч и положил рядом. Дождь еще шел, хотя и потише. Издалека время от времени доносились раскаты грома.

Цокот копыт затих. Джек прижал ухо к земле, вздохнул, потом улыбнулся. Он все еще был в безопасности.

Несмотря на то, что все тело болело и протестовало, Джек поднялся и пошел дальше. Он решил идти, пока идет дождь, чтобы уничтожить как можно больше следов.

В темной грязи сапоги Джека оставляли углубления, одежда липла к телу. Он несколько раз чихнул и поежился от холода. Ощутив странную боль в правой руке, он опустил глаза и увидел, что все еще сжимает меч. Джек насухо вытер клинок полой плаща и спрятал его в ножны. В просветах между тучами он отыскал знакомые созвездия. По ним он снова взял курс на восток.

Дождь постепенно перестал. Джек был весь в грязи, но продолжал идти. Одежда начала просыхать, а бивший тело озноб почти прошел.

Позади снова возник и затих цокот копыт. Зачем тратить столько сил на поимку одного человека, удивился Джек. Когда он возвращался в прошлый раз, все было иначе. Правда, раньше он никогда не ходил этой дорогой.

«То ли, пока я был мертв, я стал очень важной персоной, — решил Джек, — то ли люди барона охотятся на возвращающихся просто из спортивного интереса».

В любом случае Джек счел за лучшее не связываться с ними.

«Что имела в виду Розали, когда говорила, будто не имеет значения, поймают меня или нет. Если это действительно так, это очень странно».

Время шло. Джек оказался на еще более высокой и каменистой террасе. Грязь осталась внизу позади него. Джек начал искать место для отдыха, но это была равнина и он предпочел идти дальше, нежели быть пойманным на открытой местности.

Продвигаясь вперед, он заметил в отдалении нечто, напоминающее каменную изгородь. Приблизив-

шись, Джек увидел, что эти камни были светлее соседних, а промежутки между ними, казалось, были одинаковыми. Похоже, форма камней не была результатом действия сил природы, скорее, их вытесал какой-то маньяк, которого зациклило почему-то на пятиугольниках.

Джек нашел себе место для отдыха у ближайшего камня, где было сухо, и заснул.

Ему снова снились дождь и гром. Гром гремел, не переставая, и от этого содрогалась вся вселенная. Потом Джек очень долго находился на грани сна и бодрствования. И все равно он чувствовал, что чего-то не хватает, хотя точно не знал, чего и почему.

— Вот оно что, я не промок! — удивленно и раздраженно решил он.

Потом, вслед за громом, он вернулся в свое тело. Голова покоилась на откинутой руке. Мгновение он лежал, совсем проснувшись, а потом вскочил на ноги, сообразив, что на его след напали.

Показались всадники. Джек насчитал семерых.

Он отбросил плащ за спину, в руке очутился меч. Потом Джек пальцами взъерошил волосы и протер глаза. И стал ждать.

Высоко в небе, как раз за левым плечом Джека, разгоралась звезда.

Джек решил, что удирать пешему от всадников смысла нет, особенно когда негде спрятаться. Они просто будут гнать его, пока он не свалится на землю, а тогда усталость не даст ему достойно сразиться и хоть нескольких из них отправить в Глив.

Поэтому он ждал, раздосадованный, что небо светлеет. Кони дьявольских всадников в черном высекали копытами искры из камней. Высоко над землей на Джека, как горсть раскаленных углей, неслись их глаза. Из ноздрей вырывались струйки дыма, а иногда — пронзительный свист. Рядом со всадниками, опустив к земле голову и вытянув хвост, молча бежала похожая на волка тварь. Там, где Джек, подходя к камням, сворачивал, она тоже меняла направление.

— Ты — первая, — сказал он, поднимая меч.

При звуке его голоса тварь подняла морду, завыла и рванулась, обгоняя всадников. Пока она при-

ближалась, Джек отступил на четыре шага и прижался спиной к камню. Он высоко занес меч, словно собираясь рубить, и обеими руками стиснул рукоять.

Из открытой пасти твари свешивался язык, а почти человечья ухмылка открывала огромные зубы.

Когда зверь прыгнул, Джек опустил меч, описав им полукруг, и задержал его перед собой, упершись локтями в камень.

Тварь не рычала, не выла и не лаяла — напоровшись на меч, она завизжала.

От удара у Джека перехватило дыхание, а локти, упиравшиеся в камень, разодрало до крови. На мгновение он начал отключаться, но визг и едкий запах, исходивший от твари, удержали его в сознании.

Мгновение — и тварь замолчала. Она дважды дернулась на лезвии, содрогнулась и издохла.

Джек стал на труп ногой и, с силой повернув, вытащил меч. Потом он снова поднял оружие и обернулся к подъезжавшим всадникам.

Они сбавили темп, натянули поводья и остановились в какой-нибудь дюжине шагов от него.

Их предводитель — лысый, маленького роста и совершенно необъятный, спешился и пошел вперед. Увидев окровавленную тварь, он покачал головой.

— Не стоило убивать Шандера, — сказал он. Голос был хриплым и грубым. — Он не хотел причинить тебе вреда — только обезоружить.

Джек рассмеялся.

Мужчина посмотрел на него снизу вверх. Желтый огонь в глазах говорил о таящейся в нем силе.

— Ты дразнишь меня, вор! — сказал он.

Джек кивнул.

— Если ты возьмешь меня живым, я, несомненно, много претерплю от твоей руки, — сказал он. — Не вижу причин скрывать свои чувства, барон. Я смеюсь над тобой, потому что ненавижу. Что, тебе нечего делать, кроме как гоняться за возвращающимися?

Барон отступил и поднял руку. По этому знаку спешились остальные. Ухмыляясь, он вытащил меч и сказал:

— Ты нарушил границу моих владений, верно?

— Это единственный путь из Глива, — сказал

Джек. — Всем, кто возвращается, приходится пройти через них.

— Да, — сказал барон, — и те, кого я арестую, должны заплатить пошлину. То есть прослужить мне несколько лет.

Всадники обошли Джека с флангов, образовав полукруг.

— Отдай меч, человек-тень, — сказал барон. — Если мы отнимем у тебя оружие, ты вряд ли сумеешь покалечиться в схватке. Мне бы не хотелось иметь увечного слугу.

Пока барон говорил, Джек сплюнул. Двое из людей барона посмотрели наверх — да так и остались таращиться в небо. Подозревая, что так они хотят отвлечь его внимание, Джек не стал смотреть, что там такое.

Но тут задрал голову еще один, и, увидев это, сам барон посмотрел на небо.

Краем глаза Джек заметил появившееся высоко в небе свечение. Тогда он поднял голову и увидел быстро приближавшийся к ним большой шар. Чем ближе он был, тем больше и ярче становился.

Джек быстро опустил глаза. Что бы это ни было, такой шанс упускать было нельзя.

Он бросился вперед и снес голову крайнему справа, который стоял, глазея на шар.

Джеку удалось раздробить череп еще одному — тот слишком медленно поворачивался. После этого барон и четверка оставшихся развернулись и кинулись на него.

Джек отступил, парируя удары со всей возможной быстротой, не решаясь на ответные выпады. Он попытался обойти камень слева от себя, желая вымотать противников. Но они двигались слишком быстро. И Джек обнаружил, что окружен. Каждый удар, который он отражал с близкого расстояния, теперь причинял ладони мучительную боль, а по руке пошли мурашки. С каждым ударом меч казался все тяжелее.

Они начали прорывать оборону. На плечах, руках и бедрах Джека появились небольшие порезы. В его мозгу возникло и исчезло видение Навозных Ям. По тому, с какой яростью они нападали, он понял, что

теперь они хотят не взять его в плен, а отомстить за погибших.

Сообразив, что еще немного — и его изрубят на куски, Джек твердо решил при малейшей возможности захватить с собой в Глив барона. Он приготовился кинуться на него, как только в обороне Дреккхейма наметится брешь. Лучше бы это случилось поскорее, подумал Джек, потому что с каждой проклятой минутой он слабел.

Словно чувствуя это, барон дрался осторожно, все время защищаясь. Нападали его люди. Хватая ртом воздух, Джек решил, что больше ждать не может.

И все кончилось. Мечи стали слишком горячими, чтобы их удерживать, когда по клинкам заплясало синее пламя. Люди с криком выпустили мечи из рук, и тогда вспышка белого света прямо над головами ослепила сражающихся. От мечей летели искры, а ноздри щекотал запах горелого.

— Барон, — раздался сладкий как мед голос, — ты нарушил границы моих владений и пытался убить моего пленника. Что ты скажешь в свое оправдание?

Когда Джек узнал этот голос, его охватил страх.

IV

Джек искал тени, а перед его глазами плясали точки.

Свет исчез так же быстро, как появился, и наступившая за ним тьма казалась почти абсолютной. Джек попытался воспользоваться этим и добраться до скалы. Он начал ее обходить.

— ТВОЕГО пленника? — услышал он вопль барона. — Он мой.

— Мы долго были добрыми соседями, барон — с тех пор, как я в последний раз давал тебе урок географии, — сказала фигура, стоявшая на вершине скалы. Теперь ее можно было различить.

— Возможно, требуется повторное обучение. Эти скалы — граница между нашими владениями. Пленник стоит на моей стороне... и должен добавить, ты со своими людьми — тоже. Ты, конечно, уважаемый гость, а пленник, разумеется, мой.

— Лорд, — сказал барон, — эта граница всегда была спорной. Да будет тебе известно, что я преследовал этого человека на своей земле. Вряд ли честно с твоей стороны влезать в это.

— Честно? — донесся в ответ смех. — Не говори мне о честности, сосед... И не называй этого пленника «человеком». Мы оба знаем, что на границе кончается наша сила — сила, а не законы или договоры. Там, куда из Хай-Даджен достанет моя сила, земля — моя. То же самое касается тебя в твоих владениях. Если ты хочешь состязаться, чтобы пересмотреть границу, — давай. Что касается пленника, тебе известно, что и сам он наделен Силой — одной из немногих подвижных сил. Он черпает ее не из определенного источника, а из сочетания света и тьмы. Тот, кто изловит его, не может не получить выгоды, поэтому он мой. Ты согласен со мной, повелитель

падали? Или мы немедленно начнем пересмотр границы?

— Я вижу. Сила не покинула тебя...

— И значит, мы на моей территории. Иди домой, барон.

Обойдя вокруг скалы, Джек спокойно отправился в темноту. Ему представился случай проскочить обратно через границу и, может быть, вызвать драку, но в любом случае, он становится чьим-то пленником. Путь только один — лучше удрать. Он пошел быстрее.

Оглянувшись, Джек увидел нечто, что могло означать продолжение спора, поскольку барон топал ногами и бурно жестикулировал. Он слышал его сердитые крики, хотя отошел слишком далеко для того, чтобы разобрать слова. Зная, что его отсутствие будет оставаться незамеченным недолго, Джек побежал. Он взобрался на небольшой холм и, проклиная потерю меча, сбежал с восточного склона.

Он быстро устал, но заставил себя идти, остановившись только, чтобы вооружиться парой нетяжелых камней.

Потом на какое-то мгновение перед ним упала его длинная тень, и он остановился, оглядываясь. Над холмом появилось сияние, в котором, поднимаясь и опускаясь, словно пепел или сорванные ветром листья, плясали рои летучих мышей. Прежде чем Джек сумел использовать тень, свет потускнел и опять воцарилась тьма. Определяясь, Джек посмотрел на звезды и заторопился дальше, отыскивая по дороге убежище. Он знал, что будет погоня.

Он продолжал оглядываться, но сияние больше не появлялось. Он задумался, чем же закончился конфликт. Барон, несмотря на свою звериную внешность, был известен, как довольно чувствительный субъект. Кроме того, ситуация на границе указывала на то, что оба спорщика были одинаково далеки от источников своей Силы.

Неплохо было бы, решил он, если бы они уничтожили друг друга. Хотя вряд ли. А жаль.

Понимая, что к этому моменту его отсутствие там уже заметили и что единственное, что может остановить погоню, это начавшаяся драка, он взмолился,

чтобы скандал оказался затяжным. Заодно он отметил, что идеальным выходом была бы смерть или тяжкие повреждения у обеих участвующих сторон.

Словно в насмешку над его мольбой, очень скоро мимо промелькнул темный силуэт. Джек запустил в него оба камня, но оба раза промахнулся.

Решив не идти по прямой, он свернул влево и пошел в этом направлении. Шел он медленно, экономя силы, пот высох, и Джек снова почувствовал озноб. Но только ли поэтому?

Кажется, темный силуэт преследовал его слева на некотором расстоянии. Стоило повернуть голову, как он исчезал. Все-таки, глядя прямо перед собой, Джек уголком глаза уловил некоторое движение.

Вскоре силуэт очутился рядом с ним. Джек почувствовал его присутствие, хотя едва различал его. Поскольку тот больше не двигался, Джек приготовился защищаться при первом же прикосновении.

— Можно узнать, как ты себя чувствуешь? — раздался мягкий приятный голос.

Подавив дрожь, Джек сказал:

— Я голоден, хочу пить и устал.

— Какая жалость. Я прослежу, чтобы вскоре это прошло.

— Почему?

— Мой обычай — оказывать гостям все почести.

— Я не знал, что я чей-то гость.

— Все, кто попадает в мои владения, мои гости, Джек. Даже те, кто раньше пренебрег моим гостеприимством.

— Приятно слышать. Особенно если это значит, что ты поможешь добраться до восточной границы твоих владений по возможности быстро и спокойно.

— Мы обсудим это после обеда.

— Отлично.

— Сюда, пожалуйста.

Он взял вправо, и Джек последовал за ним, понимая, что больше ничего не остается. По дороге ему удалось мельком увидеть смуглое, красивое лицо, наполовину освещенное светом звезд, наполовину скрытое высоким круглым воротом плаща. Глаза напоминали лужицы воска, которые натекают вокруг фитилей черных свечек — горячие, темные и влажные. С

неба все время срывались летучие мыши и исчезали в складках плаща. После долгого молчания спутник Джека указал на видневшееся впереди возвышение.

— Сюда, — сказал он.

Джек кивнул и посмотрел на холм со срезанной вершиной. Малое средоточие Силы, решил он, и находится в пределах досягаемости хозяина.

Медленно карабкаясь вверх, они приближались к нему. Когда Джек поскользнулся, то почувствовал на своем локте сильную руку, вернувшую ему равновесие. Он заметил, что сапоги его спутника ступали бесшумно, хотя под ногами был гравий.

Наконец он спросил:

— А что с бароном?

— Барон — умный человек, он поехал домой, — блеснув мгновенной белозубой улыбкой, ответил его спутник.

Они добрались до вершины и направились к ее центру.

Темная фигура вытащила меч и начертила им на земле знаки. Некоторые были знакомы Джеку. Затем он отстранил Джека движением руки и провел большим пальцем по клинку так, чтобы кровь попала в центр узора. При этом он произнес несколько слов. Потом он обернулся и жестом велел Джеку подойти и снова стать рядом с ним. Он очертил вокруг них окружность и снова повернулся к узору.

После произнесенных слов узор вспыхнул у них под ногами. Джек старался не смотреть на пылающие линии, но узор притягивал его взгляд и он начал следить за ним глазами.

Когда рисунок полностью овладел его разумом, вытеснив все остальное, он почувствовал оцепенение. Казалось, он движется внутри узора, он — его часть...

Кто-то подтолкнул Джека, и он упал.

Он стоял на коленях среди сияния и блеска, и множество людей дразнили его. Нет.

Те, кто передразнивал его малейшее движение, были всего лишь отражениями.

Джек потряс головой, желая вернуть ясность мысли, и тогда понял, что окружен зеркалами и ярким светом.

Он встал, рассматривая неясную панораму. Он находился почти в центре большой многогранной комнаты. Все грани были зеркальными, так же как бесчисленные ячейки потолка и сияющий пол. Откуда шел свет, Джек не знал. Может быть, его источали сами зеркала. Неподалеку у стены справа был накрыт стол. Идя к нему, Джек понял, что поднимается в горку, хотя избыточного напряжения мышц не чувствовал и равновесия не терял. Тогда он торопливо миновал стол и продолжал идти, как полагал, по прямой. Стол был позади него, затем — над ним. Через несколько сот шагов Джек свернул направо и опять пошел к столу. Результат был прежним.

Ни окон, ни дверей не было. Имелись: стол, кровать и стулья. Они стояли возле разбросанных по комнате небольших столиков. Похоже было, что Джека заключили в огромный драгоценный камень, полный сияния. Его отражения и отражения отражений уходили в бесконечность, и, куда бы он ни посмотрел, везде был свет.

Тени нигде не должно было быть — и не было.

«Узник того, кто уже однажды убил тебя, — подумал Джек. — Конечно, неподалеку от источника его Силы, в клетке, сделанной специально для тебя. Скверно. Очень скверно».

Вдруг повсюду началось движение. Зеркала на мгновение показали его бесконечность, потом опять все замерло. Джек оглянулся, отыскивая результат этих перемещений.

Теперь на висевшем перед ним столе стояли мясо, хлеб, вино и вода.

Встав на ноги, он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Джек мигом обернулся, и ему с поклоном улыбнулся Повелитель Нетопырей.

— Кушать подано, — сказал он, указывая на стол.

Джек кивнул, подошел вместе с ним к столу, уселся и принялся наполнять тарелку.

— Как тебе квартира?

— Очень забавная, — ответил Джек. — Кроме всего прочего, как я заметил, тут ни окон, ни дверей.

— Да.

Джек принялся за еду. Его аппетит был подобен пламени, которое невозможно унять.

— После своего путешествия ты выглядишь не слишком хорошо.

— Знаю.

— Позже я пришлю тебе ванну и чистую одежду.

— Спасибо.

— Не за что. Я хочу, чтобы ты чувствовал себя комфортно, а пробыть здесь тебе придется, несомненно, долго.

— Как долго? — спросил Джек.

— Кто знает? Возможно, годы.

— Понятно.

Джек задумался: «Если я нападу на него с ножом для мяса, сумею ли я его убить? Или сейчас он слишком силен для меня? Сумеет ли он мгновенно умножить свои силы? А если я добьюсь своего, найду ли я выход отсюда?»

— Где мы? — спросил Джек.

Повелитель Нетопырей улыбнулся.

Он расстегнул тяжелую серебряную цепь, которую носил на шее. С нее свисал сверкающий драгоценный камень. Он склонился вперед и протянул руку.

— Посмотри-ка на него, Джек, — сказал он.

Джек дотронулся до камня кончиками пальцев, взвесил его, повертел.

— Ну, стоит он того, чтобы его украсть?

— Само собой. Что это за камень?

— Собственно говоря, это не камень. Это — комната. Погляди, какой она формы.

Джек проделал это, переводя взгляд с камня на стены и обратно.

— Его форма очень напоминает эту комнату.

— Они идентичны. Так и должно быть, ведь это — одна и та же вещь.

— Не понимаю...

— Возьми, поднеси к глазам. Посмотри, что у него внутри.

Джек поднес камень к глазам, прищурился и уставился внутрь.

— Внутри... — сказал он. — Крохотная копия этой комнаты.

— Посмотри на стол.

— Вижу! Я вижу, как мы сидим за столом! Я... рассматриваю... Этот камень!

— Отлично! — Повелитель Нетопырей зааплодировал.

Джек выпустил камень из рук, и его собеседник вернул драгоценность на место.

— Посмотри, пожалуйста, — сказал он.

Он взял камень свободной рукой и стиснул в кулаке.

Наступила тьма. Она пришла лишь на миг и исчезла, как только Повелитель разжал пальцы.

Тогда он достал из-под плаща свечу, закрепил в подсвечнике на столе и зажег. Потом поднес свисающий с цепочки камень к пламени.

В комнате стало тепло, даже слишком. Через некоторое время жара стала угнетающей и Джек почувствовал, как на лбу выступили капли пота.

— Хватит! — сказал он. — Вовсе ни к чему нас поджаривать!

Повелитель Нетопырей убрал пламя и окунул камень в графин с водой. Сразу же стало прохладно.

— Где мы? — повторил Джек.

— Да вот — я ношу нас на шее, — ответил Повелитель Нетопырей, снова надевая цепочку.

— Хороший фокус. И где же ты сейчас?

— Здесь.

— В камне?

— Да.

— А камень у тебя на шее?

— Конечно. Да, фокус неплохой. Выдумать и осуществить это мне удалось быстро. В конце концов, я, несомненно, один из способнейших. Хотя много лет назад несколько моих самых ценных манускриптов по Искусству были украдены.

— Какое несчастье. Я полагал, ты более тщательно охраняешь подобные документы.

— Их хорошо охраняли. Но был пожар. Во время замешательства вор сумел взять их и исчезнуть в тени.

— Ага, — сказал Джек, прикончив последний кусок хлеба и потягивая вино. — Вора поймали?

— О да, и казнили. Но я с ним еще не покончил.

— Да? — сказал Джек. — И что же ты думаешь делать?

— Я собираюсь свести его с ума, — сказал Повелитель Нетопырей, играя вином в своем кубке.

— Может быть, он уже сошел с ума. Разве клептомания — не болезнь психики?

Его собеседник покачал головой.

— Не в этом случае, — сказал он. — Для вора это — вопрос гордости. Ему нравится перехитрить власть имущих и завладеть их собственностью. Если подобные желания — психическое расстройство, значит, им страдает большинство. Хотя в данном случае желание часто бывает удовлетворено. Удача сопутствует ему, поскольку он обладает кой-какой Силой и применяет ее жестоко и без жалости. Я с огромным наслаждением пронаблюдаю, как постепенно он вконец спятит.

— Чтобы укрепить свою гордость и уверенность в себе?

— Отчасти. Кроме того, это вселит в него некоторое почтение богине правосудия и пойдет на пользу обществу в целом.

Джек засмеялся. Его собеседник только улыбнулся.

— Как же ты намерен этого добиться? — наконец спросил он.

— Я заточу его в тюрьму, откуда нет выхода. Там ему совершенно нечего будет делать — он будет просто существовать. Время от времени я стану помещать туда определенные вещи и удалять их, — вещи, которые с течением времени начнут все сильнее завладевать его мыслями. Начнутся приступы ярости и периоды депрессии. Я сломаю самоуверенность этого задаваки и с корнем вырву его гордыню.

— Ясно, ясно, — сказал Джек, — это звучит так, будто ты давно собирался проделать это.

— Можешь не сомневаться.

Джек оттолкнул пустую тарелку, откинулся на спинку стула и пересчитал окружавшие отражения.

— По-моему, дальше ты, пожалуй, заявишь, что твою побрякушку легко невзначай потерять во время океанской прогулки, зарыть в землю, сжечь или скормить свиньям.

— Нет, как ты только что сообразил.

Повелитель Нетопырей поднялся, небрежно махнув рукой куда-то наверх.

— Я вижу, тебе доставили ванну, — сказал он, — и, пока мы обедали, приготовили чистую одежду. Я удаляюсь. Займись собой.

Джек кивнул и поднялся.

Тут под столом раздался глухой стук, за которым последовало дребезжание и короткий резкий вопль. Джек почувствовал, что его ухватили за лодыжку. Потом он очутился на полу.

— Прочь! — крикнул Повелитель Нетопырей, быстро обойдя вокруг стола. — Назад, я сказал!

Из складок его плаща вырвались тучи нетопырей и ринулись на то, что было под столом. Оно от ужаса завизжало и стиснуло лодыжку Джека так, что ему почудилось, будто кости рассыпаются в порошок.

Он поднялся и начал нагибаться вперед. Потом, увидев ЭТО, он на миг остолбенел и тут была бессильна даже боль.

Существо было белым, голым, блестящим и все в синяках. Повелитель Нетопырей пнул его, и оно выпустило Джека, но прежде чем оно успело загородиться скрещенными руками, Джек мельком увидел его перекошенное лицо.

Похоже, это создание было задумано, как человек, но так до конца им и не стало. По нему словно прошлись, перекрутили его, а в оплывшей голове, как в сыром тесте, проткнули дыры. Сквозь прозрачную плоть его торса виднелись кости; короткие ноги были толщиной с дерево и заканчивались дискообразными ступнями. С них свисало множество длинных пальцев, похожих на червей или на корни. Руки были длиннее тела. Это был раздавленный слизняк; нечто замороженное и оттаявшее прежде, чем пропеклось. Это было...

— Это — Борчин, — сказал Повелитель Нетопырей, протягивая руки к визжащему существу, которое, казалось, не могло решить, кого боится больше — летучих мышей или их хозяина. Оно колотилось головой о ножки стола, пытаясь ускользнуть от обоих.

Повелитель Нетопырей сорвал с груди камень и

запустил им в существо, бормоча при этом проклятия. Оно исчезло, оставив после себя лужицу мочи. Мыши вновь пропали в одеждах своего господина. Он улыбнулся Джеку.

— Что, — спросил Джек, — такое Борчин?

Некоторое время Повелитель Нетопырей рассматривал свои ногти. Потом он сказал:

— На дневной стороне планеты ученые уже некоторое время пытаются создавать искусственную жизнь. До сих пор безуспешно. Я собирался добиться успеха с помощью волшебства там, где их наука бессильна, — продолжал он. — Я долго экспериментировал, потом попробовал. Ничего не вышло... или, скорее, вышло наполовину. Результат ты только что видел. Я избавился от своего мертвого гомункулуса, отправив его в Навозные Ямы Глива, но однажды он ко мне вернулся. Я не могу приписать себе честь его оживления. Силы, питающие нас, здесь каким-то образом стимулировали его. Я не думаю, что Борчин и вправду живое существо... в обычном смысле слова.

— Это — одна из тех вещей, предназначенных, чтобы пытать твоего врага?

— Да, поскольку я обучил Борчина двум вещам: бояться меня и ненавидеть моего врага. Правда, на этот раз я его сюда не приводил. Он приходит и уходит сам, своими путями. Но я не думал, что они достигают этого места. Этим я еще займусь.

— А пока что он сможет являться сюда, когда вздумает?

— Боюсь, что так.

— Тогда нельзя ли мне иметь при себе оружие?

— Увы — у меня нет оружия, чтобы тебе одолжить.

— Понятно.

— Теперь я лучше пойду. Купайся на здоровье.

— И еще одно, — сказал Джек.

— Что? — спросил Повелитель, лаская пальцами камень.

— У меня тоже есть враг, которому я должен отомстить. Не стану утомлять тебя подробностями, но должен сказать, что моя месть превзойдет твою.

— Правда? Интересно узнать, что у тебя на уме.

— Я постараюсь, чтобы ты непременно узнал.

Оба улыбнулись.

— Тогда — до скорого.

— Пока.

Повелитель Нетопырей исчез.

Джек вымылся, долго просидев в теплой блестящей воде. Накопившаяся за время путешествия усталость, казалось, овладела им мгновенно. Только мощным усилием воли ему удалось встать, вытереться и дойти до постели, на которую он рухнул. Он слишком устал для того, чтобы должным образом ненавидеть или обдумывать побег.

Он спал и видел сны.

Ему снилось, что он держит Великий Ключ, Кольвинию, — ключ от хаоса и порядка, — и им отпирает небо и землю, море и ветер, приказывая им обрушиться на Хай-Даджен и ее хозяина со всех концов света. Ему снилось, что родилось пламя и Властелин тьмы оказался навеки в его сердце, как муравей в янтаре, но живой, способный чувствовать и лишенный сна. Он, будучи возбужден до предела, вдруг услышал бормотание Великой Машины. От этого знамения он застонал, а по стенам, на пропитанных потом постелях, заметались бесчисленные Джеки.

V

Джек сидел на стуле возле постели, вытянув ноги и сцепив пальцы под подбородком. Он был одет в красно-черно-белый костюм шута, украшенный бриллиантами. Носки туфель винного цвета были загнуты и заканчивались шнурками, от которых Джек оторвал бубенчики. Колпак с бубенчиками он выбросил в помойное ведро.

— Теперь — когда угодно, — решил он. — Надеюсь, Борчин за ним не пойдет.

На столе стояли остатки завтрака — его тридцать первой трапезы в этих стенах. Воздух был холоднее, чем ему хотелось бы. С тех пор, как Джек очутился здесь, Борчин приходил трижды. Он появлялся внезапно и, пуская слюни, пытался схватить Джека. Каждый раз Джек отгонял его стулом, крича изо всех сил, и каждый раз через несколько минут являлся Повелитель Нетопырей и забирал эту тварь, извиняясь за причиненные неудобства. После первого же такого визита Джек стал плохо спать, зная, что в любой момент визит может повториться.

Еду доставляли регулярно. Она была весьма однообразной, но Джек машинально съедал ее, думая о другом. Позже он так и не смог вспомнить, что это было — да и не хотел вспоминать.

Он размышлял: теперь скоро.

Чтобы не раскиснуть, Джек делал гимнастику. Он уже набрал часть потерянного веса. Он боролся со скукой, выстраивая и отвергая множество вариантов побега и мести. Потом он вспомнил слова Розали и решил, что делать.

Воздух словно наполнился мерцанием, а рядом возник такой звук, словно по кубку постукивали ногтем.

Рядом с ним очутился Повелитель Нетопырей — и на этот раз он не улыбался.

— Джек, — сразу же приступил он к делу, — ты разочаровываешь меня. Что ты пытался сделать?

— Прости.

— Ты только что проговорил какое-то слабое заклинание. Ты и правда думаешь, что здесь, в Хай-Даджен, я не замечу попыток воспользоваться Искусством? Только в том случае, если она будет успешной, — сказал Джек.

— Что явно не так. Ты все еще здесь.

— Конечно.

— Ты не можешь ни разрушить эти стены, ни пройти сквозь них.

— Я уже понял.

— А тебе не кажется, что ты поправился?

— Немного.

— Тогда, наверное, пора ввести в твое окружение дополнительные элементы.

— Ты не сказал мне, что есть еще один Борчин.

Его собеседник издал смешок, и откуда-то появилась летучая мышь. Она несколько раз облетела вокруг хозяина и повисла на цепочке, которая была у него на шее.

— Нет, я имел в виду не это, — сказал он. — Я размышлял, насколько у тебя хватит чувства юмора.

Джек, лениво оттирая с указательного пальца правой руки пятнышко сажи, пожал плечами.

— Когда ты это выяснишь, дай мне знать, — сказал он.

— Ты будешь одним из первых. Даю слово.

Джек кивнул.

— Я бы предпочел, чтоб ты оставил свои упражнения в магии, — сказал Повелитель Нетопырей. — В такой сильно изменившейся атмосфере последствия могут быть весьма суровыми.

— Буду иметь это в виду, — сказал Джек.

— Великолепно. Извини, что помешал. Занимайся своими делами. Адью.

Джек не ответил, потому что остался один.

Через некоторое время в его окружении появился дополнительный элемент.

Осознав, что он не один, Джек внезапно поднял

глаза. При виде рыжих волос и полуулыбки он на миг от неожиданности чуть не поверил.

Потом он встал, подошел, затем отошел в сторону и рассмотрел появившуюся женщину с нескольких точек.

Наконец он сказал:

— Отличная работа. Передай своему создателю мои поздравления. Ты — прекрасная копия моей леди Айвин из крепости Холдинг.

— Я не копия. И не твоя леди, — сказала она, делая реверанс.

— Как бы там ни было, ты принесла мне свет, — сказал он. — Могу я предложить тебе сесть?

Усадив ее, он пододвинул второй стул и уселся слева от нее. Откинувшись на спинку, он внимательно разглядывал ее.

— Ну, а теперь ты, может быть, объяснишь то, что сказала? — спросил он. — Если ты — не моя Айвин и не двойник, созданный моим врагом, чтобы досадить мне, то что ты такое? Или, выражаясь более деликатно, кто ты?

— Я? Айвин из крепости Холдинг, дочь Лорет и Бессмертного Полководца, — ответила она, все еще улыбаясь, и только тогда Джек заметил, что с ее серебряной цепочки свисает старинный драгоценный камень, схожий по форме с его тюрьмой. — Но я — Не твоя леди, — закончила она.

— Он отлично поработал, — сказал Джек. — Даже голос похож, как две капли воды.

— Я даже могу посочувствовать лорду-бродяге из несуществующего Шедоу-Гард, — сказала она. — Джек-врун. Ты настолько знаком со всеми формами обмана, что тебе стало трудно различать, где же правда.

— Шедоу-Гард существует! — сказал он.

— Тогда не стоит так волноваться, когда это упоминают, верно?

— Он хорошо выучил тебя, существо. Смеяться над моим домом — значит смеяться надо мной!

— Что я и собиралась сделать. Но я — не творение того, кого ты называешь Повелителем Нетопырей. Я — его женщина. Я знаю его тайное имя. Он пока-

зал мне мир внутри сферы. Я видела из Хай-Даджен все. Я знаю, что Шедоу-Гард не существует.

— Никто, кроме меня, никогда не видел его, — сказал он, — потому что он всегда скрыт тенью. Это — огромный замок с залами, освещенными факелами, с высокими потолками, с подземными лабиринтами и множеством башен. Там с одной стороны — немного света, а с другой — полная тьма. Он полон памятных вещиц с самых крупных краж, какие когда-либо совершались. Там много очень красивых безделушек и бесценных вещей. В его коридорах пляшут тени, а множество драгоценных камней сияют ярче, чем солнце на другой половине планеты. Вот над чем ты смеешься — над Шедоу-Гард, по сравнению с которым замок твоего хозяина просто свинарник. Верно, иногда там бывает одиноко, но настоящая Айвин оживит его своим смехом, зажжет своим изяществом, так, что он сохранит свое великолепие много времени спустя после того, как твой хозяин сойдет в вечную тьму — когда я отомщу.

Она тихонько поаплодировала.

— Нетрудно вспомнить, как однажды твои речи и твоя страстность убедили меня, Джек. Теперь-то я понимаю, что, говоря о Шедоу-Гард, ты говоришь слишком хорошо для того, чтобы описывать реальное место. Я ждала тебя долго, а потом узнала, что тебе отрубили голову в Иглесе. Я все-таки собиралась ждать твоего возвращения, но мой отец решил иначе. Сперва я думала, что им движет желание обладать Факелом Ада. Но я ошибалась. Он сразу понял, что ты — лжец и бродяга. Я плакала, когда он обменял меня на Факел Ада, но я полюбила того, кому меня отдали. Мой повелитель добр тогда, когда ты ни о чем не думаешь; он умен там, где ты просто жесток. Его замок существует на самом деле, он один из самых могущественных в стране. В нем — все то, чего тебе недостает. Я люблю его.

Джек смотрел ей в лицо, которое теперь было серьезно, а потом спросил:

— Как он завладел Факелом Ада?

— Его человек завоевал для него в Иглесе этот камень.

— Имя этого человека?

— Квазер, — сказала она. — Чемпионом Адских Игрищ стал Квазер.

— Для двойника это умеренно бесполезная информация, — заметил Джек, — если это все правда. Хотя мой враг весьма тщателен. Очень жаль, но я не верю, что ты — настоящая.

— Вот пример эгоизма, который не дает заметить очевидного.

— Нет. Я знаю, что ты — не настоящая Айвин, а нечто, посланное мучить меня. Настоящая Айвин — моя Айвин — не стала бы судить меня за глаза. Она дождалась бы моего ответа, что бы про меня ни говорили.

Тогда она отвела взгляд.

— Еще одна умная фраза, — сказала она наконец. — Она ничего не значит.

— Можешь идти, — сказал он. — И скажи своему хозяину, что у вас ничего не вышло.

— Он не хозяин мне! Он — мой повелитель и возлюбленный!

— ...Или, если не хочешь уходить, можешь остаться. Мне все равно.

Он встал, подошел к постели, растянулся на ней и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, девушки уже не было. Но он заметил то, что она хотела скрыть.

«...Я ничего им не дам, решил он. Неважно, какие доказательства они представят. Я буду объяснять это трюками. Пока что я упрячу знание туда же, куда и чувства».

Через некоторое время он уснул. Ему снилось красочное будущее — таким, каким он себе его представлял.

Потом он долго был один. Это его вполне устраивало.

Он чувствовал, что загнал Повелителя Нетопырей в угол, и дал отпор первому покушению на свой здравый рассудок. Иногда, меряя шагами полы, стены и потолки своей тюрьмы, он посмеивался. Он обдумывал свой план — его опасные стороны — и прикидывал, сколько лет уйдет на его осуществление. Он ел. Он спал.

Потом ему пришло в голову, что если Повелитель

Нетопырей может видеть его в любую минуту, возможно, он находится под наблюдением постоянно. Ему немедленно представилось, как слуги его врага передают этот странный камень из рук в руки. Мысль была стойкой. Независимо от того, чем Джек занимался, у него появилось назойливое ощущение, что за ним подглядывают. Он приобрел привычку подолгу сидеть, уставясь на предполагаемых соглядатаев за зеркалами. Он внезапно оборачивался и делал жесты в сторону своих невидимых спутников.

«Господи! Сработало! — решил он однажды, проснувшись и быстро оглядев комнату. — Он и правда добирается до меня! Я везде подозреваю его присутствие, и это начинает выводить меня из равновесия. Но я буду действовать тайком. Если только он даст мне нужный выход, а все прочее останется по-прежнему, я, возможно, получу шанс. Впрочем, лучший способ отыскать выход — оставаться внешне спокойным. Я должен прекратить расхаживать и бормотать».

Джек лежал, раскрыв свое Естество, и ощущал отрезвляющий холод высоты.

После этого случая он замолчал и начал двигаться медленно. Подавить более мелкие реакции оказалось труднее, чем он думал. Но он подавлял их — иногда для этого приходилось сесть, стиснуть руки и считать до нескольких тысяч. Зеркала говорили ему, что у него выросла борода приличных размеров. Его шутовской наряд обносился и стал грязным. Частенько он просыпался в холодном поту, не в состоянии вспомнить, что за кошмар мучил его. Хотя рассудок его порой помрачался, теперь он поддерживал в своей вечно сияющей зеркальной тюрьме видимость нормы.

— В заклятии ли тут дело? — думал он. — Или это просто результат длительного однообразия? Наверно, дело в последнем. Я думаю, что почувствовал бы это заклятие, хотя в колдовстве он сильнее меня. Ну, теперь-то уж скоро. Скоро он ко мне придет. Он почувствует, что тратит слишком много времени на то, чтобы меня расстроить. Начнется обратный эффект. Забеспокоится он сам. Теперь скоро, скоро он придет.

Когда тот пришел, Джек сделал полезное наблюдение.

Он проснулся и обнаружил, что ему доставили ванну — второй раз с тех пор, как он тут очутился (тысячу лет назад), и чистый костюм. Джек отдраил себя и влез в бело-зеленые одежды. На этот раз он оставил бубенцы на носках туфель, а колпак напялил под вызывающим углом.

После этого он уселся, хлопнул в ладоши над головой и слабо улыбнулся. Нельзя было показывать, как он нервничает.

Когда внезапно раздался знакомый звук и воздух замерцал, Джек, глядя в том направлении, чуть наклонил голову.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил Повелитель Нетопырей. — Как дела?

— Да вроде бы пришел в себя. И хотел бы вскоре тебя покинуть.

— Когда дело касается здоровья, излишняя осторожность не вредит. По-моему, тебе все еще требуется отдых. Но это мы обсудим позже.

— Очень жаль, что я не мог уделить тебе больше времени, — продолжал он. — Я был занят делами, которые требуют моего полного внимания.

— Ничего страшного, — сказал Джек. — Вскоре все твои усилия будут сведены к нулю.

Повелитель Нетопырей изучал его лицо, словно выискивал в нем признаки безумия. Потом он уселся и сказал:

— Что ты имеешь в виду?

Джек повернул левую руку ладонью кверху и сказал:

— Если все когда-нибудь кончается, значит, любые усилия сведутся к нулю.

— Почему это все должно кончиться?

— Ты в последнее время не обращал внимания на температуру, любезный лорд?

— Нет, — ответил тот, озадаченный. — Физически я довольно давно не покидал своего замка.

— Тебе было бы полезно проделать это. Или лучше открой свое Естество эманациям Щита.

— Пожалуй... Когда я буду один... Но какая-то утечка существует все время. Те семеро, чье присутствие необходимо, чтобы ее прекратить, узнают об этом и примут меры. Нет причин для дурных предчувствий или беспокойства.

— Нет, есть. Если кто-то из этой семерки не в состоянии отозваться.

Собеседник широко раскрыл глаза.

— Я тебе не верю, — сказал он.

Джек пожал плечами.

— Когда ты предположил мне свое... гм... гостеприимство, я искал тихое местечко, откуда мог бы высадиться. Конечно, проверить это очень легко.

— Почему же ты раньше молчал?

— Почему? — переспросил Джек. — Если я должен был сойти с ума, то какое мне дело, продолжит ли свое существование остальной мир или тоже погибнет?

— Весьма эгоистическая позиция, — сказал Повелитель Нетопырей.

— Такова моя позиция, — сказал Джек и звякнул бубенчиками.

— Полагаю, надо проверить твою историю, — его собеседник со вздохом поднялся.

— Я подожду здесь, — сказал Джек.

Повелитель Нетопырей отвел его в зал с высоким потолком, находившийся за железной дверью, и там перерезал его путы.

Джек осмотрелся. На мозаичном полу он заметил знакомые символы, по углам — кучи тряпья, темные занавеси на стенах. В центре зала находился маленький алтарь, а рядом — столик с инструментами. Пахло ладаном.

Джек шагнул вперед.

— Твое имя странным образом попало в Расчетную Книгу, — сказал Повелитель Нетопырей. — А другое имя было вычеркнуто.

— Возможно, ангелы-хранители передумали.

— Насколько мне известно, раньше такого не бы-

вало. Но если ты — один из семи избранных, пусть будет так. Послушай, что я скажу, прежде чем отправишься нести свою службу у Щита.

Он хлопнул в ладоши, и занавес зашевелился. Вошла Айвин. Она подошла к своему господину и стала рядом с ним.

— Хотя для этого понадобится твоя Сила, — сказал он Джеку, — не думай, что она столкнется с моей здесь, в Хай-Даджен. Скоро мы зажжем огни и появятся тени. Даже если я недооценил тебя, знай, что у моей леди были годы, чтобы изучить Искусство и что она оказалась исключительно одаренной. Попробуй только устроить что-либо помимо того, зачем я тебя сюда привел, и мы с ней объединим свое умение. Неважно, в чем ты уверился, — она — не двойник.

— Знаю, — сказал Джек. — Двойники не плачут.

— Когда это ты видел, чтобы Айвин плакала?

— Спросишь ее когда-нибудь.

Когда он посмотрел на алтарь и пошел вперед, она опустила глаза.

— Я лучше начну. Будьте любезны, станьте в малый круг, — сказал он.

Он по очереди раздувал угли в десяти чашах, которые стояли в три ряда — три чаши, четыре и три. Джек добавил ароматические порошки, и они вспыхнули, пуская разноцветный дым. Потом он прошел в дальний конец алтаря и начертил на полу лезвием железного ножа узор. Он заговорил, и тень его разделилась на несколько теней, потом снова собралась в одно целое, заколебалась, застыла, потемнела и, словно бесконечная дорога на восток, простерлась через зал. Несмотря на мигающий свет, она после этого уже не двигалась и потемнела настолько, что казалось, обрела глубину.

Джек услышал, как Повелитель Нетопырей шепнул Айвин:

— Мне это не нравится! — и быстро посмотрел в их сторону.

Стоя в кругу, в мигающем свете и клубящемся дыму, он, казалось, становился все темнее и двигался все увереннее. Когда он взял с алтаря маленький колокольчик и зазвонил в него, Повелитель Нетопырей крикнул: «Перестань!» — но не нарушил малый круг, потому что возникло ощущение присутствия в зале кого-то еще — напрягшегося, приглядывающегося.

— Ты прав в одном, — сказал Джек. — Что касается Искусства, — ты — мой хозяин. Я не собираюсь скрестить с тобой мечи, тем более там, где ты — властелин. Скорее — я просто хочу на некоторое время занять тебя и обеспечить свою безопасность. Вам, даже обоим вместе потребуется несколько минут, чтобы сломить Силу, которую я здесь накопил... Ах, тогда вам будет о чем подумать помимо этого. А, вот!

Он схватил за ножку ближайшую чашу и швырнул ее через весь зал. Угли рассыпались по тряпью. Оно загорелось, и языки пламени лизнули края занавесей. Джек продолжал:

— Меня не призывали нести службу у Щита. Когда обломки стола обугливались в пламени свечи, горевшей у нас за обедом, я изменил запись в Расчетной Книге. Запись, которую ты обнаружил, — моих рук дело.

— Ты посмел нарушить Великий Договор и играть судьбами мира?

— Да, — сказал Джек. — Какой прок от мира сумасшедшему? Ты же хотел свести меня с ума. А на договор мне наплевать.

— Значит, отныне ты навсегда становишься вне закона, Джек. Не считай своим другом никого из людей тьмы.

— Я никогда и не считал.

— Договор и его исполнитель, Книга, — единственное, к чему мы все относились с почтением... Всегда относились с почтением. Несмотря на все прочие различия, Джек. Теперь ты в итоге движешься к своему уничтожению.

— Ты здесь и так чуть меня не уничтожил. А таким образом я могу с тобой распрощаться.

— Я уничтожу то представление о тебе, которое ты создал, и потушу пламя, которое ты зажег. Потом я восстановлю против тебя полмира. У тебя больше не будет ни минуты покоя. Ты кончишь свою жизнь несчастным.

— Ты однажды убил меня. Ты отнял мою женщину и сбил ее с пути. Ты сделал меня своим пленником, носил меня на шее, напускал на меня Борчина. Знай, когда мы снова встретимся, не меня будут пытать и сводить с ума. У меня длинный список... и ты возглавляешь его.

— Мы встретимся снова, Джекки-тень, может, даже через несколько минут. Тогда ты сможешь позабыть о своем списке.

— О, ты сказал «список». Это напомнило мне кое о чем. Тебе интересно узнать, чье имя я вычеркнул, когда вносил в Книгу свое?

— Что же это было за имя?

— Как ни странно — твое. Право, тебе нужно почаще выбираться из дома. Если бы ты не сидел тут постоянно, то ощутил бы холод, обратил бы внимание на Щит и прочел бы запись в Книге. Потом ты отправился бы нести службу у Щита, а я не стал бы твоим пленником, и всех этих неприятностей можно было бы избежать. Отсюда мораль: побольше упражнений на свежем воздухе. Так-то.

— Тогда ты стал бы пленником барона или опять вернулся бы в Глив.

— Спорный вопрос, — сказал Джек, бросив взгляд через плечо. — Теперь занавес занялся, как надо, и можно отправляться. Через... скажем, три сезона, может, меньше, как знать?.. Когда бы ни закончилась твоя служба у Щита, ты, конечно же, отыщешь меня. Если сразу не получится, не теряйся. Добивайся своего. Когда я буду готов, мы встретимся. Я отберу у тебя Айвин. Я отберу у тебя Хай-Даджен. Я уничтожу твоих нетопырей. Я буду смотреть, как ты идешь от жизни к смерти и обратно — не один раз. Ну, а пока прощай.

Он повернулся и пристально осмотрел свою тень.

— Я не буду твоей, Джек, — услышал он голос Айвин. — Все, что я говорила, правда. Я скорее убью себя, чем стану твоей.

Джек глубоко вдохнул ароматный воздух, потом сказал:

— Посмотрим.

И шагнул вперед, в тень.

VI

С сумкой за плечами Джек шел на восток, а небо тем временем просветлело. Воздух был прохладным, меж серых трав вились струйки тумана. Туманом были полны долины и глубокие ущелья. Сквозь прозрачную пелену облаков пробивался свет звезд. Налетавшие с ближайшего озера ветерки влажно бились о каменистую почву.

Джек на минуту остановился и перебросил ношу на правое плечо. Он обернулся и посмотрел на страну тьмы, которую покидал. Шел он быстро и ушел далеко. Но нужно было уйти еще дальше. С каждым шагом, который Джек делал к свету, силы его врагов, способные сокрушить его, ослабевали. Вскоре он станет для них недосягаем. Но враги и дальше будут искать его; они не забудут. Значит, удрав, он поступил правильно, он будет тосковать по царству тьмы с его жестокостью и колдовством, восторгами и чудесами. Оно было его жизнью: в нем было и то, что он ненавидел, и то, что любил. Джек знал, что ему придется вернуться и принести с собой то, что удовлетворит оба эти чувства.

Повернувшись, он продолжил свой путь.

Тени перенесли его в тайник неподалеку от Сумеречных Земель, где он хранил накопленные за многие годы магические рукописи. Он бережно завернул их и понес с собой на восток. Как только он попадет в Сумеречные Земли, то окажется в безопасности, а когда минует их, то будет вне всякой опасности.

Карабкаясь, он пробирался по Рениссалским горам. Там, где горная цепь ближе всего подходила к Сумеречным Землям, Джек увидел самую высокую гору — Паникус.

Поднявшись выше тумана, Джек увидал вдали

неясный силуэт Утренней Звезды на фоне Эвердон — Вечного Рассвета. Там, на своем утесе, Утренняя Звезда лежал неподвижно, с поднятой головой, лицом к востоку. Непосвященному он показался бы скульптурой, созданной ветром на вершине Паникуса. В самом деле, больше чем наполовину он был камнем, его кошачий торс был со скалой одним целым. Сложенные крылья были прижаты к спине, Джек знал, хотя подходил к нему сзади, что руки Утренней Звезды все еще скрещены на груди, левая поверх правой; что ветер не спутал его похожие на проволоку волосы и бороду и что лишенные век глаза все еще уставлены на восточный горизонт.

Тропинки не было. Последние несколько сот футов подъема Джеку пришлось преодолевать почти отвесный каменный склон. Тени здесь были густыми, и Джек как всегда шагал вверх, будто шел по равнине. Не успел он достичь вершины, как вокруг завизжали ветры, но они не заглушили голос Утренней Звезды, который шел словно из недр горы.

— Доброе утро, Джек.

Тот стоял слева от него и смотрел наверх, где черную, как покинутая им ночь, голову Утренней Звезды закрыло облачко.

— Утро? — сказал Джек.

— Почти. Всегда почти утро.

— Где?

— Везде.

— Я принес тебе выпить.

— Я пью дождевую воду из туч.

— Я принес вино, сделанное из винограда.

Огромная, испещренная шрамами от ударов молний фигура тут же повернулась к нему, рога склонились вперед. Джек отвел взгляд от немигающих глаз, цвет которых никак не мог запомнить. В глазах, никогда не видевших того, на что должны были бы смотреть, есть что-то жуткое.

Он опустил левую руку, и перед Джеком оказалась покрытая шрамами ладонь. Джек поставил на нее мех с вином. Утренняя Звезда поднял его, выпил и уронил к ногам Джека. Он утер рот тылом ладони, легко срыгнул и снова уставился на восток.

— Что тебе нужно? Джек-из-Тени? — спросил он.

— От тебя? Ничего.

— Тогда почему же ты всякий раз, как идешь этой дорогой, приносишь мне вино?

— По-моему, ты его любишь.

— Да.

— Ты, наверное, мой единственный друг, — сказал Джек. — У тебя нет ничего, что мне хотелось бы украсть. У меня нет ничего, что тебе было бы действительно нужно.

— Может, тебе жаль меня? Я ведь привязан к этому месту.

— Что такое жалость? — спросил Джек.

— То, что удерживает меня здесь в ожидании зари.

— Ну, так во мне ее нет, — сказал Джек, — потому что у меня есть нужда не сидеть на одном месте.

— Знаю. Полмира узнало, что ты нарушил Договор.

— А знают они почему?

— Нет.

— А ты?

— Конечно.

— Откуда?

— По форме облака я узнал, что далеко отсюда, в одном городе три сезона спустя кто-то поссорится с женой и убийцу повесят раньше, чем я закончу говорить. Падает камень, и по его падению я узнаю, сколько девиц лишилось чести и как движутся айсберги на другом конце света... По тому, каков ветер, я определяю, куда в следующий раз ударит молния. Я так долго смотрел и настолько сам часть всего этого, что от меня ничего нельзя скрыть.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Да.

— А что я буду там делать?

— И это тоже.

— Тогда, если знаешь, скажи — сбудется ли мое желание.

— Твой план удастся, но к тому времени может получиться так, что ты уже захочешь совсем другого.

— Я не понимаю тебя, Утренняя Звезда.

— Я знаю и это. Но так со всеми оракулами,

Джек. Когда происходит то, что было предсказано, вопрошавший стал совсем другим человеком, не таким, каким был, когда задавал вопрос. Невозможно заставить человека понять, каким он станет с течением времени, а тот, для кого пророчество действительно верно, всего лишь его будущее «я».

— Очень мило, — сказал Джек. — Но я-то — не смертный. Я — человек тьмы.

— Вы все смертны, неважно, какую часть мира зовете своей родиной.

— Я не меняюсь. У меня нет души.

— Меняешься, — сказал Утренняя Звезда. — Все, что живет, меняется или умирает. Ваш народ холоден, но ваш мир — теплый, имеющий и обаяние, и очарование, и чудеса. Вы не можете понять тех, кто обитает на освещенной стороне планеты, — но их наука так же холодна, как ваши сердца. Они бы приняли ваш мир, если бы так его не боялись, а вам пришлись бы по вкусу их чувства, если бы не та же причина. Тем не менее, в каждом заложены способности. Только страх мешает открыть дорогу пониманию — ведь вы зеркальное отражение друг друга. Поэтому не говори мне о душе, человек. Ты никогда ее не видел.

— Ты прав. Я не понимаю.

Джек уселся на камень и стал смотреть на восток вместе с Утренней Звездой.

Через некоторое время он сказал:

— Ты говоришь, что ждешь здесь рассвета, чтобы увидеть, как над горизонтом встает солнце.

— Да.

— Мне кажется, тебе придется ждать вечно.

— Возможно.

— Ты не знаешь? Я думал, ты знаешь все.

— Многое — но не все. Это не одно и то же.

— Тогда скажи мне вот что. Я слышал, что смертные считают сердце земли расплавленным демоном; говорят, когда спускаешься к нему, жар усиливается. Если земная кора лопнет, вырвутся языки пламени, а расплавленные минералы образуют вулканы. А я знаю, что вулканы — дело рук духов огня, которые, если их побеспокоить, плавят вокруг себя почву и выбрасывают ее наверх. Живут они в малень-

ких норках. Мимо них можно спуститься довольно далеко, и жара усиливаться не будет. Если зайти достаточно далеко, попадешь в самое сердце земли — оно вовсе не расплавленное. Там находится Машина с огромными пружинами, как в часах; с механизмами, рычагами, противовесами. Я знаю, что это правда, поскольку бывал в тех краях и был неподалеку от Машины. Но смертные все равно находят способ доказать, что верна их точка зрения. Один человек почти убедил меня, хотя я-то знал лучше. Как такое может быть?

— Вы оба были правы, — сказал Утренняя Звезда. — И говорили об одном, хотя ни один из вас не видит того, что есть на самом деле. Все вы расцвечиваете реальность в соответствии со своими средствами наблюдений за ней. А если понаблюдать за ней невозможно, вы ее боитесь. Иногда вы непостижимо приукрашиваете ее. Для тебя это Машина. Для них — демон.

— Я знаю, что звезды — прибежище духов и богов... Иногда дружественных, иногда нет, а чаще — равнодушных. Все они рядом, их легко отыскать. Если правильно воззвать к ним, они откликнутся. А те, кто живет на дневной стороне планеты, твердят, что звезды очень далеко и ничего разумного там нет. Опять...

— Опять это не что иное, как два способа видеть реальность. И оба — верные.

— Если существует два способа, может ли не быть третьего? Или четвертого? Или, получается, что их столько же, сколько людей?

— Да, — сказал Утренняя Звезда.

— Тогда какой же из них правильный?

— Все.

— Но можно ли, несмотря на это, видеть все так, как оно есть на самом деле?

Утренняя Звезда не ответил.

— А ты, — сказал Джек. — А ты видел реальность?

— Я вижу облака и падающие камни. Я чувствую ветер.

— Но по ним ты каким-то образом узнаешь про остальное?

— Я... Однажды... Я жду восхода солнца. Вот и все.

— Ты знаешь, куда я иду и что собираюсь делать, — сказал Джек немного спустя. — Ты знаешь, что произойдет и каким я стану много позже. Ты способен видеть все это отсюда, со своей горы. Может быть, ты даже знаешь, когда я, наконец, умру в последний раз и как это случится. Из-за тебя моя жизнь начинает казаться бесполезной, а рассудок — чем-то, что просто существует и не в состоянии влиять на события.

— Нет, — сказал Утренняя Звезда.

— Я чувствую, ты сказал это просто, чтобы я не был несчастен.

— Нет. Я сказал это потому, что на твою жизнь падают тени, сквозь которые я не могу пробиться.

— Почему не можешь?

— Может быть, наши жизни каким-то образом переплетаются. От меня всегда скрыто то, что влияет на мое существование.

— В любом случае, это кое-что, — сказал Джек.

— ...Или это, может быть, потому, что, когда ты получишь то, что ищешь, то станешь непредсказуемым.

Джек рассмеялся.

— Это будет приятно, — сказал он.

— Возможно, не так приятно, как ты думаешь.

Джек пожал плечами.

— Как бы там ни было, выбора у меня нет — я могу только ждать. А там посмотрим.

Далеко внизу, слева от него, слишком далеко для того, чтобы услышать мерный рев, водяной вал промчался сотни футов и исчез за остроконечной скалой. Еще ниже, на равнине, через сумрачный лес текла широкая река. Еще дальше, на берегу, Джек увидал дымы деревни. На мгновение, непонятно почему, ему захотелось пройтись по ней, заглядывая во все дворы и окна.

— Почему же, — спросил он, — Упавшая Звезда, который дал нам знание Искусства, не дал его и смертным тоже?

— Может быть, — сказал Утренняя Звезда, — те смертные, что наиболее склонны к теологии, спраши-

вают, отчего он не дал людям тьмы знание науки. Какая разница? Я слышал, что ни то, ни другое не было даром Упавшей Звезды, что это — изобретение человека и что его дар, скорее, заключался, в разуме, сознании, которое само создает свои собственные системы.

Потом, пыхтя, сопя и сильно пульсируя темно-зелеными сосудами, на их каменный уступ опустился дракон. Они не услышали его приближения из-за ветра. Он лежал, часто выдыхая короткие языки пламени. Через некоторое время, глаза, похожие на красные яблоки, повернулись вверх.

— Здравствуй, Утренняя Звезда, — сказал дракон шелковым голосом. — Надеюсь, тебе не помешает, если я тут минутку отдохну. Ш-ш-ш! — он выдохнул длинный язык пламени, осветив весь уступ.

— Отдыхай, ладно, — сказал Утренняя Звезда.

Дракон заметил Джека, сосредоточился на нем и не отводил взгляд.

— Я стал слишком стар, чтобы перелететь через эти горы, — сказал он. — Но ближайшее стадо овец пасется возле деревни на той стороне.

Джек поставил ногу в тень, которую отбрасывал Утренняя Звезда, и спросил:

— Так почему ты не переберешься на ту сторону?

— Мне причиняет беспокойство свет, — ответил дракон. — Мне нужно отлеживаться в темноте.

И спросил Утреннюю Звезду:

— Это твой?

— Что — мой?

— Человек.

— Нет. Он сам по себе.

— Тогда я смогу сэкономить силы на путешествии и заодно очистить твой уступ. Он больше овцы, хотя, несомненно, не такой вкусный.

Когда дракон выдохнул в его сторону огненный факел, Джек полностью переместился в тень. Он вздохнул, и пламя исчезло. Джек выпустил его назад в дракона.

Тот удивленно фыркнул, прижимая крылья к увлажнившимся глазам. Тогда тень подползла к нему и упала ему на морду. Это пресекло вторую попытку испепелить Джека.

— Ты! — сказал дракон, глядя на укутанную в тени фигуру. — Я думал, ты — житель Сумеречных Земель, пришедший надоедать бедняге Утренней Звезде. Но теперь я узнал тебя. — Ты — тот неизвестный, который ограбил мою тайную сокровищницу. Что ты сделал с моей диадемой из светлого золота с бирюзой и моими четырнадцатью серебряными браслетами великолепной работы, с мешком лучших драгоценных камней числом двадцать семь?

— Теперь это — часть моих сокровищ, — сказал Джек, — а сейчас тебе лучше отправиться в дорогу. Хоть ты и больше куска баранины и, несомненно, не такой вкусный, я могу тобой разговеться.

Он опять выдохнул пламя, и дракон подался назад.

— Прекрати! — сказал дракон. — Дай мне отдохнуть здесь еще немного, и я отправлюсь.

— Сейчас же! — сказал Джек.

— Ты жесток, человек-тень. — Дракон вздохнул. — Ну ладно.

Он поднялся, балансируя длинным хвостом и пыхтя, вразвалку направился к краю. Оглянувшись, он сказал:

— Ты полон ненависти! — и, перевалившись через край, исчез из вида.

Джек подошел к краю и смотрел, как дракон падает. Когда казалось, что сейчас он разобьется насмерть о склон горы, дракон расправил крылья и, подхваченный воздушным потоком, набрал высоту и скользнул по направлению к деревеньке на берегу реки в лесу.

— Удивительно, зачем нужен разум, — сказал Джек, — если он не меняет природы зверя.

— Этот дракон когда-то был человеком, — сказал Утренняя Звезда. — Алчность сделала его таким, каков он сейчас.

— Это мне знакомо, — сказал Джек, — поскольку, коротко говоря, однажды мне пришлось быть крысой.

— Тем не менее, ты одолел свою страсть и вернулся к людям, — как, возможно, в один прекрас-

ный день вернется и он. С помощью своего разума ты преодолел кое-что из того, что заставляет тебя быть предсказуемым. Разум обычно меняет своего обладателя. Почему ты не убил дракона?

— Ни к чему было, — начал Джек. Потом рассмеялся: — Его труп провонял бы тебе все скалы.

— Может, ты решил, что нет необходимости убивать того, кого не собираешься съесть или того, кто на самом деле тебе не угрожает?

— Нет, — сказал Джек, — поскольку теперь я несу ответственность за смерть овцы и за то, что в будущем кто-то из жителей деревни останется без пищи.

Чтобы распознать возникший звук, Джеку понадобилось несколько секунд. Раздался звенящий, клацающий шум. Утренняя Звезда сжал зубы. Налетел холодный ветер. Свет на востоке потускнел.

— ...Может быть, ты был прав, — услышал он тихий голос Утренней Звезды, словно тот обращался не к нему, — насчет разума.

И он слегка наклонил большую темную голову.

Джек чувствовал неловкость и не смотрел на него. Он следил взглядом за немигающей белой звездой, которая всегда его тревожила. Она пересекала небо на востоке справа налево.

— Тот, кто управляет этой звездой, — сказал Утренняя Звезда, — противится любому общению. Она движется не так, как другие, быстрее. Она не мерцает. Почему?

— Это — не настоящая звезда, это искусственный объект, помещенный на орбиту Твилайта учеными с дневной стороны.

— Для чего?

— Чтобы наблюдать за границами.

— Зачем?

— Ты ее боишься?

— У нас нет никаких таких штук на их стороне.

— Я знаю. Но разве ты сам не наблюдаешь за границами — по-своему? — спросил Джек.

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы знать обо всем, что пересекает ее.

— И только? — фыркнул Джек. — Если эта штука и вправду летает над Твилайтом, то она будет подчиняться волшебству так же, как своим законам. Достаточно сильное заклятие ее достанет! Когда-нибудь я сшибу ее оттуда.

— Зачем? — спросил Утренняя Звезда.

— Чтобы показать, что мое волшебство сильнее их науки... Станет сильнее в один прекрасный день.

— Поиски превосходства не пойдут на пользу ни одной из сторон.

— Пойдут — если оказаться на стороне, у которой пальма первенства.

— И все-таки, чтобы рискнуть, ты воспользуешься их методами.

— Я буду пользоваться всем, что понадобится для достижения моей цели.

— Интересно, каков будет результат.

Джек отошел к восточному склону вершины, перепрыгнул через край, отыскал ногой выступ и посмотрел наверх.

— Ладно. Ждать с тобой восхода солнца я не могу. Мне надо идти... и стащить вниз эту штуковину. Пока, Утренняя Звезда.

— Доброе утро, Джек.

С мешком на плече, словно разносчик, Джек пошел навстречу свету. Он прошел через разрушенный город Дедфут и даже не поглядел на опутанные паутиной изваяния бесполезных богов — его самую главную достопримечательность. С их алтарей красть было нечего. Плотно обернув голову шарфом, он торопливо прошел по знаменитой Улице Поющих Статуй, каждая из которых, будучи по натуре индивидуалисткой, заслушав шаги, начинала свою собственную песню. Перестав, наконец, бежать (а было это много позже), Джек вышел из города запыхавшись, отчасти оглохнув и с больной головой.

Опустив кулак, он растерял слова и замер на середине проклятия. Он не мог придумать, какую кару призвать на эти заброшенные руины, чтобы она была для них внове.

«Когда я стану править, все будет иначе, — решил он. — Города не будут строиться так хаотично, чтобы потом превращаться в такое».

Править?

Мысль была непрошеной.

«А почему бы и нет? — спросил он себя. — Если я обрету силу, которую ищу, почему бы не использовать ее для достижения всего, чего я ни пожелаю? Потом, когда я отомщу, мне придется иметь дело со всеми, кто сейчас против меня. Почему бы не выступить в роли завоевателя? Я — единственный, чьи силы не сосредоточены в определенном месте. Если только я заполучу Утерянный Ключ — Кольвинию, — то сумею выгнать всех прочих с их земель. Наверное, я все время думал об этом. Я награжу Розали за то, что она подсказала мне путь... А к своему списку я кое-кого добавлю. Отомстив Повелителю Нетопырей, Бенони, Смейджу, Квазеру и Блайту, я доберусь до барона, а также прослежу за тем, чтобы у Бессмертного Полководца появились причины сменить имя».

Джека забавляло, что, помимо прочего, в его мешке лежали те самые рукописи, что были украдены у Повелителя Нетопырей. Какое-то время Джек действительно прикидывал, не предложить ли их в обмен за свою свободу. Единственная причина, по которой он этого не сделал, заключалась в осознании того, что либо Повелитель Нетопырей примет их, но его не выпустит, либо — что было бы еще хуже — станет торговаться. Необходимость вернуть украденное стала бы для Джека самой большей потерей лица, чем когда-либо. А избежать этого можно было только сделав то, чем он теперь занимался: получив силу, которая даст ему удовлетворение. Конечно, без рукописей, это было бы куда труднее и...

У него закружилась голова. Он решил, что был прав, поговорив с Утренней Звездой. Головная боль была результатом того, что в его сознании возник диссонанс, подобный шуму от двух сотен статуй Дедфута.

Вдали, справа от него, опять появился спутник жителей дневной стороны планеты. По мере того, как Джек шел вперед, становилось светлее. В далеких полях курились дымки. Он заметил впереди первые ростки зелени. Облака на востоке засветились ярче. Впервые за много лет его слуха достигла песня птицы, а когда он отыскал на ветках певца, то увидел яркое оперение.

Добрый знак, решил Джек, когда тебя встречают песней.

Он затоптал костер, забросал его вместе с косточками и перьями и двинулся навстречу дню.

VII

Примерно в середине семестра Джек ощутил медленное приближение враждебной Силы. Каким образом, он не был уверен. Здесь, казалось, его восприятие было ограничено так же, как у его товарищей. Тем не менее, нечто искало Джека — ощупью, прячась, петляя, возвращаясь и снова выправляя свой путь. Джек это знал. Что касается природы этого, у Джека не было на этот счет ни малейшего представления. Хотя в моменты, подобные этому, он с недавних пор ощущал, что враг все ближе.

Джек прошел восемь кварталов от университетского городка к Дагауту, минуя высокие здания с окнами, похожими на дырочки в перфокарте, по улицам, где, несмотря на прошедшие годы, выхлопные газы все еще были невыносимыми для его носа. Он, петляя, шел по улицам. На тротуарах валялись банки из-под пива, а из промежутков между домами вываливался мусор. Из окон, с лестниц, из дверей люди с равнодушными лицами наблюдали, как он проходит. Высоко над головой небо разрезал пассажирский лайнер, а потом вечно неподвижное солнце попыталось пригвоздить его к раскаленной мостовой, не давая тени. Возившиеся у открытого пожарного крана дети бросили игру и смотрели, как он идет мимо. Потом появилось что-то вроде намека на ветер, журчание воды, под одним из карнизов раздался хриплый птичий крик. Он швырнул сигарету в сточную канаву и стал смотреть, как окурок уплывает. «Везде сплошной свет, никакой тени, — подумал он. — Странно, никто ничего не заметил. Где же я это оставил?..»

Там, где свет был тусклее, кое-что переменилось. То ли нечто пришло в этот мир, то ли исчезло из него. Поэтому возникло неосознанное чувство разоб-

щенности — его не было, когда день сиял во всей красе. С ним возникли и другие чувства и образы. Словно тени, несмотря на его невосприимчивость к ним, все еще пытались воззвать к нему. Потому-то, заходя в малоосвещенный бар, Джек понял, что нечто, искавшее его, приближается.

Когда он очутился на окраине Дагаута, дневная жара спала. Там в падавшем сквозь стекло розовом свете свечи он заметил темные волосы, тронутые кое-где оранжевыми отсветами. Пробираясь между столиками, он почувствовал, как спадает напряжение — в первый раз с тех пор, как он оставил свою аудиторию.

Он проскользнул в кабину напротив нее и улыбнулся.

— Привет, Клэр.

Она уставилась на него, широко раскрыв темные глаза.

— Джон! Ты в своем репертуаре, — сказала она. — Просто раз — и вот он ты.

Джек продолжал улыбаться, разглядывая ее тяжеловесные черты, след от очков, легкую припухлость под глазами, несколько упавших на лоб соломенных прядей.

— Как коммивояжер, — сказал он. — А вот и официант.

— Пиво.

— Пиво.

Оба со вздохом откинулись на спинки стульев и стали смотреть друг на друга.

Потом она засмеялась.

— Ну и год! — заявила она. — До чего же я рада, что семестр кончился!

Он кивнул.

— Все еще самый большой выпускной класс...

— ...И несданные книжки, которых мы уже не увидим.

— Поговори с кем-нибудь из канцелярии, — сказал он. — Подай им список...

— Выпускники игнорируют штрафы.

— Когда-нибудь им понадобятся копии диплома. Если они начнут просить их, поставь их перед фактом, что они ничего не получат, пока не расплатятся.

Она наклонилась вперед.

— Хорошая мысль!

— Конечно. Если речь пойдет об устройстве на работу, они родят эти книги.

— Когда ты устраивался на кафедру антропологии, ты не услышал зов. Тебе надо было стать администратором.

— А почему ты говоришь в прошедшем времени? — спросила она.

— Не знаю.

— Случилось что-нибудь?

— Честное слово, ничего.

Но ощущение оставалось. Уже близко...

— Твой контракт, — сказала она. — Были какие-нибудь неприятности?

— Нет, — сказал он. — Никаких.

Принесли пиво. Он взял свою кружку и начал пить. Скрестив под столом ноги, он коснулся ноги Клэр. Она не отодвинулась — но, в конце концов, она всегда вела себя так. «Со мной ли, с кем-то другим, — подумал Джек. — Хорошая девочка, но слишком хочет замуж. За семестр она потеряла со мной всякое терпение. Теперь в любой день...»

Он отбросил эту мысль. Встреть он ее раньше, он мог бы жениться на ней, потому что, возвращаясь туда, где он должен был быть и оставляя жену здесь, был бы абсолютно спокоен. Но он встретил ее только в этом семестре, а его дело близилось к завершению.

— Как насчет часов по субботам, о которых ты говорил? — спросила она. — Уже что-нибудь решил?

— Не знаю. Это зависит кое от каких исследований, которыми я как раз сейчас занят.

— И насколько ты продвинулся?

— Узнаю, когда получу машинное время. Я поэтому и пришел.

— Скоро?

Он посмотрел на часы и кивнул.

— Так скоро? — спросила она. — Если результат будет благоприятным?..

Он закурил.

— Тогда это может случиться в следующем семестре, — сказал он.

— Но ты говорил, что твой контракт...

— ...в полном порядке, — сказал он. — Но я его не подписал. Еще не подписал.

— Ты как-то сказал, что тебе кажется, будто Квилиэн тебя не любит.

— Не любит. Он старомоден. Ему кажется, что я провожу слишком много времени у компьютера. И слишком мало в библиотеках.

Она улыбнулась.

— Я тоже.

— Как бы там ни было, я слишком популярный лектор, чтобы не предложить мне возобновить контракт.

— Тогда почему ты не подписал его? Хочешь прибавки?

— Нет, — сказал он. — Но если я попрошу часы по субботам, забавно будет сказать ему, чтобы он выкинул этот контракт. Не то чтобы я отказался подписать контракт и ушел, если это нужно будет для моих исследований, но я с удовольствием скажу доку Квилиэну, куда ему запихать его предложение.

Она потягивала свое пиво.

— Значит, у тебя на подходе что-то важное?

Он пожал плечами.

— Как твой семинар?

Она рассмеялась.

— Ты — как кость в горле у профессора Уизертона. Он почти всю лекцию посвятил тому, чтобы расправиться с твоим курсом «Философия и обычаи царства тьмы».

— Мы расходимся во мнении по многим вопросам, но он никогда там не бывал.

— Он намекал, что ты тоже. Он согласен с тем, что там феодальное общество и что некоторые из тамошних лордов действительно могут считать, будто в своих владениях имеют непосредственную власть над всем. Он отрицает саму идею их объединения Договором, который основан на положении, что небеса упадут, если их не поддерживать чем-то вроде Щита, сотрудничая в области магии.

— Но что же тогда поддерживает жизнь в этой части мира?

— Кто-то задал такой вопрос. Он сказал, что это

проблема для физиков, а не для социологов-теоретиков. Хотя лично он считает, что к этому имеет отношение утечка энергии из наших силовых экранов на больших высотах.

Джек фыркнул.

— Надо бы взять его разок в экспедицию. И его дружка Квилиэна тоже.

— Я знаю, что ты бывал в царстве тьмы, — сказала она. — Фактически я думаю, что твоя связь с ним куда сильнее, чем ты говоришь.

— Это как?

— Если бы ты сейчас мог себя видеть, ты бы понял. Я долго не могла сообразить, в чем дело, но когда заметила, отчего у тебя в таких местах, как это, странный вид, все стало ясно... Твои глаза. Они более чувствительны к свету, чем у всех, кого мне приходилось видеть раньше. Стоит тебе попасть из света в полумрак, как здесь, и зрачки делаются огромными. Вокруг них остается только тоненькая полоска радужки. И еще я заметила, что темные очки, которые ты почти не снимаешь, куда темнее обычных.

— У меня глаза не в порядке. Вижу я неважно, а яркий свет раздражает.

— Вот я и говорю.

В ответ он улыбнулся.

Джек смял сигарету, и, словно это было сигналом, из колонки высоко над ним раздалась тихая расслабляющая музыка. Он отхлебнул еще глоток.

— Я полагаю, Уизертон фотографировал выкапывание трупов?

— Да.

«А если я умру здесь? — подумал он. — Что будет со мной? Лишусь ли я Глива и возвращения?»

— Что-то не так? — спросила она.

— В смысле?

— У тебя раздуваются ноздри. А брови нахмурены.

— Ты слишком много на меня смотришь. Все из-за этой жуткой музыки.

— Мне нравится на тебя смотреть, — сказала она. — Давай допьем и пойдем ко мне. Я сыграю тебе что-нибудь другое. И потом, у меня есть кое-что,

что я бы хотела показать тебе. И спросить тебя об этом.

— Что?

— Давай подождем.

— Ладно.

Они допили пиво, и Джек расплатился. Они ушли. Когда они вышли на свет, его опасения уменьшились.

Они поднялись на третий этаж и вошли в ее квартиру. Едва переступив порог, Клэр остановилась и тихонько откашлялась.

Джек, быстро передвинувшись влево, протиснулся мимо нее и остановился.

— Что это? — спросил он, обшаривая комнату взглядом.

— Я уверена, что, когда я уходила, этого не было. Бумаги на полу... По-моему, этого стула здесь не было. И ящик был закрыт. И дверца шкафа...

Он вернулся к ней, поискал царапины на дверном замке и не нашел. Тогда он пересек комнату. Когда он зашел в спальню, она услышала звук, который мог быть только щелканьем складного ножа.

Через минуту он вышел, исчез в соседней комнате, а оттуда пошел в ванную. Когда он снова появился, то спросил:

— Окно возле столика было открыто, как сейчас?

— Наверное, — сказала она. — Наверное, да.

Он вздохнул. Потом осмотрел подоконник и сказал:

— Может быть, бумаги сбросило порывом ветра. Что касается ящика и шкафа, держу пари, ты утром сама оставила их открытыми. И, вероятно, забыла, что переставила стул.

— Я очень педантичный человек, — сказала она, закрывая входную дверь. А потом обернулась и добавила:

— Но я думаю, ты прав.

— Почему ты нервничаешь?

Она ходила по комнате, собирая бумаги.

— Откуда у тебя нож? — спросила она.

— Какой нож?

Она захлопнула шкаф, повернулась и посмотрела на него.

— Который был у тебя в руке минуту назад!

Он вытянул руки ладонями кверху.

— У меня нет ножа. Если хочешь, обыщи меня. Оружия ты не найдешь.

Она подошла к комоду и задвинула ящик. Нагнувшись, Клэр открыла нижний ящик и вынула что-то завернутое в газету.

— Это не все, — сказала она. — Почему я нервничаю? Вот почему!

Она положила сверток на стол и развязала веревочку.

Джек подошел к ней и смотрел, как она разворачивает газеты. Внутри оказались три очень старые книги.

— Я думал, ты уже забрала их обратно!

— Я собиралась...

— Мы же договорились!

— Я хотела узнать, где и как ты их заполучил.

Он покачал головой.

— А еще мы договорились, что если мне надо будет их вернуть, ты не станешь задавать подобных вопросов.

Она уложила книги рядком. Потом указала на корешок одной из них и на обложку другой.

— Раньше тут этого не было, я уверена, — сказала она. — Это же пятна крови, правда?

— Не знаю.

— Я пыталась сырой тряпкой стереть пятна поменьше, и то, что сошло, было очень похоже на засохшую кровь.

Он пожал плечами.

— Когда я сказала тебе, что эти книги были украдены из Хранилища Редких Книг, ты предложил вернуть их, и я сказала — о'кей.

Она продолжала:

— Я согласилась, что если ты хочешь их вернуть, я прослежу, чтобы возврат был анонимным. Никаких вопросов. Но я и подумать не могла, что это означало кровопролитие. Одни только пятна не заставили меня бы подумать, что произошло именно это. Но тогда я начала задумываться о тебе и поняла, как мало я на самом деле знаю. Тогда-то я и начала замечать вещи вроде твоих глаз, того, как тихо ты двигаешь-

ся. Я слыхала, что ты в дружбе с преступниками... но тогда ты написал несколько статей по криминологии и преподавал курс этого предмета. То есть тогда, когда я задумывалась об этом, это казалось нормальным. Теперь я вижу, как ты с ножом в руке расхаживаешь по комнатам, явно готовый убить того, кто сюда залез. Ни одна книга не стоит человеческой жизни. Наш договор потерял силу. Расскажи, как они к тебе попали.

— Нет, — сказал он.

— Я должна знать.

— Ты устроила эту сцену к нашему приходу просто, чтобы посмотреть, что я стану делать, так?

Она покраснела.

«Думаю, теперь она попытается шантажировать меня, чтобы я женился на ней, — подумал он, — если считает, что сумеет раздуть это дело в достаточно крупное».

— Хорошо, — сказал он, сунув руки в карманы и отворачиваясь к окну. — Я нашел того, кто это сделал, и потолковал с ним. Произошло недоразумение — мы не поняли друг друга. Я разбил ему нос. К несчастью, кровь залила книги. Мне не удалось отмыть ее всю.

Он услышал, как она сказала: «О», потом повернулся и посмотрел ей в лицо.

— Вот и все, — сказал он.

Потом он шагнул вперед и поцеловал ее. Через минуту она расслабилась в его объятиях. Он гладил ей спину и плечи, потом положил руки на ягодицы.

— Весь набор развлечений, — решил он, поглаживая ее бока и медленно поднимаясь к пуговицам на блузке.

— Извини, — она вздохнула.

— Ничего, все нормально, — сказал он, расстегивая пуговицы. — Все в порядке.

Позже, уставившись сквозь сетку ее волос в подушку и анализируя свою реакцию на более ранние события, он еще раз ощутил, что ОНО приближается. На сей раз ОНО было так близко, что Джеку казалось, будто за ним наблюдают. Он быстро оглядел комнату, но ничего не заметил.

Слушая шум уличного движения внизу, он ре-

шил вскоре заняться делами... вот только выкурит сигарету.

Наверху раздался акустический удар, словно рукой, распахнувшей окно.

Медленно наползающие облака отчасти приглушили солнце. Джек знал, что приехал раньше времени. Он поставил машину в факультетском дворе и достал из багажника тяжелый дипломат. В машине лежали три тяжелых дорожных сумки.

Он развернулся и пошел в дальний конец двора. Джек чувствовал необходимость быть в движении, быть готовым бежать, если будет нужно. Тут он подумал про Утреннюю Звезду, наблюдающего за птицами и облаками, чувствующего молнии, дождь и ветер, и удивился: правда ли тот знает о каждом его шаге? Джек чувствовал, что так оно и есть, и ему очень захотелось, чтобы его друг оказался рядом и мог дать совет. Узнал ли он — а может, уже знает, — каков будет результат того, что Джек собирался предпринять?

Трава и листья приобрели то слабое белое свечение, которое иногда предвещало грозу. Все еще было очень тепло, но теперь легкий ветерок с севера уменьшал жару. Университетский городок был почти пустынным. Джек миновал группу студентов, которые сидели у фонтана и сравнивали только что полученные на экзамене оценки. Ему показалось, что двоих он узнал — они посещали курс «Введение в культуру антропологии», который он читал несколько семестров назад. Но они не обратили на него внимания.

Проходя мимо Дрейк-Холла, он услышал, что его окликают.

— Джон! Доктор Шейд!

Остановившись, он увидел приземистую грузную фигуру молодого инструктора по фамилиии Пойндекстер, выходящего из дверей. Его тоже звали Джоном, но, так как он был у них новичком, они решили обращаться к нему по фамилии, чтобы не вносить путаницу в разговоры.

Когда тот подошел, кивая в знак приветствия, Джек заставил себя улыбнуться.

— Привет, Пойндекстер. Я думал, вы в отпуске, восстанавливаете силы.

— Мне еще надо проверить несколько лабораторных работ, черт возьми, — сказал он, тяжело дыша. — Я подумал, надо выпить чего-нибудь горячего, и только закрыл дверь в свой кабинет, как понял, что я натворил. Ключи — на моем столе, а замок защелкивается, когда захлопываешь дверь. В здании больше никого нет, канцелярия тоже закрыта. Вот я и стоял тут, ждал, не пройдет ли вахтер. Я думал, может, у него есть ключ. Вы его не видели?

Джек покачал головой.

— Нет. Я приехал только что. Но я знаю, что у вахтеров нет доступа к ключам... Ваш кабинет в дальнем крыле, да?

— Да.

— Как насчет того, чтобы забраться через окно? Я, правда, не помню, высоко ли там.

— Слишком высоко. Лестницы нет... А потом, все равно оба окна закрыты.

— Идемте внутрь.

Пойндекстер утер красноватый лоб и кивнул.

Они вошли в здание и прошли в дальнее крыло. Джек вытащил из кармана связку ключей и вставил один из них в замок той двери, на которую указал Пойндекстер. Ключ повернулся, послышался щелчок. Джек толкнул дверь, и она открылась.

— Повезло, — сказал он.

— Откуда у вас ключ?

— Это от моего кабинета. Я же говорю — вам повезло.

Лицо Пойндекстера осветилось улыбкой.

— Спасибо, — сказал он. — Большущее спасибо. Вы спешите?

— Тогда давайте я принесу вам что-нибудь из автомата. Мне все еще хочется передохнуть.

— Согласен.

Он вошел в кабинет, поставил дипломат за дверь. Шаги Пойндекстера постепенно затихли вдали.

Джек смотрел из окна, как собирается гроза. Где-то зазвонил звонок.

Через некоторое время Пойндекстер вернулся и Джек взял дымящуюся чашку, которую он принес.

— Как ваша мама?

— Поправляется. Скоро отпустят.

— Передавайте ей привет.

— Конечно. Спасибо. Очень мило, что вы ее навестили.

Они потягивали питье. Потом Пойндекстер сказал:

— Слава богу, что я вас встретил. Возможно, во всем здании одинаковые замки только в наших кабинетах. Черт, я бы согласился, даже если бы мне могло отпереть это привидение.

— Привидение?

— Да, вы знаете. Самая последняя штука.

— Боюсь, я про это ничего не слыхал.

— Как утверждают, это нечто белое. Его заметили недавно, когда оно перепархивало с дерева на дерево и с крыши на крышу.

— А когда это началось?

— Естественно, совсем недавно. В прошлом семестре это были камни-мутанты в геологическом корпусе. До этого, по-моему, были усиливающие половое влечение средства в водопроводе. Как всегда, закрытие семестра — это конец света. По-моему, сплошь слухи и дурные предзнаменования. А в чем дело?

— Ни в чем. Хотите сигарету?

— Спасибо.

Джек услышал гром, словно громыхала жесть, а вечный лабораторный запах вызвал неприятные воспоминания. «Поэтому-то я всегда терпеть не мог этот корпус, — понял он. — Из-за запахов».

— В следующем семестре вы с нами? — спросил Пойндекстер.

— Думаю, нет.

— А, ваш уход одобрили. Поздравляю!

— Не совсем так.

За толстыми стеклами очков промелькнуло беспокойство.

— Но вы же не насовсем уходите, нет?

— Это зависит от нескольких обстоятельств.

— Если вы позволите мне побыть самоуверенным, я надеюсь, вы решите остаться.

— Спасибо.

— Но если вы уйдете, я думаю, мы останемся в контакте?

— Конечно.

«Оружие, — решил он. — Нужно что-то получше, чем то, что я достал. Но его я просить не могу. Хотя неплохо, что я зашел».

Он затянулся и посмотрел в окно. Небо делалось все темнее, мостовая стала влажной. Он допил и выбросил стаканчик в корзину для мусора. Сминая сигарету, Джек поднялся.

— Побегу, а то мне надо отнести это в Уокер до дождя.

Пойндекстер встал и пожал ему руку.

— Ладно. Всего хорошего. Может, какое-то время мы не увидимся, — сказал он.

— Спасибо... Ключи.

— Что?

— Ключи. Почему бы вам не взять их со стола и не положить в карман прямо сейчас?

Пойндекстер покраснел и последовал его совету. Потом он хихикнул.

— Да. Еще раз мне не захочется такое сделать, верно?

— Надеюсь, что нет.

Джек забрал дипломат. Пойндекстер зажигал над столом светильник. В небе что-то вспыхнуло и раздалось низкое ворчание.

— Пока.

— До свидания.

Джек вышел и заторопился к Уокер Билдинг, задержавшись только, чтобы заскочить в лабораторию и стащить бутылку серной кислоты, закупорив ее.

VIII

Он оторвал первые листы распечатки и разложил на столике, который занял. Машина продолжала позвякивать, заглушая дождь.

Джек вернулся к ней, оторвал следующий лист. Он поместил его рядом с остальными и смотрел на них.

Со стороны окна раздался звук, похожий на царапанье. Джек вскинул голову и раздул ноздри.

Ничего. Там не было ничего.

Он закурил и уронил спичку на пол. Он ходил по комнате. Он проверил, который час. Он подошел к окну, послушал ветер.

У двери раздался щелчок, он повернулся туда лицом. В комнату вошел крупный мужчина и посмотрел на Джека. Он снял темную шапочку от дождя, положил на стул возле двери и пригладил редкие седые волосы.

— Доктор Шейд, — сказал он, кивая и расстегивая плащ.

— Доктор Квилиэн.

Мужчина повесил плащ за дверь, вынул носовой платок и начал протирать очки.

— Как дела?

— Спасибо, хорошо. А у вас?

— Отлично.

Доктор Квилиэн закрыл дверь, а Джек вернулся к машине и оторвал еще несколько страниц.

— Что вы делаете?

— Считаю, кое-что для той работы, о которой говорил вам... по-моему, недели две тому назад.

— Понятно. Я только что узнал, что вы тут договорились. — Он жестом указал на машину. — Стоит кому-нибудь отказаться — и вы тут как тут, чтобы забрать его машинное время.

— Да. Я тут со всеми в контакте.

— В последнее время стало отказываться жуткое количество народа.

— По-моему, это грипп.

— Понятно.

Он затянулся. Когда машина перестала печатать, он уронил сигарету и наступил на нее. Повернувшись, Джек забрал последние распечатки и унес их на стол.

Доктор Квилиэн наблюдал за ним.

— Можно посмотреть, что тут у вас такое? — спросил он.

— Конечно, — ответил Джек, передавая ему бумаги.

— Не понимаю, — сказал Квилиэн через минуту.

— Я был бы очень удивлен, если бы это было не так. Это имеет очень отдаленное отношение к реальности, и для статьи мне придется это перевести.

— Джон, — сказал его собеседник, — у меня к вам стали появляться странные чувства.

Тот кивнул и, прежде чем свернуть листы, закурил еще одну сигарету.

— Если вам самому нужен компьютер, то я закончил, — сказал он.

— Я много думал о вас. Сколько вы у нас проработали?

— Лет пять.

Со стороны окна еще раз донесся какой-то звук. Оба повернули головы.

— Что это было?

— Не знаю.

Через некоторое время Квилиэн сказал, надевая очки:

— Вы тут делаете чертовски много того, что вам хочется, Джон...

— Верно. Признаю.

— Вы пришли к нам вроде бы с хорошими рекомендациями. И оказались отличным специалистом в вопросах культуры царства тьмы.

— Благодарю.

— Я это задумывал не как комплимент.

— Да, правда? — по мере того, как он изучал

последнюю страницу, Джек начал улыбаться. — А как же?

— У меня странное ощущение, что вы не тот, за кого себя выдаете, Джон.

— В каком смысле?

— Когда вас брали на эту должность, вы заявили, что родились в Нью-Лейдене. В этом городе ваше появление на свет не зарегистрировано.

— Да? Как же вы это обнаружили?

— Этим недавно занимался доктор Уизертон.

— Ясно. Это все?

— Помимо того, что про вас известно, будто вы водите компанию с преступниками, существуют сомнения относительно вашей степени.

— Снова Уизертон?

— Источник не имеет значения. Заключение таково: ваша степень ничего не стоит. Мне кажется, вы не тот, кем претендуете быть.

— А почему вы решили излить свои сомнения здесь и сейчас?

— Семестр закончился. Я знаю, что вы хотите уехать. Сегодня вы в последний раз брали машинное время... согласно количеству времени, которое вы запрашивали. Я хочу знать, что вы забираете с собой и куда.

— Карл, — сказал он, — что, если я признаюсь, что немного неверно представился? Вы уже отметили, что в своей области я специалист. Мы оба знаем, что я — популярный лектор. Что бы ни выкопал Уизертон... что с того?

— У вас какие-то неприятности, Джон? Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Ничего, все в порядке.

Квилиэн пересек комнату и уселся на низкую скамью.

— Я впервые вижу одного из вас так близко, — сказал он.

— К чему вы клоните?

— К тому, что вы — не человек, а нечто иное.

— Например?

— Вы родились в царстве тьмы. Не так ли?

— Почему вы так полагаете?

— Предполагается, что при определенных обстоятельствах вам подобных следует сажать в тюрьму.

— Я вас понимаю так, что, если я скажу «да», возникнут и определенные обстоятельства?

— Может быть, — сказал Квилиэн.

— А может быть и нет? Что вам нужно?

— Пока что все, чего я хочу — узнать, кто вы.

— Вы меня знаете, — сказал он, складывая листы и беря дипломат.

Квилиэн покачал головой.

— Из всего, что меня беспокоит, — сказал он, — я только что выделил нечто новое, серьезно меня тревожащее. Допустим на минуту, что вы — человек из царства тьмы, перебравшийся на дневную сторону. Есть определенные моменты, указывающие на это и заставляющие меня выяснить вопрос о вашем происхождении. Существует некто, кто, как я полагал, всего лишь персонаж мифов царства тьмы. Я раздумываю — способен ли легендарный вор осмелиться выйти на солнечный свет? А если да, то зачем? Может ли Джонатан Шейд быть смертным эквивалентом Джека-из-Тени?

— А если может, то что? — спросил он, пытаясь не смотреть в сторону окна, где теперь нечто заслоняло почти весь тусклый свет.

— Вы приготовились арестовать меня? — спросил Джек, медленно перемещаясь влево так, чтобы Квилиэну пришлось повернуть голову.

— Да.

Тогда он сам поглядел в окно, и, когда увидел, что прижималось к стеклу, вернулось прежнее отвращение.

— Поэтому я полагаю, вы вооружены?

— Да, — сказал тот, доставая из кармана и показывая маленький пистолет.

«Я могу швырнуть в него дипломат и рискнуть провести один раунд, — решил Джек. — В конце концов, пистолет не такой уж большой. И потом, если я выиграю время и подберусь поближе к свету, это может и не понадобиться».

— Странно, что вы пришли один, если задумали такое. Даже если вы имеете полномочия произвести в университете арест в интересах безопасности...

— Я не сказал, что я один.

— ...Хотя, когда я обдумал это, это не так уж странно.

Он шагнул к мигавшему свету.

— Я говорю, что вы один. Вам бы хотелось проделать это все самому. Может быть, вы просто хотите убрать меня без свидетелей. Или, может быть, вы желаете, чтобы мое задержание было полностью вашей заслугой. Я полагаю, однако, дело в последнем. Вы ведь, кажется, меня терпеть не можете. Не могу точно сказать почему.

— Боюсь, вы переоцениваете свою способность не нравиться и мое стремление к насилию... Нет, власти поставлены в известность и направляются сюда, чтобы арестовать вас. Я намерен только обеспечить ваше присутствие здесь до их появления.

— Можно подумать, вы ждали чуть ли не до последнего момента.

Свободной рукой Квилиэн указал на дипломат.

— Я заподозрил, что если расшифровать вашу последнюю работу, она не будет иметь ничего общего с социологией.

— Какой вы недоверчивый. Знаете, существуют законы против тех, что арестовывает людей без доказательств.

— Да. Потому-то я и выжидал. Бьюсь об заклад, доказательства у вас в руках... и я уверен, что найдутся другие. Я заметил также, что когда речь идет о вопросах безопасности, законы куда менее строги.

— Тут вы правы, — ответил Джек, поворачиваясь так, что свет упал ему на лицо.

— Я — Джек-из-Тени! — выкрикнул он. — Хозяин Шедоу-Гард! Я — Джекки-Тень, вор, крадущийся в тени и тишине! Мне отрубили голову в Иглесе, но я вновь восстал из Навозных Ям Глива! Я выпил кровь вампира и съел камень! Я нарушил Договор. Я тот, кто подделал имя в расчетной Книге. Я — узник драгоценного камня. Я однажды оставил в дураках хозяина Хай-Даджен и вернусь отомстить ему. Я — враг своих врагов. Ты поймай меня, грязная тварь, если любишь Повелителя Нетопырей или ни в грош не ставишь меня, потому что я назвал свое имя — Джек-из-Тени!

При этом взрыве эмоции лицо Квилиэна приняло озадаченное выражение, и, хотя он открыл рот, пытаясь заговорить, его слова утонули в криках Джека.

Потом окно разлетелось, свеча погасла, а в комнату прыгнул Борчин.

Обернувшись, Квилиэн увидел в дальнем конце комнаты израненную, мокрую от дождя тварь. Он издал невнятный вопль и остолбенел. Джек уронил дипломат, отыскал склянку с кислотой и откупорил ее. Он выплеснул содержимое склянки на голову чудовищу и, не задерживаясь, чтобы увидеть результат, подхватил дипломат и проскочил мимо Квилиэна.

Джек был у двери раньше, чем тварь испустила первый крик боли. Он выскочил в холл, заперев за собой дверь и задержавшись ровно настолько, чтобы стащить с гвоздя плащ Квилиэна.

Когда он услышал первый выстрел, то был уже на середине лестницы. Потом последовали другие, но к этому времени он уже пересек двор, придерживая на плечах плащ и проклиная лужи, поэтому он их не слышал. Кроме того, гремел гром. Скоро, боялся Джек, добавятся еще и сирены.

Он бежал, и мысли его были бурными.

Кое в чем погода помогала ему, а кое в чем мешала.

Движение на улицах сильно замедлилось, а когда Джек достиг открытой дороги, ее сухая длинная поверхность оказалась достаточно скользкой, чтобы помешать ему идти так быстро, как хотелось бы. Сумерки, вызванные грозой, заставили водителей при первой же возможности покинуть улицы, а тех, кто уже был дома, в безопасности, при свете множества свечей, заставили там задержаться. Пешеходов не было видно. Все это позволило ему с легкостью сменить свою машину на другую, не отъезжая слишком далеко.

Выбраться из города было нетрудно, другое дело — обогнать грозу. Казалось, они движутся в одном и том же направлении, по одной и той же дороге, давным-давно проложенной им по карте и заученной. Она была одновременно и короткой, и уединенной и вела назад в царство тьмы. В любом

другом случае он бы приветствовал ослабление того постоянного сияния, которое сперва пекло, а потом обжигало его не желавшую этого кожу. Теперь же это заставляло его медлить, а рисковать уже было нельзя. Гроза заливала машину дождем, ветер раскачивал ее, а вспышки молний показывали ему линию горизонта, которую он оставил позади.

Полицейские фонари, установленные на шоссе, заставили его значительно сбавить скорость в поисках места, где можно было бы свернуть с шоссе. Он вздохнул и слабо ухмыльнулся, проплывая мимо трех столкнувшихся машин. Оттуда на носилках к открытой «скорой помощи» несли двоих, мужчину и женщину.

Он покрутил радио, но слышен был только треск разрядов. Джек закурил и приоткрыл окно. Изредка ему на щеку падала капля. Только сейчас осознав, в каком напряжении пребывал, Джек глубоко задышал, пробуя расслабиться.

Только гораздо позже гроза стала затихать, превратилась в непрерывный мелкий дождь, а небо немного прояснилось. В это время он уже ехал по открытой местности в пригороде, испытывая смешанные чувства: облегчение и предчувствие, что случится что-то скверное. Это последнее возникло с момента его отъезда. «Чего я добился?» — спросил он себя, думая о проведенных на дневной стороне годах.

Чтобы освоиться на местности, получить необходимые документы, вникнуть в преподавательскую рутину, потребовалось довольно много времени. Потом возникла проблема устройства на работу в университет, где находилось необходимое оборудование, несущее информацию. В свободное время ему пришлось научиться пользоваться им, а потом разобраться в планах, чтобы управляться с машиной, не задавая вопросов. Потом ему пришлось пересмотреть все полученные первичные данные в соответствии с его подлинными проблемами, получить информацию и привести ее в необходимую форму. Все это в целом заняло годы. И он много раз ошибался.

Но на этот раз... на этот раз он был так близок, что мог понюхать это, попробовать на вкус. На этот

раз ему стало ясно, что ответы, которые он искал, рядом.

Теперь он удирал с дипломатом, полным бумаг, которые у него не было случая посмотреть. Возможно, он опять ошибался и возвращался без искомого оружия — возвращался в логово врага. Если дела обстояли таким образом, то он лишь отсрочил свой приговор. Но все равно, остаться он не мог — ведь он приобрел врагов и здесь. Он на миг задумался, не было ли какого-нибудь скрытного предостережения, какого-то доступного ему предчувствия, которым он пренебрег и которое больше сказало бы ему о нем самом, чем о его врагах. Если так, то оно от него ускользнуло.

Еще немного... Если бы у него было еще немного времени, он мог бы проверить данные, еще раз сформулировать и при необходимости составить программу заново. Сейчас времени уже не оставалось. Если бы это был затупившийся меч, который он нес, то нельзя было бы вернуться и наточить его. И потом, были и иные проблемы — личные, которые он хотел бы решить оптимальным образом. Например, Клэр...

Потом дождь утих, хотя тучи по-прежнему были сплошными и выглядели угрожающими. Тогда он рискнул прибавить скорость и еще раз попробовал включить приемник. Все еще был слышен треск разрядов, но музыку стало слышно лучше, и он оставил радио включенным.

Он съезжал с крутого холма, когда начался выпуск новостей, и только Джек подумал, что услыхал свое имя, как звук настолько ослаб, что нельзя было быть ни в чем уверенным.

Сейчас он был на дороге один. Он начал периодически оглядываться через плечо и всматриваться во все ответвления дороги, мимо которых проезжал. То, что у смертных все еще была прекрасная возможность поймать его раньше, чем он обретет силу, приводило его в ярость. Заезжая на более высокий холм, он увидел вдалеке слева завесу дождя и несколько слабых вспышек молнии, но так далеко, что гром был не слышен. Продолжая рассматривать небо, он заметил, что движения на дороге все еще не было, и поблагодарил за это Короля Бурь. Закурив еще одну

сигарету, он отыскал станцию, которую было лучше слышно, и стал ждать выпуска новостей. Когда он начался, о Джеке не было сказано ни слова.

Джек подумал о том далеком дне, когда он стоял у водоема с дождевой водой и обсуждал со своим отражением, что должен сделать. Теперь он пытался представить себе то свое «я», теперь уже мертвое, — усталое, истощенное, замерзшее, голодное, с израненными ногами и дурно пахнущее. Теперь все это сгладилось, стерлось, не считая легкого чувства голода, которое возникло только что и вряд ли стоило того, чтобы равнять его с тем, прежним, больше всего напоминавшим голодную смерть. Но все же, было бы полностью мертво его прежнее «я»? Как изменилось его положение? Тогда он выбирался с Западного полюса Мира, борясь за свою жизнь, стараясь убежать от преследователей и добраться до Сумеречных Земель. Сейчас он бежал в Сумеречные Земли с сияющего Восточного полюса. Питаемая ненавистью и отчасти любовью, в его сердце горела жажда мести, поддерживая и согревая его. Да и сейчас она не исчезла. Он узнал науки и искусства дневной стороны планеты, но это никоим образом не меняло того, кто тогда стоял у водоема. Он все еще стоял там — внутри Джека, — и его мысли были прежними.

— Утренняя Звезда, — сказал он, открывая окошко и адресуясь к небу, — раз ты все слышишь, услышь и это: со времени нашей последней беседы я не изменился.

Он рассмеялся.

— Хорошо это или плохо? — спросил он. Эта мысль пришла ему в голову только что. Он закрыл окно и обдумал этот вопрос. Хотя Джек и не любил самоанализ, тем не менее, он был любознателен.

Во время работы в университете он замечал, как меняются люди. Лучше всего это было заметно по студентам и происходило так быстро — за короткий промежуток времени между поступлением и выпуском. Но и его коллеги тоже менялись — в мелочах, например, в чувствах, оценках. Только он один и не изменился. Он подумал: что же, это — нечто, присущее ему? Не в том ли одно из основных различий между людьми тьмы и смертными? Они меняются, а

мы — нет. Важно ли это? Вероятно, хотя мне непонятно почему. Нам нет необходимости меняться, а им, похоже, есть. Отчего? Продолжительность жизни? Разное отношение к ней? Возможно и то, и другое. Но все-таки, чем важны эти перемены?

Послушав еще один выпуск новостей, он свернул на дорогу, казавшуюся заброшенной. На этот раз объявили, что он разыскивается, чтобы дать показания в связи с убийством.

Он развел небольшой костер и сжег все документы, какие были у него. Пока они горели, он открыл сумку и переложил в бумажник новые документы, которые заготовил несколько семестров назад. Джек пошевелил пепел и развеял его.

Перейдя через поле, он разорвал плащ Квилиэна в нескольких местах и затолкал в канаву, по которой текла грязная вода. Возвращаясь к машине, он решил побыстрее сменить ее.

Потом, торопливо двигаясь по шоссе, он обдумал ситуацию — так, как понимал ее в данный момент. Борчин убил Квилиэна и удрал — несомненно так же, как и пришел, через окно. Властям было известно, почему Квилиэн там оказался, а Пойндекстер подтвердит, что Джек был в университете и скажет, где именно. Клэр и многие другие засвидетельствуют, что они с Квилиэном не жаловали друг друга. Вывод ясен. Хотя при необходимости Джек мог бы убить Квилиэна, он возмутился при мысли, что пострадает за то, что не совершал. Ситуация напомнила ему происшествие в Иглесе, и он, почти не сознавая, что делает, потер шею. Несправедливость причиняла боль.

Он удивился: думал ли Борчин, неистовствуя от боли, что убивает Джека, или же просто хотел защититься, зная, что он сбежал. Как сильно он был ранен? Джек ничего не знал о способности этой твари к самовосстановлению. Может быть, она и сейчас искала его след, по которому так долго шла? Послал ли его Повелитель Нетопырей или Борчина вело собственное чувство ненависти к Джеку? Вздрогнув, Джек прибавил скорость.

«Стоит мне вернуться, это станет безразлично», — сказал он себе.

Но он задумался.

На окраине следующего города, через который он проезжал, Джек взял другую машину. На ней он поспешил в Сумеречные Земли, туда, где распевала яркая птица.

Он долго сидел на вершине холма, скрестив ноги, и читал. Его одежда была пыльной, под мышками — пятна пота, под ногтями — грязь. Глаза закрывались сами собой. Он все время вздыхал и делал пометки в своих бумагах. На западе над горами слабо светили звезды.

Свою последнюю машину он бросил за много миль от этого холма, на западе и пришел сюда пешком. Машина, прежде чем остановиться окончательно, сперва начала работать с перебоями. Тогда он понял, что миновал то место, где Силы-соперники поддерживали перемирие, и ступил в темноту, прихватив только дипломат. Джек всегда любил забраться повыше. За время своего путешествия он спал только один раз и, так как сон его был крепким, глубоким, без сновидений, то Джек, не переставая жалеть свое тело, поклялся не повторять этого, пока не окажется вне досягаемости людских законов. Теперь, достигнув своей цели, нужно было сделать только одно, а потом уже позволить себе отдохнуть.

Хмуря брови, он переворачивал страницы, отыскал то, что хотел, сделал пометку на полях и вернулся к тому месту, где были пометки в оригинале.

Похоже, все было верно. Вроде бы это подходило...

Над вершиной холма пронесся холодный ветер. Он принес запахи дикой природы, почти забытые Джеком в городе. Не было больше городских шумов и запахов, рядов лиц в аудиториях, скучных собраний, монотонного шума машин; не было ни ярких до непристойности красок, — все это казалось тающим сном, а над ним неистовым светом сиял Эвридей. Эти бумаги были единственным достоянием Джека. Обратный перевод, сделанный им с распечатки, так и бросался в глаза, ускоряясь в мозгу, словно внезапно понятые стихи.

Да!

Взгляд Джека пошарил по небу и нашел белую немигающую звезду, которая пересекала небосклон.

Он поднялся, позабыв про усталость. Правая нога Джека оставила в грязи короткую цепочку следов. Он указал пальцем на спутник и произнес слова, которые записал в своих бумагах.

Какое-то время ничего не происходило.

Потом спутник остановился.

Джек продолжал указывать на него, но молча. Тот сделался ярче, стал расти.

Потом он вспыхнул подобно звезде — и исчез.

— Новое знамение, — сказал Джек и улыбнулся.

IX

Когда проклятая тварь вернулась в Хай-Даджен, она заметалась по комнатам в поисках своего господина. Наконец, отыскав его, когда он отмерял серу в бассейн, заполненный ртутью, в центре восьмиугольной комнаты, Борчин обратил на себя внимание хозяина. Ему протянули руку, и он перевесился через нее. Потом (конечно, по-своему) он сообщил новости.

После этого его хозяин отвернулся, проделал любопытные действия со свечой, сыром и перышком и покинул комнату.

Он перебрался в высокую башню и долго смотрел оттуда на восток. Потом он быстро повернулся и посмотрел на единственный оставшийся неприступным подступ к его крепости — на северо-восток.

Да, и там тоже! Но это невозможно!

Если только, конечно, это не иллюзия...

Он поднялся по лестнице, которая шла вдоль стены против движения солнца, открыл люк и выбрался наружу. Подняв голову, он разглядывал огромный черный шар, окруженный яркими звездами. Он втягивал носом ветер. Глянув вниз, он изучил свой массивный замок — Хай-Даджен, вознесенный его Силой вскоре после того, как он сам был создан на этой горной вершине. Когда он узнал, в чем разница между «быть созданным» и «родиться», когда он обнаружил, что его Сила была сосредоточена именно здесь, он вытянул ее через корни горы и обрушил вниз ураганом с небес так, что тот сиял, подобно вспыхнувшей спичке, и сам занялся творением. Если его Сила жила здесь — значит, это место должно быть его домом и крепостью. Так оно и было. Те, кто причинял ему зло, умирали, получив свой урок, или же носились в Вечной Тьме на кожистых крыльях, пока не заслуживали его благоволения. С последни-

ми он обращался сравнительно неплохо, так, что снова превратившись в людей, многие предпочли остаться у него на службе. Прочие Силы, в своих сферах, возможно, равные его Силе, мало тревожили его с тех пор, как были установлены приемлемые границы.

Но чтобы кто-то сейчас двинулся на Хай-Даджен... Невозможно подумать! На это мог решиться только дурак или безумец.

И все-таки сейчас там, где была равнина, встали горы... горы или их видимость. Он отвел взгляд от своего дома и поглядел на силуэты вдали. Его беспокоило, что он не может ощутить в себе тот подъем сил, который был бы нужен, чтобы создать хотя бы видимость гор в своих владениях...

Услышав шаги на лестнице, он обернулся. Из проема появилась Айвин, перешагнула через порог и подошла к нему. На ней было свободное черное платье с короткой юбкой, перетянутое в талии поясом и схваченное на левом плече серебряной брошью. Когда он одной рукой обнял ее и притянул к себе, она задрожала, почувствовав поднимающиеся в нем токи Силы; она знала, что он предпочел бы не разговаривать.

Он указал на горы, которые рассматривал, а потом на другие, на востоке.

— Да, я знаю, — сказала она. — Посланец мне рассказал. Вот почему я поспешила сюда. Я принесла твою волшебную палочку.

Она приподняла черный шелковистый футляр, висевший у нее на поясе.

Он улыбнулся и тихонько качнул головой слева направо.

Левой рукой он поднял и снял цепь с драгоценным камнем, висевшую у него на шее. Высоко держа ее, он раскачивал яркий камень.

Айвин почувствовала водоворот Силы. Мгновение казалось, что она вот-вот начнет падать вперед, внутрь камня. Он рос, заполнял все ее поле зрения.

И вот она уже смотрит не на драгоценный камень, а на неожиданно возникшую гору на северо-западе. Она долго смотрела на нее — высокую, величественную, серо-черную.

— Как настоящая, — сказала она. — Она кажется такой вещественной.

Молчание.

Потом, когда звезда за звездой, небесные огни стали исчезать за вершинами и склонами, Айвин воскликнула:

— Она... она растет! — а потом: — Нет... Она движется, движется к нам, — сказала она.

Гора исчезла, и Айвин, как и раньше, смотрела на камень. Потом Повелитель Нетопырей обернулся, заставил повернуться и девушку, и они посмотрели на восток.

Снова кружение, падение, рост.

Теперь перед ними лежала одна из восточных гор — словно нос огромного странного корабля. Ее контуры были очерчены холодными огнями. Она тоже бороздила небо, продвигаясь вперед. Пока они смотрели, из-за горы поднялись высокие языки пламени и запылали перед ней.

— Тут что-то на... — начала Айвин.

Но рубин разлетелся вдребезги, а цепочка, внезапно ставшая красной от жара, выпала из руки ее господина. Дымясь, она лежала у ног Айвин. При этом Повелитель Нетопырей внезапно толкнул, и она отстранилась.

— Что случилось?

Он не ответил, только протянул руку.

— Что?

Он указал на волшебную палочку.

Айвин подала ее. Он, подняв палочку, молча созывал своих слуг. Так он стоял долго, потом появился первый из них. Вскоре его слуги — нетопыри, роились вокруг него. Кончиком волшебной палочки он тронул одного из них, и к его ногам упал человек.

— Господин! — воскликнул он, склонив голову. — Какова твоя воля?

Тот указал на Айвин. Человек поднял глаза и повернул к ней голову.

— Доложи лейтенанту Квазеру, — сказала девушка. — Он вооружит тебя и скажет, что делать.

Она посмотрела на своего повелителя. Он кивнул.

Потом он начал касаться палочкой всех прочих и они стали теми, кем были прежде.

Над башней образовался зонт из летучих мышей, а колонна более крупных существ, казавшаяся бесконечной, двигалась мимо Айвин вниз по лестнице в центральную часть замка.

Когда все прошли, Айвин повернулась лицом на восток.

— Прошло столько времени, — сказала она. — Посмотри, как гора приблизилась.

Она почувствовала на плече руку и, обернувшись, подняла лицо. Он поцеловал ее глаза и губы, а потом оттолкнул от себя.

— Что ты хочешь делать?

Он указал на люк.

— Нет, — сказала она. — Я не уйду. Я останусь и буду помогать тебе.

Он продолжал указывать на выход.

— Ты знаешь, что там такое?

— Иди, — произнес он (или, может быть, она только подумала, что произнес). Стоя в своей комнате в северо-западном крыле замка, она вспомнила об этом, неуверенная в том, что же произошло с того момента, как слово заполнило ее разум и тело. Она подошла к окну, но за ним были только звезды.

Потом, вдруг, каким-то образом, она поняла.

И заплакала по тому миру, который они теряли.

Горы были настоящими, теперь Повелитель Нетопырей это знал. Потому что, приблизившись, они разбивались, а он всем телом ощущал вибрацию от их движения. Пока звезды говорили ему, что не за горами худшие — долгие — времена, он не требовал их совета по этому поводу. Он продолжал стягивать к себе Силу, которая воздвигла Хай-Даджен, и теперь он должен был защищать ее. Он начал чувствовать себя так, как бывало в те давние времена.

На востоке, на вершине новой горы стала возникать змея. Она была огненной, и он не мог понять, каких же она размеров. В те времена, когда его еще не было, по слухам, существовали подобные Силы. Но те, кто владел ими, в конце концов окончательно расстались с жизнью и Ключ был потерян. Он и сам искал его — как и почти все, кто имел власть. Теперь же было похоже, что там, где он потерпел

неудачу, кому-то повезло... или же древняя Сила вновь зашевелилась.

Он смотрел, как змея появилась полностью. Очень хорошая работа, решил Повелитель Нетопырей. Он смотрел, как змея поднялась в воздухе и поплыла к нему.

Ну, начинается, сказал он себе.

Он поднял палочку и начал битву.

Прежде, чем змея, дымясь и вывалив кишки, упала, прошло немало времени. Повелитель Нетопырей слизнул пот, выступивший на верхней губе. Змея была сильной. Гора приближалась. Пока он сражался с насланной на него тварью, гора не сбавила скорость.

«Теперь, — решил он, — мне надо быть таким, каким я был вначале».

Смейдж расхаживал туда-сюда на своем посту в холле у центрального входа в Хай-Даджен. Он ходил так медленно, как только мог, чтобы не выдать пятидесяти с лишним воинам, ожидавшим его распоряжений, что ему не по себе. Вокруг него пыль оседала и снова поднималась. Каждый раз, как где-то внутри замка на пол со своего места на стене с грохотом срывалось оружие, среди его подчиненных начиналось движение. Он выглянул в окно и быстро отвел глаза. Снаружи все загораживала гора, которая теперь была совсем рядом. Что-то постоянно громыхало, тьму разрывали неестественные крики. Перед глазами Смейджа, подобно молниям, проносились и исчезали видения — обезглавленные рыцари, многокрылые птицы, звери с человеческими головами и еще нечто, не оставшееся в памяти. Но ни одно из них не задержалось, чтобы напасть на него. Скоро. Теперь это скоро кончится. Он знал это, потому что гора должна была приблизиться к башне, где находился его повелитель.

Когда раздался треск и хруст, его сбило с ног, и Смейдж испугался, что холл обрушится на него. В стенах появились трещины, а все центральные укрепления замка, казалось, качнулись на шаг назад. Донесся звук падающих камней и ломающихся балок. Потом, через несколько ударов сердца, Смейдж услышал высоко над головой крик. Где-то во дворе слева

от него раздался ужасный треск. Потом воцарилась тишина.

Он поднялся и объявил своему воинству сбор.

Протирая от пыли глаза, он осмотрелся.

Все они лежали на полу, и ни один не шевелился.

— Встать! — заорал Смейдж и потер плечо.

Постояв неподвижно еще минуту, он подошел к тому, кто лежал ближе всех, и осмотрел его. Повреждений вроде бы не было. Смейдж слегка похлопал его, но тот не реагировал. Он принялся за следующего, потом потряс еще двоих. То же самое. Они едва дышали.

Обнажив меч, он двинулся в сторону двора. Кашляя, Смейдж вышел на двор.

Половина небесной тверди была затенена горой, которая уже не двигалась. Двор был завален обломками башен. Выступавшая вперед часть горы сломалась. Теперешняя неподвижность казалась более жуткой, чем прежний грохот и шум. Все видения исчезли. Ничто не шевелилось.

Он пошел вперед. И увидел оплавленный камень, словно тут порезвилась молния.

Когда Смейдж увидел простертую на камнях фигуру, то остановился. Потом он рванулся вперед. Лезвием меча он перевернул тело.

Выронив меч, Смейдж упал на колени, судорожно прижимая к груди искалеченную руку. У него вырвался один-единственный всхлип. Он услышал, что за спиной внезапно затрещали языки пламени. Его обдало жаром. Он не двигался.

Он услыхал смешок.

Тогда Смейдж поднял глаза и огляделся. Никого было видно.

Опять раздался смешок — где-то справа от него.

Здесь!

Среди пляшущих по накренившейся стене теней.

— Привет, Смейдж. Помнишь меня?

Тот покосился и начал тереть глаза.

— Но я... Я не могу увидеть тебя...

— Зато я отлично тебя вижу... как ты тут сжимаешь этот кусок мяса.

Смейдж осторожно выпустил руку и поднял с вымощенного плитами двора меч. Он поднялся.

— Кто ты?

— Иди сюда, выясни это.

— Это все твоя работа? — он сделал жест свободной рукой.

— Да.

— Тогда я подойду.

Он приблизился к силуэту и взмахнул мечом. Меч рассек только воздух, а Смейдж потерял равновесие. Восстановив его, он прицелился и снова нанес удар. Снова безрезультатно.

После седьмой попытки он заплакал.

— Теперь я знаю, кто ты! Выходи из тени, посмотрим, что ты за птица!

— Ладно.

Движение — и Джек появился перед ним. На миг он показался высоченным, пугающим, величественным.

Рука Смейджа замерла на эфесе меча. Эфес загорелся. Смейдж выпустил его, и когда меч упал между ними, его противник улыбнулся.

Смейдж поднял руки, и их парализовало. Он видел лицо того, другого, сквозь свои пальцы, как сквозь кривые сучья.

— Как ты и предлагал, — услышал он. — Похоже, дела мои неплохи. Лучше, чем твои. Приятно было снова увидеться.

Смейджу захотелось плюнуть, но слюны не было, да и руки мешали.

— Убийца! Зверь! — прохрипел он.

— Вор, — любезно подсказал тот. — К тому же я колдун и завоеватель.

— Если бы я мог двигаться...

— Сможешь. Подбери меч и постриги своему околевшему хозяину ногти на ногах...

— Я не...

— Отруби ему голову! Сделай это одним ударом — быстро и чисто! Как палач топором...

— Никогда! Он был мне хорошим господином. Он был добр ко мне и моим товарищам. Я не оскверню его тело.

— Он не был хорошим господином. Он был жестоким садистом.

— Только со своими врагами... А они этого заслуживали.

— Ну, теперь ты видишь нового господина в его владениях. Доказать ему свою лояльность ты можешь только одним — принеси голову своего прежнего хозяина.

— Я этого не сделаю.

— Я сказал: сделать это по своей воле — единственный способ сохранить жизнь.

— Нет.

— Сказано — сделано. Теперь слишком поздно спасаться. И все равно ты выполнишь мой приказ.

После этого в тело Смейджа словно вселился чужой дух и он обнаружил, что нагибается за мечом. Меч жег ему руки, но он поднял его, взял и обернулся.

Изрыгая проклятия, всхлипывая, он подошел к телу, встал над ним и рывком опустил поющее лезвие вниз. Голова откатилась на несколько футов, и камни потемнели от крови.

— Теперь принеси ее мне.

Он поднял голову за волосы и, держа на вытянутой руке, вернулся туда, где стоял Джек. Тот принял ее и небрежно отбросил в сторону.

— Благодарю, — сказал он. — Сходство неплохое. — Он поднял ее, оглядел и снова начал раскачивать. — Нет, правда. Интересно, что стало с моей прежней головой? Ладно, неважно. Ей я найду достойное применение.

— Теперь убей меня, — сказал Смейдж.

— Извини, но с этой неприятной задачей придется повременить. А сейчас ты можешь составить компанию останкам своего прежнего хозяина, присоединившись к прочим спящим... кроме двоих.

Он сделал движение рукой, и Смейдж, захрипев, повалился на землю. Пока он падал, пламя исчезло.

Дверь отворилась, но Айвин не обернулась.

После долгого молчания она услышала голос Джека и вздрогнула.

— Ты должна была знать, — сказал он, — что рано или поздно я приду за тобой.

Она не отвечала.

— Ты должна вспомнить, что я обещал, — сказал он.

Тогда она обернулась и Джек увидел, что она плачет.

— Так ты явился украсть меня? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я пришел, чтобы сделать тебя хозяйкой Шедоу-Гард, моей леди.

— Украсть меня, — повторила она. — Только так ты теперь можешь завладеть мной, а ведь это твой любимый способ получать желаемое. Только любовь ведь не украдешь, Джек.

— Обойдусь без нее, — сказал он.

— Что теперь? В Шедоу-Гард?

— Зачем? Шедоу-Гард здесь. Это и есть Шедоу-Гард, и я не собираюсь покидать его.

— Я знала это, — очень тихо произнесла она. — ...И ты собираешься править тут, в замке моего господина. Что ты сделал с ним? — прошептала она.

— Что он сделал со мной? Что я обещал ему? — сказал он.

— ...А с остальными?

— Они все спят — кроме тех, кто может немного развлечь тебя. Идем-ка к окну.

Она неловко подошла. Джек откинул штору и указал вниз. Наклонив голову, Айвин проследила за его жестом.

Внизу по равнине, которой, насколько ей было известно, раньше не было, шел Квазер. Серый двуполый гигант шел сложным шагом Хеллданса. Несколько раз он падал, вставал и шел дальше.

— Что он делает? — спросила Айвин.

— Повторяет тот подвиг, который принес ему Пламень Ада. Он будет повторять момент своего триумфа до тех пор, пока у него не лопнет сердце или один из крупных сосудов и он не умрет.

— Какой ужас! Останови его!

— Нет. Это не ужаснее того, что он сделал со мной. Ты обвинила меня в том, что я не держу слова. Что ж, я обещал отомстить ему — и ты можешь посмотреть, как я не замедлил исполнить свое обещание.

— Какой Силой ты владеешь? — спросила

она. — Ты не был способен на такое, когда... когда мы были неплохо знакомы.

— Я владею Потерянным Ключом, — сказал он. — Кольвинией.

— Как ты заполучил его?

— Неважно. Важно то, что я могу заставить горы ходить, а землю — разверзнуться, я могу обрушить на нее молнии и призвать себе на помощь духов. Я могу уничтожить любого властителя там, откуда он черпает свою Силу. Я стал самым могущественным существом в царстве тьмы.

— Да, — сказала она. — Ты сам назвал себя: существо. Ты им и стал.

Он обернулся, чтобы увидеть, как Квазер снова упал, а потом позволил шторе опуститься.

Айвин отвернулась.

— Если ты смилостивишься над всеми, кто здесь остался, — сказала она наконец, — я сделаю все, что ты скажешь.

Джек протянул свободную руку, словно собираясь коснуться девушки. Вверху за окном раздался визг, и он замер. Улыбаясь, Джек опустил руку. Слишком хорошо, решил он.

— Я узнал, что жалость — такая штука, которой всегда не хватает, каждый раз, когда она больше всего нужна, — сказал он. — А когда человек в таком положении, что может жалеть сам, те, кто раньше отказал ему в жалости, рыдая, умоляют о ней.

— Я уверена, — сказала Айвин. — Что здесь никто не просил пощады.

Она снова повернулась к нему и вгляделась в его лицо.

— Нет, — сказала она. — Никакой жалости. Когда-то в тебе были зачатки приятного обхождения. Теперь это ушло.

— Как ты думаешь, что я собираюсь делать с Потеряным Ключом, когда отплачу своим врагам?

— Не знаю.

— Я намерен объединить царство тьмы в единое владение...

— ...И конечно, править в нем?

— Конечно, поскольку никто другой этого не сможет. Я установлю эру мира и законности.

— Твоей законности. Твоего мира.

— Ты все еще не понимаешь. Я долго размышлял над этим, и, хотя я действительно сперва разыскивал Ключ, чтобы отомстить, я передумал. Я использую Ключ, чтобы положить конец вечным стычкам между лордами и обеспечить благоденствие государства, которое возникнет.

— Тогда начни отсюда. Обеспечь хоть какое-нибудь процветание в Хайд-Даджен... или в Шедоу-Гард, если тебе нравится его так называть.

— Верно и то, что я уже по большей части отплатил за то, как со мной обошлись, — задумчиво сказал он, — но все же...

— Начни с милосердия — и в один прекрасный день твое имя будет в почете, — сказала Айвин. — Забудь о нем — и можешь быть уверен, тебя проклянут.

— Может быть... — начал он, отступив на шаг.

При этом Айвин смерила его взглядом с ног до головы.

— Что ты сжимаешь под плащом? Ты, верно, принес это, чтобы показать мне?

— Так, ничего, — сказал он. — Я передумал, да и дела у меня еще есть. Я вернусь к тебе позже.

Но она быстро шагнула вперед и, когда Джек повернулся, вцепилась ему в плащ.

Потом раздался вопль и Джек выронил голову Повелителя Нетопырей, чтобы успеть схватить Айвин запястье. В правой руке у девушки был кинжал.

— Мерзавец! — крикнула она, укусив Джека за щеку.

Он собрал всю свою волю, пробормотал одно-единственное слово, и кинжал превратился в темный цветок. Он поднес этот цветок к лицу Айвин. Она плевалась, ругалась и пинала его, но через несколько минут стала слабеть, а глаза начали закрываться. Когда она почти спала, Джек отнес ее в постель. Айвин продолжала сопротивляться, но ослабла окончательно.

— Говорят, эта Сила может уничтожить все хорошее, что есть в человеке, — выдохнула она. — Но

тебе нечего бояться. Даже не будь этой силы, ты был бы тем, что ты есть: злом.

— Пусть будет так, — сказал он. — Но все, о чем я тебе рассказал, произойдет и ты будешь тому свидетельницей. Со мной вместе.

— Нет. Я покончу с собой задолго до этого.

— Я подчиню тебе свою душу, и ты полюбишь меня.

— Тебе никогда не получить ни моей души, ни тела.

— Сейчас ты уснешь, — сказал он, — а когда проснешься, мы уже будем мужем и женой. Бороться ты будешь недолго и сдашься мне... сперва твое тело, а потом душа. Ты будешь лежать смирно, а потом я приду к тебе, и еще. После этого ты придешь ко мне. Спи, пока я не принесу Смейджа в жертву на алтаре его хозяина и не очищу это место от всего, что мне неприятно. Спи крепко. Тебя ждет новая жизнь.

И Джек вышел, и все стало так, как он сказал.

X

После того, как Джек решил все проблемы, связанные с границами, то есть завоевал владения Дреккхейма, присоединив их к своим, и отправил барона в Навозные Ямы, он обратил свое внимание на крепость Холдинг — дом Бессмертного Полководца. Крепость оправдывала свое название недолго, и Джек вошел в нее.

Они с Полководцемм сидели в библиотеке, потягивая легкое вино, и долго предавались воспоминаниям.

Наконец Джек коснулся деликатного вопроса союза Айвин с тем, кто заполучил Факел Ада.

Полководец, на чьих впалых щеках виднелись подобные лунным серпам шрамы и чьи волосы поднимались вверх от переносицы подобно рыжему смерчу, покачал головой над кубком. Он опустил блеклые глаза.

— Ах, ты это понял так, — тихо сказал он.

— Так это понял не я, — сказал Джек. — Я воспринял это как задачу, которую вы поставили передо мной — передо мной, а не перед любым желающим.

— Ты должен признать, что потерпел неудачу. Поэтому, когда объявился другой поклонник и принес назначенную цену, я...

— Вы могли бы дождаться моего возвращения. Я украл бы камень и принес вам.

— Возвращение занимает много времени. Мне не хотелось, чтобы моя дочь осталась старой девой.

Джек покачал головой.

— Признаюсь, я весьма доволен тем, как повернулось дело, — продолжал Полководец. — Теперь ты — могущественный лорд и моя дочь принадлежит тебе. Я думаю, она счастлива. Я владею Факелом

Ада, и это меня радует. Мы все получили то, чего желали...

— Нет, — сказал Джек. — Я могу предположить, что вы никогда не желали меня видеть своим зятем и сговорились с бывшим хозяином Хай-Даджен, как это все получше устроить.

— Я...

Джек поднял руку.

— Я сказал только, что могу предполагать это. Конечно, я так не считаю. Я точно не знаю, что вы там решили... или не решили... кроме вопроса об Айвин и Факеле Ада... И знать не хочу. Я знаю только, что произошло. Учитывая это, а также то, что вы теперь мой родственник, я позволю вам самому покончить с собой, не отдавая свою жизнь в чужие руки.

Полководец вздохнул и улыбнулся, еще раз подняв глаза.

— Спасибо, — сказал он. — Очень мило с твоей стороны. Я беспокоился, что ты мне в этом откажешь.

Он попивал вино.

— Придется мне сменить имя, — сказал Полководец.

— Еще рано, — сказал Джек.

— Верно. У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Нет. Хотя, пока вас не было, я думал над этим.

— Благодарю, — сказал Полководец. — Знаешь, раньше мне не приходилось проделывать ничего подобного... Тебе не трудно будет предложить мне что-нибудь особенное?

Джек немного помолчал.

— Яд — хорошая штука, — сказал он. — Но эффект для каждого индивидуума настолько различается, что иногда это может оказаться болезненным. По-моему, вы добьетесь своего наилучшим образом, если усядетесь в горячую ванну и вскроете под водой вены. Это почти не больно. Как будто вы заснули.

— Тогда, пожалуй, я так и сделаю.

— В таком случае, — сказал Джек, — позвольте мне дать вам кое-какие инструкции.

Он наклонился вперед, взял Полководца за запястье и повернул внутренней стороной вверх. И вытащил кинжал.

— Ну, — начал он почти забытым преподавательским тоном, — не повторите ошибки, которые совершают практически все, кто в этом деле непрофессионал.

Используя лезвие как указку, он продолжал:

— Не режьте поперек, вот так. Свертывание крови, которое последует, может оказаться достаточным для повторного пробуждения. Тогда придется повторить процесс. Так может произойти несколько раз. Несомненно, в результате вы будете до некоторой степени травмированы — как если бы вам сделали недостаточную анестезию. Надо резать вдоль, по синим линиям, вот так, — сказал Джек, демонстрируя. — Если сосуды окажутся слишком скользкими, вам следует приподнять их кончиком своего оружия и быстро повернуть лезвие. Не надо просто тянуть вверх. Это неприятно. Помните об этом. Этот поворот — важный момент, если вам не удалось добиться своего при продольном разрезе. Вопросы есть?

— Мне кажется, нет.

— Тогда повторите.

— Дай мне кинжал.

— Держите.

Джек слушал, кивая, делая только мелкие замечания.

— Очень хорошо. По-моему, вы поняли, — сказал он, принимая кинжал обратно и снова пряча его в ножны.

— Хочешь еще вина?

— Да, у вас отличные погреба.

— Спасибо.

Высоко над миром тьмы, под темной сферой, сидя на спине ленивого дракона, которому он скормил Бенони и Блайта, Джек смеялся на ветру и сильфиды смеялись вместе с ним, потому что теперь он был их господином.

Время шло, а Джек продолжал решать споры о границах заново, в свою пользу. А споров становилось все меньше и меньше. Джек принялся, сперва лениво, а потом с возрастающим пылом, применять полученные на дневной стороне знания для составления толстого тома под названием «Оценка культуры царства тьмы». Поскольку теперь его Власть простиралась

почти на все царство ночи, он принялся собирать ко двору тех, чьи знания или особое искусство могло дать для его работы историческую, техническую или художественную информацию. Он больше чем наполовину решил после завершения опубликовать свой труд на дневной стороне. Теперь, когда он установил контрабандные пути и заполучил агентов в главных городах на дневной стороне, он знал, что это выполнимо.

Он сидел в Хай-Даджен, ныне Шедоу-Гард, в просторном замке, с высокими освещенными факелами залами, подземными лабиринтами и множеством башен. Здесь было полным-полно прекрасных вещей, вещей бесценных. В коридорах плясали тени, а грани бесчисленных драгоценных камней сверкали ярче, чем солнце над другой половиной мира. Он сидел в библиотеке Шедоу-Гард, держа череп его прежнего хозяина на столе вместо пепельницы, и работал над своим исследованием.

Он курил (одна из причин, по которым он установил тайную торговлю с дневной стороной), поскольку находил этот обычай как приятным, так и трудным для отвыкания. Он глядел, как дым смешивается с дымом свечи и поднимается к потолку, когда Стэб — летучая мышь, превращенная обратно в человека, теперь его личный слуга — вошел и остановился на предписанном расстоянии.

— Господин, — сказал он.

— Да?

— Тут у ворот старуха, она хочет говорить с вами.

— Я не посылал ни за какими старухами. Скажи ей, чтобы убиралась.

— Она говорит, вы ее приглашали.

Джек поглядел на низенького черного человека. Длинные руки и ноги и пучки белых волос, похожие на антенны над слишком длинным лицом делали его похожим на насекомое. Он уважал его, потому что когда-то тот был удачливым вором, попытавшимся ограбить прежнего хозяина этого замка.

— Приглашал? Ничего такого я не припоминаю. Что ты о ней думаешь?

— Похоже, она с запада, сэр.

— Странно...

— ...и она требует, чтобы я сказал вам, что это Рози.

— Розали! — сказал Джек, убирая ноги со стола и выпрямляясь. — Приведи ее ко мне, Стэб!

— Да, сэр, — ответил Стэб, отшатываясь — как всегда, когда его господин неожиданно выказывал эмоции.

Джек стряхнул пепел в череп и посмотрел на него.

— Интересно, твой дух тут еще не бродит? — пробормотал он. — У меня такое чувство, что это возможно.

Он нацарапал записку, припомнив, что надо приговорить к смерти несколько групп людей с жестокими головными болями и отправить их патрулировать Навозные Ямы.

Джек вытряхнул пепел из черепа и расправлял на столе бумаги, когда Стэб ввел старуху в комнату. Поднимаясь, он посмотрел на Стэба, который быстро вышел.

— Розали! — сказал Джек, идя ей навстречу. — Как хорошо...

Она не ответила на его улыбку, но когда он предложил ей кресло, уселась, кивнув.

О, боги! Она и впрямь похожа на сломанную метлу, снова решил он, вспоминая. И все же... Это Розали.

— Так ты все-таки пришла в Шедоу-Гард, — сказал он. — За то, что ты тогда дала мне хлеба; тебя всегда будут хорошо кормить. За то, что ты дала мне добрый совет, ты всегда будешь в чести. У тебя будут слуги, которые будут купать и одевать тебя и прислуживать тебе. Если ты желаешь овладеть Искусством, я приобщу тебя к высшей магии. Чего бы ты ни пожелала, тебе нужно только попросить. Мы устроим в твою честь праздник... как только подготовим его! Добро пожаловать в Шедоу-Гард!

— Я ведь пришла не насовсем, Джек, только поглядеть на тебя еще разок... на тебе новые серые одежды и отличный черный плащ! А сапоги какие блестящие!.. Ты в таких никогда не ходил...

Он улыбнулся.

— Я не хожу так много, как когда-то.

— ...и не крался тайком. Теперь в этом нет нужды, — сказала она. — Значит, ты обзавелся собственным королевством, Джек... самым большим из всех, что я знаю. Теперь ты счастлив?

— Вполне.

— Значит, ты ходил к машине, которая думает, как человек, только быстрее. К той машине, от которой я тебя предостерегала. Верно?

— Да.

— ...И она дала тебе Потерянный Ключ, Кольвинию.

Он отвернулся, схватил сигарету, закурил, затянулся. Потом он поглядел на Розали и кивнул.

— Но это я не обсуждаю, — сказал он.

— Конечно, конечно, — сказала Розали, кивая. — Ведь с ним ты получил Силу, которая подходит твоим амбициям, а ведь когда-то ты даже не знал, что они у тебя есть.

— Должен сказать, что ты права.

— Расскажи мне о той женщине.

— О какой женщине?

— В холле я прошла мимо красивой женщины в зеленом — под цвет ее глаз. Я поздоровалась, и губы ее улыбнулись мне, но ее дух следовал за ней в слезах. Что ты с ней сделал, Джек?

— Я поступил так, как было необходимо.

— Ты что-то украл у нее... не знаю что... так же, как воровал у всех, кого знал. Есть ли кто-нибудь, кого ты считаешь своим другом, Джек? У кого ты ничего не взял, а наоборот, дал ему что-то?

— Да, — ответил он. — Он сидит на вершине горы Паникус — наполовину камень, наполовину не знаю что. Я много раз приходил к нему и всеми силами пробовал освободить. Но даже от Ключа не было толку.

— Утренняя Звезда, — сказала она. — Да, твоему единственному другу только и быть проклятым богом.

— Рози, за что ты наказываешь меня? Я предлагаю любым доступным способом вознаградить тебя за страдания, которые ты приняла из-за меня... и не только из-за меня.

— Женщина, которую я видела... Сумел бы ты

сделать ее такой, какой она была до того, как ты обокрал ее... если бы я больше всего хотела этого?

— Может быть, — сказал Джек, — но я сомневаюсь, чтобы ты попросила об этом. Даже соберись я сделать это, она, я чувствую, стала бы безнадежно безумной.

— Почему?

— Потому что ей пришлось многое увидеть и пережить.

— И в ответе за это ты?

— Да, но это и так надвигалось.

— Ни одна человеческая душа не заслуживает того страдания, которое я заметила, проходя мимо нее.

— Душа! Не говори мне о душе! И о ее страданиях! Ты что, намекаешь, что у тебя душа есть, а у меня нет? Или ты думаешь, мне незнакомы страдания? ...Хотя ты права в том, что касается ее. Она отчасти человек.

— Но у тебя есть душа, Джек. Я принесла ее с собой.

— Боюсь, я не понимаю.

— Ты оставил свою душу в Навозных Ямах Глива, как все люди тьмы. Я вытащила ее оттуда — на случай, если в один прекрасный день она тебе понадобится.

— Ты, конечно, шутишь.

— Нет.

— А как ты узнала, что это — моя душа?

— Я — Ведунья.

— Дай мне поглядеть на нее.

Он потушил сигарету, а Рози тем временем развернула свой узелок с вещами. Она извлекла небольшой предмет, завернутый в чистую полотняную тряпку. Она развернула его и положила на ладонь.

— Вот эта штука? — спросил он и захохотал.

Это был серый шарик, который на свету стал делаться ярче, просветляться, сперва став блестящим и похожим на зеркало, а потом прозрачным. Поверхность заиграла разными красками.

— Это же просто камень, — сказал он.

— Он был с тобой в момент твоего пробуждения в Ямах, правда?

— Да. Он был у меня в руке.

— Почему ты бросил его там?

— А почему бы и нет?

— А разве он не оказывался с тобой каждый раз, как ты приходил в себя в Гливе?

— Ну и что?

— В нем заключена твоя душа. Может быть, когда-нибудь ты захочешь соединиться с ней.

— Это — душа? И что же прикажешь с ней делать? Таскать в кармане?

— Можно придумать что-нибудь получше, чем бросать ее на куче падали.

— Дай мне ее!

Он выхватил камень у нее из рук и уставился на него.

— Никакая это не душа, — сказал он. — Это крайне непривлекательный кусок камня или, может быть, яйцо гигантского навозного жука. Он и воняет, как сами Ямы!

Он занес руку, чтобы отшвырнуть от себя камень...

— Не надо! — крикнула она. — Это... Это твоя душа... — тихо закончила Розали, когда камень ударился о стену и разбился вдребезги.

Джек быстро отвернулся.

— Я могла бы знать, — сказала старуха. — Никому из вас душа по-настоящему не нужна. А тебе — меньше всех. Ты должен признать, что это было нечто большее, чем просто камень или яйцо, иначе бы ты так не взбесился. Ты почувствовал в нем что-то, касающееся лично тебя и опасное. Разве не так?

Но Джек не ответил. Он медленно повернул голову в сторону разбившегося камня и уставился на него. Она проследила за его взглядом.

Из камня выплыло туманное облачко. Оно росло вверх и вширь. Вот оно воспарило над ними. Облачко перестало двигаться и начало окрашиваться. Они смотрели, как появляются контуры фигуры, напоминающей человеческую.

Когда Джек увидел, что проступающие черты — его собственные, у него захватило дух и он продолжал таращить глаза. Облако становилось все плот-

нее и плотнее на вид, пока не начало казаться, что Джек разглядывает своего близнеца.

— Дух, кто ты? — спросил Джек с пересохшим горлом.

— Джек, — слабо ответил тот.

— Джек — это я, — сказал он. — Кто ты?

— Джек, — повторил тот.

Оборачиваясь к Розали, Джек проворчал:

— Это ты притащила его сюда! Ты его и выгоняй!

— Не могу, — ответила она, пригладив волосы и уронив руки в колени. Она начала ломать пальцы. — Он твой.

— Почему ты не оставила эту проклятую штуку там, где нашла ее? Там, где ей место?

— Там ей не место, — сказала она. — Она твоя.

Отворачиваясь, Джек проговорил:

— Эй, ты! Ты — душа?

— Погоди минутку, а? — ответил дух. — Я кое-что соображу... Да. Я подумала и теперь считаю, что я — душа.

— Чья?

— Твоя, Джек.

— Отлично, — сказал Джек. — Ты и правда отплатила мне, Рози, а? Что, черт побери, мне делать с душой? А как ты избавилась от своей? Если я умру, пока эта штука на свободе, для меня не будет возврата.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответила она. — Я думала, так будет правильно... когда пошла искать ее и нашла... принести и отдать тебе.

— Зачем?

— Давным-давно я сказала тебе, что барон был всегда добрым к старушке Рози. Когда ты захватил его земли, то повесил его за ноги и вспорол ему живот. Я плакала, Джек. Он — единственный, кто за долгое время по-хорошему ко мне относился. Мне много приходилось слышать о твоих делах, и ничего хорошего я не слыхала. Теперь с Силой, которой ты владеешь, так легко многим причинить зло — что ты и делал. Я подумала, что если я отыщу твою душу, она, может быть, смягчит твои намерения.

— Розали, Розали, — он вздохнул. — Ты дура. Ты хотела, как лучше, но ты — дура.

— Может и так, — ответила она, стискивая руки и оглядываясь на душу, которая стояла, уставившись на них.

— Душа, — сказал Джек снова поворачиваясь к ней, — ты слышала. У тебя есть предложения?

— У меня только одно желание.

— Какое же?

— Соединиться с тобой. Пройти с тобой по жизни, заботясь о тебе, предостерегая тебя и...

— Погоди минутку, — сказал Джек, поднимая руку. — А что для этого нужно?

— Твое согласие.

Джек улыбнулся. Он закурил сигарету. Руки у него слегка дрожали.

— А если бы я не дал своего согласия? — спросил он.

— Тогда я бы стала бродячей. Я бы следовала за тобой в отдалении, не в состоянии поддержать тебя и предостеречь, не в состоянии...

— Класс, — сказал Джек. — Я не даю своего согласия. Пошла вон.

— Ты шутишь? Так с душой не обращаются, это черт знает что. Я тут жду, чтоб поддержать и предостеречь тебя, а ты вышвыриваешь меня пинком. Что скажут люди? «Вон идет душа Джека, — скажут они, — бедняжка. Общается с духами и низшими астралами, и...»

— Выметайся, — сказал Джек. — Обойдусь без тебя. Знаю я вас, подлых ублюдков. Вы заставляете людей меняться. Ну, а я меняться не желаю. Я и так счастлив. Ты — ошибка. Убирайся обратно в Навозные Ямы. Иди куда хочешь. Делай что хочешь, только уйди. Оставь меня в покое.

— Ты это серьезно?

— Точно. Я даже дам тебе новенький красивенький кристалл, если тебе больше нравится сидеть скрючившись в чем-то подобном.

— Для этого слишком поздно.

— Ну, это лучшее, что я могу тебе предложить.

— Если ты не хочешь соединиться со мной, пожалуйста, не вышвыривай меня, как какую-то бродяжку. Позволь мне остаться здесь, с тобой. Может, так я смогу давать тебе советы, поддерживать и предо-

стерегать тебя, а тогда ты поймешь, как я нужна, и переменишь свое решение.

— Катись!

— А что, если я откажусь уйти? Что, если я просто усилю свое внимание к тебе?

— Тогда, — сказал Джек, — я напущу на тебя самые разрушительные силы Ключа, те, которые я никогда не использовал раньше.

— Ты уничтожишь собственную душу?

— Ты прав, черт побери! Убирайся!

Тогда она повернулась к стене и исчезла.

— С душами покончено, хватит, — сказал Джек. — Теперь мы подберем тебе покои и несколько слуг. Мы проследим, чтобы подготовились к торжеству.

— Нет, — сказала Розали. — Я хотела увидеться с тобой. Что ж, вот мы и повидались. Я хотела принести тебе кое-что — и принесла. Вот и все.

Старуха стала подниматься.

— Погоди, — сказал Джек. — Куда ты пойдешь?

— Подошло к концу мое время быть Ведуньей Западных Границ, и я возвращаюсь на дорогу у моря, в таверну «У Огненного Пестика». Может случиться так, что я найду какую-нибудь шлюшку, из таверны, чтобы она ухаживала за мной, когда я ослабею. За это я обучу ее Искусству.

— По крайней мере, побудь здесь хотя бы немного, — сказал он. — Отдохни, поешь...

— Нет, мне не нравится здесь.

— Если ты твердо решила уйти, позволь, я облегчу тебе путь. Тебе не придется идти пешком.

— Нет. Спасибо.

— Могу я дать тебе денег?

— Меня могут ограбить.

— Я пошлю эскорт.

— Я хочу путешествовать одна.

— Хорошо, Розали.

Джек смотрел, как она уходит, а потом подошел к очагу и развел маленький огонь.

Джек работал над своей «Оценкой», становясь в ней все более выдающейся фигурой, и укрепил свое правление в царстве ночи. За это время он повидал свои бесчисленные изваяния, воздвигнутые по стране. Он слышал, как его имя слетало с уст менестрелей

и поэтов, но не в старых стихах и песнях о его мошенничествах, а в рассказах о его мудрости и могуществе. Четырежды он позволял Повелителю Нетопырей, Смейджу, Квазеру, барону и Блайту пройти часть пути из Глива и только потом отправлял их назад — каждый раз другим способом. Он решил исчерпать до конца их жизни и таким образом избавиться от них навсегда.

На празднестве, устроенном Джеком в честь возвращения ее отца, Айвин плясала и смеялась. Его запястья были еще перевязаны, но он произнес тост и пил вино из погребов, которые некогда были его собственными.

— За леди и лорда из Шедоу-Гард, — сказал он. — Пусть их власть и счастье длятся, пока над нами царствует ночь.

Потом Полководец Ни Разу Не Принявший Смерть От Чужой Руки большими глотками выпил вино и они веселились.

На вершине Паникуса Утренняя Звезда — часть Паникуса — смотрел на восток.

Душа блуждала в ночи, изрыгая проклятия.

Жирный дракон, пыхтя, нес овцу в свое далекое логово.

В сумеречном болоте зверю снилась кровь.

Потом настали времена, когда Договор и впрямь был нарушен.

Делалось все холоднее, и Джек сверился с Книгой. Он отыскал имена тех, чья очередь была нести службу. Он ждал и смотрел, но ничего не происходило.

Наконец он собрал у себя этих лордов тьмы.

— Друзья, — сказал он, — пришла ваша очередь нести службу у Щита. Почему вы не делаете этого?

— Сэр, — сказал лорд Элдридж, — мы пришли к соглашению отказаться от этой обязанности.

— Почему?

— Вы сами нарушили Договор, — сказал тот. — Если нельзя, чтобы все в мире шло по-прежнему, то мы хотели бы оставить все так, как есть. Так сказать, на пути к разрешению. Убейте нас, если желаете, но мы и пальцем не пошевельнем. Если вы такой могущественный волшебник, отправляйтесь к Щиту сами. Убейте нас и смотрите, как мы будем умирать.

— Ты слышал, о чем он просит, — сказал Джек слуге. — Проследи, чтобы их убили.

— Но, сэр...

— Делай, что я сказал.

— Есть.

— Я сам посмотрю за Щитом.

Лордов схватили и убили.

А Джек двинулся вперед.

На вершине ближайшей горы он обдумал эту проблему. Он ощущал холод и раскрыл свое Естество. И обнаружил в Щите трещину.

Потом Джек принялся набрасывать чертежи. Он выцарапывал их кончиком меча на камне. Пока он делал это, они тлели, а потом засветились. Джек произнес слова Ключа.

— Э-э... здравствуй.

Он резко обернулся, занеся меч.

— Это только я.

Он опустил меч. Налетали порывы ледяного ветра.

— Что тебе нужно, душа?

— Мне было интересно, что ты делаешь. Знаешь, я иногда следую за тобой.

— Знаю. Мне это не нравится.

Джек снова вернулся к чертежу.

— Ты объяснишь мне?

— Ладно, — сказал он. — Если ты после этого перестанешь тут ныть...

— Я — пропащая душа. Мы как раз всегда ноем.

— Тогда скули сколько угодно. Мне все равно.

— Но то, чем ты занят...

— Я собираюсь отремонтировать Щит. Мне кажется, я разработал заклинания.

— Не думаю, что ты сумеешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не думаю, что это можно сделать в одиночку.

— Посмотрим.

— Я могу помочь?

— Нет!

Джек вернулся к чертежу, еще поработал над ним мечом и продолжал заклинания.

Мимо проносились ветры.

— Теперь я должен идти, — сказал Джек. — Держись от меня подальше, душа.

— Ладно. Я просто хочу соединиться с тобой.

— Может быть, когда-нибудь, когда мне станет скучно жить. Но не сейчас.

— Ты хочешь сказать, есть надежда?

— Возможно. Как бы там ни было — не сейчас.

Потом Джек распрямился и рассмотрел дело рук своих.

— Что, не выходит?

— Заткнись.

— Не получилось.

— Заткнись.

— Ты хочешь со мной соединиться?

— Нет!

— Может, я могла бы помочь.

— Попробуй — в аду.

— Я только спросила...

— Оставь меня в покое.

— А что ты теперь будешь делать?

— Уйди!

Джек поднял руки и швырнул вверх Силу. Не получилось.

— Я не могу, — сказал он.

— Я знала это. А ты знаешь, что теперь делать?

— Я думаю.

— Я знаю, что делать.

— Что?

— Сходи к своему другу, Утренней Звезде, он много чего знает. Думаю, он мог бы дать тебе совет.

Джек опустил голову и уставился на тлеющий чертеж. Ветер был холодным.

— Может быть, ты права, — сказал Джек.

— Я уверена в этом.

Джек закутался в плащ.

— Пойду прогуляюсь по тени, — сказал он.

И он шел среди теней, пока не достиг нужного места. Там он начал взбираться наверх.

Достигнув вершины, он подошел к Утренней Звезде и сказал:

— Я здесь.

— Я знаю.

— И ты знаешь, чего я хочу?

— Да.

— А получится это?

— Это не так уж невозможно.
— Что я должен делать?
— Это будет нелегко.
— Так я и думал. Расскажи.
Утренняя Звезда слегка подвинул свое огромное тело. А потом рассказал.
— Не знаю, сумею ли я, — сказал Джек.
— Кто-то должен.
— Ты больше никого не знаешь, с кем я мог бы встретиться?
— Нет.
— Можешь ты предсказать мне успех или провал?
— Нет. Когда-то я говорил тебе про тени.
— Припоминаю.
На горе воцарилась тишина.
— До свидания, Утренняя Звезда, — сказал Джек. — Спасибо.
— Прощай, Джек.
Повернувшись, Джек ушел в тень.
Он вошел в огромный шурф, который вел к сердцу планеты. Местами на стенах тоннеля виднелись пятна света. Там Джек входил в тень и за короткое время продвигался на большие расстояния. Там, где тьма была абсолютной, он шел, как прочие.
Кое-где попадались странно обставленные боковые галереи и темные дверные проемы. Джек не задерживался, чтобы их исследовать. Иногда, не часто, до него доносился топот быстро бегущих когтистых лап и стук копыт. Один раз Джек прошел мимо открытой топки, в которой горели кости. Дважды он слышал крики, словно женщина мучилась от боли. Он не остановился, но вытащил меч из ножен.
Джек миновал галерею, где на паутине толщиной с веревку сидел огромный паук. Паук зашевелился. Джек бросился бежать.
Паук не стал гнаться, но через какое-то время далеко позади Джек услыхал смешок.
Когда Джек остановился передохнуть, то увидел, что стены стали сырыми, в корке плесени. До него донесся звук, напоминающий шум реки вдалеке. Крошечные, похожие на крабов существа разбегались в разные стороны, цепляясь за стены.

Продолжая свой путь, Джек неожиданно натыкался на расселины и ямы, откуда поднимались едкие испарения. Иногда оттуда вырывались языки пламени.

Только много времени спустя он подошел к металлическому мосту, шириной всего в руку. Джек заглянул в бездну, через которую был переброшен мост, но кроме черноты ничего не увидел. Он подумал и, осторожно балансируя, не торопясь пошел вперед. Когда его нога коснулась противоположного берега, он вздохнул; но оглядываться не стал.

Теперь стены тоннеля расступились и исчезли, а потолок стал таким высоким, что не был виден. Вокруг двигались темные массы разной плотности, и, хотя Джек в любой момент мог бы создать небольшой огонь, чтобы осветить дорогу, он боялся делать это. Огонь мог бы привлечь то, что двигалось мимо, что бы это ни было. Можно было бы создать и яркий сильный свет, но только ненадолго — он исчез бы в тот момент, когда Джек вошел бы в мир созданных им теней, и он опять остался бы в темноте.

Одно время Джек боялся, что забрел в огромную пещеру и там сбился с пути, но перед ним появилась белая полоса. Он стал смотреть на нее и продолжил свой путь. Когда много позже он приблизился к ней, то увидел, что это был большой черный водоем, над которым, как рыбья чешуя, блестели огни. Это отражался слабый свет, который источала плесень, сплошь покрывавшая стены и потолок пещеры.

Когда Джек обходил вокруг бассейна, направляясь туда, где на другом берегу тьма была гуще, в воде раздался плеск. Джек обернулся, и в его руке уже был меч.

Теперь, когда его обнаружили, он произнес несколько слов — и над бассейном вспыхнул свет. В его сторону по воде стремительно двигалась рябь, словно под поверхностью двигалось что-то очень крупное. Потом по обеим сторонам выросли черные когтистые щупальца, с которых капало, и потянулись к Джеку.

Он прищурился против им же созданного света и занес меч, готовясь нанести удар.

Джек произнес самое короткое из известных ему заклинаний, чтобы исполниться меткости и силы. Потом, как только ближайшее щупальце оказалось в пределах досягаемости, он размахнулся и перерубил его. Оно упало возле его левой ноги и, все еще извиваясь, ударило Джека и сбило с ног.

Но он счел, что ему повезло. Потому что, когда Джек упал, второе щупальце рассекло воздух там, где минуту назад находились его голова и плечи.

Потом над водой с шумом появилась круглая голова около трех футов в диаметре, с пустыми глазами, увенчанная массой извивающихся отростков толщиной с большой палец Джека. В нижней части головы появилось большое отверстие, и существо двинулось к Джеку.

Он, не вставая, взмахнул мечом и, сжав клинок обеими руками, направил прямо на зверя. При этом он повторял слова Ключа так быстро, как только мог их выговорить.

Лезвие меча засветилось, раздался звук, напоминающий фырканье, и с кончика меча заструился огненный поток.

Джек медленно очертил мечом круг. Скоро он почуял запах горелого мяса.

Но существо продолжало приближаться, пока Джек не увидел множество белых зубов. Неповрежденное щупальце и обрубок второго дико извивались, нанося удары в опасной близости. Зверь издавал шипящие звуки и плевался. В этот момент Джек поднял меч так, чтобы пламя попало на извивающиеся отростки на голове.

Издав звук, очень похожий на всхлип, существо кинулось обратно в воду.

Джека окатило волной, которую подняла эта туша. Но прежде, чем волна обрушилась на него, а чудовище исчезло в глубине, Джек увидал спину зверя и содрогнулся — но не от холодной воды.

Потом он поднялся, окунул меч в воду и повторил заклинание, чтобы в тысячу раз усилить мощь, вложенную в оружие. При этом меч в руках завибрировал так, что Джек с трудом его удерживал. Но он пересилил себя и стоял так, в сиянии света, а перед ним лежало замершее щупальце.

Чем больше его пугала набранная им сила, тем дольше, казалось ему, он там стоял. Внезапно по всему телу выступил пот, одев его, словно еще одна теплая одежда.

Потом с шипением, почти визгом, всколыхнув воду в центре водоема, наполовину вынырнул зверь. Когда он снова исчез под водой, Джек не пошевелился. Он продолжал держать меч, пока вода не закипела.

Зверь больше не появлялся.

Джек не ел, пока не обошел вокруг водоема и не попал в дальний туннель. Он знал, что не осмелится уснуть. Подкрепив свои силы наркотиком, Джек пошел дальше.

Добравшись до места, где горели огни, он был атакован двумя косматыми человеко-зверями. Но он отступил в тень и дразнил их, пока они пытались добраться до него. Однако, не желая тратить время на пытки и убийство, Джек отказался от этого удовольствия и заставил тени перенести его как можно дальше.

Освещенное огнями место осталось позади, а чуть позже, на его дальнем краю, Джек понял, что приближается к своей цели. Там он приготовился миновать следующее опасное место, через которое должен был пройти.

Шел он долго, а потом начал различать запахи, напоминавшие Навозные Ямы Глива и нечто, еще более грязное. Он знал, что вскоре опять сможет видеть, хотя света не будет, а значит, не будет и теней, в которых он мог бы исчезнуть. Джек повторил все необходимое.

Запахи усиливались, и под конец Джеку пришлось бороться со своим желудком, чтобы заставить удержать то, что съел.

Потом Джек постепенно стал видеть — не так, как всегда.

Он увидел сырой скалистый ландшафт, над которым, казалось, была разлита скорбь. Место было тихим, в воздухе между скал медленно клубился туман, над неподвижной водой в лужах висели слабые испарения, а невысоко над головой они соединялись с туманом и запахами, чтобы время от времени проливаться дождем, перераспределяя по земле

грязь. Кроме этого, ничего не было видно. Озноб пробирал до костей.

Джек шел так быстро, как только смел.

Не успел он уйти далеко, как слева от себя уловил еле заметное движение. Он увидел, как из одной обычно неподвижных луж выпрыгнуло крошечное темное создание, покрытое лохматой шерстью. Оно уселось и не мигая уставилось на Джека.

Обнажив меч, Джек легонько тронул существо кончиком лезвия, и быстро отступил на шаг, ожидая, что же произойдет. Существо начало преображаться, а воздух словно взорвался. Теперь существо возвышалось над Джеком на черных кривых ногах. Лица у него не было. Оно казалось плоским и было словно нарисовано чернейшими чернилами. То, на что оно опиралось, не было ступнями ног. Дергая хвостом, оно заговорило.

— Назови свое имя, идущий по дороге, — раздался голос, звучавший подобно серебряным колокольчикам Крелла.

— Никто не услышит моего имени, пока не назовется сам, — сказал Джек.

Рогатый силуэт испустил тихий смешок.

Потом существо сказало:

— Ну, ну! Мне не терпится услышать твое имя.

— Ну, ладно, — сказал Джек и назвался.

Существо упало перед ним на колени.

— Господин, — сказало оно.

— Да, — ответил Джек. — Меня зовут именно так. Теперь ты во всем должен повиноваться мне.

— Слушаюсь.

— Именем, которое я назвал, приказываю тебе: отнеси меня на спине к самой дальней границе твоих владений. Спускайся, пока не доберешься до того места, дальше которого нет хода ни тебе, ни тебе подобным. И да не предашь ты меня никому из своих товарищей и сородичей.

— Я сделаю, как ты велишь.

— Да.

— Повтори мне это еще раз, как заклятие.

Джек так и сделал.

— Теперь пригнись пониже, чтобы я мог оседлать тебя. Ты станешь моим скакуном.

Джек взобрался на спину существа, потянулся вперед и ухватился за рога.

— Ну! — сказал он, и монстр поднялся и тронулся в путь.

Раздавался стук копыт и что-то похожее на звон колоколов. Джек заметил, что шкура существа напоминала очень мягкую ткань.

Шаг убыстрился. Когда бы Джек ни пытался остановить на чем-нибудь взгляд, то видел размытый пейзаж.

...А потом наступила тишина.

Джек понял, что в черноте вокруг него что-то движется. Его лицо с регулярностью бьющегося сердца овевали ветры. Потом он понял, что они налетали сверху, гонимые над вредоносной землей большими черными крыльями.

Путешествие было долгим. Джек сморщил нос, потому что вонь, исходившая от зверя, была сильнее, чем запах окружающего ландшафта. Они двигались очень быстро, но Джек успевал заметить возникавшие время от времени в верхних слоях воздуха знакомые темные силуэты.

Несмотря на скорость, путешествие казалось бесконечным. Джек начал ощущать, что его силы иссякают, потому что его ладони болели сейчас даже сильнее, чем тогда, когда он вскипятил черный водоем.

Он боялся уснуть, потому что хватка могла ослабнуть. И чтобы отогнать сон, Джек принялся размышлять о самых разных вещах. Странно, думал он, что мой злейший враг оказал мне величайшую в жизни услугу. Если бы Повелитель Нетопырей не указал мне путь, я бы никогда не отыскал Силу, которой теперь владею. Силу, сделавшую меня правителем. Силу, позволившую мне отомстить сполна и получить Айвин... Айвин... Я все еще не совсем доволен тем, каким образом удерживаю тебя. И все же... Есть ли иной путь? Ты заслужила то, что я сделал. А разве любовь сама по себе — не заклятие? Один любит, другой позволяет себя любить, и тот, кто влюблен, принужден исполнять требования другого. Конечно. Это то же самое.

...А потом он подумал о ее отце, Полководце, и о Квазере, Смейдже, Блайте, Бенони и бароне. Все они уже заплатили ему, все. Он подумал о Розали, старушке Розали, и подивился — жива ли еще она. Он решил как-нибудь справиться о ней в таверне «Под Знаком Огненного Пестика», на дороге вдоль океанского побережья. Борчин. Джек задумался, сумело ли каким-то образом выжить это изуродованное существо и продолжает ли оно где-то разыскивать его след, подгоняемое единственным жгучим желанием, живущим в искореженном теле. Борчин действительно был последним оружием Повелителя Нетопырей, его последней надеждой на отмщение. Эта мысль, как взрыв стручка геблинки, заставила Джека вспомнить то, к чему он давно не возвращался: компьютеры, Дагаут, занятия и ту девушку... как ее звали?.. Клэр! Он улыбнулся тому, что вспомнил ее имя, хотя ее лицо от него ускользало. А потом еще и Квилиэн. Джек знал, что ему никогда не забыть лица Квилиэна. Как же Джек его ненавидел? Он хихикнул, вспомнив, что оставил того в лапах обезумевшего от боли Борчина, который, несомненно, принял Квилиэна за Джека. Он припомнил свою безумную поездку по стране, как он ехал, спасаясь от света, стремясь в царство тьмы, не зная, действительно ли те распечатки, которые он везет, содержат в себе Потерянный Ключ, Кальвинию. Ему вспомнилось, как у него захватило дух, когда он это проверил. Хотя больше он не возвращался на дневную сторону, Джек ощутил странную ностальгию по дням в университете. «Может быть, это оттого, что сейчас я рассматриваю их как сторонний наблюдатель, — подумал он, — а тогда я сам был частью всего этого».

...И все время его мысли возвращались к возвышающейся, подобно башне, фигуре Утренней Звезды на вершине горы Паникус...

Джек припомнил все, что делал, начиная с Адских Игрищ до нынешнего положения дел; с того, откуда все это началось до момента его теперешнего путешествия.

...И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде на вершине Паникуса, единственному другу Джека...

Почему они сдружились? Что у них было общего? Джек ничего не мог придумать. Но все равно он чувствовал, что это загадочное создание его привлекает — чего он никогда не испытывал ни к какому другому существу. К тому же он чувствовал, что по какой-то непонятной причине Утренняя Звезда тоже к нему неравнодушен.

...Ведь это Утренняя Звезда посоветовал ему отправиться в царство тьмы и понял, что он, Джек, не просто был единственным, кто способен на такое путешествие, но и большей частью нес ответственность за то положение дел, которое сделало это путешествие необходимым. Тем не менее руководило им не чувство долга или ответственности. Скорее, это был инстинкт самосохранения. Если царство тьмы погибнет, заледенев в Вечной Зиме, Джек погибнет вместе с ним и уже не воскреснет.

...И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде, подобно башне, возвышающейся на вершине Паникуса...

Тут он вздрогнул и чуть не выпустил рога жуткого существа, которое его несло. Сходство! Сходство.

Но нет, подумал он. Эта тварь — карлик по сравнению с Утренней Звездой, который, подобно башне, подпирает небо. Эта тварь прячет лицо, а черты Утренней Звезды полны благородства. Эта скотина воняет, а от Утренней Звезды пахнет свежим ветром и горными дождями. Утренняя Звезда мудрый и добрый, а эта тварь — злобная и тупая. По чистой случайности оба они имеют рога и крылья. Эту тварь можно подчинить заклятию, а кто может подчинить себе Утреннюю Звезду?

«А правда, кто? — подумал Джек. — Разве он не заколдован так же, как эта тварь заколдована мной, хотя и по-другому? Но это было бы под силу только богам...»

...И он обдумал эту идею и отбросил ее.

«Неважно, — решил Джек наконец, — он мой друг. Я могу спросить этого демона, не знакомы ли они, но его ответ ничего не изменит. Утренняя Звезда — мой друг».

Потом мир вокруг Джека стал темнеть, и он ухватился покрепче, испугавшись, что слабеет. Но

чем ниже они спускались, тем темнее становилось, тем понятнее было, что они приближались к границе.

Наконец существо, которое несло Джека, пропело приятным голосом:

— Только до этих пределов могу я донести тебя, господин, но не далее. Черный камень перед тобой отмечает границу царства видимой тьмы. Пересечь ее я не смею.

Джек прошел мимо черного валуна. Тьма позади камня была абсолютной.

Обернувшись, он сказал:

— Ну, хорошо. Я освобождаю тебя от служения мне. Приказываю тебе только: если нам придется встретиться еще, ты не попытаешься причинить мне вред и будешь повиноваться моей воле так же, как в этот раз. Теперь приказываю тебе уйти. Иди! Я посылаю тебя вперед!

И Джек пошел прочь от границы, зная, что близок к цели.

Он узнавал это по слабому дрожанию земли под ногами, по едва уловимой вибрации воздуха, словно вдалеке гудели машины.

Он шел вперед, размышляя о своей задаче. Вскоре волшебство потеряет силу, даже Ключ станет бесполезным. Но черное пространство, которое пересекает сейчас Джек, должно было быть свободным от зла. Это просто чернота, простирающаяся до нужного места. Джек создал небольшой мигающий огонек, чтобы освещать себе дорогу под ногами. Выбирать направление было не нужно: достаточно было просто идти на звук и ощущать, как он усиливается.

И по мере того, как звук усиливался, способность Джека создавать путеводный огонь слабела, пока, наконец, не исчезла.

Из-за этого он стал двигаться осторожно, не слишком сожалея об исчезнувшем огоньке, потому что теперь вдалеке видна была светящаяся точка.

XI

Пятнышко света росло, а гудение и вибрация усиливались. Наконец света стало достаточно, чтобы Джек мог разглядеть дорогу. Через некоторое время свет стал настолько ярким, что Джек выругался — он забыл захватить свои старые темные очки.

Пятно яркого света превратилось в светящийся квадрат. Лежа на животе, Джек долго смотрел на него, давая глазам возможность приспособиться. По дороге он не один раз повторил это, испытывая боль.

Почва под ногами стала ровной, воздух — холодным, но приятным, лишенным тех запахов, которые преобладали там, откуда Джек недавно ушел.

Он шел, пока светящийся квадрат не оказался прямо под ним. Там не было ничего, кроме света. Это был гигантский выход куда-то, — но все, что Джек сумел разглядеть, это желто-белое сияние. Он услышал гудение, звяканье и скрежет, словно там работало множество машин.

...Или Великая Машина.

Джек опять лег ничком. Он пополз вперед через этот выход. Он лежал на карнизе, и на миг его разум отказался вобрать в себя все то, что было внизу.

Там было столько механизмов, что потребовалось бы бог знает сколько времени, чтобы все их пересчитать. Некоторые крутились медленно, некоторые — быстро, большие поворачивались к маленьким. Там были кулачки, рычаги управления, рукоятки и маятники. Некоторые маятники были больше Джека раз в двадцать и ходили медленно, тяжеловесно. Там были штуки, которые штопором ввинчивались в цилиндры и выползали наружу из черных металлических пазов. Там были конденсаторы, трансформаторы и выпрямители. Там были огромные корпуса из вороненого металла, на которых располагались цифер-

блаты, выключатели, кнопки и множество разноцветных, все время мигавших лампочек. Слышался непрерывный шум, гудели генераторы, спрятанные еще ниже... или, может быть, это было что-то другое, черпавшее мощность прямо из планеты, от ее тепла, гравитационного поля и определенных скрытых напряжений... Все это гудело в ушах у Джека, словно рой насекомых. Повсюду резко пахло озоном. Стены огромного котлована, в котором все это располагалось, источали яркий свет. Целая батарея вагонеток двигалась по рельсам через весь комплекс, иногда останавливаясь, чтобы выгрузить смазку в разных точках. Там были силовые кабели, похожие на змей, которые пронизывали Машину в разных направлениях, — но это ничего не говорило Джеку. Там были крохотные коробочки со стеклянными окошечками, связанные с прочими тонкими проводами, а в них такие мельчайшие детали, что Джек со своего места не мог различить их очертаний. Там было никак не меньше сотни механизмов, напоминавших лифты. Они все время то ныряли в глубину, то исчезали наверху. На разных уровнях они останавливались, чтобы вытолкнуть из себя в Машину какие-то механизмы. На дальней стене светились широкие красные полосы. Они мигали. Разум Джека не мог вместить все то, что он увидел, почувствовал, услышал и обонял, хотя Джек понимал, что с этим придется как-то разбираться и поэтому искал ту часть этой массивной структуры, ту оптимальную точку воздействия, которая уничтожила бы машину. Он обнаружил, что на стенах висели инструменты титанических размеров — инструменты, пользоваться которыми для обслуживания этой машины могли бы только великаны. Там были гаечные ключи, плоскогубцы, отвертки, рычаги. Джек знал, что среди них есть нужная ему штука, которая, если правильно ее использовать, сможет сломать Великую Машину.

Он еще прополз вперед и продолжал глазеть. Зрелище было великолепным — ничего подобного прежде не было и никогда больше не будет.

Джек посмотрел вниз и увидел далеко справа от себя металлическую лестницу. Он пошел к ней.

Карниз сузился, но Джеку удалось добраться до

верхней ступеньки. С нее он рывком перемахнул туда, куда ему было нужно, и занял нужное положение.

Он начал долгий спуск.

Не успел он добраться до дна котлована, как услыхал шаги. Они были едва различимы среди шумов от работающих машин, но Джек расслышал их и отступил в тень.

Тень, хоть и не имела своих обычных свойств, скрыла его. Там, неподалеку от лестницы, рядом с каким-то генератором, Джек выжидал, обдумывая свой следующий шаг.

Показался низенький седой человек. Джек рассматривал его. Тот остановился, нашел канистру с маслом и стал капать смазку в разные механизмы.

Джек наблюдал, как человек ходит по Машине, отыскивая клапаны и отверстия, и заливает в них масло.

— Здравствуйте, — сказал Джек, когда человечек проходил мимо него.

— Что... Кто вы такой?

— Я — человек, который пришел к вам.

— Зачем?

— Я пришел кое-что у вас спросить.

— Приятно слышать. Я готов вам отвечать. Что вы хотели бы знать?

— Меня интересует, как устроена Машина.

— Это очень сложно, — ответил тот.

— Еще бы. А нельзя ли поподробнее?

— Да, — ответил его собеседник и ошеломил Джека объяснениями..

Джек кивнул, чувствуя, как его руки напрягаются.

— Понимаете?

— Да.

— А в чем дело?

— По-моему, вы собираетесь умереть, — сказал Джек.

— Что... — Но Джек ударил человечка кулаком в левый висок.

Потом подошел к набору инструментов около Машины, поглядел на огромное количество оборудования. Джек выбрал тяжелый металлический брусок, назначения которого не понимал. Подняв его, он отыскал небольшой стеклянный корпус, о котором гово-

рил старик. Внутри он увидел сотни крохотных деталек, вращавшихся с разной скоростью.

Занеся брусок, Джек раздробил стекло и принялся уничтожать внутренние механизмы. С каждым новым ударом, который он наносил, механизмы в очередной части Машины издавали протестующие звуки. За этим последовал пронзительный вой, резкий скрип и скрежет металла о металл. Потом раздался взрыв и несколько частей Машины задымились. Раздалось прерывистое гудение и звякание, словно рвалось или разбивалось что-то большое. Один из самых массивных механизмов заработал с перебоями, сбавил скорость, остановился и пошел снова, медленнее, чем раньше.

Пока Джек крушил другие корпуса, емкости со смазкой наверху взбесились. Они метались туда-сюда, вываливая свое содержимое, и возвращались к кранам на стенах за новыми порциями. Запахло горелой изоляцией. Раздались такие звуки, словно что-то лопалось. Пол затрясся, и несколько поршней вырвались на свободу. Теперь в дыму мелькали языки пламени. От едких испарений Джек чихал.

Машина содрогнулась до основания, остановилась и снова заработала в бешеном темпе. Пока валы и оси лязгали, а механизмы метались, она тряслась. Машина принялась разрывать себя на части. У Джека от грохота заболели уши. Раскрутившись, он обрушил брусок на Машину и побежал в сторону лестницы.

Оглянувшись, Джек увидел, что к машине мчатся огромные фигуры, наполовину скрытые дымом. Слишком поздно, знал Джек.

Он взлетел по лестнице, добрался до карниза и помчался в темноту, из которой явился.

Так началось уничтожение того мира, который был знаком Джеку.

Обратный путь оказался в определенных отношениях опаснее спуска, потому что теперь земля дрожала, поднимая вековую пыль, стены трескались, обваливались куски свода. Два раза Джеку приходилось, кашляя, расчищать дорогу от мусора, прежде чем он смог пройти. Кроме того, те, кто населял этот огромный тоннель, в панике бежали, с новоявленной

жестокостью нападая друг на друга. Чтобы пройти, Джек многих поубивал.

Джек вышел из тоннеля и посмотрел на черную сферу высоко в небе. От нее все еще исходил холод, теперь даже больше, чем когда Джек только начинал свою миссию. Он осмотрел шар и отметил, что, похоже, тот слегка сместился из своего прежнего положения.

Потом, дабы сдержать данное себе обещание, Джек поспешно воспользовался Ключом и перенесся на океанское побережье, к таверне «Под Знаком Огненного Пестика».

Он зашел в эту сделанную из местного дерева гостиницу, тысячу раз чиненную и такую древнюю, что даже Джек с трудом припоминал, когда она появилась. Когда он спустился в центральный обеденный зал, земля дрогнула, а стены вокруг него затрещали. За этим последовала тишина. Потом стал слышен гул голосов, доносившийся от группы обедавших у огня.

Джек подошел к ним.

— Я ищу старуху по имени Розали, — сказал он. — Она живет здесь?

Широкоплечий мужчина со светлой бородой и синевато-багровым шрамом на лбу поднял глаза от тарелки.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Джек из Шедоу-Гард.

Мужчина рассмотрел лицо и одежду Джека. Он широко раскрыл глаза, потом опустил их.

— Я не знаю никакой Розали, сэр, — тихо сказал он. — А вы, ребята?

Остальные пятеро обедавших сказали «нет», не глядя на Джека, и торопливо прибавили «сэр».

— Кто хозяин гостиницы?

— Его зовут Хэрик, сэр.

— Где мне найти его?

— Идите через ту дверь в конце зала, справа от вас, сэр.

Джек повернулся и направился к двери. Проходя, он услышал, что в тени кто-то прошептал его имя.

Он поднялся на два лестничных пролета и вышел в небольшую комнату, где, попивая вино, сидел тол-

стый краснолицый мужчина в грязном фартуке. В свете желтой свечи, трещавшей на столе перед ним, его лицо казалось еще более грубым. Он медленно повернул голову и несколько минут пытался сфокусировать свой взгляд на Джеке.

Потом он спросил:

— Чего надо?

— Меня зовут Джек, и я проделал долгий путь, чтобы попасть сюда, Хэрик, — ответил он. — Я ищу старуху, которая приходила, чтобы пожить здесь свои последние дни. Ее зовут Розали. Расскажи, что ты знаешь о ней.

Хэрик наморщил лоб, опустил голову и прищурился.

— Погоди-ка, — сказал он. — Была тут старая швабра... Да померла намедни.

— О, — сказал Джек. — Тогда скажи мне, где вы ее похоронили, чтобы я мог сходить к ней на могилу.

Хэрик фыркнул и большими глотками допил вино. Вытерев рот тыльной стороной кисти, он поднял руку и промокнул глаза рукавом.

— Похоронили? — переспросил он. — Да кому она была нужна? Мы держали ее тут из жалости... и еще потому, что она кое-что смыслила в знахарстве.

Челюсти Джека затвердели.

— И что же вы с ней сделали? — спросил он.

— Как это что? Бросили в океан. Правда, не велика это была пожива для рыб.

Джек покинул «Огненный Пестик», а за его спиной, на побережье, пылала гостиница.

Теперь он шел вдоль черной плоскости океана. Стоило задрожать земле или воде, и отражения звезд на его поверхности пускались в пляс. Воздух был очень холодным. Джек почувствовал, что сильно устал. Меч, висевший на перевязи, стал чуть ли не слишком тяжелым для него. Джеку страшно хотелось завернуться в плащ и ненадолго прилечь. И выкурить сигарету.

Он шел, словно сомнамбула, сапоги тонули в песке. Он снова пришел в себя только от шока, увидев, кто появился перед ним.

Похоже, это был он сам.

Тогда Джек потряс головой.

— А, это ты, душа, — сказал он.

Душа кивнула.

— Вовсе ни к чему было разрушать гостиницу, — сказала она, — потому что скоро моря вырвутся на свободу и могучие волны омоют землю. Эта гостиница исчезла бы одной из первых.

— Ты не права, — сказал Джек, зевая. — Причина была: моему сердцу это пошло на пользу... А как это ты узнаешь, как поведет себя море?

— Я никогда не удаляюсь от тебя. Я была с тобой на вершине Паникуса, когда ты беседовал с могучим Утренней Звездой. Я спускалась с тобой в недра земли. Когда ты крушил Великую машину, я стояла рядом. Я сопровождала тебя сюда.

— Зачем?

— Ты знаешь, чего я хочу.

— ...А я уже несколько раз давал тебе ответ.

— Ты знаешь, что сейчас дело обстоит иначе, Джек. Своими действиями ты лишил себя большей части сил... может быть, всех. Может быть, ты уничтожил все свои жизни, кроме теперешней. Теперь я тебе нужна. Ты знаешь, что нужна.

Джек уставился на океан и метавшиеся, как светляки, звезды.

— Возможно, — сказал он. — Но еще нет.

— Посмотри на восток, Джек. Посмотри на восток.

Джек поднял глаза и повернул голову.

— Это горит гостиница, — сказал он.

— Значит, ты не увидишь, как мы соединимся?

— Не сейчас. Но я и не прогоняю тебя. Давай-ка теперь вернемся в Шедоу-Гард.

— Отлично.

Потом земля затряслась так, как до сих пор не содрогалась ни разу, и Джек пошатнулся.

Когда почва снова успокоилась, он вытащил меч и принялся чертить на песке знаки.

Джек начал заклинание. Когда он был уже близок к завершению, огромная волна накрыла его с головой и сбила с ног. Он почувствовал, что его выкинуло на площадку уровнем выше. Легкие горели

без воздуха. Зная, что произойдет в следующий момент, Джек попытался последовать за волной еще дальше.

Перед глазами Джека плавали огни, когда он, зарываясь в песок, пополз вперед. Таким образом он немного продвинулся вперед раньше, чем вода начала спадать.

Джек боролся, а волны тащили его. Он цеплялся за песок, греб руками, дрыгал ногами, пытался ползти...

...А потом освободился.

Он лежал, наполовину зарывшись лицом в холодный сырой песок, ногти были обломаны, в сапогах — полно воды.

— Джек! Сюда! Скорее!

Это звала душа Джека.

Он лежал, хватая воздух, не в силах шевельнуться.

— Джек, ты должен идти! Или немедленно прими меня! Скоро придет еще одна волна!

Джек застонал. Он попытался встать, но неудачно.

Потом со стороны горящей гостиницы, которая озаряла весь берег бледным рыжеватым светом, раздался треск — это провалилась крыша и рухнула одна из стен.

Стало темнее, и вокруг Джека заплясали тени.

Чуть не плача, Джек вытягивал из них силу каждый раз, как тени попадали на него.

— Надо спешить, Джек! Она вернулась обратно! Она идет!

Он встал на колени, потом рывком поднялся. Шатаясь, он пошел вперед.

Добравшись до площадки, расположенной повыше, он повернул в глубь берега. Душа ждала его впереди, и, заметив это, он пошел к ней.

Позади усиливался шум воды.

Он не оглядывался.

Наконец он услышал, как волна обрушилась на берег, и ощутил водяную пыль. Только пыль.

Он слабо улыбнулся душе.

— Видишь? Мне, в общем-то, твои услуги не нужны, — сказал он.

— Скоро понадобятся, — возвращая улыбку, сказала душа.

Джек поискал на поясе кинжал, но океан забрал его к себе вместе с плащом. Туда же отправился и его меч, который он держал в руке, когда обрушилась волна.

— Стало быть, море ограбило вора. — Он хихикнул. — Это осложняет дело.

Джек упал на колени и, морщась от боли, потому что ногти были сломаны, указательным пальцем еще раз начертил на песке знаки.

Потом, не вставая, он произнес заклинание.

Он стоял на коленях в большом зале у себя в Шедоу-Гард. Вокруг мигали факелы и огромные свечи. Джек очень долго не шевелился, позволяя теням омывать себя. Потом он встал и прислонился к стене.

— Что теперь? — спросила его душа. — Может, вымоешься и отоспишься?

Джек качнул головой.

— Нет, — ответил он. — Я не рискну упустить момент своего величайшего триумфа... или, может статься, поражения. Я немного подожду тут, потом приму наркотик, чтобы оставаться сильным и быть начеку.

Потом Джек перебрался в кабинет, где держал свои стимуляторы, отпер дверь, пробормотав заклинание, и приготовил себе снадобье. Занимаясь приготовлениями, он заметил, что у него дрожат руки. Прежде, чем выпить оранжевую жидкость, ему пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы очистить рот от песка.

Затем он запер кабинет и подошел к ближайшей скамье.

— Ты давно не спал... А когда шел к Великой машине, то принимал те же средства...

— По-моему, я это чувствую даже сильнее, чем ты, — сказал Джек.

— Тебе предстоит сильное напряжение.

Джек не ответил. Немного погодя его затрясло. Он так ничего и не сказал.

— На этот раз оно подействовало не сразу, а?

— Заткнись! — сказал Джек.

Затем он встал и повысил голос.

— Стэб! Где ты, черт тебя возьми! Я вернулся домой!

Почти сразу появился черный человечек. Он почти бежал.

— Господин! Вы вернулись! Мы не знали...

— Теперь знаете. Принесите мне ванну, чистую одежду, новый меч и поесть... да побольше! Я умираю с голоду! Ну, шевелись, задница!

— Слушаюсь, сэр!

И Стэб исчез.

— Ты что, не чувствуешь себя в безопасности? Зачем тебе меч в твоей собственной крепости, Джек?

Джек повернулся, улыбаясь.

— Есть особые случаи, душа. Если ты все время была рядом со мной, как ты говоришь, ты знаешь, что обычно в этих стенах я так не хожу. Зачем ты пытаешься вывести меня из терпения?

— Тревожить время от времени — привилегия души, можно сказать, обязанность.

— Оставь свои привилегии до лучших времен.

— Но сейчас великолепный момент, Джек. Такого подходящего момента не было давным-давно. Ты что, боишься, что, если ты освободишь свои силы, твои вассалы могут восстать на тебя?

— Заткнись!

— Ты, конечно, знаешь, что они зовут тебя Злым Джеком?

Джек снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Не выйдет. Я не позволю тебе разозлить меня и обманом впутать в какую-нибудь глупость... Да, я знаю, что за прозвище мне дали, хотя немногие называли так меня в лицо — и никто из них дважды. Ты что же, не понимаешь, что, займи мое место кто-нибудь из моих вассалов, он вскоре заработал бы это же прозвище?

— Да, понимаю. Потому что у них нет души.

— Я не стану спорить с тобой, — сказал Джек. — Хотя я желал бы знать, почему никто ни разу не высказался по поводу твоего присутствия?

— Меня видишь только ты — и только тогда, когда я хочу того.

— Отлично! — сказал Джек. — Почему бы тебе

не стать сейчас невидимой и для меня! И не мешать мне вымыться и поесть.

— Извини. Я не совсем готова.

Джек пожал плечами и повернулся к душе спиной.

Через некоторое время принесли наполненную водой ванну. Когда земля дрогнула так, что по стене пробежала похожая на черную молнию трещина, часть воды разлилась. Две свечи опрокинулись и сломались. Из потолка вывалился камень и упал в соседнем покое, но никто не пострадал.

Не успел Джек до конца раздеться, как принесли новый меч. Джек бросил раздеваться, опробовал оружие и кивнул.

Он еще не закончил мыться, а рядом уже поставили стол.

К тому времени, как Джек вытерся, оделся и взял меч, на столе появились прибор и еда.

Джек ел медленно, смакуя каждый кусок. Съел он неимоверно много.

Потом он встал из-за стола и вернулся в кабинет, где держал сигареты. Оттуда он прошел в основание своей любимой башни и поднялся по лестнице.

С вершины башни он, покуривая, принялся рассматривать черную сферу. До тех пор, как он в последний раз видел ее, она заметно сместилась. Джек выпустил дым в сторону сферы. Он ощущал восторг от того, что сделал, — может быть, из-за того, что принял наркотик. Будь что будет, он — хозяин и творец нового положения вещей.

— Ты сейчас испытываешь сожаление, Джек? — спросила его душа.

— Нет, — сказал Джек. — Это нужно было сделать.

— Но тебе жаль, что это пришлось сделать?

— Нет, — сказал Джек.

— Зачем ты спалил гостиницу «Под Знаком Огненного Пестика»?

— Чтобы отомстить за то, как там обходились с Розали.

— А что ты чувствовал, когда потом шел по берегу?

— Не знаю.

— Только голод и усталость? Или еще что-то?

— Печаль. Сожаление.

— А часто с тобой бывает такое?

— Нет.

— Хочешь узнать, почему с недавних пор ты стал чаще испытывать подобные чувства?

— Скажи, если знаешь.

— Потому что я рядом. У тебя есть душа, душа, которую ты освободил. Я всегда неподалеку от тебя. Ты начал ощущать мое влияние. Так ли уж это плохо?

— Спросишь в другой раз, — сказал Джек. — Я пришел посмотреть, как обстоят дела, а не болтать.

...И слова его достигли ушей того, кто его разыскивал, когда дальняя гора стряхнула свою вершину, изрыгнула в воздух огонь и пепел и снова затихла.

XII

Джек слушал грохот дробящихся камней и наблюдал, как черная точка падает. Он слышал стоны, шедшие из сердца земли. Он видел, как ее пересекали огненные линии.

Его ноздрей коснулись едкие запахи подземного мира. Пепел роился в холодном воздухе, поднимаясь и опускаясь, как нетопыри его предшественника. Раньше перемещений звезд в небе по чьему-то приказу не было. Вдали стояли семь гор с вершинами, похожими на факелы, и он припомнил тот день, когда заставил одну из них двигаться. Небо постоянно прочерчивало скопление метеоритов, напоминая Джеку, как выглядело небо в день его последнего воскрешения. Иногда облака пара и струйки дыма затемняли созвездия. Земля дрожала не переставая, а далеко внизу Шедоу-Гард дрожал на своем фундаменте. Джек не боялся, что башня упадет, потому что так любил этот замок, что наложил на него сильное заклятие, и знал, что пока он обладает Силой, Шедоу-Гард устоит.

Рядом с ним молча стояла душа. Джек снова закурил и стал рассматривать склон горы невдалеке.

Медленно наползли тучи. Они собирались вдали, где начиналась гроза. Подобно многоногим насекомым с огненными лапками, тучи перепрыгивали с горы на гору. На севере небо от них пылало, их пробивали метеориты, а атакуемая земля плевала в них. Позже Джек сумел расслышать ворчание, означавшее начало столкновения. Еще чуть позже он заметил, что грозовой фронт движется в его сторону.

Когда буря была почти над головой, Джек улыбнулся и вытащил меч.

— Ну, душа, — сказал он, — теперь посмотрим, какова моя Сила.

С этими словами он начертил на камне узор и начал говорить.

Молния и гром разделились, обтекая, подобно огненной реке, Шедоу-Гард с двух сторон, не затрагивая его.

— Отлично.

— Спасибо.

Теперь они были словно бы в конверте: внизу горела и содрогалась земля, над головой бесновалась буря, небо было исполосовано падающими звездами.

— Ну, теперь ты можешь мне сказать?

— Могу. Теперь можно сказать уже о многом, правда? — сказал Джек.

Душа не ответила.

Услышав шаги, он обернулся к лестнице.

— Это, должно быть, Айвин, — сказал он. — Она боится грозы и всегда приходит ко мне.

Из двери на лестницу появилась Айвин, увидела Джека и кинулась к нему. Она ни слова не сказала. Джек обнял ее одной рукой и завернул в плащ. Она дрожала.

— Ты не сожалеешь о том, что сделал с ней?

— Отчасти, — сказал Джек.

— Так почему бы тебе не исправить дело?

— Нет.

— Потому, что, вспомнив, она возненавидит тебя?

Джек молчал.

— Она не может меня услышать. Если я спрашиваю, можешь отвечать коротко. Она подумает, что ты просто что-то бормочешь... Или это больше, чем ненависть?

— Да.

Оба помолчали.

— Ты боишься, что, вспомнив, она сойдет с ума?

— Да.

— Значит, ты более чувствителен и эмоционален, чем был когда-то. Даже больше, чем я подозревала.

Джек молчал.

Над ними все еще грохотал гром, сверкали молнии, и Айвин наконец повернула голову, заглянула Джеку в лицо и сказала:

— Тут, наверху, ужасно. Не сойти ли нам вниз, милый?

— Нет. Можешь спуститься, если хочешь. Но я должен остаться.

— Тогда я остаюсь с тобой.

Медленно, очень медленно гроза стала уходить, затихла, прошла. Джек увидел, что горы еще пылают, а разорванная земля сама изрыгает языки пламени. Обернувшись, он увидел, что в воздухе кружится что-то белое, и понял, наконец, что это не дым, а снег. Но снег шел далеко на востоке.

Джек внезапно почувствовал, что ничего не выйдет — опустошение будет слишком полным. Но теперь делать было нечего, оставалось только смотреть.

— Айвин...

— Да, господин.

— Я хочу кое-что сказать...

— Что, любимый?

— Я... Нет, ничего!

А душа Джека подошла ближе и встала прямо у него за спиной. В нем поднималось странное чувство, и он не выдержал. Снова повернувшись к девушке, он сказал:

— Мне очень жаль. Прости.

— За что, милый?

— Сейчас я не могу объяснить, но может наступить время, когда ты вспомнишь, что я сказал.

Она, озадаченная, сказала:

— Надеюсь, такое время не придет никогда, Джек. Я всегда была с тобой счастлива.

Он отвернулся и стал смотреть на восток. На миг он перестал дышать и всем телом ощутил биение сердца.

ОНО шло по следу сквозь пыль, шум, холод. Пылающий огонь, дрожащая земля, гроза для него ничего не значила, потому что это существо не знало страха. ОНО соскальзывало вниз по склонам холмов, как призрак, и струилось среди скал, как змея. ОНО перепрыгивало глубокие расселины, увертывалось от падающих камней. Один раз его ударило молнией. Это был комок протоплазмы на ножке, огромный, испещренный шрамами, и не было настоящих причин, чтобы он жил и двигался. Но возможно, оно и не жило, в полном смысле слова — по крайней мере, оно существовало не так, как прочие, даже жители

царства тьмы. У него не было имени, только название. Рассудок его, вероятно, был невелик. Это был комок инстинктов и рефлексов, некоторые из них были враждебные. Чувств у него не было, кроме одного. Но это единственное было очень сильным и позволяло ему вытерпеть крайнюю нужду, массу боли, сильные повреждения тела. Существо не говорило ни на одном языке, и все, с кем бы оно ни столкнулось, убегали от него.

Пока земля сотрясалась, а камни вокруг грохотали, существо начало спускаться с горы, которая однажды сдвинулась с места, и его сопровождали огненные потоки, а тучи роняли пламя.

Ни оползни, ни буря его не остановили.

Существо пробралось через валуны, разбросанные у подножия горы, и на миг задумалось о последнем подъеме.

След вел туда. Туда и нужно было идти.

Высокие стены, хорошая охрана...

Но, кроме силы, у этого существа была и кое-какая хитрость.

...И одно, единственное чувство.

— Выигрываю я или теряю, но действую, — сказал Джек, и, хотя Айвин промолчала, его душа отозвалась.

— Теряешь. Потеря это или приобретение для мира — другой вопрос. Но ты теряешь, Джек.

И, глядя на светлеющий восток, Джек почувствовал, что так оно и есть.

Потому что небо побледнело, но не от вулканического огня и не от грозы. Джек почувствовал, как Сила в нем ослабевает. Повернувшись к западу, он опять увидел, насколько снизилась черная сфера, и в его мозгу взорвался рассвет.

Сила ускользнула от него, и по мере этого стены Шедоу-Гард начали крошиться.

— Теперь нам лучше уйти, да побыстрее.

— Какое тебе дело, дух? Тебе нельзя причинить вред. Я не побегу. Эта башня устоит перед зарей.

Внизу под ними камни градом сыпались во двор. Стена подалась, обнажив интерьер нескольких покоев. До Джека донеслись крики его челяди, и несколь-

ко человек побежали по двору. Земля опять содрогнулась, и башня качнулась.

Джек снова повернулся лицом к розовому небу на востоке.

— Потерянный Ключ, Кольвиния, снова потерян, — сказал он. — На этот раз — навсегда.

Джек попробовал простое заклинание, и оно не подействовало.

Он услышал рев, словно открывали шлюзы и дальняя часть замка рухнула и развалилась.

— Если ты не уйдешь, что станет с девушкой, которая стоит рядом с тобой?

Джек повернулся к Айвин. Он почти забыл о ее присутствии. Он увидел, что лицо ее приобретает странное выражение.

Сначала он не мог понять, что это означает, а когда она заговорила, он заметил, что тембр ее голоса изменился.

— Что происходит, Джек?

Пока она говорила это, Джек почувствовал, что ее тело цепенеет и слегка отстраняется от него. Он тут же разжал руки, чтобы приспособиться к ее движениям.

И его осенило. Когда его магические силы стали слабеть, заклятие, которое он так давно наложил на нее, перестало действовать. Над потревоженным миром разливалась заря, и память Айвин прояснялась пропорционально этому.

Джек заговорил, надеясь полностью завладеть ее вниманием и удержать от мгновенного сознания происходящих в ней перемен.

— Это моих рук дело, — заявил он. — Семеро, вписанные в Расчетную Книгу, не захотели сотрудничать и удерживать Щитом внешний холод, поэтому я убил их. Но я ошибался, считая их заменимыми. Хотя я думал, что справлюсь, я не смог один провернуть все это. Была только одна альтернатива. Я разрушил Великую Машину, которая делала мир таким, каким он был. Сейчас мы, жители царства тьмы, черпаем свои легенды из той непонятной штуки, которая зовется наукой и говорим, что мир движет Машина. Те, кто живет на дневной стороне планеты, точно так же суеверны и считают, что

земное ядро заполнено духами огня и расплавленными минералами. Как определить, кто тут прав, а кто нет? Философы на обеих сторонах часто говорят, что мир чувств иллюзорен. Мне это, в общем, неважно. Что бы ни явилось реальностью, от которой мы постоянно изолированы, я пропутешествовал к центру земли и вызвал там катастрофу. Теперь вы видите ее результаты. Из-за того, что я сделал, мир начнет вращение. Больше не будет ни царства тьмы, ни царства света. Скорее, свет и тьма будут чередоваться во всех частях планеты. Я чувствую, что тьма всегда будет сохраняться в каких-то вещах, привычных для нас здесь, а науки, несомненно, будут процветать там, где свет.

Если, добавил он про себя, мир не разрушится.

Тут Джек задумался, каково было сейчас там, на светлой стороне... в университете... увидеть, как приходит вечер, за ним — тьма, увидеть звезды. Решит ли Пойндекстер, что это какая-то студенческая штучка к окончанию очередного семестра?

— И значит, — продолжал он, — не нужно будет устанавливать защиту ни от жары, ни от холода. Тепловое излучение звезды, вокруг которой мы движемся, будет не концентрироваться, а скорее распределится. Я...

— Злой Джек! — выкрикнула Айвин, быстро отшатнувшись от него.

Уголком глаза он заметил, что над горизонтом появилась оранжевая сияющая дуга.

Когда ее лучи упали на них, башня задрожала, затряслась и сильно закачалась. Джек услышал, как внутри башни сыплются камни, и почувствовал вибрацию от их движения.

...Айвин пригнулась, готовая прыгнуть, и ее глаза за массой освободившихся волос, которые стелились по ветру, были безумными и широко раскрытыми.

...А Джек увидел, что в правой руке у нее кинжал.

Он облизнул губы и сделал шаг назад.

— Айвин, — сказал он. — Пожалуйста, выслушай меня. Я могу отнять у тебя эту игрушку, но не хочу делать тебе больно. Я уже причинил тебе достаточно боли. Убери его. Пожалуйста. Я постараюсь сделать...

Тогда она прыгнула на Джека, а он потянулся к ее запястью, промахнулся и отступил в сторону.

Клинок прошел рядом с ним, за ним — ее плечо и рука. Джек ухватил Айвин за плечи.

— Злой Джек! — снова сказала она и с размаху ударила его по руке, рассекая кожу.

Его хватка ослабла. Айвин вырвалась и накинулась на Джека, подбираясь к горлу.

Левой рукой он схватил ее за запястье, а правой оттолкнул от себя. При этом он мельком увидел ее лицо: клочья пены в уголках рта, струйка крови, текущая из прокушенной губы по подбородку.

Она отступила, наткнулась на балюстраду, и та обвалилась почти бесшумно.

Джек стремительно кинулся к ней, но успел только увидеть ее развивающиеся юбки, когда она падала вниз во двор. Ее крик был коротким.

Когда башня закачалась так, что грозила свалить его с ног, Джек отступил назад.

Солнце взошло уже наполовину.

— Джек! Нужно уходить! Замок разваливается!

— Все равно, — сказал он.

Повернулся и пошел к двери на лестницу.

Пробравшись в крепость через дыру, зиявшую в северной стене, зверь принялся обыскивать коридоры. Когда ему приходилось убивать, он оставлял тела там, где они падали. В одном месте на него рухнул кусок кровли. Зверь выбрался из-под него и продолжал свой путь.

Пока бригады водоносов метались, пытаясь потушить огонь, тварь лежала за валуном, припав к земле. Она пряталась в нишах, за портьерами, за дверями и мебелью. Она скользила, как призрак, и ползла, как рептилия.

Она пробиралась между обломками, пока вновь не напала на след.

След вел все выше и выше, петлял...

Туда.

Разорванное светом небо, ясно помнящаяся сломанная балюстрада, развевающиеся юбки Айвин, стоящие перед глазами Джека, ее слюна и кровь — вот чернила для его обвинительного акта. Громыхание измученной земли, ставшее из-за своей монотонности

как бы формой тишины, раздробленные камни, заострившиеся в ясном свете зари, ветры, поющие траурную песню, движение разрушающейся башни — теперь почти успокаивающее... Джек подошел к верхней ступеньке и увидел, что тварь поднимается.

Он вытащил меч и ждал. Другого пути вниз не было.

Странно, подумал он, как инстинкт самосохранения берет верх над чем угодно.

Он держал меч неподвижно. Перепрыгнув последние ступеньки, Борчин атаковал его.

Джек проткнул ему левое плечо, но не остановил. Меч вырвался у него из рук, когда Борчин ударил его сзади и склонился над ним.

Джек откатился в сторону и сумел занять положение перед прыжком раньше, чем тварь напала снова. Его меч все еще торчал у нее в плече и блестел на свету, кровь по нему не текла, вместо этого по краям раны выступило немного густой коричневой жидкости.

Джеку удалось увернуться от повторного нападения и ударить зверя обеими руками, но незаметно было, чтобы это что-нибудь дало. Казалось, он бьет по пудингу, а тот остался целым.

Ему удалось увернуться от нападения еще дважды. Один раз он лягнул тварь по ноге, а потом треснул локтем по затылку, когда она двигалась мимо.

Потом она без труда поймала Джека; но он втолкнул меч ей в плечо.

Припадая к земле, кружа, стремясь сохранить между ними максимальное расстояние, Джек отклонился назад, схватив два камня. Если бы не это, тварь добралась бы до него. Она очень быстро обернулась, а Джек запустил в нее одним из новоприобретенных снарядов — и промахнулся.

Потом, прежде чем он успел прийти в себя после броска, тварь накинулась на Джека, повиснув у него на спине.

Джек бил зверя по голове оставшимся камнем, пока тот не вырвался у него из рук. Его грудная клетка была сломана, а морда твари была так близ-

ка от его лица, что ему захотелось закричать — он бы и закричал, если бы у него хватило дыхания.

— Жаль, что ты сделал неправильный выбор, — услышал он свою душу.

Потом тварь ухватила его одной рукой за шею, а другой — за голову и начала крутить.

Из глубины его тела поднялась чернота, слезы боли смешались на лице с потом, а голова оказалась повернутой таким образом, что Джек увидел нечто, мгновенно повергшее его в изумление.

Волшебство исчезло, но рассвет все еще наполнял сумерки. В сумерках же Джек мог работать — не как волшебник, а как вор.

Потому что в тени он был силен.

...Ни один меч не мог его там тронуть, ни одна сила не могла причинить вреда.

Восходящее солнце, ударив сквозь балюстраду, создало длинную, густую тень, которая упала в каком-нибудь футе от Джека.

Он попытался дотянуться до нее, но не смог. Тогда он выбросил правую руку в сторону тени так далеко, как только мог.

Джек все еще чувствовал боль, позвоночник хрустел, сокрушительный груз все еще давил на грудь.

Но только теперь пришло старое чувство тьмы и растеклось по телу.

Напрягая мышцы шеи, Джек сопротивлялся обмороку. Пользуясь силой, которую он извлек из тени, он втолкнул в тень руку и плечо. Потом, на пятках и локтях, он сумел впихнуть в глубокую тень голову.

Высвободив другую руку, он нашел горло Борчина. Джек втащил его за собой в тень.

— Джек, что происходит? — услыхал он свою душу. — Я не могу видеть тебя, когда ты в тени.

Джек вышел из тени много позже.

Он тяжело облокотился о ближайшую балюстраду и стоял там, задыхаясь. Он был перемазан кровью и тягучим коричневым веществом.

— Джек?

Когда он полез в то, что осталось от его одежды, руки у него дрожали.

— Черт... — хрипло прошептал Джек. — Последние сигареты пропали.

Казалось, он готов из-за этого расплакаться.

— Джек, я не думала, что ты останешься жив...

— Я тоже... Ладно, душа. Ты надоедала мне достаточно долго. Я много перенес. Мне ничего не осталось. Хотя я могу сделать тебя счастливой. Делай, что должна.

Потом он на миг закрыл глаза, а когда открыл их, душа исчезла.

— Душа? — позвал он.

Ответа не было.

Разницы Джек не ощущал. Правда ли они соединились?

— Душа? Я дал тебе то, что ты хотела. Ты могла бы по крайней мере поговорить со мной.

Ответа не было.

— Ну, ладно! Кому ты нужна!

Потом Джек повернулся и оглядел опустошенную землю. Он увидел, как косые лучи солнца окрасили сотворенную им пустыню. Ветер немного утих, и, казалось, воздух поет. Несмотря на разруху и тлеющий огонь, пейзаж был красив несущей печать проклятия красотой разрушения. Не следовало так терзать землю, если бы не что-то в нем самом, что принесло боль, смерть и бесчестие туда, где их прежде не было. Тем не менее, вне этой бойни, или, точнее, над ней, было что-то, чего Джек раньше никогда не видел. Словно все, на что он смотрел, могло стать лучше. Вдалеке виднелись разрушенные деревни, срезанные горы, сожженные леса. Джек был в ответе за все это зло — он действительно заслужил свое прозвище. И все же он чувствовал, что из этого вырастет нечто иное. Хотя эту заслугу он не мог себе приписать. Он мог лишь нести вину. Но Джек чувствовал, что предвиденье того, что может случиться теперь, когда изменился порядок мира, больше не может его напугать. Нет, не то. По крайней мере, еще нет. По новым порядкам вещей станет преемственность света и тьмы, и Джек чувствовал, что это будет неплохо. Тогда он повернулся лицом на восход и, промокнув глаза, продолжал смотреть, потому что ощущал — прекраснее он ничего не видел. «Да, — решил Джек, — должно быть, у меня есть душа — раньше ничего подобного я не чувствовал».

Башня перестала качаться и начала разваливаться.

«Вот чего я добивался, Айвин, — подумал он. — Я даже говорил об этом — когда у меня еще не было души. Я извинился, и имел в виду именно это: мне было жаль не только тебя. Весь мир. Я прошу прощения. Я люблю тебя».

...И камень за камнем башня рухнула, а Джека бросило вперед через балюстраду.

«Правильно, — подумал он, чувствуя, что ударяется о перила. — Только так и должно быть. Выхода нет. Когда ветер, огонь и вода очистят мир, а злобные существа погибнут или будут унесены прочь, последний и самый великий из них не должен избежать этого уничтожения».

Джек услышал сильный шум, словно от ветра — это рухнула балюстрада и перила скользнули вперед. На мгновение звук стал прерывистым, словно хлопало вывешенное для просушки белье.

Когда Джек оказался на краю, он сумел обернуться и посмотреть вверх, падая, он увидел в небе темный силуэт, который рос, пока Джек глядел на него.

«Конечно, — подумал Джек, — он наконец увидел восход солнца и освободился».

Сложив крылья, с бесстрастным лицом, вниз, как черный метеор, падал Утренняя Звезда. Приблизившись, он во всю длину вытянул руки и раскрыл огромные ладони.

«Интересно, — подумал Джек, — успеет ли он?»

КНЯЗЬ СВЕТА

ДЭННИ ПЛАХТА —
ЗА ДРУЖБУ, МУДРОСТЬ, СОМУ

1

Так было однажды услышано мной. Спустя пятьдесят три года после освобождения вернулся он из Золотого Облака, чтобы еще раз поднять перчатку, брошенную Небесами, пойти наперекор Порядку жизни и богам, этот порядок установившим. Последователи его молились, чтобы он вернулся, хотя и грехом были молитвы эти. Мольбам не потревожить покоя ушедшего в нирвану, при каких бы обстоятельствах это ни произошло. Но молились облаченные в шафранные рясы, чтобы он, Меченосец, Манжушри, вновь сошел к ним. И, как поведано, Бодхисатва услышал их...

Он, подавивший желания,
не зависящий от корней,
пастбищем которому пустота —
необусловленная и свободная, —
путь его неисповедим,
как птиц полет в поднебесье.

Дхаммапада (93)

Его последователи звали его Махасаматман и утверждали, что он бог. Он, однако, предпочитал опускать громкие Маха- и -атман и звал себя просто — Сэм. Никогда не провозглашал он себя богом. С другой стороны, и не отказывался от этого. В сложившихся условиях ни то, ни другое не сулило ему никакой выгоды. Чего не скажешь о молчании..

И вот тайна служила ему покровом.

Был сезон дождей..

Самый влажный период года...

Дождь шел дни напролет, когда вознеслись к небу молитвы, — и вознесли их не пальцы, перебирающие заузленные гирлянды молельных четок, не вращаю-

щиеся молитвенные колеса, нет, грандиозная молитвенная машина из монастыря Ратри, богини Ночи.

Направлены были высокочастотные молитвы прямо вверх, сквозь атмосферу, еще выше, в самый центр золотого облака, что зовется Мостом Богов и окружает весь мир, предстает каждую ночь бронзовой радугой и каждый полдень окрашивает красное солнце в оранжевые тона.

Кое-кто из монахов сомневался, не ересью ли будет использование подобной молитвенной техники, но машину построил и наладил сам Яма-Дхарма, отпавший из Небесного Града; а как говорили, именно он построил в незапамятные времена могучую громовую колесницу Великого Шивы — тот экипаж, что проносится по небосклону, изрыгая на своем пути огненную харкотину.

Даже находясь в немилости, считался он величайшим мастером и знатоком всех ремесел. Узнай Боги Небесного Града о его молитвенной машине — они без сомнения обрекли бы его на подлинную смерть. Надо, правда, признать, что и без этой машины обрекли бы они его на подлинную смерть, попади он к ним в руки. Каким образом улаживал он свои дела с Властителями Кармы, касалось только его, хотя никто не сомневался — так ли, иначе ли, но когда придет его час, отыщет он тот или иной способ.

Лишь вдвое моложе был он самого Небесного Града, а ведь едва ли набрался бы десяток богов, помнивших основание этой обители. Все знали, что мудрее даже, чем Бог Кубера, оказывался он, когда дело касалось путей Всеприсущего Пламени. Но это были лишь меньшие из его Атрибутов. Другим он славился, хотя и говорили об этом немногие. Высокий, но в меру, широкоплечий, но не грузный, двигался он легко и плавно. Носил красное, был немногословен.

Он и управлял молитвенной машиной; водруженный им на крышу монастыря гигантский металлический лотос неспешно вращался в своем гнезде.

На здание, на лотос, на джунгли у подножия горной цепи сплошной пеленой падал мелкий дождь. Уже шесть дней, как десятками киловатт возносил Яма молитвы, но состояние атмосферы не позволяло

им быть услышанными в Горних. Сквозь зубы он помянул самых что ни на есть банальных божеств плодородия, взывая в основном к их наиболее прославленным в народе Атрибутам.

Раскат грома был ответом, и помогавшая ему обезьяна хихикнула.

— У твоих молитв и твоих проклятий итог один и тот же, о Яма, — прокомментировала она. — То есть никакого.

— Чтобы это заметить, тебе потребовалось семнадцать перерождений? — сказал Яма. — Тогда понятно, почему ты все еще маешься обезьяной.

— Да нет, — сказала обезьяна, которую звали Так. — Хотя мое падение было и не столь впечатляюще, как твое, но все-таки и я вызвал вполне персонально окрашенную злобу у...

— Замолчи! — бросил Яма, отворачиваясь от него.

Так понял, что дотронулся до больного места. Пытаясь найти для разговора другую тему, он подобрался к окну, вспрыгнул на подоконник и уставился наружу.

— К западу отсюда в облаках просвет, — сообщил он.

Подошел Яма, посмотрел, куда показывала обезьяна, нахмурился и кивнул.

— Ага, — сказал он. — Оставайся тут и корректируй.

Он подошел к пульту управления.

Наверху, над их головами, лотос поспешно развернулся и уставился прямо в брешь, замеченную Таком среди плотных облаков.

— Отлично, — буркнул Яма, — что-то подцепили.

Он протянул руку к одной из контрольных панелей, пощелкал кнопками и клавишами, подстроил два верньера.

Под ними, в монастырских подвалах, выдолбленных в толще скалы, зазвенел звонок, и тут же закипели приготовления, авральная команда заняла свои места.

— Облака смыкаются! — воскликнул Так.

— Это уже не важно, — ответил Яма. — Нашу

рыбку мы подцепили. Из нирваны да в лотос, он грядет.

Опять громыхнул гром, и дождь с шумом обрушился на лотос. Голубые молнии, словно змеи, извивались над вершинами гор.

Яма выключил главный рубильник.

— Как ты думаешь, каково ему будет опять облечься во плоть? — спросил Так.

— Чисти-ка свой банан в четыре ноги!

Так предпочел счесть это за разрешение покинуть комнату и оставил Яму выключать аппаратуру в одиночестве. Путь его лежал вдоль по коридору и вниз по широким ступеням. На лестничной площадке до него донеслись звуки голосов и шарканье сандалий, шум приближался со стороны боковой залы.

Не раздумывая, он вскарабкался по стене, цепляясь за вырезанные на ней фигурки пантер и слонов. Взобравшись на балку, он нырнул в густую тень и замер там.

Появились двое монахов, облаченных в темные рясы.

— Она что, не могла очистить им небо? — сказал первый.

Второй, постарше, более массивный, пожал плечами.

— Я не мудрец, чтобы отвечать на подобные вопросы. Ясно, что она озабочена, иначе бы никогда не предоставила она им это святилище, а Яме — подобную возможность. Но кому ведомы пределы ночи?

— Или настроение женщины, — подхватил первый. — Я слышал, что даже жрецы не знали о ее появлении.

— Вполне возможно. Как бы там ни было, это кажется хорошим знаком.

— Воистину.

Они миновали площадку, и Так слушал, как удаляются и затихают звуки их шагов.

Он все не покидал своего насеста.

«Она», о которой упомянули послушники, могла быть только богиней Ратри, ей и поклонялись монахи, давшие в своем святилище приют последователям Махатмы Сэма, Просветленного. Нынче и Ратри тоже

числилась среди отпавших от Небесного Града и влачащих существование в шкуре смертных. У нее было сколько угодно причин, чтобы ворошить прошлое; и Так вдруг понял, на какой риск она пошла, предоставив свое святилище — не говоря уже о личном своем присутствии — для подобного предприятия. Если слушок об этом достигнет надлежащих ушей, на карту будет поставлена сама возможность будущего ее восстановления в правах. Так помнил ее — темноволосую красавицу с серебристо-серыми глазами, проносящуюся мимо в лунной колеснице из черного дерева и хрома, запряженной черным и белым жеребцами, с возницей в черном и белом; да, проносящуюся по Небесной Перспективе, соперничая во славе с самою Сарасвати. Сердце чуть не выпрыгнуло из его волосатой груди. Он должен снова увидеть ее. Однажды ночью, давным-давно, в благословенные времена — и в лучшей форме — он танцевал с нею на балконе... под звездами. Недолог был этот танец. Но он помнил его; и до чего же трудно обезьяне обладать подобными воспоминаниями...

Так слез с балки.

Северо-западную оконечность монастыря венчала высокая башня. И была в той башне комната. По поверью, хранила она в себе постоянное присутствие богини. Ежедневно в ней прибирали, меняли белье, возжигали благовония и возлагали святые приношения. Двери ее обычно были заперты.

Но имелись в ней, конечно, и окна. Вопрос о том, может ли кто-нибудь пробраться внутрь через окно, оставался открытым. По крайней мере, для людей. Ибо для обезьян он был решен Таком окончательно.

Взобравшись на крышу монастыря, Так начал карабкаться на башню, цепляясь за скользкие кирпичи, за выступы и выбоины, а небеса, словно псы, рычали у него над головой; наконец он прильнул к стене под выступающим наружу подоконником. Сверху как заведенный барабанил по камню дождь.

Таку почудилось, будто где-то рядом поют птицы. Он увидел край мокрого синего шарфа, свисающего из окна.

Ухватившись за выступ, Так подтянулся и заглянул внутрь.

Он увидел ее со спины. Одетая в темно-синее сари, она сидела на маленькой скамеечке в противоположном конце комнаты.

Так взобрался на подоконник и кашлянул.

Она резко обернулась. Под вуалью невозможно было разобрать черты ее лица. Поглядев на него сквозь дымку ткани, она встала и подошла к окну.

Он смутился. Некогда гибкая ее фигура сильно раздалась в талии; всегда грациозная на ходу, как колеблемая ветвь, нынче она слегка косолапила; слишком мрачной выглядела она, даже сквозь вуаль прочитывались резкие линии носа, жесткие очертания скул.

Он склонил голову.

— «И ты к нам подступила, и мы с твоим приходом очутились дома, — пропел он, — как в гнездах птицы на ветвях».

Она застыла в неподвижности, словно собственная статуя в главном зале монастыря.

— «Храни же нас от волка и волчицы, храни от вора нас, о Ночь, и дай же нам продлиться».

Она медленно простерла вперед руку и возложила ее ему на голову.

— Мое благословение с тобой, малый мира сего, — сказала она, помолчав. — Сожалею, но мне больше нечего тебе дать. Я не могу обещать тебе покровительство или даровать красоту — для меня самой и то, и другое — недоступная роскошь. Как тебя звать?

— Так, — сказал он.

Она прикоснулась ко лбу.

— Когда-то я знала одного Така, — промолвила она, — в незапамятные времена, в туманном далеке...

— Это был я, мадам.

Она тоже уселась на подоконник. Чуть погодя он понял, что она всхлипывает под покровом вуали.

— Не плачь, богиня. С тобой Так. Помнишь Така от Архивов? Пресветлого Копейщика Така? Он по-прежнему готов исполнить любое твое приказание.

— Так... — сказала она. — Ох, Так! И ты тоже? А я и не знала! Я никогда не слышала...

— Очередной поворот колеса, мадам, и — кто знает? Все может обернуться даже лучше, чем было когда-то.

Ее плечи вздрагивали. Он протянул руку, отдернул ее.

Она повернулась и схватила ее.

Бесконечным было молчание, потом она заговорила:

— Естественным путем дела в порядок не придут, нам не обрести былого, Пресветлый Копейщик Так. Мы должны проложить наш собственный путь.

— О чем ты говоришь? — спросил он и добавил: — Сэм?

Она кивнула:

— И никто иной. Он — наш оплот против Небес, дорогой Так. Если удастся призвать его, у нас появится шанс еще пожить.

— Потому-то ты и рискнула, потому-то положила голову в пасть тигра?

— Почему же еще? Когда нет никакой реальной надежды, нужно чеканить собственную. Даже и фальшивая монета может сгодиться.

— Фальшивая? Ты не веришь, что он был Буддой?

Она усмехнулась.

— Сэм был величайшим шарлатаном на людской — да и на божественной — памяти. Однако и самым достойным противником, с каким когда-либо сталкивался Тримурти. Почему тебя так шокируют мои слова, архивариус? Ты же знаешь, что он позаимствовал и структуру, и материю своего учения, путь и достижение, даже одеяние из запрещенных доисторических источников. Это было просто-напросто оружие — и ничего более. Главной его силой было его лицемерие. Если бы мы могли вернуть его...

— Леди, святой ли, шарлатан ли, но он вернулся.

— Не шути со мной, Так.

— Богиня и леди, я только что покинул Владыку Яму, когда он отключал молитвенную машину, хмурый от успеха.

— Эта авантюра направлена была против такой огромной силы... Владыка Агни обмолвился однажды, что ничего подобного никогда не удастся свершить.

Так встал.

— Богиня Ратри, — сказал он, — кто, будь то бог, человек или нечто среднее, разбирается в подобных материях лучше Ямы?

— Я не знаю, Так, ибо такого не отыщешь. Но откуда тебе известно, что он выловил нам ту самую рыбку?

— Ибо он — Яма.

— Тогда возьми мою руку, Так. Веди меня опять, как ты делал однажды. Посмотрим на спящего Бодхисатву.

И он повел ее через двери, вниз по лестнице, в нижние покои.

Подземелье заливал свет, рожденный не факелами, а генераторами Ямы. Водруженную на платформу кровать с трех сторон отгораживали ширмы. За ширмами и драпировками скрывалась и большая часть механизмов. Дежурившие в комнате монахи в шафрановых рясах бесшумно двигались по обширным покоям. Яма, мастер из мастеров, стоял у кровати.

При их появлении кое-кто из вышколенных, невозмутимых монахов не удержался от восклицаний. Так обернулся к женщине рядом с ним и отступил на шаг, затаив дыхание.

Это была уже не раздобревшая матрона, с которой он только что разговаривал. Вновь он стоял рядом с бессмертной Ночью, о которой написано было: «Богиня переполнила обширное пространство — и в глубину, и в вышину. Сияние ее развеяло мрак».

Он взглянул на нее и тут же закрыл глаза. Она все еще несла на себе отпечаток своего далекого Облика.

— Богиня... — начал было он.

— К спящему, — прервала она. — Он шевелится.

И они подошли к ложу.

И тут перед ними открылась картина, которой суждено было в будущем в виде фресок ожидать паломников в конце бесчисленных коридоров, рельефом застыть на стенах храмов, живописно заполнить плафоны множества дворцов: пробудился тот, кто был известен как Махасаматман, Калкин, Манжушри, Сиддхартха, Татхагата, Победоносный, Майтрея,

Просветленный, Будда и Сэм. Слева от него была богиня Ночи, справа стояла Смерть; Так, обезьяна, скорчился в изножье кровати вечным комментарием к сосуществованию божественного и животного.

А был явившийся в обычном, смуглом теле средних размеров и возраста; черты его лица были правильны и невыразительны; когда он открыл глаза, оказались они темными.

— Приветствую тебя, Князь Света, — так обратилась к нему Ратри.

Глаза мигнули. Им никак не удавалось сфокусироваться. Все в комнате замерли.

— Привет тебе, Махасаматман — Будда! — сказал Яма.

Глаза глядели прямо перед собой — не видя.

— Привет, Сэм, — сказал Так.

Лоб чуть наморщился, глаза, покосившись, уставились на Така, перебежали на остальных.

— Где..? — спросил он шепотом.

— В моем монастыре, — ответила Ратри.

Безучастно взирал он на ее красоту.

Затем он сомкнул веки и изо всех сил зажмурился, вокруг глаз разбежались морщинки. Гримаса страдания превратила его рот в лук, зубы, крепко стиснутые зубы, в стрелы.

— Вправду ли ты тот, чье имя мы произнесли? — спросил Яма.

Он не отвечал.

— Не ты ли до последнего сражался с армией небес на берегах Ведры?

Рот расслабился.

— Не ты ли любил богиню Смерти?

Глаза мигнули. На губах промелькнула слабая усмешка.

— Это он, — сказал Яма; затем: — Кто ты, человече?

— Я? Я ничто, — ответил тот. — Может быть, листок, подхваченный водоворотом. Перышко на ветру.

— Хуже некуда, — прокомментировал Яма, — ибо в мире предостаточно листьев и перьев, и мне не стоило работать так долго лишь ради того, чтобы преумножить их число. Мне нужен был человек,

способный продолжить войну, прерванную из-за его отсутствия, могучий человек, способный пойти наперекор воле богов. Мне казалось, что ты таков.

— Я, — и он опять покосился, — Сэм. Я — Сэм. Однажды — давным-давно... я сражался, не так ли? И не раз...

— Ты был Махатмой Сэмом, Буддой. Помнишь?

— Может и был...

В глазах у него медленно разгоралось пламя.

— Да, — подтвердил он. — Да, был. Смиреннейший из гордых, гордец среди смиренных. И я сражался. Учил Пути... какое-то время. Опять сражался, опять учил, прошел через политику, магию, яд... Дал великую битву, столь ужасную, что солнце отвратило от бойни свой лик — от месива людей и богов, зверей и демонов, духов земли и воздуха, огня и воды, ящеров и лошадей, мечей и колесниц...

— И ты проиграл, — прервал его Яма.

— Да, проиграл. Но некоторое впечатление мы все-таки произвели, не так ли? Ты, бог смерти, был моим колесничим. Да, все это возвращается сейчас ко мне. Нас взяли в плен, и Властители Кармы стали нашими судьями. Ты ускользнул от них — Путем Черного Колеса. Я же не мог.

— Так все и было. Твое прошлое явственно легло перед ними. Тебя судили. — Яма поглядел на монахов (склонив головы, они сидели теперь прямо на полу) и понизил голос: — Дать тебе умереть подлинной смертью означало превратить тебя в мученика. Дозволить тебе разгуливать по миру — в какой бы то ни было форме — значило оставить открытой дверь для твоего возвращения. И вот так же, как и ты позаимствовал свое учение у Гаутамы из иного места и времени, так и они позаимствовали оттуда же рассказ о том, как окончил он свои дни среди людей. Тебя осудили и признали достойным нирваны. Твой атман был перенесен не в другое тело, а в огромное магнитное поле, что окружает нашу планету. Минуло более полувека. Ныне официально ты — аватара Вишну, чье учение было неправильно истолковано некоторыми из наиболее рьяных твоих последователей. Лично же ты продолжал существовать лишь в форме самосохраняющейся системы магнит-

ных волн разной длины, которую мне и удалось уловить.

Сэм закрыл глаза.

— И ты посмел вернуть меня назад?

— Да, это так.

— Я все время осознавал свое положение.

— Я подозревал об этом.

Глаза его, вспыхнув, широко открылись.

— И тем не менее ты посмел отозвать меня оттуда?

— Да.

Сэм опустил голову.

— По справедливости зовешься ты богом смерти, Яма-Дхарма. Ты отобрал у меня запредельный опыт. Ты разбил о черный камень своей воли то, что вне понимания, вне великолепия, доступных смертным. Почему ты не мог оставить меня, как я был, в океане бытия?

— Потому что мир нуждается в тебе, в твоем смирении, в твоем благочестии, в твоем великом учении, в твоем маккиавельском хитроумии.

— Я стар, Яма, — промолвил тот. — Я так же стар, как и сам человек в этом мире. Ты же знаешь, я был одним из Первых. Одним из самых первых, явившихся сюда, чтобы строить, чтобы обустраивать. Все остальные ныне мертвы — или стали богами — dei ex machini... Этот шанс выпал и мне, но я прошел мимо него. Много раз. Я никогда не хотел быть богом, Яма. На самом деле. Только много позже, когда я увидел, что они делают, начал я копить силы. Но было уже поздно. Они были слишком сильны. Теперь же я просто хочу спать, спать вечным сном, вновь познать Великий Покой, нескончаемое блаженство, слушать песни, которые поют звезды на берегу великого океана.

Ратри нагнулась и заглянула ему в глаза.

— Ты нужен нам, Сэм, — сказала она.

— Я знаю, знаю, — отвечал он ей. — Опять все та же история. У вас имеется норовистая лошадка, так что нужно ее отменно нахлестывать очередную милю.

Он улыбнулся при этих словах, и она поцеловала его в лоб.

Так подпрыгнул и заскакал по кровати.
— Веселится род людской, — отметил Будда.
Яма протянул ему руку, а Ратри — шлепанцы.

Чтобы прийти в себя после покоя, что превыше всякого разумения, требуется, конечно, время. Сэм спал. Ему снились сны, во сне он кричал или же просто стонал. У него не было аппетита, но Яма подобрал для него тело крепкое и отменно здоровое, вполне способное перенести все психосоматические изменения, порожденные отзывом его из божественности.

Но он так и сидел бы часами, не двигаясь, уставившись на какой-то камешек, или зернышко, или листик. И невозможно его было в этом случае пробудить.

Яме виделась в этом некая опасность, и он решил обсудить ситуацию с Ратри и Таком.

— Плохо, теперь этим способом уходит он от мира, — начал он. — Я говорил с ним, но это просто бросать слова на ветер. Ему никак не вернуть то, что он оставил позади. И сама эта попытка стоит ему его силы.

— Быть может, ты неправильно воспринимаешь его усилия, — заметил вдруг Так.

— Что ты имеешь в виду?

— Погляди, как он уставился на семечко, которое сам положил перед собой. Посмотри на морщинки в уголках его глаз.

— Ну и что же в этом такого?

— Он косится. У него что, изъяны зрения?

— Да нет.

— Тогда почему он косится?

— Чтобы лучше зернышко изучить.

— Изучить? Он учил совсем другому нути. И однако же он все-таки изучает. Он вовсе не медитирует, пытаясь обрести в глубине предмета освобождение от субъекта. Отнюдь.

— Чем же он тогда занят?

— Обратным.

— Обратным?

— Он изучает объект, наблюдая его пути, пытаясь связать тем самым самого себя. Внутри предметов

он ищет оправдание своего существования. Еще раз пытается он закутаться в ткань Майи, мировой иллюзии.

— Я уверена, что ты прав, — перебила Ратри. — Как же нам помочь ему в этой попытке?

— Я не уверен, миссис...

Но Яма кивнул, и в солнечном луче, падавшем через узкий портик, блеснули его темные волосы.

— Ты сумел ухватить как раз то, чего я не заметил, — признался он. — Он еще не вполне вернулся, хотя и облачен в тело, передвигается пешком и говорит, как мы. Но мысли его все еще вне пределов нашего разумения.

— Что же делать? — повторила Ратри.

— Берите его с собой в долгие сельские прогулки, — сказал Яма. — Потчуйте деликатесами. Ублажайте его душу стихами и пением. Найдите ему что-нибудь покрепче для питья — здесь, в монастыре, нет ничего подходящего. Разоденьте его в светлые шелка. Добудьте ему куртизанку, а лучше — трех. Окуните его заново в жизнь. Только так можно будет освободить его от оков Божественности. Как же я не заметил этого раньше...

— Ничего удивительного, — сказал Так.

Огонь вспыхнул в глубине глаз Ямы, и черен был этот огонь; потом он улыбнулся.

— Мне воздается сполна, малыш, — признался он, — за все те комментарии, которые я, может быть и неосознанно, отпустил в адрес твоих волосатых ушей. Я приношу тебе, о обезьяна, свои извинения. Ты и в самом деле человек — умный и наблюдательный.

Так поклонился ему.

Ратри хихикнула.

— Скажи нам, умница Так, — быть может, мы слишком долго были богами и утратили должный угол зрения, — как нам лучше взяться за дело, чтобы поскорее очеловечить его и добиться наших целей.

Так поклонился ему, потом Ратри.

— Как ты и предложил, Яма, — подтвердил он. — Сегодня, миссис, возьми его на прогулку к подножию гор. Завтра Владыка Яма отведет его к

самой кромке леса. На следующий день я свожу его туда, где царят деревья и травы, цветы и лианы. А там поглядим. Поглядим.

— Быть посему, — сказал Яма, и так оно и было.

В следующие несколько недель отношение Сэма к этим прогулкам менялось: сначала это было лишь едва заметное предвкушение, затем — сдерживаемый энтузиазм и, наконец, горячее рвение. Все продолжительнее и продолжительнее становились его одинокие прогулки, сначала он уходил на несколько часов только утром, затем — утром и вечером. Потом он стал пропадать где-то целыми днями, подчас — сутками.

К концу третьей недели Яма и Ратри беседовали на террасе в ранний утренний час.

— Мне это не нравится, — начал Яма. — Мы не можем принуждать его, навязывая ему насильно нашу компанию сейчас, когда он этого не желает. Но там, на воле, опасно, особенно для вновь рожденного, такого, как он. Хотел бы я знать, как он проводит там время.

— Что бы он ни делал, все пойдет ему на пользу, — возразила, взмахнув полной рукой, Ратри и положила в рот пастилку. — Он уже не производит впечатления не от мира сего. Он больше разговаривает и даже жестикулирует. Пьет вино, когда мы его угощаем. К нему возвращается аппетит.

— Однако, если ему повстречается агент Тримурти, он может навсегда погибнуть.

Ратри задумчиво жевала.

— Маловероятно, чтобы в эти дни по округе бродил кто-то из них, — заявила она. — Животные видят в нем ребенка и не причинят ему вреда. Люди увидят святого отшельника. Демоны издавна боятся его и, стало быть, уважают.

Но Яма покачал головой.

— Все не так просто, леди. Хоть я и разобрал большую часть своих механизмов и спрятал их в сотне лиг отсюда, такая концентрированная переброска энергии, к которой мне пришлось прибегнуть, не может остаться незамеченной. Рано или поздно сюда явятся посетители. Я использовал экранирующие

ширмы и сбивающие устройства, но в некоторых проекциях вся эта область должна выглядеть так, словно по карте прошлось Всеприсущее Пламя. Скоро надо будет сниматься с места. Лучше бы подождать, пока наш питомец полностью не выправится, но...

— А какие-нибудь естественные причины не могут вызвать те же энергетические эффекты, что и твои машины?

— Могут, и произойти это может как раз поблизости; именно поэтому я и выбрал это место в качестве нашей базы — будем надеяться, что это сойдет нам с рук. Но я все же сомневаюсь в этом. Пока мои шпионы не заметили по соседству никакой необычной активности. Но в день его возвращения кто-то видел, как промчалась на гребне бури громовая колесница, выслеживая что-то то ли в небесах, то ли под ними. Случилось это далеко отсюда, но я не верю, что не было тут никакой связи.

— И тем не менее, она не вернулась.

— Мы, по крайней мере, об этом не знаем. Но я боюсь...

— Тогда надо уходить немедленно. Я слишком уважаю твои предчувствия. Ты могущественней любого из Павших. Мне, например, очень трудно даже просто удержать приятный внешний облик более чем на несколько минут...

— Силы, которыми я обладаю, — сказал Яма, подливая ей чая, — уцелели, поскольку они иной природы, чем твои.

И он улыбнулся, обнажив ровный ряд зубов. Улыбка прошлась по его лицу, от шрама на левой щеке до уголков глаз. Чтобы поставить на этом точку, он сморгнул и продолжал:

— Большая часть моей силы имеет форму знания, и даже Властителям Кармы не под силу отобрать его у меня. Почти у всех богов мощь их проявляется посредством специфической физиологии, которую они при воплощении в новое тело частично теряют. В процессе припоминания разум постепенно изменяет в той или иной степени любое тело, порождая новый гомеостаз и обеспечивая неспешный возврат былого могущества. Ну а моя сила возвращается быстро, и она почти полностью со мной. Но даже если бы это

было и не так, я все равно мог бы использовать в качестве оружия свои знания — это тоже сила.

Ратри отхлебнула чая.

— Мне нет дела до ее источников, но если твоя сила велит сниматься с места, надо ее слушаться. Когда отправляемся?

Яма вытащил кисет и свернул под разговоры сигарету. Его темные гибкие пальцы, как заметила Ратри, всегда двигались с грацией пальцев играющего музыканта.

— Я бы сказал, что не стоит задерживаться здесь больше чем на неделю, от силы дней на десять. А потом придется разлучить его с этим столь милым его сердцу захолустьем.

Она кивнула.

— И куда тогда?

— Может, в какое-нибудь заштатное южное королевство, где мы могли бы странствовать безбоязненно.

Он зажег сигарету, затянулся.

— У меня есть идея получше, — сказала она. — Ты не знаешь, но в качестве некой смертной я — хозяйка Дворца Камы в Хайпуре.

— Блудотория, мадам?

Она нахмурилась.

— Так его прозвали пошляки, и не смей тут же называть меня «мадам», это отдает старинной насмешкой. Это место отдохновения, удовольствий, святости, а для меня и весьма доходное. И оно, я уверена, послужит прекрасным укрытием; пока наш подопечный полностью не оправится, мы сможем спокойно разрабатывать там наши планы.

Яма хлопнул себя по бедру.

— Ай-ай-ай! И кому вздумается разыскивать Будду в лупанарии? Отлично! Превосходно! Тогда — в Хайпур, дорогая богиня, в Хайпур, во Дворец Любви!

Она гневно выпрямилась и притопнула сандалией о каменные плиты пола.

— Я не позволю тебе в подобном тоне отзываться о моем учреждении!

Он потупил глаза и с трудом согнал со своего лица улыбку. Затем встал и поклонился.

— Приношу свои извинения, милая Ратри, но меня осенило столь внезапно...

Он замолчал и посмотрел в сторону, через секунду на нее взглянула уже сама уравновешенность и благопристойность. Он продолжал как ни в чем не бывало:

—...что я был захвачен врасплох кажущейся неуместностью подобной идеи. Теперь же я вижу всю ее мудрость. Это самое совершенное прикрытие, и оно же снабдит вас обоих средствами и, что еще важнее, станет источником частной информации из кругов торговцев, воинов и священнослужителей. Подобные учреждения составляют совершенно необходимую часть общества. Ну а тебе твое дает положение и голос в гражданских делах. Бог — одна из древнейших профессий в мире. И вполне естественно, что мы, павшие, обретаем прибежище под сенью другой не менее почтенной традиции. Я приветствую твою идею и благодарю тебя за мудрость и предвидение. И уж конечно, не буду порочить мероприятие благодетеля и сообщника. На самом деле я с нетерпением ожидаю этого визита.

Она улыбнулась и уселась обратно.

— Я принимаю твои елейные извинения, сын змеи. Что бы ты ни сделал, невозможно на тебя сердиться. Налей-ка мне еще чаю, будь любезен.

Они расслабились, Ратри смаковала чай, Яма курил. Вдали грозовой фронт растянулся мрачным занавесом поперек всего окоема. Солнце, однако, еще сияло над ними; время от времени на террасу проникал холодный ветерок.

— Ты видел кольцо, железное кольцо, которое он носит? — спросила Ратри, положив в рот еще одну пастилку.

— Да.

— Не знаешь, где он его раздобыл?

— Нет.

— И я. Но чувствую, что надо это разузнать.

— А!

— Как бы это проделать?

— Я подрядил Така, ему в лесу вольготнее, чем нам. Как раз сейчас он его и выслеживает.

Ратри кивнула.

— Правильно, — сказала она.

— Я слышал, — сменил тему Яма, — что боги все еще по случаю посещают самые приметные дворцы Камы, обычно скрывая свой облик, но иногда и во всей мощи. Правда ли это?

— Да. Всего год тому назад в Хайпур явился Бог Индра. Три года назад нанес визит поддельный Кришна. Изо всей Небесной братии именно Кришна Неутомимый вызывает у обслуживающего персонала наибольший ужас. Беспорядки растянулись на целый месяц, он сокрушил уйму мебели, лекари трудились не покладая рук. А опустошение, которое он учинил в винных погребах и кладовых! Но однажды ночью он заиграл на своей свирели — а услышав ее, ну как не простишь старому Кришне все что угодно. Но той ночью мы не услышали истинной магии, ибо есть лишь один истинный Кришна — темный и волосатый, с налитыми кровью пылающими глазами. Этот же, все разгромив, танцевал на столах; что до музыки, то она оставляла желать лучшего.

— Заплатил ли он за причиненный урон чем-либо, кроме песен?

Она рассмеялась.

— Ладно-ладно, Яма. Не будем задавать друг другу риторические вопросы.

Он пыхнул дымом.

— Сурья, солнце, уже почти окружен, — сказала Ратри, выглянув из-под навеса, — и Индра убивает дракона. Вот-вот хлынет ливень.

Монастырь покрыла серая пелена. Ветер усиливался, и по стенам заплясали капли дождя. Как расшитый бисером полог, дождь прикрыл открытую сторону террасы.

Яма подлил чаю. Ратри взяла очередную пастилку.

Так пробирался по лесу. Он перепрыгивал с дерева на дерево, с ветки на ветку, не теряя из виду петлявшую внизу тропинку. Мех его намок, ибо листья обрушивали на него по ходу дела микроли-

вень росинок. За спиной у него клубились тучи, но утреннее солнце еще сияло на востоке, и в его красно-золотистых лучах лес превращался в феерию красок. Вокруг, в сплетении ветвей, лиан, листьев, травы, стеной поднимавшихся по обе стороны тропинки, распевали птицы, и их пение сливалось в единый хор. Листву пошевеливал ветерок. Тропинка внизу вдруг резко свернула в сторону и, вынырнув на поляну, на ней потерялась. Так соскочил на землю и продолжил свой путь пешком, пока тропинка вновь не юркнула в лес и он не смог опять вернуться на деревья. Теперь, как он отметил, его вожатая, постепенно меняя свое направление, вилась более или менее параллельно горному хребту. Вдалеке заворчал гром, и чуть погодя Так ощутил новое, холодное дуновение ветра. Раскачавшись на ветке, как на трамплине, он перелетел на соседнее дерево — прямо сквозь усеянную сверкающими каплями росы паутину, вспугнутые им птицы отхлынули вопящей волной ярчайшего оперения. Тропинка по-прежнему льнула к горам и обернулась уже в обратном направлении. Время от времени она натыкалась на другие, крепко утоптанные, желтые тропинки, пересекала их, расходилась, подчас разветвлялась, и Таку приходилось спускаться с деревьев на землю и изучать отметины на ее поверхности. Да, Сэм свернул здесь; Сэм остановился попить у этого родника — вот здесь, где оранжевые грибы вымахали выше человеческого роста и готовы были укрыть от дождя целую компанию; Сэм подобрал на дороге вон ту ветку; здесь он остановился застегнуть сандалию; здесь он прислонился к дереву, в котором явно обитала дриада...

Так прикинул, что отстает от своей добычи примерно на полчаса, — вполне достаточно времени, чтобы добраться туда, куда хочешь, и заняться, чем только душа ни пожелает. Отблески зарниц сверкнули над вздымавшимися теперь уже прямо у него над головой горами. Опять заворчал гром. Тропинка прильнула к самому подножию гор, лес поредел, и Таку приходилось вприпрыжку скакать среди высокой травы. Потом тропа начала упорно карабкаться в гору, с обеих сторон от нее появились все более и

более величественные нагромождения голых камней и скал. Но Сэм здесь прошел, и Так, стало быть, пройдет тоже.

Далеко над головой переливающийся цветочной пыльцой Мост Богов исчезал под неуклонно накатывавшимся с востока валом туч. Сверкали молнии, и, теперь уже ни секунды не раздумывая, за ними грохотал гром. Здесь, на открытом месте, ветер набрал силу, трава пригибалась под его напором, резко похолодало.

На Така упали первые капли дождя, и он юркнул под укрытие каменного гребня, который следовал вдоль тропы как неширокая преграда, чуть, наудачу, наклоненная против дождя. Так продолжил свой путь у самого его основания, а хляби небесные разверзлись, мир обесцветился, с неба исчез последний голубой лоскуток.

Море бушующего света разверзлось вдруг над головой и трижды пролилось потоками, которые безумным крещендо устремились вниз, чтобы разбрызнуться о каменный клык, криво чернеющий под ветром в четверти мили далее, вверх по склону.

Когда Так опять начал различать предметы вокруг себя, он увидел нечто непонятное. Словно каждая из обрушившихся на склон молний оставила какую-то свою часть стоять, покачиваясь в сером воздухе, подрагивая от пульсации пламени, которому, казалось, не было дела до беспрестанно утюжившей склон влаги.

Потом Так услышал смех — или же это был лишь отголосок последнего раската грома?

Нет, это был смешок — исполинский, сверхчеловеческий!

А чуть позже разнесся яростный вопль. Потом новая вспышка, еще раз загрохотало.

Еще одна огненная воронка раскачивалась позади каменного клыка.

Минут пять Так отлеживался. Затем все повторилось — вопль, за ним три ослепительные вспышки и грохот.

Теперь там уже было семь огненных столпов.

Посмеет ли он приблизиться, подобраться к этим

штуковинам, скрываясь по другую сторону от каменного клыка?

А если посмеет и сумеет, и если, как он чувствовал, тут был замешан Сэм, что он сможет поделать, если даже и самому Просветленному не под силу контролировать ситуацию?

Ответа он не знал, но обнаружил, что движется вперед, распластавшись в сырой траве, забирая все время влево.

Когда он был уже на полпути, это случилось опять, и десять башен громоздилось там теперь; красные, золотые, желтые, они отклонялись и возвращались, отклонялись и возвращались, словно их основания пустили в скалы корни.

Он скорчился там, промокший и дрожащий, пытаясь понять, достанет ли ему смелости, и убедился, что ее у него совсем немного. И тем не менее, он пополз дальше, пока не сумел добраться до странного этого места и заползти за клык.

Там можно было наконец выпрямиться, ибо вокруг высилось много большущих каменных глыб и валунов. Укрываясь за ними от возможного взгляда снизу, он осторожно продвинулся вперед, не отрывая взгляда от клыка.

Там виднелось дупло. У самого его основания имелась сухая неглубокая пещерка, а внутри нее были различимы две коленопреклоненные фигуры. Отшельники, погруженные в молитву? Неужели?

И тут оно случилось. Самая ужасная вспышка, какую он только когда-либо видывал, обрушилась на скалу — не мгновенно, не на один только миг. Словно огнеязыкий зверь лизал урча камень, вылизывал его, быть может, целых полминуты.

Когда Так открыл глаза, он насчитал двадцать пылающих башен.

Один из святых наклонился вперед и сделал какой-то жест. Другой рассмеялся. До расщелины, где лежал Так, донеслись звуки и слова:

— Очи змеи! Теперь я!

— Сколько теперь? — спросил второй, и Так узнал голос Махатмы Сэма.

— Вдвое — или ничего! — прорычал тот и на-

клонился вперед, затем откинулся назад и сделал тот же жест, что и Сэм чуть ранее.

— Нина из Шринагина! — пропел он и наклонился, повторяя тот же жест.

— Святые семь, — мягко произнес Сэм.

Второй взвыл.

Так зажмурился и заткнул уши, предчувствуя, что последует за этим воплем.

И он не ошибся.

Когда ослепительное пламя и оглушительный грохот миновали, он осторожно глянул вниз на феерически освещенную сцену. Считать он не стал. Похоже, что штук сорок огневых единиц маячило теперь там, отбрасывая вокруг жуткие отсветы; их число удвоилось.

Ритуал возобновился. На левой руке Будды сверкало — своим собственным, бледным, чуть зеленоватым светом — железное кольцо.

И опять он услышал слова «Вдвое — или ничего», и опять в ответ раздалось «Святые семь».

На сей раз он решил, что скала расколется под ним. На сей раз он подумал, что пламя выжжет ему ретину сквозь плотно сомкнутые веки. Но он ошибся.

Когда он открыл глаза, взгляду его предстала уже целая армия колеблющихся перунов. Их сияние врезалось ему прямо в мозг, и он, поспешно прикрыв глаза рукой, опустил взгляд.

— Ну, Ралтарики? — спросил Сэм, и светлый изумрудный луч играл на его левой руке.

— Еще раз, Сиддхартха. Вдвое — или ничего.

На миг завеса дождя разорвалась, и в ослепительном сиянии огненных призраков Так увидел, что плечи того, кого звали Ралтарики, венчала голова буйвола, и успел заметить у него вторую пару рук.

Так поежился.

Зажмурился, заткнул уши, стиснул зубы и стал ждать.

Ждать пришлось не долго. Кругом грохотало, сверкало, длилось и длилось, пока Так не потерял наконец сознание.

Когда он пришел в себя, все кругом было серо, между ним и скалистым щитом оставался только присмиревший, спокойно моросящий дождь. У подно-

жия скалы виднелась только одна фигура, и у нее не было видно ни рогов, ни лишних рук.

Так не двигался. Он ждал.

— Это, — сказал Яма, протягивая ему аэрозоль, — репеллент, он отпугивает демонов. В будущем, когда ты надумаешь забраться подальше от монастыря, обязательно пользуйся им. Я считал, что в округе нет ракшасов, а не то я дал бы его тебе раньше.

Так взял сосуд и положил его перед собой на стол.

Они сидели за легкой трапезой в покоях Ямы. Бог смерти откинулся назад в своем кресле со стаканом вина — вина для Будды — в левой руке и полупустым графином в правой.

— Значит, тот, кого зовут Ралтарики, и в самом деле демон? — спросил Так.

— И да, и нет, — отвечал Яма. — Если под «демоном» ты понимаешь злобное, сверхъестественное существо, обладающее огромной силой, ограниченным сроком жизни и способностью временно принимать практически любую форму, тогда ответ будет «нет». Это — общепринятое определение, но в одном пункте оно действительности не соответствует.

— Да? И в каком же это?

— Это не сверхъестественное существо.

— Но все остальное...

— Справедливо.

— Тогда я не вижу никакой разницы, сверхъестественное оно или нет, коли оно злобно, обладает огромной силой и сроком жизни, да и к тому же может менять по собственной воле свой внешний вид.

— Да нет, в этом, видишь ли, кроется большая разница. Разница между непознанным и непознаваемым, между наукой и фантазией — это вопрос самой сути. Четыре полюса компаса — это логика, знание, мудрость и непознанное, оно же неведомое. И некоторые склоняются в этом последнем направлении. Другие же наступают на него. Склониться перед одним — потерять из виду три остальных. Я могу подчиниться непознанному, но непознаваемому — никогда. Человек, склоняющийся в этом последнем

направлении, — либо святой, либо дурак. Мне не нужен ни тот ни другой.

Так пожал плечами и отхлебнул вина.

— Ну а демоны?..

— Познаваемы. Я много лет экспериментировал с ними, и, если ты помнишь, я был одним из четверых, спустившихся в Адский Колодезь, когда Тарака скрылся от Владыки Агни в Паламайдзу. Разве ты не Так от Архивов?

— Я был им.

— Ведь ты же читал тогда записи о первых контактах с ракшасами?

— Я читал о днях обуздания...

— Тогда ты знаешь, что они — исконные обитатели этого мира, что они были здесь еще до появления человека с исчезнувшей Симлы.

— Да.

— Они — порождение скорее энергии, чем материи. Их собственные легенды повествуют, что когда-то у них были тела и жили они в городах. Однако в поисках личного бессмертия вступили они на другой путь, нежели человек. Им удалось отыскать способы увековечивать себя в виде стабильных энергетических полей. И покинули они свои тела, чтобы вечно жить в виде силовых вихрей. Но чистым интеллектом при этом не стали. По-прежнему влачат они на себе всю полноту собственных «я» и, рожденные материей, навсегда подвержены всепожирающей страсти к плоти. Хотя они и способны временно принимать плотское обличье, не могут они вернуть его себе без посторонней помощи. Веками бесцельно блуждали они по всему миру. Потом пришествие Человека нарушило их покой. Чтобы преследовать пришельца, облеклись они в формы его кошмаров. Вот почему нужно было их победить, обуздать и сковать в безднах под Ратнагари. Мы не могли уничтожить их всех. Мы не могли допустить, чтобы продолжали они свои попытки овладеть инкарнационными машинами и людскими телами. Вот почему были они загнаны в ловушку, вот почему заключены в огромные магнитные бутылки.

— Ну а Сэм освободил многих, чтобы они исполняли его волю, — перебил Так.

— Ну да. Он заключил и поддерживал кошмарный пакт, по которому кое-кто из них еще может обитать в этом мире. Среди всех людей они уважают, может быть, лишь одного Сиддхартху. Но есть у них и один общий со всеми людьми порок.

— Какой же?

— Они страстно любят азартные игры... Они готовы играть на что угодно, и игорные долги — единственный для них вопрос чести. Так и должно быть, иначе они не доверяли бы другим игрокам — и лишились бы тем самым своего, быть может, единственного удовольствия. Поскольку огромна была их сила, даже принцы готовы были на игру с ними — в надежде выиграть их услуги. Так были потеряны целые королевства.

— Если ты считаешь, — сказал Так, — что Сэм играл с Ралтарики в одну из древних игр, какими же могли быть ставки?

Яма допил вино, налил еще.

— Сэм глупец. Нет, не то... Он игрок. Это совсем другое. Ракшасы контролируют множество низших энергетических существ. Сэм посредством того кольца, что он нынче носит, управляет теперь целой армией огненных элементалей, выигранных им у Ралтарики. Это смертельно опасные, неразумные создания — и в каждом сила разряда молнии.

Так допил свое вино.

— Но какую ставку мог сделать в этой игре Сэм?

Яма вздохнул.

— Все мои труды, все наши усилия более чем за полвека.

— Ты имеешь в виду — свое тело?

Яма кивнул.

— Человеческое тело — высший стимул, самая заманчивая приманка, какую только можно предложить демону.

— Зачем же Сэму так рисковать?

Яма уставился невидящим взглядом на Така.

— Вероятно, это — единственный для него способ пробудить свою волю к жизни, опять взвалить на себя свой долг, — поставив самого себя на край пропасти, рискуя самим своим существованием при каждом броске кости.

Так подлил себе вина и тут же выпил его.

— Для меня вот это и есть непознаваемое, — сказал он.

Но Яма покачал головой.

— Только непознанное, — поправил он. — Сэм отнюдь не святой и, уж конечно же, не дурак.

— Хотя почти, — решил Яма и под вечер опрыскал демоническим репеллентом весь монастырь.

На следующий день явился поутру к монастырю маленький человек и уселся перед главным входом, поставив чашу для подаяния у самых своих ног. Одет он был просто, в потертую хламиду из грубой темной материи, доходившую ему до колен. Левый его глаз прикрывала черная повязка. Длинными темными прядями свисали с черепа остатки волос. Острый нос, маленький подбородок и высоко поставленные плоские уши придавали его лицу сходство с лисьей мордой. Единственный его зеленый глаз, казалось, никогда не моргал, лицо туго обтягивала обветренная кожа.

Просидел он так минут двадцать, пока его не заметил один из послушников Сэма и не сообщил об этом кому-то из темнорясых монахов ордена Ратри. Монах, в свою очередь, разыскал одного из жрецов и передал информацию ему. Жрец, желая произвести на богиню впечатление добродетелями ее последователей, немедленно послал за нищим, накормил его, выдал ему новую одежду и предоставил келью для отдыха, чтобы тот мог оставаться в монастыре, сколько пожелает.

Пищу нищий принял с достоинством брамина, но не стал есть ничего, кроме хлеба и фруктов. Он принял также и темное одеяние ордена Ратри, сбросив свою прокопченную блузу. Затем он осмотрел келью и новый тюфяк, положенный там для него.

— Благодарю тебя, достойный жрец, — произнес он глубоким и гулким голосом, неведомо как умещавшимся в его хрупком теле. — Благодарю тебя и молю, чтобы твоя богиня обратила на тебя свою улыбку за доброту и любезность, явленные от ее имени.

На это улыбнулся и сам жрец, все еще в надежде,

что как раз сейчас Ратри пройдет через зал и оценит доброту и любезность, явленные им от ее имени. Но она не прошла. На самом деле мало кому из ее ордена удавалось увидеть ее, даже по ночам, когда она преисполнялась силы и проходила среди них: ведь только шафраннорясые ожидали пробуждения Сэма и доподлинно знали, кто он такой. Обычно она проходила по монастырю, пока ее послушники были погружены в молитву, или же уже после того, как они расходились по своим кельям. Днем она обычно спала; видели они ее всегда с прикрытым лицом и закутанной в просторную рясу; пожелания свои и приказы она передавала через Гандхиджи, главу ордена, ему в этом цикле уже исполнилось девяносто три года, и был он почти слеп.

Ее монахи, как и монахи в шафрановых рясах, любопытствовали о ее внешности и стремились добиться от нее благосклонности. Считалось, что благословение богини обеспечит следующую инкарнацию в брамина. Не стремился к этому один Гандхиджи, ибо принял он путь подлинной смерти.

Так как она не появилась в зале, жрец продолжил беседу.

— Меня зовут Баларма, — заявил он. — Могу ли я узнать твое имя, достопочтенный господин, и, может быть, твою цель?

— Меня зовут Арам, — сказал нищий, — и я принял обет десятилетней нищеты и семилетнего молчания. К счастью, семь лет уже минуло, и я могу сейчас поблагодарить своих благодетелей и ответить на их расспросы. Я направляюсь в горы, чтобы разыскать там подходящую пещеру, в которой мог бы предаться медитациям и молитве. Я, пожалуй, воспользовался бы на несколько дней вашим гостеприимством, перед тем как возобновить свое путешествие.

— В самом деле, — сказал Баларма, — нам будет оказана честь, если святой подвижник сочтет подобающим почтить наш монастырь своим присутствием. Желанным гостем ты будешь для нас. Если тебе понадобится что-либо для твоего долгого пути

и мы будем способны тебе в этом помочь, прошу, скажи нам об этом.

Арам уставился на него своим немигающим зеленым глазом и промолвил:

— Монах, который первым меня приметил, носил не темную рясу вашего ордена, — и он дотронулся до темного одеяния. — Мне показалось, что мой несчастный глаз уловил какой-то другой цвет.

— Да, — ответствовал Баларма, — ибо послушники Будды обрели у нас приют, недолго отдыхая здесь, в нашем монастыре.

— Это воистину интересно, — кивнул Арам, — ибо хотелось бы мне поговорить с ними и узнать при случае побольше об их Пути.

— Коли ты останешься на время здесь, тебе предоставится много таких возможностей.

— Тогда я так и поступлю. А долго ли будут они здесь?

— Сие мне неведомо.

Арам кивнул.

— Когда смогу я поговорить с ними?

— Сегодня вечером, в тот час, когда все монахи собираются вместе и беседуют на любые темы, — все, кроме принявших обет безмолвия.

— Ну а до тех пор я посвящу свое время молитве, — сказал Арам. — Благодарю тебя.

Каждый слегка поклонился, и Арам вошел в свою келью.

В тот вечер Арам был среди монахов в час общения. В это время члены обоих орденов встречались друг с другом и пускались в богоугодные беседы. Сэм там не присутствовал, не было и Така, ну а Яма и вовсе здесь не появлялся.

Арам уселся за длинный стол в рефектории напротив нескольких буддистских монахов. Некоторое время он поговорил с ними, обсуждая доктрину и практику, касту и вероучение, погоду и текущие дела.

— Кажется странным, — сказал он чуть погодя, — что ваш орден проник так далеко на юг и на запад.

— Мы — странствующий орден, — откликнулся

монах, к которому он обратился. — Мы следуем ветру. Мы следуем своему сердцу.

— В земли, где проржавела почва, в сезон гроз? Может, где-то здесь имело место какое-то откровение, которое могло бы расширить мои представления о мире, узнай я о нем?

— Все мироздание — сплошное откровение, — сказал монах. — Все меняется — и в то же время остается. День следует за ночью... каждый день — иной, но все же — это день. Почти все в мире — иллюзия, однако формы этой иллюзии следуют образцам, составляющим часть божественной реальности.

— Да-да, — вмешался Арам. — В путях иллюзии и реальности я многоопытен, но спрашивал-то я о том, не появлялось ли в округе новых учителей, не возвращался ли кто из старых или, быть может, имела место божественная манифестация, которая могла бы помочь пробуждению моей души.

С этими словами нищий смахнул со стола красного, размером с ноготь большого пальца жука, который ползал рядом с ним, и занес над ним сандалию, чтобы его раздавить.

— Молю, брат, не причиняй ему вреда, — вмешался монах.

— Но их всюду множество, а Властелины Кармы утверждают, что, во-первых, человек не может вернуться в мир насекомым, а во-вторых, убийство насекомого не отягчает личной кармы.

— Тем не менее, — объяснил монах, — поскольку вся жизнь едина, в этом монастыре принято следовать доктрине ахимсы и воздерживаться от прерывания любого ее проявления.

— Но ведь, — возразил Арам, — Патанджали утверждает, что правит намерение, а не деяние. Следовательно, если я убил скорее с любовью, чем с ненавистью, то я словно бы и не убивал. Признаю, что в данном случае все не так и, без сомнения, налицо злой умысел; стало быть, груз вины падет на меня, убью я или нет, — из-за наличия намерения. Итак, я мог бы раздавить его и не стать ничуть хуже — в соответствии с принципом ахимсы. Но

поскольку я здесь гость, я, конечно же, уважу местные обычаи и не совершу подобного поступка.

И он отодвинул от жука свою ногу: тот не сдвинулся с места, лишь чуть пошевеливая красными своими усиками.

— Воистину, вот настоящий ученый, — сказал монах ордена Ратри.

Арам улыбнулся.

— Благодарю тебя, но ты не прав, — заявил он. — Я лишь смиренный искатель истины, и при случае мне, бывало, выпадала удача прислушиваться к умным речам. Если бы мне везло так и в дальнейшем! Если бы неподалеку оказался какой-нибудь замечательный учитель или ученый, по раскаленным углям пошел бы я к нему, чтобы сесть у его ног и выслушать его слова или последовать его примеру. Если...

И он вдруг прервался, ибо все вокруг уставились на дверь у него за спиной. Не оглядываясь, он молниеносно раздавил жука, что замер около его руки. Две крохотные проволочки проткнули сломанный хитин его спинки, наружу проступила грань крошечного кристаллика.

Тогда Арам обернулся, и его зеленый глаз, скользнув вдоль рядов сидевших между ним и дверью монахов, уставился прямо на Яму; тот был облачен во все алое — галифе, сапоги, рубаха, кушак, плащ и перчатки; голову венчал кроваво-красный тюрбан.

— «Если»? — сказал Яма. — Ты сказал «если»? Если бы какому-либо мудрецу или же божественной аватаре случилось оказаться поблизости, ты бы хотел с ним познакомиться? Так ли ты сказал, чужак?

Нищий поднялся из-за стола и поклонился.

— Я — Арам, — заявил он, — странник и спутник каждому, кто ищет просветления.

Яма не поклонился в ответ.

— Зачем же ты перевернул собственное имя, Владыка Иллюзий, когда лучше любого герольда оповещают о тебе твои слова и деяния?

Нищий пожал плечами.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Но губы его опять искривила усмешка.

— Я тот, кто домогается Пути и Права, — добавил он.

— Мне в это трудно поверить, ведь на моей памяти ты предаешь уже тысячи лет.

— Ты говоришь об отпущенных богам сроках.

— Увы, ты прав. Ты грубо ошибся, Мара.

— В чем же?

— Тебе кажется, что дозволено будет тебе уйти отсюда живым.

— Ну конечно, я предвижу, что так оно и будет.

— Не учитывая многочисленные несчастные случаи, которые могут обрушиться в этом диком краю на одинокого путника.

— Уже много лет путешествую я в одиночку. И несчастные случаи всегда были уделом других.

— Ты, наверное, считаешь, что даже если тело твое будет здесь уничтожено, твой атман перенесется прочь, в где-то заранее заготовленное другое тело. Уверен, кто-нибудь уже разобрался в моих заметках, и этот фокус стал для вас возможным.

Брови нищего чуть нахмурились и сдвинулись на долю дюйма теснее и ниже.

— Тебе невдомек, что сокрытые в этом здании силы делают такой перенос невозможным.

Нищий вышел на середину комнаты.

— Яма, — воззвал он, — ты безумец, коли собираешься сравнивать свои ничтожные после падения силы с мощью Сновидца.

— Может и так, Повелитель Мара, — ответил Яма, — но слишком уж долго я дожидался этой возможности, чтобы откладывать ее на потом. Помнишь мое обещание в Дезирате? Если ты хочешь продлить цепь своих перерождений, у тебя нет другого выхода, тебе придется пройти через эту, единственную здесь дверь, которую я преграждаю. Ничто за пределами этой комнаты не в силах тебе ныне помочь.

И тогда Мара поднял вверх руки, и родилось пламя.

Все пылало. Языки пламени жадно лизали каменные стены, деревянные столы, рясы монахов. Волны дыма пробегали по комнате. Яма стоял в центре пожарища и не шевелился.

— Неужели ты не способен на большее? — спросил он. — Твое пламя повсюду, но ничто не сгорает.

Мара хлопнул в ладоши, и пламя исчезло.

Вместо него возник гигантский кобоид. Его голова раскачивалась вдвое выше самого рослого из монахов, серебристый капюшон раздувался; изогнувшись в виде огромного S, он готовился к смертельному выпаду.

Яма не обратил на него никакого внимания, его сумрачный взгляд, зондируя, словно жало ядовитого насекомого, буравил единственный глаз Мары.

Кобоид поблек и рассеялся, так и не завершив своего броска. Яма шагнул вперед.

Мара отступил на шаг.

Они замерли так, и сердца их бились — раз, другой, третий, — прежде чем Яма сделал еще два шага вперед, и Мара опять отступил. На лбу у обоих сверкали капельки пота.

Нищий явно подрос, волосы его стали заметно гуще; тело окрепло, а плечи раздались вширь. Движения его обрели некую грацию, которой ранее, конечно же, не было и в помине.

Он отступил еще на шаг.

— Да, Мара, перед тобой бог смерти, — процедил Яма сквозь крепко сжатые зубы. — Павший я или нет, в глазах моих — реальная смерть. И тебе придется встретить мой взгляд. За спиной у тебя стена, и дальше пятиться будет некуда. Смотри, силы уже начинают покидать твои члены. Холодеют твои руки и ноги.

Зарычав, Мара оскалился. Загривок его толщиной поспорил бы с бычьим. Бицепсы напоминали бедра взрослого мужчины. Грудь — как наполненная силой бочка, ноги попирали пол, словно стволы платанов в лесу.

— Холодеют? — переспросил он, вытягивая вперед руки. — Этими руками, Яма, я могу переломить пополам гиганта. Ты же всего-навсего изношенный бог падали, не так ли? Твой сердитый взгляд исподлобья способен исторгнуть душу у старца или калеки. Ты можешь заморозить глазами бессловесных животных или людишек низших каст. Я настолько

же выше тебя, насколько звезды в небе выше океанских бездн.

Руки Ямы в алых перчатках, словно две кобры, обрушились ему на шею.

— Так отведай же той силы, над которой ты насмехаешься, Сновидец. С виду ты переполнен силой. Так используй же ее! Победи меня не словами!

Руки Ямы начали сжиматься у него на горле, и лицо Мары, его щеки и лоб зацвели алыми пятнами. Глаз, казалось, вот-вот выкатится из своей орбиты, его зеленый лучик судорожно обшаривал окоем в поисках спасения.

Мара упал на колени.

— Остановись, Бог Яма! — с трудом выдохнул он. — Не убьешь же ты себя?

Он менялся. Черты его лица заколебались и потекли, будто он лежал под покровом бегущих вод.

Яма посмотрел вниз на свое собственное лицо и увидел, как его руки вцепились ему в запястья.

— Вместе с тем как покидает тебя жизнь, Мара, растет твое отчаяние. Не настолько уж Яма ребенок, чтобы побояться разбить зеркало, которым ты стал. Пробуй, что у тебя там еще осталось, или умри как человек, все равно именно это и ждет тебя в конце.

Но еще раз заструилась над Марой вода, и еще раз изменился он.

И на сей раз заколебался Яма, прервался вдруг его напор.

По его алым перчаткам разметались ее бронзовые кудри. Бледно-серые глаза жалобно молили его. На шее у нее висело ожерелье из выточенных из слоновой кости черепов, своей мертвенной бледностью они почти не отличались от ее плоти. Сари ее было цвета крови. Руки почти ласкали его запястья.

— Богиня! — шепнул он.

— Ты же не убьешь Кали..? Дургу..? — едва выдавила она в удушье.

— Опять не то, Мара, — прошептал он. — Разве ты не знал, что каждый убивает то, что любил? — И руки его сомкнулись, и раздался хруст ломаемых костей.

— Десятикратно будешь ты осужден, — сказал Яма, зажмурив глаза. — Не будет тебе возрождения.

И он разжал руки.

Высокий, благородного сложения человек распростерся на полу у его ног, склонив голову на правое плечо.

Глаз его навсегда сомкнулся.

Яма перевернул ногой лежащее тело.

— Возведите погребальный костер, — сказал он монахам, не поворачиваясь к ним, — и сожгите тело. Не опускайте ни одного ритуала. Сегодня умер один из величайших.

И тогда отвел он глаза от деяния рук своих, резко повернулся и вышел из комнаты.

Тем вечером молнии разбежались по небосводу и дождь, как картечь, барабанил с Небес.

Вчетвером сидели они в комнате на самом верху башни, венчавшей собою северо-западную оконечность монастыря.

Яма расхаживал взад и вперед, останавливаясь всякий раз у окна.

Остальные сидели, смотрели на него и слушали.

— Они подозревают, — говорил он им, — но не знают. Они не посмеют опустошить монастырь бога, одного из своих, чтобы не обнаружить перед людьми раскол в своих рядах, — по крайней мере, пока не будут вполне уверены. А уверены они не были, вот они и начали расследование. Это означает, что у нас еще есть время.

Они кивнули.

— Некоему брамину, отказавшемуся от мира в поисках своей души, случилось проходить мимо, и — увы, печальное событие, — он умер здесь подлинной смертью. Тело его было сожжено, прах развеян над рекой, что впадает в океан. Вот как все было... Ну а странствующие монахи Просветленного как раз гостили здесь в это время. А вскоре отправились дальше. Кто знает, куда лежал их путь...

Так постарался принять как можно более вертикальное положение.

— Божественный Яма, — сказал он, — это, конечно, сгодится — на неделю, месяц, может быть, даже больше, но история эта пойдет прахом, как только первый из присутствующих в монастыре

попадет в Палаты Кармы, подвергнется суду ее Хозяев. И как раз в подобных обстоятельствах кто-то из них может очень скоро попасть туда. Что тогда?

Яма аккуратно скручивал сигарету.

— Нужно все устроить так, чтобы моя версия стала реальностью.

— Как это может быть? Когда человеческий мозг подвергается кармическому проигрыванию, все записанное в нем, все события, свидетелем которых был он в своем последнем жизненном цикле, предстают читающему механизму его судьи столь же внятными, как и записи на свитке.

— Да, это так, — признал Яма. — А ты, Так от Архивов, никогда не слышал о палимпсестах? О свитках, которые были использованы, потом подчищены, стерты — и использованы заново?

— Конечно, слышал, но ведь разум — это не свиток.

— Неужели? — усмехнулся Яма. — Хорошо, но эту метафору употребил ты, а не я. Ну а все же, что такое истина? Истина — дело твоих рук.

Он закурил.

— Эти монахи присутствовали при странном и страшном событии, — продолжал он. — Они видели, как я принял свой Облик и обрел Атрибут. Они видели, как то же самое сделал и Мара — здесь, в этом монастыре, где мы вдохнули новую жизнь в принцип ахимсы. Они, конечно, знают, что боги способны совершать подобные поступки, не отягчая своей кармы, но шок был тем не менее силен, а впечатление живо. А ведь еще предстоит и окончательное сожжение. К моменту этого сожжения та легенда, которую я только что вам изложил, должна стать в их умах истиной.

— Как? — спросила Ратри.

— Этой же ночью, сей же час, — сказал Яма, — пока образ события пламенеет внутри их сознания, а мысли их в смятении, будет выкована и водружена на место новая истина... Сэм, ты отдыхал достаточно долго. Пора уже браться за дело и тебе. Ты должен прочесть им проповедь. Ты должен воззвать к тем благородным чувствам и тем высшим

духовным качествам в них, которые превращают людей в благодарное поле для божественного вмешательства. Мы с Ратри объединим наши усилия, и для них родится новая истина.

Сэм изменился в лице и потупил глаза.

— Не знаю, смогу ли я это сделать. Все это было так давно...

— Однажды Будда — Будда навсегда. Стряхни пыль с каких-нибудь старых притч. У тебя есть минут пятнадцать.

Сэм протянул руку.

— Дай-ка мне табаку и листок бумаги.

Он принял все это, свернул сигарету.

— Огонек?.. Спасибо.

Глубоко затянулся, закашлялся.

— Я устал им лгать, — промолвил он наконец. — А это, как я понимаю, и есть настоящая ложь.

— Лгать? — переспросил Яма. — Кто предлагает тебе лгать? Процитируй им Нагорную проповедь, если хочешь. Или что-нибудь из Пополь-Вуха... Из Илиады... Мне все равно, что ты там наговоришь. Просто немножко встряхни их, немножко утешь. Больше я ни о чем не прошу.

— Ну и что тогда?

— Что? Тогда я начну спасать их — и нас!

Сэм медленно кивнул.

— Когда ты все это так преподносишь... что касается подобных тем, то я еще не вполне в форме. Ладно, я подберу пару истин и подброшу немножко набожности, но дай мне минут двадцать.

— По рукам, двадцать минут. А потом сразу пакуемся. Завтра мы отправляемся в Хайпур.

— Так скоро? — спросил Так.

Яма качнул головой.

— Так поздно, — сказал он.

Монахи сидели рядами на полу рефектория. Столы сдвинули к стене. Насекомые куда-то подевались. Снаружи, не переставая, моросил дождь.

Махатма Сэм, Просветленный, вошел в залу и уселся перед ними.

Вошла, как всегда под вуалью, одетая буддистской послушницей Ратри.

Яма и Ратри отошли в глубь комнаты и тоже уселись на пол. Так тоже был где-то рядом.

Сэм несколько минут сидел, не открывая глаз, затем негромко произнес:

— У меня много имен, но они сейчас не имеют значения.

Он чуть приоткрыл глаза, но это было единственное его движение. Ни на кого конкретно он не смотрел.

— Имена не важны, — сказал он. — Говорить — это называть имена, но не в этом важность. Однажды случается нечто, чего до той поры никогда не случалось. Глядя на это, человек созерцает реальность. Он не может поведать другим, что же он видел. Но другие хотят это узнать, и вот они вопрошают его; они говорят: «На что оно похоже — то, что ты видел?» И он пытается рассказать им. Быть может, он видел самый первый в мире огонь. Он говорит им: «Он красен, как мак, но пляшут в нем и иные цвета. У него нет формы, как у воды; он текуч. Он теплый, как летнее солнце, даже теплее. Он существует какое-то время на куске дерева — и дерево исчезает, будто съеденное, остается лишь что-то черное, сыпучее, как песок. И он исчезает вместе с деревом». И вот слушатели вынуждены думать, что реальность эта схожа с маком, с водой, с солнцем, с тем, что ест и испражняется. Они думают, что она, эта реальность, схожа со всем, чему она подобна по словам познавшего ее. Но вот огонь снова и снова появляется в этом мире. Все новые и новые люди видят его. И спустя какое-то время огонь становится уже так привычен, как трава, облака, как воздух, которым они дышат. И они видят, что хотя и похож он на мак, это не мак, хотя и похож на воду, не вода, хотя похож на солнце, но не солнце, хотя и похож на того, кто ест и испражняется, все же это не тот, кто ест и испражняется, но нечто отличное от каждого из этих предметов или ото всех их разом. Так что смотрят они на эту новую суть и изобретают новое слово, чтобы назвать ее. Они зовут ее «огонь».

— Если же случится им вдруг встретить человека, который еще не видел огня, и они скажут ему о нем, не поймет он, что же они имеют в виду. И опять им, в свою очередь, придется говорить ему, на что похож огонь. Но при этом они знают по собственному опыту, что говорят они ему не́ истину, а только часть истины. Они знают, что человек этот никогда не познает с их слов реальность, хотя и могут они использовать все слова на свете. Он должен взглянуть на огонь, ощутить его запах, согреть у него руки, всмотреться в его сердце — или остаться навеки неведающим. Не важен, стало быть, «огонь», не важна «земля», «воздух», «вода», не важно «я». Ничто не важно. Но забывает человек реальность и помнит слова. Чем больше слов он помнит, тем умнее считают его окружающие. Он взирает, как в мире происходят великие изменения, но видит он их совсем не так, как виделись они, когда человек посмотрел на реальность впервые. На язык к нему приходят имена, и он улыбается, пробуя их на вкус, он думает, что, именуя, он познает. Но еще происходит никогда доселе не бывавшее. Это все еще чудо. Великий пылающий цветок распускается, переливаясь, на кромке мира, оставляя по себе пепел мира и не будучи ни в чем из перечисленного мною — и в то же время являясь всем; это и есть реальность — Безымянное.

— И вот я требую от вас — забудьте имена, что вы носите, забудьте слова, что я говорю, как только они произнесены. Взыскуйте лучше Безымянное внутри самих себя, Безымянное, которое поднимается, когда я обращаюсь к нему. Оно внимает не моим словам, а реальности внутри меня, частью которой оно является. Это атман, и слышит он не мои слова, но меня. Все остальное не реально. Определить — это утратить. Сущность всех вещей — Безымянное. Безымянное непознаваемо, оно всесильнее даже Брахмы. Вещи преходящи, сущность неизменна. И восседаете вы, стало быть, среди грезы.

— Сущность грезит грезой формы. Формы проходят, но сущность остается, грезя новой грезой. Человек именует эти грезы и думает, что ухватил самую суть, сущность, не ведая, что взывает к нереальному.

Эти камни, эти стены, эти тела, которые, как вы видите, сидят вокруг вас, — это маки, это вода, это солнце. Это — грезы Безымянного. Это, если угодно, огонь.

— Иногда может явиться сновидец, которому ведомо, что он грезит. Он может обуздать что-либо из плоти грезы, подчинить ее своей воле — или же может пробудиться к более глубокому самосознанию. Если он выберет путь самопознания, велика будет его слава и на все века просияет звезда его. Если же выберет он вместо этого путь тантры, не забывая ни сансары, ни нирваны, охватывая весь мир и продолжая жить в нем, то могущественным станет он среди сновидцев. Обратиться его могущество может и к добру, и ко злу, как мы увидим, — хотя сами эти слова, и они тоже, бессмысленны вне именований сансары.

— Пребывать в ложе сансары, однако, означает подвергаться воздействию тех, кто могуществен среди сновидцев. Коли они могущественны к добру, это золотое время. Коли ко злу — время мрака. Греза может обернуться кошмаром.

— Писание гласит, что жизнь — это претерпевание. Да, это так, говорят мудрецы, ибо человек, чтобы достичь просветления, должен преизбыть круг своей Кармы. Поэтому-то, говорят мудрецы, какая выгода человеку бороться внутри грезы против того, что есть его жребий, путь, которому он должен следовать, чтобы достичь освобождения? В свете вечных ценностей, говорят мудрецы, страдание — как бы ничто; в терминах сансары, говорят мудрецы, оно ведет к добру. Какие же оправдания есть тогда у человека, чтобы бороться против тех, кто могуществен ко злу?

Он на мгновение замолк, приподнял голову.

— Сегодня ночью среди вас прошел Владыка Иллюзий — Мара, могущественный среди сновидцев, могущественный ко злу. И натолкнулся он на другого, на того, кто умеет работать с плотью снов на иной лад. Он встретил Дхарму, способного извергнуть сновидца из его сна. Они боролись, и Великого Мары больше нет. Почему боролись они, бог смерти с иллюзионистом? Вы скажете, неисповедимы пути их, неисповедимы пути господни. Это не ответ.

— Ответ, оправдание — одно и то же и для людей, и для богов. Добро или зло, говорят мудрецы, какая разница, ведь оба они принадлежат сансаре. Согласитесь, но учтите и то, о чем мудрецы не говорят. Оправдание это — «красота», то есть слово, — но загляните под это слово и узрите Путь Безымянного. А каков путь Безымянного? Это Путь Грезы. А почему Безымянное грезит? Неведомо это никому, кто пребывает в сансаре. Так что лучше спросите, о чем же грезит Безымянное?

— Безымянное, частью коего все мы являемся, грезит о форме, провидит форму. А каково же высшее свойство, коим форма способна обладать, высший ее атрибут? Это красота. И Безымянное, стало быть, художник. И проблема тем самым не в добре или зле, но в эстетике. Бороться против тех, кто могущественны среди сновидцев и могущественны ко злу, то есть против уродства, — это не бороться за то, что, как учили нас мудрецы, лишено смысла на языке сансары или нирваны, это, скорее, бороться за симметрическое сновидение грезы на языке ритма и пункта, равновесия и контраста, каковые наполняют ее красотой. Об этом мудрецы ничего не говорят. Истина эта столь проста, что они, должно быть, проглядели ее. Вот почему обязывает меня эстетика данного момента обратить на это ваше внимание. Только волей Безымянного и порождается борьба против сновидцев, грезящих об уродливом, будь то боги или люди. Эта борьба также чревата страданием, и, следовательно, бремя Кармы будет ею облегчено, так же, как и претерпеванием уродства, но это страдание продуктивно в высшем смысле — в свете вечных ценностей, о которых так часто говорят мудрецы.

— Истинно говорю вам, эстетика того, чему были вы сегодня свидетелями, — самой высшей пробы. Вы можете, однако, спросить меня: «Как же мне узнать, что красиво, а что уродливо, чтобы действовать, исходя из этого?» На этот вопрос, говорю я вам, ответить себе должны вы сами. Чтобы сделать это, прежде всего забудьте все, что я сказал, ибо я не сказал ничего. Покойтесь с миром в Безымянном.

Он поднял правую руку и склонил голову.

Встал Яма, встала Ратри, на одном из столов появился Так.

Они все вместе вышли из залы, будучи уверены, что на сей раз махинации Кармы разрушены.

Они шли сквозь пьянящее утреннее сиянье, под Мостом Богов. Высокие папоротники, все еще усыпанные жемчужинами ночного дождя, блестели с обеих сторон от тропы. Прозрачный пар, поднимавшийся от земли, слегка рябил контуры далеких горных вершин и верхушки деревьев. День выдался безоблачным. Свежий утренний ветерок еще навевал остатки ночной прохлады. Щелканье, жужжанье, щебет наполнявшей джунгли жизни сопровождали неспешную поступь монахов. Покинутый ими монастырь едва можно было различить над верхушками деревьев; высоко в воздухе над ним дым курсивом расписывался на небесах.

Прислужники Ратри несли ее носилки посреди группы монахов, слуг и горстки ее вооруженных телохранителей. Сэм и Яма шли в головной группе. Над ними бесшумно и незаметно прокладывал свой путь среди ветвей и листьев Так.

— Костер все еще пылает, — сказал Яма.

— Да.

— Они сжигают странника, которого, когда он остановился у них в монастыре, сразил сердечный приступ.

— Так оно и есть.

— Экспромтом ты произнес весьма впечатляющую проповедь.

— Спасибо.

— Ты и в самом деле веришь в то, что проповедовал?

Сэм рассмеялся.

— Я очень легковерен, когда речь идет о моих собственных словах. Я верю всему, что говорю, хотя и знаю, что я лжец.

Яма фыркнул.

— Жезл Тримурти все еще падает на спины людей. Ниррити шевелится в своем мрачном логове, тревожит южные морские пути. Не собираешься ли ты провести еще одну жизнь, предаваясь метафизи-

ке, — чтобы найти новое оправдание для противодействия своим врагам? Твоя речь прошлой ночью прозвучала так, будто ты опять принялся рассматривать «почему» вместо «как».

— Нет, — сказал Сэм. — Я просто хотел испробовать на них другие доводы. Трудно поднять на восстание тех, для кого все на свете — добро. В мозгу у них нет места для зла, несмотря на то, что они постоянно его претерпевают. Взгляды на жизнь у вздернутого на дыбу раба, который знает, что родится опять, может быть даже — если он страдает добровольно — жирным торговцем, совсем не те, что у человека, перед которым всего одна жизнь. Он может снести все что угодно, ибо знает, что чем больше настрадается здесь, тем больше будет будущее удовольствие. Если подобному человеку не выбрать веру в добро или зло, быть может, красоту и уродство можно заставить послужить ему вместо них. Нужно изменить одни лишь имена.

— И это, значит, новая, официальная линия партии? — спросил Яма.

— Ну да, — сказал Сэм.

Рука Ямы нырнула в неведомую складку одеяния и тут же вынырнула обратно с кинжалом, который он приветственным жестом вскинул кверху.

— Да здравствует красота! — провозгласил он. — Да сгинет уродство!

На джунгли накатилась волна тишины.

Яма, быстро спрятав кинжал, взмахнул рукой.

— Стой! — закричал он.

Щурясь от солнца, он глядел вверх и куда-то направо.

— Прочь с тропы! В кусты! — скомандовал он.

Все пришло в движение. Облаченные в шафран фигуры хлынули с тропы. Среди деревьев очутились и носилки Ратри. Сама она стояла рядом с Ямой.

— Что такое? — спросила она.

— Слушай!

И тут-то оно и объявилось, низвергшись с небес на чудовищной звуковой волне. Сверкнуло над пиками гор, наискось перечеркнуло небо над монастырем, стерев дым с лица небес. Громовые раскаты протру-

били его приход, и воздух дрожал, когда оно прорезало свой путь сквозь ветер и свет.

Был это составленный из двух перекрученных восьмерками петель крест святого Антония, и за ним тянулся хвост пламени.

— Разрушитель вышел на тропу охоты, — сказал Яма.

— Громовая колесница! — вскричал один из воинов, делая рукой какой-то знак.

— Шива, — сказал монах с расширившимися от ужаса глазами. — Разрушитель.

— Если бы я вовремя сообразил, насколько здорово ее сработал, — прошептал Яма, — я мог бы сделать так, чтобы дни ее были сочтены. Время от времени я начинаю раскаиваться в своем гении.

Она пронеслась под мостом богов, развернулась над джунглями и умчалась к югу. Грохот постепенно затих, опять стало тихо.

Защебетала какая-то пичуга, ей ответила другая. И вновь лес наполнился звуками жизни, путники вернулись на тропу.

— Она вернется, — сказал Яма, и так оно и было.

Еще дважды в этот день приходилось им сворачивать с тропы, когда над головами у них проносилась громовая колесница. В последний раз она покружила над монастырем, наблюдая, должно быть, как проходят погребальные обряды. Затем нырнула за горы и исчезла.

В эту ночь они заночевали под открытым небом, и то же повторилось днем позже.

На третий день они вышли к реке Диве неподалеку от маленького портового городка Куны. Здесь появилась наконец возможность воспользоваться нужным им транспортом; в тот же вечер они пустились в путь на барке, направляясь к югу, где Дива сливается с полноводной Ведрой, и далее, чтобы добраться наконец до пристаней Хайпура.

Сэм вслушивался в речные звуки. Он стоял на темной палубе, и руки его спокойно лежали на перилах. Он вглядывался в глубины вод, где вставали и падали светлые небеса, звезды тянулись друг к

другу. Вот тогда ночь и обратилась к нему голосом Ратри:

— Ты проходил этим путем раньше, Татхагата?

— Много раз, — ответил он.

— Чудна Дива при тихой погоде, когдя рябит и играет она под звездами.

— Воистину.

— Мы направляемся в Хайпур, во дворец Камы. Что ты будешь делать, когда мы доберемся?

— Некоторое время я потрачу на медитацию, богиня.

— О чем будешь ты медитировать?

— О своих прежних жизнях и ошибках, которые содержала каждая из них. Я должен пересмотреть и свою собственную тактику, и тактику врагов.

— Яма считает, что Золотое Облако тебя изменило.

— Очень может быть.

— Он считает, что оно смягчило тебя и ослабило. Ты всегда изображал из себя мистика, но теперь он думает, что ты и в самом деле им стал — на погибель себе и нам.

Он тряхнул головой, повернулся, но не увидел ее. То ли стояла она там невидимой, то ли отступила прочь? Он заговорил негромко, ровным голосом.

— Я сорву с небес эти звезды, — заявил он, — и швырну их в лицо богам, если это будет необходимо. Я буду богохульствовать по всей земле, в каждом Храме. Я буду вылавливать жизни, как рыбак ловит рыбу, — даже сетью, если это будет необходимо. Я опять взойду в Небесный Град, пусть даже каждая ступень станет пламенем или обнаженным мечом, а путь будут стеречь тигры. Онажды боги глянут с Небес и увидят меня на лестнице, несущим дар, которого они больше всего боятся. И в этот день начнется новая Юга.

— Но сначала я должен какое-то время помедитировать, — закончил он.

Он отвернулся и опять уставился на катящиеся мимо воды.

Падающая звезда прожигала себе путь по небосводу. Корабль продолжал свой путь. Вокруг дышала ночь.

Сэм смотрел вперед, вспоминая.

ii

Однажды какой-то второстепенный раджа какого-то заштатного княжества явился со своей свитой в Махаратху, город, прозывавшийся Вратами Юга и Рассветной Столицей, чтобы приобрести себе новое тело. Было это в те времена, когда нить судьбы можно было еще извлечь из сточной канавы, когда боги не придерживались столь строго всех формальностей, обузданы были демоны, а Небесный Град еще изредка доступен человеку. Вот рассказ о том, как правитель этот столкнулся в Храме с обрядовым одноруким бандитом и навлек на себя своей самонадеянностью немилость Небес...

Немногие возрождаются снова среди людей,
больше тех, кто рождаются снова где-то еще.
Ангуттара-никая (1,35)

День уже перевалил за середину, когда в рассветную столицу по широкой улице Сурьи въезжал князь. Свита из сотни всадников теснилась за его белой кобылой, по левую руку от него скакал советник Стрейк, сабля покоилась в ножнах, на спинах вьючных лошадей покачивались тюки с его богатствами.

Зной обрушивался на тюрбаны, стекал по телам воинов на землю и вновь отражался от нее.

Навстречу им медленно ползла повозка, возница ее покосился на стяг, который нес старший в свите; куртизанка глядела на улицу, облокотясь о резную дверь своего павильона; свора дворняг захлебывалась от лая, стараясь не попасть под копыта лошадей.

Князь был высок ростом. Его усы цветом напоминали дым. Темные, как кофе, руки бороздили набух-

шие вены. Но держался он еще очень прямо, а ясные, завораживающие глаза его походили на глаза древней птицы.

Поглазеть, как проходит дружина, стеклось немало зевак. Лошадьми пользовались только те, кто мог их приобрести, а немногим было по средствам позволить себе подобную роскошь. Обычным средством передвижения были ящеры — чешуйчатые твари со змеиной головой, снабженной многочисленными зубами; происхождение их было темно, жизнь — недолга, характер скверен; но лошади по каким-то причинам поколение за поколением становились все более бесплодными.

И князь въезжал в рассветную столицу, и глазел на это всяк, кто хотел.

Они свернули с улицы Солнца в более узкий проулок. Они проезжали мимо низеньких лавчонок и роскошных палат процветающих торговцев, мимо банков и Храмов, таверн и борделей. Они ехали мимо, пока впереди не показались деловые кварталы, здесь, на их границе, размещался гостиный двор Хауканы, Лучшего Среди Хозяев. У ворот они придержали лошадей, ибо сам Хаукана вышел навстречу — в простой одежде, дородный по последней моде и улыбающийся, — готовый лично ввести белую кобылу князя за ограду своего заведения.

— Добро пожаловать, Князь Сиддхартха! — возгласил он громким голосом, так что из зевак лишь глухой мог не узнать, что за гостя он приветствует. — Милости прошу в сей соловьиный край, в благоуханные сады и мраморные залы скромного сего заведения! Добро пожаловать и всадникам, что сопровождают тебя в столь замечательном путешествии, а сейчас, вне всякого сомнения, не менее твоего жаждут изысканного отдыха и достойного досуга. Внутри ты найдешь все, чего только ни пожелаешь, как ты, надеюсь, неоднократно имел возможность убедиться в прошлом, когда обитал в залах этих в компании других высокородных гостей и знатных посетителей, увы, слишком многочисленных, чтобы упомянуть их всех, среди коих...

— И тебе день добрый, Хаукана! — воскликнул князь, ибо день выдался жарким, а речи хозяев

постоялых дворов, совсем как реки, всегда грозят течь бесконечно. — Поспешим же внутрь этих стен, где среди других достоинств, слишком многочисленных, чтобы упомянуть их все, наверняка значится и прохлада.

Хаукана кратко кивнул и, взяв кобылу под уздцы, повел ее через ворота во двор; там он придержал стремя, чтобы князь спешился, затем препоручил лошадей заботам своих конюших и послал мальчугана подмести улицу перед воротами.

Мужчин тут же проводили в мраморный банный зал, где к превеликому их удовольствию слуги окатили им плечи прозрачной и прохладной водой. Затем, чуть подразнив по обычаю касты воинов друг друга, надели люди князя свежие одежды и отправились в обеденный зал.

Трапеза длилась всю оставшуюся часть дня, пока воины наконец не потеряли счет сменам блюд. По правую руку от князя, сидевшего во главе длинного, низкого стола, уставленного яствами, три танцовщицы ткали замысловатую пряжу танца, сопровождая свои движения щелчками кастаньет и предписываемой каноном мимикой; скрытые за занавесом четыре музыканта аккомпанировали их движениям соответствующей этому часу музыкой. Стол был устлан богато расшитым гобеленом, сверкавшим яркими цветами: синим, коричневым, желтым, красным, зеленым; вытканы на нем была череда батальных и охотничьих сцен: всадники на ящерах и лошадях с копьями и луками нападали тут на златопанду, там на огнекочета, подбирались к зарослям изумрудных бобометов; зеленые обезьяны сражались в кронах деревьев; Птица-Гаруда сжимала в когтях небесного демона, охаживая его клювом и крыльями; из морских глубин выползала армия рогатых рыб, сжимавших между судорожно стиснутыми плавниками острия розового коралла; преграждая им путь на берег, поджидала их цепочка людей в шлемах и юбках, вооруженных копьями и факелами...

Князь почти не прикасался к пище. Попробовав очередное блюдо, он слушал музыку, изредка посмеиваясь шуткам своих людей.

Он прихлебнул шербет, кольца на его руке громко звякнули о стекло сосуда.

Перед ним вырос Хаукана.

— Все ли в порядке, Князь? — спросил он.

— Да, добрый Хаукана, все в порядке, — ответил тот.

— Ты не ешь наравне со своими людьми. Тебе не нравится еда?

— Дело не в продуктах, они великолепны, не в поварах, они безукоризненны, достойный Хаукана. Просто последнее время мой аппетит не на высоте.

— А! — с видом знатока промолвил Хаукана. — У меня есть кое-что на этот случай, как раз то, что надо. Только такой, как ты, и способен по-настоящему оценить его. Долго хранилось оно на специальной полке у меня в погребе. Бог Кришна неведомо как сохранил его сквозь долгие, долгие годы. Он дал его мне много лет назад, ибо предоставленный здесь приют пришелся ему весьма по вкусу. Я схожу за ним для тебя.

И он с поклоном покинул зал.

Вернулся он с бутылкой. Еще не поглядев на наклейку, князь узнал форму бутылки.

— Бургундское! — воскликнул он.

— Точно, — сказал Хаукана. — С давно исчезнувшей Симлы.

Он понюхал бутылку и улыбнулся. А потом налил немного вина в грушевидный кубок и поставил его перед своим гостем.

Князь поднял его и долго вдыхал аромат вина. Затем, закрыв глаза, пригубил.

Все в зале из уважения к его наслаждению умолкли.

Потом он опустил бокал, и Хаукана еще раз плеснул драгоценный сок *пино нуар*, которому никогда не расти в этом мире.

Князь не притронулся к кубку. Вместо этого он повернулся к Хаукане и сказал:

— Кто самый старый музыкант в твоем заведении?

— Манкара, вот он, — ответил хозяин, указывая на седобородого мужчину, примостившегося, чтобы отдохнуть, за сервировочным столом в углу зала.

— Старый не телом, годами, — уточнил князь.

— А, наверное, это Дил, — сказал Хаукана, — если, правда, считать его музыкантом. Он утверждает, что был когда-то таковым.

— Дил?

— Мальчик при конюшне.

— А, ну да... Пошли за ним.

Хаукана хлопнул в ладоши и приказал появившемуся слуге отправиться на конюшню, привести мальчугана в мало-мальски приличный вид и поскорее прислать к пирующим.

— Прошу, не беспокойся о приличии, а просто пришли его сюда, — сказал князь.

Он откинулся назад и, закрыв глаза, погрузился в ожидание. Когда мальчик-конюший предстал перед ним, он спросил:

— Скажи, Дил, какую музыку ты играешь?

— Ту, что совсем не по нраву браминам, — ответил мальчик.

— Каков твой инструмент?

— Фортепиано, — сказал Дил.

— А ты можешь сыграть на каком-нибудь из этих? — он указал на оставленные музыкантами без присмотра на низенькой платформе у стены инструменты.

Мальчик присмотрелся к ним.

— Наверное, в случае необходимости я мог бы сыграть на флейте.

— Ты знаешь вальсы?

— Да.

— Не сыграешь ли ты мне «Голубой Дунай»?

Угрюмое выражение на лице мальчика уступило место тревоге. Он бросил быстрый взгляд на Хаукану, тот кивнул.

— Сиддхартха — князь среди людей, один из первых, — заявил хозяин.

— «Голубой Дунай» на одной из этих флейт?

— Будь любезен.

Мальчик пожал плечами.

— Я попробую, — сказал он. — Это было так давно... Будь снисходителен.

Он подошел к инструментам и спросил о чем-то у хозяина выбранной им флейты. Тот кивнул. Тогда он

поднял ее к губам и издал несколько пробных звуков. Перевел дух, попробовал еще раз, потом обернулся.

Он опять поднес ко рту флейту, и мелодия вальса волнами заполнила зал. Князь, закрыв глаза, потягивал вино.

Когда музыкант остановился, чтобы передохнуть, он жестом велел ему продолжать; и тот играл запретные мелодии одну за другой, и профессиональные музыканты напустили на лица профессиональное презрение, но под столом ноги их в медленном темпе постукивали в такт музыке.

Наконец князь допил свое вино. Вечер спустился на Махаратху. Он бросил мальчугану кошель с монетами и даже не взглянул на слезы, которые стояли у того в глазах, когда он выходил из зала. Затем встал, потянулся и зевнул.

— Я удаляюсь в свои покои, — сказал он пирующим воинам. — Смотрите не проиграйте в мое отсутствие все свое наследство.

И они засмеялись, и пожелали ему спокойной ночи, и заказали напитков покрепче и соленых сухариков. Последнее, что он услышал на пути в свои покои, был стук костей по столу.

Князь отправился на покой так рано, ибо на следующий день собирался встать до рассвета. Слуга получил инструкции весь день не впускать никого из возможных посетителей, утверждая, что князь не в духе.

Еще первые цветы не открылись первым утренним насекомым, когда покинул он свои апартаменты, и видел его уходящим только старый зеленый попугай. Не в шелках, расшитых жемчугом, уходил он, а в лохмотьях, как всегда поступал он в подобных случаях. И не возвещали раковины и барабаны о его выступлении, но хранила его тишина, когда пробирался он по темным городским улицам. Пустынны были улицы в этот час, разве что изредка попадется навстречу врач или проститутка, возвращающиеся после позднего вызова. Бездомная собака увязалась за ним, когда он, направляясь к гавани, проходил через деловые кварталы.

Возле самого пирса он уселся на ящик. Заря потихоньку стирала темноту с лика природы, он смотрел, как прилив покачивает корабли, все в путанице такелажа, со спущенными парусами, с вырезанными на носу фигурами чудищ или девушек. Когда бы ни оказывался он в Махаратхе, всегда, хоть ненадолго, заглядывал в гавань.

Розовый зонтик зари раскрылся над спутанной шевелюрой облаков, по домам прошелся прохладный ветерок. Птицы-падальщики с хриплыми криками пронеслись над испещренными точками бойниц башнями и спикировали на подернутую рябью гладь бухты.

Он смотрел, как выходит в море один из кораблей, как вырастает над его палубой шатер парусов, дотягивается до самых верхушек мачт и вот уже наполняется там, вверху, соленым морским ветром. Ожили и другие корабли, надежно застывшие на своих якорях. Команды готовились сгружать или загружать грузы: благовония, кораллы, масла и всевозможные ткани, металл и древесину, скот, специи. Он жадно вбирал в себя запахи товаров, вслушивался в перебранку матросов, он обожал и то и другое: от первого несло богатством, второе соединяло в себе оба остальных его увлечения — теологию и анатомию.

Немного погодя он разговорился с капитаном заморского корабля, тот присматривал за разгрузкой мешков с зерном и укрылся отдохнуть в тень от штабеля ящиков.

— Доброе утро, — обратился к нему князь. — Пусть не будет штормов или крушений на твоем пути, и да даруют тебе боги безопасную гавань и прибыльную торговлю.

Тот кивнул, уселся на ящик и принялся набивать коротенькую глиняную трубку.

— Спасибо тебе, папаша, — сказал он. — Хотя я и молюсь богам только в тех Храмах, которые выбираю сам, благословения я принимаю от любого. Благословению всегда найдется применение — особенно у моряка.

— Трудным выдалось у тебя плаванье?

— Менее трудным, чем могло бы быть, — ответил

капитан. — Эта тлеющая морская гора, Пушка Ниррити, опять разрядилась в небеса громами и молниями.

— А, ты приплыл с юго-запада!

— Да, Шатисхан, из Испара Приморского. Сейчас месяц благоприятных ветров, но из-за этого они и разнесли пепел пушки намного дальше, чем можно было ожидать. Целых шесть дней падал на нас этот черный снег, и запах подземного мира преследовал нас, отравляя пищу и воду, заставлял глаза слезиться, обжигал гортани огнем. Мы устроили целый молебен, когда оставили наконец позади всю эту мерзость. Посмотри, как вымазан весь корпус моей посудины. А поглядел бы ты на паруса — они черны, как волосы Ратри!

Князь наклонился, чтобы лучше рассмотреть судно.

— Но слишком большого волнения не было? — спросил он.

Моряк покачал головой.

— У Соляного Острова мы повстречали крейсер и узнали, что страшнее всего Пушка разрядилась за шесть дней до того. Она выжгла облака и подняла огромные валы, потопившие два корабля — как доподлинно знали на крейсере — и, может быть, еще и третий.

Моряк уселся поудобнее, раскуривая свою трубочку.

— Вот я и говорю, у моряка всегда найдется применение благословению.

— Я разыскиваю одного моряка, — сказал князь. — Капитана. Его зовут Ян Ольвегг, или, быть может, сейчас он известен как Ольвагга. Не знаешь ли ты его?

— Знавал я его, — ответил собеседник, — но давно уже он не плавает.

— Да? Что же с ним стало?

Моряк повернулся и внимательно всмотрелся в него.

— Кто ты такой и почему спрашиваешь? — поинтересовался он наконец.

— Зовут меня Сэм. Ян очень старый мой друг.

— Что значит «очень старый»?

— Много-много лет назад — и в другом месте — знал я его, когда был он капитаном корабля, который никогда не бороздил этих океанов.

Капитан вдруг резко нагнулся и, подобрав палку, запустил ею в собаку, которая появилась с другой стороны пирса, обогнув наваленные кучей товары. Она взвизгнула и стремглав бросилась под защиту пакгауза. Это была та самая собака, которая брела за князем почти от самого постоялого двора Хауканы.

— Остерегайся этих чертовых церберов, — сказал капитан. — Бывают собаки и такие, и сякие — и еще кое-какие. Три разных сорта, но в этом порту гони их всех с глаз долой.

И он еще раз оценивающе посмотрел на собеседника.

— Твои руки, — произнес он, указывая на них трубкой, — совсем недавно все были в кольцах. Следы от них еще остались.

Сэм поглядел на свои руки и усмехнулся.

— От твоего взгляда ничего не укроется, моряк, — произнес он. — Так что признаю очевидное. Да, я ношу кольца.

— И значит, ты, как и собаки, не тот, кем кажешься, — и ты приходишь расспрашивать об Ольвагге, да еще используешь его самое старое имя. А твое имя, говоришь, Сэм. Ты, часом, не один ли из Первых?

Сэм ответил не сразу, теперь уже он изучающе разглядывал собеседника, словно ожидая, что он еще скажет.

Может быть, догадавшись об этом, капитан продолжил:

— Ольвагга, я знаю, числился среди Первых, хотя сам об этом никогда не упоминал. То ли ты тоже из Первых, то ли из Хозяев, в любом случае тебе об этом ведомо. Стало быть, я не продаю его, говоря об этом. Но все же я хочу знать, с кем говорю, с другом или с врагом.

Сэм нахмурился.

— Ян никогда не наживал себе врагов, — заметил он. — Ты же говоришь так, будто их у него немало — среди тех, кого ты называешь Хозяевами.

Моряк не сводил с него взгляда.

— Ты не Хозяин, — заявил он наконец, — и пришел ты издалека.

— Ты прав, — признал Сэм, — но скажи, откуда ты это узнал.

— Во-первых, — начал капитан, — ты стар. Хозяин тоже мог бы воспользоваться старым телом, но не стал бы оставаться в нем надолго, так же, как не стал бы задерживаться в теле собаки. Его страх перед тем, что он вдруг умрет подлинной смертью, умрет так, как умирают старики, был бы слишком велик. Таким образом, он не остался бы в старом теле достаточно долго, чтобы приобрести такие глубокие отметины от колец на пальцах. Богачи никогда не избавляются от своих тел. Если они отказываются от перерождения, они доживают свою жизнь до самого конца. Хозяева побоялись бы, что против них поднимут оружие соратники подобного человека, умри он иначе, чем от естественных причин. Так им тело вроде твоего не добыть. Ну а на теле из жизненных резервуаров отметин на пальцах не было бы. Следовательно, я заключаю, что ты — важная персона, но не Хозяин. Если ты издавна знаком с Ольваггой, ты тоже один из Первенцев, такой же, как и он. Из-за того, что ты хочешь узнать, я вывожу, что явился ты издалека. Будь ты из Махаратхи, ты бы знал о Хозяевах, а зная о них, знал бы и почему Ольвагга не может плавать.

— Ты, похоже, разбираешься в местных делах намного лучше меня, о вновь прибывший моряк.

— Я тоже прибыл издалека, — признал капитан, чуть заметно улыбнувшись, — но за несколько месяцев я могу побывать в паре дюжин портов. Я слышу новости — новости, слухи и сплетни — отовсюду, из более двух десятков портов. Я слышу о дворцовых интригах и о политике Храмов. Я слышу секреты, нашептываемые под сенью ночи на ушко золотым девушкам под луком из сахарного тростника — луком Камы. Я слышу о походах кшатриев и о спекуляциях крупных торговцев — зерном и специями, драгоценностями и шелком. Подчас я могу, быть может, напасть на порт, где обосновались флибустьеры, и узнать там о житье-бытье тех, кого они

захватили ради выкупа. Так что нет ничего удивительного в том, что я, явившись издалека, лучше знаю Махаратху, чем ты, проведи ты здесь еще неделю. Иногда мне случается даже слышать и о деяниях богов.

— Тогда не расскажешь ли ты мне о Хозяевах, и почему их следует держать за врагов? — спросил Сэм.

— Могу тебе о них кое-что порассказать, — согласился капитан, — чтоб ты не был на сей счет в неведении. Торговцы телами стали нынче Хозяевами Кармы. Личные их имена держатся в секрете, наподобие того, как это делается у богов, и они кажутся столь же безликими, как и Великое Колесо, которое, как провозглашено, они представляют. Теперь они не просто торговцы телами, они вступили в союз с Храмами. Каковые тоже изменились, чтобы твои сородичи из Первых, ставшие богами, могли общаться с ними с Небес. Если ты и в самом деле из Первых, Сэм, твой путь неминуемо приведет тебя либо к обожествлению, либо к вымиранию, когда ты предстанешь перед лицом этих новых Хозяев Кармы.

— Как это? — спросил Сэм.

— Детали ищи где-нибудь еще, — ответил его собеседник. — Я не знаю, какими методами все это достигается. А Яннагга-парусинника разыскивай на улице Ткачей.

— Теперь он известен под этим именем?

Моряк кивнул.

— И поосторожней с собаками, — добавил он, — да и со всем остальным — живым и способным приютить разум.

— Как твое имя, капитан? — спросил Сэм.

— В этом порту у меня либо вообще нет имени, либо есть ложное, а я не вижу никаких оснований лгать тебе. Доброго тебе дня, Сэм.

— Доброго дня и тебе, капитан. Спасибо за все.

Сэм поднялся и пошел из гавани прочь, направляясь обратно, в сторону деловых кварталов и торговых улиц.

Красный диск солнца в небе собирался пересечь Мост Богов. Князь шел по проснувшемуся городу,

пробираясь между прилавками с товарами, демонстрирующими мастерство и сноровку мелких ремесленников. Разносчики мазей и порошков, духов и масел сновали вокруг. Цветочницы махали прохожим венками и букетами; виноторговцы, не произнося ни слова, заполнили со своими мехами ряды затемненных скамей, они дожидались, когда к ним по заведенному обычаю заглянут завсегдатаи. Утро пропахло готовящейся пищей, мускусом, испражнениями, маслами, благовониями, все эти запахи смешались в единое целое и, освободившись, плыли над улицей, как невидимое облако.

Поскольку сам князь был одет как нищий, ему показалось вполне уместным остановиться и заговорить с горбуном, сидевшим перед чашей для милостыни.

— Поклон тебе, брат, — сказал он. — Я забрел далеко от своего квартала. Не можешь ли ты мне сказать, как добраться до улицы Ткачей?

Горбун кивнул и выразительно встряхнул свою чашу.

Из мошны, спрятанной под рваной хламидой, князь извлек мелкую монету и бросил в чашу горбуна; монета тут же исчезла.

— Вот туда, — горбун качнул головой в нужном направлении. — Пойдешь прямо, по третьей улице свернешь налево. Пройдешь еще два перекрестка и окажешься у Фонтанного Кольца перед Храмом Варуны. В этом Кольце улица Ткачей помечена знаком Шила.

Он кивнул горбуну, похлопал его по уродливому наросту и отправился дальше.

Добравшись до Фонтанного Кольца, князь остановился. Несколько десятков людей стояло в очереди перед Храмом Варуны, самого неумолимого и величественного среди богов. Люди эти не собирались вступать в Храм, а ожидали своей очереди для участия в чем-то. Он услышал звон монет и подошел поближе.

Они стояли в очереди к сверкающей металлом машине.

Вот очередной страждущий опустил монету в рот стального тигра. Машина замурлыкала. Человек на-

жал несколько кнопок, изображавших собой животных и демонов. По телам двух нагов, двух святых змеев, переплетавшихся над прозрачной панелью машины, пробежала вспышка света.

Князь придвинулся вплотную.

Человек нажал на рычаг, напоминавший торчащий из боковой стенки машины рыбий хвост.

Священный голубой свет заполнил всю внутренность машины; змеи пульсировали красным, и тут, под зазвучавшую вдруг нежную мелодию появилось молитвенное колесо и принялось бешено вращаться.

На лице у человека было написано блаженство. Через несколько минут машина отключилась. Он опустил еще одну монету и снова дернул за рычаг, чем заставил кое-кого из стоявших в конце очереди громко заворчать, рассуждая, что это уже седьмая монета, что день выдался душным, что в очереди за молитвами он не один и почему бы, если ты хочешь совершить такое щедрое пожертвование, не пойти прямо к жрецам? Кто-то бросил, что человеку этому надо, должно быть, искупить слишком много грехов. И все со смехом принялись обсуждать возможный характер этих грехов.

Заметив, что в очереди были и нищие, князь пристроился в ее хвост.

Пока подходила его очередь, он обратил внимание, что если одни проходили перед машиной, нажимая кнопки, другие просто опускали гладкий металлический диск во вторую тигриную пасть, расположенную с обратной стороны корпуса. Когда машина останавливалась, диск падал в чашу и хозяин забирал его обратно. Князь решил рискнуть и пуститься в расспросы.

Он обратился к стоящему перед ним человеку.

— Почему это, — спросил он, — у некоторых свои собственные жетоны?

— Да потому, что они зарегистрировались, — ответил тот не оборачиваясь.

— В Храме?

— Да.

— А...

Он подождал с полминуты, потом спросил:

— А те, кто не зарегистрированы, но хотят использовать это — они нажимают кнопки?

— Да, — прозвучало в ответ, — набирая по буквам свое имя, род занятий и адрес.

— Ну а если кто-то, как я, например, здесь чужак?

— Ты должен добавить название своего города.

— Ну а если я неграмотный — что тогда?

Тот наконец обернулся к нему.

— Может быть, было бы лучше, — сказал он, — если бы ты молился по-старому и отдавал пожертвования прямо в руки жрецов. А то можешь зарегистрироваться и получить свой собственный жетон.

— Понятно, — сказал князь. — Да, ты прав. Надо обдумать все это. Спасибо.

Он вышел из очереди, обогнул Фонтан и, обнаружив место, где на столбе висел знак Шила, отправился по улице Ткачей.

Трижды спрашивал он о Янагге-парусиннике, в третий раз — у низенькой женщины с могучими руками и усиками над верхней губой. Женщина сидела, скрестив ноги, и плела коврик под низкой стрехой того, что когда-то, должно быть, было конюшней и до сих пор продолжало ею пахнуть.

Она пробурчала ему, куда идти, окинув взглядом с ног до головы и с головы до ног, взглядом странно прекрасных бархатисто-карих глаз. Князь прошел извилистой аллеей, спустился по наружной лестнице, лепившейся к стене пятиэтажного строения, оказался у двери, через которую попал в коридор на первом этаже. Внутри было темно и сыро.

Он постучал в третью слева дверь, и почти сразу ему открыли.

Открывший дверь мужчина уставился на него.

— Ну?

— Можно войти? У меня кое-что важное...

Человек чуть поколебался, резко кивнул и отступил в сторону.

Князь вошел следом. Большое полотнище холста было расстелено на полу перед стулом, на который вновь уселся хозяин, указав своему гостю на другой из двух находившихся в комнате стульев.

Это был невысокий, но очень широкоплечий чело-

век с белоснежными волосами и начинающейся катарактой обоих глаз. Руки его были коричневыми и жесткими, с узловатыми суставами пальцев.

— Ну? — повторил он.

— Ян Ольвегг, — послышалось в ответ.

Глаза его слегка расширились, затем превратились в щелки. Он взвешивал в руке большущие ножницы.

— «Онять в краю моем цветет медвяный вереск», — произнес князь.

Хозяин застыл, потом вдруг улыбнулся.

— «А меда мы не пьем!» — сказал он, швыряя ножницы на свою работу. — Сколько же лет минуло, Сэм?

— Я потерял счет годам.

— Я тоже. Но, должно быть, прошло лет сорок... сорок пять? — с тех пор, как я тебя видел в последний раз. И мед, и эль, бьюсь об заклад, прорвали, к черту, все плотины?

Сэм кивнул.

— Даже и не знаю, с чего начать, — сказал ему старик.

— Начни с того, почему вдруг «Янагга»?

— А почему бы и нет? Звучит честно, и для работяги вполне годится. Ну а ты сам? Все еще балуешься княжением?

— Я все еще я, — сказал Сэм, — и меня все еще зовут Сиддхартхой, когда спешат на мой зов.

Его собеседник хихикнул.

— И Победоносным, «Бичом Демонов», — нараспев продекламировал он. — Ну хорошо. Раз ты оделся не по своему богатству, значит, по обыкновению разнюхиваешь, что к чему?

Сэм кивнул.

— И наткнулся на многое, чего не понимаю.

— Ага, — вздохнул Ян. — Ага. С чего бы начать? И как? А вот как, я расскажу тебе о себе... Слишком много дурной кармы накопил я, чтобы получить право на новомодный перенос.

— Что?

— Дурная карма, говорю. Старая религия — не только Религия, это показная, насаждаемая и до жути доказуемая религия. Но не очень-то громко про

то думай. Лет этак двенадцать тому назад Совет утвердил обязательное психозондирование тех, кто домогается обновления. Это было как раз после раскола между акселеристами и деикратами, когда Святая Коалиция выперла всех молодых технарей и присвоила себе право зажимать их и дальше. Простейшим решением оказалось, конечно, проблему просто изжить — со света. Храмовая орава стакнулась с телоторговцами, заказчику стали зондировать мозги и акселеристам отказывать в обновлении или... ну... ладно. Теперь акселеристов не так уж много. Но это было только начало. Божественная партия тут же смекнула, что здесь же лежит и путь к власти. Сканировать мозг стало стандартной процедурой, предшествующей переносу. Торговцы телами превратились в Хозяев Кармы и стали частью храмовой структуры. Они вычитывают твою прошлую жизнь, взвешивают карму и определяют ту жизнь, что тебе предстоит. Идеальный способ поддерживать кастовую систему и крепить контроль деикратов. Между прочим, большинство наших старых знакомцев по самый нимб в этом промысле.

— Мой бог! — воскликнул Сэм.

— Боги, — поправил Ян. — Их всегда считали богами — еще бы, с их Обликами и Атрибутами; но они теперь сделали из этого нечто до крайности официальное. И любой, кому случилось быть одним из Первых, лучше бы, черт побери, заранее понял, к чему он стремится, — к быстрому обожествлению или к костру, когда он в эти дни вступает в Палаты Кармы. А когда тебе на прием? — заключил он.

— Завтра, — ответил Сэм, — после полудня... А как же ты бродишь тут, если у тебя нет ни нимба, ни пригоршни перунов?

— Потому что у меня нашлась пара друзей, и они навели меня на мысль, что лучше пожить еще — тихо-мирно, — чем идти под зонд. Всем сердцем воспринял я их мудрый совет, и вот, все еще способен починять паруса и подчас взбаламутить соседнюю забегаловку. Иначе, — он поднял мозолистую, искореженную руку и щелкнул пальцами, — если не подлинная смерть, то, может статься, тело, прошпи-

гованное раком, или захватывающая жизнь холощеного водяного буйвола, или...

— Собаки? — перебил Сэм.

— Ну да, — подтвердил Ян.

И он разлил спиртное, нарушив этим и тишину, и пустоту двух стаканов.

— Спасибо.

— В пекло, — и он убрал бутылку.

— Да еще на пустой желудок... Ты сам его делаешь?

— Угу. Перегонный куб в соседней комнате.

— Поздравь, я догадался. Если у меня и была плохая карма, теперь она вся растворилась.

— Чего-чего, а четкости и ясности в том, что такое плохая карма, наши приятели боги не переваривают.

— А почему ты думаешь, что у тебя она есть?

— Я хотел поторговать здесь машинами среди наших потомков. Был за это бит на Совете. Публично покаялся и тешил себя надеждой, что они забудут. Но акселеризм нынче так далек, никогда ему не вернуться, пока я не помер. Да, жалко. Хотелось бы вновь поднять паруса и — вперед, к чужому горизонту. Или поднять корабль...

— А что, зонд настолько чувствителен, что может уловить нечто столь неощутимое, как склонность к акселеризму?

— Зонд, — ответил Ян, — достаточно чувствителен, чтобы сказать, что ты ел на завтрак одиннадцать лет и три дня тому назад и где ты порезался, когда брился сегодня утром, насвистывая гимн Андорры.

— Они же были только на экспериментальной стадии, когда мы покидали... дом, — сказал Сэм. — Те два, что мы захватили с собой, являлись лишь основой для трансляции мозговых волн. Когда же произошел прорыв?

— Послушай-ка, провинциальный родственничек, — начал Ян. — Не припоминаешь ли ты такого сопляка, черт знает чье отродье, из третьего поколения, по имени Яма? Молокосос, который все наращивал и наращивал мощность генераторов, пока в один прекрасный день там у него не шарахнуло; он тогда схлопотал такие ожоги, что пришлось ему влезать во

второе свое — пятидесятилетнее — тело, когда ему самому едва стукнуло шестнадцать? Парнишка, который жить не мог без оружия? Тот самый, что анестезировал по штучке всего, что шевелится, чтобы его проанатомировать, так упиваясь при этом своими изысканиями, что мы в шутку трепались, что он обожествляет смерть?

— Да, я его помню. Он еще жив?

— Если тебе угодно так это называть. Он теперь и в самом деле бог смерти — и уже не по кличке, а по титулу, важная шишка. Он усовершенствовал зонд около сорока лет назад, но деикраты до поры до времени скрывали это. Я слышал, он выдумал и кое-какие другие сокровища, способные исполнить волю богов... ну, к примеру, механическую кобру, которая может зарегистрировать показания энцефалограммы с расстояния в милю, когда она приподнимется и распустит веером свой капюшон. Ей ничего не стоит выискать в целой толпе одного-единственного человека, какое бы тело он при этом ни носил. И нет никаких противоядий против ее укуса. Четыре секунды, не больше... Или же огненосный жезл, который, как говорят, искорежил поверхность всех трех лун, пока Бог Агни стоял на берегу у моря и им размахивал. А сейчас, как я понимаю, он проектирует что-то вроде реактивного левиафана-колесницы для Великого Шивы... вот такие штучки-дрючки.

— Мда, — сказал Сэм.

— Пойдешь на зондаж? — спросил Ян.

— Боюсь, что нет, — ответил Сэм. — Послушай, сегодня утром я видел машину, которую, по-моему, лучше всего назвать молитвоматом, — это что, обычное явление?

— Да, — подтвердил Ян. — Они появились два года тому назад — идея, осенившая однажды ночью юного Леонардо за стаканчиком сомы. Нынче, когда в моде карма, эти штуковины гораздо удобнее сборщиков налогов. Когда господин горожанин является накануне своего шестидесятилетия в клинику бога выбранной им церкви, наряду с перечнем его грехов учитывается, как говорят, и реестр накопленных молитв и уже на основе их баланса решается, в

какую касту он попадет, а также возраст, пол, физические кондиции нового его тела. Изящно. Точно.

— Я не пройду зондирование, — заметил Сэм, — даже если накоплю огромный молитвенный счет. Они отловят меня, как только дело дойдет до грехов.

— Какого типа?

— Грехов, которых я еще не совершил, но которые окажутся записанными в моем разуме, ибо я обдумываю их сейчас.

— Ты собираешься пойти наперекор богам?

— Да.

— Как?

— Еще не знаю. Начну, во всяком случае, с непосредственного общения. Кто у них главный?

— Одного не назовешь. Правит Тримурти, то есть Брахма, Вишну и Шива. Кто же из трех главный на данный момент, сказать не могу. Некоторые говорят — Брахма...

— А кто они на самом деле? — спросил Сэм.

Ян покачал головой:

— Поди знай. У всех у них другие тела, чем поколение назад. И все пользуются именами богов.

Сэм встал.

— Я еще вернусь или же пришлю за тобой.

— Надеюсь... Глотнем еще?

Сэм покачал головой.

— Пойду, еще раз превращусь в Сиддхартху, разговеюсь после поста на постоялом дворе Хауканы и объявлю о своем намерении посетить Храмы. Если наши друзья стали нынче богами, они должны сообщаться со своими жрецами. Сиддхартха отправляется молиться.

— За меня не надо, — сказал Ян, подливая себе самогона. — Не знаю, смогу ли я пережить гнев божий.

Сэм улыбнулся:

— Они не всемогущи.

— Смиренно надеюсь, что нет, — ответил тот, — но боюсь, что день этого уже не далек.

— Счастливого плавания, Ян.

— *Скаал.*

По пути в Храм Брахмы князь Сиддхартха ненадолго задержался на улице Кузнецов. Спустя полча-

са он вышел из лавки в сопровождении Стрейка и трех своих вассалов. Улыбаясь, будто его посетило видение грядущего, он пересек Махаратху и наконец приблизился к высокому и просторному Храму Создателя.

Не обращая внимания на взгляды толпящихся у молитвомата, он поднялся по длинной, пологой лестнице; при входе в Храм его встретил верховный жрец, которого он заранее известил о своем посещении.

Сиддхартха и его люди вступили в Храм, оставили при входе свое оружие и отвесили подобающие поклоны в направлении центрального святилища, прежде чем обратиться к жрецу.

Стрейк и его спутники отступили на почтительное расстояние, когда князь вложил тяжелый кошель в сложенные руки жреца и тихо промолвил:

— Я хотел бы поговорить с Богом.

Жрец, отвечая, внимательно изучал его лицо.

— Храм открыт для всех, Князь Сиддхартха, и всякий может общаться здесь с Небесами сколько пожелает.

— Это не совсем то, что я имел в виду, — сказал Сиддхартха. — Я подумал о чем-то более личном, чем жертвоприношение и долгие литания.

— Я не вполне осознаю...

— Но ты вполне осознал вес этого кошелька, не так ли? Он наполнен серебром. Второй, который я взял с собой, наполнен золотом — его можно будет получить после. Я хочу воспользоваться местным телефоном.

— Теле?..

— Системой связи. Если бы ты, как и я, был одним из Первых, ты бы понял намек.

— Я не...

— Заверяю тебя, мой звонок не отразится неблагоприятным образом на твоем положении старосты этого Храма. Я разбираюсь в подобных вопросах, а благоразумие мое всегда было притчей во языцех среди Первых. Вызови сам Опорную Базу и наведи справки, если это тебя успокоит. Я подожду здесь, во внешних покоях. Скажи им, что Сэм хотел бы

перемолвиться словечком с Тримурти. Они захотят переговорить.

— Я не знаю...

Сэм вытащил второй кошелек и взвесил его на ладони. Жрец, не отрывая от него взгляда, облизнул губы.

— Подожди здесь, — приказал он и, повернувшись кругом, вышел из комнаты.

Или, пятая нота гаммы, сорвавшись со струны арфы, разнеслась по Саду Пурпурного Лотоса.

Брахма бездельничал на берегу искусственно подогреваемого пруда, где он купался вместе со своим гаремом. Прикрыв глаза, он возлежал, опираясь на локти и свесив ноги в воду.

На самом же деле он подглядывал из-под своих длинных ресниц за дюжиной резвящихся в пруду девушек, надеясь, что одна-другая бросят восхищенный взгляд на его темный, с рельефной мускулатурой торс. Черные на коричневом, поблескивали его усы, влага лишила их четких геометрических очертаний; волосы черным крылом были отброшены назад. Он улыбался ослепительной под упавшим солнечным лучом улыбкой.

Но ни одна из них, похоже, не замечала всего этого, улыбка его потускнела и пропала. Все их внимание было поглощено игрой в водное поло, которой они самозабвенно предавались.

Или, сигнальный колокольчик, зазвонил опять, когда легкое дуновение искусственного ветерка донесло до него запах садового жасмина. Он вздохнул. Ему так хотелось, чтобы они боготворили его — его могучее тело, его тщательно вылепленные черты лица. Боготворили его как мужчину, не как бога.

И тем не менее, хотя его особое, усовершенствованное тело и делало возможными подвиги, которые не под силу повторить ни одному смертному мужчине, все равно он чувствовал себя неловко в присутствии такой старой боевой лошадки, как Бог Шива, который, несмотря на свою приверженность нормальным телесным матрицам, казалось, сохранял для женщин гораздо большую привлекательность. Можно было подумать, что пол превозмогает биологию; и

как бы он ни старался подавить воспоминания и уничтожить этот фрагмент своего духа, Брахма, который родился женщиной, до сих пор каким-то образом женщиной и оставался. Ненавидя эту свою черту, он раз за разом выбирал для перерождения замечательно мужественные мужские тела, но, поступая так, все равно чувствовал свою недостаточность, словно клеймо его собственного пола было выжжено у него на челе. От этого ему хотелось топнуть ногой и состроить гримасу.

Он встал и направился к своему павильону — мимо низкорослых деревьев, чьи искореженные силуэты были полны какой-то гротесковой красоты, мимо шпалер, сотканных с утренней славой, прудов с голубыми кувшинками, нитей жемчуга, свешивающихся с колец, выделанных из белого золота, мимо светильников в форме девушек, треножников, на которых курились пикантные благовония, мимо восьмирукой статуи синей богини, которая, если ее должным образом попросишь, играет на вине.

Брахма вошел в павильон и направился прямо к хрустальному экрану, вокруг которого обвился, зажав собственный хвост в зубах, бронзовый нага. Он включил механизм обратной связи.

Помехи, словно снегопад, покрыли было экран, но вот уже на экране появился верховный жрец его Храма в Махаратхе. Упав на колени, он трижды прикоснулся своей кастовой метой к полу.

— ♪ Среди четырех чинов божественных, среди восемнадцати воинств Рая, могущественнейший — Брахма, — завел священник. — ♪ Всесоздатель, Владыка Небес высоких и всего, что под ними. ♪ Лотос прорастает из твоего пупка, руки твои пахтают океаны, тремя шагами ноги твои покрывают все миры. ♪ Барабан твоей славы наполняет ужасом сердца врагов твоих. ♪ В деснице твоей колесо закона. ♪ Ты вяжешь катастрофы, как путами, змеею. ♪ Приветствую тебя! ♪ Соблаговоли услышать молитву твоего жреца. ♪ Благослови и выслушай меня, о Брахма!

— Встань... жрец, — сказал Брахма, не сумев вспомнить его имя. — Что за неотложная надобность побудила тебя срочно меня вызывать?

Жрец выпрямился, бросил быстрый взгляд на мокрого Брахму и отвел глаза.

— Владыка, — сказал он, — я не собирался нарушать покой твоего купания, но здесь сейчас находится один из твоих смиренных почитателей, который хотел бы поговорить с тобой на темы, которые, как мне показалось, могут иметь немалое значение.

— Один из почитателей! Скажи ему, что всеслышащий Брахма слышит всех, и пусть он идет молиться мне, как и все, в Храме, для этого, собственно, и созданном!

Рука Брахмы потянулась было к выключателю, но вдруг замерла.

— А как он узнал о линии Храм — Небо? — удивился он. — И о прямом общении святых и богов?

— Он говорит, — отвечал жрец, — что он из Первых и мне нужно передать, что Сэм хотел бы переговорить с Тримурти.

— Сэм? — сказал Брахма. — Сэм? Да этого не может быть... сам Сэм?

— Он известен здесь как Сиддхартха, Бич Демонов.

— Жди моего соизволения, — промолвил Брахма, — распевая покуда подобающие стихи Вед.

— Слушаю, мой Властелин, — ответил жрец и запел.

Брахма перешел в другую часть павильона и замер перед своим гардеробом, решая, что надеть.

Князь, услышав, что его зовут, отвлекся от созерцания внутренности Храма. Жрец, чье имя он позабыл, манил его с другого конца коридора. Он пошел на зов и очутился в кладовой. Жрец нащупал потайной рычаг и толкнул ряд полок, который, словно дверь, открылся вовнутрь.

Шагнув через эту дверь, князь очутился в богато украшенной усыпальнице. Сверкающий видеоэкран висел над алтарно-контрольной панелью, обрамленный бронзовым нагой, сжимавшим в зубах собственный хвост.

Жрец трижды поклонился.

— ♪ Привет тебе, правитель мироздания, могущественнейший среди четырех божественных чинов и

восемнадцати райских воинств. ♪ Из пупа твоего произрастает лотос, руки твои пахтают океаны, тремя шагами...

— Подтверждаю правоту сказанного тобой, — перебил Брахма. — Слышу и благословляю. А теперь ты можешь оставить нас.

— ♪ ?

— Да-да. Сэм наверняка оплатил частную беседу, разве не так?

— Владыка!

— Все! Ступай!

Жрец быстро поклонился и вышел.

Брахма изучал Сэма; тот был одет в темные рейтузы, небесно-голубую камизу, зелено-голубой тюрбан Симлы, к поясу из потемневших железных колец были привешены пустые ножны.

В свою очередь и Сэм разглядывал своего визави, чей силуэт четко вырисовывался на черном фоне; одет он был в костюм из тончайшей кольчуги, на который накинул сверху щегольский плащ, сколотый на груди брошью с огненным опалом. Голову Брахмы венчала пурпурная корона, усеянная пульсирующими аметистами, а в правой руке он сжимал скипетр, украшенный девятью приносящими счастье самоцветами. Глаза — два темных пятна на темном лице. Нежные звуки вины разносились вокруг него.

— Сэм? — сказал он.

Сэм кивнул.

— Пытаюсь догадаться, кто ты на самом деле, Великий Брахма. Должен сознаться, что мне это не удается.

— Так и должно быть, — сказал Брахма, — если кому-то суждено быть богом, который был, есть и будет всегда.

— Красивое одеяние ты носишь, — заметил Сэм. — Просто очаровательное.

— Спасибо. Мне трудно поверить, что ты все еще жив. По справкам ты уже лет пятьдесят не требовал нового тела. Это весьма рискованно.

Сэм пожал плечами:

— Жизнь полна риска...

— Согласен, — сказал Брахма. — Прошу, возьми стул и садись. Устраивайся поудобнее.

Сэм так и сделал, а когда он опять посмотрел на экран, Брахма восседал на высоком троне, вырезанном из красного мрамора, над ним пламенел раскрытый зонт.

— Выглядит не слишком-то удобным, — заметил Сэм.

— Сиденье с поролоном, — улыбаясь ответил бог. — Если хочешь, кури.

— Спасибо, — Сэм вытащил из привешенного к поясу кисета трубку, набил ее табаком, тщательно умял его и закурил.

— Что же ты делал все это время, — спросил бог, — соскочив с насеста Небес?

— Взращивал свои собственные сады, — сказал Сэм.

— Мы могли бы использовать тебя здесь, — сказал Брахма, — в нашем гидропонном департаменте. Что касается этого, может быть, еще могли бы. Расскажи мне о своем пребывании среди людей.

— Охота на тигров, пограничные споры с соседними царствами, поддержание высокого морального духа в гареме, немножко ботанических штудий — все в таком роде, жизнь в ее банальности, — неспешно поведал Сэм. — Теперь силы мои на исходе, и я опять взыскую свою юность. Но чтобы вновь стать молодым, как я понимаю, мне придется подвергнуться промывке мозгов? Так?

— В некотором роде, — признал Брахма.

— Могу я полюбопытствовать, с какой целью?

— Неправедный ослабнет, праведный окрепнет, — изрек улыбаясь бог.

— Предположим, я неправеден, — спросил Сэм, — каким образом я ослабею?

— Колесо сансары повернется для тебя вниз: тебе придется отрабатывать бремя своей кармы в низшей форме.

— А у тебя под рукой нет данных — процента тех, кто идет вниз, и тех, кто идет вверх?

— Надеюсь, ты не подумаешь, что я не всемогущ, — сказал, прикрывая скипетром зевок, Брахма, — если я признаюсь, что подзабыл эти данные.

Сэм хмыкнул.

— Ты сказал, что вам в Небесном Граде нужен садовник.

— Да, — подтвердил Брахма. — Уж не намерен ли ты обратиться к нам за работой?

— Не знаю, — сказал Сэм. — Может быть.

— Что означает — может быть и нет, — уточнил его собеседник.

— Да, может быть и нет, — согласился Сэм. — Что касается человеческого разума, то в былые дни не было этого невразумительного перетягивания каната. Если кто-то из Первых желал возродиться, он платил за тело и его обслуживали.

— Мы живем уже не в былые дни, Сэм. На пороге новая эпоха.

— Можно — почти что — подумать, что вы стремитесь устранить всех Первых, которые не выстроились у вас за спиной.

— В пантеоне комнаты есть для многих, Сэм. Есть ниша и для тебя, если ты решишь заявить о своих на нее правах.

— А если нет?

— Тогда наводи справки о своем теле в Палате Кармы.

— А если я выбираю божественность?

— Мозг твой зондировать не будут. Хозяевам посоветуют обслужить тебя быстро и отменно. Будет послана летательная машина, чтобы доставить тебя на Небеса.

— Все это наводит на некоторые размышления, — сказал Сэм. — Я люблю этот мир, хотя он и погряз в темноте средневековья. С другой стороны, любовь эта ничуть не поможет мне насладиться объектами моего желания, если мне будет предписано умереть подлинной смертью или принять образ обезьяны и скитаться в джунглях. Но не очень-то мне любо и то искусственное совершенство, которое процветало на Небесах, когда я в последний раз посетил их. Подожди, будь любезен, чуть-чуть, я поразмышляю.

— В моих глазах твоя нерешительность является просто наглостью, — сказал Брахма. — Тебе только что сделали такое предложение...

— Да-да, и в моих, наверное, она выглядела бы

так же, если бы мы поменялись местами. Но если бы я был Богом, а ты — мною, ей-богу, я бы помолчал немного, пока человек принимает самое важное свое решение за и про свою жизнь.

— Сэм, ты чудовищный торгаш! Кто еще заставлял бы меня ждать, когда на чашу весов брошено его бессмертие? Уж не собираешься ли ты торговаться — со мной?

— Ну да, я же потомственный торговец ящерами — и я страшно хочу кое-чего.

— Что же это может быть?

— Ответы на несколько вопросов, которые преследуют меня вот уже некоторое время.

— К примеру..?

— Как тебе ведомо, я перестал посещать собрания старого Совета более сотни лет тому назад, ибо они превратились в длиннющие заседания, рассчитанные так, чтобы отсрочить принятие решений, и стали главным образом поводом для Празднества Первых. Нынче я не имею ничего против праздников. По правде говоря, века полтора я являлся на них только для того, чтобы еще разок хлебнуть добротного земного зелья. Но я чувствовал, что мы должны сделать что-то с пассажирами, равно как и с отпрысками наших многочисленных тел, а не бросать их на произвол судьбы в этом порочном мире, где они неминуемо превратятся в дикарей. Я чувствовал, что мы, команда, должны им помочь, обеспечить их преимуществами сохраненной нами технологии, а не выстраивать себе неприступный рай, используя мир в качестве комбинации охотничьих угодий и борделя. И вот я давно пытаюсь понять, почему это не было сделано. Это был бы, кажется, честный и справедливый путь управлять миром.

— Я делаю отсюда вывод, что ты акселерист.

— Нет, — сказал Сэм, — просто любопытствующий. Я любопытен, вот единственная причина.

— Тогда, отвечая на твой вопрос, — заговорил Брахма, — скажу, что причиной этому — то, что они не готовы. Если бы мы начали действовать сразу — да, тогда это могло сработать. Но нам поначалу было все равно. Потом, когда возник этот вопрос, мы разделились. Слишком много прошло

времени. Они не готовы и не будут готовы еще много веков. Если их на настоящем этапе снабдить развитой технологией, это приведет к неминуемым войнам, которые уничтожат и те начинания, которые они уже претворили в жизнь. Они зашли далеко. Они дали толчок цивилизации по образу и подобию своих древних праотцов. Но они еще дети, и как дети они бы играли с нашими дарами и обжигались бы на них. Они и есть наши дети, дети наших давным-давно мертвых Первых тел, и вторых, и третьих, и неизвестно скольких еще — и отсюда наша родительская за них ответственность. Мы должны не допустить, чтобы они стали акселератами, чтобы ускорение их развития привело к индустриальной революции и уничтожило тем самым первое стабильное общество на этой планете. Наши отцовские функции легче всего выполнять, руководя ими, как мы это и делаем, через Храмы. Боги и богини — исходно родительские фигуры, и что же может быть правильнее и справедливее, чем принятие нами этих ролей и последовательное их использование?

— А зачем же тогда вы уничтожили их собственную зачаточную технологию? Печатный станок изобретался на моей памяти трижды — и всякий раз изымался.

— Делалось это по тем же причинам — они еще не готовы. И было это на самом деле не открытие, а, скорее, воспоминание. Нечто из легенд, которое кому-то удалось воспроизвести. Если нечто должно появиться, оно должно явиться результатом уже наличествующих в культуре факторов, а не должно быть вдруг вытащено за уши из прошлого, как кролик из цилиндра фокусника.

— Похоже, ты проводишь в этом пункте очень последовательную линию. И, наверное, твои лазутчики обшаривают весь мир, уничтожая все признаки прогресса, какие только им удастся обнаружить?

— Нет, это не так, — сказал бог. — Ты рассуждаешь так, будто мы хотим навсегда нести бремя божественности, будто мы стремимся поддерживать средневековую темноту, чтобы навечно терпеть скуку нашей вынужденной божественности!

— Короче говоря, — заключил Сэм, — да. Ну а

молитвомат, что установлен у самого входа в этот Храм? Он что, с точки зрения культуры — пара колеснице?

— Это совсем другое, — сказал Брахма. — Как божественное проявление, он вызывает у горожан трепет и никаких вопросов. По причинам религиозным. Это совсем не то, что дать им порох.

— Ну а если допустить, что какой-нибудь местный атеист утащит его и расковыряет на части? И если вдруг это будет Томас Эдисон? Что тогда?

— В них вмонтирована сложная система запоров. И если кто-нибудь, кроме жреца, откроет хотя бы один из них, устройство взлетит на воздух — вместе со взломщиком, разумеется.

— Как я заметил, вам не удалось не допустить изобретения перегонного куба, хотя вы и пытались. И вы шлепнули в ответ алкогольным налогом, который нужно платить Храмам.

— Человечество всегда искало избавления в пьянстве, — сказал Брахма. — Обычно это так или иначе отражалось и в религиозных церемониях, чтобы ослабить чувство вины. Да, поначалу мы попытались было подавить алкоголь, но быстро убедились, что это нам не под силу. И вот в обмен на выплаченный налог они получают благословение своей выпивке. Слабеет чувство вины, слабеет похмелье, меньше распрей — ты же знаешь, это психосоматическое, — а налог весьма невысок.

— Забавно все же, что многие предпочитают вполне мирскую выпивку.

— Ты пришел просить, а продолжаешь насмехаться, не к этому ли сводятся твои речи, Сэм? Я согласился ответить на твои вопросы, а не обсуждать с тобой деикратическую политику. Ну как, не пришел ли ты, наконец, к какому-либо решению относительно моего предложения?

— Да, Мадлен, — сказал Сэм, — а говорил ли тебе кто-нибудь когда-нибудь, как ты соблазнительна, когда сердишься?

Брахма спрыгнул с трона.

— Как ты смог? Как ты догадался? — завопил он.

— Я, на самом деле, и не смог, — сказал Сэм. —

До этого момента. Это была просто догадка — на основе некоего присущего тебе маньеризма в речах и жестах, который вдруг всплыл у меня в памяти. Итак, ты добилась сокровеннейшей цели всей своей жизни, а? Готов биться об заклад, у тебя теперь тоже есть гарем. И каково же чувствовать себя жеребцом, мадам, когда начинал девицей? Бьюсь об заклад, что все до одной Лизхен в мире позавидовали бы тебе, если бы узнали. Мои поздравления.

Брахма выпрямился во весь рост, его свирепый взгляд ослеплял. Трон у него за спиной обратился в пламя. Бесстрастно бренчала вина. Он поднял скипетр и произнес:

— Приготовься, Брахма проклинает тебя...

— За что? — перебил Сэм. — За то, что я догадался о твоей тайне? Если мне суждено быть богом, то какая в том разница? Остальные же знают об этом. Или же ты сердишься, что единственным способом выпытать секрет твоей истинной личности было тебя чуть-чуть подкусить? Я-то полагал, что ты меня оценишь выше, если я продемонстрирую свои достоинства, выставив таким образом напоказ свою проницательность. Если я случайно задел тебя, приношу свои извинения.

— Дело не в том, что ты догадался, — и даже не в том, как ты догадался, — проклят ты будешь за то, что насмехался надо мной.

— Насмехался над тобой? — переспросил Сэм. — Не понимаю. Я не имел в виду ни малейшего проявления неуважения. В былые времена я всегда был с тобой в хороших отношениях. Только вспомни — и ты согласишься, что это правда. Так с чего бы мне рисковать своим положением, насмехаясь над тобой теперь?

— Просто ты сказал то, что думаешь, слишком быстро, не успев обдумать последствия.

— Нет, мой Господин. Я шутил с тобой точно так же, как шутил бы любой мужчина, обсуждая эти темы с другим мужчиной. Сожалею, если это было воспринято неправильно. Я уверен, что ты обладаешь гаремом, которому я бы позавидовал и в который, вне всякого сомнения, однажды ночью попытаюсь

прокрасться. Если ты проклинаешь меня, так как был изумлен, сними проклятие.

Он пыхнул своей трубкой и скрыл усмешку за клубами дыма.

Наконец Брахма хмыкнул.

— Я чуть-чуть скор на расправу, это верно, — объяснил он, — и, быть может, слишком чувствителен, когда речь заходит о моем прошлом. Конечно, мне часто приходилось шутить подобным образом с другими мужчинами. Ты прощен. Я снимаю свое начинавшееся проклятие.

— А твое решение, как я понимаю, — принять мое предложение? — добавил он.

— Ну да, — сказал Сэм.

— Хорошо. Мне всегда была свойственна братская привязанность к тебе. Ступай теперь и пришли моего жреца, чтобы я проинструктировал его о твоей инкарнации. До скорого свидания.

— Несомненно, Великий Брахма, — кивнул Сэм и поднял свою трубку. Потом он толкнул ряд полок и в поисках жреца прошел в зал. Много разных мыслей теснилось у него в голове, но на этот раз он оставил их невысказанными.

Вечером князь держал совет с теми из своих вассалов, кто уже успел посетить в Махаратхе родичей или приятелей, и с теми, кто собирал по городу новости и слухи. От них он узнал, что во всей Махаратхе насчитывалось только десять Хозяев Кармы и обитали они во дворце на склоне холма, возвышавшегося над юго-восточной частью города. По расписанию посещали они клиники или читальные залы Храмов, куда являлись за приговором горожане, обратившиеся за возрождением. Сама Палата Кармы представляла собой массивное черное сооружение во дворе дворца, сюда вскоре после вынесения приговора поступал перерождаемый, чтобы перенестись в свое новое тело. Пока еще было светло, Стрейк с двумя советниками успел сделать наброски дворцовых укреплений. Пара вельмож из княжеской свиты была направлена через весь город пригласить на поздний ужин и пирушку Шана Ирабекского, престарелого правителя и отдаленного

соседа, с которым трижды вступал Сиддхартха в кровопролитные пограничные стычки и иногда охотился на тигров. Шан прибыл в Махаратху со своими родственниками дожидаться, когда его назначат на прием к Хозяевам Кармы. Еще один человек послан был на улицу Кузнецов, там он сговорился с мастерами, чтобы они удвоили княжеский заказ и подготовили все еще до рассвета. Чтобы заручиться их согласием, прихватил он с собой изрядное количество денег.

Потом на двор к Хаукане прибыл в сопровождении шестерых родственников Шан Ирабекский; хоть и принадлежали они к касте кузнецов, но явились вооруженными, словно воины. Увидев, однако, сколь тихой обителью был постоялый двор и что никто из других гостей или посетителей не вооружен, они отложили свое оружие и уселись во главе стола, рядом с князем.

Шан был человеком высокого роста, но сильно сутулился. Облачен он был в каштанового цвета одеяния и темный тюрбан, спускавшийся на его большие, словно молочно-белые гусеницы, брови. Снежно-белой была его густая борода, когда он смеялся, можно было заметить черные пеньки зубов, а нижние веки его покраснели и вспухли, словно устали и наболели после многих лет, на протяжении которых удерживали они за собой выпученные, налитые кровью глаза в их очевидных попытках вылезти из орбит. Он флегматично смеялся и стучал по столу, уже в шестой раз повторяя: «Слоны нонче вздорожали, а в грязи ни на черта не годны!» Фраза эта относилась к их беседе касательно лучшего времени года для ведения войны. Только полнейший новичок был бы настолько невоспитан, чтобы оскорбить посланца соседа в сезон дождей, решили они, и, следовательно, его можно будет с тех пор называть *нуво руа*.

Медленно тянулся вечер, врач князя извинился и вышел, чтобы присмотреть за приготовлением десерта и подсыпать наркотик в пирожные, предназначенные Шану. Медленно тянулся вечер, и после сладкого Шана все чаще и сильнее тянуло закрыть глаза и уронить голову на грудь. «Хорошая вечеринка, —

пробормотал он, похрапывая, и, наконец: — Слоны ни на черта не годны...» и заснул так, что его было не разбудить. Его родичи были не в настроении провожать его в такое время домой, поскольку все тот же врач добавил им в вино хлоралгидрат и в настоящий момент они вповалку храпели на полу. Наиболее обходительный вассал из княжеской свиты договорился с Хауканой об их размещении, а самого Шана взяли в апартаменты князя, где вскорости его и посетил врач, который расстегнул на нем одежду и заговорил с ним мягким, убеждающим голосом.

— Завтра после полудня, — говорил он, — ты будешь Князем Сиддхартхой, а это будут твои вассалы. Ты явишься в Палату Кармы вместе с ними и потребуешь там тело, которое без предварительного взвешивания твоей кармы обещал тебе Брахма. Ты останешься Сиддхартхой и после переноса, а потом вернешься сюда со своими вассалами, чтобы я тебя обследовал. Ты понял?

— Да, — прошептал Шан.

— Тогда повтори, что я тебе сказал.

— Завтра после полудня, — сказал Шан, — я буду Сиддхартхой во главе своих вассалов...

Ясной выдалась утренняя заря, и под ее сенью сводились разные счеты. Половина людей князя покинула верхом город, направляясь на север. Когда они достаточно удалились от Махаратхи, путь их начал потихоньку сворачивать к юго-востоку, петляя между холмов; остановились они лишь раз, чтобы облачиться в боевые доспехи.

Полдюжины людей отправилось на улицу Кузнецов, откуда вернулись они с тяжелыми холщовыми мешками, содержимое которых поделили между собой три дюжины воинов, сразу после завтрака отправившихся в город.

Князь держал совет со своим врачом, Нарадой.

— Если я неправильно оценил милосердие небес, то и в самом деле я проклят.

На что доктор улыбнулся и промолвил:

— Сомневаюсь, чтобы ты ошибся.

И так потихоньку утро сменилось полднем, над городом встал золотой Мост Богов.

Когда очнулись их подопечные, им помогли с похмельем. Шану дали послегипнотических снадобий и с шестью вассалами Сиддхартхи отправили его во Дворец Хозяев. Заверив, естественно, сородичей, что он все еще спит в княжеских покоях.

— В данный момент самый рискованный пункт, — сказал Нарада, — это Шан. Не узнают ли его? Нам на руку, что он — заштатный монарх далекого королевства. Он совсем недавно в городе, причем все это время провел в основном со своими сородичами и до сих пор не подавал запрос о новом теле. Хозяева, должно быть, еще не знают, как выглядишь ты сам...

— Если только меня не описал им Брахма и его жрец, — перебил князь, — меня не удивит, если вся наша беседа была записана, а лента передана им с целью установления моей личности.

— Но почему же они должны были так поступить? — возразил Нарада. — Вряд ли они ожидают подвоха и изощренных предосторожностей от того, кому оказывают благодеяние. Нет, я полагаю, мы сумеем с этим справиться. Шану, конечно, не пройти зондирования, но он вполне сойдет для поверхностного осмотра, особенно в компании твоих вассалов. В данный момент он уверен, что он и есть Сиддхартха, и в этом отношении способен пройти любой тест на детекторе лжи — серьезней же, как мне кажется, испытаний его не ждет.

Итак, они ждали. Три дюжины людей вернулись с пустыми сумками, собрали свои пожитки, оседлали коней и один за другим лениво затрусили через город, вроде бы в поисках увеселений, но на самом деле неведомая сила медленно сносила их в юго-восточном направлении.

— До свидания, добрый Хаукана, — говорил князь, пока оставшиеся вассалы паковали свои пожитки и седлали лошадей. — Как всегда, только доброе услышат о тебе и о твоем пристанище все, кто попадется на пути моем в окрестных краях. Я сожалею, что вынужден столь внезапно прервать свое пребывание здесь, но я должен спешить и, покинув Палату Кармы, сразу же отправлюсь усмирять восставшую провинцию. Ты же знаешь, стоит правителю

отвернуться, как тут же разгорается смута. Итак, хотя я и хотел бы скоротать еще недельку под твоей гостеприимной крышей, но, боюсь, это удовольствие придется отложить до следующего раза. Если кто-то будет спрашивать обо мне, говори, чтобы искали меня в Гадесе.

— Гадес, мой Господин?

— Самая южная провинция моего королевства, отличающаяся исключительно жарким климатом. Постарайся не забыть и точно передать это, особенно жрецам Брахмы, которые, возможно, в ближайшие дни заинтересуются моим местопребыванием.

— Будет исполнено, мой Господин.

— И позаботься, прошу тебя, о мальчике Диле. Я хотел бы послушать его игру, когда посещу тебя в следующий раз.

Хаукана низко поклонился и приготовился произнести ответную речь, поэтому князь поспешил бросить ему последнюю мошну, полную монет, и, добавив пару слов касательно вин Симлы, вскочил в седло и столь решительно начал раздавать приказания своим воинам, что у Хауканы не было никакой возможности вставить хоть слово.

Они выехали через ворота и были таковы, оставив позади лишь медика да трех воинов, которых ему предстояло избавить за ближайший день от недомогания, вызванного ни с того ни с сего, вероятно, переменой климата; они должны были нагнать остальных в пути.

Отряд пересек весь город, избегая главных улиц, и постепенно оказался на дороге, ведущей к Дворцу Хозяев Кармы. Проезжая по ней, Сиддхартха обменивался тайными знаками с тремя дюжинами своих людей, лежавших в засаде в разных точках подступавшего к дороге леса.

На середине пути ко дворцу князь и восемь его спутников бросили поводья, словно собираясь передохнуть, а остальные в это время поравнялись с ними, осторожно пробираясь между деревьев.

Вскоре, однако, они увидели впереди какое-то движение. Показались семеро всадников, и князь догадался, что это шесть его копейщиков и Шан.

Когда очнулись их подопечные, им помогли с похмельем. Шану дали послегипнотических снадобий и с шестью вассалами Сиддхартхи отправили его во Дворец Хозяев. Заверив, естественно, сородичей, что он все еще спит в княжеских покоях.

— В данный момент самый рискованный пункт, — сказал Нарада, — это Шан. Не узнают ли его? Нам на руку, что он — заштатный монарх далекого королевства. Он совсем недавно в городе, причем все это время провел в основном со своими сородичами и до сих пор не подавал запрос о новом теле. Хозяева, должно быть, еще не знают, как выглядишь ты сам...

— Если только меня не описал им Брахма и его жрец, — перебил князь, — меня не удивит, если вся наша беседа была записана, а лента передана им с целью установления моей личности.

— Но почему же они должны были так поступить? — возразил Нарада. — Вряд ли они ожидают подвоха и изощренных предосторожностей от того, кому оказывают благодеяние. Нет, я полагаю, мы сумеем с этим справиться. Шану, конечно, не пройти зондирования, но он вполне сойдет для поверхностного осмотра, особенно в компании твоих вассалов. В данный момент он уверен, что он и есть Сиддхартха, и в этом отношении способен пройти любой тест на детекторе лжи — серьезней же, как мне кажется, испытаний его не ждет.

Итак, они ждали. Три дюжины людей вернулись с пустыми сумками, собрали свои пожитки, оседлали коней и один за другим лениво затрусили через город, вроде бы в поисках увеселений, но на самом деле неведомая сила медленно сносила их в юго-восточном направлении.

— До свидания, добрый Хаукана, — говорил князь, пока оставшиеся вассалы паковали свои пожитки и седлали лошадей. — Как всегда, только доброе услышат о тебе и о твоем пристанище все, кто попадется на пути моем в окрестных краях. Я сожалею, что вынужден столь внезапно прервать свое пребывание здесь, но я должен спешить и, покинув Палату Кармы, сразу же отправлюсь усмирять восставшую провинцию. Ты же знаешь, стоит правителю

отвернуться, как тут же разгорается смута. Итак, хотя я и хотел бы скоротать еще недельку под твоей гостеприимной крышей, но, боюсь, это удовольствие придется отложить до следующего раза. Если кто-то будет спрашивать обо мне, говори, чтобы искали меня в Гадесе.

— Гадес, мой Господин?

— Самая южная провинция моего королевства, отличающаяся исключительно жарким климатом. Постарайся не забыть и точно передать это, особенно жрецам Брахмы, которые, возможно, в ближайшие дни заинтересуются моим местопребыванием.

— Будет исполнено, мой Господин.

— И позаботься, прошу тебя, о мальчике Диле. Я хотел бы послушать его игру, когда посещу тебя в следующий раз.

Хаукана низко поклонился и приготовился произнести ответную речь, поэтому князь поспешил бросить ему последнюю мошну, полную монет, и, добавив пару слов касательно вин Симлы, вскочил в седло и столь решительно начал раздавать приказания своим воинам, что у Хауканы не было никакой возможности вставить хоть слово.

Они выехали через ворота и были таковы, оставив позади лишь медика да трех воинов, которых ему предстояло избавить за ближайший день от недомогания, вызванного ни с того ни с сего, вероятно, переменой климата; они должны были нагнать остальных в пути.

Отряд пересек весь город, избегая главных улиц, и постепенно оказался на дороге, ведущей к Дворцу Хозяев Кармы. Проезжая по ней, Сиддхартха обменивался тайными знаками с тремя дюжинами своих людей, лежавших в засаде в разных точках подступавшего к дороге леса.

На середине пути ко дворцу князь и восемь его спутников бросили поводья, словно собираясь передохнуть, а остальные в это время поравнялись с ними, осторожно пробираясь между деревьев.

Вскоре, однако, они увидели впереди какое-то движение. Показались семеро всадников, и князь догадался, что это шесть его копейщиков и Шан.

Когда расстояние между двумя группами уменьшилось, князь со своими людьми двинулся им навстречу.

— Кто вы такие? — воскликнул высокий всадник с острым взглядом, чуть осадив свою белую кобылу. — Кто вы такие, что заступаете дорогу Князю Сиддхартхе, Бичу Демонов?

Князь присмотрелся к нему — мускулистый и загорелый, лет двадцати с небольшим, с ястребиным профилем и величественной осанкой — и вдруг почувствовал, что его подозрения были необоснованны и он подвел сам себя подозрительностью и недоверчивостью. По гибкому, тренированному экземпляру, сидевшему на его собственной белой кобыле, было ясно, что Брахма торговался честно, предоставляя ему в пользование прекрасное, сильное тело, которым сейчас обладал старый Шан.

— Князь Сиддхартха, — сказал один из его людей, сопровождающих правителя Ирабека, — похоже, что все было по-честному. С ним, по-моему, все в порядке.

— Сиддхартха! — вскричал Шан. — Кто это, к кому это ты смеешь обращаться по имени своего хозяина? Сиддхартха — я, я — Бич...

Он не договорил, голова его запрокинулась, и звуки забулькали в горле: его настиг припадок. Он окоченел, зашатался и выпал из седла. Сиддхартха бросился к нему. В уголках рта у Шана появилась пена, глаза его закатились.

— Эпилепсия! — вскричал князь. — Они собирались подсунуть мне порченый мозг.

Остальные столпились вокруг и помогали князю держать Шана, пока приступ не прошел и рассудок не начал возвращаться в тело.

— Ч-что случ-чилось? — спросил он.

— Предательство, — ответил Сиддхартха. — Предательство, о Шан Ирабекский! Один из моих людей проводит теперь тебя к моему персональному врачу для обследования. После того как ты отдохнешь, я предлагаю тебе подать жалобу в читальный зал Брахмы. Мой врач займется тобой у Хауканы, а потом ты будешь свободен. Я сожалею, что все так произошло. Вероятно, все уладится. Ну а если нет — вспоминай последнюю осаду Капила и считай, что

мы квиты — по всем статьям. День добрый, братец князь.

Он поклонился, а его люди помогли Шану взгромоздиться на Хауканову гнедую, одолженную заблаговременно Сиддхартхой.

Из седла своей кобылы князь наблюдал, как удаляется Шан, а затем, повернувшись к собравшимся вокруг него людям, заговорил достаточно громко, чтобы его услышали и в лесу:

— Внутрь войдут девять из нас. Дважды взовет рог — и следом пойдут остальные. Если они будут сопротивляться, заставьте их пожалеть о своей неосторожности, ведь на тройной призыв рога явятся с холмов пятьдесят копейщиков, если будет в том надобность. Это — дворец для отдохновения, а не форт, где должны разворачиваться битвы. Берите Хозяев в плен. Не причиняйте вреда их машинам и не давайте делать этого другим. Если они не будут сопротивляться — все распрекрасно. Если же это случится, мы пройдем через Дворец и Палату Хозяев Кармы, как маленький мальчик через большой и замечательно устроенный муравейник. Удачи! И не дай бог, чтобы с нами были боги!

И, повернув свою лошадь, он направился вверх по дороге, и восемь копейщиков негромко напевали у него за спиной.

Князь проехал через широкие двойные ворота, распахнутые настежь; их никто не охранял. Он невольно призадумался: не просмотрел ли Стрейк каких-то секретных средств защиты.

Двор был вымощен лишь кое-где, основную его часть занимала зелень. Тут же работало несколько слуг, занятых подрезкой, стрижкой и всеми остальными садовыми процедурами. Князь прикинул, где бы разместить оружие, но подходящего места не нашел. Слуги, не прерывая работы, поглядывали на вновь прибывших.

В дальнем конце двора возвышалась черная каменная Палата. Он направился туда в сопровождении своих всадников, пока его не окликнули со ступеней самого дворца, который остался от него по правую руку.

Князь натянул поводья и обернулся в эту сторону.

Увидел он человека в черном одеянии с желтым кругом на груди, с посохом из черного дерева в руках. Был он высок, могуч, лицо его, кроме глаз, было прикрыто черным.

Князь направил свою лошадь к подножию широкой лестницы.

— Я должен поговорить с Хозяевами Кармы, — заявил он.

— Тебе назначили прием? — спросил человек.

— Нет, — ответил князь, — но это очень важное дело.

— Тогда сожалею, что ты проделал все это путешествие впустую, — промолвил черный. — Необходимо назначение. Ты можешь договориться о нем в любом Храме Махаратхи.

Стукнув посохом о ступени, он повернулся и пошел прочь.

— Корчуйте сад, — велел князь своим людям, — вырубите вон те деревья, сложите их в кучу и подпалите.

Человек в черном замер, обернулся.

Внизу лестницы его ждал один князь. Остальные уже двигались по направлению к деревьям.

— Не смей, — сказал человек.

Князь улыбнулся.

Его люди спешились и, пройдя прямо по клумбам, начали вырубать кусты.

— Прикажи им остановиться!

— С чего бы это? Я пришел поговорить с Хозяевами Кармы, и ты заявляешь, что я не могу этого сделать. Я говорю, что могу, — и поговорю. Посмотрим, кто из нас прав.

— Прикажи им остановиться, — повторил тот, — и я передам твое послание Хозяевам.

— Стой! — крикнул князь. — Но будьте готовы начать снова.

Человек в черном поднялся по лестнице и исчез во дворце. Князь постукивал пальцами по рогу, который висел на перевязи у него на груди.

Вскоре во дворце послышалось какое-то движение и из дверей один за другим стали появляться вооруженные люди. Князь поднял рог к губам и дважды протрубил в него.

Люди были облачены в кожаные доспехи, кое-кто еще прилаживал на ходу отдельные их детали, и кожаные же колпаки. Вооружены они были маленькими овальными металлическими щитами с изображением желтого круга на черном фоне. Мечи у них были длинные, изогнутые. Воины заполнили всю лестницу и замерли, будто ожидая приказа.

Опять появился человек в черном и остановился на верхней площадке лестницы.

— Очень хорошо, — сказал он, — если ты хотел передать что-то Хозяевам, говори!

— Ты — Хозяин? — спросил князь.

— Да.

— Тогда ты, вероятно, последний из них, коли тебе приходится служить еще и привратником. Я хочу говорить со старшим.

— Твоей наглости воздастся сполна и в этой жизни, и в следующей, — заметил Хозяин.

Тут через ворота во двор въехали три дюжины копейщиков и, подъехав, выстроились с обеих сторон от князя. Те восемь, что начали было осквернять сад, вскочили в седла и придвинулись к своим товарищам, обнаженные клинки лежали у них поперек седел.

— Нам что, придется вступить в ваш дворец верхом? — поинтересовался князь. — Или же ты призовешь других Хозяев, с которыми я хочу иметь разговор?

Лицом к лицу с воинами князя на лестнице стояло около восьмидесяти человек. Хозяин, казалось, взвешивал соотношение сил. Он решил не нарушать сложившегося положения.

— Не поступай опрометчиво, — процедил он сквозь зубы, — ибо мои люди будут защищаться особо жестоким образом. Жди, пока я вернусь. Я позову остальных.

Князь набил свою трубку и закурил. Его люди замерли, как статуи, с копьями наперевес. Капельки пота заметнее всего были на лицах пеших солдат, занимавших нижние ступени.

Князь, чтобы скоротать время, заметил своим копейщикам:

— Не вздумайте хорохориться и хвастаться своим

мастерством, как вы делали при последней осаде Капила. Цельтесь в грудь, а не в голову.

— А еще, — продолжал он, — не вздумайте, как обычно, калечить раненых и убитых — это же святое место, и его не должно осквернять подобными поступками.

— С другой стороны, — добавил он, — я восприму как личное оскорбление, если у нас не наберется десятка пленников для жертвоприношения Ниррити Черному, моему персональному покровителю — конечно же, за пределами этих стен, где обряд Черного Празднества не будет столь тяжело давить на нас...

Справа раздался шум — это пехотинец, изо всех сил таращившийся на длинное копье Стрейка, потерял вдруг сознание и упал с нижней ступени.

— Стоп! — прокричал человек в черном, появившийся в этот миг на верхней площадке вместе с шестью другими, одетыми так же. — Не оскверняйте Дворец Кармы кровопролитием. Уже кровь этого павшего воина...

— Которая прилипла бы к его щекам, — докончил князь, — если бы он был в сознании, — ибо он не убит.

— Чего ты хочешь? — обратившийся к нему черный человек был среднего роста, но чудовищен в обхвате. Он стоял, словно громадная темная бочка; его посох — словно аспидный перун.

— Я насчитал семь, — отвечал князь. — Насколько я понимаю, здесь проживает десять Хозяев. Где трое остальных?

— Они в данный момент на приеме в трех читальных залах Махаратхи. Что тебе нужно от нас?

— Ты здесь за старшего?

— Только Великое Колесо Закона здесь за старшего.

— Не ты ли старший представитель Великого Колеса внутри этих стен?

— Да, я.

— Очень хорошо. Я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз — вон там, — сказал князь, указав рукой на Черные Палаты.

— Это невозможно!

Князь выбил трубку о каблук, выскреб остатки

табака кончиком своего кинжала и спрятал ее обратно в кисет. Потом он выпрямился в своем седле, сжимая в левой руке рог. Его взгляд встретился с глазами Хозяина.

— Ты абсолютно уверен в этом? — спросил он.

Рот хозяина, крохотный и яркий, искривился, артикулируя так и не произнесенные слова.

— Как скажешь, — согласился наконец он. — Пропустите меня!

Он спустился сквозь ряды воинов и остановился перед белой кобылой.

Князь ударами колен развернул ее в направлении темных Палат.

— Держать позицию! — приказал Хозяин.

— То же самое, — сказал князь своим людям.

Вдвоем они пересекли двор, и князь спешился перед Палатами.

— Ты должен мне тело, — вкрадчиво промолвил он.

— О чем это ты? — сказал Хозяин.

— Я — Князь Сиддхартха из Капила, Бич Демонов.

— Сиддхартху мы уже обслужили, — был ответ.

— Ты так считаешь, — сказал князь. — Обслужили, сделав по приказу Брахмы эпилептиком. Однако это не так. Человек, которого вы обработали сегодня, — всего лишь невольный самозванец. Я — настоящий Сиддхартха, о безымянный жрец, и я пришел потребовать свое тело — сильное, без изъяну, без скрытого порока. И ты послужишь мне в этом. Послужишь вольно или невольно — но послужишь.

— Ты так считаешь?

— Я так считаю, — подтвердил князь.

— Вперед! — закричал Хозяин и взмахнул своим посохом, целясь князю в голову.

Князь увернулся от удара и отступил назад, обнажая свой клинок. Дважды он парировал им удары посоха. Но на третий раз тот попал, и хотя посох только скользнул ему по плечу, этого хватило, чтобы потрясти князя. Он кружил вокруг белой кобылы, укрываясь за нею от Хозяина. Увертываясь, прячась за нею, он поднес ко рту рог и протрубил три раза. Звуки рога на миг покрыли звон, лязг и

крики ожесточенной схватки, разгоревшейся на дворцовой лестнице. С трудом переведя дух, князь обернулся и едва успел отразить удар, который, без сомнения, размозжил бы ему череп.

— В писании сказано, — захлебываясь, выдавил из себя Хозяин, — что тот, кто отдает приказания, не обладая должной силой, чтобы заставить их выполнить, — глупец.

— Еще десять лет назад, — с трудом выдохнул князь, — ты бы ни за что не дотронулся до меня своим посохом.

И он с ожесточением принялся наносить удары, целя в посох, стремясь разрубить, расщепить его, но соперник все время ухитрялся отвести острие его клинка, и хотя вскоре на посохе было полно зарубок, а местами князь даже снял с него стружку, в целом он не пострадал и по-прежнему являл в руках Хозяина достаточно грозное оружие.

Вдруг среди этой сечи Хозяин просто, как палкой, огрел князя посохом наискосок по левому боку, и тот почувствовал, как у него внутри треснули ребра... Он повалился на землю.

Нет худа без добра: когда князь падал, клинок выпал у него из руки и полоснул Хозяина по ногам чуть пониже колен; тот, завопив, рухнул как подкошенный.

— Мы почти на равных, — выдохнул князь. — Мой возраст против твоего жира...

И он с трудом вытащил, даже и не пытаясь подняться, свой кинжал; твердо сжать его в руке было ему не под силу.

Он оперся локтем о землю. Хозяин со слезами на глазах попытался было подняться, но тут же снова упал на колени.

И тут до них донесся стук множества подков.

— Я не глупец, — сказал князь. — И теперь я обладаю должной силой, чтобы заставить выполнить мои приказания.

— Что происходит?

— Прибыли остальные мои копьеносцы. Если бы я сразу вступил сюда со всеми своими силами, вы бы попрятались по щелям, как гекконы в груде валежника; нам бы потребовались тогда, может быть, дни

и дни, чтобы обшарить ваш дворец и выкурить вас из укромных уголков. Ну а теперь ты лежишь словно у меня на ладони.

Хозяин поднял свой посох.

Князь отвел назад руку с кинжалом.

— Опусти его, — сказал он, — или я метну кинжал. Не знаю, попаду я или промахнусь, но вполне могу попасть. Ну так что, ты не побоишься сыграть, когда ставкой будет подлинная смерть, а?

Хозяин опустил свой посох.

— Подлинную смерть познаешь ты, — сказал Хозяин, — когда служители Кармы скормят псам тела твоих всадников.

Князь закашлялся и безо всякого интереса поглядел на свою кровавую слюну.

— Ну а пока обсудим политику? — предложил он.

Когда стихли звуки битвы, первым к ним приблизился Стрейк — высокий, пропыленный, в волосах у него запеклось почти столько же крови, как и на лезвии меча, — его недоверчиво обнюхала белая кобыла. Он отдал князю честь и сказал:

— Готово.

— Слышишь, Хозяин Кармы? — спросил князь. — Твои служители — вот истинная пища для псов.

Хозяин не отвечал.

— Обслужишь меня сейчас, и я сохраню тебе жизнь, — сказал князь. — Откажешься, и я лишу тебя ее.

— Обслужу, — сказал Хозяин.

— Стрейк, — распорядился князь, — пошли двоих обратно в город; одного — за Нарадой, другого — на улицу Ткачей за Яннаггом-парусинником. Из трех копейщиков у Хауканы пусть остается только один — постережет до заката Шана Ирабекского, а потом свяжет его и оставит там, а сам догоняет нас.

Стрейк улыбнулся и отсалютовал князю.

— А сейчас пришли людей, чтобы перенести меня внутрь палат и присмотреть за Хозяином.

Свое старое тело он сжег вместе со всеми остальными. Служители Кармы пали в бою все до одного. Из семи безымянных Хозяев в живых остался только

толстяк. Банк спермы и яйцеклеток, резервуары для выращивания и камеры для готовых тел увезти было невозможно, зато само оборудование для переноса было демонтировано и погружено на лошадей, лишившихся в битве своих всадников. Юный князь, восседая на белой кобыле, смотрел, как челюсти пламени смыкались на телах павших. Восемь погребальных костров пылало на фоне предрассветного неба. Тот, который был парусных дел мастером, посмотрел на ближайший к воротам костер; его зажгли последним, и только сейчас языки пламени добрались до верха, где покоилась громадная туша, облаченная в черное одеяние с желтым кругом на груди. Когда пламя коснулось его и одежда начала дымиться, собака, забившаяся с поджатым хвостом под кусты в обезображенном саду, подняла к небу морду и завыла, и вой ее был очень похож на плач.

— Сегодня счет твоих грехов перешел все границы, — сказал парусный мастер.

— Но, гм, есть еще и счет молитв! — откликнулся князь. — Буду уповать на него. Хотя будущим теологам еще предстоит принять окончательное решение о правомерности этих жетонов и однoруких бандитов. А теперь — пусть Небеса соображают, что стряслось здесь сегодня. Пора отправляться, мой капитан. Пока — в горы, а там — врозь, так будет безопасней. Не знаю, какой дорогой я последую, единственно знаю, что ведет она к вратам Небес и что я должен идти по ней во всеоружии.

— Бич Демонов, — протянул его собеседник, и князь улыбнулся.

Приблизился предводитель копейщиков. Князь кивнул ему. Прозвучали выкрики приказаний.

Колонны всадников двинулись в путь, прошли через ворота Дворца Кармы, свернули с дороги и направились вверх по склону на юго-восток, удаляясь от города Махаратхи, а за спиной у них, словно утренняя заря, пылали тела их товарищей.

iii

Поведано, что когда явился Учитель, приходили послушать его учение люди всех каст — и даже животные, боги, забредал случайный святой; и уходили они оттуда укрепившись духом и праведнее, чем были. Считалось, что он обрел просветление, хотя были и такие, кто называл его мошенником, грешником, преступником или пройдохой. Не все из этих последних числились среди его врагов; но, с другой стороны, не все из тех, кто окреп духом и стал праведнее, могли быть причислены к его друзьям и сторонникам. Последователи звали его Махасаматман, и некоторые из них говорили, что он бог. И вот вскоре стало ясно, что принят он в качестве учителя, что смотрят на него с уважением; приобрел он много богатых сторонников и прославился далеко за пределами округи; стали называть его Татхагатой, что означает Тот Кто Постиг. И отметить нужно, что хотя богиня Кали (иногда — в наиболее безобидных ее проявлениях — известная как Дурга) никогда не высказывала формального заключения касательно достижения им состояния будды, оказала она ему честь исключительную, отрядив воздать ему свою дань не простого наемного убийцу, а святого своего палача...

Не исчезает истинная Дхамма,
пока не возрастет в мире Дхамма ложная.
Когда возрастает ложная Дхамма, вынуждает она
истинную Дхамму исчезнуть.

Самьютта-никая (II, 224)

Поблизости от города Алундила раскинулась роскошная роща, деревья с голубой корой венчала там

пурпурная листва, легкостью подобная перу. Прославлена была эта роща своей красотой, а также и священным покоем, что царил под ее сенью. До его обращения принадлежала она купцу Васу, который потом предоставил ее учителю, известному и под именем Махасаматман, и под прозвищем Татхагата, и как Просветленный. В этой роще и обосновался учитель со своими последователями, и когда проходили они среди дня по городу, никогда не оставались пустыми их чаши для подаяния.

К роще всегда стекалось и множество пилигримов. Верующие, любопытные, хищные до чужого, — все они бесконечной чередой проходили там, добираясь кто по воде, кто посуху, кто верхом, а кто пешком.

Алундил — довольно заурядный городишко. Обычными были в нем и крытые соломой лачуги, и одноэтажные деревянные халупы; немощеной оставалась главная улица, вся исчерченная шрамами от колес бесчисленных повозок; имелось в нем два больших базара и множество мелких; вокруг протянулись обширные поля злаков, принадлежащие вайшьям и обрабатываемые шудрами, казалось, что город — это остров в зелено-голубом озере; из-за большого наплыва путешественников много было в черте города постоялых дворов (но, конечно, ни один из них не мог сравниться с легендарным гостиным двором Хауканы в далекой Махаратхе); были здесь и свои святые и свои сказители; и, уж конечно, был здесь и свой Храм.

Храм расположился на невысоком холме почти в самом центре города, каждую из четырех его стен разрывали посередине огромные ворота. Они, как, собственно, и стены, были сплошь покрыты резьбой, теснящимися, смыкающимися друг с другом ярусами высеченных из камня фигур; красовались там музыканты и танцовщицы, воины и демоны, боги и богини, звери и артисты, стражи и девы, любовники во всевозможных сочетаниях и бесчисленные гибриды людей и животных. Ворота эти вели в первый, внешний двор, в котором опять же высились стены — уже со своими воротами, которые, в свою очередь, вели во второй, внутренний двор. В первом находился небольшой базар, где продавалось все

необходимое для поклонения богам. Кроме того, размещалось там множество маленьких святилищ, капищ, часовен, посвященных второстепенным божествам. Чего только не было в этом дворе: попрошайствующие нищие, смеющиеся дети, медитирующие святые, сплетничающие женщины, курящиеся благовония, распевающие птахи, побулькивающие сосуды для очищения, басовито гудящие молитвоматы — все это можно было обнаружить здесь круглый день.

Ну а внутренний двор, с его величественными святилищами главных богов, являлся средоточием всей религиозной деятельности. Люди распевали или выкрикивали молитвы, бормотали стихи из вед, стояли — одни, вытянувшись в струнку, другие — на коленях, лежали, простертые ниц перед огромными каменными изваяниями, которые подчас так любовно были увиты гирляндами цветов, так густо натерты красной кункумовой пастой и окружены грудами приношений, что невозможно было догадаться, какое же божество потонуло здесь в океане осязаемого поклонения. Время от времени трубили храмовые трубы, и тогда все на минуту смолкали, чтобы оценить их эхо, затем гам возобновлялся с новой силой.

И никому не пришло бы в голову спорить, что королевой Храма была Кали. Ее высокая, изваянная из белого камня статуя в гигантском святилище господствовала над внутренним двором. Едва заметная ее улыбка, может быть, чуть презрительно снисходительная к остальным богам и их богомольцам, на свой лад приковывала взгляд не менее, чем ухмылки гирлянды черепов, свешивавшихся с ее ожерелья. В руках она сжимала кинжалы, а тело ее, схваченное художником в середине шага, казалось, не решило, не стоит ли пуститься в танец и лишь потом повергнуть пришедших к ее святилищу. Полными были ее губы, широко открытыми глаза. При свете факелов казалось, что она движется.

Поэтому немудрено было, что лицом к лицу с ее святилищем стояло святилище Ямы, бога смерти. Решено было — и достаточно логично — священнослужителями и архитекторами, что из всех божеств именно ему пристало, ни на минуту не отрываясь,

весь день соизмерять свой полный решимости взгляд со встречным взглядом богини, вторя своей кривой усмешкой ее полуулыбке. Даже самые благочестивые посетители старались обычно обойти эти два святилища стороной и уж всяко не проходить между ними; а когда на город опускались сумерки, в этой части храма воцарялись тишина и неподвижность, и не тревожил их никакой припозднившийся богомолец.

С севера, когда дохнул на округу вешний ветер, пришел сюда некто по имени Рилд. Невелик ростом, хрупкого сложения, с головой — хоть и небогат он был прожитыми годами — убеленной, должно быть, сединой, — таков был Рилд; облачен он был в обычное темное одеяние пилигрима, но когда нашли его в канаве, где без памяти лежал он в приступе лихорадки, намотан был на его предплечье малиновый шнурок удушителя, знак его, Рилда, истинной профессии.

Пришел Рилд весной, во время празднества, в Алундил среди зелено-голубых полей, в Алундил лачуг под соломенной кровлей и одноэтажных деревянных халуп, немощеных улиц и многочисленных постоялых дворов, базаров, святых подвижников и сказителей, великого религиозного возрождения и его Учителя, молва о котором разнеслась далеко за пределы округи, — в Алундил Храма, царила в котором его покровительница.

Время празднеств.

Лет двадцать тому назад этот традиционный местный праздник не касался даже ближайших соседей. Но теперь, когда стекались сюда бесчисленные путешественники, привлеченные присутствием Просветленного, проповедующего истину Восьмеричного Пути, Фестиваль в Алундиле привлекал такое количество пилигримов, что переполнены были все комнаты и углы, где только можно было обрести приют. Владельцы палаток сдавали их внаем втридорога. Даже в конюшнях ютились люди, даже голые клочки земли сдавались как участки для временных лагерей.

Любил Алундил своего Будду. Много было городов,

пытавшихся переманить его, выманить из пурпурной рощи. Шенгоду, Цветок Гор, сулил ему дворец с гаремом, лишь бы он принес свое учение на его склоны. Но Просветленный не пошел к горе. Каннака, порт на Змеиной Реке, предлагал ему слонов и корабли, городской дом и загородную виллу, лошадей и слуг, только бы он пришел и проповедовал на его пристанях. Но не пошел Просветленный к реке.

Оставался Будда у себя в роще, и все живое стекалось к нему. С годами, как откормленный дракон, все разрастался праздник — и в пространстве, и во времени, и, как чешуя оного — само мерцание, — все пышнее и многолюднее становился он. Местные брамины не одобряли антиритуалистическое учение Будды, но благодаря его присутствию переполнялась казна их, и пришлось им научиться жить в тени восседающего учителя, не произнося слова тиртхика — еретик.

И оставался Будда у себя в роще, и все живое стекалось к нему, в том числе и Рилд.

Время празднеств.

Барабаны зарокотали вечером третьего дня.

На третий день заговорили громовыми раскатами огромные барабаны для танца катхакали. Стремительное, как пулеметные очереди, на многие мили разнеслось стаккато барабанной дроби, через поля проникло оно в город, наполнило его, наполнило собой пурпурную рощу и болотистые пустоши позади нее. Одетые в белые мундусы барабанщики были обнажены до пояса, и на их темных торсах поблескивали капельки пота; работали они посменно, столь выматывал поддерживаемый ими могучий пульс; и ни на миг не прерывался звуковой поток, даже когда очередная смена барабанщиков выдвигалась, отдохнув, вплотную к туго натянутым на маханагары кожаным мембранам.

С наступлением темноты путешественники и горожане, пустившиеся в путь, едва заслышав перебранку барабанов, начали прибывать на праздничное поле, не менее просторное, чем поля древних сражений. Там они подыскивали себе свободное местечко и усаживались коротать время в ожидании, когда сгустится темнота и начнется драма, потягивая

сладко пахнущий чай, купленный на лотках и в палатках, расставленных повсюду под деревьями.

В центре поля стоял огромный, высотой в рост человека медный котел с маслом, через края которого свешивались фитили. Их зажгли, и они попыхивали в ответ мерцавшим у палаток актеров факелам.

Вблизи грохот барабанов становился и вовсе оглушающим, гипнотическим, а сложные, синкопированные их ритмы — коварными.

С приближением полуночи зазвучали славословящие богов песнопения, нарастающие и спадающие, следуя ритму, задаваемому барабанами; словно тенетами оплетали они все пять человеческих чувств.

Вдруг все затихло, это в сопровождении своих монахов, чьи желтые одеяния казались в факельных отсветах оранжевыми, прибыл Просветленный. Но они отбросили на плечи капюшоны своих ряс и уселись, скрестив ноги, прямо на землю. И чуть погодя умы собравшихся вновь полностью заполнили песнопения и голоса барабанов.

Когда появились актеры, превращенные в гигантов грандиозным гримом, сопровождаемые позвякивающими при каждом шаге на лодыжках бубенцами, встретили их не аплодисментами, а одним только сосредоточенным вниманием. С самого детства начинали знаменитые танцоры катхакали учиться и акробатике, и веками устоявшимся образцам классического танца; ведомы им были и девять различных движений шеи и глаз, и сотни положений и жестов рук, необходимых для того, чтобы воссоздать на сцене древние эпические предания, повествующие о любви и битвах, о стычках богов и демонов, о героических поединках и кровавых предательствах и изменах. Музыканты громко выкрикивали строки, повествующие о захватывающих дух подвигах Рамы или братьев Пандавов, а актеры, не произнося ни единого слова, изображали их на сцене. Раскрашенные в зеленое и красное, черное и белоснежное, шествовали они по полю, и вздымались их одежды, и сверкали, отбрасывая тысячи зайчиков, в огнях светильника их огромные нимбы. Иногда светильник вдруг ярко вспыхивал или же шипел и плевался искрами, и тогда ореолы у них над головами словно

переливались то небесным, то непотребным светом, полностью стирая смысл происходящего и заставляя зрителей на мгновение почувствовать, что сами они — всего лишь иллюзия, а единственно реальны в этом мире ведущие циклопический танец крупнотелые фигуры.

Танец должен был продолжаться до рассвета, чтобы завершиться с восходом солнца. Еще до зари, однако, явился со стороны города один из желторясых монахов и, проложив себе путь сквозь толпу, поведал что-то на ухо Просветленному.

Будда приподнялся было, но, как показалось, чуть подумав, уселся обратно. Он сказал что-то монаху, тот кивнул и отправился восвояси.

Невозмутим был с виду Будда, вновь погрузившийся в созерцание спектакля. Сидевший по соседству монах заметил, как постукивает он пальцами по земле, и решил, что Просветленный отсчитывает ритм тала музыкантам, ибо всем было известно, что выше он таких вещей, как нетерпение.

Но вот кончилась драма, и Сурья-солнце окрасил розами каемку Небес над восточной оконечностью окоема, и оказалось, что ушедшая ночь держала толпу в плену напряженной, пугающей грезы, от которой освободились наконец зрители — лишь затем, чтобы в усталости скитаться лунатиками весь этот день.

Лишь Будда и его последователи сразу же отправились в сторону города. Нигде не останавливались они передохнуть и прошли через весь Алундил быстрой, но исполненной достоинства походкой.

Когда же вернулись они в пурпурную рощу, наказал Просветленный своим монахам отдыхать, а сам направился к небольшому павильону, расположенному в лесной чащобе.

Монах, оповестивший Будду во время представления, сидел внутри павильона. Он пытался унять приступ лихорадки, терзавшей странника, подобранного им на болотах, где он имел обыкновение прогуливаться, ибо среди болотных испарений особенно хорошо медитировалось о неизбежном разложении тела после смерти.

Татхагата разглядывал вытянувшегося перед ним на матрасе человека. У него были тонкие и бледные губы, высокий лоб, выступающие скулы, седые брови, чуть заостренные уши; и Татхагата решил, что под веками незнакомца скрываются либо серые, либо бледно-голубые, выцветшие глаза. И все его тело, оставленное на время сознанием, было каким-то... просвечивающим?.. хрупким, что ли, — может быть, отчасти из-за разъедающей его лихорадки, но нельзя было списать это его качество полностью на болезнь. Этот маленький человек отнюдь не производил впечатления того, кому подобает носить предмет, который держал сейчас Татхагата в руках. На первый взгляд, вполне мог бы он показаться глубоким стариком. Но стоило приглядеться получше и осознать, что ни бесцветные его волосы, ни хрупкое телосложение не свидетельствуют о преклонном возрасте, и поразило бы в его облике что-то совершенно детское. По внешнему его виду решил Татхагата, что не обязательно ему часто бриться. Быть может, где-то у уголков рта затерялись сейчас у него непокорные морщинки. А может быть и нет.

Татхагата поднял малиновый шнурок для удушения, носить который пристало только святому палачу богини Кали. Он пропустил шелковистое тельце шнурка между пальцев, и тот проскользнул сквозь его руку, как змея, чуть-чуть ластясь к ней. Вне всяких сомнений, ласка эта предназначалась для его горла. Почти не осознавая, что делает, он быстро скрестил руки и тут же развел их; да, именно так это и делается.

Потом он поднял взгляд на монаха, который наблюдал за ним широко открытыми глазами, улыбнулся своей непроницаемой улыбкой и отложил шнурок. Монах влажной тряпицей вытер пот с бледного чела больного.

Покоившийся на матрасе вздрогнул от прикосновения, его веки вдруг резко распахнулись. Невидящие глаза его были наполнены безумием лихорадки, но Татхагата содрогнулся, встретившись с ним взглядом.

Темными, черными, почти как антрацит, оказались они, невозможно было разобрать, где кончается

зрачок и начинается радужная оболочка. Было нечто предельно противоестественное в сочетании глаз подобной мощи со столь хилым и истощенным телом.

Татхагата дотронулся до руки больного, и это было все равно что коснуться стали, холодной и неподатливой. С силой полоснул он ногтем по внешней стороне правой кисти — и на ней не осталось ни следа, ни царапинки, ноготь просто соскользнул, словно по поверхности стекла. Он надавил изо всех сил на ноготь большого пальца, а когда отпустил его — ничего не произошло, тот ни на йоту не изменил свой цвет. Казалось, что руки эти мертвы, как детали механизма.

Он продолжил обследование больного. Замеченное явление прекращалось чуть выше запястий, чтобы опять проявиться в других местах. Руки, грудь, живот, шея и отдельные части спины окунались когда-то в купель смерти, что и обеспечило их неуязвимость и несгибаемую мощь. Смертельным, конечно, было бы полное погружение в эту купель; ну а так, в обмен на частичную потерю осязания приобрел дерзнувший на подобные водные процедуры невидимый эквивалент доспехов — нагрудных, спинных, рукавиц — из крепчайшей стали. И в самом деле, был он из отборнейших убийц ужасной богини.

— Кто еще знает об этом человеке? — спросил Будда.

— Послушник Симха, — отвечал монах, — который помог мне принести его сюда.

— А он видел, — показал глазами Татхагата на малиновый шнурок, — это?

Монах кивнул.

— Тогда сходи за ним. Пусть не откладывая явится сюда. И никому ничего не рассказывай, можешь только упоминать, что один из пилигримов заболел и мы его здесь подлечиваем. Я беру на себя уход за ним и сам буду его лечить.

— Слушаю, Победоносный.

И монах спешно покинул повильон.

Татхагата уселся рядом с матрасом и погрузился в ожидание.

Прошло два дня, прежде чем на убыль пошла лихорадка и рассудок вернулся в эти темные глаза.

Но на протяжении этих двух дней всякий, чей путь лежал мимо павильона, мог услышать голос Просветленного, монотонно бубнившего над своим спящим пациентом, словно бы обращаясь к нему. Изредка и тот бормотал что-то бессвязное, громко говорил вдруг что-то, как всегда бывает в лихорадочном бреду.

На второй день больной вдруг открыл глаза и уставился вверх. Затем он нахмурился и повернул голову.

— Доброе утро, Рилд, — сказал Татхагата.

— Ты кто? — спросил тот неожиданно глубоким баритоном.

— Тот, кто учит пути освобождения, — был ответ.

— Будда?

— Так меня звали.

— Татхагата?

— И это имя давали мне.

Больной попытался приподняться и повалился назад. По-прежнему совершенно безмятежным было выражение его глаз.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил он наконец.

— В бреду ты много разговаривал.

— Да, я был очень болен и, без сомнения, бредил. Я простудился в этом окаянном болоте.

Татхагата улыбнулся.

— Один из недостатков путешествия в одиночку: некому помочь тебе в беде.

— Ты прав, — согласился Рилд, и веки его вновь сомкнулись; он задышал глубоко и ровно.

Татхагата остался в позе лотоса, ожидая...

Когда Рилд очнулся в следующий раз, был вечер.

— Пить, — сказал он.

Татхагата дал ему воды.

— Ты голоден? — спросил он.

— Нет, мне, моему желудку пока не до этого.

Он поднялся на локтях и уставился на своего попечителя. Затем повалился обратно на матрас.

— Это как раз ты, — заявил он.

— Да, — откликнулся Татхагата.

— Что ты собираешься делать?

— Накормить тебя, когда ты скажешь, что голоден.

— Я имею в виду после этого.

— Присмотреть за тем, как ты спишь, дабы ты опять не впал в бред.

— Я не о том.

— Я знаю.

— После того, как я поем, отдохну, вновь обрету свои силы — что тогда?

Татхагата улыбнулся и вытащил откуда-то из-под своей одежды шелковый шнурок.

— Ничего, — промолвил он, — совсем ничего, — и он, изящно перекинув шнурок Рилду через плечо, отвел руку.

Тот тряхнул головой и откинулся назад. Поднял руку и пробежал пальцами вдоль шнурка. Обвил им пальцы, затем запястье. Погладил его.

— Он священен, — сказал он чуть позже.

— Похоже...

— Ты знаешь, для чего он служит и какова его цель?

— Конечно.

— Почему же тогда ты не собираешься ничего делать?

— Мне нет надобности что-то делать или действовать. Все приходит ко мне. Если что-то должно быть сделано, сделать это предстоит тебе.

— Не понимаю.

— Я знаю и это.

Человек глядел в тень у себя над головой.

— Я бы попробовал поесть, — заявил он.

Татхагата дал ему бульона и хлеб, и он съел их аккуратно, чтобы его не вырвало, и его не вырвало. Тогда он выпил еще немного воды и, тяжело дыша, улегся обратно на матрас.

— Ты оскорбил Небеса, — заявил он.

— Мне ли этого не знать.

— И ты умалил славу богини, чье верховенство никогда не ставилось здесь под сомнение.

— Я знаю.

— Но я обязан тебе своей жизнью, я ел твой хлеб...

Ответом ему было молчание.

— Из-за этого должен я нарушить самую святую клятву, — заключил Рилд. — Я не могу убить тебя, Татхагата.

— Выходит, я обязан своей жизнью тому факту, что ты обязан мне своей. Давай считать, что в смысле жизненных долгов мы квиты.

Рилд хмыкнул.

— Да будет так, — сказал он.

— И что же ты будешь делать теперь, когда ты отказался от своего призвания?

— Не знаю. Слишком велик мой грех, чтобы мне было дозволено вернуться. Теперь уже и я оскорбил Небеса, и богиня отвернет свой лик от моих молитв. Я подвел ее.

— Коли все так случилось, оставайся здесь. По крайней мере, тут тебе будет с кем поговорить как проклятому с проклятым.

— Отлично, — согласился Рилд. — Мне не остается ничего другого.

Он вновь заснул, и Будда улыбнулся.

В следующие дни, пока неспешно разворачивался праздник, Просветленный проповедовал перед толпой пришедших в пурпурную рощу. Он говорил о единстве всех вещей, великих и малых, о законах причинности, о становлении и умирании, об иллюзии мира, об искорке атмана, о пути спасения через самоотречение и единение с целым; он говорил о реализации и просветлении, о бессмысленности брахманических ритуалов, сравнивая их формы с сосудами, из которых вылито все содержимое. Многие слушали, немногие слышали, а кое-кто оставался в пурпурной роще, чтобы принять шафранную рясу и встать на путь поиска истины.

И всякий раз, когда он проповедовал, Рилд садился поблизости, облаченный в свое черное одеяние, перетянутое кожаными ремнями, не сводя странных темных глаз с Просветленного.

Через две недели после своего выздоровления подошел Рилд к учителю, когда тот прогуливался по роще, погрузившись в глубокие размышления. Он пристроился на шаг позади него и через некоторое время заговорил:

— Просветленный, я слушал твое учение, и слушал его с тщанием. Много я думал над твоими словами.

Учитель кивнул.

— Я всегда был верующим, — продолжал Рилд, — иначе я не был бы избран на тот пост, который не так давно занимал. С тех пор, как невозможным стало для меня выполнить свое предназначение, я почувствовал огромную пустоту. Я подвел свою богиню, и жизнь потеряла для меня всякий смысл.

Учитель молча слушал.

— Но я услышал твои слова, — сказал Рилд, — и они наполнили меня какой-то радостью. Они показали мне другой путь к спасению, и он, как я чувствую, превосходит тот путь, которому я следовал доселе.

Будда всматривался в его лицо, слушая эти слова.

— Твой путь отречения — строгий путь. И он — правильный. Он соответствует моим надобностям. И вот я прошу дозволения вступить в твою общину послушников и следовать твоему пути.

— Ты уверен, — спросил Просветленный, — что не стремишься просто наказать самого себя за то, что отягчает твое сознание, приняв обличие неудачи или греха?

— В этом я уверен, — промолвил Рилд. — Я вобрал в себя твои слова и почувствовал истину, в них содержащуюся. На службе у богини убил я больше мужчин, чем пурпурных листьев вот на этом кусте. Я даже не считаю женщин и детей. И меня нелегко убедить словами, ибо слышал я их слишком много, произносимых на все голоса, слов упрашивающих, спорящих, проклинающих. Но твои слова глубоко меня затронули, и далеко превосходят они учение браминов. С великой радостью стал бы я твоим палачом, отправляя на тот свет твоих врагов шафрановым шнурком — или клинком, или копьем, или голыми руками, ибо сведущ я во всяком оружии, три жизненных срока посвятив изучению боевых искусств, — но я знаю, что не таков твой путь. Для тебя жизнь и смерть — одно, и не стремишься ты уничтожить своих противников. И поэтому домогаюсь

я вступления в твой орден. Для меня его устав не так суров, как для многих. Они должны отказаться от дома и семьи, происхождения и собственности. Я же лишен всего этого. Они должны отказаться от своей собственной воли, что я уже сделал. Все, чего мне не хватает, это желтая ряса.

— Она твоя, — сказал Татхагата, — с моим благословением.

Рилд обрядился в желтую рясу буддистского монаха и с усердием предался посту и медитации. Через неделю, когда празднества близились к концу, он, захватив с собой чашу для подаяний, отправился с другими монахами в город. Вместе с ними он, однако, не вернулся. День сменился сумерками, сумерки — темнотой. По округе разнеслись последние ноты храмового нагасварама, и многие путешественники уже покинули праздник.

Долго, долго бродил погруженный в размышления Будда по лесу. Затем пропал и он.

Вниз из рощи, оставив позади болота, к городу Алундилу, над которым затаились скалистые холмы, вокруг которого раскинулись зелено-голубые поля, в город Алундил, все еще взбудораженный путешественниками, многие из которых напропалую бражничали, вверх по улицам Алундила, к холму с венчающим его Храмом шел Просветленный.

Он вошел в первый двор, и было там тихо. Ушли отсюда и собаки, и дети, и нищие. Жрецы спали. Один-единственный дремлющий служитель сидел за прилавком на базаре. Многие из святилищ стояли сейчас пустыми, их статуи были перенесены на ночь внутрь. Перед другими на коленях стояли запоздалые богомольцы.

Он вступил во внутренний двор. Перед статуей Ганеши на молитвенном коврике восседал погруженный в молитву аскет. Он медитировал в полной неподвижности, и его самого тоже можно было принять за изваяние. По углам двора неровным пламенем горели фитили четырех заправленных маслом светильников, их пляшущие огни лишь подчеркивали густоту теней, в которых утонуло большинство святилищ. Маленькие светлячки, огоньки, за-

жженные особенно благочестивыми богомольцами, бросали мимолетные отсветы на статуи их покровителей.

Татхагата пересек двор и замер перед горделиво занесшейся надо всем остальным фигурой Кали. У ног ее мерцал крохотный светильник, и в его неверном свете призрачная улыбка богини, когда она смотрела на представшего перед ней, казалась податливой и переменчивой.

Перекинутый через ее простертую руку, петлей охватывая острие кинжала, висел малиновый шнурок.

Татхагата улыбнулся богине в ответ, и она, показалось, чуть ли не нахмурилась на это.

— Это — заявление об отставке, моя дорогая, — заявил он. — Ты проиграла этот раунд.

Она вроде бы кивнула в знак согласия.

— Я весьма польщен, что за такой короткий срок добился столь высокого признания, — продолжал он. — Но даже если бы ты и преуспела, старушка, это не принесло бы тебе особых плодов. Теперь уже слишком поздно. Я запустил нечто, чего тебе не остановить. Древние слова услышаны слишком многими. Ты думала, они утрачены, — и я тоже. Но мы оба ошибались. Да, религия, при помощи которой ты правишь, чрезвычайно стара, богиня, но почтенна и традиция моего протеста. Так что зови меня протестантом — или диссидентом — и помни: я теперь уже больше, нежели просто человек. Спокойной ночи.

И он покинул Храм, ушел из святилища Кали, где спину ему буравил неотвязный взгляд Ямы.

Прошло еще много месяцев, прежде чем произошло чудо, а когда это случилось, то чудом оно не показалось, ибо медленно вызревало оно все эти месяцы.

Рилд, пришедший с севера, когда вешние ветры веяли над просыпающейся землей, а на руке его была смерть, в глубине глаз — черный огонь; Рилд — с белесыми бровями и остренькими ушами — заговорил однажды среди дня, когда вслед за ушедшей весной пришли долгие летние дни и напоили все под Мостом Богов летним зноем. Он заговорил неожидан-

но глубоким баритоном, отвечая на заданный ему каким-то путешественником вопрос.

За которым последовал второй, а потом и третий.

И он продолжал говорить, и еще несколько монахов и какие-то пилигримы собрались вокруг него. За вопросами, которые задавали ему уже они все, следовали ответы, и разрастались эти ответы, и становились все длиннее и длиннее, ибо превращались в притчи, примеры, аллегории.

И сидели они у его ног, и странными затонами ночи стали его темные глаза, и голос его вещал словно с небес, ясный и мягкий, мелодичный и убедительный.

Выслушав его, путники отправились дальше. Но по дороге встречали они других путешественников и переговаривались с ними; и вот еще не кончилось лето, когда стали пилигримы, стекающиеся в пурпурную рощу, просить о встрече с этим учеником Будды, о том, чтобы послушать и его слова.

Татхагата стал проповедовать с ним по очереди. Вместе учили они Восьмеричному Пути, прославляли блаженство нирваны, открывали глаза на иллюзорность мира и на те цепи, которые накладывает он на человека.

А потом пришла пора, когда раз за разом уже сам сладкоречивый Татхагата вслушивался в слова своего ученика, который вобрал в себя все, о чем проповедовал его учитель, долго и глубоко над этим медитировал и ныне словно обнаружил доступ к таинственному морю; погружал он свою твердую, как сталь, руку в источник сокровенных вод истины и красоты, а потом кропил ими слушателей.

Минуло лето. Теперь не оставалось никаких сомнений, что просветления достигли двое: Татхагата и его маленький ученик, которого они звали Сугата. Говорили даже, что обладал Сугата даром целителя, что когда глаза его странно светились, а ледяные руки касались вывихнутых или скрюченных членов, те вправлялись или выпрямлялись сами собой. Говорили, что однажды во время проповеди Сугаты к слепому вернулось зрение.

В две вещи верил Сугата, и были это Путь Спасения и Татхагата, Будда.

— Победоносный, — сказал он ему однажды, — пуста была моя жизнь, пока ты не наставил меня на Путь Истины. Твое просветление, когда ты еще не начал учить, было ли оно как яркое пламя, как грохочущий водопад — и ты всюду, и ты часть всего: облаков и деревьев, зверей в лесу и всех людей, снега на горных вершинах и костей, белеющих в поле?

— Да, — сказал Татхагата.

— Я тоже знаю радость всего, — сказал Сугата.

— Да, я знаю, — сказал Татхагата.

— Я вижу теперь, почему ты сказал однажды, что все приходит к тебе. Принести в мир подобное учение — понятно, почему тебе завидовали боги. Бедные боги! Их надо пожалеть. Ну да ты знаешь. Ты знаешь все.

Татхагата не ответил.

И вновь вернулось все на круги своя, минул год, как явился второй Будда, опять повеяли вешние ветры... и донесся однажды с небес ужасающий вопль.

Горожане Алундила высыпали на улицы и уставились в небо. Шудры в полях бросили свою работу и задрали кверху головы. В Храме на холме наступила вдруг мертвая тишина. В пурпурной роще за городом монахи обшаривали взглядами горизонт.

Он мерил небо, рожденный властвовать ветрами... С севера пришел он — зеленый и красный, желтый и коричневый... Танцуя, парил он воздушной дорогой...

Затем раздался новый вопль и биение могучих крыл — это набирал он высоту, чтобы взмыть над облаками крохотной черной точкой.

А потом он ринулся вниз, вспыхнув пламенем, пылая и сверкая всеми своими цветами, все увеличиваясь. Немыслимо было поверить, что может существовать живое существо подобных размеров, подобной стати, подобного великолепия...

Наполовину дух, наполовину птица, легенда, что застит небо...

Подседельный, вахана Вишну, чей клюв сминает колесницы, будто те сделаны из бумаги.

Великая птица, сам Гаруда кружил над Алундилом.

Покружил и скрылся за скалистыми холмами, что маячили у горизонта.

— Гаруда! — слово это пронеслось по городу, по полям, по Храму, по роще.

Если только он летел один: каждому было известно, что управлять Гарудой мог только кто-либо из богов.

И наступила тишина. После оглушающего клекота, бури, поднятой его крылами, голоса сами собой понизились до шепота.

Просветленный стоял на дороге неподалеку от своей рощи, и глядел он не на суетящихся вокруг него монахов, а на далекую цепь скалистых холмов.

Сугата подошел и встал рядом с ним.

— Всего прошлой весной... — промолвил он.

Татхагата кивнул.

— Рилд не справился, — сказал Сугата, — что же новое заготовили Небеса?

Будда пожал плечами.

— Я боюсь за тебя, учитель, — продолжал Сугата. — За все мои жизни ты был моим единственным другом. Твое учение даровало мне мир и покой. Почему они не могут оставить тебя в покое? Ты — самый безобидный из людей, а твое учение — самое кроткое. Ну какое зло мог бы ты им причинить?

Его собеседник отвернулся.

В этот миг, оглушительно хлопая могучими крыльями, Гаруда опять показался над холмами; из его раскрытого клюва вырвался пронзительный крик. На этот раз он не кружил над городом, а сразу стал набирать высоту и исчез на севере. Такова была его скорость, что уже через несколько мгновений на небосклоне от него не осталось и следа.

— Седок спешился и остался за холмами, — прокомментировал Сугата.

Будда углубился в пурпурную рощу.

Пешком явился он из-за холмов — неспешным шагом.

По камням спускался он к переправе, и бесшумно

ступали по вьющейся по скалам тропке его красные кожаные сапоги.

Впереди раздавался шум бегущей воды, там небольшая горная речка перерезала его путь. Отбрасывая назад небрежным движением плеча развевающийся кроваво-красный плащ, направлялся он к повороту, за которым тропинка терялась из виду; над малиновым кушаком поблескивал рубиновый набалдашник эфеса его сабли.

Обогнув каменную громаду, он замер.

Кто-то ждал впереди, стоя у перекинутого через поток бревна.

На миг глаза его сузились, и тут же он двинулся дальше.

Перед ним стоял щуплый, невысокий человек в темном одеянии пилигрима, перетянутом кожаными ремнями, к которым был привешен короткий кривой клинок из светлой стали. Голова человека была выбрита наголо — вся, кроме одного маленького локона белых волос. Белели и брови над темными его глазами, бледна была кожа, острыми казались уши.

Путник поднял руку, приветствуя встречного.

— Добрый день, пилигрим, — сказал он.

Тот не ответил, но, шагнув вперед, загородил дорогу, встав перед бревном, что лежало поперек потока.

— Прости меня, добрый пилигрим, но я собираюсь переправиться здесь на другой берег, а ты мне мешаешь, — промолвил путник.

— Ты ошибаешься, Великий Яма, если думаешь, что пройдешь здесь, — возразил тот.

Красный широко улыбнулся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

— Всегда приятно, когда тебя узнают, — признал он, — даже если это и сопровождается ошибками касательно всего остального.

— Я не фехтую словами, — сказал человек в черном.

— Да? — и он поднял брови с преувеличенно вопросительным выражением. — Ну а чем же вы фехтуете, сэр? Уж не этим ли погнутым куском металла, что вы на себя нацепили?

— Именно им.

— В первый момент я принял его просто за какой-то варварский молитвенный жезл. Я понимаю так, что весь этот район переполнен странными культами и примитивными сектами. И на миг я принял тебя за адепта одного из этих суеверий. Но если, как ты говоришь, это и в самом деле оружие, тогда ты, должно быть, умеешь им пользоваться?

— До некоторой степени, — ответил человек в черном.

— Ну, тогда хорошо, — сказал Яма, — ибо мне не хотелось бы убивать человека, не знающего, что к чему. Однако я считаю себя обязанным указать, что когда ты предстанешь перед Высшим в ожидании суда, тебе будет засчитано самоубийство.

Его визави едва заметно улыбнулся.

— Как только ты будешь готов, бог смерти, я облегчу освобождение твоего духа от плотской его оболочки.

— В таком случае, только один пункт, — сказал Яма, — и я тут же прекращу нашу беседу. Скажи, какое имя передать жрецам, чтобы они знали, по кому провести заупокойные обряды.

— Я совсем недавно отказался от своего последнего имени, — ответил пилигрим. — По этой причине августейший супруг Кали должен принять свою смерть от безымянного.

— Рилд, ты безумец, — сказал Яма и обнажил свой клинок.

Так же поступил и человек в черном.

— И надлежит, чтобы ты пошел на смерть безымянным, ибо ты предал свою богиню.

— Жизнь полна предательств, — ответил тот, не начиная боя. — Противодействуя тебе — причем в такой форме, — я предаю учение моего нового господина. Но я должен следовать велениям моего сердца. Ни мое старое, ни мое новое имя не подходят, стало быть, мне, и они незаслуженны, — так что не зови меня по имени!

И клинок его обратился в пламя, пляшущее повсюду, сверкающее и грохочущее.

Под неистовым натиском Яма отступил назад, пятясь шаг за шагом, успевая проделать лишь

минимальные движения кистью, чтобы парировать сыплющийся на него град ударов.

Затем, отступив на десять шагов, он остановился, и они фехтовали на месте. Парировал он чужие удары лишь с чуть большей силой, зато ответные его выпады стали более неожиданными и перемежались финтами и внезапными атаками.

По всем канонам воинского искусства, как на параде, взлетали в воздух их клинки, пока, наконец, пот сражающихся ливнем не пролился на камни; и тогда Яма перешел в атаку, не спеша, медленно вынуждая соперника отступать. Шаг за шагом отвоевывал он потерянное вначале расстояние.

Когда вновь очутились они на том самом месте, где нанесен был первый удар, Яма признал сквозь лязг стали:

— Отменно выучил ты свои уроки, Рилд! Даже лучше, чем я думал! Поздравляю!

Пока он говорил, соперник его провел тщательно продуманную комбинацию финтов и самым кончиком своего клинка рассек ему плечо; появившуюся кровь трудно было заметить на красной одежде.

В ответ Яма прыгнул вперед, единственным ударом раскрыв защиту противника, и нанес ему сбоку такой удар, который вполне мог бы просто снести голову с плеч.

Человек же в черном опять принял защитную позицию, потряс головой и, парировав очередную атаку, сделал ответный выпад, который, в свою очередь, был парирован.

— Итак, горлышко твое обмакнули в купель смерти, — сказал Яма. — Поищем тогда иных путей, — и его клинок пропел еще более стремительную мелодию, когда он испробовал выпад снизу вверх.

Всей ярости этого клинка, позади которого стояли века и мастера многих эпох, дал тогда выход Яма. Однако соперник встречал его атаки и парировал все возрастающее число ударов и выпадов, отступая, правда, все быстрее и быстрее, но не подпуская к себе хищную сталь и время от времени совершая ответные выпады.

Он отступал, пока не очутился на берегу потока.

Тогда Яма замедлил свои движения и прокомментировал:

— Полвека назад, когда ты ненадолго стал моим учеником, я сказал себе: «У него задатки мастера». Я не ошибся, Рилд. Ты, быть может, величайший боец на мечах, появившийся на моей памяти. Наблюдая твое мастерство, я почти готов простить тебе отступничество. В самом деле, жаль...

И он сделал ложный выпад в незащищенную грудь, в последний момент клинок его нырнул под поставленный блок и обрушил свое лезвие на запястье соперника.

Бешено размахивая своим ятаганом и целя в голову Ямы, человек в черном отпрыгнул назад и оказался у самого бревна, что лежало поперек расселины, в которой бурлил поток.

— И рука тоже! В самом деле, Рилд, богиня расщедрилась в своем покровительстве. Попробуем это!

Сталь взвизгнула, когда он поймал клинок соперника в железный захват, и, вырвавшись на волю, рассекла тому бицепс.

— Ага! Тут пробел! — вскричал он. — Попробуем еще!

Клинки их сцеплялись и расходились, увертывались, кололи, рубили, парировали, отвечали ударом на удар.

Яма в ответ на изощренную атаку противника ушел в глухую защиту и тут же ответил, его более длинный, чем у соперника, клинок снова испил крови из предплечья.

Человек в черном вступил на бревно, с размаху рубанув в направлении головы Ямы, но тот легко отбил его клинок в сторону. Еще более ужесточив свои атаки, Яма вынудил его отступить по бревну и тут же ударил ногой по его лежащей на берегу оконечности.

Противник отпрыгнул назад и очутился на другом берегу. Едва коснувшись земли, он тоже пнул ногой бревно, и то сдвинулось с места.

Прежде чем Яма мог вскочить на него, оно покатилось, соскользнуло с берега и рухнуло в поток;

вынырнув через миг на поверхность, оно поплыло по течению на запад.

— Да тут всего семь или восемь футов, Яма! Прыгай! — закричал человек в черном.

Бог смерти улыбнулся.

— Отдышись-ка, пока можешь, — посоветовал он. — Из всех даров богов, дыхание — наименее оцененный. Никто не слагает ему гимнов, никто не возносит молитв к доброму воздуху, дышат которым наравне принц и нищий, хозяин и его пес. Но боже упаси оказаться без него! Цени, Рилд, каждый свой вздох, словно последний, ибо не далек он уже от тебя!

— Говорят, что мудр ты в вопросах этих, Яма, — сказал тот, кого звали когда-то Рилд и Сугата. — Как говорят, ты — бог, чье царство — смерть, и знание твое простирается за пределы понимания смертных. Поэтому хотел бы я расспросить тебя, покуда праздно стоим мы здесь.

Не улыбнулся на это Яма насмешливой своей улыбкой, как отвечал он на все предыдущие слова противника. Для него в этом было нечто ритуальное.

— Что хочешь ты узнать? Обещаю тебе дар вопрошания смерти.

И тогда древними словами Катха упанишады запел тот, кого некогда звали Рилд и Сугата:

— «Сомнения гложут, когда человек мертв. Одни говорят: он все еще есть. Другие: его нет. Да узнаю я это, обученный тобою».

Древними словами ответствовал и Яма:

— «Даже боги в сомнении здесь. Нелегко понять это, ибо тонка природа атмана. Задай другой вопрос, не обременяй меня, освободи от этого».

— «Прости мне, если превыше всего для меня это, о Антака, но не найти мне другого наставника в этом, равного тебе. Нет никакого другого дара, коего бы жаждал я ныне».

— «Держи свою жизнь и ступай своим путем. — И с этими словами Яма заткнул свой клинок за пояс. — Я избавляю тебя от судьбы твоей. Выбери себе сыновей и внуков, выбери слонов, лошадей, бесчисленные стада и злато. Выбери любой другой дар — пригожих красавиц, сладкозвучные инстру-

менты. Все дам я тебе, и пусть служат они тебе. Но не спрашивай меня о смерти».

— «О Смерть, — пропел в ответ облаченный в черное, — преходяще все это и завтра исчезнет. Пусть же у тебя остаются красавицы, лошади, танцы и пение. Не приму я другого дара, кроме избранного мною, — поведай же мне, о Смерть, о том, что лежит за пределами жизни, о том, в чем сомневаются и люди, и боги».

Замер Яма и не стал продолжать древний текст.

— Хорошо же, Рилд, — сказал он, и глаза его впились в глаза собеседника, — но неподвластно царство сие словам. Я должен тебе показать.

И так они замерли на мгновение; потом человек в черном пошатнулся. Он судорожно поднес руку к лицу, прикрывая глаза, и из груди его вырвалось единственное сдавленное всхлипывание.

И тогда Яма сбросил с плеч свой плащ и метнул его, словно сеть через поток.

Тяжелые швы помогли плащу, как тенетам, опутать свою цель.

Силясь высвободиться, услышал человек в черном звуки быстрых шагов и затем удар рядом с собой — это красные сапоги Ямы приземлились на его стороне потока. Сбросив наконец с себя плащ, он успел парировать новую атаку Ямы. Почва у него за спиной постепенно повышалась, и он отступал все дальше и дальше, покуда склон не стал круче и голова Ямы не оказалась на уровне его пояса. Тогда он обрушил сверху на соперника шквал атак. Но Яма медленно и неуклонно продолжал взбираться в гору.

— Бог смерти, бог смерти, — пропел маленький воитель, — прости мне мой дерзкий вопрос и скажи мне, что ты не солгал.

— Скоро ты сам узнаешь об этом, — ответил тот, нанося удар ему по ногам.

И еще один удар обрушил на него Яма, удар, который разрубил бы иного пополам и рассек его сердце, но лишь скользнул клинок по груди соперника.

Добравшись до места, где склон был разворочен, маленький боец обрушил на своего противника поток

земли и гравия, снова и снова швыряя и спихивая их вниз. Яма заслонил глаза левой рукой, но тут на него посыпались уже и камни, и увесистые обломки скал. Они скатывались по склону, и когда какие-то из них подвернулись ему под ноги, он потерял равновесие, упал и начал сползать по склону вниз. К этому времени человеку в черном удалось уже столкнуть несколько больших камней и даже один валун, он бросился вниз следом за ними с высоко занесенным мечом.

Яма понял, что не успевает подняться и встретить атаку, поэтому он перекатился и соскользнул к самому потоку. Затормозить ему удалось уже на самом краю, но тут он увидел, что на него катится валун, и попытался уклониться от встречи с ним. В этом он, оттолкнувшись от земли обеими руками, преуспел, но сабля, которую он выронил, упала в воду.

Выхватив кинжал, он с трудом успел привстать на корточки и, пошатнувшись, отразил рубящий удар подоспевшего противника. Снизу донесся всплеск от падения валуна.

Левая рука его метнулась вперед и сомкнулась на запястье, направлявшем ятаган. Он попытался ударить кинжалом, но теперь уже его рука оказалась в тисках чужих пальцев.

Они так и замерли, меряясь силой мышц, пока Яма вдруг резко не присел и не перекатился по склону, перебросив противника через себя.

Оба, однако, не ослабили захвата и покатились по склону. Кромка расселины придвинулась к ним, надвинулась, исчезла у них за спиной.

Когда они вынырнули на поверхность, судорожно глотая воздух широко открытыми ртами, в их стиснутых руках не осталось ничего, кроме воды.

— Кончишь крещением, — сказал Яма и ударил левой.

Противник блокировал удар и нанес ответный.

Течение сносило их влево, пока они не ощутили наконец под ногами каменистое ложе реки, и далее они бились, бредя вдоль по течению.

Река постепенно расширялась, стало мельче, вода

теперь бурлила где-то у пояса. Местами берега подступали к воде уже не так отвесно.

Яма наносил удар за ударом, и кулаками, и ребром ладони; но с таким же успехом можно было колошматить статую, ибо тот, кто был когда-то святым палачом Кали, принимал все удары с полнейшим равнодушием, ничуть не меняясь в лице, и возвращал их назад с силой, способной раздробить кости. Большинство ударов замедлялось противодействием воды или блокировалось Ямой, но один пришелся прямо под ребра, а другой, скользнув по левому плечу, угодил ему точнехонько в скулу.

Яма откинулся назад, словно стартовал в заплыве на спине, чтобы выбраться на более мелкое место. Не отставая, ринулся за ним и противник — и тут же наткнулся неуязвимым своим животом на красный сапог Ямы; одновременно схватил его бог смерти спереди за одежду и изо всех сил рванул на себя. Перелетев по инерции через голову Ямы, он с размаху упал спиной на выступающий из воды пласт твердой как камень ископаемой глины.

Яма привстал на колени и обернулся — как раз вовремя, ибо соперник его уже поднялся на ноги и выхватил из-за пояса кинжал. Лицо его по-прежнему оставалось невозмутимым, когда замер он в низкой стойке.

На миг глаза их встретились, но на сей раз человек в черном не дрогнул.

— Теперь, Яма, могу я встретить смертоносный твой взгляд, — сказал он, — и не отшатнуться. Ты слишком многому научил меня!

Но когда ринулся он вперед, руки Ямы соскользнули с пояса, захлестнув влажный кушак, как хлыст, вокруг бедер соперника.

Пошатнувшись, тот выронил кинжал, и Яма, дотянувшись, обхватил и изо всех сил прижал его, пока оба они падали, к себе, отталкиваясь при этом ногами, чтобы выбраться на глубокое место.

— Никто не слагает гимнов дыханию, — пробормотал Яма, — но увы тому, кому его не хватает!

И он нырнул вглубь, и точно стальные петли, сжимали соперника его руки.

Позже, много позже, когда поднялась у самого

потока промокшая насквозь фигура, говорил он ласково, но с трудом переводя дыхание:

— Ты был — величайшим — кто восстал против меня — за все века, что я могу припомнить... До чего же жаль...

Затем, перейдя поток, продолжил он свой путь через скалистые холмы — неспешным шагом.

В Алундиле путник остановился в первой попавшейся таверне. Он снял комнату и заказал ванну. Пока он мылся, слуга вычистил его одежду.

Перед тем как пообедать, он подошел к окну и выглянул на улицу. Воздух был пропитан запахом ящеров, снизу доносился нестройный гам множества голосов.

Люди покидали город. Во дворе у него за спиной готовился поутру отправиться в путь один из караванов. Сегодня кончался весенний фестиваль. Внизу, на улице, распродавали остатки своих товаров коммерсанты, матери успокаивали уставших детишек, а местный князек возвращался со своими людьми с охоты, к резвому ящеру были приторочены трофеи: два огнекочета. Он смотрел, как усталая проститутка торгуется о чем-то с еще более усталым жрецом, как тот трясет головой и в конце концов, не сговорившись, уходит прочь. Одна из лун стояла уже высоко в небе и казалась сквозь Мост Богов золотой, а вторая, меньшая, только появилась над горизонтом. В вечернем воздухе потянуло прохладой, и к нему сквозь все городские запахи донесся сложный аромат весеннего произрастания: робких побегов и нежной травы, зелено-голубой озими, влажной почвы, мутных паводковых ручьев. Высунувшись из окна, ему удалось разглядеть на вершине холма Храм.

Он приказал слуге подать обед в комнату и сходить за местным торговцем.

Из принесенных им образцов он в конце концов выбрал длинный изогнутый клинок и короткий прямой кинжал; и то, и другое засунул он за пояс.

Потом он вышел из харчевни и отправился вдоль по немощеной главной улице, наслаждаясь вечерней прохладой. В подворотнях и дверях обнимались

влюбленные. Он миновал дом, где над умершим причитали плакальщики. Какой-то нищий увязался за ним и не отставал с полквартала, пока наконец он не оглянулся и не посмотрел ему в глаза со словами: «Ты не калека», и тот бросился прочь и затерялся в толпе прохожих. В небе вспыхнули первые огни фейерверка, спадая до самой земли длинными вишневого цвета лентами призрачного света. Из Храма доносились пронзительные звуки нагасварамов и комбу. Какой-то человек, споткнувшись о порог дома, чуть задел его, и он одним движением сломал ему запястье, почувствовав его руку на своем кошельке. Человек грязно выругался и позвал на помощь, но он отшвырнул его в сточную канаву и пошел дальше, одним мрачным взглядом отогнав еще двух сообщников.

Наконец пришел он ко Храму, мгновение поколебался и вошел внутрь.

Во внутренний двор он вступил следом за жрецом, переносившим внутрь из наружной ниши маленькую статую, почти статуэтку.

Оглядев двор, он стремительно направился прямо к статуе богини Кали. Долго изучал он ее, вынув свой клинок и положив его у ног богини. Когда же наконец поднял его и повернулся, чтобы уйти, то увидел, что за ним наблюдает жрец. Он кивнул ему, и тот немедленно подошел и пожелал ему доброго вечера.

— Добрый вечер, жрец, — ответил Яма.

— Да освятит Кали твой клинок, воин.

— Спасибо. Уже сделано.

Жрец улыбнулся.

— Ты говоришь, будто знаешь это наверняка.

— А это с моей стороны самонадеянно, да?

— Ну, это производит не самое, скажем, лучшее впечатление.

— И тем не менее, я чувствую, как сила богини снисходит на меня, когда я созерцаю ее святилище.

Жрец пожал плечами.

— Несмотря на мою службу, — заявил он, — я могу обойтись без подобного чувства силы.

— Ты боишься силы?

— Признаем, — сказал жрец, — что несмотря на

все его величие, святилище Кали посещается много реже, чем святилища Лакшми, Шакти, Шиталы, Ратри и других не столь ужасных богинь.

— Но она же не чета им всем.

— Она ужаснее их.

— Ну и? Несмотря на свою силу, она же справедливая богиня.

Жрец улыбнулся.

— Неужто человек, проживший больше двух десятков лет, желает справедливости? Что касается меня, например, я нахожу бесконечно более привлекательным милосердие. Ни дня не прожить мне без всепрощающего божества.

— Здорово сказано, — признал Яма, — но я-то, как ты сказал, воин. Моя собственная природа близка ее натуре. Мы думаем схоже, богиня и я. Мы обычно приходим к согласию по большинству вопросов. А когда нет — я вспоминаю, что она к тому же и женщина.

— Хоть я живу здесь, — заметил жрец, — однако не говорю так по-свойски о своих подопечных, о богах.

— На публике, конечно, — откликнулся его собеседник. — Не рассказывай мне басен о жрецах. Я пивал с многими из вашей братии и знаю, что вы такие же богохульники, как и все остальные.

— Всему найдется время и место, — пробормотал, косясь на статую Кали, жрец.

— Ну да, ну да. А теперь скажи мне, почему не чищен цоколь святилища Ямы? Он весь в пыли.

— Его подметали только вчера, но с тех пор столько людей прошло перед ним... и вот результат.

Яма улыбнулся.

— А почему нет у его ног никаких приношений?

— Никто не преподносит Смерти цветы, — сказал жрец. — Приходят только посмотреть — и уходят назад. Мы, жрецы, живо ощущаем, как удачно расположены две эти статуи. Жуткую пару они составляют, не так ли? Смерть и мастерица разрушения?

— Команда что надо, — был ответ. — Но не имеешь ли ты в виду, что никто не совершает Яме жертвоприношений? Вообще никто?

— Если не считать нас, жрецов, когда нас подталкивает церковный календарь, да случайных горожан, когда кто-то из их любимых находится на смертном одре, а ему отказали в прямой инкарнации, — если не считать подобных случаев, нет, я никогда не видел совершаемого Яме жертвоприношения — совершаемого просто, искренне, по доброй воле или из приязни.

— Он должен чувствовать себя обиженным.

— Отнюдь, воин. Ибо разве все живое — само по себе — не есть жертва Смерти?

— В самом деле, правду говоришь ты. Какая ему надобность в доброй воле или приязни? К чему дары, ежели он берет, что захочет?

— Как и Кали, — согласился жрец. — И в казусе этих двух божеств часто нахожу я оправдание атеизму. К сожалению, слишком сильно проявляют себя они в этом мире, чтобы удалось всерьез отрицать их существование. Жаль.

Воин рассмеялся.

— Жрец, который верит наперекор желанию! Мне это по душе. Ты рассмешил меня до упаду. Вот, купи себе бочонок сомы — на нужды жертвоприношений.

— Спасибо, воин. Я так и поступлю. Не присоединишься ли ты ко мне в маленьком возлиянии — за Храм — прямо сейчас?

— Клянусь Кали, да! — воскликнул тот. — Но только чуть-чуть.

Он отправился следом за жрецом в центральное здание и там по ступенькам в погреб, где тут же был вскрыт бочонок сомы, вынуты два кубка.

— За твое здоровье и долгую жизнь, — сказал Яма, поднимая один из них.

— За твоих жутких покровителей — Яму и Кали, — сказал жрец.

— Спасибо.

Они проглотили крепкий напиток, и жрец налил еще по одной.

— Чтобы ты не замерз по ночной прохладе.

— Отлично.

— Хорошо, что эти путешественники наконец разъезжаются, — промолвил жрец. — Их набож-

ность обогащает Храм, но они так утомляют всю прислугу.

— За отбытие пилигримов!

— За отбытие пилигримов!

И они опять выпили.

— Я думал, большинство из них приходит поглазеть на Будду, — сказал Яма.

— Так оно и есть, — ответил жрец, — но с другой стороны, они не хотят перечить и богам. И вот перед тем как посетить пурпурную рощу, они обычно совершают жертвоприношения или дарения в Храме.

— А что тебе известно о так называемом Татхагате и его учении?

Тот отвел взгляд в сторону.

— Я жрец богов и брамин, воин. Я не хочу говорить об этом.

— Значит, он достал и тебя?

— Хватит! Я же сказал тебе, что это не та тема, которую я буду обсуждать.

— Это не имеет значения — и вскоре будет иметь еще меньше. Благодарю тебя за сому. Добрый тебе вечер, жрец.

— Добрый вечер и тебе, воин. Пусть с улыбкой взирают боги на твой путь.

— И на твой тоже.

И поднявшись по ступенькам, покинул он Храм и продолжил свой путь через город — неспешным шагом.

Когда пришел он в пурпурную рощу, в небесах стояло уже три луны, за деревьями колебалось пламя маленьких костров, в небе над городом светился бледный цветок призрачного огня, влажный ветерок пошевеливал листву у него над головой.

Бесшумно вступил он в рощу.

Когда вышел он на освещенную поляну, оказалось, что лицом к нему сидели там ряд за рядом одинаковые фигуры. Каждый облачен был в желтую рясу с желтым капюшоном, скрывавшим лицо. Сотни их сидели там, и ни один не издал ни звука.

Он подошел к ближайшему.

— Я пришел повидать Татхагату, Будду, — сказал он.

Тот, казалось, его не услышал.

— Где он?

Никакого ответа.

Он нагнулся и заглянул в полузакрытые глаза монаха. Он попытался было пронзить его взглядом, но похоже было, что монах спал, ибо ему не удалось даже встретиться с ним глазами.

Тогда возвысил он голос, чтобы все в пурпурной роще могли его услышать.

— Я пришел повидать Татхагату, Будду, — сказал он. — Где он?

Казалось, что обращался он к полю камней.

— Вы что, думаете так спрятать его от меня? — воззвал он. — Вы думаете, что коли вас много и одеты вы все одинаково — и если вы не будете мне отвечать, — я из-за этого не смогу отыскать его среди вас?

Лишь ветер вздохнул в ответ ему, пришел из-за рощи. Заколебались огни, зашевелились пурпурные листья.

Он рассмеялся.

— В этом вы, может быть, и правы, — признал он. — Но вам же когда-нибудь придется пошевелиться, если вы намереваетесь жить, а я могу подождать ничуть не хуже любого другого.

И он тоже уселся на землю, прислонившись к голубому стволу высокого дерева, положив на колени обнаженный клинок.

И сразу его охватила сонливость. Он клевал носом и тут же вздергивал голову — и так раз за разом. Затем наконец его подбородок устроился поудобнее на груди, и он засопел.

Шел через зелено-голубую равнину, травы пригибались перед ним, прочерчивая тропинку. В конце этой тропы высилось огромное, кряжистое дерево, дерево не выросшее в этом мире, а скорее скрепившее его воедино своими корнями, простиравшее листья свои между звезд.

У подножия дерева, скрестив ноги, сидел человек, и на губах его играла едва уловимая улыбка. И знал

он, что это Будда; он подошел и остановился перед ним.

— Приветствую тебя, о смерть, — сказал сидящий, и, словно корона, ярко светился в глубокой тени дерева подкрашенный розовым ореол вокруг его чела.

Яма не ответил, а вытащил свой клинок.

Будда по-прежнему улыбался, Яма шагнул вперед, и вдруг ему послышался отголосок далекой музыки.

Он замер и оглянулся, застыла в руке его занесенная сабля.

Они пришли со всех четырех сторон света, локапалы, четыре Хранителя мира, сошедшие с горы Сумеру: на желтых лошадях приближались якши под водительством Владыки Севера, и на их щитах играли золотые лучи; Голубой Всадник, Ангел Юга, приближался в сопровождении полчищ кумбхандов, неуклюже примостившихся по причине своих физических особенностей на спинах синих коней и несущих сапфировые щиты; с Востока пришел Хранитель, чьи всадники несли перламутровые щиты и облачены были в серебро; на Западе показался Властитель, чьи наги восседали на кроваво-красных лошадях, одеты были в алое и прикрывались щитами из кораллов. Копыта лошадей не касались, казалось, травы, и единственным слышимым звуком была разлитая в воздухе музыка, которая становилась все громче и громче.

— Почему собираются Хранители мира? — неожиданно для самого себя спросил Яма.

— Они явились за моими останками, — по-прежнему улыбаясь, ответил Будда.

Хранители натянули поводья, придержали коней и полчища у них за спиной, и Яма оказался один против всех.

— Вы явились забрать его останки, — сказал Яма, — но кто заберет ваши?

Хранители спешились.

— Не для тебя этот человек, о смерть, — промолвил Владыка Севера, — ибо принадлежит он миру, и мы как Хранители мира будем его защищать.

— Слушайте меня, Хранители с горы Сумеру, —

сказал Яма, принимая свой Облик. — В ваши руки передана участь мира, вам дано его хранить и поддерживать, но кого пожелает и когда захочет изымает из мира Смерть. Не дано вам оспаривать мои Атрибуты или пути их применения.

Хранители встали между Ямой и Татхагатой.

— Что касается этого человека, мы будем оспаривать твой путь, Великий Яма. Ибо в его руках судьба нашего мира. Коснуться его ты сможешь, лишь превзойдя четыре силы.

— Быть посему, — сказал Яма. — Кто первым из вас станет моим противником?

— Я, — сказал их глашатай, обнажая свой клинок.

Явив свой Облик, разрубил Яма мягкий, словно масло, металл и плашмя ударил Хранителя саблей по голове; тот мешком повалился на землю.

Возопили орды якшей, и двое из золотых всадников подобрали своего вождя. Потом все они повернули коней и поскакали обратно на Север.

— Кто следующий?

К нему направился Хранитель Востока, в руках он держал сотканную из лунного света сеть и прямой серебряный меч.

— Я, — сказал он и метнул свою сеть.

Яма наступил на нее ногой, цепко схватил пальцами и дернул, соперник его потерял равновесие. Стоило ему покачнуться вперед, как Яма, перехватив за лезвие свою саблю, нанес ему головкой ее эфеса удар прямо в челюсть.

Свирепо глянули на него серебряные воины, затем потупились и унесли своего господина на Восток, сопровождаемые нестройной музыкой.

— Следующий! — сказал Яма.

Тогда выступил вперед кряжистый предводитель нагов, он отбросил в сторону свое оружие и скинул на траву тунику.

— Я буду бороться с тобой, бог смерти, — заявил он.

Яма положил оружие рядом с собой и сбросил плащ.

Все это время Будда продолжал, улыбаясь, сидеть

в тени исполинского дерева, словно все эти стычки не имели к нему никакого отношения.

Первым захват сделал глава нагов, он обхватил левой рукой Яму за шею и потянул его на себя. Яма ответил тем же, но тот, изогнув туловище, перекинул правую свою руку через левое плечо Ямы ему за затылок и, замкнув там руки и крепко зажав голову Ямы, изо всех сил потянул ее вниз к своему бедру, разворачивая свое тело по мере того, как соперник подавался под его усилием.

За спиной у владыки нагов Яма вытянул как только мог левую руку и сумел дотянуться ею до его левого плеча, тогда он обхватил правой рукой сзади колени противника и, резко дернув, тут же оторвал обе его ноги от земли, изо всех сил потянув одновременно на себя и схваченное плечо.

Когда он наконец на миг замер, оказалось, что соперник лежит у него на руках, как дитя в колыбели, — но тут же разжал он руки, и Хранитель тяжело рухнул на землю.

Тут же Яма всем своим весом прыгнул на него сверху, согнув ноги так, чтобы ударить коленями. И сразу встал. Один.

Когда удалились и западные всадники, один лишь Ангел Юга, облаченный во все синее, остался стоять перед Буддой.

— Ну а ты? — спросил его бог смерти, подбирая свое оружие.

— Я не подниму против тебя оружия, бог смерти, будь то из стали, кожи или камня, я не ребенок, чтобы играть в эти игрушки. Не буду я и мериться с тобой силой тела, — сказал Ангел. — Я знаю, что буду превзойден тобою во всем этом, ибо никто не может поспорить с тобой оружием.

— Забирайся тогда на своего голубого жеребца и скачи прочь, — сказал Яма, — коли ты не желаешь биться.

Ангел не ответил, а подбросил в воздух свой синий щит так, что тот закружился, как сапфировое колесо, и, повиснув у них над головами, начал расти и расти в размерах.

Потом он упал на землю и начал вжиматься, бесшумно ввинчиваться в нее, пока не исчез из виду,

до последнего момента не переставая увеличиваться в размерах, и трава вновь сомкнулась над тем местом, где он утонул в земле.

— И что все это означает? — спросил Яма.

— Я не соперничаю. Я просто защищаю. Моя сила — сила пассивного противостояния. Это сила жизни, как твоя — смерти. Что бы я ни послал против тебя — ты можешь это уничтожить, но тебе не уничтожить всего, о Смерть. Моя сила — это сила щита, а не меча. Чтобы защитить твою жертву, Владыка Яма, тебе будет противостоять жизнь.

И Синий отвернулся, вскочил в седло синего коня и поскакал на Юг во главе своих кумбхандов. Но музыка не исчезла вместе с ним, по-прежнему разлита она была в воздухе там, где он только что стоял.

Вновь шагнул вперед Яма, сжимая в руке саблю.

— Все их усилия были напрасны, — сказал он. — Твой час пробил.

Он взмахнул клинком.

Удар, однако, не достиг цели, ибо ветка гигантского дерева упала между ними и выбила саблю у него из рук.

Он нагнулся, чтобы ее поднять, но травы уже полегли и скрыли ее под собой, сплетясь в плотную, непроницаемую сеть.

Чертыхнувшись, он выхватил кинжал и снова ударил.

Огромная ветвь согнулась, колыхнулась перед его мишенью, и кинжал, пробив насквозь толстую кору, глубоко утонул в ее древесине. Тогда ветвь вновь взмыла к небу, унося с собой ввысь смертоносное оружие.

Будда медитировал с закрытыми глазами, в сумерках вокруг него разгорался сияющий ореол.

Яма шагнул вперед, поднял руки — и травы запутались в его ногах, сплелись, спеленали его лодыжки, остановили его, где он стоял.

Он попробовал было бороться, изо всех сил дергая траву, пытаясь выдернуть ее неподатливые корни. Потом прекратил тщетные попытки и, закинув назад голову, воздел кверху руки; глаза его метали смерть.

— Внемлите мне, Силы! — вскричал он. — Отныне место это будет нести на себе проклятие Ямы!

Ничто живое не шевельнется больше на этой земле! Не защебечет птица, не проползет змея! Будет почва здесь бесплодна и мертва, лишь камни да зыбучие пески! Ни травинки не пробьется больше здесь к солнцу! Да исполнится мое проклятие и приговор защитникам моего врага!

Травы поблекли, пожухли, но еще не успели отпустить его на волю, как вдруг раздался оглушительный треск, хруст, и дерево, чьи корни скрепляли воедино весь мир и в чьих ветвях, словно рыбы в сетях, запутались звезды, покачнулось вперед, раскололось посередине, верхние его побеги смяли, сорвали небосвод, корни его разверзли посреди земли бездну, листья падали зелено-голубым дождем. Огромный обрубок ствола начал опрокидываться прямо на него, отбрасывая перед собой тень, темную, как ночная мгла.

Вдалеке он все еще видел Будду, тот по-прежнему сидел в медитации, словно не подозревая об извержении хаоса вокруг него.

А потом была одна лишь тьма — и звук, схожий с раскатом грома.

Яма вскинул голову, широко раскрыл глаза.

Он сидел в пурпурной роще, прислонившись к голубому стволу, и на коленях у него лежал обнаженный клинок.

С виду все было по-прежнему.

Перед ним, словно в медитации, рядами сидели монахи. Все таким же прохладным и влажным был ветерок, под его дуновением все так же колебались огни.

Яма встал, зная теперь откуда-то, где ему надо искать свою цель.

По утоптанной тропинке он прошел мимо монахов и углубился в лес.

Тропинка привела его к пурпурному павильону, но тот был пуст.

Он пошел дальше, и лес понемногу превращался в дикие заросли. Почва стала сырой, и вокруг него поднимался легкий туман. Но в свете трех лун по-прежнему отчетливо вырисовывалась перед ним тропка.

И вела она вниз, голубые и пурпурные деревья казались здесь ниже, чем наверху, стволы их были искривлены, скрючены. По сторонам стали попадаться маленькие оконца воды, словно проказой, изъеденные клочьями серебристой пены. В ноздри ему ударил запах болота, а из зарослей невысоких кустарников донесся хрип каких-то неведомых тварей.

Издалека, оттуда, откуда он пришел, донеслись отголоски песнопения, и он догадался, что оставленные им в роще монахи пробудились и засуетились в неведомой деятельности. Они преуспели, им удалось, объединив свои мысли, наслать на него видение, сон о неуязвимости их учителя. И пение — это, вероятно, сигнал к...

Туда!

Он сидел на скале в самой середине обширной прогалины, весь омытый лунным светом.

Яма вытащил клинок и направился к нему.

Когда осталось пройти шагов двадцать, сидящий повернул к нему голову.

— Приветствую тебя, о Смерть, — сказал он.

— Привет тебе, Татхагата.

— Скажи мне, почему ты здесь.

— Решено было, что Будда должен умереть.

— Это не ответ на мой вопрос, тем не менее. Почему ты пришел сюда?

— Разве ты не Будда?

— Звали меня и Буддой, и Татхагатой, и Просветленным, и много еще как. Но, отвечая на твой вопрос, нет, я не Будда. Ты уже преуспел в том, что намеревался совершить. Сегодня ты убил настоящего Будду.

— Должно быть, память моя слабеет, ибо, признаюсь, я не помню ни о чем подобном.

— Сугата звали мы настоящего Будду, — ответил Татхагата. — А до того известен он был под именем Рилд.

— Рилд! — хмыкнул Яма. — Ты пытаешься убедить меня, что он не просто палач, которого ты отговорил от его работы?

— Многие — палачи, которых отговорили от их работы, — ответствовал сидящий на скале. — По собственной воле отказался Рилд от своего призва-

ния и встал на Путь. Он — единственный известный мне во все времена человек, который в самом деле достиг просветления.

— Разве то, что ты насаждаешь, это не этакая пацифистская религия?

— Да.

Яма запрокинул голову назад и расхохотался.

— Слава богу, что ты не практикуешь религии воинственной! Твой лучший ученик, просветленный и так далее, сегодня днем чуть было не снес мне голову с плеч.

Тень усталости легла на безмятежное лицо Будды.

— Ты думаешь, он в самом деле мог победить тебя?

Яма резко смолк.

— Нет, — сказал он, чуть помолчав.

— Как ты думаешь, он знал об этом?

— Может быть, — ответил он.

— Разве вы не знали друг друга до сегодняшней встречи? Не видели друг друга в деле?

— Да, — признался Яма. — Мы были знакомы.

— Тогда он знал о твоем мастерстве, предвидел итог вашей схватки.

Яма безмолвствовал.

— Он добровольно пошел на мученичество, чего я тогда не ведал. Мне не кажется, что он всерьез надеялся сразить тебя.

— Зачем тогда?

— Что-то доказать.

— Что же мог он надеяться доказать таким образом?

— Я не знаю. Знаю только, что все, должно быть, было так, как я говорю, ибо я знал его. Я слишком часто слушал его проповеди, его утонченные притчи, чтобы поверить, что он мог пойти на это без цели. Ты убил истинного Будду, бог смерти. Ты же знаешь, кто я такой.

— Сиддхартха, — сказал Яма, — я знаю, что ты мошенник. Я знаю, что ты не Просветленный. И я отдаю себе отчет, что учение это мог бы припомнить любой из Первых. Ты решил воскресить его, прикинувшись его автором. Ты решил распространить его, надеясь вызвать противодействие религии, при помо-

щи которой правят истинные боги. Я восхищен твоей попыткой. Все это было мудро спланировано и исполнено. Но грубейшей твоей ошибкой было, как мне кажется, что ты выбрал пассивное вероучение, чтобы бороться против вероучения активного. Мне любопытно, почему ты пошел на это, когда вокруг было сколько угодно подходящих религий — на выбор.

— Быть может, мне было просто любопытно посмотреть, как столкнутся два противоположно направленных течения, — вставил Будда.

— Нет, Сэм, дело не в этом, — заявил Яма. — Я чувствую, что это только часть более обширного замысла, который ты разработал, и что все эти годы, когда ты разыгрывал из себя святого и читал проповеди, в которые сам-то не верил, ты строил совсем другие планы. Армия, какой бы огромной она ни была в пространстве, может оказывать противодействие лишь на коротком отрезке времени. Один же человек, ничтожный в пространстве, может распространить свое противоборство на многие и многие годы, если ему повезет и он преуспеет в передаче своего наследия. И ты это осознал, и теперь, рассеяв семена этого украденного вероучения, планируешь ты перейти к следующей стадии противостояния. Ты пытаешься в одиночку быть антитезой Небесам, годами идя наперекор воле богов, многими способами и под многими масками. Но все это кончится здесь и теперь, поддельный Будда.

— Почему, Яма? — спросил он.

— Все это рассматривалось с большим тщанием, — сообщил тот. — Нам не хотелось создавать вокруг тебя ореол великомученика, способствуя тем самым дальнейшему распространению этого твоего учения. С другой стороны, если тебя не остановить, это может зайти слишком далеко. И вот решено было, что ты должен пасть, — но только от руки посланца Небес, дабы тем самым наглядно показать, чья религия сильнее. И тогда, пусть ты даже и прослывешь мучеником, буддизму суждена будет участь второразрядной религии. Вот почему должен ты сейчас умереть подлинной смертью.

— Спрашивая «Почему?», имел я в виду совсем

другое. Ты ответил не на тот вопрос. Я подразумевал, почему именно ты пришел, чтобы сотворить сие, Яма? Почему ты, чародей от оружия, корифей в науках, явился как лакей кучки пьяных теломенов, которым недостает квалификации, чтобы наточить твой клинок или мыть за тобой пробирки? Почему ты, которому подобало бы стать самым свободным, самым раскрепощенным и возвышенным духом среди всех нас, почему ты унижаешь себя, прислуживая тебя недостойным?

— За эту хулу умрешь ты не такой уж гладкой смертью.

— Почему? Я только задал вопрос, которому суждено прийти на ум отнюдь не только мне. Я же не оскорбился, когда ты назвал меня поддельным Буддой. Я-то знаю, кто я такой. А кто ты, бог смерти?

Яма заткнул клинок за пояс и вытащил трубку, которую купил днем в таверне. Он набил ее табаком, раскурил, затянулся.

— Нам, очевидно, нужно поговорить еще, хотя бы только ради того, чтобы очистить наши умы от излишних вопросов, — произнес он, — так что я позабочусь о некоторых удобствах.

Он уселся на небольшой валун.

— Во-первых, человек может быть в некоторых отношениях выше своих товарищей и тем не менее служить им, если все вместе служат они общему делу, которое выше каждого из них по отдельности. Я верю, что служу именно такому делу, иначе бы я вел себя по-другому. Я полагаю, что и ты точно так же относишься к тому, что делаешь, иначе ты бы не мирился с тем жалким аскетизмом, которым обставлена твоя жизнь, — хотя я заметил, что ты не столь изможден, как верные твои ученики. Не так давно, в Махаратхе тебе предлагали божественность, не так ли, а ты посмеялся над Брахмой, совершил налет на Дворец Кармы и до отвала напичкал все молитвенные машины в городе самодельными жетонами...

Будда хмыкнул. Усмехнулся и Яма. Затем продолжил:

— Кроме тебя, во всем мире не осталось ни единого акселериста. Эта карта бита, да никогда она

и не была козырной. Я испытываю, однако, некоторое уважение к тому, как ты вел себя все эти годы. Мне даже пришло в голову, что если бы удалось разъяснить тебе полную безнадежность теперешнего твоего положения, тебя можно было бы еще убедить присоединиться к сонму небожителей. Хотя я и пришел сейчас, чтобы убить тебя, но если мне удастся убедить тебя, то достаточно будет одного твоего обещания прекратить бессмысленную борьбу, и я возьмусь ходатайствовать, я поручусь за тебя. Я возьму тебя с собой в Небесный Град, и ты сможешь принять там то, от чего однажды отказался. Они послушаются меня, поскольку я им необходим.

— Нет, — сказал Сэм, — ибо я не убежден в безвыходности своего положения и намерен во что бы то ни стало продолжить представление.

Из пурпурной рощи донеслись обрывки песнопений. Одна из лун скрылась за верхушками деревьев.

— Почему твои приспешники не ломятся через кусты в попытках спасти тебя?

— Они придут, стоит мне их позвать, но звать я не буду. Мне в этом нет нужды.

— Зачем они наслали на меня этот дурацкий сон?

Будда пожал плечами.

— Почему они не восстали, почему не убили меня, пока я спал?

— Их путь не таков.

— Но ты-то ведь мог бы, а? Если бы мог спрятать концы в воду? Если бы никто не узнал, что сделал Будда?

— Не исключено, — отвечал тот. — Но ты же ведь знаешь, что сильные или слабые стороны вождя отнюдь не свидетельствуют о достоинствах или недостатках возглавляемого им движения.

Яма попыхивал трубкой. Дым клубился у него над головой, потихоньку растворяясь в тумане, который постепенно сгущался здесь, в низине.

— Я знаю, что мы здесь одни и ты безоружен, — пробормотал Яма.

— Мы здесь одни. А вся моя поклажа припрятана дальше по дороге.

— Твоя поклажа?

— Ты правильно догадался, здесь я все закончил. Я начал то, что намеревался начать. Как только мы закончим нашу беседу, я отправлюсь в путь.

Яма хмыкнул.

— Оптимизм революционеров всегда вызывает чувство законного изумления. И как ты предполагаешь отправиться? На ковре-самолете?

— Пойду, как все люди.

— По-моему, это ниже твоего достоинства. Ведь тебя же явятся защищать силы мира? Я, правда, не вижу не единого исполинского дерева, готового прикрыть тебя своими ветвями. И нет, похоже, умненькой травки, чтобы оплести мне ноги. Скажи, как же тебе удастся уйти?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом.

— А как насчет схватки? Терпеть не могу убивать беззащитных. Если у тебя действительно где-то поблизости припрятаны пожитки, сходи за своим клинком. У тебя появится хоть и призрачный, но все же шанс. Я слышал даже, что в свое время князь Сиддхартха был незаурядным фехтовальщиком.

— Спасибо, не стоит. Может, в другой раз. Но только не сейчас.

Яма еще раз затянулся, потянулся и зевнул.

— В таком случае у меня больше нет к тебе вопросов. С тобой совершенно бесполезно спорить. Мне больше нечего сказать. Не хочешь ли ты присовокупить какое-либо высказывание к нашей беседе?

— Да, — сказал Сэм. — Какова она, эта сучка Кали? Все говорят о ней разное, и я начинаю думать, не своя ли она для каждого...

Яма швырнул в него свою трубку, та ударилась в плечо и извергла рой искр ему на руку. Другая, более яркая вспышка блеснула над головой бога смерти, когда он прыгнул вперед: это он взмахнул саблей.

Но стоило ему сделать пару шагов по песчаной полосе, протянувшейся перед скалой, как что-то сковало его движения. Он чуть не упал, его развернуло поперек направления движения, и так он и замер. Он попытался вырваться, но не смог сдвинуться с места.

— Все зыбучие пески зыбки, — сказал Сэм, — но

некоторые из них зыбче других. Радуйся, что эти-то не из них. Так что в твоем распоряжении осталось еще не так уж мало времени. Я бы с охотой продолжил нашу беседу, если бы считал, что у меня есть хоть какой-то шанс убедить тебя присоединиться ко мне. Но я знаю, что шанса такого у меня нет — как у тебя убедить меня явиться на небеса.

— Я высвобожусь, — мягко проговорил Яма, оставив свои тщетные попытки. — Я как-нибудь высвобожусь, и я отыщу тебя снова.

— Да, — сказал Сэм. — Мне кажется, так и будет. На самом деле, чуть погодя я расскажу тебе, как в этом преуспеть. Но в данный момент ты настолько заманчивая приманка для любого проповедника — полоненный слушатель, представляющий оппозицию. Итак, у меня для тебя, Владыка Яма, есть небольшая проповедь.

Яма взвесил в руке свою саблю, прикинул расстояние и, отказавшись от мысли бросить ее в Будду, засунул ее за пояс.

— Давай, проповедуй, — сказал он, и ему удалось поймать взгляд Сэма.

Тот покачнулся на своей скале, но заговорил снова.

— Все-таки поразительно, — сказал он, — что мутировавший мозг порождает разум, способный переносить все свои способности и возможности в любой другой мозг, какой только тебе ни придет в голову занять. Много лет прошло с тех пор, как я в последний раз испытывал ту свою способность, которой пользуюсь сейчас, — а действовала она примерно так же. Никакой разницы, какое тело я занимаю, похоже, что силы мои переходят из тела в тело вместе со мною. И так же, как я понимаю, обстоит дело с большинством из нас. Шитала, я слышал, способна на расстоянии насылать на людей температуру. А когда она принимает новое тело, способность эта перетекает вместе с ней в новую нервную систему, хотя и проявляется поначалу весьма слабо. Или Агни, ему, я знаю, достаточно посмотреть некоторое время на какой-либо предмет и пожелать, чтобы он загорелся, — и так оно и будет. Ну а возьмем в качестве примера твой смертельный взгляд, который ты сейчас обратил на меня. Не поразительно ли, что

ты всегда и везде удерживаешь при себе этот дар — на протяжении уже веков? Я часто задумывался о физиологической подоплеке этого явления. Ты не пробовал исследовать эту область?

— Да, — сказал Яма, и глаза его пылали под насупленными черными бровями.

— Ну и как же ты это объяснишь? Кто-то рождается с паранормальным мозгом, позже его душа переносится в мозг совершенно нормальный — и, однако, аномальные его способности при переносе сохраняются. Как это может быть?

— Просто имеется лишь одна телесная матрица, как электрическая, так и химическая по своей природе, и она тут же принимается за перестройку нового физиологического окружения. Новое тело содержит много такого, что она склонна трактовать как болезнь и стремится посему вылечить, чтобы вновь обрести старое доброе тело. Если бы, к примеру, твое нынешнее тело удалось сделать физически бессмертным, рано или поздно оно стало бы подобием твоего исходного тела.

— Как интересно.

— Вот почему перенесенные способности так слабы, но становятся тем сильнее, чем дольше ты занимаешь данное тело. Вот почему лучше всего развивать Атрибут или, может быть, пользоваться к тому же и помощью механизмов.

— Хорошо. Я всегда этим интересовался. Спасибо. Ну а пока — пробуй на мне дальше свой смертельный взгляд; он, знаешь ли, весьма болезнен. Так что это все-таки кое-что. Ну а теперь перейдем к проповеди. Гордому и самонадеянному человеку, примерно такому, как ты, — с восхитительной, по общему мнению, склонностью к поучениям — случилось проводить исследования, связанные с некой болезнью, результатом которой становятся физическая и моральная деградация больного. И однажды оказалось, что он сам заразился этой болезнью. Так как мер по ее лечению он еще не разработал, лекарств не нашел, он отложил все в сторону, посмотрел на себя в зеркало и заявил: «Но меня-то она ничуть не портит». Это, Яма, про тебя. Ты не будешь пытаться побороть сложившееся положение, ты до некоторой степени даже гордишься им. В ярости ты сорвался, так что

теперь я уверен в своей правоте, когда говорю, что имя твоей болезни — Кали. Ты бы не передал свою силу в руки недостойного, если бы эта женщина не принудила тебя к этому. Я знаю ее очень давно, и я уверен, что она ничуть не изменилась. Она не может любить мужчину. Она питает интерес только к тем, кто приносит ей дары хаоса. А если когда-нибудь ты перестанешь подходить для ее целей, она тут же отстранит тебя, бог смерти. Я говорю это не потому, что мы враги, но, скорее, как мужчина мужчине. Я знаю. Поверь мне, я знаю. Возможно, что тебе не повезло, Яма, что ты никогда не был молод и не узнал первой своей любви, в весеннюю пору... Мораль, стало быть, моей наскальной проповеди такова: даже зеркалу не под силу показать тебя тебе самому, если ты не желаешь смотреть. Чтобы испытать правоту моих слов, поступи разок ей наперекор, пусть даже по какому-нибудь пустяковому поводу, и посмотри, как быстро она среагирует и каким образом. Как ты поступишь, если против тебя обращено твое собственное оружие, Смерть?

— Ну что, ты кончил? — спросил Яма.

— Почти. Проповедь — это предостережение, и я предостерег тебя.

— Какою бы ни была твоя способность, та сила, которой, Сэм, ты сейчас пользуешься, вижу я, что на данный момент непроницаемым делает она тебя для моего смертельного взгляда. Считай, что тебе повезло, ибо я ослаб.

— Я так и считаю, ведь голова моя едва не раскалывается от боли. Проклятые твои глаза!

— Когда-нибудь я снова испытаю твою силу, и даже если она опять окажется для меня необоримой, ты падешь в тот день. Если не от моего Атрибута, то от моего клинка.

— Если это вызов, то я, пожалуй, повременю его принимать. Я советую, чтобы до следующей попытки ты проверил мои слова, испробовал мой совет.

К этому времени бедра Ямы уже до половины ушли в песок.

Сэм вздохнул и слез со своего насеста.

— К этой скале ведет только одна безопасная дорога, и я сейчас уйду по ней отсюда. Теперь я скажу тебе, как ты можешь спасти свою жизнь, если

ты не слишком горд. Я велел монахам прийти ко мне на подмогу, прямо сюда, если они услышат крики о помощи. Я уже говорил тебе, что не собираюсь звать на помощь, и я не врал. Если, однако, ты позовешь на подмогу своим зычным голосом, они будут тут как тут, тебя засосет за это время разве что на очередной дюйм. Они вытянут тебя на твердую землю и не причинят никакого вреда, ибо таков их путь. Мне симпатична мысль о том, что бога смерти спасут монахи Будды. Спокойной ночи, Яма, мне пора покинуть тебя.

Яма улыбнулся.

— Придет и другой день, о Будда, — промолвил он. — Я могу его подождать. Беги же теперь так быстро и далеко, как ты только сможешь. Мир недостаточно просторен, чтобы ты укрылся в нем от моего гнева. Я буду идти следом за тобой, и я научу тебя просветлению — чистым адским пламенем.

— Тем временем, — сказал Сэм, — я посоветовал бы тебе либо упросить моих послушников помочь тебе, либо овладеть непростым искусством грязевого дыхания.

Под испепеляющим взглядом Ямы он осторожно пробирался через поле.

Выйдя на тропинку, он обернулся.

— И если хочешь, — сказал он, — можешь сообщить на Небеса, что я отлучился, что меня вызвали из города по делам.

Яма не отвечал.

— Я думаю, что мне пора позаботиться о каком-либо оружии, — заключил Сэм, — о весьма специфическом оружии. Так что, когда будешь искать меня, возьми с собой и свою приятельницу. Если ей придется по вкусу то, что она увидит, она, может быть, убедит тебя перейти на другую сторону.

И он пошел по тропинке, и он уходил в ночи, насвистывая, под луною белой и под луной золотой.

iv

Повествуется и о том, как Князь Света спустился в Демонов Колодезь, чтобы заключить сделку с главарем ракшасов. Честно вел он все дела, но ракшасы остаются ракшасами. То есть злобными существами, обладающими огромной силой, ограниченным сроком жизни и способностью временно принимать практически любую форму. Уничтожить ракшасов почти невозможно. Более всего тяготит их отсутствие настоящего тела; главная их добродетель — честность в азартных играх и игорных долгах. Сам факт, что явился Князь Света к Адову Колодезю, служит, быть может, свидетельством того, что в заботах о состоянии мира был он на грани отчаяния...

Когда боги и демоны, и те, и другие — отпрыски Праджапати, вступили в борьбу между собой, завладели боги принципом жизни, Удгитхой, подумав, что с ее помощью одолеют они демонов.

Они стали почитать Удгитху как нос, но демоны поразили его злом. Поэтому им обоняют и то, и другое — и благоухание, и зловоние, ведь он поражен злом.

Они стали почитать Удгитху как язык, но демоны поразили его злом. Поэтому им говорят и то, и другое — и истину, и ложь, ведь он поражен злом.

Они стали почитать Удгитху как глаз, но демоны поразили его злом. Поэтому им видят и то, и другое — и симпатичное, и уродливое, ведь он поражен злом.

Они стали почитать Удгитху как ухо, но демоны поразили его злом. Поэтому им слышат и то, и другое — и благозвучное, и непотребное, ведь оно поражено злом.

Тогда стали они почитать Удгитху как разум, но демоны поразили его злом. Поэтому мыслят и о подобающем, истинном и хорошем, и о неподобающем, ложном и испорченном, ведь он поражен злом.

Чхандогья упанишада (1,2,1-6)

Лежит Адов Колодезь на вершине мира, и спускается он к самым его корням. Столь же он, вероятно, стар, как и сам этот мир; а если и нет, то по внешнему виду об этом ни за что не скажешь.

Начинается он со входа. Установлена там Первыми огромная дверь из полированного металла, тяжелая, как грех, высотою в три человеческих роста, шириною вдвое меньше. Толщиной она в локоть, над массивным медным кольцом, в которое кое-кому, может, удастся просунуть голову, вделана в нее металлическая же пластинка каверзнейшего замка; как нажимать на нее, чтобы он открылся, там не написано, а написано примерно следующее: «Уходи. Тебе тут не место. Если попробуешь войти — не выйдет, а ты будешь проклят. Если же ухитришься пройти — не обессудь, тебя предупреждали, и не надоедай нам предсмертными мольбами». И подписано: «Боги».

Место это расположено у самой вершины очень высокой горы, называемой Чанна, в самом центре очень высокой горной системы, называемой Ратнагари. В краю этом на земле всегда лежит снег, а радуги высыпают, как налет на языке больного, на длинных сосульках, пустивших ростки на промерзших верхушках утесов. Воздух остер, как меч. Небо ярче кошачьего глаза.

Редко-редко ступала чья-то нога по тропинке, вьющейся к Адову Колодезю. Приходили сюда по большей части просто поглазеть, посмотреть, вправду ли существует великая дверь; когда очевидцы возвращались домой и рассказывали, что видели ее воочию, смеялись над ними обычно все вокруг.

Лишь предательские царапины на пластине замка свидетельствуют, что кое-кто и в самом деле пытался войти внутрь. Орудия, необходимые, чтобы вскрыть огромную дверь, доставить сюда и даже просто уместить у двери невозможно. Последнюю сотню метров тропка, карабкающаяся по склону к Адову Колодезю, сужается дюймов до десяти; а на прилепившейся под дверью площадке — остатке когда-то обширного козырька, — потеснившись, смогут, может быть, уместиться человек шесть.

Сказывают, что Панналал Мудрый, закалив свой

ум медитацией и разнообразными подвигами аскетизма, разгадал секрет замка и вступил в Адов Колодезь, провел во чреве горы день и ночь. Звали его с тех пор Панналал Безумный.

Скрывающий в себе пресловутую дверь пик, известный под названием Чанна, лежит в пяти днях пути от крохотного городишка. А вся эта местность — часть далекого северного королевства Мальва. Ближайший к Чанне горный городишко названия не имеет, поскольку населен свирепым и независимым народом, который не испытывает ну никакого желания, чтобы городок их появился на картах сборщиков податей местного раджи. О коем достаточно будет упомянуть, что роста и возраста он среднего, практичен, слегка располнел, ни набожен, ни чрезмерно знаменит — и сказочно богат. Богат он потому, что подданных своих облагает высокими налогами. Когда подданные его начинают возмущаться и по стране распространяется молва о готовящемся восстании, он объявляет войну одному из соседних королевств и удваивает налоги. Если война складывается неудачно, он казнит нескольких генералов и отправляет своего министра-по-миру обсуждать условия мирного договора. Если же вдруг все складывается особенно удачно, он взыскивает с противника дань за то оскорбление, которое якобы вызвало всю заваруху. Обычно, однако, дело кончается перемирием, и подданные его, озлобленные и на войну, и на соперника, и на отсутствие победы, примиряются с высоким уровнем налогов. Имя раджи — Видегха, и у него множество детей. Он любит граклов — священных майн — не за их глянцевитое черное оперение с изысканными желтыми пятнами вокруг глаз, а за то, что их можно обучить распевать непристойные песенки; любит змей, которым он при случае скармливает оных граклов, когда они фальшивят; любит игру в кости. Он не очень-то любит детей и Льва Толстого.

Адов Колодезь начинается с грандиозного портала высоко в горах северной оконечности королевства Видегхи, северней которого уже не отыщешь страны, населенной людьми. И, начинаясь там, по спирали, штопором уходит он вниз через самое сердце горы

Чанны, вонзаясь, как штопор, в просторные пещеры и туннели, в не ведомые никому из людей подземные переходы, простирающиеся глубоко под горной цепью Ратнагари, и тянутся глубочайшие из этих переходов вниз, к корням всего мира.

И к этой двери пришел странник.

Он был просто одет, путешествовал в одиночку и, казалось, в точности представлял, куда идет и что делает.

Прокладывая себе путь по мрачному склону, карабкался он по тропинке вверх на Чанну.

Большую часть утра потратил он на то, чтобы добраться до своей цели: до двери. Встав наконец перед нею, он чуть передохнул, глотнул воды из своей фляги, утер рукой губы и улыбнулся.

Затем уселся он, прислонившись спиной к двери, и перекусил. Покончив с этим, собрал листья, в которые была завернута снедь, и бросил их вниз через край площадки. Долго смотрел он, как планируют они, падая вниз, как относят их то туда, то сюда воздушные потоки, пока наконец не исчезли они из вида. Тогда он достал трубку и закурил.

Отдохнув, он встал и вновь повернулся лицом к двери.

Рука его легко легла на плату замка и медленно пустилась в ритуальный танец. Когда он в последний раз нажал на пластину и отнял руку, изнутри, из самой толщи двери донесся одинокий музыкальный звук.

Тогда он схватился за кольцо и с силой потянул его на себя, мышцы у него на плечах вздулись и напряглись. Дверь подалась, сначала медленно, потом быстрее. Он отступил в сторону с ее дороги, и она распахнулась настежь, уходя за край площадки.

Изнутри к двери было прикреплено второе кольцо, точная копия первого. Он поймал его, когда дверь проходила мимо, и всем своим весом повис на ней, изо всех сил упираясь ногами в землю, чтобы не дать уйти тяжеленной створке за пределы его досягаемости.

Волна теплого воздуха накатилась из отверстия у него за спиной.

Он потянул дверь на место и, запалив один из

связки принесенных с собой факелов, закрыл ее за собою. Вперед, по коридору отправился он, и коридор этот потихоньку начал расширяться.

Пол резко пошел под уклон, и через сотню шагов где-то далеко вверху исчез из виду потолок.

А через две сотни шагов он уже стоял на краю колодца.

Теперь со всех сторон его окружала безбрежная, непроглядная чернота, разрываемая лишь огнем его факела. Стены исчезли, только позади и справа от него проглядывала еще последняя из них. В нескольких шагах перед ним исчезал и пол.

За его кромкой лежало нечто, напоминающее бездонную дыру. Разглядеть ее он не мог, но знал, что контур ее не слишком отличается от окружности и что чем глубже, тем больше становился ее радиус.

Он спускался по тропинке, что вилась спиралью, прижимаясь к стене колодца, и все время ощущал напор поднимающегося из глубины теплого воздуха. Искусственной была эта тропа, это чувствовалось, несмотря на ее крутизну. Была она узкой и опасной; во многих местах пересекали ее трещины, а местами загромождали каменные обломки. Но ее неизменный, поворачивающий направо уклон выявлял план и цель в ее существовании.

Осторожно спускался он по этой тропе. Слева от него была стена. Справа — ничего.

Прошло, как ему показалось, века полтора, и он увидел далеко под собой крошечный мерцающий огонек, висящий прямо в воздухе.

Изгиб стены, однако, продолжал искривлять его путь, и вскоре светлячок этот оказался уже под ним и чуть-чуть правее.

Еще один поворот тропы, и он замигал прямо по ходу.

Когда он проходил мимо ниши в стене, в которой таилось пламя, в мозгу у него вскричал неведомый голос:

— Освободи меня, хозяин, и я положу к твоим ногам весь мир!

Но он даже не замедлился, даже не взглянул на подобие лица, промелькнувшее внутри ниши.

В океане мрака, раскинувшемся у его ног, теперь

были видны и другие огоньки, с каждым шагом плавало их во тьме все больше и больше.

Колодец продолжал расширяться. Он наполнился сверкающими, мерцающими, словно пламя, огнями, но это не было пламя; наполнился формами, лицами, полузабытыми образами. И из каждого, когда он проходил мимо, поднимался крик:

— Освободи меня! Освободи меня!

Но он не останавливался.

Он спустился на дно колодца и пересек его, пробираясь между обломками камней и скал, перешагивая через змеящиеся в каменном полу трещины. Наконец он добрался до противоположной стены, перед которой плясало огромное оранжевое пламя.

При его приближении стало оно вишневым, а когда он остановился перед ним — синим, как сердцевина сапфира.

Вдвойне было оно выше, чем он; оно пульсировало, колебалось; иногда оттуда в его направлении вырывался язык пламени, но тут же втягивался назад, словно натыкаясь на невидимый барьер.

Спускаясь, он миновал уже бесчисленное множество огней, и однако он знал, что еще больше таится их в пещерах под дном колодца.

Каждый огонь, мимо которого проходил он по пути вниз, взывал к нему, пользуясь своими собственными средствами коммуникации, и в мозгу его назойливо бились одни и те же слова: запугивающие и умоляющие, обещающие все на свете. Но из этого, самого большого синего пламени не донеслось ни слова. Никакая форма не изгибалась, не вращалась, дразня лживыми посулами, в его ослепительной сердцевине.

Он зажег новый факел и воткнул его в расщелину между двух скал.

— Итак, Ненавистный, ты вернулся!

Слова падали на него, как удары плети. Взяв себя в руки, он взглянул прямо в синее пламя и спросил в ответ:

— Тебя зовут Тарака?

— Тому, кто заточил меня здесь, следовало бы знать, как меня зовут, — пришли в ответ слова. — Не думай, Сиддхартха, что коли ты носишь другое

тело, то можешь остаться неузнанным. Я смотрю прямо на потоки энергии, которые и составляют твое существо, а не на плоть, которая маскирует их.

— Ясно, — ответил тот.

— Ты пришел посмеяться надо мной в моем заточении?

— Разве смеялся я над тобой во дни Обуздания?

— Нет, ты не смеялся.

— Я сделал то, что должно было быть сделано для безопасности моего народа. Мало было людей, и слабы они были. Твоя же раса набросилась на них и их бы уничтожила.

— Ты украл у нас наш мир, Сиддхартха. Ты обуздал и приковал нас здесь. Какому новому унижению собираешься ты подвергнуть нас?

— Быть может, найдется способ кое-что возместить.

— Чего ты хочешь?

— Союзников.

— Ты хочешь, чтобы мы вступили на твоей стороне в борьбу?

— Именно.

— А когда все закончится, ты вновь попробуешь заточить нас?

— Нет, если до того нам удастся прийти к приемлемому соглашению.

— Назови свои условия, — сказало пламя.

— В былые дни твой народ разгуливал — видимый или невидимый — по улицам Небесного Града.

— Да, так оно и было.

— Теперь он укреплен значительно лучше.

— В чем это выражается?

— Вишну-Хранитель и Яма-Дхарма, Повелитель Смерти, покрыли все Небеса — а не только Град, как было в стародавние времена, — каким-то, как говорят, непроницаемым сводом.

— Непроницаемых сводов не бывает.

— Я повторяю только то, что слышал.

— В Град ведет много путей, Князь Сиддхартха.

— Отыщи мне их все.

— Это и будет ценой моей свободы?

— Твоей личной свободы — да.

— А для других из нас?

— В обмен на их свободу вы все должны согласиться помочь мне в осаде Града — и взять его.

— Освободи нас, и Небеса падут!

— Ты говоришь за всех?

— Я Тарака. Я говорю за всех.

— А какую гарантию ты, Тарака, дашь, что этот договор будет выполнен?

— Мое слово? Я был бы счастлив поклясться чем-либо, только назови.

— Готовность клясться чем угодно — не самое обнадеживающее качество, когда идет торговля. К тому же, твоя сила в любой сделке становится слабостью. Ты настолько силен, что не можешь гарантировать любой другой силе контроль над собой. Ты не веришь в богов, которыми мог бы поклясться. В чести у тебя только игорные долги, но у нас здесь для игры нет ни мотивов, ни возможностей.

— Но ты же обладаешь силой, способной контролировать нас.

— По отдельности — возможно. Но не всех сразу.

— Да, это и в самом деле сложная проблема, — сказал Тарака. — Я бы отдал за свободу все, что имею, но имею я только силу — чистую силу, по самой своей сути непередаваемую. Большая сила могла бы подчинить ее, но это не выход. Я и в самом деле не знаю, как дать тебе достаточные гарантии, что я выполню свои обещания. На твоем месте я бы ни за что не доверил мне.

— Да, налицо некая дилемма. Ладно, я освобожу тебя — тебя одного, — чтобы ты слетал на Полюс и разведал все, что касается защиты Небес. Я же в твое отсутствие еще поразмыслю над этой проблемой. Призадумайся и ты, и, может быть, когда ты вернешься, мы сумеем заключить взаимовыгодное соглашение.

— Согласен! Сними же с меня это проклятие!

— Узнай же мою мощь, Тарака, — сказал пришелец. — Коли я обуздал тебя, так могу и спустить — вот!

И пламя вскипело, выплеснулось от стены вперед. Оно скрутилось в огненный шар и принялось бешено кружить по колодцу, напоминая собой коме-

ту; оно пылало, как крохотное солнце, разгоняя вековечный мрак; оно беспрерывно меняло свой цвет, и скалы сверкали то жутко, то заманчиво.

Затем оно нависло над головой того, кого звали Сиддхартхой, обрушив на него пульсирующие слова:

— Ты не можешь себе представить, как приятно вновь ощущать свободу. Я хочу еще раз испытать твою мощь.

Человек внизу пожал плечами.

Огненный шар начал сжиматься. Хотя он и светился все ярче, было это не накопление сил, а, скорее, некое усыхание; он словно сморщился и медленно опустился на дно колодца.

Подрагивая, он остался лежать там, будто опавший лепесток некого титанического цветка; потом его начало медленно относить по полу в сторону, и в конце концов он опять очутился в своей прежней нише.

— Ты доволен? — спросил Сиддхартха.

— Да, — раздался после паузы ответ. — Не потускнела твоя сила, о Бич. Освободи меня еще раз.

— Я устал от этого спектакля, Тарака. Быть может, мне лучше уйти, оставив тебя, как ты есть, и поискать помощников где-либо еще?

— Нет! Я же дал тебе обещание! Что ты еще хочешь получить от меня?

— Я бы хотел заручиться твоим отказом от раздоров между нами. Либо ты будешь служить мне на таком условии, либо не будешь. Вот и все. Выбирай и храни верность своему выбору и своему слову.

— Хорошо. Отпусти меня, и я отправлюсь к ледяным горам, я наведаюсь в венчающий их Небесный Град, я выведаю слабые места Небес.

— Тогда отправляйся!

На этот раз пламя полыхнуло много медленнее. Оно раскачивалось перед ним и приобрело почти человеческие очертания.

— В чем твоя сила, Сиддхартха? Как тебе это удается? — спросило оно.

— Назови эту способность ума электролокацией энергии, — ответил тот. — Такая формулировка ничуть не хуже любой другой. Но как бы ты ее ни

назвал, не пытайся столкнуться с этой силой опять. Я могу убить тебя ею, хотя ни одно материальное оружие не может причинить тебе никакого вреда. А теперь — ступай!

Тарака исчез, как головешка в водах реки, и Сиддхартха остался стоять один, освещенный лишь огнем своего факела.

Он отдыхал, и мозг его наполнил лепет множества голосов — обещающих, искушающих, умоляющих. Перед глазами поплыли видения, исполненные роскоши и великолепия. Перед ним проходили восхитительнейшие гаремы, у ног его были накрыты пиршественные столы. Аромат мускуса, запах магнолии, голубоватый дымок курящихся благовоний проплывали, умасливая его душу, кружили вокруг него. Он прогуливался среди неземной красоты цветов, и светлоглазые девушки с улыбкой несли за ним кубки с вином; серебристым колокольчиком пел для него одинокий голос, гандхарвы и апсары танцевали на зеркальной глади соседнего озера.

— Освободи нас, освободи нас, — пели они.

Но он лишь улыбался, и смотрел, и ничего не делал.

Постепенно превращались мольбы, жалобы и обещания в хор проклятий и угроз. На него наступали вооруженные скелеты, на их сверкающие мечи были наколоты младенцы. Повсюду вокруг него разверзлись дыры жерл, извергавших омерзительно воняющий серой огонь. С ветки перед самым его лицом свесилась змея, с ее жала падали на него капли яда. На него обрушился ливень пауков и жаб.

— Освободи нас — или никогда не прекратятся твои муки! — кричали голоса.

— Если вы будете упорствовать, — заявил он, — Сиддхартха рассердится, и вы потеряете единственный шанс обрести свободу, который у вас еще остался.

И все замерло вокруг него, и, прогнав все мысли, он задремал.

Он еще дважды ел, потом еще раз спал; наконец вернулся Тарака, принявший форму хищной птицы с огромными острыми когтями, и начал докладывать.

— Мои сородичи могут проникнуть туда через вентиляционные отверстия, — сказал он, — но людям это не под силу. Кроме того, внутри горы проделано много шахт для лифтов. Если воспользоваться большими из них, множество народу может быть без труда доставлено наверх. Конечно, они охраняются. Но если перебить стражу и отключить сигнализацию, все это вполне выполнимо. Ну и кроме того, иногда в разных местах раскрывается сам купол свода, чтобы пропустить внутрь или наружу летательное судно.

— Очень хорошо, — сказал Сиддхартха. — У меня под рукой — в нескольких неделях пути отсюда — мое королевство. Уже много лет вместо меня правит там регент, но если я вернусь, то смогу собрать армию. По земле сейчас шествует новая религия. Люди уже не так богобоязненны, как когда-то.

— Ты хочешь разграбить Небеса?

— Да, я хочу предоставить их сокровища миру.

— Мне это нравится. Победить будет не легко, но с армией людей и с воинством моих сородичей способны мы будем на это. Освободи теперь мой народ, чтобы мы могли начать действовать.

— Похоже, что мне придется довериться тебе, — сказал Сиддхартха. — Ладно, давай начнем.

И он пересек дно Адова Колодца и вошел в первый уходящий глубоко вниз туннель.

В тот день шестидесяти пяти из них даровал он свободу, и наполнили они пещеры переливами цвета, движением, светом. Воздух звенел от громких криков радости, гудел от их полетов, когда они носились по Адову Колодезю, постоянно меняя форму и ликуя от ощущения свободы.

Вдруг один из них безо всякого предупреждения принял форму пернатого змея и ринулся на него, выставив вперед острые, как сабли, когти.

На миг он сконцентрировал на нем все свое внимание.

Змей издал короткий, тут же оборвавшийся вопль и рухнул в сторону, одевшись дождем бело-голубых искр.

Затем все поблекло, не осталось никаких следов происшедшего.

По пещерам разлилась тишина, огненные светляки пульсировали, прижавшись к стенам.

Сиддхартха сосредоточился на самом большом из них, Тараке.

— Он что, напал на меня, чтобы испытать мою силу? — спросил он. — Чтобы узнать, могу ли я и в самом деле убивать, как я про то тебе сказал?

Тарака приблизился, завис перед ним.

— Не по моему приказанию напал он на тебя, — заявил он. — Мне кажется, что он наполовину сошел с ума от своего заключения.

Сиддхартха пожал плечами.

— Ну а теперь на время располагай собой, как пожелаешь, — сказал он. — Я отдохну после сегодняшней работы.

И он отправился обратно, на дно колодца, где улегся, завернувшись в одеяло, и заснул.

И пришел сон.

Он бежал.

Перед ним распростерлась его тень, и чем дальше он бежал, тем больше она становилась.

Она росла до тех пор, пока стала уже не тенью, а каким-то гротескным контуром.

Вдруг он понял, что просто-напросто его тень оказалась целиком покрыта тенью его преследователя: покрыта, поглощена, затенена, покорена.

И тут на какой-то миг его охватила чудовищная паника, там, на безликой равнине, по которой он убегал.

Он знал, что теперь это была уже его собственная тень.

Проклятие, которое преследовало его, уже не скрывалось у него за спиной.

Он знал, что сам стал своим собственным проклятием.

И узнав, что ему наконец удалось догнать себя, он громко рассмеялся, хотя хотелось ему скорее взвыть.

Когда он проснулся, он куда-то шел.

Он шел по закрученной в спираль тропе, лепившейся к стене Адова Колодезя.

И по ходу дела оставлял он позади полоненные огни.

И снова каждый из них кричал ему, когда он проходил мимо:

— Освободите нас!

И медленно начали подтаивать ледяные грани его рассудка.

Освободите.

Множественное число. Не единственное.

Так они не говорили.

И он понял, что идет не один.

И ни одной из пляшущих, мерцающих форм не было рядом с ним.

Те, кто были в заточении, там и оставались. Освобожденные им куда-то делись.

И он карабкался вверх по высокой стене колодца, и факел не освещал ему дорогу, и, однако, он видел ее.

Он видел каждую деталь каменистой тропы, словно выбеленной лунным светом.

И он знал, что глаза его не способны на подобный подвиг.

И к нему обращались во множественном числе.

И тело его двигалось, хотя он ему этого и не велел.

Он попытался остановиться, замереть.

Он по-прежнему шел по тропе, и губы его зашевелились, складывая звуки в слова.

— Ты, как я погляжу, проснулся. Доброе утро.

На вопрос, который тут же возник у него в мозгу, незамедлительно ответил его собственный рот.

— Да; ну и как ты себя чувствуешь, когда обуздали уже тебя самого — и внутри собственного тела? Каково испытать на себе бич демонов?

Сиддхартха сформулировал еще одну мысль:

— Я не думал, что кто-нибудь из вашего племени способен приобрести контроль надо мной против моей воли — даже и во сне.

— Честно признаться, — был ответ, — я тоже. Но с другой стороны, я имел в своем распоряжении

объединенные силы многих из нас. Казалось, что стоит попробовать.

— А что с другими? Где они?

— Ушли. Пространствовать по свету, пока я не призову их.

— Ну а те, которые остались обузданными? Если ты подождешь, я мог бы освободить и их.

— Какое мне до них дело? Я-то теперь свободен и снова при теле! На остальное наплевать!

— Значит, как я понимаю, твое обещание помощи ничего не стоит?

— Не совсем, — ответил демон. — Мы вернемся к этому, ну, скажем, через если не белый, то желтый месяц. Мне твоя идея весьма по душе. Чувствую, что война с богами окажется замечательным развлечением. Но сначала я хочу насладиться плотскими радостями. Неужели ты поскупишься на небольшое развлечение для меня — после веков скуки в тюрьме, в которую ты же меня и засадил?

— Поскуплюсь я на такое использование моей личности.

— Как бы там ни было, придется тебе на время с этим примириться. К тому же у тебя будет возможность насладиться тем, чем наслаждаюсь я, так почему бы тебе спокойно не воспользоваться этим?

— Так ты утверждаешь, что намерен-таки воевать против богов?

— Да, в самом деле. Жалко, я сам не додумался до этого в стародавние времена. Быть может, мы бы тогда избежали обуздания. Может быть, в этом мире не было бы больше богов и людей. Мы же никогда не склонялись к согласованным действиям. Независимость духа для нас естественный спутник личной независимости. Каждый сражался сам за себя в общем столкновении с человечеством. Я вождь — да, это так, но лишь потому, что я старше, сильнее и мудрее остальных. Они приходят ко мне за советом, они служат мне, когда я им прикажу. Но я никогда не отдавал им приказов в битве. Ну а теперь — позже — буду. Новшество очень хорошо поможет против заунывной монотонности.

— Советую тебе не ждать, ибо никакого «позже» не будет, Тарака.

— Почему же?

— Когда я шел к Адову Колодезю, гнев богов носился в воздухе, клубился у меня за спиной. Теперь в мире затерялось шеетьдесят шесть демонов. Очень скоро почувствуют боги ваше присутствие. Они сразу поймут, кто это сделал, и предпримут против нас определенные шаги. Элемент неожиданности будет потерян.

— Бились мы с богами в былые дни...

— Но это уже не былые дни, Тарака. Боги теперь сильнее, намного сильнее. Долго был ты обуздан, и все эти века возрастала их мощь. Даже если ты впервые в истории поведешь в битву настоящую армию ракшасов, а я поддержу тебя могучей армией людей, даже и тогда не будет никакой уверенности в том, кто победит. И если ты сейчас промедлишь, то упустишь свои шансы.

— Мне не нравится, когда ты говоришь со мной об этом, Сиддхартха, ибо ты беспокоишь меня.

— К этому я и стремлюсь. Пусть ты и могуч, но когда ты встретишь Красного, он выпьет из тебя глазами всю твою жизнь. И он придет сюда, к Ратнагари, ибо он преследует меня. Появившиеся на свободе демоны — указка, подсказывающая ему, куда идти. И он может привести с собой и других. Тогда может статься, что даже все вы не окажетесь для них достойным соперником.

Демон не отвечал. Они уже вылезли из колодца, и Тарака, отмерив последние две сотни шагов, добрался наконец до огромной двери, которая теперь была распахнута настежь. Он выбрался на наружную площадку, поглядел с нее вниз.

— Ты сомневаешься в могуществе ракшасов, Бич? — спросил он. — Смотри же!

И он шагнул с площадки.

Они не упали.

Они поплыли, как те листья, что он бросил вниз — давно ли?

Вниз.

Они приземлились прямо на тропинку, преодолев по воздуху полпути вниз, с горы, называемой Чанна.

— Я не только укротил твою нервную систему, — объявил Тарака, — но и пропитал все твое тело, окутал его энергией самого своего бытия. Так что присылай ко мне этого Красного, который выпивает жизнь глазами. Я с удовольствием встречусь с ним.

— Хоть ты и можешь разгуливать по воздуху, — ответил Сиддхартха, — говоришь ты вещи весьма опрометчивые.

— Недалеко отсюда, в Паламайдзу, находится двор Князя Видегхи, — сказал Тарака, — я присмотрелся к нему на обратном пути с Небес. Как я понял, он обожает игру. Стало быть, туда и держим путь-дорогу.

— А если поиграть явится и Бог Смерти?

— И пусть! — вскричал Тарака. — Ты перестал забавлять меня, Бич. Спокойной ночи. Спи дальше!

И на него опустилась легкая, как вуаль, темнота и гнетущая, словно свинцовая, тишина; первая из них сгущалась, вторая рассеивалась.

От следующих дней остались лишь яркие фрагменты.

До него доходили обрывки разговоров или песен, красочные виды галерей, комнат, садов. А однажды он заглянул в подземный застенок, где на дыбе корчились люди, и услышал собственный смех.

А между этими видениями его посещали сны, подчас смыкающиеся с явью. Их освещало пламя, их омывали слезы и кровь. В полутемном бескрайнем соборе он бросал кости, и были это светила и планеты. Метеоры высекали пламя у него над головой, кометы вычерчивали пылающие дуги на черном стекле свода. К нему сквозь страх пробилась вдруг вспышка радости, и он знал, что хотя эта радость в основном принадлежала не ему, была в ней и его частичка. Ну а страх, тот весь был его.

Когда Тарака выпивал слишком много вина или валялся, запыхавшись, на своем широком и низком ложе в гареме, его хватка, тиски, которыми он сжимал украденное тело, слабела. Но слаб еще был и Сиддхартха, разум его не оправился от ушиба, контузии, а тело было либо пьяным, либо обессилен-

ным; и он знал, что не пришло ещё время оспорить владычество повелителя демонов.

Иногда видел он все вокруг не глазами того тела, которое было когда-то его собственностью, а зрением демона, направленным сразу во все стороны; сдирал он тогда своим взглядом со всех, с кем встречался, и кожу, и кости, прозревая под ними огонь истинной их сущности, то расцвеченный переливами и тенями их страстей, то мерцающий от жадности, похоти или зависти, то стремительно мечущийся между жаждой и жадностью, то тлеющий подспудной ненавистью, то угасающий со страхом и болью. Адом ему стало это многоцветие; лишь иногда смягчался он как-то либо холодным голубым сиянием интеллекта ученого, либо белым светом умирающего монаха, либо розовым ореолом хоронящейся от его взгляда знатной дамы, либо, наконец, пляшущими простенькими цветами играющих детишек.

Он прохаживался по залам с высокими потолками и по широким галереям королевского дворца в Паламайдзу, его законного выигрыша. Князь Видегха был брошен в цепях в свой собственный застенок. И никто из его подданных по всему королевству не подозревал, что на трон его воссел ныне демон. Все, казалось, шло своим чередом. Сиддхартхе привиделось, как он проезжает на спине у слона по улицам города. Всем женщинам в городе велено было стоять у дверей своих жилищ, и он выбирал среди них тех, которые приходились ему по душе, и забирал их в свой гарем. Содрогнувшись от неожиданности, поймал себя Сиддхартха на том, что участвует в этих смотринах, подчас оспаривая, подчас обсуждая с Таракой достоинства и недостатки той или иной матроны, девушки или дамы. Добралось и до него вожделение Тараки и стало его собственным. С осознанием этого факта вступил он на новую ступень пробуждения, и теперь не всегда рука именно демона подносила к губам его рог с вином или поигрывала кнутом в застенках. Все дольше и дольше оставался он в сознании и с некоторым ужасом начинал понимать, что внутри него самого, как и внутри каждого человека, сокрыт демон, способный отозваться на зов своих собратьев.

И вот однажды восстал он наконец против силы, управлявшей его телом и подчинившей его разум. Он уже вполне оправился и делил с Таракой все его труды и дни, постоянно был с ним — и как безмолвный наблюдатель, и как активный участник.

Они стояли на балконе, выходящем в сад, и смотрели, как набирает силу день. Тарака захотел — и тут же все цветы в саду изменили свой цвет, теперь в саду царил черный цвет — ни пятнышка красного, синего или желтого. Напоминающие ящериц твари закопошились, зашевелились в прудах и на деревьях, зашуршали и заквакали в черноте теней. Густые, приторные запахи благовоний насытили воздух, по земле, как змеи, извивались струйки черного дымка.

На жизнь его покушались уже трижды. Последним попытку предпринял капитан дворцовой гвардии. Но его меч превратился прямо у него в руке в рептилию, и та впилась ему в лицо, вырвала ему глаза, напоила его жилы ядом, от которого весь он почернел и распух; умер он в страшных мучениях, умоляя о глотке воды.

Сиддхартха глядел на деяния демона и вдруг ударил.

Медленно возвращалась к нему та сила, которой в последний раз пользовался он в Адовом Колодезе. Странным образом оторванная от мозга его тела, объяснение чему дал ему когда-то Яма, сила эта медленно вращалась, как цевочное колесо, в самом центре пространства, которым он был.

Теперь оно раскрутилось и вращалось стремительнее, он напрягся и швырнул его против силы другого.

Крик вырвался у Тараки, и ответный удар чистой энергии, словно копье, обрушился на Сиддхартху.

Частично ему удалось подстроиться под удар, даже присвоить, вобрать в себя часть его энергии. Но главный стержень удара все же задел его существо, и все внутри него обратилось в боль и хаос.

Ни на миг, однако, не отвлекаясь, он ударил снова, как копьеносец погружает свое копье в чернеющее жерло норы страшного зверя.

Опять услышал он, как с губ его срывается крик.

Тогда воздвиг демон против его силы черные стены.

Но рушились они одна за другой под его напором. И, сражаясь, они разговаривали.

— Человек о многих телах, — говорил Тарака, — почему скаредничаешь ты, почему тебе жалко, чтобы провел я в этом теле всего несколько дней? Ты же сам не родился в нем, ты тоже всего лишь позаимствовал его на время. Почему же тогда осквернением считаешь ты мое прикосновение? Рано или поздно сменишь ты это тело, обретешь другое, мною не тронутое. Так почто смотришь ты на мое присутствие как на недуг или скверну? Не потому ли, что есть в тебе нечто, подобное мне? Не потому ли, что ведомо тебе и наслаждение, которое обретаешь, смакуя на манер ракшасов причиняемую тобой боль, налагая по собственному выбору свою волю на все, что только ни подскажут твои причуды? Не из-за этого ли? Ведь познал и ты — и теперь желаешь — все это, но сгибаешься ты к тому же под бременем отягчающего род людской проклятия, называемого виной. Если так, я смеюсь над твоей слабостью, Бич. И опять покорю я тебя.

— Таков уж я, демон, и ничего тут не попишешь, — сказал Сэм, вкладывая всю имеющуюся энергию в очередной свой удар. — Просто я взыскую подчас чего-то помимо радостей чрева и фаллоса. Я не святой, как думают обо мне буддисты, и я не легендарный герой. Я человек, который познал немало страха и который чувствует подчас свою вину. Но в первую очередь, однако, я — человек, твердо намеревающийся кое-что совершить, ну а ты стоишь у меня на дороге. И унаследуешь ты посему бремя моего проклятия; выиграю я или проиграю, ныне, Тарака, твоя судьба уже изменилась. Вот проклятие Будды: никогда больше не станешь ты таким, как был когда-то.

И простояли они весь день на балконе в пропитанных потом одеждах. Как статуя, стояли они до тех пор, пока не спустилось солнце с неба и не разделила пополам золотая дорожка темный котел ночи. Луна всплыла над садовой оградой. Потом вторая.

— Каково проклятие Будды? — раз за разом вопрошал Тарака.

Но Сиддхартха не отвечал.

Рухнула под его напором и последняя стена, и фехтовали они теперь потоками энергии, словно ливнями ослепительных стрел.

Из отдаленного Храма доносилась бесконечно повторяющаяся фраза барабана, в саду изредка всквакивала какая-то тварь, кричала птица, иногда опускался на них рой мошкары, кормился и уносился прочь.

И тогда, как звездный ливень, пришли они, оседлав ночной ветер... Освобожденные из Адова Колодезя, остальные демоны, затерявшиеся в мире.

Они явились в ответ на призыв Тараки, явились поддержать своими силами его мощь.

И обернулся он водоворотом, воронкой, приливной волной, смерчем молний.

Сиддхартха почувствовал, как его сметает титаническая лавина, раздавливает, плющит, хоронит.

Последнее, что он осознал, был вырывающийся у него из груди смех.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем начал он приходить в себя. На сей раз происходило это медленно, и очнулся он во дворце, где ему прислуживали демоны.

Когда спали последние путы анестезирующей умственной усталости, странным и причудливым предстало все вокруг него.

Длились гротесковые пирушки. Вечеринки обычно проходили в застенках, где демоны одушевляли, оживляли тела и вселялись в них, чтобы преследовать свои жертвы. Повсюду творились темные чудеса, прямо из мраморных плит тронного зала, например, выросла роща кривых, искореженных деревьев, роща, в которой люди спали не просыпаясь, вскрикивая, когда один кошмар сменялся другим. Но поселилась во дворце и иная странность.

Случилось что-то с Таракой.

— Каково проклятие Будды? — вновь вопросил он, как только почувствовал присутствие Сиддхартхи.

Но не ответил ему на это Сиддхартха.

Тот продолжал:

— Чувствую, что уже скоро верну я тебе твое тело. Я устал от всего этого, от этого дворца. Да, я устал, и, думаю, недалек уже, быть может, тот день, когда мы пойдем войной на Небеса. Что ты скажешь на это, Бич? Я, как и обещал, сдержу свое слово.

Сиддхартха не ответил ему.

— С каждым днем иссякает, сходит на нет мое удовольствие! Не знаешь ли ты почему, Сиддхартха? Не можешь ли ты сказать, почему приходит ко мне странное чувство, и иссушает оно мою радость от самых сильных ощущений, притупляет наслаждения, ослабляет меня, повергает в уныние, когда должен я ликовать, когда должен переполняться радостью? Не это ли — проклятие Будды?

— Да, — сказал Сиддхартха.

— Тогда сними с меня, Бич, свое проклятие, и я уйду в тот же день и верну тебе эту плотскую личину. Затосковал я по холодным, чистым ветрам поднебесья! Освободи же меня прямо сейчас!

— Слишком поздно, о владыка ракшасов. Ты сам навлек все это на себя.

— Что это? Чем обуздал ты меня на этот раз?

— Не припоминаешь ли ты, как, когда боролись мы на балконе, насмехался ты надо мною? Ты сказал, что я тоже нахожу удовольствие в том, как сеешь ты боль и муки. Ты был прав, ибо каждый человек несет в себе и темное, и светлое. Во многих отношениях разделен человек на части, слит из крайностей; он не то чистое, ясное пламя, каким был ты когда-то. Интеллект его часто воюет с эмоциями, воля — с желаниями... идеалы его не в ладах с окружающей действительностью; если он следует им, то в полной мере суждено познать ему утрату старых грез, а если не следует — причинит ему муки отказ от мечты — новой и благородной. Что бы он ни делал, все для него и находка, и утрата; и прибыль, и убыль. Всегда оплакивает он ушедшее и боится того, что таит в себе новое. Рассудок противится традиции. Эмоции противятся ограничениям, которые накладывают на него его собратья. И всегда из возникающего в нем трения рождается хищное

пламя, которое высмеивал ты под именем проклятия рода людского, — вина!

— Так знай же, что, когда пребывали мы с тобою в одном и том же теле и шел я невольно твоим путем, — а иногда и вольно, — не был путь этот дорогой с односторонним движением. Как ты склонил мою волю к своим деяниям, так, в свою очередь, и твою волю исказило, изменило мое отвращение к некоторым твоим поступкам. Ты выучился тому, что называется виной, и отныне всегда она будет отбрасывать тень на твои услады. Вот почему надломилось твое наслаждение. Вот почему стремишься ты прочь. Но не принесет это тебе добра. Она последует за тобой через весь мир. Она вознесется с тобой в царство чистых, холодных ветров. Она будет преследовать тебя повсюду. Вот оно, проклятие Будды.

Тарака закрыл лицо руками.

— Так вот что такое — рыдать, — вымолвил наконец он.

Сиддхартха не ответил.

— Будь ты проклят, Сиддхартха, — сказал Тарака. — Ты сковал меня снова, и тюрьма моя теперь еще ужаснее Адова Колодезя.

— Ты сам сковал себя. Ты нарушил наше соглашение. Не я.

— Человеку на роду написано страдать от расторжения договоров с демонами, — промолвил Тарака, — но никогда еще ракшас не пострадал от этого.

Сиддхартха не ответил.

На следующее утро, когда он завтракал, кто-то забарабанил в дверь его покоев.

— Кто посмел? — вскричал он, и в этот миг дверь, выворотив петли из стены, рухнула внутрь покоев, засов переломился, как сухая тростинка.

В комнату ввалился ракшас: увенчанная рогами тигриная голова на плечах здоровенной обезьяны, огромные копыта на ногах, когти на руках; он рухнул на пол, на миг стал прозрачным, извергнув при этом изо рта струйку дыма, опять обрел видимую материальность, вновь поблек, снова появился. С его когтей капала какая-то непохожая на кровь жидкость, а поперек груди красовался огромный

ожог. Воздух наполнился запахом паленой шерсти и обуглившейся плоти.

— Господин! — крикнул он. — Пришел чужак и просит встречи с тобой!

— И ты не сумел его убедить, что мне не до него?

— Владыка, на него набросилась дюжина человек, твоя стража, а он... Он взмахнул на них рукой, и столь яркой была вспышка света, что даже ракшас не сумел бы взглянуть на нее. Один только миг — и все они исчезли, будто их никогда и не было... А в стене за ними осталась большая дыра... Никаких обломков, просто аккуратная, ровная дыра.

— И тогда ты набросился на него?

— Много ракшасов бросилось на него — но было что-то, что нас оттолкнуло. Он опять взмахнул рукой, и уже трое наших исчезли во вспышке, посланной им... Я был лишь задет ею. И он послал меня передать тебе послание... Я больше не могу держаться.

И с этим он исчез, а над тем местом, где секунду назад лежало тело, повис огненный шар. Теперь слова его раздавались прямо в мозгу.

— Он велит тебе без отлагательств выйти к нему. Иначе обещает разрушить весь этот дворец.

— А те трое, которых он сжег, они тоже вернулись в обычную свою форму?

— Нет, — ответил ракшас. — Их больше нет...

— Опиши чужака! — приказал Сиддхартха, выдавливая слова из собственного рта.

— Он очень высок ростом, — начал демон, — носит черные брюки и сапоги. А выше одет очень странно. Что-то вроде цельной белой перчатки — только на правой руке, — и идет она до самого плеча, дальше пересекает грудь, а сзади облегает шею и обтягивает туго и гладко всю голову. А лица видна только нижняя часть: на глазах у него большие черные линзы, они выдаются вперед почти на ладонь. К поясу прицеплены короткие ножны из того же белого материала, что и перчатка, но в них вместо кинжала держит он небольшой жезл. Под тканью, там, где она обтягивает его плечи и затылок, виднеется какой-то бугор, словно он носит крохотный ранец.

— Бог Агни! — воскликнул Сиддхартха. — Ты описал бога огня!

— А, может быть и так, — сказал ракшас. — Ибо когда я заглянул под его плоть, чтобы увидеть цвета истинного его существа, я едва не ослеп от блеска, будто оказался в самом центре солнца. Ежели существует бог огня, то это действительно он.

— Ну вот нам и пора бежать, — сказал Сиддхартха, — ибо здесь вскорости разгорится грандиозный пожар. Мы не можем бороться с ним, так что давай поспешать!

— Я не боюсь богов, — заявил Тарака, — а на этом я хочу испытать свои силы.

— Ты не можешь превзойти Владыку Пламени, — возразил Сиддхартха. — Его огненный жезл непобедим. Ему дал его бог смерти.

— Придется отнять у него этот жезл и обратить его против него самого.

— Никто не может носить его, не ослепнув и не потеряв при этом руки! Вот почему он так странно одет. Не будем же терять времени!

— Я должен посмотреть сам, — заявил Тарака. — Должен.

— Уж не заставляет ли тебя твоя вновь обретенная вина флиртовать с самоуничтожением?

— Вина? — переспросил Тарака. — Эта тщедушная, гложущая мозг крыса, которой ты меня заразил? Нет, это не вина, Бич. Просто с тех пор, как я был — не считая тебя — высшим, в мире возросли новые силы. В былые дни боги были слабее, и если они и в самом деле выросли в силе, то силу эту надо испробовать — мне самому! В самой моей природе, каковая — сила, заложено бороться с каждой иной, особенно новой, силой и либо восторжествовать над ней, либо ей подчиниться. Я должен испытать мощь Бога Агни, чтобы победить его.

— Но нас же в этом теле двое!

— Это правда... Обещаю тебе, что если это тело будет уничтожено, я унесу тебя с собой прочь. И я уже усилил огонь твоей натуры по обычаю своего племени. Если это тело умрет, ты будешь продолжать жить в качестве ракшаса. Наш народ тоже облачен был когда-то в тела, и я помню искусство освобож-

дения внутреннего огня от тела. Я уже сделал это с тобой, так что не бойся.

— И на том спасибо.

— Ну а теперь заглянем в лицо огню — и потушим его!

И покинув королевские покои, они спустились вниз. Далеко внизу, заточенный в собственный каземат, Князь Видегха застонал во сне.

Они вошли через дверь, скрываемую драпировкой позади трона. Раздвинув складки материи, они увидели, что если не считать спящих под сенью темной рощи, зал был пуст, только в самом его центре, скрестив на груди руки, стоял человек; обтянутые белой материей пальцы его правой руки сжимали серебряный жезл.

— Видишь, как он стоит? — сказал Сиддхартха. — Он всецело полагается на свою силу, и он прав. Это Агни, один из локапал. Он может разглядеть все, до самого края горизонта, что только не заслонено от него; разглядеть так же хорошо, как предметы на расстоянии вытянутой руки. И он способен дотянуться до всего, что видит. Говорят, что однажды ночью он собственноручно пометил своим жезлом луны. Стоит ему только прикоснуться рукояткой жезла к контакту, вмонтированному в его перчатку, — и ринется наружу Всеприсущее Пламя, плеснет вперед с ослепительным блеском, уничтожая материю и рассеивая энергию, которых угораздит оказаться на его пути. Еще не поздно отступить.

— Агни! — услышал он крик рта своего. — Ты домогался приема от здешнего правителя?

Черные линзы обернулись к нему, губы Агни растянулись в улыбке, исчезнувшей, как только он заговорил.

— Я так и знал, что найду тебя здесь, — сказал он гнусавым и пронзительным голосом. — Вся эта святость достала тебя, и ты не мог не сорваться. Как тебя теперь называть — Сиддхартха, Татхагата или Махасаматман — или же просто Сэм?

— Глупец, — было ему ответом. — Тот, кого знал ты под именем Бича Демонов — под всеми и каждым из имен, тобою перечисленных, — обуздан ныне

сам. Тебе выпала честь обращаться к Тараке, вождю ракшасов, Властителю Адова Колодезя.

Раздался щелчок, и линзы стали красными.

— Да, теперь я вижу, ты говоришь правду, — отвечал Агни. — Налицо случай демонической одержимости. Интересно и поучительно. И слегка, к тому же, запутано.

Он пожал плечами.

— Мне, впрочем, все равно, что уничтожить одного, что двоих.

— Ты так думаешь? — спросил Тарака, поднимая перед собой руки.

В ответ его жесту раздался грохот, мгновенно вырос из пола черный лес, поглотил стоящую фигуру, оплел ее корчащимися, словно от боли, ветвями и сучьями. Грохот не умолкал, и пол у них под ногами подался на несколько дюймов. Сверху послышался скрип и треск ломающегося камня, посыпались пыль и песок.

Но ослепительно полыхнула вспышка света, и исчезли все деревья, оставив по себе лишь низенькие пеньки да черные пятна гари на полу.

Затрещал и с оглушительным грохотом рухнул потолок.

Отступая через ту же дверь позади трона, они увидели, как по-прежнему стоявшая в центре зала фигура подняла над головой свой жезл и описала им едва заметный круг.

Вверх вознесся конус ослепительного сияния, и все, на что он натыкался, тут же исчезало. На губах Агни по-прежнему играла улыбка, когда вокруг него валились огромные камни — но не слишком к нему близко.

Грохот не смолкал, трещал пол, покачнулись стены.

Они захлопнули за собой дверь, и у Сэма закружилась голова, когда окно, еще миг тому назад маячившее в самом конце коридора, промелькнуло мимо него.

Они неслись вверх и прочь, сквозь поднебесье, и тело его было переполнено, в нем что-то пузырилось, что-то его покалывало, словно весь он состоял из

жидкости, сквозь которую пропустили электрический ток.

Своим демоническим зрением он видел сразу все вокруг и, в частности, Паламайдзу, уже столь далекий, что его вполне можно было взять в рамку и повесить в качестве картины на стену. На высоком холме в самом центре города рушился дворец Видегхи, и огромные вспышки, словно зеркально отраженные молнии, били из руин в небо.

— Вот тебе и ответ, Тарака, — сказал он. — Не вернуться ли нам назад и испытать еще раз его силу?

— Я должен был разобраться, — ответил демон.

— Позволь мне предостеречь тебя еще раз. Я не шутил, когда сказал, что видит он все до самого горизонта. Если он высвободится из-под всех этих обломков достаточно быстро и обратит свой взор в нашу сторону, он нас засечет. Я не думаю, что ты можешь двигаться быстрее света, так что давай полетим пониже, используя неровности рельефа в качестве прикрытия.

— Я сделаю нас невидимыми, Сэм.

— Глаза Агни видят далеко за пределами и красной, и фиолетовой оконечностей доступного человеку спектра.

И тогда они быстро снизились. Сэм успел еще заметить, что все, что осталось от дворца Видегхи в далеком уже Паламайдзу, — это клубящееся над серыми склонами холма облако пыли.

Как смерч, неслись они на север, дальше и дальше, пока не раскинулась наконец под ними цепь Ратнагари. Они подлетели к горе, именуемой Чанна, скользнули мимо ее вершины и приземлились на ровной площадке у настежь распахнутых дверей в Адов Колодезь.

Они вошли туда и захлопнули за собой дверь.

— Будет погоня, — заметил Сэм, — и даже Адов Колодезь не устоит против нее.

— До чего они уверены в своих силах, — подивился Тарака, — прислать всего одного!

— Тебе кажется, что доверие неоправданно?

— Нет, — сказал Тарака. — Ну а этот Красный,

о котором ты говорил, тот, что выпивает глазами жизнь? Разве ты не считал, что они пошлют Великого Яму, а не Агни?

— Да, — согласился Сэм, пока они спускались к колодцу. — Я был уверен, что он последует за мной, да и сейчас еще думаю, что так он и сделает. Когда я виделся с ним в последний раз, причинил я ему кой-какое беспокойство. Чувствую, что он повсюду меня выслеживает. Кто знает, может быть, как раз сейчас он лежит в засаде на дне самого Адова Колодезя.

Они дошли до колодца и ступили на тропу.

— Внутри он тебя не поджидает, — заверил Тарака. — Мне бы сразу же сообщил кто-нибудь из все еще скованных, если бы этим путем прошел кто-то помимо ракшасов.

— Придет еще, — ответил Сэм, — и когда он, Красный, явится в Адов Колодезь, его будет не остановить.

— Но попытаются это сделать многие, — заявил Тарака. — И вот первый из них.

Стали видны языки пламени, пылающего в нише рядом с тропой.

Проходя мимо, Сэм освободил его, оно взлетело, как ярко раскрашенная птица, и по спирали спустилось в колодец.

Шаг за шагом спускались они, и из каждой ниши вырывался на волю огонь и уплывал прочь. По приказу Тараки некоторые из них поднимались к горловине колодца и исчезали за мощной дверью, на внешней стороне которой были вычеканены слова богов.

Когда они добрались до дна колодца, Тарака сказал:

— Давай освободим и запертых в пещерах.

И они отправились в путь по глубинным переходам, освобождая пленников потайных каменных мешков.

И шло время, и он потерял ему счет, как потерял счет и освобожденным демонам, и наконец все они оказались на воле.

Ракшасы собрались на дне колодца и, выстроившись одной огромной фалангой, слили свои крики в

единую ровную звенящую ноту, которая перекатывалась и билась у него в голове, пока он наконец не понял, вздрогнув от своей мысли, что они поют.

— Да, — сказал Тарака, — и впервые за целые века делают они это.

Сэм вслушивался в звучавшие внутри его черепа звуки, вылавливал фрагменты смысла из-под вспышек и свиста, и наполнявшие их пение чувства отливались в слова и строки, значение которых находило отзвук и в его собственном разумении.

Мы пали с небес
В Адов Колодезь
От руки человека,
Забудь его имя!

Мир этот был нашим
До человека,
Станет он нашим
Вновь без богов.

Горы падут, высохнет
Море, луны исчезнут.
Мост Богов рухнет,
Прервется дыханье.

Но мы будем ждать.
Когда падут боги,
Когда падут люди,
Восстанем мы снова.

Сэм содрогнулся, послушав, как вновь и вновь повторяли они на разные лады этот напев, перечисляя свои канувшие в лету триумфы и подвиги, без остатка доверяя своей способности претерпеть, переждать любые обстоятельства, встретить любую силу приемом космического дзюдо — толкнув-потянув и выждав, чтобы понаблюдать, как их недруги обращают свою силу на самих себя и исчезают. В этот миг он почти верил, что правдой обернется их песня, что когда-нибудь одни ракшасы будут пролетать над обезображенным оспинами ландшафтом мертвого мира.

Затем он подумал о другом и сумел вытеснить из своего рассудка и мелодию, и жутковатое настроение. Но в следующие дни, а иногда даже и годами

позже, возвращалось оно к нему, отравляя его усилия, насмехаясь над радостями, заставляя сомневаться, признавать свою вину, печалиться — и тем самым преисполняться смирения.

Спустя некоторое время вернулся на дно колодца один из ракшасов, посланных ранее на разведку. Он повис в воздухе и начал отчитываться об увиденном. Пока он говорил, огонь его перетек в некое подобие Т-образного креста.

— Это форма той колесницы, — пояснил он, — которая просверкнула по небу и упала, остановившись в долине позади южного острога.

— Бич, ведомо ли тебе это судно? — спросил Тарака.

— Я слышал ее описание, — ответил Сэм. — Это громовая колесница Великого Шивы.

— Опиши ее седока, — велел демону Тарака.

— Их четверо, Господин.

— Четверо?

— Да. Первый из них — тот, кого ты называл Агни, Богом Огня. Рядом с ним воин, вороненый шлем которого венчают бычьи рога; доспехи его по виду напоминают старинную бронзу, но отнюдь не из бронзы они; сработаны они словно из множества змей и ничуть не отягчают его движений. В руке держит он поблескивающий трезубец, и нет у него щита.

— Это Шива, — вмешался Сэм.

— Дальше идет еще один, облаченный во все красное, и мрачен его взгляд. Он не разговаривает, но время от времени взгляд его падает на женщину, что идет рядом, слева от него. Светла она и лицом, и волосами; латы ее поспорят цветом с его одеждами. Глаза ее — как море, и часто раздвигает улыбка ее губы, алые, как человеческая кровь. На грудь ей свисает ожерелье из черепов. Вооружена она луком и коротким мечом, а в руке держит странный инструмент, что-то вроде черного скипетра, кончающегося серебряным черепом, вставленным внутрь колеса.

— Эти двое — Яма и Кали, — сказал Сэм. — А теперь послушай меня, Тарака, могущественнейший среди ракшасов, и я расскажу тебе, кто выступает

против нас. Силу Агни ты уже вполне изведал, о Яме я тебе говорил раньше. Ну а та, кто идет рука об руку с ним, тоже способна выпивать взглядом жизнь. Ее скипетр вопит под стать трубам, возвещающим конец Юги, и всякий, кто попадет под его вой, впадает в уныние и помрачается сознанием. Ее должно опасаться не менее ее спутника, а тот ведь и безжалостен, и непобедим. Ну а обладатель трезубца — это сам Бог Разрушения. Конечно, Яма — Царь Мертвых, Агни — Бог Огня, но сила Шивы превыше, это сила самого хаоса. Она отщепляет атом от атома, рушит форму любого предмета, на который обращен его трезубец. Против этой четверки не могут выстоять все силы Адова Колодезя. Давай же скорее покинем это место, ведь они наверняка именно сюда и направляются.

— Разве я не обещал тебе, Бич, — промолвил в ответ Тарака, — что помогу тебе в битве с богами?

— Да, но я-то говорил о внезапном нападении. Эти же приняли свои Облики и обрели Атрибуты. Если бы они так решили, им бы даже не пришлось приземляться, они могли просто уничтожить с воздуха всю Чанну целиком — и сейчас бы на ее месте, здесь, в самом центре Ратнагари, зиял бездонный кратер. Мы должны бежать, чтобы сразиться с ними позже.

— Ты помнишь проклятие Будды? — спросил Тарака. — Помнишь, как ты обучил меня вине, Сиддхартха? Я-то помню, и я чувствую, что задолжал, что должен вернуть тебе сейчас победу. Я должен тебе за твои муки и отдам в качестве платы этих богов.

— Нет! Если ты хочешь услужить мне, сделай это когда-нибудь потом! А сейчас унеси меня отсюда — побыстрее и подальше!

— Ты что, боишься встретиться с ними, Князь Сиддхартха?

— Да, да, боюсь. Ибо это — безрассудная дерзость! «Мы подождем, мы будем ждать, восстанем мы снова!» — так вы пели? Куда же подевалось терпение ракшасов? Вы говорите, что будете ждать, пока высохнут моря и сравняются горы, пока с небес не исчезнут луны, — и вы не можете подождать,

пока я не назову время и место решающей битвы! Я знаю их, этих богов, не в пример лучше вас, ибо однажды был одним из них. Не горячись сейчас. Если ты хочешь услужить мне, избавь меня от этой встречи!

— Хорошо. Я услышал тебя, Сиддхартха. Твои слова подействовали на меня. Но я бы хотел испытать их силу. И посему пошлю против них нескольких ракшасов. Ну а мы с тобой отправимся далеко, в далекое путешествие к самым корням этого мира. Там подождем мы победных реляций. Если же ракшасы, увы, проиграют эту схватку, тогда унесу я тебя далеко-далеко отсюда и возвращу тебе твое тело. А пока я поношу его еще несколько часов, чтобы посмаковать твои страсти в этой битве.

Сэм склонил голову.

— Аминь, — сказал он, и что-то в его теле пузырилось, что-то покалывало, когда оно само собою поднялось над полом и понеслось по просторным подземным коридорам, неведомым никому из людей.

И пока проносились они из комнаты в комнату, из залы в залу, вниз по туннелям, провалам и колодцам, сквозь каменные лабиринты, гроты и коридоры, Сэм отдался потоку своих воспоминаний, и свободно потекли они, все глубже и глубже погружаясь в прошлое. Вспоминал он о днях своего свежеиспеченного пастырства, когда решился он привить черенок древнего учения Гаутамы к стволу заправляющей миром религии. Вспоминал о странном ученике своем, Сугате, рука которого не скупилась ни на смерть, ни на благословения. Будет течь время, и жизни их станут потихоньку сплавляться воедино, перемешаются их деяния. Он прожил слишком долго, чтобы не знать, как перетасует время колоду легенд. Да, был в истории и реальный Будда, теперь он знал это. Выдвинутое им учение, нусть и незаконно присвоенное, захватило этого истинно верующего, и он сумел-таки достичь просветления, своей святостью оставил в людских умах след, а затем по собственной воле передал себя в руки самой Смерти. Татхагата и Сугата станут частями единой легенды, да, он знал об этом, и будет Татхагата сиять, отражая свет

своего ученика. В веках останется жить только одна дхамма. Затем его мысли вернулись к битве у Палаты Кармы и к трофейным машинам, все еще сокрытым в надежном месте. И подумалось ему о бесчисленных перерождениях, через которые прошел он, о сражениях, в которых участвовал, о женщинах, которых любил, — сколько их накопилось за века; он думал, каким бы мог быть этот мир и каким он был на самом деле, каким — и почему. И опять его охватили гнев и ярость, когда подумал он о богах. Он вспомнил о днях, когда горстка их сражалась с ракшасами и нагами, гандхарвами и Морским Народом, с демонами Катапутны и Матерями Нестерпимого Зноя, с дакини и претами, скандами и пишачами, и победили они всех, освободили мир от хаоса и заложили для людей первый город. Он видел, как прошел этот город через все стадии, через которые только может пройти город, пока его обитатели не смогли однажды сплести воедино свои разумы и превратить самих себя в богов, принять на себя Облик, укрепивший их тела, закаливший волю, ожививший силой их желаний Атрибуты, которые со словно магической силой обрушивались на любого, против кого их только ни обратишь. Он думал о городе и богах, и ведомы ему были их красота и справедливость, уродство и неправота. Он вспоминал их великолепие и красочность, не имеющие ничего подобного во всем остальном мире, и он всхлипывал в своей ярости, ибо знал, что никогда не сможет почувствовать себя ни вполне правым, ни вполне неправым, им противостоя. Вот почему ждал он так долго, ничего не предпринимая. А теперь, что бы он ни сделал, все принесет сразу и победу, и поражение, успех и неудачу; к чему бы ни привели его поступки — будет ли град грезой мимолетной или длящейся вечно, — ему нести бремя вины.

Они ждали в темноте.

Ждали долго, молча. Время влачилось, словно старик, плетущийся в гору.

Они стояли на пятачке около черного провала колодца и ждали.

— А мы услышим?

— Может быть. А может быть и нет.
— Что мы будем делать?
— Что ты имеешь в виду?
— Если они вовсе не придут. Долго ли мы будем ждать здесь?
— Они придут с песней.
— Надеюсь.
Но не пришло ни песни, ни движения. Время вокруг них застыло в неподвижности, ему здесь было некуда идти.
— Сколько времени мы уже ждем?
— Не знаю. Долго.
— Я чувствую, что не все в порядке.
— Ты, наверно, прав. Не подняться ли нам на несколько уровней и разведать обстановку — или выпустить тебя на свободу?
— Давай подождем еще немного.
— Хорошо.
И опять тишина. Они мерили ее шагами.
— Что это?
— Что?
— Звук.
— Я ничего не слышал, а ведь у нас одни и те же уши.
— Ушами не телесными — вот опять!
— Я ничего не слышал, Тарака.
— И не перестает. Словно вопль, только нескончаемый.
— Далеко?
— Да, весьма неблизко. Послушай со мной.
— Да! Думаю, это скипетр Кали. Битва, стало быть, в разгаре.
— Все еще? Значит, боги сильнее, чем я полагал.
— Нет, это ракшасы сильнее, чем полагал я.
— Побеждаем мы или проигрываем, Сиддхартха, в любом случае боги сейчас заняты. Если нам удастся с ними разминуться, вряд ли мы встретим сторожа у их корабля. Ты не хочешь его?
— Угнать громовую колесницу? Это мысль... Она и мощное оружие, и замечательный транспорт. Велики ли наши шансы?
— Я уверен, что ракшасы смогут задержать их, сколько понадобится, — а долог подъем из Адова

Колодезя. Мы обойдемся без тропинки. Я устал, но еще могу пронести нас по воздуху.

— Давай поднимемся на несколько уровней и разведаем обстановку.

Они покинули свой пятачок у черного провала колодца, и время вновь начало отбивать свой счет, пока они поднимались вверх.

Навстречу им двигался светящийся шар. Он обосновался на полу пещеры и вырос в дерево зеленого огня.

— Как складывается битва? — спросил Тарака.

— Мы остановили их, — отвечал тот, — но не можем войти с ними в контакт.

— Почему?

— Что-то в них нас отталкивает. Я не знаю, как назвать это, но мы не можем заставить себя подойти к ним слишком близко.

— Как же тогда вы сражаетесь?

— Беспрерывный шквал камней и скал обрушиваем мы на них. Мечем огонь, и воду, и смерчи.

— И чем они отвечают?

— Трезубец Шивы прокладывает дорогу сквозь все. Но сколько бы он ни разрушал, мы обрушиваем на него только больше материи. И он стоит как вкопанный, возвращая в небытие шторм, который мы можем длить вечно. Иногда он отвлекается ради убийства, и тогда атаку отражает Бог Огня. Скипетр богини замедляет того, кто оказывается перед ним, и, замедлившись, он встречает либо трезубец, либо руку или глаза Смерти.

— И вам не удалось нанести им какой-либо урон?

— Нет.

— Где они остановились?

— Спустившись, но не очень глубоко, по стене колодца. Они спускаются очень медленно.

— Наши потери?

— Восемнадцать.

— Значит, мы сделали ошибку, прервав ради битвы наше выжидание. Цена слишком высока, а мы ничего не выиграли... Сэм, как с колесницей? Будем пробовать?

— Ради нее стоит рискнуть... Да, давай попытаемся.

— Тогда ступай, — велел он ракшасу, который качал перед ним ветвями. — Ступай впереди нас. Мы будем подниматься по противоположной стене. Вы же удвойте свой напор. Не давайте им передышки, пока мы их не минуем. И потом удерживайте их на месте, чтобы мы успели увести колесницу из долины. Когда все будет сделано, я вернусь к вам в своей истинной форме, и мы сможем положить конец этой схватке.

— Слушаюсь, — ответил ракшас и повалился на пол, скользнул зеленой огненной змеей и исчез у них над головой.

Они бегом бросились вперед и вверх, сберегая подрастраченные силы Тараки для решающего броска сквозь тяготение.

Далеко они ушли под Ратнагари, и бесконечным казался им обратный путь.

Наконец они выбрались все-таки на дно колодца; там было достаточно светло, чтобы Сэм своими глазами мог видеть происходящее в вышине. В колодце стоял оглушительный грохот, и если бы они с Таракой общались при помощи речи, то здесь общению их пришел бы конец.

Словно некая фантастическая орхидея на эбеновом суку, цвело пламя на стене колодца. По взмаху жезла Агни оно изменило свои очертания, скорчилось. В воздухе, как светозарные насекомые, плясали ракшасы. Рев воздушных потоков смешивался с грохотом каменных глыб. И на все это накладывалось жуткое завывание серебряного черепа-колеса, которым Кали обмахивалась, словно веером; и страшнее всего было, когда его крик выходил за рамки слышимых звуков, но не прекращался. Скалы раскалывались, плавились и испарялись прямо в воздухе, их добела раскаленные осколки разлетались во все стороны, словно искры в кузнице. Они отскакивали от стен и пола, катились по склонам, теряя жар, рдели красными огнями в черных тенях Адова Колодезя. Стены колодца были покрыты оспинами, зарубками, бороздами там, где их коснулись пламя и хаос.

— Теперь, — сказал Тарака, — вперед!

Они поднялись в воздух и, прижимаясь к проти-

воположной от богов стене, понеслись наверх. Ракшасы усилили натиск, и тем сильнее был отпор. Сэм заткнул уши руками, но это не помогало против раскаленных игл, втыкавшихся где-то позади его глаз, когда серебряный череп глядел в его сторону. Чуть левее него вдруг исчез целый пласт скал.

— Они не засекли нас, — сказал Тарака.

— Пока что, — ответил Сэм. — Этот проклятый бог огня способен разглядеть движущуюся песчинку сквозь чернильное море. Если он повернется в нашу сторону, я надеюсь, ты сможешь увернуться от его...

— Вот так? — перебил Тарака, когда они вдруг очутились на добрый десяток метров выше и левее.

Теперь они выжимали из себя всю возможную скорость, они мчались прямо вверх, а по пятам их преследовала по стене колодца полоса плавящегося камня. Но погоня тут же прервалась, это демонам удалось с душераздирающими воплями отколоть от стен несколько гигантских глыб и в потоке ураганного ветра и полотнищ огня обрушить их на богов.

Они добрались до горловины колодца, перевалили за ее край и поспешно отступили в сторону, стремясь выйти из опасной зоны.

— Теперь надо обойти весь колодец, чтобы добраться до коридора, ведущего наружу.

Из колодца вынырнул ракшас и устремился к ним.

— Они отступают! — закричал он. — Богиня упала, и Красный поддерживает ее, так они и бегут от нас!

— Они не отступают, — сказал Тарака. — Они стремятся отрезать нас. Преградите им путь! Разрушьте тропу! Скорее!

Ракшас метеором ринулся обратно в колодец.

— Бич, я устал. Я не знаю, смогу ли я перенести нас с площадки у входа к подножию горы.

— Но может, хоть часть пути?

— Да.

— Первые метров сто, где тропинка очень узка?

— Думаю, да.

— Хорошо!

Они побежали.

Когда они убегали по краю жерла Адова Колодe-

зя, из глубины вынырнул еще один ракшас и пристроился к ним.

— Докладываю! — закричал он. — Мы разрушали тропу дважды. Но всякий раз Владыка Огня прожигал новую тропу!

— Значит, с этим ничего не поделаешь! Оставайся с нами! Твоя помощь понадобится нам для другого.

И он помчался перед ними, красным клином освещая им путь.

Они обогнули колодец и бросились к туннелю. Подбежали к входной двери, распахнули ее и выскочили на площадку. Сопровождавший их ракшас захлопнул за ними дверь и вымолвил:

— Гонятся!

Сэм шагнул с площадки. Только он начал падать, как дверь вдруг вспыхнула нестерпимым светом и тут же пролилась расплавленным металлом на площадку.

С помощью второго ракшаса они благополучно спустились до самого подножия Чанны и, не теряя ни секунды, бросились по огибающей его тропинке, чтобы отгородиться от преследования всем телом горы. И тут же пламя хлестнуло по камню, на который они приземлились.

Второй ракшас взлетел высоко в воздух, сделал круг и исчез.

Они бежали по тропе в сторону долины, где стояла колесница. Когда они добрались до входа в нее, вернулся ракшас.

— Кали, Яма и Агни спускаются, — доложил он. — Шива остался сзади, он караулит коридор. Ведет погоню Агни. Красный помогает богине, она хромает.

Их взору открылась громовая колесница. Стройная, безо всяких украшений, цвета бронзы, хотя и не из бронзы, стояла она посреди широкого луга. Напоминала она положенный набок минарет, или ключ от квартиры гиганта, или какую-то деталь небесного музыкального инструмента, выскользнувшую из ярко сияющего в ночи созвездия и упавшую на землю. Казáлось, что в чем-то она не завершена, хотя глаз и не мог придраться к элегантным ее очертаниям. Она обладала той особой красотой, свойственна

которая только самому изощренному оружию и достижима только вместе с функциональной целесообразностью.

Сэм подошел к ней, отыскал люк и влез внутрь.

— Ты можешь управлять ею, Бич? — спросил Тарака. — Сможешь пронестись по небосводу, расплескивая по земле разрушение?

— Я уверен, что Яма постарался сделать управление как можно более простым. Рациональность — его конек. Я летал раньше на реактивниках Небес и бьюсь об заклад, что здесь управление вряд ли сложнее.

Он нырнул в кабину, уселся в кресло пилота и уставился на панель перед собой.

— Черт! — пробурчал он, протянув вперед руку и тут же ее отдернув.

Внезапно вновь появился ракшас, он просочился сквозь металлическую обшивку колесницы и завис над консолью.

— Очень быстро идут боги, — выпалил он. — Особенно Агни.

Сэм щелкнул несколькими переключателями и нажал на кнопку. Зажглись циферблаты и индикаторы всех приборов на контрольной панели, внутри нее раздалось приглушенное гудение.

— Далеко ли он? — спросил Тарака.

— Почти посреди склона. Он расширил тропу своим пламенем и теперь бежит по ней, будто по дороге. Он выжигает все препятствия. Он прокладывает прямой путь.

Сэм потянул за ручку управления и, ориентируясь по показателям горевших на панели индикаторов, начал вращать верньер, чтобы перевести стрелку одной из шкал в нужное положение. По кораблю пробежала дрожь.

— Ты готов? — спросил Тарака.

— Я не могу взлететь, пока она не прогрелась. На это нужно время. Да еще и управление здесь много мудренее, чем я ожидал.

— Погоня близка.

— Да.

Издалека, перекрывая все нарастающий рык колесницы, донеслись звуки нескольких взрывов. Сэм

передвинул рукоятку еще на одно деление и подстроил верньер.

— Я приторможу их, — сказал ракшас и исчез той же дорогой, как и появился.

Сэм передвинул рукоятку сразу на два деления, где-то внутри что-то треснуло, и все затихло. Корабль замер в безмолвии.

Он вернул рукоятку в исходное положение, крутнул верньер и вновь нажал на кнопку.

И вновь дрожь пробежала по колеснице, где-то что-то заурчало. Сэм передвинул рукоятку на одно деление, подкрутил верньер.

Он тут же повторил эту процедуру, и урчание превратилось в сдержанное рычание.

— Все, — сказал Тарака. — Мертв.

— Что? Кто?

— Тот, который попытался остановить Повелителя Пламени. Ему это не удалось.

Опять послышались взрывы.

— Они разрушают Адов Колодезь, — сказал Тарака.

Сэм ждал, не снимая руки с рукоятки, лоб его был усеян капельками пота.

— А вот и он — Агни!

Сэм поглядел сквозь длинный, наклонный защитный щит.

Бог Огня вступил в долину.

— Пора, Сиддхартха.

— Еще нет, — сказал Сэм.

Агни взглянул на колесницу, поднял свой жезл.

Ничего не случилось.

Он стоял, направляя на них жезл, потом опустил его вниз, встряхнул.

Поднял еще раз.

И опять никаких следов пламени.

Левой рукой он покопался у себя в ранце, из жезла выплеснулся поток света и выжег рядом с ним в земле здоровенную дыру.

Он опять нацелил жезл.

Ничего.

Он бросился бегом к кораблю.

— Электролокация? — спросил Тарака.

— Да.

Сэм потянул рукоятку, вновь подстроил приборы. Вокруг все уже ревело.

Он нажал еще одну кнопку, и из хвоста корабля донесся какой-то скрежет. Он повернул очередной верньер, и в этот миг Агни добрался до люка.

Вспышка пламени и лязг металла.

Он встал со своего места и выскочил из кабины в коридор.

Агни был внутри, он целился своим жезлом.

— Не шевелись, Сэм — или Демон! — закричал он, перекрывая рев моторов, и линзы на его глазах со щелчком стали красными. — Демон, — повторил он. — Не шевелись, или же ты и твой хозяин сгорите в тот же миг!

Сэм прыгнул на него.

Агни даже не пытался защищаться, ему и в голову не приходило, что такое возможно, и он упал от первого же удара.

— Короткое замыкание, а? — приговаривал Сэм, нанося ему удар поперек горла.

— Или солнечные пятна? — и двинул ему по скуле.

Агни перевалился на бок, и Сэм нанес ему ребром ладони последний удар прямо под адамово яблоко.

Он отбросил жезл и бросился задраивать люк, но тут же понял, что опоздал.

— А теперь, Тарака, уходи, — сказал он. — Теперь уже биться мне одному. Тебе ничего не сделать.

— Я обещал помочь.

— Но ничем не можешь. Уходи, пока цел.

— Как скажешь. Но последнее, что я должен сказать тебе...

— Потом! В следующий раз, когда свидимся.

— Бич, я про то, чему научился у тебя, — так жаль. Я...

Внутри его тела и разума возникло мучительнейшее, скручивающее его в жгут чувство, это взгляд Ямы упал на него, ударил глубже самого его существа.

Кали тоже уставилась прямо ему в глаза, поднимая перед собой верещащий скипетр.

Казалось, что поднялся один занавес и опустился второй.

— Пока, Бич, — возникли у него в мозгу слова.

И череп взвыл.

Он почувствовал, что падает.

Что-то пульсировало.

У него в голове. И вообще повсюду.

От этой пульсации он и очнулся — и тут же почувствовал, что весь опутан болью и бинтами.

А в лодыжках и запястьях еще и цепью.

Он полусидел, привалившись спиной к переборке, в тесном отсеке. Рядом с дверью сидел и курил некто в красном.

Яма кивнул, но ничего не промолвил.

— Почему я жив? — спросил его Сэм.

— Ты жив, чтобы выполнить соглашение, заключенное много лет тому назад в Махаратхе, — сказал Яма. — Брахма, тот особенно жаждет повидать тебя еще раз.

— Мда, я-то не особенно жажду повидать Брахму.

— С течением лет это стало довольно-таки очевидным.

— Как я погляжу, пески нисколько не повлияли на твои мыслительные способности.

Тот улыбнулся.

— Мерзкий ты тип, — сообщил он.

— Знаю. И постоянно поддерживаю форму.

— Как я понимаю, сделка твоя лопнула?

— Увы, ты прав.

— Быть может, ты сумеешь возместить свои потери. Мы на полпути на Небеса.

— Думаешь, у меня есть шанс?

— Вполне может статься. Времена меняются. На этой неделе Брахма может оказаться весьма милосердным божеством.

— Мой трудотерапист советовал мне специализироваться в проигранных процессах.

Яма пожал плечами.

— А что с демоном? — спросил Сэм. — С тем, что был со мной?

— Я достал его, — сказал Яма, — и преизрядно. Не знаю, прикончил или только отшвырнул. Но ты

можешь об этом больше не беспокоиться. Я окропил тебя демоническим репеллентом. Если эта тварь все еще жива, не скоро оправится она от встречи со мной. Может быть, никогда. А как это тебя угораздило? Я считал, что если кто и невосприимчив к одержимости демонами, так это именно ты.

— Я считал точно так же. Ну а демонический репеллент — это что?

— Я обнаружил химическое соединение, безобидное для нас, но невыносимое для энергетических существ.

— Удобная штуковина. Была бы как нельзя кстати в дни обуздания.

— Да. Мы использовали его в Колодезе.

— Как мне показалось, это было настоящее сражение.

— Да, — сказал Яма. — А на что похоже, когда ты одержим демоном? Как себя чувствуешь, когда тебя подчинила себе чужая воля?

— Очень странно, — объяснил Сэм. — Пугаешься, но в то же время многому и учишься.

— Чему же?

— Этот мир принадлежал сначала им, — сказал Сэм. — Мы его у них отняли. С какой стати должны они отказываться от того, что мы в них ненавидим? Для них-то ведь это мы — демоны.

— Ну а как себя чувствуешь в подобном положении?

— Когда тебя подчинила чужая воля? Ты и сам знаешь.

Улыбка сползла с лица Ямы, потом вернулась.

— Тебе хотелось бы, чтобы я тебя ударил, не так ли, Будда? Ты бы смог почувствовать свое превосходство. К несчастью, я садист и делать этого не буду.

Сэм засмеялся.

— *Туше*, смерть, — сказал он.

Некоторое время они сидели молча.

— Не угостишь ли сигареткой?

Яма протянул ему сигарету, дал закурить.

— А как теперь выглядит Опорная База?

— О, ты бы едва ли узнал ее, — промолвил Яма. — Если бы все на ней вдруг сейчас умерли, она идеально функционировала бы ближайшие десять

тысяч лет. Цвели бы цветы, играла музыка, фонтаны переливались всеми цветами радуги. По-прежнему накрывались бы столы в садовых павильонах. Сам Град ныне бессмертен.

— Подходящее обиталище, как я понимаю, для тех, кто провозгласил себя богами.

— Провозгласил себя? — переспросил Яма. — Ты не прав, Сэм. Божественность не сводится к имени или ярлыку. Это некое состояние личного бытия. Просто бессмертием его не достигнешь, ведь даже последний батрак на полях вполне может добиться непрерывности своего существования. Может быть, тогда дело в пестовании Облика? Нет. Любой подначоревший в гипнозе может играть во всевозможные игры со своим образом. Или в обретении Атрибута? Конечно, нет. Я могу спроектировать машины намного более мощные и точные, чем любая способность, которую может вызвать и развивать в себе человек. Быть богом — это быть способным быть самим собой, причем до такой степени, что страсти твои соответствуют уже силам мироздания, и видно это любому, кто на тебя ни посмотрит, и нет надобности называть твое имя. Один древний поэт сказал, что весь мир наполнен отголосками и соответствиями. Другой сочинил длинную поэму об аде, в котором каждый человек претерпевает мучения, вызываемые как раз теми силами, которые управляли его жизнью. Быть богом — это быть способным распознать в самом себе все поистине важное и потом взять тот единственный тон, который обеспечит ему созвучие со всем сущим. И тогда вне морали, логики или эстетики становишься ты ветром или огнем, морем, горным кряжем, дождем, солнцем или звездами, полетом стрелы, вечерними сумерками, любовным объятием. Становишься главным, благодаря главной своей страсти. И говорят тогда взирающие на богов, даже и не зная их имен: «Это Огонь. Это Танец. Это Разрушение. Это Любовь». Итак, возвращаясь к твоим словам, они не провозглашали себя богами. Это делают все остальные, все, кто видит их.

— Значит, вот так они и тренькают на своих фашистских балалайках, да?

— Ты выбрал неудачное прилагательное.

— Ты уже израсходовал все остальные.

— Похоже, что в этом вопросе нам никогда не найти общей точки.

— Если в ответ на вопрос, почему вы угнетаете мир, ты разражаешься нескончаемой поэтической белибердой, то, естественно, нет. Думаю, тут просто не может быть общих точек.

— Тогда давай найдем другую тему для разговора.

— Хотя действительно, глядя на тебя, я говорю: «Это Смерть».

Яма не ответил.

— Странная у тебя — как ты сказал? — главная страсть. Я слышал, что ты был стар, прежде чем стал молодым...

— Ты же знаешь, что так оно и было.

— Ты был механиком-вундеркиндом и мастером оружия. Ты потерял отрочество во вспышке пламени и в тот же день стал стариком. Не в этот ли момент стала смерть твоей главной страстью? Или же это произошло раньше? Или позже?

— Не играет роли, — отрезал Яма.

— Ты служишь богам, потому что веришь во все, о чем говорил мне, или потому, что ненавидишь большую часть человечества?

— Я не лгал тебе.

— Оказывается, Смерть — идеалист. Забавно.

— Ничего забавного.

— Или, может быть, ни одно из этих предположений не справедливо? Может быть, главная твоя страсть...

— Ты уже упоминал ее имя, — перебил Яма, — в той самой речи, в которой сравнивал ее с болезнью. Ты был не прав тогда, и ты не прав и сейчас. Я не намерен выслушивать твою проповедь еще раз, а так как в данный момент вокруг не видно зыбучих песков, то слушать ее я и не буду.

— Иду на мировую, — сказал Сэм. — Но скажи мне, меняются ли когда-нибудь у богов главные страсти?

Яма улыбнулся.

— Богиня танца была когда-то богом войны. Так что похоже, что все может измениться.

— Только умерев подлинной смертью, — заявил Сэм, — изменюсь я. Но до самого того момента я буду с каждым вздохом ненавидеть Небеса. Если Брахма обречет меня на сожжение, я плюну в пламя. Если он повелит удушить меня, я постараюсь укусить руку палача. Если он рассечет мне грудь, кровь моя, надеюсь, разъест клинок ржавчиной. Ну как, это главная страсть?

— Ты — отличный материал для бога, — кивнул Яма.

— О боже! — иронически протянул Сэм.

— До того, как случится то, что случится, — сказал Яма, — тебе, как было мне обещано, разрешено поприсутствовать на свадьбе.

— Свадьбе? Ты и Кали? И скоро?

— В меньшее полнолуние, — ответил Яма. — Итак, что бы ни решил Брахма, я, по крайней мере, смогу до тех пор поднести тебе хорошую выпивку.

— За это спасибо, бог смерти. Но мне всегда казалось, что свадьбы не вершатся на Небесах.

— Эта традиция доживает последние дни. Нет никаких священных традиций.

— Тогда удачи, — сказал Сэм.

Яма кивнул, зевнул, закурил очередную сигарету.

— Между прочим, а какая сейчас на Небесах мода на казни? Я спрашиваю из чистой любознательности.

— Казни не вершатся на Небесах, — сказал Яма, выдвигая ящик и вынимая из него шахматную доску.

V

Из Адова Колодезя вознесен он был на Небеса, чтобы пообщаться там с богами. Много тайн скрывает в себе Небесный Град, можно отыскать среди них и ключи к его прошлому. Не все, что случилось, пока был он там, известно. Известно, однако, что выступил он перед богами ходатаем за судьбы мира, снискав тем самым симпатии одних и враждебность других. Избери он изменить человечеству и принять предложения богов — и, как говорит кое-кто, мог бы он навсегда остаться в Граде Князем, а не встретить свою смерть в когтях призрачных кошек Канибуррхи. Злые языки утверждают, правда, что принял он это предложение, но потом предали уже его самого, и только после этого, в последние дни свои опять был он целиком на стороне страдающего человечества, но дней этих оставалось слишком мало...

Препоясанная молниями, носительница штандарта,
вооруженная мечом, копьем, луком,
пожирающая, поддерживающая, Кали, ночь времени в конце
кальпы, скитающаяся по миру в ночи,
сохранительница, обманщица, безмятежная, любимая и
любезная, Брахмани, Мать Вед, обитательница таинственных, безмолвных мест,
предвещающая добро, нежная, всеведущая, быстрая, как
мысль,
носящая черепа, одержимая силой, сумеречная, трудноодолимая воительница, сострадательная и милосердная,
пролагающая путь заблудшему, дарительница благ, учитель,
доблесть в облике женщины,
с переменчивым сердцем, предающаяся суровому аскетизму,
чародейка, пария, бессмертная и вечная...

Арьятарабхаттариканамаштоттарасатакастотра (36-40)

И вот, как столь часто бывало и в прошлом, ее белоснежную шерсть погладил ветерок.

Она прогуливалась там, где колыхались лимонно-желтые травы, она кралась по тропинке, вившейся среди темных деревьев, усыпанных тропическими цветами; справа от нее высились яшмовые утесы, то тут, то там выходили на поверхность жилы молочно-белой породы, пронизанной оранжевыми капиллярами.

И вот, как столь часто бывало ранее, бесшумно ступали по тропинке подушечки ее огромных кошачьих лап, ветер поглаживал белую, как мрамор, шерсть, тысячами оттенков колыхались вокруг нее ароматы джунглей — там, в сумеречном месте, которое существовало лишь наполовину.

Она шла одна по извилистой тропе через джунгли, которые были отчасти иллюзией. Белые тигры — одинокие охотники. Если и прогуливались в округе другие, ни один из них не искал общества себе подобных.

И вот, как столь часто бывало ранее, глядела она на гладкую серую скорлупу небосвода и на звезды, сверкавшие на ней, словно крохотные осколки льда. Полумесяцы ее глаз расширились, она остановилась и, глядя вверх, уселась.

За какой же добычей рыщет она?

Сдавленный, утробный звук вырвался у нее из пасти и прервался, будто она подавилась кашлем. Неожиданно вспрыгнув на высокую скалу, уселась она там, вылизывая шерсть у себя на плечах. Показалась луна, и она уставилась на нее — фигура, словно слепленная из нетающего снега, — из-под бровей сверкали топазы глаз.

И вот, как и раньше, не могла она до конца разобраться, настоящие ли джунгли Канибуррхи ее окружают. Она чувствовала, что находится все еще под сенью настоящего леса, но не могла доподлинно убедиться в этом.

За какой же добычей рыщет она?

Расположены Небеса на плато, бывшем когда-то горным хребтом. Горы эти были сглажены и сплавлены друг с другом, чтобы получилась из них ровная площадка. С зеленого юга доставили потом плодород-

ную почву, дабы нарастить мясо на кости полученного так скелета. И всю эту область, словно огромная банка, накрыл купол прозрачного свода, предохраняя ее от полярной стужи и не допуская внутрь ничего постороннего.

Выше всяких крайностей вознеслись Небеса, царство умеренности, и безмятежно наслаждаются они долгими своими сумерками и неспешными, полными праздности днями. Свежий, подогреваемый, пока он всасывается, воздух циркулирует по Граду и лесу. Прямо внутри купола можно собрать облака, можно сгустить их в тучи, можно оросить дождем любое место, какое только пожелаешь. Можно сделать и так, чтобы выпал снег, хотя никто никогда этого и не делал. На Небесах всегда лето.

И посреди летних Небес стоит Небесный Град.

Вырос он не так, как растят обычно люди свои города: вокруг порта или среди плодородных равнин, пастбищ, охотничьих угодий, на скрещении торговых путей или поблизости от богатых залежей того или иного нужного людям ресурса. Небесный Град возник из эфемерной концепции в мозгу первых его обитателей. И рос он не медленно и наполовину случайно, не так, как другие города: построим-ка здесь дом, проложим проспект прямо через этот массив, разрушим одно, чтобы построить другое, — после чего, естественно, все отдельные части сочетаются в неуклюжее и нелепое целое. Нет. Учтены были все соображения, связанные с удобством и пользой, расчислен с точки зрения великолепия целого каждый дюйм — сначала проектировщиками, а затем реализующими проекты машинами. Планы эти были согласованы и претворены в жизнь несравненным художником от архитектуры. Вишну-Хранитель удерживал у себя в мозгу весь Небесный Град — до того самого дня, когда облетел он на Прекраснокрылом Гаруде вокруг Шпиля Высотою В Милю, поглядывая вниз, и весь Небесный Град отразился в капельке пота у него на лбу.

Итак, возникли Небеса из разума одного бога, который учел, правда, пожелания своих сотоварищей. И расположились они — скорее по выбору, чем по необходимости, — среди дикого нагромождения

льдов, снега и скал, на извечном Полюсе мира, где дом себе могли устроить только поистине могущественные.

(За какой же добычей рыщет она?)

А рядом с Небесным Градом раскинулся под куполом свода огромный лес Канибуррхи. В мудрости своей узрел Вишну, что должно соблюсти равновесие между столицей и дикой природой.

В то время как природа вполне может обойтись безо всяких городов, обитателям оных требуется все же нечто большее, чем симпатичные культурные насаждения. Если бы весь мир был городом, рассуждал Вишну, превратили бы горожане часть его в пустошь, ибо в каждом кроется нечто, жаждущее, чтобы кончался где-то порядок и начинался хаос. И вот вырос у него в мозгу лес — стремящий сквозь себя потоки и пронизанный запахами свежести и гнили, наполненный криками неведомых городу тварей, ютящихся под его сенью, содрогающийся под напором ветра и блестящий под дождем, постоянно погибающий и взрастающий вновь.

Подступали дебри к самой границе Града, но не проникали в него, ибо был на это наложен запрет, — и точно так же и сам Град придерживался своих границ.

Но хищниками были некоторые из обитателей леса, и этим не было положено предела в их свободе, могли они идти, куда захотят. А царили среди них тигры-альбиносы. И предписано было богами, чтобы не могли взглянуть призрачные кошки на Небесный Град; и велено было глазам их — через посредство стоящей за ними нервной системы — свидетельствовать, что не было там никакого Града. Внутри их кошачьего мозга весь мир сводился к джунглям Канибуррхи. Они прохаживались по улицам Небес, крадясь по следу в джунглях. Когда проходящий мимо бог поглаживал их, казалось им, что это ветер теребит шерсть. Поднимались они по ступеням широких лестниц — нет, взбирались по каменистому склону. Дома были для них отвесными скалами, статуи — деревьями; невидимками были для них прохожие.

Ну а если бы кто-нибудь из Града зашел в

настоящий лес, тогда уже и бог, и кошки оказались бы на одном уровне существования — в лоне уравновешивающей природы.

И опять она кашлянула, как столь часто делала и раньше, а ее белоснежную шерсть погладил ветерок. Призрачная кошка, которая уже три дня бродила вокруг да около по дебрям Канибуррхи, убивая и тут же пожирая свежую алую плоть своей добычи, время от времени оглашая окрестности призывными гортанными воплями гулящей кошки, вылизывая шерсть своим широким нежно-розовым языком, ощущая спиной влажное прикосновение дождевых капель, то роняемых на нее листвой высоченных деревьев, то потоками низвергающихся из чудесным образом скапливающихся в самом центре небосвода туч; которую, снедаемую огнем в чреслах, покрыл накануне ночью снежный обвал, лавина меха цвета смерти, исполосовавший когтями ее лопатки, и запах крови привел их обоих в еще большее исступление; которая мурлычет, когда на нее опускаются прохладные сумерки, приносящие с собою луны, схожие с переменчивыми полумесяцами ее глаз, — золотую, серебряную и мутную. Она сидела на скале, облизывая лапы, и пыталась понять, за какой же добычей рыщет.

В садах локапал возлежала Лакшми с Куберой, четвертым из хранителей мира, на душистом ложе, установленном рядом с бассейном, в котором резвились апсары. Остальные трое из локапал отсутствовали в этот вечер... Хихикая, апсары брызгались ароматизированной водой в сторону ложа. Но тут как раз дунул в свою свирель Владыка Кришна. И тут же забыли девушки о Кубере-Толстом и Лакшми-Обворожительной, отвернувшись от них, оперлись они локтями о низенький бережок пруда и уставились во все глаза на темного бога, растянувшегося под цветущим деревом среди бурдюков с вином и из-под вина, среди объедков многочисленных трапез.

Он небрежно пробежался по восходящей и нисходящей гаммам какой-то непонятной раги и издал долгий заунывный звук, сменившийся переливами козлиного блеяния. Гаури-Белая, на раздевание которой потратил он битый час, а потом вроде бы

забыл о ее существовании, встала у него из-под бока, нырнула в пруд и исчезла в одном из многочисленных подводных гротов. Он икнул, завел какую-то мелодию, резко оборвал ее, начал другую.

— А что, правду говорят о Кали? — спросила Лакшми.

— А что, собственно, о ней говорят? — проворчал Кубера, протягивая руку к кубку с сомой.

Она забрала кубок у него из рук, отпила и отдала обратно. Он осушил его залпом и поставил обратно на поднос, служанка тут же вновь его наполнила.

— Что она, чтобы отметить свою свадьбу, хочет человеческого жертвоприношения.

— Вполне вероятно, — сказал Кубера. — Очень даже в ее духе. Кровожадная сука, вот кто она такая. Всегда переселяется на праздник в какое-либо злобное животное. Однажды превратилась в огнеквочку и исполосовала Шитале все лицо — за какие-то ее слова.

— Когда это?

— Аватар десять-одиннадцать тому назад. Чертовски долго носила потом Шитала вуаль, пока наконец не было готово ее новое тело.

— Странная пара, — промолвила Лакшми на ухо Кубере, перестав для этого его покусывать. — Только твой друг Яма и сможет, наверное, с ней жить. Предположим, она рассердится на своего любовника и бросит на него свой смертельный взгляд. Кто, кроме него, может его снести?

— Понятия не имею, — сказал Кубера. — Так мы и потеряли Картикейю, Бога Битв.

— Да?

— Да. Странная она. Как и Яма, но совсем по-другому. Ну да, он — бог смерти. Его стиль — быстрое, чистое убийство. Кали же похожа скорее на кошку.

— Говорит ли когда-нибудь Яма о том, чем же это она его так покорила?

— Ты пришла сюда, чтобы собирать сплетни или чтобы породить их?

— И для того, и для другого, — отвечала богиня.

В этот момент принял Кришна свой Облик,

обретая Атрибут божественного опьянения. И полилась тогда из его свирели неотвязная, прилипчивая мелодия — горькая и темная, терпкая и сладостная... Опьянение выплеснулось из него и заполнило весь сад перемежающимися волнами радости и печали. Он поднялся на ноги — гибкие, темные ноги — и медленно начал танец. Скучно и невыразительно было плоское лицо его; влажные темные волосы закручивались в тугие, точно проволочные, кольца, такой же проволокой курчавилась и борода. Апсары одна за другой вылезали из воды и подстраивались к танцу. Свирель его скиталась среди неведомых троп древних мелодий и постепенно обрела горячечную неистовость; сам он двигался все быстрее и быстрее, пока наконец не пустился в раса-лилу, Танец Вожделения; вслед за ним, все наращивая скорость, закружились на месте, сжимая ладонями свои бедра, и небесные танцовщицы.

Лакшми ощутила, как теснее стали объятия Куберы.

— А вот и Атрибут, — сообщила она.

Рудра Угрюмый натянул свой лук и спустил тетиву. Стрела отправилась в полет, чтобы через некоторое время упокоиться в самом центре далекой мишени.

Бог Муруган рядом с ним хмыкнул и опустил свой лук.

— Опять ты выиграл, — сказал он. — Мне тебя не превзойти.

Они ослабили тетивы своих луков и отправились к мишени забрать стрелы.

— Ты еще не встречался с ним? — спросил Муруган.

— Я знал его давным-давно, — сказал Рудра.

— Акселеристом?

— Тогда он им не был. Никем он не был — в смысле политики. Зато был одним из Первых, одним из тех, кто видел Симлу.

— Да?

— Он выдвинулся в войнах против Морского Народа и Матерей Нестерпимого Зноя.

При этих словах Рудра едва не перекрестился.

— Позже, — продолжал он, — об этом вспомнили и поставили его во главе северного похода во время войн с демонами. В те дни он был известен как Калкин, и там-то его и прозвали Бичом. Он выработал Атрибут, который мог использовать против демонов. При его помощи он уничтожил большую часть якшей и обуздал и сковал ракшасов. Их он успел выпустить на волю, прежде чем Яма и Кали взяли его в плен у Адова Колодезя, что в Мальве. Так что теперь ракшасы вновь разгуливают по свету.

— Почему он сделал это?

— Яма и Агни утверждают, что он заключил с их главарем пакт. Они подозревают, что он сдал тому на время свое тело в обмен на обещание, что орды демонов будут воевать против нас.

— Они могут на нас напасть?

— Очень сомневаюсь. Демоны не идиоты. Если им не удалось совладать с четверыми из нас в Адовом Колодезе, вряд ли они рискнут напасть на нас на всех здесь, в Небесах. А кроме того, как раз сейчас Яма находится в Безбрежном Чертоге Смерти, разрабатывая специальное оружие.

— А где его потенциальная невеста?

— Кто знает? — пробурчал Рудра. — И кого заботит?

Муруган улыбнулся.

— Мне однажды показалось, что для тебя самого она была больше, чем мимолетным увлечением.

— Слишком холодна, слишком насмешлива, — сказал Рудра.

— Она тебе отказала?

Рудра повернул свое темное, никогда не улыбающееся лицо к смазливому богу юности.

— Вы, божества плодовитости, еще хуже марксистов, — заявил он. — Вы думаете, что между людьми только это и есть. Мы просто-напросто одно время были друзьями, но она слишком строга к своим друзьям и всегда их теряет.

— Так она тебе не дала?

— Должно быть.

— А когда она взяла в любовники Моргана, поэта, певца батальной славы, который однажды поутру воплотился вороном и улетел прочь, ты так

пристрастился к охоте на воронов, что буквально через месяц перестрелял своими стрелами на Небесах практически всех.

— И по-прежнему охочусь на воронов.

— Почему?

— Мне не по душе их голос.

— Да, она слишком холодна, слишком насмешлива, — согласился Муруган.

— Я не терплю насмешек от кого бы то ни было, бог-юноша. Обгонишь ли ты стрелы Рудры?

Муруган снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — и мои друзья локапалы тоже — да им и не будет нужды.

— Когда принимаю я свой Облик, — заговорил Рудра, — и поднимаю свой большой лук, дарованный мне самой Смертью, могу я послать самонаводящуюся по теплу тела стрелу, со свистом покроет которая мили и мили вдогонку за убегающей мишенью и поразит ее, как удар молнии, — насмерть.

— Поговорим тогда о чем-нибудь другом, — сказал Муруган, вдруг заинтересовавшись мишенью. — Как я понял, наш гость посмеялся несколькими годами ранее над Брахмой в Махаратхе и учинил насилие в святых местах. С другой стороны, ведь это вроде бы именно он основал религию мира и просветления.

— Он самый.

— Интересно.

— Договаривай.

— Что сделает Брахма.

Рудра пожал плечами.

— Пути Брахмы неисповедимы, — заключил он.

В месте, называемом Миросход, где за кромкой Небес нет ничего, кроме далекого мерцания Небесного свода и — далеко внизу — голой земли, прикрытой белесыми клубами испарений, стоит открытый всем ветрам Павильон Безмолвия, на круглую серую крышу которого никогда не падает дождь, по балюстрадам и балконам которого клубится поутру туман, разгуливает вечерами ветер, среди пустынных комнат которого можно подчас наткнуться то на восседающих на стылых, мрачных сиденьях, то про-

гуливающихся среди серых колонн задумчивых богов, сокрушенных воинов или изнемогающих от ран влюбленных, пришедших поразмыслить обо всем тщетном и пагубном сюда, под небо, что за пределами Моста Богов, в самое сердце каменистой местности, где цвета наперечет, а единственный звук дарует ветер, — там почти со времен Первых сиживали философ и колдунья, мудрец и маг, самоубийца и аскет, освободившийся от желаний и воли к возрождению или обновлению; там, в самом средоточии отречения и отказа, отстранения и исхода имеется пять комнат, названных Память, Страх, Отчаяние, Прах и Безысходность; и построен был павильон этот Куберой Жирным, которому наплевать было на все эти чувства, но исполнил который, как друг Князя Калкина, повеление Чанди Лютой, известной также и как Дурга или Кали, ибо единственный среди всех богов обладал он Атрибутом, сопрягающим одушевленное и неодушевленное, и мог тем самым окутать труды рук своих чувствами и страстями, которые суждено было пережить здесь посетителям места сего.

Они сидели в комнате, называемой Отчаяние, и пили сому, но никак не могли они напиться.

Во всем Павильоне Безмолвия царил полумрак, и только неустанно круживший по Небесам ветер шевелил их волосы.

В черных накидках сидели они на темных сиденьях, и рука его лежала поверх ее рук на разделявшем их столе, а по стене, что отгораживала Небеса от небосвода, проплывали гороскопы былых их дней; и хранили они молчание, перелистывая страницы минувших столетий.

— Сэм, — сказала она наконец, — разве плохо было это?

— Нет, — откликнулся он.

— А в те давние дни, до того, как покинул ты Небеса, чтобы жить среди людей, — ты любил меня тогда?

— На самом деле, я не помню, — промолвил он в ответ. — Это было так давно. Мы оба были тогда другими людьми — и умом, и телом. Вероятно, те

двое, кто бы они ни были, любили друг друга. Я не могу вспомнить.

— Ну а у меня, словно это было вчера, встает в памяти весенняя пора этого мира — те дни, когда мы скакали бок о бок в битву, и те ночи, когда мы стряхивали звезды со свеженамалеванного задника небесного окоема! Мир тогда был совсем юн, вовсе не тот, что сейчас, в каждом цветке, затаившись, ждала угроза, каждый рассвет был чреват взрывом. Вместе победили мы — ты и я — весь мир, ибо на самом деле никто не ждал нас здесь, и все противились нашему приходу. Мы прорубили, мы выжгли себе путь сквозь сушу и через море, мы сражались в морских глубинах и в высотах поднебесья, пока наконец некому стало препятствовать нам. Тогда отстроены были города, основаны королевства, и по своему выбору возносили мы, кого заблагорассудится, к вершинам власти, а потом, когда переставали они нас забавлять, вновь низвергали вниз. Что знают о той поре младшие боги? Как им понять ту власть, которая ведома была нам, Первым?

— Никак, — отозвался он.

— Когда возвели мы для своего двора дворец на берегу моря и я подарила тебе множество сыновей, когда корабли наши резвились в морском просторе, завоевывая острова, разве не прекрасны, не счастливы были те дни? А ночи, полные огня, запахов, вина?.. Разве ты не любил меня тогда?

— Да, те двое любили друг друга.

— Те двое? Разве мы совсем другие? Не так уж мы изменились. Хотя века и проносятся мимо, внутри каждого остается нечто неизменное, не способное стать другим, сколько бы ты ни надевал на себя тел, сколько бы ни заводил любовников и любовниц, свидетелем или участником скольких бы прекрасных или отвратительных событий ты ни становился, сколько бы дум ни передумал, сколько чувств ни перечувствовал. Твоя самость, твой атман стоит в центре всего этого и наблюдает.

— Разломи плод — и ты обнаружишь внутри косточку. Не это ли центр? Расколи косточку — и внутри ты не найдешь ничего. Не это ли центр? Мы уже совсем другие личности, а вовсе не те легендар-

ные повелители битв. Хорошо, что мы познали их, но ныне это в прошлом.

— Ты отправился жить вне Небес из-за того, что устал от меня?

— Я хотел сменить точку зрения.

— Долгие, долгие годы ненавидела я тебя за твой уход. Затем пришло время, когда сидела я в комнате, называемой Безысходность, и не могла набраться смелости ступить за Миросход. Потом настала пора, когда я простила тебя и взывала к семерым риши, чтобы они явили мне твой образ, чтобы видела я, как проводишь ты свои дни, и словно опять вместе оказывались мы тогда. Иногда желала я твоей смерти, но ты обратил моего палача в своего друга, как обратил гнев мой в прощение. Неужто ты хочешь сказать, что ничего больше ко мне не испытываешь?

— Я хочу сказать, что я больше тебя не люблю. Замечательно было бы, если бы во всей вселенной нашлась хотя бы одна постоянная и неизменная вещь. Если и есть такая, то сильнее она, чем любовь, и мне о ней ничего неведомо.

— Я не изменилась, Сэм.

— Подумай хорошенько, леди, обо всем, что ты сказала мне сегодня, обо всем, что напомнила. Вспоминала ты на самом деле не человека. Вспоминала ты дни резни, прошли вы сквозь которые с ним бок о бок. Эпоха уже не та, мир нынче укрощен. Ты же мечтаешь о былом, об огне и стали. Ты думаешь, что рассудок твой смущает человек, но нет, это судьба, которую разделили вы когда-то и которая миновала, а ты называешь ее любовью.

— Как бы я ни называла ее, она не изменилась! И дни ее не прошли. Она-то и постоянна во вселенной, и я зову тебя разделить ее со мною еще раз!

— А что с доблестным Ямой?

— Что с ним? Ты же имел дело с теми, кто мог быть ровней ему, — если бы пережил встречу с тобой.

— Так, значит, привлекает тебя лишь его Облик?

Под стать сумеркам и ветру, что окружали их, была ее улыбка.

— Конечно.

— Леди, леди, леди, — забудь меня! Ступай жить

и наслаждаться любовью с Ямой. Прошли наши дни, и я не хочу вновь ворошить их. Они были прекрасны, но они в прошлом. Всему свое время, и всему приходит конец. Пришла пора закрепить победу человека над этим миром. Пора насаждать знания, а не скрещивать клинки.

— И ты готов сражаться с Небесами за это знание? Готов попытаться сломить Небесный Град, открыть миру его своды?

— Ты же знаешь, что это так.

— Тогда у нас еще может быть общее дело.

— Нет, леди, не обманывай сама себя. Ты предана Небесам, а не миру. Ты сама это знаешь. Если я завоюю себе свободу и ты примкнешь ко мне в моей борьбе, ты, может быть, будешь до поры до времени счастлива. Но, выиграем мы или проиграем, боюсь, будешь ты в итоге несчастнее, чем сейчас.

— Послушай же меня, мягкосердечный святой из пурпурной рощи. Очень любезно с твоей стороны, что ты предвосхищаешь мои чувства, но Кали вольна распоряжаться своей преданностью, как пожелает, и никому ничем не обязана. Она наемная богиня, запомни это! Может быть, все, что ты говорил, — правда, и она лжет, когда говорит тебе, что все еще тебя любит. Будучи, однако, беспощадной и преисполненной жажды битвы, ведома она запахом крови. Чувствую я, что она еще может стать акселеристкой.

— Следи за своими словами, богиня. Не ровен час, тебя услышат.

— Некому меня слушать, — сказала она в ответ, — ибо редко звучат здесь слова.

— Тем интересней будет, когда они прозвучат.

Она помолчала.

— Никто не слушает, — сказала она наконец.

— Ты стала сильнее.

— Да. А ты?

— Примерно как раньше, мне кажется.

— Так ты примешь мой меч, мои колесо и лук — во имя акселеризма?

— Нет.

— Почему?

— Слишком легко раздаешь ты посулы. И нарушаешь их с той же готовностью, что и даешь, посему

никогда не смогу я тебе вполне довериться. Кроме того, если мы будем сражаться и победим во имя акселеризма, это вполне может стать последней великой битвой этого мира. Ты же не можешь желать подобного исхода — и даже просто дать ему свершиться.

— Глупо говорить о последних великих битвах, Сэм, ибо последняя великая битва — это битва, на которой еще не бывал. Не должна ли я явиться в более приятном обличии, чтобы убедить тебя, что говорю правду? Должна ли обнять я тебя в теле, запечатанном печатью девственности? Заставит ли это тебя доверять моим словам?

— Сомнение, леди, это девственность ума, и я ношу на своем его печать.

— Тогда знай, что привела я тебя сюда, только чтобы помучать. Ты прав — мне наплевать на твой акселеризм, и дни твои уже сочтены — мною. Мне хотелось заронить в тебя несбыточные надежды, чтобы тем горше было твое отрезвление. И спасли тебя от этого только твои вздорность и слабость.

— Прости, Кали...

— Мне не нужны твои извинения! Хотела бы я, однако, твоей любви, чтобы могла я ее использовать против тебя в последние дни и сделать их для тебя еще невыносимее. Но, как ты выразился, мы изменились слишком сильно — и ты больше не стоишь хлопот. Не думай, что я не смогла бы заставить тебя полюбить меня снова — ласками и улыбками, как когда-то. Ибо я чувствую в тебе жар, и легко распалить мне его в любом мужчине. Не заслуживаешь ты, однако, смерти, достойной могущественных, ибо низринут с высот страсти в пучину безысходности. И жаль мне тратить время для тебя на что-нибудь, кроме презрения.

Звезды вращались над ними, пылкие и независимые, и ее рука выскользнула из-под его руки, чтобы налить им еще сомы — согреть их в ночи.

— Кали?

— Да?

— Не знаю, принесет ли это в конце концов какое-либо удовлетворение, но я все еще питаю к тебе особое чувство. Либо здесь не замешана любовь,

либо каждый раз понимал я под этим словом нечто иное. Это чувство, на самом деле, без имени — и лучше его так и оставить. Так что прими его и уходи, забавляйся им. Ты же знаешь, что стоит нам покорить общих врагов — и мы опять вцепимся друг другу в горло. Много было у нас чудесных примирений, но стоило ли хоть одно из них тех мук, что ему предшествовали? Знай, что ты победила и что ты — богиня, которой я поклоняюсь, ибо не являются ли религиозное благоговение и поклонение смесью любви и ненависти, желания и страха?

Они выпили свою сому в комнате, называемой Отчаяние, и чары Куберы лежали на них.

Кали заговорила:

— Ну что, припасть к тебе, и поцеловать тебя, и сознаться, что лгала, когда говорила, что лгу, — чтобы ты мог рассмеяться и заявить, что лгал, чтобы добиться конечного отмщения? Давай же, Князь Сиддхартха! Лучше бы один из нас умер в Адовом Колодезе, ибо непомерна гордость Первых. Не стоило нам приходить сюда, в это место.

— Да.

— Тогда уйдем?

— Нет.

— Тут ты прав. Давай посидим здесь, отдадим друг другу должное.

Ее рука легла на его руку, погладила ее.

— Сэм.

— Да?

— Послушай, ты не хотел бы заняться со мною любовью?

— Подписывая тем самым себе приговор? Ну конечно.

— Пойдем тогда в комнату, именуемую Безысходность, где стихает ветер и где есть ложе...

И он пошел за нею от Отчаяния к Безысходности, и кровь все сильнее билась у него в жилах, и когда он уложил ее нагой на ложе и ощутил у себя под ладонью бархатную податливость белого ее живота, понял он, что воистину могущественнейшим среди локапал был Кубера, ибо чувство, которому посвящена была эта комната, переполняло его вместе с росшим в нем желанием, когда опустился он на

нее, — и пришло расслабление, напряжение, вздох, и жгучие слезы — слезы, после которых уже ничему не быть, — пролились наружу.

— Что угодно тебе, Госпожа Майя?

— Расскажи мне об акселеризме, Так от Архивов.

Так резко выпрямил свое большое худое тело, и спинка его кресла должным образом отреагировала на это, с легким щелчком слегка откинувшись назад.

Позади него покоились банки данных, многочисленные редкие записи заполняли разноцветными переплетами длинные и высокие книжные полки, а воздух — своим затхлым запахом.

Он смерил взглядом стоявшую перед ним леди, улыбнулся и покачал головой. Она казалась совсем юной, неопытной, от этого напряженной, нетерпеливо глядящей на него; у нее были ослепительно рыжие волосы, а пикантный носик и кругленькие щечки усеяли россыпи бледных веснушек. Широкие бедра и плечи разделяла тонкая талия, явно строго-настрого вымуштрованная против подобной тенденции.

— Почему ты качаешь головой? Ведь все приходят за информацией именно к тебе.

— Ты так юна, госпожа. У тебя за спиной, если я не ошибаюсь, всего три аватары. Я уверен, что на этом этапе своей карьеры ты наверняка не захочешь, чтобы имя твое красовалось в специальном списке интересующейся этим вопросом молодежи.

— Список?

— Список.

— Зачем нужен список подобных любопытствующих?

Так пожал плечами.

— Боги собирают престраннейшие вещи; в частности, некоторые из них копят списки.

— Мне всегда говорили, что акселеризм — это дохлый номер.

— Откуда же тогда неожиданный интерес к этому покойнику?

Она засмеялась, и ее зеленые глаза впились в его серые.

Архивы взорвались вокруг него, и он уже стоял в бальной зале где-то в средних этажах Шпиля Высо-

тою В Милю. Ночь клонилась к рассвету. Вечеринка, без сомнения, длилась уже не один час, но толпа, частью которой был и он сам, сгрудилась почему-то вдруг в углу просторной комнаты. Кое-кто из них стоял, прислонившись к стене, кое-кто сидел, откинувшись на удобные спинки, и все они слушали невысокого, крепко сбитого смуглого мужчину, стоявшего рядом с богиней Кали. Был это только что появившийся здесь со своей надзирательницей Махатма Сэм, Будда. Говорил он о буддизме и акселеризме, о днях обуздания, об Адовом Колодезе, о богохульствах Князя Сиддхартхи в приморском городе Махаратхе. Говорил он, и длился, гипнотизируя, длился его голос, и от него исходили сила, уверенность, тепло, его слова, гипнотизируя, длились, длились, длились, и толпа медленно теряла сознание и падала вокруг него. Женщины, как он заметил, подобрались там довольно-таки уродливые — все, кроме Майи, которая, хихикнув, хлопнула в ладоши, и тут же вернулись назад Архивы, Так вновь очутился в своем кресле, и даже улыбка не успела сбежать с его губ.

— Откуда же тогда такой неожиданный интерес к этому покойнику? — повторил он.

— Он отнюдь не покойник!

— Разве? — протянул Так. — Госпожа Майя, он покойник с того самого момента, когда вступил в Небесный Град. Забудь его. Пусть все будет так, будто его никогда и не существовало. Забудь его слова. Пусть у тебя в мозгу не останется от него и следа. Знай, что когда обратишься ты к ним за обновлением, будут обшаривать Хозяева Кармы твой ум, как и все другие, проходящие через их палаты, в поисках его следов. В глазах богов мерзопакостен и Будда, и его учение.

— Но почему?

— Он — анархист с бомбой, сиволапый революционер. Он стремится низвергнуть сами Небеса. Если тебя интересует более серьезная, научная информация, мне придется выйти на машину и затребовать данные. Не подпишешь ли на это заявку?

— Нет...

— Тогда выброси его из головы и закрой дверь.

— Он и в самом деле так плох?

— Он еще хуже.

— Почему же ты тогда улыбаешься, когда говоришь об этом?

— Потому что я достаточно смешлив. Это, впрочем, не влияет на смысл мною сказанного. Так что поосторожнее с этим.

— Но ты-то, кажется, знаешь об этом все. На архивариусов, что ли, эти списки не распространяются?

— Едва ли. По крайней мере, мое имя в них на первом месте. Но не потому, что я архивариус. Он — мой отец.

— Он? Твой отец?

— Да. Ты рассуждаешь, однако, совсем как дитя. Сомневаюсь, что он даже догадывается о своем отцовстве. Что такое отцовство для богов, населяющих собою череду тел, порождая по ходу дела уйму отпрысков с другими, которые в свою очередь точно так же меняют тела по четыре-пять раз на век? Я — сын тела, в котором он когда-то обитал; рожден кем-то другим, тоже прошедшим через множество инкарнаций; да и сам живу уже отнюдь не в том теле, в котором родился. Родственные связи тем самым достаточно неосязаемы и представляют интерес главным образом с точки зрения спекулятивной метафизики. Кто истинный отец человеку? Обстоятельства ли, соединившие два тела, его породившие? Тот факт, что по какой-то причине возлюбили эти двое однажды друг друга превыше всего на свете? Если так, то почему все так сложилось? Или была это жажда плоти — или любопытство — или желание? Или что-то еще? Сострадание? Одиночество? Воля к власти? Какое чувство или какая мысль стала отцом того тела, в котором я впервые появился на свет? Я знаю, что человек, населявший именно это, отцовское тело именно в тот момент времени, — сложная и сильная личность. На самом-то деле хромосомы для нас ничего не значат. В нашей жизни мы не проносим на себе сквозь века эти клейма. На самом деле, мы не наследуем ничего — разве что при случае вклады или наделы, движимость или недвижимость. На длинной жизненной дистанции столь

мало значат для нас тела, что несравненно интереснее поразмышлять о ментальных процессах, исторгнувших нас из хаоса. Я доволен, что именно он вызвал меня к жизни, и часто строю предположения касательно причин этого. Я вижу, госпожа, что лицо твое вдруг побледнело. Не было у меня намерения будоражить тебя своей болтовней — просто как-то удовлетворить твое любопытство и пояснить тебе, как обо всем этом думаем мы, старые. Уверен, что однажды и ты увидишь все это в том же свете. Но мне жаль, что выглядишь ты такой расстроенной. Пожалуйста, сядь. Прости мне мою болтовню. Ты же Госпожа Иллюзий. Разве вещи, о которых говорил я, не сродни самой той материи, с которой ты работаешь? Наверняка по тому, как я все это излагаю, ты способна понять, почему первым стоит мое имя в том самом списке. Ведь это классический случай поклонения герою, не так ли? Мой прародитель столь знаменит... А теперь кажется, что ты покраснела. Может, ты хочешь глотнуть чего-нибудь прохладительного? Одну секундочку... Вот. Глотни. Ну а что касается акселеризма, так он — просто некая доктрина распределения. В соответствии с ней мы, Небесные, уделили бы обитающим внизу от щедрот наших наши знания, силы, имущество. Этот акт милосердия направлен был бы на то, чтобы поднять условия их существования на более высокий уровень, близкий к тому, который занимаем мы сами. Ну и тогда каждый стал бы как бог. В результате — естественно, в будущем — уже не будет богов, останутся одни люди... люди останутся одни. Мы бы дали им познать науки и искусства, которыми обладаем сами, и тем самым разрушили бы их простодушную веру и лишили бы всякой опоры их упования на лучшее будущее, ибо лучший способ уничтожить веру или надежду — это дать им исполниться. Почему должны мы дозволить людям страдать от бремени божественности коллективно, как того хотят акселеристы, когда на деле мы даруем им его индивидуально, когда они его заслужат? На шестидесятом году каждый из них проходит через Палаты Кармы. Его судят, и если он вел себя хорошо — соблюдал правила и запреты своей касты, должным образом

почитал Небеса и прогрессировал интеллектуально и морально, — то человек этот воплотится уже в высшей касте и так со временем сможет добиться даже и самой божественности, перебраться на жительство сюда, в Град. В конце концов каждый получает свой десерт — исключая, разумеется, несчастные случаи, — и тем самым каждый человек, а не скоропалительно объединенное в единое целое общество, может наследовать божественность, которую амбициозные акселеристы желали разметать, как бисер, перед каждым, даже и перед тем, кто к этому совсем не готов. Так что теперь ты видишь, что позиция эта была отвратительно нечестной и пролетарски ориентированной. Чего они на самом деле хотели, так это понизить требования к наделяемым божественностью. Требования эти по необходимости весьма строги. Вот ты дала бы силу Шивы, Ямы или Агни в руки ребенку? Нет, если ты не сошла с ума, то не дала бы. Нет, если ты не желаешь, проснувшись однажды поутру, обнаружить, что мир более не существует. Вот в чем крылась ошибка акселеристов, и вот почему были они остановлены. Теперь ты знаешь об акселеризме все... Э, да тебе, кажется, от жары невмоготу. Давай я развешу твою одежду, пока готовится очередное питье... Отлично... Ну вот, так на чем же мы остановились, Майя? А, да — жучки в пудинге... Итак, акселеристы объявили, что все, мною только что сказанное, было бы чистой правдой, если бы система не была коррумпирована. Они клеветали на неподкупность тех, кто санкционировал инкарнации. Некоторые дерзали даже заявить, что Небеса полны бессмертных аристократов, своевольных гедонистов, играющих с миром, как с игрушкой. Другие посмели заявить, что лучшие из людей никогда не добиваются божественности, но встречают в конце концов истинную смерть или же оказываются инкарнированными в одну из низших форм жизни. Кое-кто из них даже заявил бы, пожалуй, что такие, как, например, ты сама, были выбраны для обожествления только потому, что изначальные твои стать и облик возбудили любознательность какого-то похотливого божества, а не из-за остальных твоих очевидных добродетелей, ми-

лая моя... О, а ты вся в веснушках, а?.. Да, вот это и проповедовали трижды проклятые акселеристы. И со стыдом должен я признать, что все эти идеи и обвинения поддерживает отец моего духа. Ну что поделаешь с таким наследием, ну как не полюбопытствуешь о нем? Он знавал дни великих побед, а сейчас — последний великий раскольник, последняя угроза единству богов. Хоть он, очевидно, и представляет зло, но он — могучий герой, этот отец моего духа, и я уважаю его, как издревле уважали силы отцов своего тела... Теперь ты озябла? Ну-ка, дай-ка... Вот... Вот... и вот... Ну же, сотки нам теперь иллюзию, моя красавица, в которой мир вокруг нас будет свободен от подобного безумия... Теперь сюда. Повернем здесь... А теперь да будет здесь, в этом убежище, новый Рай, моя влажногубая зеленоглазка... Что же это?.. Что же превыше всего во мне в этот миг?.. Правда, моя любовь, — и искренность — и желание разделить...

Ганеша, поставщик богов, прогуливался с Шивой по лесам Канибуррхи.

— Владыка Разрушения, — сказал он. — Как я понимаю, ты вот-вот начнешь репрессии против тех в Граде, кто откликнулся на слова Сиддхартхи более чем ухмылкой.

— Конечно, — промолвил Шива.

— Поступая так, ты понизишь его КПД.

— КПД? Объясни, что ты имеешь в виду.

— Убей-ка мне вон ту зеленую птаху на самой верхней ветке.

Шива взмахнул своим трезубцем, и птица упала с дерева.

— А теперь убей его супругу.

— Я не вижу ее.

— Тогда убей любую другую из их стаи.

— Но я не вижу ни одной из них.

— И теперь, когда он лежит мертвым, и не увидишь. Ну так вот, ударь, если хочешь, по первому же, кто внимает словам Сиддхартхи.

— Я понял, что ты имеешь в виду, Ганеша. Он погуляет на воле. Пока что.

Ганеша-богодел разглядывал джунгли вокруг се-

бя. Хоть он и прогуливался по царству призрачных кошек, он ничего не боялся. Ибо бок о бок с ним шел сам Владыка Хаоса, а Трезубец Разрушения вселял в него спокойствие.

Вишну Вишну Вишну смотрел на смотрел на смотрел на Брахму Брахму Брахму.

Они сидели в Зеркальном Зале.

Брахма разглагольствовал о Восьмеричном пути и прославлял нирвану.

Выкурив подряд три сигареты, Вишну прочистил наконец горло.

— Да, Владыка? — откликнулся Брахма.

— Могу ли я поинтересоваться, к чему сей буддистский трактат?

— А ты не находишь его впечатляющим?

— Не особенно.

— Ты лицемеришь.

— Что ты имеешь в виду?

— Учитель все-таки не может не выказывать хоть каплю заинтересованности в своем собственном учении.

— Учитель? Учение?

— Конечно, Татхагата. К чему было бы иначе богу Вишну воплощаться в наше время среди людей, кроме как ради обучения их пути просветления?

— Я...?

— Привет тебе, реформатор, искоренивший из людских умов страх перед подлинной смертью. Те, кто не возрождаются среди людей, отправляются отныне в нирвану.

Вишну улыбнулся.

— Лучше вместить, чем в борьбе истребить?

— Почти эпиграмма.

Брахма встал, поглядел на зеркала, поглядел на Вишну.

— Как только мы избавимся от Сэма, ты станешь настоящим Татхагатой.

— А как мы избавимся от Сэма?

— Я еще не решил, и я готов прислушаться к чужому мнению.

— Могу ли я предложить, чтобы он воплотился вороном?

— Можешь. Но кто-нибудь другой может захотеть, чтобы ворон перевоплотился в человека. Я чувствую, что у него есть сторонники.

— Хорошо, у нас вполне достаточно времени, чтобы рассмотреть эту проблему. Теперь, когда он на попечении Небес, нам нет нужды спешить. Я изложу тебе свои мысли по этому поводу, как только они у меня появятся.

— Ну хорошо, тогда на сегодня достаточно.

Они они они вышли вышли вышли из из Зала.

Вишну прошел через Сад радостей Брахмы, и, когда он выходил из него, на смену ему ступила под сень деревьев Госпожа Смерть. Она обратилась к восьмирукой статуе с виной, и та тронула струны.

Услышав музыку, подошел Брахма.

— Кали! Прекрасная леди... — объявил он.

— Могуществен Брахма, — ответствовала она.

— Да, — признал Брахма, — столь могуществен, сколь пожелает. А ты так редко навещаешь меня здесь, что я несказанно обрадован. Прогуляемся среди цветов и поговорим. Как красиво твое одеяние.

— Благодарю.

И они пошли по дорожке среди цветов.

— Как идут приготовления к свадьбе?

— Нормально.

— Вы проведете медовый месяц на Небесах?

— Мы планируем его подальше отсюда.

— Можно ли узнать где?

— Мы еще не договорились.

— Время проносится, как на крыльях ворона, моя дорогая. Если хотите, можете на какое-то время обосноваться с Высокородным Ямой у меня, в моем Саду радостей.

— Благодарю, Создатель, но это слишком роскошное место, чтобы два разрушителя могли коротать здесь время и чувствовать себя непринужденно. Мы подыщем для себя что-нибудь подходящее снаружи.

— Как пожелаешь, — он пожал плечами. — Что еще отягчает твои думы?

— Что с так называмым Буддой?

— Сэмом? Твоим старым любовником? А что с ним, в самом деле? Что бы ты хотела про него знать?

— Как его... Что будет с ним?

— Я еще не решил. Шива предложил немного подождать, прежде чем предпринять что-либо. Тем самым мы сумеем оценить степень его воздействия на небесную общину. Я решил, что Вишну станет впредь Буддой, — в исторических и теологических целях. Что касается самого Сэма, я готов выслушать любые разумные предложения.

— Ты не предлагал ему еще раз божественность?

— Предлагал. Он, однако, ее не принял.

— Может, ты повторишь свое предложение?

— Почему?

— Нынешняя проблема не возникла бы, если бы он не был чрезвычайно талантливой личностью. Благодаря своим талантам он мог бы стать весьма ценным добавлением к пантеону.

— Я уже думал об этом. Уж на этот-то раз согласится, что бы он ни собирался делать. Я уверен, что он хочет жить.

— Но ведь есть способы, которыми можно увериться в подобных вопросах.

— Как-то?

— Психопроба.

— И если она покажет его несогласие с Небесами — что тогда?

— А нельзя ли затронуть и изменить сам его мозг? Например, Владыка Мара...

— Я никогда не подозревал, что ты подвластна сентиментальности, богиня. Складывается впечатление, что ты больше всех озабочена, чтобы он продолжал жить, в любой форме.

— Может быть, так и есть.

— Ты же знаешь, что он при этом может... гм, весьма измениться. Если с ним это сделать, он станет уже другим. Его «талант» может полностью исчезнуть.

— На протяжении веков все люди меняются естественным путем, меняются их мнения, верования, убеждения. Одни части ума могут спать, другие пробуждаться. Талант, я уверена, уничтожить трудно — пока продолжается жизнь. Лучше жить, чем умереть.

— Меня можно убедить в этом, богиня, — если у тебя есть на это время, обворожительнейшая.

— Сколько времени?

— Скажем, три дня.

— Тогда — три дня.

— Давай перенесем дальнейшее рассмотрение этого вопроса в мой Павильон Наслаждений.

— Отлично.

— А где нынче Господин Я́ма?

— Работает у себя в мастерской.

— Долгосрочный, полагаю, проект.

— Не менее трех дней.

— Хорошо. Да, для Сэма могут остаться кое-какие надежды. Мне придется все это получше обдумать, но я уже могу оценить эту идею. Да, вполне могу.

Восьмирукая статуя синей богини играла на вине, и под звуки музыки прошли они через сад тем летом.

Хельба обитала на самом краю Небес, там, где начинались дикие дебри. Столь близко от леса расположилась ее резиденция, именуемая Грабеж, что звери прокрадывались прямо за прозрачной стеной, задевая ее на ходуу, а из комнаты, называемой Насилие, можно было разглядывать затененные лесные тропы.

В этой-то комнате, стены которой были увешаны украденными в прошлых жизнях сокровищами, и принимала Хельба гостя по имени Сэм.

Хельба был/была богом/богиней воров.

Никто не знал подлинного пола Хельбы, ибо была у него/ у нее привычка менять его при каждой инкарнации.

Сэм поглядел на гибкую темнокожую женщину, одетую в желтое сари с желтым покрывалом. Как корица были ее сандалии и ногти, золотою диадема в черных как смоль волосах.

— Я симпатизирую тебе, — сказала Хельба нежным, словно мурлыкающим голосом. — Но только в те сезоны своей жизни, когда я воплощаюсь мужчиной, Сэм, обретаю я свой Атрибут и иду на настоящий грабеж.

— Ты, наверно, и сейчас можешь принять свой Облик.

— Конечно.

— А овладеть Атрибутом?

— Вероятно.

— Но ты этого не сделаешь?

— Нет, покуда я в женской форме. Мужчиной я взялся бы украсть что угодно откуда угодно... Посмотри-ка туда, на дальнюю стену, там висят некоторые из моих трофеев. Огромный плащ из синих перьев принадлежал Шриту, главарю демонов Катапутны. Я стащил его прямо у него из пещеры, когда заснули усыпленные мною его неусыпные церберы. Меняющий форму самоцвет я выкрал не откуда-нибудь, а из самого Купола Нестерпимого Зноя; я карабкался по его своду, цепляясь присосками, которые приделал себе к запястьям, коленям, к обуви, а подо мною Матери...

— Хватит! — сказал Сэм. — Я знаю все эти истории, ты же рассказываешь их все время. Прошло уже так много времени, с тех пор как ты совершил по-настоящему дерзкую — как когда-то — кражу, что тебе приходится все чаще повторять рассказы об этом. Иначе даже старшие из богов забудут твою былую ушлость. Но я вижу, что обратился не по адресу, и попытаю удачу где-либо еще.

Он встал, словно собираясь идти.

— Подожди, — заволновавшись, сказала она.

Сэм замер.

— Да?

— По крайней мере, скажи мне о замышляемом тобою ограблении. Может, я помогу тебе советом...

— Чем может помочь мне даже лучший твой совет, Владыка Воров? Мне не нужны слова, мне нужны действия.

— Может быть, даже... рассказывай!

— Хорошо, — сказал Сэм, — хотя я и сомневаюсь, что тебя заинтересует столь сложная задача...

— Ты можешь пропустить все эти детские психологические уловки и сказать мне, что же ты хочешь украсть.

— В Небесном Музее, каковой, как известно, являет собой надежно построенное и постоянно охраняемое помещение...

— И всегда открытое. Продолжай.

— В этом здании, в витрине, подключенной к компьютерной охране...

— При достаточном умении ее можно вскрыть.

— В этой витрине на манекене висят серые чешуйчатые доспехи. А вокруг разложено и развешено множество оружия.

— Чье все это?

— Это древнее одеяние того, кто бился на севере в дни войн против демонов.

— Разве это был не ты?

Сэм заговорщицки улыбнулся и продолжал:

— Мало кто знает, что просто как часть экспозиции находится там и предмет, который когда-то был известен под именем Талисман Обуздателя. Не исключено, что он потерял с тех пор все свои достоинства, но, с другой стороны, не исключено и обратное. Он служил фокусом для особого Атрибута Бича, и вот он вновь ему понадобился.

— Так какой же предмет нужно тебе украсть?

— Широкий пояс из раковин, застегнутый на талии костюма. Раковины нежнейшего желто-розового оттенка; они заполнены сложнейшими цепями микросхем, которые, вероятно, в наши дни уже не воспроизвести.

— Не такая уж это и замечательная кража. Она мне по плечу даже в этой форме...

— Мне он нужен срочно — или не нужен вовсе.

— Насколько срочно?

— Боюсь, в ближайшие шесть дней.

— А что ты готов мне заплатить, чтобы заполучить его в свои руки?

— Я отдал бы все что угодно, если бы у меня было хоть что-то.

— О! Ты прибыл на Небеса налегке?

— Да.

— Легкомысленно.

— Если мне удастся ускользнуть, ты сможешь назвать свою цену.

— А если нет, я не получу ничего.

— Похоже, что так.

— Дай подумать. Меня может позабавить, что ты станешь моим должником.

— Прошу, думай, но не слишком долго.

— Сядь, Бич Демонов, рядом со мной и расскажи о славных днях обуздания, когда скакал ты по миру бок о бок с бессмертной богиней и сеял повсюду семена хаоса.

— Это было так давно, — сказал Сэм.

— Могут ли эти дни вернуться, если ты вырвешься на свободу?

— Могут.

— Приятно знать это. Да...

— Ты сделаешь это?

— Салют, Сиддхартха! Освободитель! Сбрось узду!

— Салют?

— И гром и молния. Пусть они грянут снова!

— Да будет так.

— Теперь расскажи мне о днях своей славы, а я опять поведаю тебе о своей.

— Хорошо.

Подпоясанный широким кожаным ремнем, птицей несся по лесу Владыка Кришна в погоне за Леди Ратри, которая, обманув его ожидания, отказалась сойтись с ним после репетиционного, как он думал, обеда. Безоблачный день источал вокруг них свои ароматы, но далеко было ему до благоухания, исходившего от темного, как полночь, синего сари, которое сжимал он в левой руке. Меж деревьями перед ним мелькал ее силуэт; он на секунду потерял его из виду, когда свернула вдруг богиня на незаметную тропу, тут же вынырнувшую на обширную прогалину.

Когда, выскочив из чащи, он вновь увидел ее, она стояла на невысоком холме, воздев над головой сведенные вместе обнаженные руки. Она полузакрыла глаза, а единственное одеяние — длинное черное покрывало волнами обтекало ее мерцающее белоснежное тело.

И он понял, что она приняла свой Облик и вот-вот обретет Атрибут.

Жадно хватая воздух широко раскрытым ртом, бросился он к ней по склону холма; и она, опуская руки, открыла глаза и улыбнулась, глянув на него сверху вниз.

Он был уже совсем рядом, когда она взмахнула своим покрывалом, и оно захлестнулось вокруг его

головы; и послышался ее смех — где-то среди бескрайней ночи, накрывшей его.

Была та ночь черной, беззвездной, безлунной, без единого проблеска, без намека на мерцание, без искорки или свечения на небосводе. Сродни полной слепоте была обрушившаяся на него темень.

Он засопел, и она тут же выхватила сари у него из руки. Вздрогнув, он пошатнулся и услышал, как где-то рядом зазвенел смех.

— Ты слишком много себе позволил, Господин Кришна, — сказала она ему, — ты покусился на святость Ночи. За что я и накажу тебя, окутав Небеса на время темнотой.

— Я не боюсь темноты, — со смешком ответил он.

— Значит, и вправду мозги у тебя в мошонке, Господин, как частенько про тебя злословят; затеряться ослепленным внутри Канибуррхи и полагаться на то, что не наткнешься на ее обитателей — или они на тебя не наткнутся, — это просто безрассудная храбрость. Пока, Темный Бог. Если повезет — тебе, — свидимся на свадьбе.

— Постой, прекрасная леди! Надеюсь, ты примешь мои извинения?

— Ну конечно, ведь я заслужила их.

— Тогда подыми завесу тьмы, что ты на нас опустила.

— Попозже, Кришна, когда я буду готова.

— Ну а как мне быть до тех пор?

— Говорят, сэр, что, играя на своей свирели, можешь ты зачаровать самых свирепых зверей. И я бы тебе предложила, если, конечно, это правда, прямо сейчас достать свирель свою и завести самую что ни на есть успокоительную мелодию, пока я не сочту нужным вернуть на Небеса дневной свет.

— Леди, ты жестока, — сказал Кришна.

— Се ля ви, Бог со Свирелью, — сказала она, уходя.

И он начал играть, и в голове у него клубились темные мысли.

Они приходили. С небосклона, оседлав полярные ветры, через моря и земли, сквозь пылающий снег — и под ним, и над ним — отовсюду приходили они.

Способных менять свою форму сметало ветром через застланные белой скатертью поля, небесные странники осыпались с небосвода, словно осенние листья; над пустошами горланили трубы, с грохотом проносились мимо снежные колесницы, лучи света, как копья, разлетались во все стороны, отражаясь от их полированных боков; пылали меховые плащи, густые плюмажи молочно-белого пара тянулись над и за ними, златорукими и солнцеглазыми; лязгая и буксуя, мчась и кренясь, проносились и приходили они — блестящие перевязи, волчьи маски, огненные шарфы, дьяволовы ноги, инеистые поножи, горделивые шлемы... — приходили они; и по всему миру, что оставался у них за спиной, радость царила в Храмах, и полнились они песнопениями, процессиями и молебнами, приношениями жертв и раздачами милостыни, красочными и пышными церемониями. Ведь сеявшая повсюду страх богиня собиралась сочетаться браком со Смертью, и это сулило, как надеялись, смягчение их нравов и послабление в их требованиях к миру. И Небеса тоже оказались заражены праздничным духом, и пока собирались вместе боги и полубоги, герои и знать, первосвященники, преуспевающие раджи и высокопоставленные брамины, набрал дух этот силу и одним махом закрутился вдруг многоцветным смерчем, ударив в голову и Первым, и последним.

И приходили они, и стекались они в Небесный Град, гарцуя на спинах пернатых родичей Гаруды, по спирали спускаясь в покачивающихся небесных гондолах, поднимаясь все выше и выше по горным артериям, сверкая то тут, то там среди заснеженных, обледенелых просторов; приходили, чтобы звенел Шпиль Высотою в Милю от их песен, чтобы слышался в темноте их смех, когда спустилась вдруг и, к счастью, ненадолго покрыла Град необъяснимая темень; и в те дни и ночи походил сбор их, как сказал один велеречивый поэт, сразу на шесть совершенно разных вещей (прославлен он был своей расточительностью, когда дело касалось уподоблений): на перелет птиц, светлых птиц, через застывший в штиль молочный океан; на последовательность нот в мозгу чуть свихнувшегося композитора; на косяк глубоко-

водных рыб, чьи тела — не более чем завитки и струйки света, кружащий вокруг какого-то светящегося растения в холодной и глубокой морской впадине; на спиралевидную галактику, рушащуюся неожиданно на свой центр; на грозу, каждая дождинка которой становится то перышком, то певчей птахой, то драгоценным самоцветом; и, наконец (и, может быть, в наибольшей степени), на Храм, заполненный богато убранными статуями, неожиданно ожившими, запевшими, неожиданно ринувшимися под развевающимися на ветру штандартами в мир, сотрясая дворцы, опрокидывая башни, чтобы воссоединиться в самом центре, чтобы разжечь неимоверное пламя и плясать вокруг него, ни на секунду не лишая ни огонь, ни танец возможности полностью выйти из-под контроля.

Они приходили.

Услышав разнесшийся по Архивам сигнал тревоги, Так выхватил из висевшего на стене футляра Пресветлое Копье. В течение суток сигнализация оповещала разных стражей. Предчувствуя истинную причину тревоги, Так возблагодарил судьбу, что не была она поднята в другой час. Поднявшись в лифте на уровень Града, он помчался к высившемуся на холме Музею.

Но было уже поздно.

Открытая витрина, смотритель без сознания и ни души в Музее — по причине, вероятно, царившего в Граде праздника.

Музейный комплекс располагался столь близко от Архивов, что Так успел заметить двоих, спускавшихся по противоположному склону холма.

Он взмахнул Пресветлым Копьем, но побоялся пустить его в ход.

— Стой! — закричал он.

Они обернулись.

— Тебе-таки не удалось перехитрить сигнализацию! — воскликнул в сердцах один из них.

Он поспешно застегивал на талии свой широкий пояс.

— Уходи, уходи отсюда! — сказал он. — Я беру его на себя!

— Этого не может быть! Сигнализация отключена! — закричал его спутник. — Я...

— Прочь отсюда!

И он обернулся, поджидая Така. Спутник его бросился дальше вниз с холма, и Так заметил, что это была женщина.

— Положи на место, — выдавил из себя запыхавшийся Так. — Что бы ты там ни взял, положи это на место — и я, может быть, смогу скрыть...

— Нет, — сказал Сэм. — Слишком поздно. Теперь я равен здесь любому, и это мой единственный шанс ускользнуть. Я знаю тебя, Так от Архивов, и не хочу причинять тебе вред. Уходи — и побыстрее!

— Вот-вот здесь будет Яма! И...

— Я не боюсь Яму. Нападай или оставь меня — ну же!

— Я не могу на тебя напасть.

— Тогда до свидания, — и с этими словами Сэм, как воздушный шарик, поднялся в воздух.

Но только оторвался он от поверхности земли, как на склоне холма появился Яма, и в руках у него было оружие: хлипкая поблескивающая трубка с крохотным прикладом, но весьма внушительным спусковым устройством.

Он поднял ее и прицелился.

— Последнее предупреждение! — закричал он, но Сэм продолжал свое вознесение.

Тогда Яма выстрелил, и в ответ ему где-то в вышине над головой оглушительно треснул купол свода.

— Он принял свой Облик и обрел Атрибут, — объяснил Так. — Он обуздал энергию твоего оружия.

— Почему ты не остановил его? — спросил Яма.

— Не мог, Господин. Я подпал под его Атрибут.

— Не имеет значения, — сказал Яма. — Третий страж его осилит.

Обуздав гравитацию по своей воле, он возносился. И в полете ощутил, что его преследует какая-то тень.

Она пряталась в засаде где-то на самой периферии зрения. Как он ни крутил головой, она все время ускользала от его взгляда. Но она все время была там — и она росла.

А впереди, прямо у него над головой возвышались врата, ведущие наружу. Талисман мог бы отомкнуть их запор, мог согреть Сэма среди наружного хлада, мог унести его, куда ему заблагорассудится...

И тут пришел звук бьющих по воздуху крыльев.

— Беги! — загрохотал у него в мозгу голос. — Поднажми, Бич! Быстрее! Еще быстрее!

Это было одно из самых странных ощущений, какие он только когда-либо испытывал.

Он чувствовал, как движется вперед, мчится к цели.

Но ничего не менялось. Врата не приближались. Несмотря на ощущение чудовищной скорости, он не двигался.

— Быстрее, Бич! Пошевеливайся! — кричал дикий, ревущий голос. — Постарайся обставить и ветер, и молнию!

Он попытался превозмочь ощущение движения.

И сразу же на него обрушились ветры, могучие ветры, бесконечно кружащие по Небесам.

Он справился с ними, но теперь голос звучал совсем рядом, хотя ничего, кроме тени, разглядеть ему так и не удавалось.

— «Чувства — это кони, а предметы — дороги их, — промолвил голос. — Если разум твой не сосредоточен, то теряет он свою проницательность».

И Сэм узнал в этих ревущих у него за спиною словах могущественные строки Катха упанишады.

— «И тогда, — продолжал голос, — не знают чувства узды, словно дикие, дурные кони у слабого колесничего».

И молнии раскололи над ним небо, и объяла его мгла.

Он попытался обуздать обрушившуюся на него энергию, но не нашел ничего.

— Все это не реально! — крикнул он.

— Что реально, а что нет? — вопросом ответил голос. — Ну а теперь кони сбежали от тебя.

И последовал миг жутчайшей черноты, словно двигался он в вакууме чувств. Потом — боль. Потом ничего.

Трудно быть старейшим действующим богом юности.

Он пришел в Палату Кармы, потребовал свидания с каким-нибудь наместником Колеса, предстал перед Владыкой, которому двумя днями ранее скрепя сердце пришлось отказаться от его зондирования.

— Ну? — поинтересовался он.

— Прошу прощения за отсрочку, Господин Муруган. Наш персонал задействован в приготовлениях к брачной церемонии.

— Они бражничают на стороне вместо того, чтобы готовить мое новое тело?

— Тебе не следует говорить, Владыка, так, будто это тело и в самом деле твое. Это тело, ссуженное тебе Великим Колесом в ответ на твои нынешние кармические нужды...

— И оно не готово, потому что твоя команда пирует где-то?

— Оно не готово, потому что Великое Колесо вращается так...

— Я хочу его не позднее завтрашнего вечера. Если оно не готово, смотри, как бы Великое Колесо не раздавило своих прислужников. Ты меня понял, Владыка Кармы?

— Я услышал неподобающие в подобном святилище речи и...

— Брахма посоветовал мне воплотиться в новое тело, чтобы иметь удовольствие видеть меня в нем во время свадебных церемоний в Шпиле Высотою В Милю. Мне что, сообщить ему, что Великое Колесо не может удовлетворить его желание из-за медлительности своего вращения?

— Нет, Господин. Тело будет готово в срок.

— Отлично.

Он повернулся и ушел.

У него за спиной Владыка Кармы сделал согнутой в локте рукой старинный мистический жест.

— Брахма.

— Да, богиня?

— О моем предложении...

— Будет сделано по вашему требованию, мадам.

— Я бы хотела иначе.
— Иначе?
— Да, Господин. Мне бы хотелось человеческого жертвоприношения.
— Нет...
— Да.
— Ты и в самом деле сентиментальнее, чем я полагал.
— Будет это сделано или нет?
— Честно говоря, в свете последних событий, я бы предпочел именно такой выход.
— Тогда решено?
— Будет, как ты хочешь. В нем больше силы, чем я думал. Если бы стражем не был Владыка Иллюзий... Да, я и не догадывался, что тот, кто так долго сидел тихо, может быть столь талантлив, если использовать твое выражение.
— Передаешь ли ты мне все полномочия в этом вопросе, Создатель?
— Охотно.
— Ну и подкинем на закуску Царя Воров?
— Да будет так.
— Благодарю тебя, Великий.
— Не за что.
— Будет за что. Доброго тебе вечера.
— И тебе.

Поведано, что в этот день, в этот великий день, Бог Вайю остановил поднебесные ветры, и неподвижность опустилась на улицы Небесного Града, на леса Канибуррхи. Читрагупта, слуга Господина Ямы, возвел у Миросхода величественный погребальный костер, сложив пирамидой поленья сандала и другой ароматической древесины, добавив разнообразных смол, благовоний, масел, набросав сверху роскошных одежд; а на самую верхушку костра водрузил он Талисман Бича и огромный синеперый плащ, принадлежавший некогда Шриту, вожаку демонов Катапутны; положил он туда и изменяющий форму самоцвет Матерей из Купола Невыносимого Зноя и шафрановую рясу из пурпурной рощи в окрестностях Алундила, которая, как говорили, принадлежала раньше Татхагате, Будде. Мертвая тишина разлилась повсю-

ду после ночного празднества Первых. Ничто не шелохнулось на Небесах. Говорят, что невидимыми порхали демоны в верхних слоях атмосферы, боясь приблизиться к месту средоточения огромной силы. Говорят, что имели место многочисленные знаки и знамения, предвещавшие падение одного из великих. А теологи и святые историки поведали, что отрекся прозванный Сэмом от своей ереси и положился на милосердие Тримурти. Говорят еще, что богиня Парвати, которая была когда-то ему то ли женой, то ли матерью, сестрой или дочерью, а может — всеми ими сразу, покинула Небеса и в трауре удалилась на восточный континент, к тамошним колдуньям, которых она считала своей родней. На рассвете великая птица по имени Гаруда, вахана Вишну, чей клюв сминает колесницы, заволновался, вдруг проснувшись, и испустил единственный хриплый вопль, разнесшийся из его клетки по всем Небесам, вдребезги разбивая стекла, эхом отдаваясь по поднебесным странам, заставляя в испуге вскочить даже спавших мертвецким сном. Среди неподвижного небесного лета начинался день любви и смерти.

Пустынны были улицы Небес. На время скрылись боги в ожидании внутри своих жилищ. Заперты были все двери на Небесах.

На волю были выпущены вор и тот, кого приспешники называли Махасаматманом, думая, что он бог. В соответствии с предзнаменованием странно стылым казался воздух.

Высоко-высоко над Небесным Градом, на небольшой площадке, венчающей собою верхушку Шпиля Высотою В Милю, стоял Владыка Иллюзий, Мара-Сновидец. Одет он был в плащ всех цветов — и не только радуги. Воздел он над головой руки, и, сливаясь воедино с собственной силой, хлынула через его тело мощь всех остальных богов.

В уме его обретала форму греза. И излил он ее наружу, как разливается по пляжу накатившаяся на берег высокая волна.

Век за веком, с тех пор как спланировал их Великий Вишну, сосуществовали бок о бок Град и глушь, примыкая друг к другу и, однако, не соприкасаясь, доступные, но разделенные огромным рас-

стоянием — не в пространстве, а внутри разума. С умыслом устроил все так Вишну-Хранитель. И теперь не очень-то одобрял он снятие барьера между ними — даже частичное и временное. Не хотелось ему видеть, как проникает что-то дикое в Град, выпестованный его умом как чистый триумф формы над хаосом.

И однако даровано было силой сновидца призрачным кошкам узреть разок все Небеса целиком.

Без устали бродили они по темным извечным тропинкам в джунглях, были которые отчасти иллюзией. И вот в месте том, существовавшем лишь наполовину, обрели глаза их новое зрение, а вместе с ним обуяла кошек неукротимость и жажда немедленной добычи.

Среди мореходов, этих всемирных сплетников и переносчиков россказней, которым, кажется, ведомо все на свете, прошел слух, что не кошками были на самом деле некоторые из охотившихся в тот день призрачных кошек. По их словам, болтали потом не раз боги, когда случалось им бывать в мире, что кое-кто с Небес переселился на этот день в тела белых тигров Канибуррхи, дабы пройтись по аллеям Града и принять участие в охоте на вора-неудачника и того, кого называли когда-то Буддой.

Говорят, что когда брел он по улицам Града, древний ворон прокружил трижды над ним и уселся Сэму на плечо.

— Разве ты не Майтрея, Князь Света, — заговорил ворон, — которого заждался мир, увы, уже столько лет, — тот, приход кого я предсказал в стихотворении много лет назад?

— Нет, мое имя Сэм, — отвечал тот, — и я вот-вот покину этот мир, а не приду в него. А кто ты?

— Я — птица, бывшая однажды поэтом. Все утро летал я, стоило провозгласить новый день воплю Гаруды. Я облетел все небесные пути в поисках Рудры, надеясь замарать его своим пометом, и тут почувствовал, как легло на землю бремя заклятия. Далеко летал я и многое видел, Князь Света.

— И что же видел ты, ворон, бывший поэтом?

— Видел я незажженный погребальный костер,

возведенный на краю мира, туман клубился вокруг него. Я видел богов, что пришли слишком поздно, они мчались сквозь снега, они пикировали из-под облаков, они кружили вокруг купола. Я видел актеров, репетирующих в масках представление театра жестокости для брачной церемонии Смерти и Разрушения. Я видел, как поднял руку Владыка Вайю и остановил ветры, безостановочно кружащие в Небесах. Я видел переливающегося всеми цветами Мару на верхушке самой башни, и я почувствовал, как ложится бремя его заклинания на призрачных кошек, и видел я, как не могли они найти в лесу места и устремились сюда. Я видел слезы мужчины и женщины. Я слышал смех богини. Я видел поднятое в лучах рассвета светлое копье и слышал клятву. И наконец увидел я Князя Света, о котором давным-давно напророчил:

Умирает всегда, никогда не умрет,
На исходе всегда, никогда не в конце.
Ненавидит он тьму,
Облаченный во свет;
Он придет в эту югу,
Словно ночью рассвет.
Я черкнул эти строки
Своим вольным пером;
В самый день своей смерти
Я увижу его.

И птица взъерошила свои перья и замерла у него на плече.

— Я рад, птица, что тебе удалось многое повидать, — сказал Сэм, — и что в рамках вымысла своей метафоры удалось тебе достичь некоторого удовлетворения. К сожалению, поэтические истины разительно отличаются от истин повседневных.

— Привет тебе, Князь Света! — провозгласил ворон и поднялся в воздух.

И тут же его насквозь пронзила стрела, выпущенная из близлежащего окна одним ворономенавистником.

Сэм поспешил прочь.

Говорят, что настигшая его — а позже и Хель-

бу — призрачная кошка была на самом деле богом или богиней; ну что ж, это вполне вероятно.

А еще говорят, что кошка эта была не первой и не второй из тех, кто выследил искомую жертву. Много тигров погибло под Пресветлым Копьем, которое, проткнув их насквозь, само собой выдергивалось из тела, очищалось вибрацией от крови и возвращалось затем в руку, его метнувшую. Но и сам Пресветлый Копейщик Так пал, сраженный запущенным ему в голову стулом; это Ганеша бесшумно вошел у него за спиной в комнату. Кое-кто говорит, что Пресветлое Копье уничтожил потом Великий Агни, другие же утверждают, что сбросила его с Миросхода Леди Майя.

Не по душе было все это Вишну-Хранителю, и часто повторялись потом на разные лады его слова, что нельзя было осквернять Град кровью и что если однажды получил туда доступ хаос, то непременно найдет он себе дорогу и вновь. Но младшие боги подняли его на смех, ведь он считался последним в Тримурти, а идеи его, как все доподлинно знали, весьма устарели, поскольку был он одним из Первых. По причине этой отрекся он от всякого участия в происходящем и удалился на время в свою башню. И Владыка Варуна Справедливый отвернул лицо свое от небесных дел и посетил Павильон Молчания у Миросхода, где просидел некоторое время в комнате, называемой Страх.

Удачным оказалось представление Театра Масок, текст для которого написал велеречивый поэт, прославившийся элегантностью стиля и принадлежностью к антиморгановской школе. Сопровождалось представление и убедительными иллюзиями, навеянными по этому случаю Сновидцем. Говорят, что и Сэм провел тот самый день погруженным в иллюзии; что легло на него заклятие и бродил он по Граду во тьме, среди жутких запахов, встречаемый стенаниями и воплями; что предстали перед ним заново все ужасы, которые познал он в своей жизни, — сверкающие и темные, безмолвные и ревущие, — извлечены они были из его памяти и пропитаны сопровождавшими их в свое время эмоциями. А потом все это оборвалось.

Останки его были доставлены процессией к Мироходу, водружены поверх погребального костра и сожжены под песнопения. Владыка Агни поднял свои темные очки, уставился на несколько секунд в костер, и охватили поленья языки пламени. Владыка Вайю поднял руку, и взъярились ветры, раздувая огонь. Когда костер догорел, Великий Шива взмахом своего трезубца исторг пепел за пределы этого мира.

По большому счету, основательными и впечатляющими получились эти похороны.

Давно невиданное на Небесах бракосочетание прошло в полном соответствии с традицией. Шпиль Высотою В Милю ослепительно сверкал, словно гигантский ледяной сталагмит. Снято было заклятие, и бродили призрачные кошки по улицам Града, опять ослепнув к его красотам, и словно бы поглаживал их шерсть ветерок; поднимались они по ступеням широких лестниц — нет, взбирались по каменистому склону; дома были для них отвесными скалами, статуи — деревьями. Кружащие без устали под сводом Небес ветры подхватили пение и разносили по земле его обрывки. Священное пламя загорелось в Квадрате, вписанном в центральный Круг Града. Специально завезенные по такому случаю в Град девственницы поддерживали огонь, подкладывая чистые, сухие поленья ароматической древесины, которые потрескивали и сгорали почти без дыма, лишь изредка вырывалось вдруг наружу его белоснежное облачко. Сурья, солнце, светил с таким блеском, что, казалось, дневной свет вибрировал в прозрачном воздухе. Жениха в сопровождении многочисленной свиты друзей и слуг в красном облачении препроводили через весь Град к Павильону Кали, где их встретили слуги богини и провели в огромную пиршественную залу. В качестве хозяина гостей там встречал Владыка Богатств Кубера; он рассадил алую свиту — числом в триста человек — по чередующимся черным и красным стульям, расставленным вокруг длинных столов черного дерева, инкрустированных костью. И там, в этой зале, всем им дали испить мадхупарки, смеси меда с творогом и наркотическим порошком; а пили они ее в компании облаченной в синее свиты невесты, вступившей в

залу, неся по две чаши. Три сотни человек было и в этой свите, и когда все расселись и выпили мадху-парки, произнес Кубера небольшую речь, перемежая ее непристойными шутками и вставляя различные практические советы и цитаты из древних писаний. После чего отбыли свиты жениха и невесты в павильон, воздвигнутый в Квадрате, но шли они разными путями и подошли к нему с противоположных сторон. Яма и Кали вошли внутрь порознь и сели по разные стороны от небольшого занавеса. Кругом раздавались старинные песнопения, и вот развернул наконец Кубера занавес, и молодожены впервые за этот день увидели друг друга. Заговорил тогда Кубера и передал Кали на попечение Ямы в обмен на обещание, что обеспечит тот невесте добро, богатство и удовольствие. Пожал тогда Господин Яма ей руку, а Кали бросила в огонь, к которому подвел ее жених, приношение — горсть зерна; в это время один из ее слуг связал воедино их одежды. После этого наступила Кали на жернов и прошли они вдвоем семь шагов, причем Кали каждым шагом давила маленькую кучку риса. Потом на несколько мгновений окропил их слегка дождик, чтобы освятить происходящее водой. Объединившись в единую процессию, потянулись гости и слуги через весь город к темному павильону Ямы, где накрыты были столы для веселого пиршества и где давал свое представление Театр Кровавых Масок.

Когда повстречал Сэм последнего своего тигра, медленно кивнул тот головой, признавая свою добычу. Некуда было бежать Сэму, и он просто стоял и ждал. Не спешила и кошка. В этот миг попыталась спуститься на Град орда демонов, но отбросила их назад сила заговора. Не прошло незамеченным, что всхлипнула богиня Ратри, и имя ее было внесено в список. Так от Архивов заточен был до поры до времени в каземат глубоко под Небесами. Многие слышали, как промолвил Владыка Яма: «Жизнь не восстала», словно он почти ожидал от нее такого поступка.

С учетом всего, основательной и впечатляющей получилась эта смерть.

Семь дней длились свадебные гуляния, и все эти

дни грезу за грезой насылал на пирующих Владыка Мара. Словно на волшебном ковре-самолете переносил он их из одной страны-иллюзии в другую, на фундаменте из воды и огня возводил дворцы из многоцветного дыма, уводил скамьи, на которых сидели они, в бездонные ущелья звездной пыли, кораллом и миррой увлекал их чувства за пределы самих себя, навлекал на них на всех их Облики, заставляя беспрестанно кружить вокруг архетипов, на которых утвердили некогда боги свою мощь, — и танцевал Шива на кладбище Танец Разрушения и Танец Времени, празднуя легендарный свой подвиг, разрушение трех летающих городов асуров, знаменитой Трипуры; Кришна Темный одно за другим выделывал все коленца Танца Борца в память победы своей над черным демоном Баной, пока Лакшми исполняла Танец Изваяния; и даже Великий Вишну подвигся вновь прославить свои шаги Танцем Амфоры, а Муруган во вновь обретенном теле смеялся над облаченным в океаны миром, танцуя по водам их, словно по священной поляне, свой безумный танец, который отплясывал он когда-то после убийства Шуры, пытавшегося скрыться в пучине моря. И по мановению руки Мары возникали магия и цвет, музыка и вино. И приходил черед поэзии и игр, песен и смеха. Не раз вспыхивали и соревнования, состязания в силе и искусности. Короче, поистине божественной выносливостью нужно обладать, чтобы выдержать целых семь дней удовольствий.

Учитывая это, основательной и впечатляющей получилась эта свадьба.

По ее окончании жених и невеста покинули Небеса пространствовать немного по свету, насладиться его разнообразием. Без слуг и свиты отправились они, чтобы попутешествовать на свободе. Не сочли нужным они оповестить и о своем маршруте, и о длительности своего медового месяца — чего вполне можно было ожидать, учитывая склонность их небесных приятелей к шуточкам и розыгрышам.

Веселье по их отбытии улеглось не сразу. Господин Рудра, поглотив неимоверное количество сомы, вскочил вдруг на стол и разразился речью касательно невесты — речью, по поводу которой возникли бы

у него большие разногласия с Ямой, присутствуй последний при ней. Ну а в его отсутствие ударил Владыка Агни Рудру по лицу и немедленно был вызван на дуэль — в Обликах, во всем Небесном просторе.

Агни взлетел на вершину горы, возвышавшейся позади Канибуррхи, а Рудра занял позицию поблизости от Миросхода. По данному сигналу выпустил Рудра в соперника свою наводящуюся по теплу стрелу, и со свистом покрывала она милю за милей, пока не засек ее в пятнадцати милях от себя Владыка Агни и не сжег в полете вспышкой Всеприсущего Пламени. И, словно игла света, пронзил тот заряд все пространство между ними и дотронулся до Господина Рудры, обратив его в пригоршню праха, а затем пролетел дальше, пробив дыру в Небесном своде у него за спиной. Так не посрамил Агни честь локапал; ну а из среды полубогов выдвинут был новый Рудра — занять место павшего старого.

Новые погребальные костры были возведены, чтобы упокоить посиневшие останки весьма живописно отравленных двух верховных жрецов и одного раджи. Владыка Кришна, приняв свой Облик, сыграл такую музыку, после которой другой быть уже не может, и Гаури Белая смягчилась, потеплело ее сердце, и еще раз пришла она к нему, когда кончил он играть. Сарасвати с блеском исполнила Танец Наслаждения, после чего воссоздал Мара бегство Хельбы и Будды через Град. Многих, правда, взволновала последняя эта греза, и новые имена внесены были в список. А затем демон с телом юноши и головой тигра осмелился появиться среди них и с дикой яростью напал на Господина Агни. Отогнали его, объединив свои силы, Ратри и Вишну, но удалось ему ускользнуть в бестелесность прежде, чем смог Агни поднять на него свой жезл.

Многое изменилось на Небесах в последующие дни.

Пресветлый Копейщик Так от Архивов осужден был Властителями Кармы возродиться в теле обезьяны; и заложено было в мозг его предупреждение, дабы всякий раз, когда захочет он сменить тело, опять рождался он обезьяной, чтобы в этой форме и

странствовал он по свету, пока наконец не соблаговолят Небеса проявить свое милосердие и снять с него проклятие. После чего отправили его избывать бремя своей кармы в южные джунгли.

Варуна Справедливый покинул, собрав своих слуг, Небесный Град и обосновался где-то в пределах мира. Связали некоторые клеветники исход его с бегством Ниррити Черного, бога темноты и порчи, который покинул в свое время Небеса, напитав их своей злой волей и миазмами чернейших проклятий. Немногочисленными, правда, были хулители эти, ибо знали все, что заслужил Варуна титул Справедливого, и, осуждая его, легко было бросить тень на свою собственную репутацию; посему уже через несколько дней стихли все пересуды о нем.

Много позже изгнаны были в мир и другие боги, случилось это уже во времена Небесных Чисток. Началось все это, однако, как раз в те дни, когда вновь проник на Небеса акселеризм.

Брахма, могущественнейший среди четырех чинов божественных, среди восемнадцати воинств Рая, Всесоздатель, Владыка Небес высоких и всего, что под ними, из чьего пупа произрастает лотос, руки чьи пахтают океаны, а ноги тремя шагами покрывают все миры, барабан славы которого ужасом наполняет сердца врагов, сжимающий в деснице колесо закона, вяжущий, как путами, змеею катастрофы, — в результате поспешно данного Хозяйке Смерти обещания чувствовал себя Брахма впоследствии все более и более неуютно. Хотя с другой стороны, очень даже вероятно, что поступил бы он точно так же и без представленных ею доводов. И главным результатом ее действий стало, вероятно, то, что появился на некоторое время у него — известного как Брахма Непогрешимый — козел отпущения, на которого мог он с чистой совестью свалить все свои проблемы.

По окончании празднования в нескольких местах пришлось чинить купол небосвода.

В помещении Небесного музея нес отныне круглосуточное дежурство вооруженный охранник.

Запланировали несколько охотничьих экспедиций на демонов, но ни одна из них не продвинулась дальше стадии разработки.

Назначили нового архивариуса, который ничего не знал о своих предках.

По всей земле даровано было призрачным кошкам Канибуррхи символически присутствовать в Храмах.

В последнюю ночь празднеств вступил в Павильон Молчания у Миросхода одинокий бог, и долго оставался он в комнате, называемой Память. Потом засмеялся он, и долго смеялся, прежде чем вернуться в Небесный Град; и был смех его полон юности, красоты, силы и чистоты; и ветры, что кружили без устали по Небесам, подхватили смех этот и разнесли его по земле, где подивились слышавшие его странной, вибрирующей нотке торжества, в нем звучавшей.

Учитывая все это, весьма впечатляющим выдалось это время — время Любви и Смерти, Ненависти и Жизни, — и Безумия.

vi

После смерти Брахмы вступили Небеса в период смуты. Некоторых богов пришлось даже оттуда выслать. В то время почти каждый боялся, что его сочтут акселеристом, и так уж случилось, что в тот или иной момент почти каждый таковым и считался. Хотя мертв был Махатма Сэм, но говаривали, что дух его продолжает, посмеиваясь, жить. И вот в дни волнений и интриг, приведших к Великой Битве, прошел слух, что жив, может, не только его дух...

Когда солнце страданья заходит,
нисходит покой,
Владыка спокойных звезд,
покой созиданья,
где кружась сереет мандала.
Молвит глупец про себя,
что мысли его — только мысли...
Сараха (98-99)

Стояло раннее утро. Около пруда с пурпурными лотосами, в Саду Наслаждений, у подножия статуи играющей на вине синей богини обнаружили Брахму.

Девушка, которая на него наткнулась, поначалу решила, что он отдыхает, ибо глаза его были открыты. Но почти сразу заметила она, что он не дышит, а лицо его искажено, но не меняет выражения.

Задрожав, стала ждать она конца света. Ну естественно, ведь бог же умер. Чуть попозже решила она, однако, что внутренняя сцепленность событий и предметов может поддержать мир еще часок-другой, а в таком случае, подумалось ей, целесообразно привлечь к делам завершающейся юги внимание кого-либо способного с ними совладать.

И она рассказала об этом Первой Наложнице Великого Брахмы; та убедилась во всем воочию и, согласившись, что ее Господин и в самом деле мертв, первым делом обратилась к статуе синей богини, которая немедля заиграла на вине, а потом послала за Вишну и Шивой.

И те тут же явились, захватив с собой Ганешу.

Осмотрев останки, они сошлись во взглядах на них и заперли обеих женщин до вынесения вердикта в их комнатах.

Потом они стали держать совет.

— Нам спешно нужен новый создатель, — сказал Вишну. — Слово предоставляется для выдвижения кандидатур.

— Я предлагаю Ганешу, — сказал Шива.

— Беру самоотвод, — сказал Ганеша.

— Почему?

— Я не люблю быть на авансцене. Предпочитаю оставаться за кулисами.

— Ну а какие у нас еще альтернативы? И поживее...

— Быть может, — спросил Вишну, — разумнее сначала выяснить причины случившегося?

— Нет, — отрезал Ганеша. — Первым делом — выбор преемника. Даже вскрытие подождет. Небеса никогда не должны оставаться без Брахмы.

— Может быть, кто-нибудь из локапал?

— Возможно.

— Яма?

— Нет. Он слишком серьезен, слишком добросовестен. Специалист, а не администратор. К тому же сдается мне, что он эмоционально неустойчив.

— Кубера?

— Слишком ушл. Куберы я опасаюсь.

— Индра?

— Слишком своеволен и упрям.

— Тогда Агни?

— Может быть. А может и нет.

— Ну а Кришна?

— Слишком легкомысленен, ему не хватает рассудительности.

— Кого же предлагаешь ты?

— Какова важнейшая из стоящих сейчас перед нами проблем?

— На мой взгляд, никаких важных проблем перед нами сейчас не стоит, — заметил Вишну.

— Коли нет важных, самое разумное — заняться важнейшей, — изрек Ганеша. — Ну а важнейшая из наших проблем — это, как мне кажется, акселеризм. Сэм, появившись вновь, сильно замутил воду.

— Да, — поддержал Шива.

— Акселеризм? Зачем пинать дохлого пса?

— Э, он отнюдь не такой дохлый, как тебе кажется, и вполне способен кусаться. По крайней мере, среди людей. К тому же борьба с ним поможет отвлечь внимание от проблем преемственности внутри Тримурти и восстановит хотя бы поверхностную сплоченность здесь, в Граде. Если, конечно, вы не намерены развернуть кампанию против Ниррити и его зомби.

— Только не это...

— Не сейчас.

— Мм... да, тогда акселеризм на настоящий момент — важнейшая наша проблема.

— Ну хорошо. Акселеризм — наша важнейшая проблема.

— И кто ненавидит его больше всех?

— Ты сам?

— Абсурд. Кроме меня.

— Скажи же, Ганеша.

— Кали.

— А как же Яма?

— А что Яма? Оставьте Яму на меня.

— С удовольствием.

— Я тоже.

— Очень хорошо. Прочешите тогда весь мир — в громовой колеснице и на спине Гаруды. Отыщите Яму и Кали. Верните их на Небеса. Я подожду вашего возвращения и обдумаю последствия смерти Брахмы.

— Быть посему.

— Идет.

— Доброго вам утра.

— Погоди, достопочтенный Вама, я хотел бы поговорить с тобой!

— Да, Кабада. Что тебе угодно?

— Мне трудно подобрать подобающие слова... Это касается некого дельца, досточтимый купец, которое породило заметные, гм, чувства со стороны многих твоих ближайших соседей.

— Да? Так говори же.

— Касательно атмосферы...

— Атмосферы?

— Ветров и, гм, дуновений, что ли...

— Ветров? Дуновений?

— И того, что они разносят.

— Разносят? Что же они разносят?

— Запахи, добрый Вама.

— Запахи? Какие запахи?

— Запахи... гм... гм... запахи, в общем, фекальных масс.

— Чего?.. А! Да. Ну да. Ну конечно. Вполне может статься. Я об этом позабыл, к ним попривыкнув.

— Могу ли я спросить об их источнике?

— Они вызваны продуктами дефекации, Кабада.

— Это я понимаю. Меня, скорее, интересует, почему они тут, эти запахи, а не как и откуда взялись.

— Потому, что в задней комнате у меня стоят ведра, наполненные вышеозначенным веществом.

— Да?

— Да. Я сохраняю там все, что производит моя семья, — вот уже восемь дней.

— Для чего, достойнейший Вама?

— Не слышал ли ты о такой штуковине — поистине чудесной штуковине, в которую оные массы испускаются в воду, а затем дергаешь за рычаг, и с громким ревом все это уносится под землей далеко прочь?

— Я слыхал какие-то россказни...

— Это все правда, чистая правда. Такая штуковина и в самом деле существует. Изобрел ее совсем недавно один человек, имени которого упоминать я не стану; состоит она из большущих труб и сиденья без дна — или, скажем, без крышки. Это самое удивительное открытие нашей эпохи, и через пару-другую месяцев оно будет у меня!

— У тебя? Подобная вещь?

— Да. Она будет установлена в крохотной комнатенке, которую я пристроил сзади к своему дому. Я, пожалуй, устрою в ее честь обед и приглашу в этот день всех соседей ею воспользоваться.

— Воистину удивительно все это. Ты так любезен...

— Таков уж я...

— Ну а... запахи?..

— Исходят от ведер, в которых я держу эти массы до установки новшества.

— Но почему?

— Я бы предпочел, чтобы мои кармические записи гласили, что я начал пользоваться ею восемь дней тому назад, а не через несколько месяцев. Это будет свидетельствовать о стремительности моего прогресса в жизни.

— А! Теперь я вижу всю мудрость твоих поступков, Вама. Я бы не хотел, чтобы сложилось впечатление, будто мы стоим на дороге у человека, стремящегося продвинуться вперед. Прости, если так показалось.

— Прощаю.

— Твои соседи по-настоящему любят тебя — с запахами и всем прочим. Когда достигнешь более высокого положения, вспомни о нас.

— Естественно.

— Такой прогресс, должно быть, дорого стоит.

— Весьма.

— Достопочтенный Вама, мы станем находить в атмосфере этой удовольствие — со всеми ее пикантными предзнаменованиями.

— Я живу лишь вторично, добрый Кабада, но уже чувствую на себе перст судьбы.

— Да, я тоже его чувствую. Поистине, меняются ветры времени, и несут они человечеству много чудесного. Да хранят тебя боги.

— Тебя тоже. Но не забудь и благословения Просветленного, которого приютил мой троюродный брат Васу в своей пурпурной роще.

— Как могу я? Махасаматман тоже был богом. Как говорят, Вишну.

— Лгут. Он был Буддой.

— Добавь тогда и его благословение.
— Хорошо. Всего тебе доброго, Кабада.
— И тебе, достойнейший.

Яма и Кали вернулись из свадебного путешествия на Небеса. Прибыв вместе с Вишну на спине птицы по имени Гаруда, не теряя ни минуты, все втроем проследовали они сразу же в Павильон Брахмы. В Саду Наслаждений встречали их Шива и Ганеша.

— Послушайте, Смерть и Разрушение, — обратился к ним Ганеша, — Брахма мертв, и никто, кроме нас пятерых, об этом не знает.

— Как это произошло? — спросил Яма.

— Вроде бы его отравили.

— А что, вскрытия не было?

— Нет.

— Тогда я займусь этим.

— Хорошо. Но сейчас намного важнее другое.

— Что же?

— Имя его преемника.

— Да. Небеса не могут оставаться без Брахмы.

— Вот-вот... Кали, скажи мне, как ты относишься к тому, чтобы стать Брахмой — златоседлым и среброшпорым?

— Я не готова...

— Тогда начинай об этом думать, да поживее. Ты кажешься самым подходящим кандидатом.

— А владыка Агни?

— Его рейтинг заметно ниже. Он, похоже, не такой ярый антиакселерист, как мадам Кали.

— Я понимаю.

— И я...

— Ну, в общем, он замечательный бог, но не из великих.

— Да. А кто мог убить Брахму?

— У меня нет ни малейшей идеи. А у тебя?

— Пока нет.

— Но ты же отыщешь его, Владыка Яма?

— Ну да, приняв свой Облик.

— Вы, наверное, хотите посовещаться.

— Хотим.

— Тогда мы сейчас оставим вас наедине. А через час мы все вместе обедаем в этом самом Павильоне.

— Хорошо.
— Хорошо.
— Пока.
— Пока.
— Пока.

— Леди?
— Да?
— Со сменой тела автоматически свершается и развод, если только не было подписано продление брачного контракта на новый срок.
— Да.
— Брахма должен быть мужчиной.
— Да.
— Откажись от этого.
— Мой Господин...
— Ты колеблешься?
— Все это так неожиданно, Яма...
— И ты хоть на секунду задумываешься, не принять ли это предложение?
— Я должна.
— Кали, ты мучишь меня.
— Я не хотела.
— Я требую, чтобы ты отказалась от этого предложения.
— Я полноправная богиня, а не только твоя жена, Господин Яма.
— Что это значит?
— Я сама решаю, что мне делать.
— Если ты согласишься, Кали, то между нами все кончится.
— По всей видимости...
— Почему, во имя риши, они так ополчились на акселеризм? Он же не более чем буря в стакане воды.
— Должно быть, они ощущают потребность быть против чего-либо.
— А почему ты собираешься встать во главе этого?
— Не знаю.
— Может быть, моя дорогая, у тебя есть особые причины быть антиакселеристкой?
— Я не знаю.
— По божественным меркам я молод, но много

раз слышал о том, что герой, с которым прошла ты по этому миру в его ранние дни, — Калкин — был не кто иной, как все тот же Сэм. Если у тебя были причины ненавидеть своего давнишнего Господина, а им взаправду был Сэм, тогда я понимаю, почему они вербуют тебя против движения, им начатого. Правда ли это?

— Может статься.

— Тогда, если ты любишь меня, — а ты мне и жена, и возлюбленная, — пусть другой будет Брахмой.

— Яма...

— Они дали на решение час.

— Я успею принять его.

— Какое же?

— Мне очень жаль, Яма...

Не дожидаясь обеда, покинул Яма Сад Наслаждений. Хотя подобное поведение и казалось злостным нарушением этикета, Яма считался среди всех богов самым недисциплинированным и прекрасно об этом знал, как и о причинах терпимости всех остальных в этом вопросе. Так что ушел он из Сада и отправился туда, где кончаются Небеса.

Весь этот день и следующую ночь провел он у Миросхода, и никто не докучал ему там. Он побывал во всех пяти комнатах Павильона Молчания. Ни с кем не делился он своими мыслями, не будем гадать о них и мы. Утром он вернулся в Небесный Град.

И узнал о смерти Шивы.

Трезубец оного прожег очередную дыру в небосводе, но голова его хозяина была проломлена каким-то тупым предметом, обнаружить который пока не удалось.

Яма отправился к своему другу Кубере.

— Ганеша, Вишну и новый Брахма уже обратились к Агни с предложением занять место Разрушителя, — сказал ему Кубера. — Думаю, он согласится.

— Для Агни — превосходно, — сказал Яма. — А кто убил Бога?

— Я много думал об этом, — отвечал Кубера, — и пришел к выводу, что в случае с Брахмой это должен быть кто-то достаточно к нему близкий, ведь

Брахма принял от него отравленное питье или закуску; ну а в случае с Шивой — кто-то достаточно знакомый, чтобы застать его врасплох. Дальше этого я в своих рассуждениях не продвинулся.

— Один и тот же?

— Готов побиться об заклад.

— Может ли это быть частью заговора акселеристов?

— В это трудно поверить. Симпатизирующие акселеризму не организованы. Ведь он совсем недавно вернулся на Небеса. Заговор? Может быть. Но более вероятно, что все это дело рук одиночки, действующего на свой страх и риск.

— А какие могут быть еще причины?

— Месть. Или одно из младших божеств ищет пути наверх. Почему вообще кто-то кого-то убивает?

— Ты не подозреваешь никого конкретно?

— Сложнее будет отбросить подозрения, чем их найти. А расследование передали в твои руки?

— Я в этом более не уверен. Думаю, что да. Но я найду, кто это сделал, кем бы он ни был, и убью его.

— Почему?

— Мне нужно что-нибудь сделать, кого-нибудь...

— Убить?

— Да.

— Жалко, мой друг.

— Мне тоже. Тем не менее это моя привилегия — и мое намерение.

— Я бы хотел, чтобы ты со мной на эти темы не разговаривал. Все это совершенно конфиденциально.

— Я никому ничего не скажу, если ты тоже сохранишь молчание.

— Даю слово, что не скажу.

— И знаешь, я присмотрю за кармическим прослеживанием — против психозондирования.

— Из-за него я об этом и упомянул. Пусть так и будет.

— Всего хорошего, мой друг.

— Всего доброго, Яма.

Яма покинул Павильон локапал. Вскоре туда заглянула богиня Ратри.

— Здравствуй, Кубера.

— Здравствуй, Ратри.

— Почему ты здесь сидишь один-одинешенек?

— Потому что некому развеять мое одиночество. А зачем пришла сюда ты — в одиночку?

— Потому что мне сейчас не с кем поговорить.

— Ты ищешь совета или беседы?

— И того, и другого.

— Садись.

— Спасибо. Я боюсь.

— Может, ты голодна?

— Нет.

— Возьми тогда что-нибудь из фруктов и чашечку сомы.

— Хорошо.

— Чего же ты боишься и как мне тебе помочь?

— Я видела, как отсюда уходил Владыка Яма...

— Да.

— И когда я посмотрела на его лицо, я вдруг осознала, что он и в самом деле бог Смерти и что есть на свете сила, которой могут бояться даже боги...

— Яма силен, и он мой друг. Могущественна Смерть, и никому она не друг. Однако они сосуществуют — и это странно. Агни тоже силен. И он — Огонь. И он мне друг. Кришна мог бы быть сильным, если бы пожелал. Но он этого никогда не хочет. Он изнашивает тела с неимоверной скоростью. Он пьет сому и занимается только музыкой и женщинами. Он ненавидит прошлое и будущее. Он тоже мой друг. Я — последний из локапал, и я не силен. Любое тело, в которое я вселяюсь, оплывает жирком. Троим моим друзьям я скорее отец, чем брат. Я могу оценить их пьянство, музыку, влюбчивость и огонь, ибо все это проявления жизни, и посему под силу мне любить своих друзей как людей или богов. Но третий, Яма, пугает меня не меньше, чем тебя, Ратри. Когда он принимает свой Облик, то становится вакуумом, заставляющим меня, ничтожного толстяка, содрогнуться. И тогда он никому не друг. Так что не смущайся, если боишься моего друга. Ты же знаешь, когда бог в затруднении, его Облик спешит ему на помощь, богиня Ночи, как, например, сейчас воцарились в этой беседке сумерки, хотя день далек еще от

своего завершения. Знай же, что встретила ты встревоженного Яму.

— Он вернулся так неожиданно.

— Да.

— Можно узнать почему?

— Боюсь, что это достаточно конфиденциальная тема.

— Касается ли это Брахмы?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я думаю, что Брахма мертв. Я боюсь, что Яме поручили найти убийцу. Я боюсь, что он отыщет меня, даже если я накличу на Небеса ночь длиною в век. Он разыщет меня, а я не могу взглянуть в лицо вакууму.

— А что ты знаешь о предполагаемом убийстве?

— Думаю, что я была последней, кто видел Брахму живым, или первой, увидевшей его мертвым, в зависимости от того, что означали его конвульсии.

— Как это случилось?

— Я пришла к нему в Павильон вчера ранним утром — замолвить перед ним слово за леди Парвати, убедить его сменить гнев на милость и разрешить ей вернуться. Мне посоветовали поискать его в Саду Наслаждений, и я пошла туда...

— Посоветовали? Кто?

— Одна из его женщин. Я не знаю ее имени.

— Продолжай. Что произошло потом?

— Я нашла его у подножия синей статуи, играющей на вине. Он бился в конвульсиях. Дыхание отсутствовало, потом стихли и судороги, он замер. Я не смогла нащупать его пульс, не услышала сердцебиений. Тогда я призвала к себе частичку тьмы и, завернувшись в ее тень, покинула Сад.

— Почему ты не позвала на помощь? Может быть, было еще не поздно...

— Потому, конечно, что я хотела его смерти. Я ненавидела его за то, что он сделал с Сэмом, за то, что он удалил Парвати и Варуну, за то, что он сделал с архивариусом, Таком, за то...

— Постой, так можно продолжать весь день. Ты сразу ушла из Сада или вернулась обратно в Павильон?

— Я прошла через Павильон и опять увидела ту

же девушку. Я сделалась видимой для нее и сказала, что не смогла найти Брахму и вернусь попозже... Он ведь и в самом деле мертв, не так ли? Что мне теперь делать?

— Взять что-нибудь из фруктов и глотнуть еще сомы. Да, он мертв.

— Явится ли за мной Яма?

— Ну конечно. Он возьмется за каждого, кого видели неподалеку. Это был, без сомнения, весьма быстродействующий яд, а ты была там практически в самый момент смерти. Так что он, естественно, выйдет на тебя и подвергнет, как и всех прочих, тебя психозондированию. Откуда и выяснится, что ты этого не делала. Поэтому я просто предлагаю тебе ждать, покуда тебя не вызовут. И больше никому ничего не рассказывай.

— А это мне сказать Яме?

— Если он доберется до тебя раньше, чем я доберусь до него, скажи ему все, включая и тот факт, что ты мне все рассказала, поскольку что предполагается, что я не знаю ничего о происшедшем. Смерть одного из Тримурти всегда сохраняется в тайне как можно дольше, даже ценой жизней.

— Но Владыки Кармы прочтут это у тебя в памяти, когда ты предстанешь перед их судом.

— Ну да они не прочтут этого сегодня в твоей памяти. Информация о смерти Брахмы станет достоянием как можно меньшей группы богов и людей. Поскольку Яме, должно быть, поручат или уже поручили вести официальное расследование, да к тому же он сам и спроектировал психозонд, я думаю, вряд ли кто-либо из людей желтого колеса получит доступ к работе машин. Тем не менее я должен согласовать подобный подход с Ямой — или его ему предложить — немедленно.

— Прежде чем ты уйдешь...

— Да?

— Ты сказал, что лишь немногие могут об этом знать, даже если это зависит от чьей-то жизни. Не означает ли это, что я?..

— Нет. Ты будешь жить, поскольку я ограждаю тебя.

— Но почему?
— Потому что мы друзья.

Яма управлял зондирующей умы машиной. Он прозондировал уже тридцать семь душ; все они могли посетить Брахму в его Саду на протяжении предшествовавшего убийству дня. Одиннадцать из них были богами, и среди них — Ратри, Сарасвати, Вайю, Мара, Лакшми, Муруган, Агни и Кришна.

И среди всех тридцати семи богов и людей ни один не оказался виновным.

Кубера стоял рядом с Ямой и разглядывал распечатки психопроб.

— Что теперь, Яма?
— Не знаю.
— Может быть, убийца был невидимкой?
— Может.
— Но ты так не думаешь?
— Не думаю.
— А если каждого в Граде подвергнуть зондированию?
— Ежедневно множество людей посещает Град, прибывает и убывает через многочисленные входы и выходы...
— А ты не подумал, что здесь может быть замешан один из ракшасов? Они же опять скитаются по миру, как ты хорошо знаешь, — и они нас ненавидят.
— Ракшасы не отравляют своих жертв. А кроме того, я не верю, что один из них мог бы пробраться в Сад вопреки действию отпугивающих демонов благовоний.
— Ну а что теперь?
— Вернусь к себе в лабораторию и обдумаю все еще раз.
— Могу я проводить тебя в Безбрежные Чертоги Смерти?
— Если желаешь.

Кубера пошел с Ямой, и пока тот размышлял, толстый бог изучал каталог психолент, заведенный богом Смерти во времена первых его экспериментов с зондированием. Ленты эти никуда не годились, здесь были только какие-то обрывки; одни лишь Властители Кармы обладали доведенными до настоящего

времени записями жизни всех и каждого в Небесном Граде. Кубера, конечно же, знал об этом.

Новое открытие печатного станка имело место в городе Дезирате на берегу реки Ведры. Там же проводились и очень смелые эксперименты с ватерклозетами. А еще появилось двое замечательных храмовых художников, а один старый стекольщик сделал пару бифокальных очков и принялся за следующую. Иными словами, налицо были признаки начинающегося в одном из городов-государств ренессанса.

Брахма решил, что пришла пора выступить против акселеризма.

На Небесах начало формироваться ополчение. По Храмам соседних с Дезиратом городов разослан был призыв к правоверным готовиться к священной войне.

Разрушитель Шива носил лишь символический трезубец, ибо по-настоящему он полагался на огненосный жезл, с которым никогда не расставался.

Златоседлый и среброшпорый Брахма вооружился мечом, колесом и луком.

Новый Рудра приспособился к луку и колчану своего предшественника.

Ну а Владыка Мара носил переливчатый плащ, который беспрерывно менял цвета, и никто не мог сказать, как он был вооружен или какой колесницей управлял. Стоило посмотреть на него чуть подольше, и все плыло в голове у смотрящего, предметы вокруг Сновидца меняли свои формы, лишь кони его оставались неизменны, и с губ их постоянно капала кровь, и капли ее дымились, упав на землю.

Затем отобрали полсотни полубогов, и они безуспешно учились обуздывать неловкие свои Атрибуты, мечтая усилить свой Облик и выслужиться в битве.

Кришна уклонился от предстоящего сражения и ушел играть на свирели в Канибуррху.

Он отыскал его валяющимся на травянистом склоне холма недалеко от Града, уставившимся прямо в наполненное звездами небо.

— Добрый вечер.

Он отвел взгляд от неба и кивнул.

— Как твои дела, добрый Кубера?

— Да ничего, Владыка Калкин. Ну а твои?

— Неплохо. Не найдется ли у тебя при всей твоей импозантности сигаретки?

— Никогда с ними не расстаюсь.

— Спасибо.

— Огоньку?

— Да.

— Не ворон ли кружил над Буддой, перед тем как мадам Кали выпустила ему кишки?

— Давай поговорим о чем-либо более приятном.

— Ты убил слабого Брахму, а на смену ему пришел Брахма сильный.

— Да?

— Ты убил сильного Шиву, но заменил его равный по силам.

— Жизнь полна перемен.

— Чего ты надеешься достичь? Отмщения?

— Месть — это часть персональной иллюзии. Как может человек убить то, что не живет и не умирает на самом деле, но существует лишь как отражение Абсолюта?

— Ты, однако, прекрасно со всем этим справился, даже если это, как ты утверждаешь, всего лишь перестановка.

— Спасибо.

— Почему ты за это принялся?.. И я бы предпочел трактату какой-либо ответ попроще.

— Я намеревался стереть с лица земли всю небесную иерархию. Хотя теперь начинает казаться, что этому намерению уготована участь всех благих побуждений.

— Скажи, почему ты сделал это.

— Если ты расскажешь мне, как ты меня разыскал...

— По рукам. Ну так почему?

— Я решил, что человечеству будет лучше жить без богов. Если я избавлюсь от них, люди опять начнут открывать консервные банки консервным ножом, не боясь гнева Небес. Мы уже и так достаточно задавили этих бедолаг. Я хотел дать им шанс на свободу, шанс построить то, что они хотят.

— Но они живут, и живут, и живут.

— Иногда да, иногда нет. Так же, как и боги.

— Ты был чуть ли не последним акселеристом во всем мире, Сэм. Никто бы не подумал, что к тому же и самым смертоносным.

— Как ты меня нашел?

— Мне подумалось, что не будь Сэм мертв, он бы, без сомнения, стал подозреваемым номер один.

— Я по простоте душевной полагал, что смерть — достаточное алиби.

— И я спросил себя, мог ли Сэм каким-то образом ускользнуть от смерти. Кроме смены тела, я ничего не сумел придумать. Кто, спросил я тогда себя, принял новое тело в день смерти Сэма? Только Бог Муруган. Логика, конечно, хромала, ибо сделал он это после смерти Сэма, а не до нее. И я временно отложил все это в сторону. Ты — Муруган — был среди тридцати семи подозреваемых и доказал при зондировании свою невиновность. Казалось, что я на ложном пути, пока я не подумал об очень простом способе проверить эту идею. Сам Яма может обойти зондирование, почему же это не под силу и кому-нибудь еще? Тут я вспомнил, что Атрибут Калкина на самом деле включал в себя и контроль над молниями и прочими электромагнитными явлениями. Он мог бы заблокировать и обмануть машину своим мозгом так, что она не заметила бы зла. Значит, чтобы проверить мою идею, нужно было посмотреть не что машина прочла, а как она это сделала. Как и отпечатки пальцев, общие схемы структур рассудка не совпадают у двух разных людей. Но переходя из тела в тело, каждый переносит за собой подобную мозговую матрицу, хотя и запечатленную в различных мозгах. Независимо от содержащихся в уме мыслей, общая мыслительная структура у каждой личности при любой записи постоянна. Я сравнил твою запись с записью Муругана, найденной в лаборатории Ямы. Они разные. Я не знаю, как тебе удалось сменить тело, но я узнал, кто ты такой на самом деле.

— Очень умно, Кубера. Кто-нибудь еще ознакомлен со столь странными рассуждениями?

— Еще никто. Однако я боюсь, что Яма догадается довольно скоро. Он всегда разрешает проблемы.

— Почему ты рискуешь жизнью, явившись ко мне со всем этим?

— Обычно человек не достигает твоего — или моего — возраста, не обладая некоторой долей рассудительности. Я знал, что ты, по крайней мере, выслушаешь меня, прежде чем нанести удар. А кроме того, я знаю, что поскольку я собираюсь сказать хорошее, ничего плохого со мной не случится.

— Что ты предлагаешь?

— Мне достаточно симпатичны твои поступки, чтобы помочь тебе ускользнуть с Небес.

— Спасибо, нет.

— Ты бы ведь хотел победить в этом соперничестве, разве нет?

— Да, и я добьюсь этого своим собственным путем.

— Как?

— Я вернусь сейчас в Град и уничтожу столько богов, сколько смогу, пока они меня не остановят. Если погибнут многие из важнейших, остальные не смогут удержать свою твердыню от падения.

— Ну а если ты проиграешь, если падешь ты сам? Что будет тогда с миром и идеями, за которые ты борешься? Сможешь ли ты восстать еще раз, чтобы защитить их?

— Не знаю.

— Как тебе удалось вернуться назад?

— Когда-то мною обладал демон. Он, похоже, преисполнился ко мне некоторой симпатии и, когда мы попали в переделку, сказал мне, что «усилил мое пламя», чтобы я мог существовать независимо от своего тела. Я забыл об этом и не вспоминал до самого того момента, когда увидел лежащее подо мною на улице Града свое собственное искалеченное тело. Я знал только об одном месте, где можно было раздобыть себе новое, — о Павильоне Властителей Кармы. Там оказался Муруган, требовавший, чтобы его обслужили. Как ты заметил, моя сила кроется в управлении электромагнитными явлениями. Ну и как там выяснилось, работает она и без поддержки мозга, — когда цепи были мгновенно переключены и я вошел в новое тело, ну а Муруган пошел ко всем чертям.

— То, что ты мне все это рассказываешь, означает, по-видимому, что меня ты намерен отправить по его стопам.

— Мне бы не хотелось, добрый Кубера, ибо я люблю тебя. Если ты дашь мне слово, что забудешь все, о чем узнал, и подождешь, пока это не откроет кто-нибудь другой, я отпущу тебя живым.

— Ты рискнешь?

— Я знаю, что ты никогда не нарушал своего слова, а ведь ты ровесник небесных холмов.

— Кого из богов ты убьешь первым?

— Яму, конечно, ибо он идет по моим следам.

— Тогда, Сэм, тебе придется убить и меня, ведь он мой брат-локапала и добрый друг.

— Я уверен, что мы оба будем сожалеть, если мне придется убить тебя.

— А может, твое знакомство накоротке с ракшасами привило и тебе некий вкус к азартным играм?

— Какого сорта?

— Выигрываешь ты — и я даю слово ни о чем не говорить. Выигрываю я — и ты улетаешь отсюда со мною на спине у Гаруды.

— А что за состязание ты предлагаешь?

— Ирландский ванька-встанька.

— С тобой, толстый Кубера?.. Ты предлагаешь это мне, в моем великолепном новом теле?

— Да.

— Тогда первый удар — твой.

На темном холме, на дальней окраине Небес Сэм и Кубера застыли друг напротив друга.

Кубера отвел назад правый кулак и затем послал его точно Сэму в челюсть.

Сэм упал, чуть-чуть полежал, медленно поднялся на ноги.

Потирая челюсть, он занял первоначальную позицию.

— Ты сильнее, чем кажешься, Кубера, — сказал он и ударил.

Кубера растянулся на земле, со свистом втягивая воздух.

Он попытался встать, обдумал, как лучше за это

приняться, издал отрывистый стон и с трудом поднялся на ноги.

— Не думал, что ты встанешь, — сказал Сэм.

Кубера направился к нему, темная, влажная линия спускалась у него по подбородку.

Когда он занял свою позицию. Сэм дрогнул.

Кубера ждал, глубоко втягивая в себя воздух.

Беги под покровом серой стены сумерек. Спасайся! За скалу. Прячься! Ярость обращает потроха твои в воду.

— Бей! — сказал Сэм. Кубера улыбнулся и ударил его.

Он лежал, и его била мелкая дрожь, и тут слились воедино все голоса ночи: шепот насекомых, дуновение ветра, вздохи трав, — и стали ему внятны.

Дрожи, как забытый на ветке осенний лист. В груди у тебя глыба льда. В мозгу твоем не осталось слов, только цвета мечутся там в панике...

Сэм затряс головой и привстал на колени.

Падай обратно, свернись в клубок и плачь. Ибо так начинается человек, и так же он и кончается. Вселенная — это катящийся черный шар. Он раздавит все, к чему только ни прикоснется. Он катится на тебя. Спасайся! Ты можешь немного выиграть, быть может, час, пока он не настиг тебя...

Он поднес руки к лицу, опустил их, свирепо уставился на Куберу, встал.

— Ты построил комнату, называемую Страх, — сказал он, — в Павильоне Молчания. Я вспомнил твою силу, старый бог. Но ее не хватит.

Невидимый конь мчит сквозь угодья твоего разума. Ты узнаешь его по отпечаткам подков, каждый из которых — рана...

Сэм занял свое место, сжал кулак.

Небо трещит у тебя над головой. Земля вот-вот разверзнется под ногами. А что за высокая тень встала у тебя за спиной?

Кулак Сэма дрогнул, но тут же устремился вперед.

Кубера отшатнулся назад, голова его мотнулась в сторону, но он остался на ногах.

Сэм стоял там, и его била дрожь, когда Кубера отвел назад свою правую руку для завершающего удара.

— Старый бог, ты жульничаешь, — сказал он.

Кубера улыбнулся сквозь кровь, и его кулак устремился вперед, словно черный шар.

Яма беседовал с Ратри, когда ночную тишину разорвал крик проснувшегося Гаруды.

— Раньше такого никогда не бывало, — пробормотал он.

Небеса медленно начали раскрываться.

— Быть может, это выезжает Великий Вишну...

— Он никогда не делал этого ночью. Когда я недавно с ним разговаривал, он об этом и словом не обмолвился.

— Значит, кто-то другой из богов рискнул использовать его транспорт.

— Нет! Скорей к загонам, леди! Мне может понадобиться твоя помощь.

И он потащил ее за собой к стальному гнезду Птицы.

Гаруда был уже разбужен и отвязан, но голову его все еще покрывал колпак.

Кубера, принеся сюда Сэма, привязал его, все еще не пришедшего в сознание, к седельному сиденью. Спустившись вниз, он сделал последние приготовления. Верхняя часть клетки откатилась в сторону. Затем, прихватив длинный металлический подкрыльный багор, он направился к веревочной лестнице. От птичьего запаха его мутило, кружилась голова. Гаруда пребывал в беспокойстве, не находя себе места, топорщил перья, каждое из которых вдвое превышало человеческий рост.

Медленно начал карабкаться наверх Кубера.

Когда он пристегивался к седлу, рядом с клеткой появились Яма и Ратри.

— Кубера! Ты что, сошел с ума? — закричал Яма. — Ты же всегда избегал высоты!

— Неотложное дело, Яма, — отвечал тот, — а на

то, чтобы снарядить громовую колесницу, уйдет не меньше дня.

— Какое такое дело, Кубера? И почему тебе не взять гондолу?

— Гаруда быстрее. А о деле я расскажу тебе, когда вернусь.

— Я, может быть, могу тебе помочь.

— Нет. Спасибо.

— Ну а Господин Муруган может?

— В этом случае — да.

— Вы же всегда были не в ладах.

— Да и сейчас. Но мне нужна его помощь.

— Эй, Муруган!.. Почему он не отвечает?

— Он спит, Яма.

— У тебя, брат, на лице кровь.

— Да, тут со мной приключился один пустяк.

— Да и с Муруганом, похоже, плохо обошлись.

— Все тот же случай.

— Что-то здесь не так. Подожди, я сейчас зайду в клетку.

— Не ходи, Яма!

— Локапалы не отдают друг другу приказов. Мы равны.

— Не ходи, Яма! Я снимаю с головы Гаруды колпак!

— Не делай этого!

Глаза Ямы вдруг вспыхнули, и внутри своих алых одежд он вроде бы стал выше ростом.

Кубера наклонился вперед и, вытянув багор, сдернул колпак с головы птицы. Гаруда закинул назад голову и испустил новый крик.

— Ратри, — сказал Яма, — покрой тенью глаза Гаруды, чтобы он не мог видеть.

И Яма направился к входу в клетку. Темнота, словно клубящаяся грозовая туча, окутала птичью голову.

— Ратри! — крикнул Кубера. — Сними темноту и опусти ее на Яму — или все пропало!

Лишь миг колебалась Ратри, прежде чем сделать, как он сказал.

— Скорей ко мне! — прокричал он. — Забирайся на Гаруду, полетим вместе. Ты нам очень нужна!

Она вошла в клетку и пропала из виду, ибо

темнота все прибывала и прибывала; Яма ощупью пытался найти дорогу в чернильном пруду.

Лестница раскачивалась и дергалась, пока Ратри взбиралась на птицу.

А затем Гаруда вдруг завопил и подпрыгнул, ибо Яма на своем пути размахивал вслепую клинком направо и налево.

На них нахлынула ночь, и через миг Небеса остались далеко внизу.

Когда они набрали высоту, небесный купол начал закрываться.

С новым воплем устремился Гаруда к вратам.

Они успели в них проскочить, и Кубера пришпорил Птицу.

— Куда мы направляемся? — спросила Ратри.

— В Дезират на реке Ведре, — отвечал тот. — А это Сэм. Он жив.

— Что случилось?

— Он — тот, кого разыскивает Яма.

— А не явится ли он за ним в Дезират?

— Без сомнения, леди. Без всякого сомнения. Но до того, как он его отыщет, мы успеем к этому подготовиться.

В предшествовавшие Великой Битве дни стекались в Дезират защитники. Кубера, Сэм и Ратри явились в город с предупреждением. В Дезирате уже знали о мобилизации в соседних городах, но известие о небесных карателях явилось здесь новостью.

Сэм проводил учения с войсками, которым предстояло сражаться против богов, а Кубера взял на себя тех, чьими противниками должны были стать люди.

Черные доспехи выкованы были для богини Ночи, о которой сказано было: «Храни же нас от волка и волчицы, храни от вора нас, о Ночь».

А на третий день перед палаткой Сэма на равнине у города возник столб пламени.

— Это Повелитель Адова Колодезя явился выполнить свое обещание, о Сиддхартха! — зазвенел в голове у Сэма голос.

— Тарака! Как ты нашел и узнал меня?

— Я смотрю на пламя, которое и есть твоя

истинная сущность, а не на плоть, ее маскирующую. Ты же знаешь об этом.

— Я думал, ты мертв.

— Я был на грани. Те двое и в самом деле пьют глазами жизнь! Даже жизнь таких, как я.

— Я же тебе говорил. Привел ли ты с собой свои полчища?

— Да, привел.

— Хорошо. Скоро против этого города выступят боги.

— Знаю. Много раз посещал я Град на вершине ледяной горы, а лазутчики мои и сейчас находятся там. Поэтому мне известно, что готовятся они напасть на вас и побуждают людей принять участие в битве. Хотя они и не считают необходимой помощь людей, кажется им полезным объединиться с ними при разрушении Дезирата.

— Да, такую позицию нетрудно понять, — кивнул Сэм, изучая могучий вихрь желтого пламени. — Какие еще у тебя новости?

— Тот, что в Красном, грядет.

— Я его ждал.

— На погибель. Я должен сразить его.

— Учти, что на нем будет демонический репеллент.

— Значит, я найду способ удалить его, или же мне придется убить его на расстоянии. Он будет здесь еще засветло.

— А как он доберется?

— В летающей машине — не такой большой, как громовая колесница, которую мы тогда пытались угнать, но очень быстрой. Я не могу напасть на нее в полете.

— Он один?

— Да — если не считать машин.

— Машин?

— Множества механизмов. Его летательный аппарат просто набит странным оборудованием.

— Это может сулить большие неприятности.

Крутящееся пламя стало оранжевым.

— Но на подходе и другие.

— Ты же сказал, что он летит в одиночку.

— Ну да.

— Так что же ты имеешь в виду?

— Остальные идут не с Небес.

— Откуда же тогда?

— С тех пор как тебя забрали на Небеса, я много путешествовал, я буквально обшарил весь этот мир снизу доверху в поисках союзников среди тех, кто ненавидит Богов и Град. Кстати, в твоей последней инкарнации я на самом деле пытался спасти тебя от кошек Канибуррхи.

— Я знаю.

— Боги действительно сильны — сильнее, чем когда-либо раньше.

— Но скажи же, кто идет нам на помощь.

— Повелитель Ниррити Черный, который ненавидит всех и все, но более всего ненавидит Богов из Небесного Града. Он шлет сражаться на равнине у Ведры свою нежить — тысячу не душ, но штук. Он объявил, что после битвы мы, ракшасы, вольны выбирать себе любые уцелевшие тела выращенных им безмозглых мертвяков.

— Не по нраву мне помощь Черного, но выбирать не приходится. И когда они прибудут?

— Ночью. А раньше появится Далисса. Я уже чувствую ее приближение.

— Далисса? Кто это?..

— Последняя из Матерей Нестерпимого Зноя. Только она одна ускользнула в глубины, когда Дурга и Лорд Калкин обрушились на морской купол. Ей раздавили все яйца, и она больше не может ничего отложить, но внутри своего тела все еще несет она всесжигающую мощь морского зноя.

— И ты что, полагаешь, что она поможет мне?

— Она не поможет никому. Она последняя из своего рода. Она примет участие на равных.

— Тогда знай, что та, которую звали когда-то Дургой, облачена ныне в тело Брахмы, вождя наших врагов.

— Ага, это делает вас обоих мужчинами. Далисса могла бы принять ее сторону, останься Кали женщиной. Но она уже выбрала, на чью сторону встать. Она выбрала тебя.

— Это позволит немного подравнять шансы.

— На сей раз ракшасы пригонят сюда слонов,

ящеров и огромных кошек, чтобы натравить их на наших врагов.

— Хорошо.

— И они призвали огненные элементали.

— Отлично.

— Далисса уже неподалеку. Она будет ждать на дне реки, чтобы подняться, когда потребуется.

— Передай ей от меня привет, — сказал Сэм, поворачиваясь, чтобы вернуться к себе в палатку.

— Передам.

И он опустил за собой полог.

Когда Бог Смерти спустился на равнину, тянущуюся вдоль Ведры, набросился на него в облике огромной кошки из Канибуррхи предводитель ракшасов Тарака.

И тут же отскочил назад. Ибо пользовался Яма демоническим репеллентом, и не мог из-за этого Тарака с ним сблизиться.

Взорвалась кошка, чтобы стать круговертью серебряных пылинок.

— Бог Смерти! — взорвались слова в голове у Ямы. — Помнишь Адов Колодезь?

И тут же всосал в себя смерч камни, щебень, обломки скал и швырнул все это издали в Яму, который завернулся в свой плащ, загородил его полою глаза и больше не пошевельнулся.

Через минуту-другую яростный напор иссяк.

Яма не пошевелился. Вся земля вокруг была усеяна мусором — кроме небольшого круга, в котором стоял он, но не было ни одного камня.

Яма опустил плащ и уставился на крутящийся вихрь.

— Что за колдовство? — послышались слова. — Как ты ухитрился устоять?

Яма не сводил с Тараки взгляда.

— Как ты ухитряешься крутиться? — спросил он в ответ.

— Я — величайший из ракшасов. На меня уже падал твой смертельный взгляд.

— А я — величайший из богов. Я выстоял в Адовом Колодезе против всей вашей орды.

— Ты лакей Тримурти.

— Ошибаешься. Я явился сюда, чтобы сражаться здесь с Небесами во имя акселеризма. Велика моя ненависть, и принес я с собой оружие, чтобы поднять его против Тримурти.

— Тогда придется мне, похоже, отложить до лучших времен удовольствие от продолжения нашей схватки...

— Что представляется весьма благоразумным.

— И ты, без сомнения, хочешь, чтобы тебя проводили к нашему вождю?

— Я и сам могу найти дорогу.

— Тогда — до следующей встречи, Владыка Яма...

— До свидания, ракшас.

И Тарака, пылающей стрелой вонзившись в небо, исчез из виду.

Одни говорят, что распутал Яма загадку, пока стоял в огромной клетке среди темноты и птичьего помета. Другие утверждают, что повторил он рассуждения Куберы чуть позже и проверил их с помощью лент, хранящихся в Безбрежных Чертогах Смерти. Как бы там ни было, вступив внутрь палатки, разбитой на равнине неподалеку от полноводной Ведры, обратился он к находившемуся там человеку по имени Сэм. Положив руку на свой клинок, встретил тот его взгляд.

— Смерть, ты опережаешь битву, — сказал он.

— Кое-что изменилось, — ответил Яма.

— Что же?

— Моя позиция. Я пришел сюда, чтобы выступить против воли Небес.

— Каким образом?

— Сталью. Огнем. Кровью.

— В чем причина этой перемены?

— На Небесах в закон вошли разводы. И предательства. Посрамление. Леди зашла слишком далеко, и теперь я знаю причину, Князь Калкин. Я не принимаю ваш акселеризм и не отвергаю его. Для меня важно лишь, что он представляет ту силу, которая способна сопротивляться Небесам. Как к таковой я и присоединяюсь к вам, если ты примешь мой клинок.

— Я принимаю твой клинок, Господин Яма.

— И я подниму его против любого из небесного воинства — кроме только самого Брахмы, с которым от встречи уклонюсь.

— Хорошо.

— Тогда дозволь мне стать твоим колесничим.

— Я не против, но у меня нет боевой колесницы.

— Одну, весьма необычную, я захватил с собой. Разрабатывал я ее очень долго, и она все еще не завершена. Но хватит и этого. Нужно собрать ее сегодня же ночью, ибо завтра с рассветом разгорится битва.

— Я предчувствую это. Ракшасы к тому же предупредили, что неподалеку передвигаются войска.

— Да, пролетая над ними, я это заметил. Главное направление удара — с северо-востока, со стороны равнины. Позже вступят и боги. Ну а отдельные отряды будут, без сомнения, нападать и с других направлений, в том числе и с реки.

— Реку мы контролируем. Зной Далиссы дожидается на дне. Когда придет ее час, она сможет поднять могучие волны, вскипятить их и залить ими берега.

— Я думал, что Зной стерт с лица земли!

— Кроме нее. Она последняя.

— Как я понимаю, с нами будут и ракшасы?

— Да, и не только...

— А кто еще?

— Я принял помощь — полчище, отряд безмозглых тварей — от Властелина Ниррити.

Глаза Ямы сузились, ноздри раздулись.

— Это нехорошо. Рано или поздно, но его все равно надо будет уничтожить, и не стоило залезать к нему в долги.

— Знаю, Яма, но положение у меня отчаянное. Они прибывают сегодня ночью...

— Если мы победим, Сиддхартха, низвергнем Небесный Град, подорвем старую религию, освободим человека для индустриального прогресса — все равно останутся у нас противники. И тогда уже надо будет бороться и низвергать Ниррити, веками дожидавшегося, пока боги уйдут со сцены. А если нет, так опять все то же самое — а Боги Града обладали, по

крайней мере, некоторой толикой такта в своих неправедных деяниях.

— Думаю, он пришел бы к нам на помощь в любом случае, просили бы мы его об этом или нет.

— Да, но позвав его — или приняв его предложение, — ты теперь ему кое-чем обязан.

— Я начну разбираться с этим, когда на то будет нужда.

— Ну да, это политика. Но мне это не по нраву.

Сэм налил темного и сладкого вина Дезирата.

— Думаю, что Кубера будет рад тебя увидеть, — сказал он, поднося Яме кубок.

— А чем он занят? — спросил тот, принимая сосуд, и тут же его залпом осушил.

— Обучает войска и ведет курс лекций по двигателям внутреннего сгорания для всех местных ученых, — ответил Сэм. — Даже если мы проиграем, кто-то может уцелеть и всплыть где-то еще.

— Если это действительно будет когда-то использовано, им следовало бы знать не только устройство двигателей...

— Он уже охрип, он говорит целыми днями, а писцы трудятся, записывая все, что он сказал, — по геологии, горному делу, металлургии, нефтехимии...

— Будь у нас больше времени, я бы помог в этом. Ну а сейчас, даже если уцелеет всего процентов десять, этого может быть достаточно. Не завтра или послезавтра, но...

Сэм допил свое вино и вновь наполнил кубки.

— За день грядущий, колесничий!

— За кровь, Бич, за кровь и за погибель!

— Кровь может быть и нашей, Бог Смерти. Но коли мы прихватим за собой достаточно врагов...

— Я не могу умереть, Сиддхартха, кроме как по собственному выбору.

— Как это может быть, Господин Яма?

— Пусть у Смерти останутся свои маленькие секреты. Да я могу и отказаться от права выбора в этой битве.

— Как пожелаешь, Господин.

— За твое здоровье и долгую жизнь.

— За твои.

Рассвет в день битвы выдался розовым, как свежеотшлепанное девичье бедро.

С реки тянулся легкий туман. На востоке золотом горел Мост Богов, погружаясь другим своим, темнеющим концом в отступающую ночную мглу, словно пылающим экватором делил пополам небеса.

На равнине у Ведры ждали своего часа воины Дезирата. Пять тысяч человек, вооруженных мечами и луками, пиками и пращами, дожидались битвы. Стояла в первых рядах и тысяча зомби, ведомых живыми сержантами Черного, которые управляли всеми их движениями посредством барабанного боя; легкий утренний ветерок перебирал шарфы черного шелка, которые, словно змейки дыма, вились над их шлемами.

Сзади расположились пятьсот копейщиков. В воздухе серебряными вихрями висели ракшасы. Временами откуда-то из еще не рассеявшихся сгустков тени доносился рык какого-то дикого обитателя джунглей. Огненные элементали рдели на концах веток, на наконечниках копий, на флагштоках и вымпелах.

Ни одно облачко не омрачало небесную лазурь. Трава еще сохранила утреннюю влагу и сверкала россыпью росинок. В рассветной прохладе почва хранила ночную мягкость и готова была оставить на себе отпечатки попирающих ее ног. Под небесами глаза переполняли серые, зеленые, желтые тона; Ведра вскипала меж берегов водоворотами, собирая листья с обступивших ее гурьбой деревьев. Говорят, что повторяет вкратце каждый день историю всего мира, медленно проступает из темноты и хлада, пробуждаемый чуть брезжущим светом и нарождающимся теплом, расцветает утро — и щурится уже пробудившееся сознание сквозь сумятицу алогичных мыслей и ералаш не связанных друг с другом эмоций, к полудню все дружно устремляется к строгости порядка, чтобы потом медленно, горестно течь под уклон, сквозь скорбный упадок сумерек, мистические видения вечернего полумрака, — к энтропийному концу, каковым снова оказывается ночь.

Наступил день.

На дальнем краю поля виднелась черная линия.

Острый звук трубы прорезал воздух, и линия эта двинулась вперед.

Сэм стоял на боевой колеснице во главе своих войск, блестели его вороненые доспехи, смерть таило в себе длинное серое копье. Послышались слова облаченной в алое Смерти, его колесничего:

— Первая волна — это ящерная кавалерия.

Прищурясь, Сэм всматривался в далекую линию.

— Вот они, — сказал возница.

— Отлично.

Он взмахнул копьем, и, словно белопенный прибой, устремились вперед белые огни ракшасов. Шагнули вперед зомби.

Когда сошлись друг с другом белая волна и темная линия, разнесся по всему полю гвалт смешавшихся воедино голосов, шипение и бряцание оружия.

Остановилась темная линия, поднялись над нею огромные сгустки пыли.

А затем все покрыли звуки пробуждающихся джунглей, это во фланг противнику пущены были собранные по лесам хищники.

Под медленный, размеренный ритм барабанов маршировали зомби, а перед ними текли вперед огненные элементали, и блекла и выцветала трава на их пути.

Сэм кивнул Смерти, и их колесница медленно двинулась с места, мягко покачиваясь на своей воздушной подушке. У него за спиной зашевелилось воинство Дезирата. Владыка Кубера спал в это время мертвым сном, наглотавшись снотворных, в сокровенном укрытии под городом, Госпожа Ратри на черной кобыле следовала за рядами копейщиков.

— Их атака отбита, — сказала Смерть.

— Да.

— Вся их кавалерия расстроена, и звери все еще свирепствуют среди нее. Они до сих пор не перестроили свои порядки. Ракшасы обрушились на них с небес, как ливень. А теперь их настиг огненный поток.

— Да.

— Мы уничтожим их. Как раз сейчас видят они, как безмозглые выпестыши Ниррити наступают на них, вышагивая все как один, в ногу и без страха,

под равномерный и жуткий барабанный бой, — и ничего нет у них в глазах, ничего. А над головами зомби видят они нас, словно окруженных грозовой тучей, и видят они, что Смерть правит твоей колесницей. И чаще бьются их сердца, и холод сковывает их члены. Видишь, как рыщут среди них дикие звери?

— Да.

— Пусть не трубит никто в наших рядах победу, Сиддхартха. Ибо это не битва, а бойня.

— Да.

Зомби убивали всех, кто попадался им на пути, а когда падал кто-то из них самих, не раздавалось ни слова, ни звука, ибо им было все равно, а слова для нежити ничего не значат.

Они прошлись по всему полю, и все новые волны воинов обрушивались на них. Но кавалерия была разбита, пехотинцы же не могли устоять против копейщиков и ракшасов, зомби и пехоты Дезирата.

Острыми как бритва лезвиями прорезала колесница ряды врагов, словно пламя, пролетая по полю, управляемая Смертью. Посылаемые в нее снаряды и копья сворачивали в полете на полпути под прямым углом и падали далеко от боевой машины и ее экипажа. Темное пламя плясало в глазах Смерти, а сам колесничий, казалось, слился с двумя кольцами-близнецами, при помощи которых управлял он своим детищем. Снова и снова безжалостно направлял он его на врагов, и копье Сэма жалило, словно жало змеи, когда они проносились сквозь их ряды.

Откуда-то прозвучал сигнал к отступлению. Но почти некому было к нему прислушаться.

— Утри слезы, Сиддхартха, — сказала Смерть, — и перестрой войска. Пришло время усилить натиск. Меченосец Манжушри должен отдать приказ о наступлении.

— Да, Смерть, я знаю.

— Поле осталось за нами, но еще не вечер. Боги наблюдают, оценивая наши силы.

Сэм подал поднятым копьем сигнал, и его войска всколыхнулись. Затем они вновь замерли на месте. Вдруг все стихло, ни ветерка, ни звука, повсюду разлилась неподвижность. Синело небо. Утоптанное

тысячами ног, серо-зеленым ковром расстилалось поле. Вдали, словно призрачная ограда, висела пыль.

Сэм оглядел ряды своего воинства и взмахнул копьем.

В этот миг ударил гром.

— На поле выходят боги, — сказала Смерть, глядя вверх.

Над ними пронеслась громовая колесница. Но ливень разрушения не хлынул им на головы.

— Почему мы еще живы? — спросил Сэм.

— Я думаю, они хотят, чтобы наше поражение было как можно более позорным. К тому же они, наверное, боятся обратить громовую колесницу против ее создателя — и правильно делают.

— В таком случае... — сказал Сэм и подал своим войскам сигнал к наступлению.

Колесница вынесла его вперед.

За ним двинулось воинство Дезирата.

Они порубили отставших. Они прорвались сквозь гвардию, которая пыталась их задержать. Под тучей стрел перебили они лучников. И лицом к лицу сошлись с основной массой святых воителей, давших обет стереть с лица земли город Дезират.

И тут протрубили небесные трубы.

Расступились ряды воителей-людей.

Выехало пятьдесят полубогов.

Сэм поднял копье.

— Сиддхартха, — сказала Смерть, — никогда не был Князь Калкин побежден в битве.

— Знаю.

— Со мной Талисман Бича. На костре у Миросхода сгорела подделка. Я подменил его, чтобы изучить на досуге. Досуга у меня, правда, не было. Постой минуту, я надену его на тебя.

Сэм поднял руки, и Смерть застегнула у него на талии пояс из раковин.

Он подал своим войскам знак остановиться.

Смерть мчала его в одиночку навстречу полубогам.

Над головами некоторых из них переливались нимбы зачаточных Обликов. Другие несли странное оружие, чтобы сфокусировать на нем странные свои

Атрибуты. Языки пламени лизнули колесницу. Ветры налетели на нее. Обрушился грохот. Сэм взмахнул копьем, и первые трое из его противников зашатались и рухнули со спин своих ящеров.

Смерть устремила на них свою колесницу.

Как бритва остры были косы, которые приладила Смерть к своей колеснице; и была она втрое быстрее лошади и вдвое — ящера.

Туман окутал Сэма, туман, подкрашенный кровью. Навстречу ему неслись тяжелые снаряды — и исчезали то с одной, то с другой стороны от колесницы. Сверхзвуковой вой заполнял его уши, но что-то ослабляло его до терпимых пределов.

Не меняясь в лице, воздел Сэм свое копье высоко над головой.

И вдруг вспышка неожиданной ярости исказила его лицо, и с наконечника копья ударили в ответ молнии.

Опалило, обуглило ящеров и их всадников.

Ноздри Сэма раздулись от запаха горелой плоти.

Он засмеялся, и Смерть развернула колесницу для новой атаки.

— Смотрите ли вы на меня? — прокричал Сэм в небо. — Смотрите — и остерегайтесь! Ибо вы ошиблись!

— Не надо! — вмешалась Смерть. — Слишком рано! Никогда не насмехайся над богом, пока с ним не покончено!

И еще раз промчалась колесница сквозь ряды полубогов, и ни одному не удалось коснуться ее.

Разнесся призыв трубы, и священное ополчение ринулось на помощь.

Навстречу им двинулись воины Дезирата.

Сэм стоял на своей колеснице, и вокруг него с грохотом падали тяжелые снаряды, но ни один из них не достиг цели. Смерть раз за разом устремляла колесницу сквозь ряды врагов, то словно вбивая в них клин, то будто пронзая рапирой. Сэм пел. И копье его было словно жало змеи, иногда с наконечника слетали яркие искры, а Талисман светился бледным огнем.

— Мы их осилим! — обратился он к колесничему.

— Сейчас на поле только полубоги и люди, —

отвечала Смерть. — Они все еще испытывают нашу мощь. Почти не осталось тех, кто помнит истинную силу Калкина.

— Истинную силу Калкина? — переспросил Сэм. — Ни разу не была она проявлена, о Смерть. За все века этого мира... Пусть же выступят теперь они против меня, и оплачет небо их тела, и обагрятся воды Ведры их кровью... Вы слышите меня? Вы слышите меня, боги? Где же вы? Я вызываю вас, здесь, на этом поле! Выходите против меня со всей вашей силой, явитесь сюда!

— Нет! — перебила Смерть. — Еще рано!

Над ними опять показалась громовая колесница.

Сэм поднял копье, и вокруг пролетающей машины разверзся пиротехнический ад.

— Тебе не следует выдавать себя! Пусть они пока не догадываются, на что ты способен!

Сквозь грохот боя и пение внутри собственного мозга до него донеслись слова Тараки:

— Они поднимаются по реке, Бич! А другой отряд осаждает ворота города!

— Передай Далиссе, чтобы она бралась за дело. Пусть вскипятит своим Зноем воды Ведры. А ты со своими ракшасами отправляйся к воротам Дезирата и уничтожь захватчиков!

— Слушаюсь, Бич! — и Тарака исчез.

Луч ослепительного света пронизал, вырвавшись из громовой колесницы, ряды защитников.

— Пора, — сказала Смерть и взмахнула плащом.

В задних рядах леди Ратри привстала в стременах своей вороной кобылы. Она откинула черную вуаль, покрывавшую ее доспехи.

И закричали от страха оба воинства, ибо прикрыло солнце лик свой, и тьма снизошла на ратное поле. Зачах росток света, пробивавшийся из громовой колесницы, не под силу ему больше было обжечь кого-нибудь, а затем и вовсе исчез.

Лишь слабое, непонятно откуда исходившее свечение окружало их, когда ринулся на поле Владыка Мара — в своей переливчатой колеснице изменчивых цветов и очертаний, влекомой лошадьми, изрыгающими реки дымящейся крови.

Навстречу ему устремился Сэм, но помешали ему

толпы воинов, и прежде чем прорубился он сквозь них, умчался Мара прочь, убивая всех на своем пути.

Поднял тогда копье Сэм и нахмурился, но цель его колебалась, меняла очертания, и все его перуны падали то по сторонам от нее, то позади.

Вдалеке, в водах реки начал разгораться приглушенный свет. Он медленно пульсировал, и в какой-то момент над водой показалось нечто, напоминающее щупальце.

Со стороны города доносились звуки битвы. Воздух был наполнен демонами. Почва, казалось, шевелилась под ногами ратников.

Опять воздел Сэм свое копье, и ломаная линия света ударила из него в небосвод, заставляя его разразиться на головы сражающихся десятком-другим молний.

Дикие звери рычали, выли, ревели, опустошая без разбора ряды и того и другого воинства.

Подгоняемые сержантами, ведомые бесперебойным пульсом барабанов, продолжали убивать всех и каждого зомби; огненные элементали льнули к груди павших, будто питаясь плотью.

— Полубоги разбиты, — проговорил Сэм. — Перейдем к Владыке Маре.

В поисках его они пересекли поле — среди тех, кто скоро станет трупами, и среди тех, кто ими уже стал.

Завидев радужные цвета колесницы сновидца, пустились они в погоню.

Наконец он развернул свою колесницу и встретил их в коридоре темноты, куда с трудом, будто издалека, долетал шум боя. Смерть тоже натянула поводья, и они пожирали друг друга сквозь ночную тьму пылающими глазами.

— Может, ты все-таки остановишься и примешь бой? — закричал Сэм. — Или нам придется прикончить тебя походя, как собаку?

— Не говори мне о своем отродье, кобеле и суке, о Бич! — отвечал тот. — Это ведь ты, не так ли, Калкин? Это твой пояс. Это твой стиль боя, когда вызванные тобою молнии поражают без разбору друзей и врагов. Значит, ты как-то все-таки выжил?

— Да, это я, — сказал Сэм, взвешивая в руке копье.

— И бог падали правит твоей колымагой!

Смерть подняла свою левую руку ладонью вперед.

— Обещаю тебе, Мара, смерть, — сказала она. — Если не от руки Калкина, то от моей собственной. Если не сегодня, то позже.

Слева пульсация в реке все учащалась.

Смерть наклонилась вперед, и колесница устремилась к Маре.

Кони сновидца заржали и, выпустив из ноздрей струи пламени, прянули вперед.

Стрелы Рудры отыскали их в темноте, но и они пронеслись, не задев Смерть и ее колесницу, и взорвались поблизости, на мгновение чуть сильнее осветив окрестность.

Издалека доносился тяжелый топот и пронзительный визг слонов, которых гнали по равнине ракшасы.

Раздался оглушительный рев.

Мара вырос в гиганта, горою стала его колесница. Вечность ложилась под копыта его коней. Молния сорвалась с копья Сэма, словно брызги с фонтана. Вокруг него закружила вьюга, и сам холод межзвездных бездн выстудил вдруг все у него внутри.

В последний момент отвернул Мара свою колесницу в сторону и соскочил с нее.

Они врезались ей прямо в борт, снизу донесся скрежет, и они медленно опустились на землю.

К тому времени они, казалось, просто оглохли от рева; пульсирующий свет с реки разлился над нею ровным заревом. Волна смешанной с паром воды выплеснулась из Ведры на берег, покатилась по полю.

Раздались новые вопли, не затихая громыхало и лязгало оружие. Где-то в темноте едва различимо продолжали бубнить барабаны Ниррити, а сверху донесся странный звук, словно громовая колесница пикировала на них.

— Куда он делся? — прокричал Сэм.

— Спрятался, — отвечала Смерть. — Но он не может спрятаться навсегда.

— Проклятие! Что это, победа или поражение?

— Отличный вопрос. Но увы, я не знаю, каков на него ответ.

Волны пенились вокруг стоявшей на земле колесницы.

— Ты можешь опять запустить ее?

— Только не в темноте, когда все заливает вода.

— Что же тогда нам делать?

— Запастись терпением и перекурить это дело.

Он откинулся назад и зажег огонек.

Чуть погодя в воздухе над ними завис один из ракшасов.

— Бич! — обратился он к Сэму. — Новые отряды нападающих на город пропитаны той мерзостью, приблизиться к которой нам не дано!

Сэм поднял копье, и с его острия сорвалась молния.

На какое-то мгновение все поле осветилось ослепительной вспышкой.

Повсюду валялись убитые. Местами они образовали небольшие кучи. Некоторые и в смерти были сплетены с соперниками. Там и сям виднелись трупы животных. Кое-где еще крались в поисках поживы огромные кошки. Огненные элементали отступали перед водой, которая занесла илом и грязью павших и насквозь промочила тех, кто еще мог стоять. Холмами возвышались над равниной сломанные колесницы и павшие ящеры. И сквозь все это брели, продолжая подчиняться приказу, зомби, убивая все живое, что двигалось и шевелилось перед ними, и пусты были их глаза. Вдалеке, иногда запинаясь, продолжал рокотать один из барабанов. Со стороны города доносился шум непрекращающейся схватки.

— Найди леди в черном, — сказал Сэм ракшасу, — и скажи, чтобы она убрала мглу.

— Хорошо, — сказал демон и умчался обратно к городу.

Опять засверкало солнце, и Сэм прикрыл глаза от его лучей.

Еще ужаснее оказалась резня под голубым небом и золотым мостом.

Поперек поля высилась над землей громовая колесница.

Зомби убили последних уцелевших людей. Потом

оглянулись, чтобы поискать очередную добычу, и в этот момент барабан стих и сами они упали на землю.

Сэм и Смерть стояли в своей колеснице и оглядывали поле в поисках признаков жизни.

— Ничто не движется, — сказал Сэм. — Где же боги?

— Быть может, в громовой колеснице.

Опять появился ракшас.

— Защитники не в состоянии удержать город, — доложил он.

— Участвуют ли в штурме боги?

— Там Рудра, и его стрелы наделали много бед. Там же Господин Мара. И Брахма, я думаю, тоже — и еще много других. Там все смешалось, а я торопился.

— А где леди Ратри?

— Она вступила в Дезират и ждет там в своем Храме.

— А где остальные боги?

— Не знаю.

— Я иду в город, — заявил Сэм, — его защищать.

— Ну а я отправлюсь к громовой колеснице, — сказала Смерть, — попробую использовать ее против врагов, если ее еще можно как-то использовать. Ну а нет — так останется еще Гаруда.

— Хорошо, — сказал Сэм и поднялся в воздух.

Смерть спрыгнула с колесницы.

— Удачи тебе!

— И тебе.

И они, каждый по-своему, покинули место гекатомбы.

Дорога шла чуть в гору, и его красные кожаные сапоги бесшумно ступали по влажному дерну.

Закинув алый плащ за правое плечо, он критически оглядел громовую колесницу.

— Она пострадала от молний.

— Да, — кивнул он.

И посмотрел на говорившего: тот стоял у самого хвостового оперения.

Доспехи его сверкали, как бронза, хоть и не из бронзы были они сделаны.

Казалось, что состоят они из множества змей.

Его вороненый шлем украшали бычьи рога, а в левой руке держал он сверкающий трезубец.

— Блестящая карьера, брат Агни.

— Я больше не Агни, я теперь Шива, Владыка Разрушения.

— Ты носишь на новом теле его доспехи и вооружен его трезубцем. Но никому не под силу так быстро научиться пользоваться этим трезубцем. Вот почему на правой твоей руке белеет перчатка, вот откуда очки у тебя на лбу.

Шива поднял руку и опустил очки на глаза.

— Да, так оно и есть. Брось трезубец, Агни. Отдай мне свою перчатку, жезл, пояс и очки.

Тот покачал головой.

— Я уважаю твою силу, бог Смерти, твою скорость и мощь. Но ты ушел слишком далеко от их источников, и они тебе больше не помогут. Тебе до меня не добраться, я сожгу тебя издалека, пока ты не приблизился. Ты, Смерть, умрешь.

И он потянулся к поясу за своим жезлом.

— Ты собираешься обратить дар Смерти против нее самой?

И в руке у него появилась кроваво-красная сабля.

— Пока, Дхарма. Дни твои подошли к концу.

Он поднял жезл.

— Во имя когда-то существовавшей между нами дружбы, — произнес облаченный в алое, — я сохраню тебе жизнь, если ты сдашься мне.

Жезл качнулся.

— Ты убил Рудру, защищая имя моей жены.

— Я защищал честь локапал, одним из которых был я сам. Ну а теперь я — Бог Разрушения, я одно с Тримурти!

Он нацелил огневой жезл, и Смерть взмахнула перед собой алым плащом.

Столь ослепительна была последовавшая вспышка, что в двух милях от громовой колесницы защитники Дезирата замерли на миг на стенах города, удивляясь ее источнику.

Захватчики вступали в Дезират. Их окружал огонь, стоны, удары металла о дерево, скрежет металла о металл.

Ракшасы обрушивали на врагов, с которыми не могли сойтись в схватке, целые здания. Немногочисленны были вступившие в город, немногочисленны были и его защитники. Большая часть обеих армий пала на равнине у реки.

Сэм стоял наверху самой высокой башни Храма и смотрел вниз, как рушится город.

— Я не смог спасти тебя, Дезират, — мрачно промолвил он. — Я пытался, но этого не хватило.

Далеко внизу, на улице, Рудра натянул свой лук. Увидев это, Сэм поднял копье.

И ударили в Рудру молнии, взорвались его стрелы.

Когда дым рассеялся, на месте Рудры виднелся лишь небольшой кратер в середине выжженной площадки земли.

Вдалеке, на одной из крыш появился Господин Вайю, он посылал ветра раздувать пожары. Опять поднял было Сэм свое копье, но уже дюжина Вайю стояла на дюжине крыш.

— Мара! — воззвал Сэм. — Покажись, сновидец! Если осмелишься!

Сразу отовсюду донесся до него смех.

— Когда я буду готов, Калкин, — донесся до него голос из пропитанного дымом воздуха, — я осмелюсь. Но выбирать буду я... А у тебя не кружится голова? Что произойдет, если ты бросишься вниз? Явится и подхватит тебя ракшас? Спасут ли тебя твои демоны?

И тут ударили молнии сразу во все дома, стоявшие вокруг Храма, но покрыл грохот разрушений смех Мары. И растаял вдали под треск новых костров.

Уселся Сэм и продолжал смотреть, как горит город. Затихли звуки сражения. Осталось одно пламя.

Острая боль пронзила его мозг, отступила. Затем вновь пришла и более уже не уходила. Затем охватила все его тело, и он закричал.

Внизу, на улице стояли Брахма, Вайю, Мара и четыре полубога.

Он попытался поднять копье, но рука его дрожала, он не удержал древко в руке, копье со стуком упало на камень и откатилось в сторону.

Скипетр, состоявший из колеса и черепа, уставил свои глазницы прямо на него.

— Спускайся, Сэм! — крикнул, слегка пошевелив им, Брахма, и боль огненной волной перекатилась по телу. — Кроме тебя и Ратри, в живых никого не осталось! Ты последний! Сдавайся!

Он боролся, чтобы подняться на ноги, ему удалось положить руки на пояс, на свой светящийся пояс.

Покачнувшись, он пробормотал сквозь крепко сжатые зубы:

— Хорошо! Я спущусь... среди вас упадет бомба!

Но тут небо потемнело, посветлело, вновь потемнело.

Оглушительный крик покрыл рев ненасытного пламени.

— Это Гаруда! — воскликнул Мара.

— Что здесь делать Вишну — теперь-то?

— Гаруду же украли! Ты что, забыл?

Огромная птица пикировала на охваченный пожаром город, словно стремящийся к своему пылающему гнезду исполинский феникс.

Сэм с трудом взглянул вверх и увидел, как вдруг на глаза Гаруде опустился колпак. Птица взмахнула крыльями и, словно свинцовая, продолжала падать туда, где перед Храмом стояли боги.

— Красный! — вскричал Мара. — Седок! Он в красном!

Брахма повернулся и обеими руками направил свой вопящий скипетр на голову пикирующей птицы.

Мара взмахнул рукой, и крылья Гаруды, казалось, вспыхнули.

Вайю поднял вверх обе руки, и ураганный ветер обрушился на вахану Вишну, чей клюв сминает колесницы.

Еще раз вскричал Гаруда, расправив крылья, чтобы замедлить падение. Вокруг его головы суетились

ракшасы, тычками и подзатыльниками подталкивая вниз.

Падение его замедлялось, замедлялось, но прекратиться не могло.

Боги бросились врассыпную.

Гаруда рухнул на землю, и́ земля содрогнулась.

Среди перьев на его спине появился Яма с клинком в руке, он сделал три шага и повалился на мостовую. Из развалин возник Мара и дважды ударил его сзади по затылку ребром ладони.

Еще до второго удара Сэм прыгнул вперед, но не успел достичь земли вовремя. Вновь завопил скипетр, и все закружилось вокруг него. Изо всех сил боролся он, чтобы остановить падение, но смог его лишь замедлить.

Земля была под ним в пятнадцати метрах... в десяти... в пяти...

Сначала она была подернута мутно-кровавой пеленой, потом стала просто черной...

— Наконец-то Князь Калкин сражен в битве, — мягко сказал кто-то.

Брахма, Мара да два полубога, Бора и Тикан, вот и все, больше некому было конвоировать Сэма и Яму из умирающего города Дезирата на реке Ведре. А перед ними брела леди Ратри с веревочной петлей на шее.

Они забрали Сэма и Яму в громовую колесницу, которая была в еще более плачевном состоянии, чем сразу после падения: в правом борту ее зияла огромная дыра, а часть хвостового оперения исчезла неизвестно куда. Они сковали пленников цепями, сняв с них предварительно Талисман Бича и малиновый плащ Смерти. Они связались с Небесами, и вскоре за ними прибыла гондола.

— Мы победили, — сказал Брахма. — Дезирата больше нет.

— Дорогая победа, на мой взгляд, — сказал Мара.

— Но мы победили!

— А Черный опять шевелится.

— Он хотел лишь испытать нашу силу.

— И что он должен о ней решить? Что мы потеряли всю армию? И даже нескольких богов?

— Мы бились со Смертью, ракшасами, Калкиным, Ночью и Матерью Зноя. После такой победы Ниррити не осмелится вновь поднять на нас руку.

— Могуч Брахма, — сказал Мара и отвернулся.

Властители Кармы вызваны были, чтобы судить пленных.

Леди Ратри изгнана была из Града и осуждена на пребывание в мире простой смертной, воплощенной всегда в расположившие немолодые тела, которые не могли принять на себя ее Облик или Атрибуты. Так милостиво обошлись с ней, поскольку решено было, что стала она заговорщицей случайно, неосторожно доверившись Кубере.

Когда послали за Владыкой Ямой, дабы предстал он перед судом, то обнаружили в камере лишь его мертвое тело. Оказалось, что у него в тюрбане спрятана была маленькая металлическая коробочка. И она взорвалась.

После вскрытия Властители Кармы дали свои разъяснения.

— Почему он не принял яд, если хотел умереть? — спросил Брахма. — Легче скрыть пилюлю, чем мину.

— Теоретически возможно, — сказал один из Властителей, — что где-то в мире он заготовил другое тело, в которое намеревался себя переслать при помощи самовзрывающегося по завершении работы устройства.

— Такое возможно?

— Нет, конечно. Аппаратура для передачи громоздка и сложна. Яма, правда, хвастался, что он может все. Однажды он пытался меня убедить, что подобный прибор можно построить. Но контакт между двумя телами должен быть непосредственным и осуществляться при помощи многих проводов и кабелей. И никакое миниатюрное устройство не способно развить нужную мощность.

— Кто построил вам психозонд? — спросил Брахма.

— Господин Яма.

— А Шиве громовую колесницу? А Агни огневой жезл? Грозный лук Рудре? Трезубец? Пресветлое Копье?

— Яма.

— Я бы хотел сообщить вам, что примерно в то же время, когда, должно быть, работала эта крошечная коробочка, сам собою включился главный генератор в Безбрежных Чертогах Смерти. Он проработал неполных пять минут и сам же отключился.

— Была передача?

Брахма пожал плечами.

— Пора наказать Сэма.

Что и было сделано. И поскольку один раз он уже умирал и это не дало желаемого эффекта, на сей раз решено было не ограничиваться смертным приговором.

И он был перенесен. Но не в другое тело.

Возвели радиобашню, Сэма, накачав наркотиками, должным образом подготовили к переносу, облепив проводами и датчиками. Но связаны те были не с другим телом, а с особым преобразователем.

И излучен был его атман через открывшийся купол прямо в огромное магнитное облако, окружавшее всю планету и прозывавшееся Мостом Богов.

И даровано ему было затем уникальное отличие: единственным на Небесах дважды прошел он через погребальные обряды. Ну а для Ямы это были первые похороны, и, глядя, как поднимается ввысь дым от костров, гадал Брахма, где он сейчас на самом деле.

— Будда погрузился в нирвану, — возвестил Брахма. — Молитесь по Храмам! Пойте на улицах! Во славе ушел он! Преобразовал он старую религию, и лучше мы теперь, чем были когда-либо! Пусть всякий, кто не согласен, вспоминает Дезират!

Так оно и было.

Но так и не нашли они Владыку Куберу.

Демоны разгуливали на свободе.

Наращивал силы Ниррити.

То тут, то там находился кто-то, кто помнил бифокальные очки или бурление ватерклозета, нефтехимию или двигатели внутреннего сгорания — и день, когда отвратило солнце лик свой от правосудия Небес.

А Вишну говаривал, что *наконец-то явилось* на Небеса запустение.

vii

Еще одним именем, которым его называли, было Майтрея, что означает Князь Света. Вернувшись из Золотого Облака, отправился он во Дворец Камы в Хайпуре, чтобы собраться с силами и приготовиться к последнему дню юги. Обмолвился однажды один мудрец, что никому не дано встретить этот день, лишь потом узнаешь, что же произошло. Ибо не отличить его рассвет от любого другого рассвета, и течет он, как все, переиначивая историю мира.

Иногда звали его Майтрея, что значит Князь Света...

Мир — это жертвенный огонь, солнце — его топливо, солнечные лучи — дым, день — пламя, стороны света — угли и искры. На этом огне вершат боги подношение веры. Из подношения этого рождается Царь Луна.

Дождь, о Гаутама, это огонь, год — его топливо, облака — дым, молния — пламя, угли, искры. На этом огне вершат боги подношение Царя Луны. Из подношения этого рождается дождь.

Мир, о Гаутама, это огонь, земля — его топливо, огонь — дым, ночь — пламя, луна — угли, звезды — искры. На этом огне вершат боги подношение дождя. Из подношения этого возникает пища.

Мужчина, о Гаутама, это огонь, его открытый рот — это топливо, дыхание — дым, речь — пламя, глаз — угли, ухо — искры. На этом огне вершат боги подношение пищи. Из подношения этого возникает детородная сила.

Женщина, о Гаутама, это огонь, тело ее — его топливо, волосы — дым, лоно — пламя, наслаждения — угли и искры. На этом огне вершат боги подношение детородной силы. Из подношения этого рождается человек. Он живет столько, сколько суждено ему прожить.

Когда человек умирает, уносят его, чтобы предать огню. Огонь становится его огнем, топливо —

его топливом, дым — дымом, пламя — пламенем, угли — углями, искры — искрами. На этом огне вершат боги подношение человека. Из подношения этого выходит человек в сияющем величии.

Брихадараньяка упанишада (VI, 2, 9-14).

В высоком синем дворце, увенчанном стройными шпилями и украшенном филигранью резных дверей, где воздух пропитан терпкой морской солью и пронизан криками населяющих прибрежье тварей, отчего быстрее бьется сердце и сильнее жаждешь жизни и ее удовольствий, Господин Ниррити Черный допрашивал приведенного к нему человека.

— Как тебя зовут, мореход? — спросил он.

— Ольвагга, Господин, — отвечал капитан. — Почему перебил ты всю мою команду, а меня оставил в живых?

— Потому что я желаю допросить тебя, Капитан Ольвагга.

— О чем же?

— О многом. О том, что старый морской волк может вызнать в своих скитаниях. Хорошо ли я контролирую южные морские линии?

— Лучше, чем я думал, иначе меня здесь не было бы.

— Многие боятся рисковать, да?

— Да.

Ниррити подошел к окну и, повернувшись к пленнику спиной, долго смотрел на море. Потом снова заговорил:

— Я слышал, что немалых успехов добилась на севере наука со времен, гм, битвы при Дезирате.

— Я тоже слыхивал об этом. И знаю, что так оно и есть. Сам видел паровую машину. Печатные станки вошли в обиход. Ноги мертвых ящеров дергаются от знакомства с гальванизмом. Повысилось качество стали. Вновь изобрели микроскоп и телескоп.

Ниррити обернулся к нему, и некоторое время они изучали друг друга.

Ниррити был маленьким человечком с огоньком в глазах, мимолетной улыбкой, темными волосами, забранными серебряным обручем, вздернутым носом и глазами под цвет его дворца. Одет он был во все

черное, а кожа его, похоже, давно не встречала солнечных лучей.

— А почему Боги из Града не смогли это предотвратить?

— Мне кажется, что они просто ослабели, в чем ты, наверное, и хочешь убедиться, Господин. После холокоста на Ведре они вроде бы боятся искоренять прогресс машинерии силой. А еще говорят, что внутри Града сейчас свои распри — между полубогами и уцелевшими из старших. К этому добавляется проблема новой религии. Люди нынче не боятся Небес, как раньше. Они способны постоять за себя; и теперь, когда они лучше подготовлены, боги уже не спешат вступать с ними в открытые конфликты.

— Значит, Сэм победил. Через годы он разбил их.

— Да, Ренфрю. Думаю, ты прав.

Ниррити бросил быстрый взгляд на двух стражников, стоявших по бокам Ольвагги.

— Ступайте, — приказал он и затем, когда они вышли, добавил: — Ты знаешь меня?

— Угу, капеллаша. Я ведь Ян Ольвегг, капитан «Звезды Индии».

— Ольвегг. Это кажется невозможным.

— И однако так оно и есть. Это ныне старое тело я получил в тот день, когда Сэм разгромил Властителей Кармы в Маратхе. Я был там.

— Один из Первых и — да! — христианин!

— По случаю, когда у меня истощаются индийские ругательства.

Ниррити положил руку ему на плечо.

— Значит, само твое существо изнемогает, должно быть, от боли, внимая насаждаемому ими богохульству!

— Не очень-то я их жалую, да и они меня тоже.

— Еще бы. Но вот Сэм — он же делал то же самое, преумножая число ересей, еще глубже погребая истинное Слово...

— Оружие, Ренфрю, — сказал Ольвегг. — Оружие и ничего более. Я уверен, что он хотел стать богом не больше, чем ты или я.

— Может быть. Но лучше бы он подыскал другое оружие. Хоть он и побеждает, души их все равно потеряны.

Ольвегг пожал плечами.

— Я, в отличие от тебя, не богослов...

— Но ты поможешь мне? Веками я накапливал силы, наращивал свою мощь. У меня есть люди и есть машины. Ты сказал, что враг ослаблен. Моя нежить — отродья не мужчины и женщины — не ведают страха. У меня есть небесные гондолы — множество гондол. Я могу добраться до их Града на полюсе. Я могу разрушить их Храмы по всему миру. Полагаю, пришла пора очистить мир от этой скверны. Вновь должна воцариться истинная вера! Скоро! Уже недолго ждать!

— Как я сказал, я не богослов. Но мне тоже хочется увидеть, как падет Град, — сказал Ольвегг. — Я помогу тебе всем, чем смогу.

— Тогда мы захватим для начала несколько их городов и осквернim их Храмы, чтобы посмотреть, что они предпримут в ответ.

Ольвегг кивнул.

— Ты будешь моим советником. Окажешь мне моральную поддержку, — сказал Ниррити и опустил голову. — Молись со мною, — велел он.

Долго стоял старик перед Дворцом Камы в Хайпуре, разглядывая его мраморные колонны. Наконец одна из девушек сжалилась над ним и вынесла ему хлеба и молока. Он съел хлеб.

— Выпей и молоко, дедушка. Оно полезно для всех и укрепит твою плоть.

— К черту! — сказал в ответ старик. — К черту молоко! И мою треклятую плоть! Впрочем, если уж на то пошло, так и дух.

Девушка отпрянула назад.

— Так-то ты отвечаешь на проявленное милосердие!

— Я ругаю не твое милосердие, детка, а твой вкус в том, что касается напитков. Ты что, не могла нацедить мне на кухне глоток-другой самого дрянного винца?.. Того, которое не придет в голову заказывать даже забулдыгам, а повар не осмелится брызнуть на самый дешевый кебаб. Я жажду выжатого из гроздьев, а не из коровы!

— Может быть, тебе подать меню? Уходи отсюда, покуда я не позвала слуг!

Он посмотрел ей в глаза.

— Не обижайся, леди, прошу тебя. Попрошайничество, видишь ли, дается мне с трудом.

Она взглянула в его черные как смоль глаза, затерявшиеся в лабиринте испещривших задубевшую от загара кожу морщинок. В бороде у него проглядывали черные пряди, неуловимая улыбка играла в уголках рта.

— Хорошо... ступай за мной, мы пройдем через черный ход на кухню, может, там найдется что-нибудь для тебя. Хотя, по правде говоря, я не знаю, почему это делаю.

Пальцы его дернулись, когда она от него отвернулась, а на губах заиграла улыбка, он направился за ней следом, присматриваясь к ее походке.

— Потому что я так захотел, — сказал он.

Не по себе было вожаку ракшасов Тараке. Расположившись на проплывавших в полуденной лазури облаках, размышлял он о путях силы. Случилось ему когда-то быть могущественнейшим. Во дни, предшествовавшие обузданию, некому было встать поперек его пути. И тут явился Бич, Сиддхартха. И когда узнал о нем Тарака — о Калкине, наделенном немалой силой, — понял он, что рано или поздно суждено будет им сойтись, чтобы смог он испытать силу того Атрибута, которым, как говорили, обзавелся Калкин. И когда наконец пересеклись их пути — в тот великий, давно ушедший день, когда вспыхивали факелами от их неистовства вершины гор, — победил тогда Бич. И когда встретились они вторично, уже через века, так или иначе, но опять сломил он ракшаса, и было это поражение еще тяжелее первого. Но только ему и удалось такое, а сейчас ушел он из мира. Более же никому было не под силу превозмочь Владыку Адова Колодезя. Но тут оспорить его силу явились боги. Когда-то смеялся он над их ничтожеством, над их неуклюжими попытками подчинить себе свои принесенные мутациями способности, используя наркотики, гипноз, медитацию, нейрохирургию, выковать из них Атрибуты, — но вырос-

ли за века их силы. Четверо, всего четверо из них явились в Адов Колодезь — и все его легионы не в силах оказались их отразить. Силен был тот, кого звали Шивой, но Бич позднее убил его. Так и должно было быть, ибо признавал Тарака Бича себе равным. Женщину в расчет он не принимал, ведь была она всего-навсего женщиной, и понадобилась ей помощь Ямы. Но вот Бог Агни, душа которого сверкала ярким, нестерпимым пламенем, — его Тарака почти боялся. Опять вспомнил владыка ракшасов тот день, когда в Паламайдзу явился в одиночку во дворец к нему Агни и бросил вызов. Не под силу оказалось ракшасу тогда остановить пришельца, как он ни пытался, и сам дворец его пал жертвой пламени. Повторилось то же и в Адовом Колодезе, опять ничего не могло остановить пламенного бога. И дал тогда Тарака себе обещание, что придет день и испытает он его силу, как было то уже с Сиддхартхой, чтобы либо победить, либо подчиниться. Но так ему это и не удалось. Бог Огня сам пал перед Красным — четвертым в Адовом Колодезе, — который повернул неведомым образом пламя его на свой же источник в день великого побоища у Дезирата на реке Ведре. И означало это, что он, Красный, и есть величайший. Разве сам Бич не предостерегал его от Ямы-Дхармы, бога Смерти? Да, из всех живущих ныне на белом свете выпивающий жизнь глазами был могущественнейшим. Однажды Тарака чуть не пал жертвой его силы, было это в громовой колеснице. Еще раз попытался он испытать его силу, но вынужден был тут же остановиться, ибо оказались они в тот раз на время союзниками. Потом рассказывали, что умер Яма в Небесном Граде. Позднее же говорили, что разгуливает он все еще по свету. Что не может он, будучи Владыкой Смерти, умереть без собственной на то воли. И поверил в это Тарака, принял все последствия, отсюда проистекающие. И значило это, что вернется он, Тарака, на далекий южный остров с синим дворцом, где дожидается его ответа Повелитель Зла, Ниррити Черный. И примет он его предложение. И, отправившись из Махаратхи от моря на север, присоединят ракшасы свою мощь к силам темного Властелина, разрушат вместе с ним

один за другим Храмы шести крупнейших городов юго-запада, зальют улицы их кровью горожан, смешанной с кровью лишенных проблеска души легионеров Черного, — пока не выступят на защиту их боги и не встретят свою судьбу. Если же боги не выступят, явится это признанием полной их немощи. Тогда пойдут ракшасы на приступ Небесного Града, и разрушит Ниррити его и сравняет с землей; падет Шпиль Высотою В Милю, расколется свод Небес, увидят огромные белые кошки Канибуррхи вокруг развалины, и покроет наконец павильоны богов и полубогов толстая пелена полярного снега. И все это на самом-то деле с одной всего целью, если оставить в стороне, что развеет это отчасти скуку и приблизит наступление последних дней богов и людей в мире ракшасов. Где бы ни разгорелось большое сражение и вершились великие деяния огнем и мечом, — всюду, знал Тарака, явится он, Красный, ибо там его царство и тянет его туда его Образ. И знал Тарака, что будет искать, ждать, делать что угодно, как бы долго это ни продлилось, пока не наступит наконец тот день, когда взглянет он опять в черное пламя, бушующее в глубине глаз Смерти...

Брахма бросил взгляд на карту, а затем вновь обернулся к хрустальному экрану, вокруг которого, зажав в зубах собственный хвост, обвился бронзовый нага.

— Пожар, жрец?

— Пожар, Брахма... в огне все склады!

— Прикажи людям потушить огонь.

— Они уже борются с ним.

— Тогда зачем же ты меня беспокоишь?

— Здесь царит страх, Великий.

— Страх? Перед чем?

— Перед Черным, чье имя я не могу произнести в твоем присутствии, силы которого ежечасно растут на юге и перерезали все торговые пути.

— Почему это ты должен бояться произнести имя Ниррити в моем присутствии? Мне ведомо о Черном. Ты полагаешь, что пожар — это его рук дело?

— Да, Великий, — или скорее какого-то нанятого им негодяя. Ходят упорные слухи, что он намерен

отрезать нас от остального мира, подорвать наше благосостояние, уничтожить наши запасы, посеять в душах сомнения, ибо он планирует...

— Захватить вас, конечно.

— Твои слова, Всемогущий.

— Быть может, так оно и есть, жрец. Скажи мне, вы не верите, что боги вступятся за вас, если Повелитель Зла осмелится напасть?

— В этом никогда не было и тени сомнения, Могущественнейший. Мы просто хотим напомнить тебе о подобной возможности и освежить наши постоянные мольбы о прощении и божественном покровительстве.

— Ты услышан, жрец. Не бойтесь.

Брахма выключил связь.

— Он нападет.

— Конечно.

— Насколько он силен, вот что меня интересует. Никто не знает, каковы в действительности его силы. Не так ли, Ганеша?

— Ты спрашиваешь меня, Владыка? Твоего смиренного политического советника?

— Больше я никого здесь не вижу, смиренный богодел. Не знаешь ли ты о ком-нибудь, кто мог бы это знать?

— Нет, Владыка, не знаю. Все избегают нечистого, будто он настоящая смерть. В общем-то, так оно и есть. Ты же знаешь, что ни один из трех посланных мною на юг полубогов так и не вернулся.

— Но они же были сильны, как бы их там ни звали, не так ли? И давно это было?

— Последний — год тому назад. Тогда мы послали нового Агни.

— Да, он, правда, был не очень-то хорош — все еще пользовался гранатами и взрывчаткой... но силен.

— Морально, может быть. Когда богов становится меньше, приходится обходиться полубогами.

— В былые дни я просто взял бы громовую колесницу...

— В былые дни не было громовой колесницы. Яма...

— Замолчи! Теперь-то у нас есть громовая колес-

ница. Я думаю, что высокий гриб дыма изогнется вскоре над дворцом Ниррити.

— Брахма, мне кажется, Ниррити может остановить громовую колесницу.

— С чего ты взял?

— Судя по некоторым полученным из первых рук сообщениям, он, кажется, использует против наших боевых судов, посылаемых бороться с его бандитами, самонаводящиеся ракеты.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Это совсем новые донесения. Мне еще не представлялось возможности тебе о них сообщить.

— Тогда ты считаешь, что нападать нам не стоит?

— Не стоит. Подождем. Пусть первый ход сделает он сам, чтобы мы смогли оценить его силу.

— Тем самым нам придется принести в жертву Махаратху?

— Ну и что? Ты что, никогда не видел падения города?.. Какой ему будет толк от временного владения Махаратхой? А ежели мы не отберем ее обратно — ну так пусть этот самый гриб со своей белой шляпкой вырастет там, в Махаратхе.

— Ты прав. Игра стоит свеч, мы оценим его силы и отчасти истощим их. Ну а пока нам надо подготовиться.

— Да. Каковы будут твои приказания?

— Привести в состояние готовности все силы в Граде. Отозвать Владыку Индру с восточного континента — немедленно!

— Будет сделано.

— И оповестить остальные пять городов на реке — Лананду, Хайпур, Килбар...

— Тотчас же.

— Тогда ступай!

— Уже ушел.

Время как океан, пространство как его воды, в середине же — Сэм — покоясь, решая...

— Бог Смерти, — позвал он, — перечисли наши силы.

Яма потянулся и зевнул, потом поднялся с алого ложа, на котором подремывал, почти невидимый на

его фоне. Он пересек комнату и посмотрел Сэму в глаза.

— Оставляя в стороне Облик, вот мой Атрибут.

Сэм встретил его взгляд и выдержал его.

— Это что, ответ на мой вопрос?

— Отчасти, — ответил Яма, — но в основном это испытание твоей собственной силы. Она вроде бы возвращается. Ты выдерживал мой смертельный взгляд дольше, чем это под силу любому смертному.

— Я знаю, что моя мощь возвращается. Я чувствую это. И не она одна, многое возвращается сейчас ко мне. Все эти дни, проведенные здесь, во дворце Ратри, продолжал я размышлять о прошлых своих жизнях. И ты знаешь, бог смерти, сегодня я пришел к выводу, что не были они одной сплошной неудачей. Хотя раз за разом и побеждали меня Небеса, многого стоила им каждая очередная победа.

— Да, вполне может статься, что ты — орудие в руках судьбы. Они сейчас и в самом деле слабее, чем в те времена, когда ты пошел наперекор их воле в Махаратхе. К тому же слабее они и относительно, поскольку люди стали с тех пор сильнее. Боги уничтожили Дезират, но не смогли уничтожить акселеризм. Потом попытались они похоронить буддизм в недрах своего собственного учения, но не смогли. В действительности, я не могу сказать, принесла ли твоя религия акселеризму пользу своими — то есть твоими — россказнями, поддержала ли она акселерацию хоть каким-нибудь образом, но тогда-то усомниться в этом не могло прийти в голову никому из богов. Ну а туману она напустила мастерски: отвлекла внимание богов от того вреда, который они сами себе нанесли, ведь после того, как их угораздило ее «принять» в качестве учения, все направленные против нее усилия возбуждали одновременно и антидеикратические настроения. Не будь ты столь практичен, ты мог бы показаться озаренным.

— Благодарю. Хочешь, я тебя благословлю?

— Нет, может, я тебя?

— Очень может быть, Смерть, но попозже. Но ты не ответил на мой вопрос. Пожалуйста, расскажи мне, какими силами мы располагаем.

— Хорошо. Вскоре прибудет Властитель Кубера...

— Кубера? А где он?

— Целые годы провел он в укрытии, впрыскивая в мир научные познания.

— Так много лет? Дряхлым, должно быть, стало его тело! Как он справляется?

— Ты не забыл Нараду?

— Моего старого врача из Капила?

— Его самого. Когда ты распустил своих копейщиков после сражения в Махаратхе, он удалился с помощью твоих вассалов в захолустье, прихватив с собой все оборудование, которое вы забрали из Палаты Кармы. Я засек его много лет назад. После падения Дезирата я, ускользнув с Небес путем Черного Колеса, вывел Куберу из его бункера под павшим городом. А потом он уже сам вступил в союз с Нарадой, который заправляет нынче в горах подпольной лавкой тел. Они работают на пару. Мы открыли подобные пункты и в нескольких других местах.

— И Кубера будет здесь? Отлично!

— А Сиддхартха все еще Князь Капила. И призыв к войскам княжества будет, вне всякого сомнения, услышан. Мы уже призвали их.

— Горсточка, вероятно. Но все равно приятно об этом узнать, да...

— Еще Господин Кришна.

— Кришна? Что ему делать на нашей стороне? Где он?

— Он был здесь. Я наткнулся на него в первый же день по прибытии. Он как раз заходил с одной из девиц. Весьма патетично.

— Патетично? Почему?

— Он стар. Достойный жалости слабый старик, но все еще пьяница и развратник. И однако Облик все еще служит ему, время от времени наделяя его долей былой харизмы и частью его колоссальной витальности. Его изгнали с Небес после Дезирата — всего лишь за то, что он не пожелал сражаться против Куберы и меня, как сделал, например, Агни. Более полувека скитался он по свету, пьянствуя, занимаясь любовью, играя на своей свирели — и старея. Мы с Куберой несколько раз пытались

отыскать его, но он нигде не задерживался подолгу, и где его только не носило! Чего еще ждать от отставного божества плодородия.

— А какая нам от него польза?

— В тот же день я послал его к Нараде за новым телом. Они прибудут вместе с Куберой. Он тоже всегда быстро восстанавливает свои силы после перерождения.

— Но нам-то какая от него польза?

— Не забывай, что ведь именно он уничтожил черного демона Бану, повстречать которого боялся даже Индра. Когда он трезв, трудно найти на свете бойца опаснее. Яма, Кубера, Кришна и — если ты пожелаешь — Калкин! Мы станем новыми локапалами, мы будем заодно.

— Согласен.

— Так тому и быть. Пусть шлют они против нас команды богов-практикантов! Я спроектировал новое оружие. Досадно, что приходится иметь дело с таким количеством его совершенно разных, чаще всего экзотических типов. Я распыляю свой гений, доводя каждый экземпляр до состояния произведения искусства, вместо того чтобы разработать массовое производство нескольких конкретных средств нападения. Но диктуется это многообразием паранормального. Всегда отыщется кто-нибудь, чей Атрибут окажется противоядием против данного конкретного оружия. Ну да ладно, пусть свернется у них в жилах кровь от моего ружья «Геенна», пусть скрестят они клинки с электромечом, пусть предстанут перед фонтанирующим струйками цианида и диметилсульфаксида щитом — и поймут, что противостоят им локапалы.

— Теперь я вижу, Смерть, почему любой бог — даже Брахма — может исчезнуть, и его заменит другой; любой, но не ты.

— Спасибо. Есть ли у тебя какой-либо план?

— Пока нет. Мне понадобится больше информации о имеющихся у Града силах. Демонстрировали ли Небеса свою мощь за последние годы?

— Нет.

— Если бы нашелся какой-нибудь способ испытать их, не выдавая себя... Может быть, ракшасы...

— Нет, Сэм. Я им не доверяю.

— Я тоже. Но подчас с ними можно иметь дело.

— Как ты — в Адовом Колодезе и Паламайдзу?

— Хороший ответ. Может, ты и прав. Я еще подумаю об этом. А еще меня интересует Ниррити. Как идут дела у Черного?

— В последние годы он добился господства на море. Слухи гласят, что растут его легионы и что занят он постройкой военных машин. Я же когда-то уже говорил тебе о моих опасениях в его отношении. Давай-ка держаться от Ниррити как можно дальше. У него с нами только одно общее — желание низвергнуть Небеса. Он не акселерист и не деикрат, стоит ему прийти к власти, и он насадит повсюду такое темное средневековье, какое и не снилось тому строю, с которым мы боремся. Быть может, лучшей линией поведения для нас было бы спровоцировать конфликт, битву между Ниррити и Богами из Небесного Града, а самим выждать, чтобы потом напасть на победителя.

— Вполне может быть, что ты прав, Яма. Но как это сделать?

— Но это вполне может случиться само собой — и скоро. Махаратха затаилась, сжалась в комок, косясь с опаской на омывающее ее море. Ты же стратег, Сэм, а я — всего-навсего тактик. Мы отозвали тебя как раз для того, чтобы ты сказал нам, что делать. Прошу, обдумай все хорошенько, ведь ты теперь снова стал самим собой.

— Ты все время подчеркиваешь эти последние слова.

— Угу, проповедник. Ты же еще не испытан в бою после своего возвращения из блаженства нирваны... Скажи, а по-буддистски-то ты сможешь сражаться?

— Вероятно, но мне пришлось бы стать личностью, которая представляется мне ныне отвратительной.

— Хорошо... а может, нет. Но не забывай об этом, коли мы окажемся в затруднении. Или, по крайней мере, чтобы быть в безопасности, тренируйся каждую ночь перед зеркалом, читай лекции по эстетике вроде той, что ты прочел в монастыре Ратри.

— Не хотелось бы.

— Знаю, но надо.

— Лучше я попрактикуюсь с клинком. Добудь его мне, и я дам тебе пару уроков.

— Ого! Ну ладно! Если урок будет хорош, ты добудешь себе новообращенного.

— Ну так пошли во двор, и я просветлю тебя.

Когда поднял в своем синем дворце руки Нирриги, с ревом сорвались с палуб его кораблей ракеты и дугой перечеркнули небо над Махаратхой.

Когда закрепил он на груди черный свой доспех, упали ракеты на город, извергая из себя пламя.

Когда натянул сапоги, вошел его флот в гавань.

Когда запахнул он черный плащ и, застегнув его на груди, надвинул на лоб шлем из вороненой стали, завели под палубами свой негромкий перестук его сержанты.

Когда застегнул он свой пояс с ножнами, зашевелились в трюмах зомби.

Когда натянул кожаные со стальными пластинами перчатки, приблизился флот его, подгоняемый поднятым ракшасами ветром, к причалу.

Когда дал он знак юному своему адъютанту, Ольвагге, следовать за собою во двор, бессловесные воины поднялись на палубы кораблей и уставились на пылающую гавань.

Когда зарокотали моторы темной небесной гондолы и дверь ее открылась перед ними, первый из его кораблей бросил якорь.

Когда вошли они в гондолу, первый отряд его войск вступил в Махаратху.

Когда прибыли они в Махаратху, город пал.

В зеленом сплетении веток высоко над землей пели в саду птицы. Рыбы, словно старые монеты, лежали на дне в голубом пруду. Пунцовые, с мясистыми лепестками цветы изливали в воздух благоухание, рядом с ее нефритовой скамьей проглядывал кое-где и желтый львиный зев. Упершись левой рукой о белую кованую спинку скамьи, она смотрела, как, шаркая по каменным плитам дорожки, к ней не спеша приближаются его сапоги.

— Сэр, это частный сад, — заявила она.

Он остановился перед скамьей и взглянул на нее сверху вниз. Мускулистый, загорелый, темноглазый и темнобородый, он смотрел на нее безо всяких эмоций, потом улыбнулся. Из синей ткани и кожи были его одежды.

— Для гостей, — продолжала она, — предназначен сад с другой стороны здания. Пройдешь под арку и...

— У себя в саду я всегда был рад тебя видеть, Ратри, — сказал он.

— Себя?..

— Кубера.

— Боже, Кубера! Ты не...

— Нет, не толстый. Я знаю. Ничего удивительного: новое тело и ни минуты покоя. Мастерить это дьявольское оружие Ямы, перевозить его...

— Когда ты прибыл?

— Сию минуту. Прихватив с собой Кришну и партию взрывчатки, гранат и противопехотных мин...

— Боги! Как давно было все...

— Да. Очень. Но я все равно должен принести тебе свои извинения. Меня это угнетало все эти долгие годы. Я корю себя, Ратри, что тогда, той ночью втянул тебя во все эти междуусобицы. Мне нужен был твой Атрибут, и я впутал в это дело тебя. Терпеть не могу пользоваться кем бы то ни было подобным образом.

— Я бы все равно покинула вскоре Небеса, Кубера. Так что не очень-то переживай и не вини себя. Вот разве что тело хотелось бы посимпатичнее... Ну да это не главное.

— Я дам тебе новое тело, леди.

— Попозже, Кубера. Прошу, садись. Вот сюда. Ты голоден? Хочешь пить?

— Да и еще раз да.

— Вот фрукты, сома. Или ты предпочитаешь чай?

— Нет, спасибо, лучше сома.

— Яма говорит, что Сэм оправился от своей святости.

— Это хорошо, он нам все нужнее. Ну как, он еще не разработал для нас план действий?

— Яма мне не говорил. Но возможно, что Сэм не говорил Яме.

На соседнем дереве вдруг заколыхались ветви, и на землю спрыгнул Так, приземлившись прямо на четвереньки. Пробежав по плитам, он замер у скамьи.

— Ваши пересуды разбудили меня, — проворчал он. — Что это за тип, Ратри?

— Господин Кубера, Так.

— Ежели так оно и есть, то до чего же он изменился! — сказал Так.

— То же можно сказать и про тебя, Так от Архивов. Почему ты все еще обезьянничаешь? Яма может вернуть тебя в человеческое тело.

— Обезьяной я полезней, — ответил Так. — Я — замечательная ищейка и шпион, даже лучше собаки, а с другой стороны, я сильнее человека. А кто сможет отличить одну обезьяну от другой? Так что я останусь в этом теле, пока не пройдет нужда во всех этих достоинствах.

— Похвально, похвально. Ну а об активности Ниррити ничего нового не слышно?

— Его суда подбираются все ближе и ближе к большим портам, — сказал Так. — И их, похоже, становится все больше. А в остальном — ничего нового. Судя по всему, боги его побаиваются, коли не рассеивают они его силы.

— Ну да, — заметил Кубера, — он же теперь — величина неизвестная. Я склоняюсь к тому, что он — ошибка Ганеши. Ведь именно Ганеша дозволил ему убраться с Небес, да еще и прихватить с собой все свое оборудование. Я думаю, Ганеше хотелось иметь под рукой какого-нибудь врага богов, если вдруг в нем возникнет экстренная надобность. Он даже и представить себе не мог, что гуманитарий сумеет так распорядиться этим оборудованием и накопить подобные силы.

— Логично, — согласилась Ратри. — Даже я слышала, что именно такими соображениями Ганеша зачастую и руководствуется. Ну и что он будет делать теперь?

— Отдаст Ниррити первый город, на который тот нападет, чтобы присмотреться к его атакующим возможностям и оценить его силы, — если, конечно, ему удастся удержать Брахму от активных действий. А потом — ударит по Ниррити. Махаратха должна

пасть, а нам следует держаться поблизости. Интересно будет даже просто понаблюдать.

— Но ты думаешь, что одним наблюдением дело для нас не окончится? — спросил Так.

— Ну да. Сэм отлично понимает, что мы должны быть готовы произвести нужное количество нового оружия, а кое-что из него и употребить. Мы должны будем сразу среагировать на их действия, а они, Так, скорее всего не заставят себя ждать.

— Наконец-то, — ответил тот. — Я всегда хотел сражаться в битве бок о бок с Бичом.

— В ближайшие недели, уверен, что многие желания исполнятся, а многие потерпят крах.

— Еще сомы? Фруктов?

— Спасибо, Ратри.

— А тебе, Так?

— Разве что банан.

Под сенью леса, у вершины высокого холма восседал Брахма, словно химера, водруженная на водосток готического храма, и не отрываясь глядел вниз, на Махаратху.

— Они оскверняют Храм.

— Да, — отвечал Ганеша. — Чувства Черного с годами не меняются.

— С одной стороны, жалко. С другой — страшновато. У них винтовки и пистолеты.

— Да. Они сильны. Вернемся в гондолу.

— Чуть позже.

— Я боюсь, Владыка... они, быть может, слишком сильны — здесь и сейчас.

— Что ты предлагаешь?

— Они не могут подняться на кораблях вверх по реке. Если они захотят атаковать Лананду, им придется передвигаться по суше.

— Конечно. Если только у него не хватит кораблей воздушных.

— А если они захотят напасть на Хайпур, они должны будут углубиться еще дальше.

— Ну! А если они захотят напасть на Килбар, то еще дальше! Не тяни! На что ты намекаешь? К чему ведешь?

— Чем дальше они зайдут, тем больше перед

ними встанет проблем, тем уязвимее они будут для партизанских атак на всем протяжении...

— Ты что, предлагаешь, чтобы я ограничился легкими нападками, наскоками на его войска? Чтобы я позволил им промаршировать по стране, занимая город за городом? Они окопаются в ожидании подкреплений, чтобы удержать завоеванное, и только потом двинутся дальше. Только идиот поступил бы иначе. Если мы будем ждать...

— Посмотри-ка вниз!

— Что? Что это?

— Они готовятся к выступлению.

— Невероятно!

— Брахма, ты забываешь, что Ниррити — фанатик, безумец. Ему не нужна Махаратха — точно так же, как Лананда или Хайпур. Он хочет уничтожить наши Храмы и нас самих. Помимо этого, волнуют его в этих городах души, а не тела. Он пройдет по стране, уничтожая всякий попадающийся ему на пути символ нашей религии, пока мы не решим сразиться с ним. Если же мы этого не сделаем, он, вероятно, разошлет миссионеров.

— Но мы должны же что-то сделать!

— Для начала дать ему ослабеть от его же похода. Когда он будет достаточно слаб, ударить! Отдай ему Лананду. И Хайпур, если понадобится. Даже Килбар и Хамсу. Когда он ослабнет, сотри его с лица земли. Мы можем обойтись без этих городов. Сколько там мы разрушили сами? Тебе, наверное, даже не припомнить!

— Тридцать шесть, — промолвил Брахма. — Вернемся на Небеса, и я обдумаю все это. Если я последую твоему совету, а он отступит раньше, чем мы сочтем его достаточно слабым, велики будут наши потери.

— Готов побиться об заклад, что он не отступит.

— Жребий кидать не тебе, Ганеша, а мне. Взгляни, с ним эти проклятые ракшасы! Быстро уходим, пока они нас не засекли.

— Да, быстрее!

И они пустили своих ящеров обратно в лес.

Кришна отложил свою свирель, когда к нему пришел посланник.

— Да? — спросил он.

— Махаратха пала...

Кришна встал.

— А Ниррити готовится выступить на Лананду.

— А что предпринимают боги для ее защиты?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Пойдем со мной. Локапалам надо посовещаться.

На столе оставил Кришна свою свирель.

В эту ночь стоял Сэм на самом верхнем балконе дворца Ратри. Струи дождя, словно ледяные гвозди, протыкали насквозь ветер и рушились сверху на него. А на левой его руке светилось изумрудным сиянием железное кольцо.

Падали, падали и падали с небес молнии — и оставались.

Он поднял руку, и загрохотал гром, загрохотал предсмертным ревом всех драконов, что обитали, быть может, где-то, когда-то...

Ночь отступила, ибо стояли перед Дворцом Камы в ту ночь огненные элементали.

Поднял Сэм обе руки, и как один поднялись они в воздух и закачались высоко в ночном небе.

Он сделал знак, и пронеслись они над Хайпуром с одного конца города на другой.

И закружили по кругу.

Затем разлетелись во все стороны и заплясали среди грозы.

Он опустил руки.

Они вернулись и вновь вытянулись перед ним.

Он не шевелился. Он ждал.

Сотню раз ударило сердце, и из темноты пришел к нему голос:

— Кто ты, дерзнувший командовать рабами ракшасов?

— Позови ко мне Тараку, — сказал в ответ Сэм.

— Я не подчиняюсь приказам смертных.

— Тогда взгляни на пламя истинного моего существа, пока я не приковал тебя к вон тому флагштоку — до скончания его века.

— Бич! Ты жив!

— Позови ко мне Тараку, — повторил он.

— Да, Сиддхартха. Будет исполнено.

Сэм хлопнул в ладоши, и элементали взмыли в небо, и снова темна была ночь над ним.

Приняв человеческое обличье, Владыка Адова Колодезя вошел в комнату, где в одиночестве сидел Сэм.

— В последний раз я видел тебя в день Великой Битвы, — заявил он. — Потом услышал, что они нашли способ тебя уничтожить.

— Как видишь, не нашли.

— Как ты вернулся в мир?

— Господин Яма отозвал меня назад — ты знаешь, Красный.

— Велика действительно его сила.

— Ее, по крайней мере, хватило. Ну а как нынче дела у ракшасов?

— Хорошо. Мы продолжаем твою борьбу.

— В самом деле? А каким образом?

— Мы помогаем твоему былому союзнику — Черному, Владыке Ниррити — в его войне против богов.

— Я так и подозревал. Поэтому-то я и решил с тобой встретиться.

— Ты хочешь соединиться с ним?

— Я все это тщательно продумал и, вопреки протестам и возражениям моих товарищей, я и в самом деле хочу с ним объединиться — при условии, что он заключит с нами соглашение. Я хочу, чтобы ты отнес ему мое послание.

— Что за послание, Сиддхартха?

— Гласящее, что локапалы — сиречь Яма, Кришна, Кубера и я — выступят вместе с ним на борьбу с богами, выступят во всеоружии, со всеми своими силами, машинами и помощниками, если откажется он от преследования исповедующих буддизм и индуизм — в той форме, в какой сложились они в мире, — с целью обращения их в свою секту; и кроме того, если не будет он подавлять в отличие от богов акселеризм, коли будет победа на нашей стороне. Погляди на пламя его существа, когда даст он свой ответ, и сообщи мне, правду ли он сказал.

— Ты думаешь, он согласится на это, Сэм?

— Да. Он знает, что как только боги сойдут со сцены и перестанут насаждать индуизм, за ним последуют новообращенные, он мог убедиться в этом на моем буддистском примере — и это при ожесточенном противодействии богов. Ну а свой путь, свое учение считает он единственно верным, судьбоносным и верит, что оно победит любое другое. Вот почему я думаю, что он согласится на честное соперничество. Передай ему мое послание и принеси мне его ответ. Хорошо?

Тарака заколебался. Лицо и левая рука его частично испарились.

— Сэм...

— Что?

— Какой же путь — истинный?

— Гм? Вот что ты у меня спрашиваешь? Откуда мне знать?

— Смертные зовут тебя Буддой.

— Только потому, что они обременены языком и неведением.

— Нет. Я смотрел на твое пламя и зову тебя Князем Света. Ты обуздываешь их, как обуздывал нас, ты выпускаешь их на волю, как выпустил нас. Тебе дана была власть дать им веру. Ты — тот, кем себя провозглашал.

— Я лгал. Сам я никогда в это не верил — да и сейчас не верю. Я мог бы точно так же выбрать другой путь, например религию Ниррити, только распятие болезненно. Я мог выбрать то, что называется исламом, но я знал, как ловко смешивается он с индуизмом. Мой выбор основывался на выкладках, а не на вдохновении, и я — ничто.

— Ты — Князь Света.

— Отправляйся же с моим посланием. На темы религии мы сможем поспорить позднее.

— Локапалы, ты говоришь, это Яма, Кришна, Кубера и ты сам?

— Да.

— Значит, он и в самом деле жив. Скажи мне, Сэм, до того, как я уйду... можешь ли ты победить в бою Господина Яму?

— Не знаю. Хотя — вряд ли. Не думаю, чтобы кто-нибудь мог.

— Ну а он может победить тебя?

— Вероятно — в честном поединке. Когда бы мы ни встречались в прошлом как враги, мне либо везло, либо удавалось его провести. В последнее время я фехтовал с ним, и тут ему нет равных. Уж слишком он ушел во всем, что касается разрушения и уничтожения.

— Ясно, — сказал Тарака, и его правая рука, прихватив с собой добрую половину грудной клетки, уплыла прочь. — Ну хорошо, спокойной тебе, Сиддхартха, ночи. Я ухожу с твоим посланием.

— Благодарю и — спокойной ночи и тебе.

Клуб дыма, струйка — и Тарака растворился в грозе.

Высоко над миром смерч; это Тарака.

Пусть гроза бушует вокруг него, нет ему дела до ее слепой ярости.

Грохотал гром, разверзлись хляби небесные, утонул во мраке Мост Богов.

Но все это его не беспокоило.

Ибо он — Тарака, вожак ракшасов, Владыка Адова Колодезя...

И он был могущественнейшим существом на свете, если не считать Бича.

А теперь Бич объявил ему, что и он не самый могущественный... и что опять они будут биться заодно.

Как высокомерно держался он со своею Силой и в своем Красном! В тот день... более полувека назад. У Ведры.

Уничтожить Яму-Дхарму, победить Смерть... это бы доказало превосходство Тараки над всеми...

А доказать это важнее, чем победить богов, которые все равно когда-нибудь уйдут из мира, ибо они не ракшасы.

Стало быть, послание Бича Ниррити — на которое, как сказал Сэм, Черный согласится, — поведано будет только грозе, а Тарака, глядя на ее огонь, увидит, что она не лжет.

Ибо гроза никогда не лжет... и всегда говорит *Нет*!

Черный сержант провел его в лагерь. Он был великолепен в своих доспехах с блестящими украшениями, и он не был пленником: просто подошел к дозорному и сказал, что у него послание к Ниррити, поэтому и решил сержант сразу его не убивать. Он отобрал у него оружие и повел в ставку, расположившуюся в лесу неподалеку от Лананды; там он оставил его на попечение караульных, а сам пошел доложить своему Господину.

Ниррити и Ольвегг сидели внутри черного шатра. Рядом с ними была расстелена карта Лананды.

Когда по его приказу внутрь ввели пленника, Ниррити посмотрел на него и отпустил сержанта.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Ганеша из Града. Тот самый, кто помог тебе бежать с Небес.

Ниррити вроде бы обдумал это.

— Припоминаю старинного дружка, — сказал он. — Почему ты пришел ко мне?

— Потому что настал подходящий момент. Ты наконец предпринял крестовый поход.

— Да.

— Я хотел бы обсудить его с тобой частным образом.

— Тогда говори.

— А этот приятель?

— Говорить при Яне Ольвегге — все равно что говорить при мне. Говори все, что у тебя на уме.

— Ольвегг?

— Да.

— Ну ладно. Я пришел сказать тебе, что слабы Боги Града. Слишком слабы, я чувствую, чтобы победить тебя.

— Сдается мне, что ты прав.

— Но не настолько слабы, чтобы не причинить тебе огромный урон, когда сделают они свой ход. А если приложат они все свои силы в подходящий момент, так и вовсе может наступить равновесие.

— Я иду в бой, не забывая об этом.

— Лучше, чтобы твоя победа не стала слишком уж дорогостоящей. Ты знаешь, я же симпатизирую христианам.

— Так что же у тебя на уме?

— Я вызвался развернуть здесь некую партизанскую войну против тебя, только чтобы сообщить, что Лананда — твоя. Они не будут ее защищать. Если и дальше ты будешь продолжать наступление в том же духе — то есть не закрепляясь в завоеванных пунктах, — и двинешься на Хайпур, Брахма сдаст без боя и его. Ну а когда доберешься ты до Килбара, а силы твои несколько поредеют и ослабнут от битв за три первых города и от рейдов моих людей на протяжении всего пути, вот тут-то Брахма и обрушит на тебя всю мощь Небес, и нет никаких гарантий, что не потерпишь ты поражение под стенами Килбара. Наготове все силы Небесного Града. Они ждут тебя у врат четвертого на этой реке города.

— Ясно. Полезно знать об этом. Стало быть, они боятся того, что я несу им.

— Конечно. Донесешь ли ты это до Килбара?

— Да. И моею будет победа под его стенами. До того, как напасть на город, я пошлю за самым мощным своим оружием. Я придерживал его для осады самого Небесного Града, но теперь я обрушу мощь его на своих врагов, когда явятся они на защиту обреченного Килбара.

— Но и они воспользуются могучим оружием.

— Значит, когда встретимся мы с ними, исход битвы будет не у них и не у нас в руках. Все воистину в руце божией.

— Но можно и перевесить одну чашу весов, Ренфрю.

— Да? Что еще ты задумал?

— Многие полубоги не удовлетворены ныне ситуацией, сложившейся в Граде. Они хотели продолжить кампанию против акселеризма и последователей Татхагаты. Их разочаровало, что после Дезирата эта программа не получила должного развития. А с восточного континента отозван Великий Индра, который вел там войну с ведьмами. Индра вполне в состоянии посочувствовать полубогам — а его приспешники разгорячены предыдущими баталиями.

Ганеша оправил свой плащ.

— Продолжай, — сказал ему Ниррити.

— Когда они явятся к Килбару, — проговорил

Ганеша, — вполне может статься, что не станут они сражаться в его защиту.

— Ясно. А что выигрываешь на всем этом ты, Ганеша?

— Удовлетворение.

— И ничего более?

— Я надеюсь, ты когда-нибудь вспомнишь, что я нанес этот визит.

— Быть посему. Я не забуду, и ты получишь вознаграждение от меня после... Стражник!

Откинув полог шатра, внутрь вступил приведший сюда Ганешу сержант.

— Отведи этого человека туда, куда он захочет, и смотри не причини ему никакого вреда, — приказал Ниррити.

— И ты ему доверишься? — спросил Ольвегг, когда они удалились.

— Да, — ответил Ниррити, — но свои сребреники он получит после.

Локапалы собрались на совет в комнате Сэма во Дворце Камы, украшающем собою славный Хайпур. Присутствовали также Так и Ратри.

— Тарака говорит, что Ниррити не принял наших условий, — начал Сэм.

— Ну и хорошо, — сказал Яма. — Я почти боялся, что он согласится.

— А утром они атакуют Лананду. Тарака убежден, что они возьмут город. Это будет посложнее, чем с Махаратхой, но он абсолютно уверен, что город падет. Я тоже.

— И я.

— И я.

— Тогда он отправится к следующему городу, к Хайпуру. Далее — Килбар, Хамса, Гаятри. И он знает, что где-то на этом маршруте на него нападут боги.

— Конечно.

— Итак, мы в самой серединке, и у нас есть некоторый выбор. Мы не смогли договориться с Ниррити. Не думаете ли вы, что нам удастся сделать это с Небесами?

— Нет! — воскликнул, ударив кулаком по столу, Яма. — На чьей стороне ты сам, Сэм?

— Акселеризма, — был ответ. — И если я смогу преуспеть путем переговоров, без никому не нужного кровопролития, то буду этому только рад.

— Уж лучше якшаться с Ниррити, чем с Небесами!

— Тогда давайте за это проголосуем — точно так же, как голосовали за переговоры с Ниррити.

— И тебе нужно согласие лишь одного из нас, чтобы склонить чашу весов в свою сторону.

— На таких условиях согласился я войти в локапалы. Вы просили меня вас возглавить, и я в ответ потребовал полномочий трактовать ничью в свою пользу. Ну да лучше дайте мне изложить свои соображения, прежде чем переходить к голосованию.

— Ну хорошо — говори!

— Как я понимаю, в последние годы Небеса выработали более терпимую линию поведения в отношении акселеризма. Никаких официальных перемен в доктрине не было, но и никаких новых шагов против акселеризма не предпринималось — скорее всего из-за той взбучки, которую они получили под Дезиратом. Я прав?

— По сути — да, — кивнул Кубера.

— Кажется, что пришли они к выводу, что слишком расточительно будет реагировать подобным образом всякий раз, когда поднимает свою уродливую голову Наука. В той битве против них, против Небес, сражались люди, человеческие существа. А люди, в отличие от нас, имеют семьи, имеют связи, которые их ослабляют, и они связаны по рукам и ногам необходимостью иметь чистые кармические анкеты, — если хотят возродиться. И тем не менее они сражались. И это, похоже, несколько смягчило позицию Небес в последующие годы. Поскольку такая ситуация объективно сложилась, они могут, ничего не теряя, это признать. На самом деле, они могут даже обратить ее себе на пользу, представив это как милостивый жест божественного милосердия. Я думаю, что они согласятся пойти на уступки, на которые Ниррити не пошел бы.

— Я хочу увидеть, как Небеса падут, — сказал Яма.

— Конечно. И я тоже. Но поразмысли хорошенько. Со всем тем, что ты дал людям за последние полвека, — долго ли смогут Небеса удерживать весь этот мир в вассальной зависимости? Небеса пали в тот день у Дезирата. Еще одно, может быть, два поколения — и их власть над смертными улетучится. В битве с Ниррити, даже и победив, понесут они новые потери. Дайте им еще несколько лет декадентской славы. С каждым годом они все бессильнее и бессильнее. Их расцвет уже позади. Идет увядание.

Яма зажег сигарету.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь убил для тебя Брахму? — спросил Сэм.

Яма помолчал, затянулся сигаретой, выпустил дым.

— Может быть, — сказал он. — Может быть и так. Не знаю. И не хочу об этом думать. Хотя, вероятно, так оно и есть.

— Не хочешь ли ты моих гарантий, что Брахма умрет?

— Нет! Только попробуй, и я убью тебя!

— Вот видишь, на самом деле ты даже и не знаешь, чего Брахме желаешь — жизни или смерти. Быть может, все дело в том, что ты и любишь, и ненавидишь одновременно. Ты был стар, прежде чем стал молодым, Яма, а она была единственной, кого ты когда-либо любил. Я ведь прав?

— Да.

— Тогда нет у меня для тебя совета, нет панацеи от твоих напастей, сам должен ты разграничить свои чувства и одолевающие нас заботы.

— Хорошо, Сиддхартха. Я за то, чтобы остановить Ниррити здесь, в Хайпуре, если Небеса поддержат нас.

— Есть ли у кого-нибудь возражения?

Молчание.

— Тогда нам надо в Храм, реквизировать его средства связи.

Яма потушил сигарету.

— Но разговаривать с Брахмой я не буду, — сказал он.

— Переговоры я беру на себя, — откликнулся Сэм.

Или, пятая нота гаммы, сорвавшись со струны арфы, зазвенела в Саду Пурпурного Лотоса.

Когда Брахма включил связь в своем павильоне, на экране возник какой-то человек в зелено-голубом тюрбане Симлы.

— А где жрец? — спросил Брахма.

— Связан снаружи. Можно, если ты желаешь выслушать пару-другую молитв, притащить его сюда...

— Кто ты такой, что носишь тюрбан Первых и вступаешь в Храм при оружии?

— У меня такое странное ощущение, будто все это со мной уже однажды было, — промолвил в ответ человек.

— Отвечай на мои вопросы!

— Хочешь ли ты, чтобы Ниррити был остановлен, Леди? Или же ты намерена отдать ему все эти города, от Махаратхи до самых верховий?

— Ты испытываешь терпение Небес, смертный! Ты не уйдешь из Храма живым.

— Твои смертельные угрозы ничего не значат для главного из локапал, Кали.

— Локапал больше нет, и, стало быть, нет среди них и главного.

— Ты видишь его перед собой, Дурга.

— Яма? Это ты?

— Нет, хотя он здесь, со мной, — так же, как Кришна и Кубера.

— Агни мертв. Новые Агни умирают один за другим, с тех пор как...

— С Дезирата. Я знаю, Чанди. Я не выходил на поле в стартовом составе. Рилд не убил меня. Призрачная кошка, которая так и останется безымянной, поработала на славу, но и этого оказалось мало. А теперь я вновь пересек Мост Богов. И локапалы выбрали меня старшим. Мы намерены оборонять Хайпур и разбить Ниррити, если Небеса нам помогут.

— Сэм... ты... не может быть!

— Тогда зови меня иначе: Калкин ли, Сиддхарт-

ха, Татхагата или Махасаматман, Бич, Будда или Майтрея. Все равно это я, Сэм. Я пришел поклониться тебе и заключить сделку.

— Какую же это?

— Люди смогли ужиться с Небесами, но Ниррити — другое дело. Яма и Кубера буквально напичкали город своим оружием. Мы можем укрепить его и противостоять даже массированным атакам. Если Небеса объединят свои силы с нашими, Ниррити найдет здесь, у Хайпура, свой конец. И мы пойдем на это, если Небеса санкционируют акселеризм и религиозную веротерпимость и положат конец господству Хозяев Кармы.

— Не много ли, Сэм...

— Первые два пункта касаются того, что уже и так существует; это просто даст им право спокойно существовать и в дальнейшем. Третье же все равно произойдет, нравится тебе это или нет, так что я даю тебе шанс выступить в роли благодетеля.

— Я подумаю...

— Минуту-другую. Я подожду. Ну а если ты скажешь нет, мы уйдем из города и позволим Ренфрю его захватить, осквернить Храм. После того как он возьмет еще несколько городов, тебе все равно придется с ним столкнуться. Нас, однако, уже не будет рядом. Мы подождем, чем все это кончится. Если после всей этой передряги ты еще останешься у власти, не тебе уже будет решать о тех принципах, о которых я упомянул. Ну а нет — так мы сможем тогда осилить Черного и остановить его зомби. В любом случае мы добьемся своих целей. Но путь, который я тебе предлагаю, для тебя явно приемлемей.

— Хорошо! Я немедленно разворачиваю свои силы. Бок о бок пойдем мы в последнюю битву, Калкин. Ниррити умрет у Хайпура! Пусть кто-нибудь останется здесь на связи, чтобы мы не теряли контакта.

— Я размещу здесь свою ставку.

— А теперь развяжи жреца и приведи его сюда. Он сподобится получить несколько божественных повелений и, чуть погодя, лицезреть теофанию.

— Да, Брахма.

— Погоди, Сэм! После битвы, если мы останемся

живы, я хотела бы поговорить с тобой — о взаимном поклонении.

— Ты хочешь стать буддистом?

— Нет, снова женщиной...

— Каждому событию нужно подобающее место и время, а сейчас у нас нет ни того, ни другого.

— Когда придет время и найдется место, тогда там я и буду.

— Сейчас пришлю твоего жреца. Не отключайся.

Теперь, после падения Лананды, Ниррити совершал службу среди ее руин, моля о победе над остальными городами. Его сержанты перешли на медленный, монотонный ритм, и зомби как один пали на колени. Ниррити молился, пока капельки пота не покрыли его лицо, словно маска из стекла и света, и не начал стекать пот под его доспехи-протезы, дарующие ему силу многих. Тогда поднял он лицо свое к небу, взглянул на Мост Богов и произнес:

— Аминь.

После чего резко повернулся и зашагал к Хайпуру, и вся его армия двинулась за ним по пятам.

Когда подошел Ниррити к Хайпуру, его там ожидали боги.

Ополченцы из Килбара ждали его рядом с войсками Хайпура.

Дожидались его и полубоги, герои, знать.

И ждали брамины высокого ранга, ждали многие последователи Махасаматмана. Последние прибыли сюда во имя Божественной Эстетики.

Посмотрел Ниррити через заминированные поля, раскинувшиеся вокруг города, и увидел четырех всадников, ожидавших у ворот, четырех локапал, за спинами которых развевались штандарты Небес.

Он опустил забрало и повернулся к Ольвеггу.

— Ты был прав. Интересно, там ли Ганеша?

— Скоро узнаем.

И Ниррити продолжил свой путь.

В этот день осталось поле битвы за Князем Света. Так и не вступили полчища Ниррити в Хайпур. Ганеша пал от клинка Ольвегга, когда пытался нанести предательский удар в спину Брахме, кото-

рый сошелся в поединке с Ниррити на склоне холма. Пал тогда и Ольвегг, зажимая руками рану в животе, и начал медленно отползать к валуну.

Брахма и Черный замерли лицом к лицу, и голова Ганеши прокатилась между ними и заскакала вниз по склону.

— Это он рассказал мне о Килбаре, — сказал Ниррити.

— Он хотел, чтобы там все и решилось, — сказал Брахма, — и склонял меня к этому. Теперь ясно почему.

И они сошлись в схватке, и бились доспехи Ниррити за него с силою многих.

Яма пришпорил своего коня, торопясь к холму, как вдруг на него налетел вихрь пыли и песка. Он заслонил глаза полою своего плаща, и вокруг него зазвенел смех.

— Где же твой смертельный взгляд, а, Яма-Дхарма?

— Ракшас! — прорычал тот.

— Да. Это я, Тарака!

И вдруг на Яму обрушился поток воды, под напором которого споткнулся и упал на спину его конь.

В тот же миг был уже Яма на ногах и сжимал в руке свой клинок, а пылающий смерч уплотнился перед ним в человекообразную фигуру.

— Я отмыл тебя от этой непереносимой гадости, бог смерти. Теперь ничто не спасет тебя от моей руки!

Яма, подняв клинок, ринулся вперед.

Он рубанул своего серого противника, и клинок наискось прошел через все его туловище от плеча к бедру, но ни крови, ни каких-либо признаков раны не появилось на теле ракшаса.

— Ты не можешь ранить меня, как ранил бы человека, о Смерть! Но погляди, что могу сделать с тобой я!

И Тарака вспрыгнул на него, накрепко прижав ему руки к туловищу, пригнул к земле. Взвился фонтан искр.

Вдалеке уперся Брахма коленом в хребет Ниррити и потянул изо всех сил назад его голову, пытаясь

превозмочь силу черных доспехов. Тогда-то и спрыгнул Бог Индра со спины своего ящера и поднял на Брахму свой меч, Громоваджру. И услышал, как хрустнула шея Ниррити.

— Тебя спасает только твой плащ! — вскричал Тарака, продолжая бороться с Ямой, и в этот миг взглянул он в глаза Смерти...

Стремительно слабел Тарака, но не стал ждать Яма и сразу, как только смог, отбросил его в сторону.

Он вскочил и бросился к Брахме, даже не успев подобрать свой меч. Там, на холме, раз за разом отбивал Брахма удары Громоваджры, и кровь ключом била из обрубка его левой руки, ручейками стекала из ран на голове и груди. Ниррити стальной хваткой впился ему в лодыжку.

Громко закричал Яма, выхватывая на бегу свой кинжал.

Индра отступил назад, туда, где его не мог достать клинок Брахмы, и оглянулся на него.

— Кинжал против Громоваджры, да, Красный? — спросил он.

— Да, — выдохнул Яма и нанес удар правой рукой, перебросив кинжал в левую для настоящего удара.

Лезвие вошло Индре в предплечье.

Индра выронил Громоваджру и ударил Яму в челюсть. Яма упал, но падая, успел дернуть соперника за ногу и повалить его рядом с собой на землю.

И тут полностью овладел им его Облик, и под взглядом его побелел и как-то пожух Громовержец, как трава осенью. Когда обрушился на спину Смерти Тарака, Индра был уже мертв. Попытался было Яма освободиться от хватки ракшаса, но словно ледяная гора пригвоздила его плечи к земле.

Лежащий рядом с Ниррити Брахма оторвал клок от своей пропитанной демоническим репеллентом одежды и бросил его правой рукой, стараясь, чтобы упал он поближе к Яме.

Отшатнулся Тарака, и, оглянувшись, уставился на него Яма. В этот миг подскочил в воздух лежавший на земле меч Индры и устремился прямо Яме в грудь.

Обеими руками схватил бог смерти лезвие Громо-

ваджры, когда оставались тому до его сердца лишь считанные дюймы. Но продолжало смертоносное оружие надвигаться, и потекла на землю кровь из разрезаемых им ладоней Ямы.

Обратил Брахма на Владыку Адова Колодезя свой смертный взгляд, взгляд, который черпал теперь жизнь и из него самого.

Острие коснулось Ямы.

Он, поворачиваясь боком, ринулся в сторону, и вспороло оно ему кожу от ключицы до плеча.

Копьями стали тогда глаза его, и потерял ракшас человеческий облик, обратившись в дым. Голова Брахмы упала ему на грудь.

И сумел возопить еще Тарака, завидев, что скачет к нему на белом коне Сиддхартха, а воздух вокруг него потрескивает и пахнет озоном:

— Нет, Бич! Умерь свою силу! Моя смерть принадлежит Яме...

— Глупый демон! — откликнулся Сэм. — Не надо было...

Но Тараки уже не было.

Яма, упав рядом с Брахмой на колени, затягивал жгут вокруг того, что осталось у павшего бога от левой руки.

— Кали! — звал он. — Не умирай! Ответь мне, Кали!

Брахма судорожно втянул воздух, глаза его на миг приоткрылись, но тут же закрылись вновь.

— Слишком поздно, — пробормотал Ниррити.

Он повернул голову и посмотрел на Яму.

— Или, скорее, как раз вовремя. Ведь ты же Азраил, не так ли? Ангел Смерти...

Яма ударил его ладонью по лицу, и полоса крови из его руки осталась на лице у Черного.

— «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное, — сказал Ниррити. — Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Яма еще раз ударил его.

— «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...»

— «И блаженны миротворцы, — перебил Яма, — ибо они будут наречены сынами Божьими». Где ты найдешь здесь место для себя, Черный? Чей сын ты, что сотворил все это?

Ниррити улыбнулся и сказал:

— «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

— Ты безумец, — сказал Яма, — и поэтому я не буду лишать тебя жизни. Подыхай сам когда придет твое время. Его уже недолго ждать.

И, подняв с земли Брахму, он направился с ним на руках в сторону города.

— «Блаженны вы, когда будут поносить вас, — продолжал Ниррити, — и гнать и всячески неправедно злословить за Меня...»

— Воды? — спросил Сэм, доставая флягу и приподнимая голову Ниррити.

Ниррити взглянул на него, облизнул губы и слабо кивнул. Сэм влил ему в рот немного воды.

— Кто ты? — спросил умирающий.

— Сэм.

— Ты? Ты вновь восстал?

— Это не в счет, — промолвил Сэм. — Я тут, в общем-то, ни при чем.

Слезы наполнили глаза Черного.

— Значит, победа будет за тобой, — выдавил он из себя. — Не могу понять, как Он допустил такое...

— Это лишь один из миров, Ренфрю. Кто знает, что происходит на других? И к тому же это отнюдь не та борьба, в которой я хотел бы победить, ты же знаешь. Мне жаль тебя и жаль, как все сложилось. Я согласен со всем, что ты сказал Яме, согласны с этим и все последователи того, кого они называли Буддой. Я уже и не припомню, был ли им я сам, или же это был кто-то иной. Но теперь я ухожу от него. Я опять стану человеком, и пусть люди сохраняют того Будду, который есть у них в сердце. Каким бы ни был источник, послание было чистым, верь мне. Только поэтому оно обрело корни и разрослось.

Ренфрю сделал еще один глоток.

— «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые», — сказал он. — Воля превыше моей положила, чтобы умер я на руках у Будды, положила

миру сему такой путь... Даруй мне свое благословение, Гаутама, ибо я умираю...

Сэм опустил голову.

— Ветер мчит на юг и вновь возвращается на север. Весь мир — круговращение, и следует ветер его круговороту. Все реки текут в море, и однако море не переполняется. К истоку рек возвращаются вновь их воды. То, что было, это то, что будет; то, что свершено, будет свершено. Нет воспоминаний о бывшем, и не будет воспоминаний о том, что будет с теми, кто придет позже...

И он накрыл Черного своим белым плащом, ибо тот был мертв...

Яна Ольвегга принесли в город на носилках. Сэм сразу же послал за Куберой и Нарадой, чтобы они встречали его в Палате Кармы, ибо ясно было, что в нынешнем своем теле Ольвегту долго не протянуть.

Когда они вошли в Палату, Кубера споткнулся о мертвое тело, лежавшее чуть ли не на пороге.

— Кто это? — спросил он.

— Один из Хозяев.

Тела еще троих служителей желтого колеса лежали в коридоре, ведущем к центральным передатчикам. Все трое были вооружены.

Еще одного обнаружили уже у самых машин. Выпад неведомого клинка пришелся точно в центр желтого круга у него на груди, отчего он стал похож на использованную мишень. Из открытого рта так и не успел вырваться предсмертный вопль.

— Уж не горожан ли рук это дело? — спросил Нарада. — С каждым годом к Хозяевам относились все хуже и хуже. Должно быть, в горячке битвы...

— Нет, — возразил Кубера, приподняв покрытую пятнами крови простыню, прикрывавшую лежавшее на операционном столе тело. Поглядев на него, он вновь расправил полотнище.

— Нет, это не горожане.

— Кто же тогда?

Он вновь посмотрел на стол.

— Это Брахма, — объяснил он.

— О!

— Кто-то, вероятно, заявил Яме, что не даст ему использовать машины для переноса.

— Ну а где тогда Яма?

— Понятия не имею. Но мы должны поспешать, если собираемся обслужить Ольвегга.

— Да. Вперед!

Высокий юноша явился во Дворец Камы и спросил Господина Куберу. На плече у него ослепительно сверкало копье, когда он нетерпеливыми шагами мерил в ожидании комнату.

Кубера вошел, смерил взглядом копье, юношу и сказал всего одно короткое слово.

— Да, это Так, — ответил копейщик. — Новое копье, новый Так. Больше нет надобности в обезьяне, и я вновь стал человеком. Я скоро уйду... и я пришел попрощаться — с тобой и Ратри...

— Куда ты направляешься, Так?

— Я хочу повидать остальной мир, Кубера, пока тебе не удалось замеханизировать всю его магию.

— Этот день всегда маячит где-то за горизонтом, Так. Оставайся здесь подольше...

— Нет, Кубера. Благодарю тебя, но капитан Ольвегг подгоняет со сборами. Мы отправляемся вместе.

— А куда вы собираетесь направиться?

— На восток, на запад... кто знает? Куда глаза глядят... Скажи-ка, Кубера, а кому теперь принадлежит громовая колесница?

— Исходно она, конечно, принадлежала Шиве. Но Шивы больше нет. Какое-то время ею пользовался Брахма...

— Но нет больше и Брахмы. Впервые обходятся без него Небеса, где правит, сохраняя, Вишну. Итак...

— Ее построил Яма. Если она принадлежит кому-то, то, наверно, ему...

— А ему она не нужна, — подытожил Так. — Так что я думаю, мы с Ольвеггом можем воспользоваться ею для нашего путешествия.

— А почему ты думаешь, что она ему не нужна? Ведь никто не видел Яму за все три дня, прошедшие после битвы...

— Привет, Ратри, — перебил Так, завидя вошедшую в комнату богиню Ночи. — «Храни же нас от волка и волчицы, храни от вора нас, о Ночь, и дай же нам продлиться».

Он поклонился, и она коснулась рукой его чела.

И он взглянул ей в лицо, и на один ослепительный миг богиня переполнила обширное пространство — и в глубину, и в вышину. Сияние ее развеяло мрак...

— Мне пора идти, — сказал он. — Спасибо, спасибо тебе за благословение.

Он быстро повернулся и вышел из комнаты.

— Подожди! — крикнул Кубера. — Ты говорил о Яме. Где он?

— Ищи его в таверне Трехголовой Огнеквочки, — бросил через плечо Так, — если тебе это нужно. Может, было бы лучше подождать, пока он сам не станет тебя искать.

И Так ушел.

Подходя к Дворцу Камы, Сэм увидел, как по лестнице оттуда сбегает Так.

— Доброго тебе утра, Так! — окликнул он юношу, но тот не отвечал, пока чуть ли не наткнулся прямо на Сэма. Тогда он резко остановился и прикрыл рукой глаза, будто от солнечного света.

— Сэр! Доброе утро.

— Куда ты так спешишь? Невтерпеж испробовать свое новое тело?

Так хмыкнул.

— Да, Князь Сиддхартха. У меня рандеву с приключением.

— Слышал об этом. Вчера вечером я беседовал с Ольвеггом... Желаю тебе в путешествии удачи.

— Я хотел сказать тебе, — промолвил Так, — что я был уверен в твоей победе. Я знал, что ты отыщешь решение.

— Это не было, как ты говоришь, решение, нет, просто решеньице, так себе, ничего особенного, Так. И небольшое сражение. Все можно было провернуть и без меня.

— Я имею в виду, — уточнил Так, — все сразу. Ты участвовал буквально во всем, что к этому привело. Ты должен был быть там.

— Полагаю, что так... да, я и в самом деле так считаю... Всегда что-то притягивало меня к тому дереву, в которое готовилась ударить молния.

— Судьба, сэр.

— Боюсь, что скорее случайно прорезавшаяся социальная совесть и счастливый дар ошибаться.

— Что ты собираешься делать теперь, Князь?

— Не знаю, Так. Я еще не решил.

— Может, составишь компанию мне и Ольвеггу? Пространствуешь по свету вместе с нами? Поищешь приключений?

— Спасибо, нет. Я устал. Быть может, я испрошу себе старую твою работу и стану Сэмом от Архивов.

Так хмыкнул еще раз.

— Сомневаюсь. Я еще увижу тебя, Князь. Так что — до свидания.

— До свидания... Что-то...

— Что?

— Ничего. На какой-то миг ты напомнил мне об одном человеке, которого я когда-то знал. Пустое. Удачи!

Он хлопнул его по плечу и пошел дальше.

Так поспешил прочь.

Хозяин сказал Кубере, что и вправду у него остановился подходящий под описание постоялец, он снял заднюю комнату на втором этаже, но вряд ли захочет он кого-либо видеть.

Кубера поднялся на второй этаж.

На стук в дверь никто не ответил, и Кубера попытался ее открыть.

Изнутри дверь была заперта на засов, и он начал в нее колотить.

На это наконец раздался голос Ямы:

— Кто там?

— Кубера.

— Уходи.

— Нет. Открой, я не уйду отсюда, пока ты не откроешь.

— Ну хорошо, погоди минуту.

И Яма отодвинул засов; дверь приоткрылась внутрь на несколько дюймов.

— Алкоголем от тебя не пахнет, наверно, ты подцепил девку, — заявил Кубера.

— Нет, — сказал Яма, глядя на него. — Что тебе нужно?

— Выяснить, что тут не в порядке. Помочь, если смогу.

— Не можешь, Кубера.

— Почем ты знаешь? Я тоже, как и ты, недурной ремесленник, — иного типа, конечно.

Яма поразмыслил и, отступив в сторону, распахнул дверь.

— Заходи, — сказал он.

На полу перед грудой всякой всячины сидела совсем юная девушка. Еще почти ребенок, она крепко прижимала к себе коричневого с белыми пятнами щенка и смотрела на Куберу широко раскрытыми испуганными глазами, пока он не улыбнулся и не сделал успокаивающий жест.

— Кубера, — сказал Яма.

— Ку-бра, — сказала девушка.

— Это моя дочь, — сказал Яма. — Ее зовут Мурга.

— Я никогда не знал, что у тебя есть дочь.

— Она отстает в развитии. Мозговая травма...

— Врожденная или в результате переноса? — спросил Кубера.

— Результат переноса.

— Ясно.

— Она моя дочь, — повторил Яма. — Мурга.

— Да, — сказал Кубера.

Яма встал на колени рядом с ней и поднял с пола кубик.

— Кубик, — сказал он.

— Кубик, — сказала девушка.

Он взял ложку.

— Ложка, — сказал он.

— Ложка, — сказала девушка.

Он поднял мяч и показал его ей.

— Мяч, — сказал он.

— Мяч, — сказала она.

Он опять взял кубик и показал его ей.

— Мяч, — повторила она.

Яма выронил кубик.

— Помоги мне, Кубера, — сказал он.

— Помогу, Яма. Если есть какой-то способ, мы отыщем его.

Он уселся рядом с ними и поднял руки вверх.

Ложка тут же ожила, одушевленная ложка-востью, мяч исполнился мяч-ности, кубик — кубик-овости, и девочка рассмеялась. Даже щенок, казалось, внимательно изучал предметы.

— Локапалы непобедимы, — сказал Кубера, а девочка подняла кубик и долго-долго разглядывала его, прежде чем назвать.

Как известно, Владыка Варуна вернулся после Хайпура в Небесный Град. Примерно тогда же начала отмирать система небесного чинопродвижения. Властителей Кармы сменили Смотрители Переноса, а функции их отделены были от Храмов. Заново изобретен был велосипед. Возведено семь буддистских святынь. Во дворце Ниррити разместились художественная галерея и Павильон Камы. Продолжал ежегодно праздноваться Фестиваль в Алундиле, и не было равных его танцорам. Не исчезла и пурпурная роща, о которой с любовью заботились правоверные.

Кубера остался с Ратри в Хайпуре. Так с Ольвегом отправились в громовой колеснице странствовать в поисках неведомой судьбы по свету. На Небесах правил Вишну.

Те, кто молился семерым риши, возносили им благодарности за велосипед и за своевременную аватару Будды, за Майтрею, что означает Князь Света; звали его так то ли за то, что мог он разбрасывать молнии, то ли за то, что старался он этого не делать. Другие продолжали звать его Махасаматман и утверждали, что он бог. Он, однако, по-прежнему предпочитал

опускать громкие Маха- и -атман и продолжал звать себя просто Сэмом. Никогда не провозглашал он себя богом. С другой стороны, и не отказывался, конечно, от этого. В сложившихся условиях ни то, ни другое не сулило ему никакой выгоды. К тому же и не оставался он среди людей достаточно долго, чтобы дать пищу сложным теологическим хитросплетениям. О днях же его ухода рассказывают несколько противоречивых историй.

Одна деталь присутствует во всех этих легендах: однажды в сумерках, когда скакал он на лошади вдоль реки, слетела к нему невесть откуда большая красная птица, и был хвост ее втрое длиннее остального тела.

И еще до рассвета покинул он Хайпур, и больше его никто никогда не видел.

И вот утверждают одни, что чистым совпадением было появление птицы и его отбытие и ничем они не связаны. И ушел он в поисках покоя, даруемого шафранной рясой, ибо исполнил уже все, ради чего возвращался в мир, и успел устать от шума и молвы, сопутствовавших его победе. Быть может, птица просто напомнила ему о преходящести всего яркого и блестящего. А может и нет, если он уже принял тогда свое решение.

Другие говорят, что не надел он более рясы, а птица была посланником Сил Превыше Жизни, призвавшим его вернуться назад к покою нирваны, вновь познать Великий Покой, нескончаемое блаженство, услышать песни, которые поют звезды на берегу великого океана. Они говорят, что перешел он через Мост Богов. Они говорят, что он не вернется.

Другие говорят, что стал он новой личностью и до сих пор странствует среди рода людского, оберегая и помогая ему в дни смуты, оберегая простой люд от угнетения пришедших к власти.

Некоторые утверждают, что и вправду была птица посланцем, но не из другого мира, а все из этого же, и что послание несла она не ему, а обладателю Громоваджры, Богу Индре, который, как известно, посмотрел в глаза Смерти. Никто никогда не виды-

вал до тех пор подобных птиц, хотя, как стало теперь известно, обитают их сородичи на восточном континенте, там, где вел Индра войны с ведьмами. Если была в пламенеющей головке птицы искорка разума, могла она принести из далекой страны послание о помощи. А надо вспомнить, что Леди Парвати, которая была когда-то Сэму то ли женой, то ли матерью, сестрой или дочерью, а может — всеми ими сразу, ускользнула туда с Небес, когда взглянули на них призрачные кошки Канибуррхи, чтобы жить среди тамошних колдуний, считала она которых своей родней. Если принесла птица такую весть, то не сомневаются сказители этой истории, что тут же отправился он на восточный континент, чтобы оберечь ее от любой грозящей ей напасти.

Таковы четыре версии истории о Сэме и Красной Птице, Которая Возвестила Его Уход, — как рассказывают ее моралисты, мистики, социальные реформаторы и романтики. Каждый может, осмелюсь я добавить, выбрать из них подходящую себе версию. Единственное, о чем действительно он должен помнить, — это достоверный факт, что на западном континенте подобные птицы не обнаружены, хотя они, по-видимому, достаточно многочисленны на восточном.

Примерно через полгода покинул Хайпур и Яма-Дхарма. Ничего особенного не известно о его уходе, и большинство считает это вполне достаточной информацией. Свою дочь Мургу он оставил на попечение Ратри и Кубере, и она выросла в женщину поразительной красоты. Возможно, он отправился на восток и, может быть, даже переправился через море. Ибо бытует где-то в чужих краях легенда о том, как выступил Некто в Красном против объединенной мощи Семи Князей Комлата в краю ведьм. Но достоверно знаем мы об этом не больше, чем об истинном конце Князя Света.

Но взгляни вокруг себя...

Всегда, везде и всюду — Смерть и Свет, они растут и убывают, спешат и ждут; они внутри и снаружи Грезы Безымянного, каковая — мир; и выжигают

они в сансаре слова, чтобы создать, быть может, нечто дивно прекрасное.

А пока облаченные в шафранные рясы монахи продолжают медитировать о пути света; и каждый день ходит девушка по имени Мурга в Храм, чтобы положить перед темным силуэтом внутри святилища то единственное подношение, которое он согласен принять, — цветы.

СОДЕРЖАНИЕ

Порождения света и тьмы (*Пер. В. Лапицкого*) 5
Джек-из-Тени (*Пер. Е. Александровой*) 167
Князь Света (*Пер. В. Лапицкого*) 323

Литературно-художественное издание

РОДЖЕР ЗИЛАЗНИ

ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

Перевод с английского
В. Лапицкого и Е. Александровой

Ответственный редактор *Г. Белов*
Художник *П. Бороденец*
Художественный редактор *В. Меньшиков*
Технический редактор *Е. Капитонова*
Вёрстка *О. Колегова*
Корректор *Т. Андрианова*
Компьютерное обеспечение *С. Арефьев*
Техническое обеспечение *С. Недоводин*

Руководитель проекта *М. Крютченко*
Главный редактор *В. Назаров*
Директор издательства *Н. Буций*

Подписано к печати с оригинал-макета 01.09.92.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 31,9. Тираж 100 000 экз. Изд. № 65.
Заказ 1940.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

«Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

Роджер ЗИЛАЗНИ

fantasy

Порождения Света и Тьмы
Джек-из- Тени
Князь Света

·Северо-Запад·

Роджер ЗИЛАЗНИ